

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă vol. IX nr. 1

**Omagiu domnului Valentin DERGACIOV
cu ocazia împlinirii a 70 de ani**

CHIȘINĂU 2013

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef / Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Roman Croitor** (Chișinău), dr. hab. **Valentin Dergaciiov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, mem. cor. al Academiei Române (Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, acad. al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție – **Larisa Ciobanu**

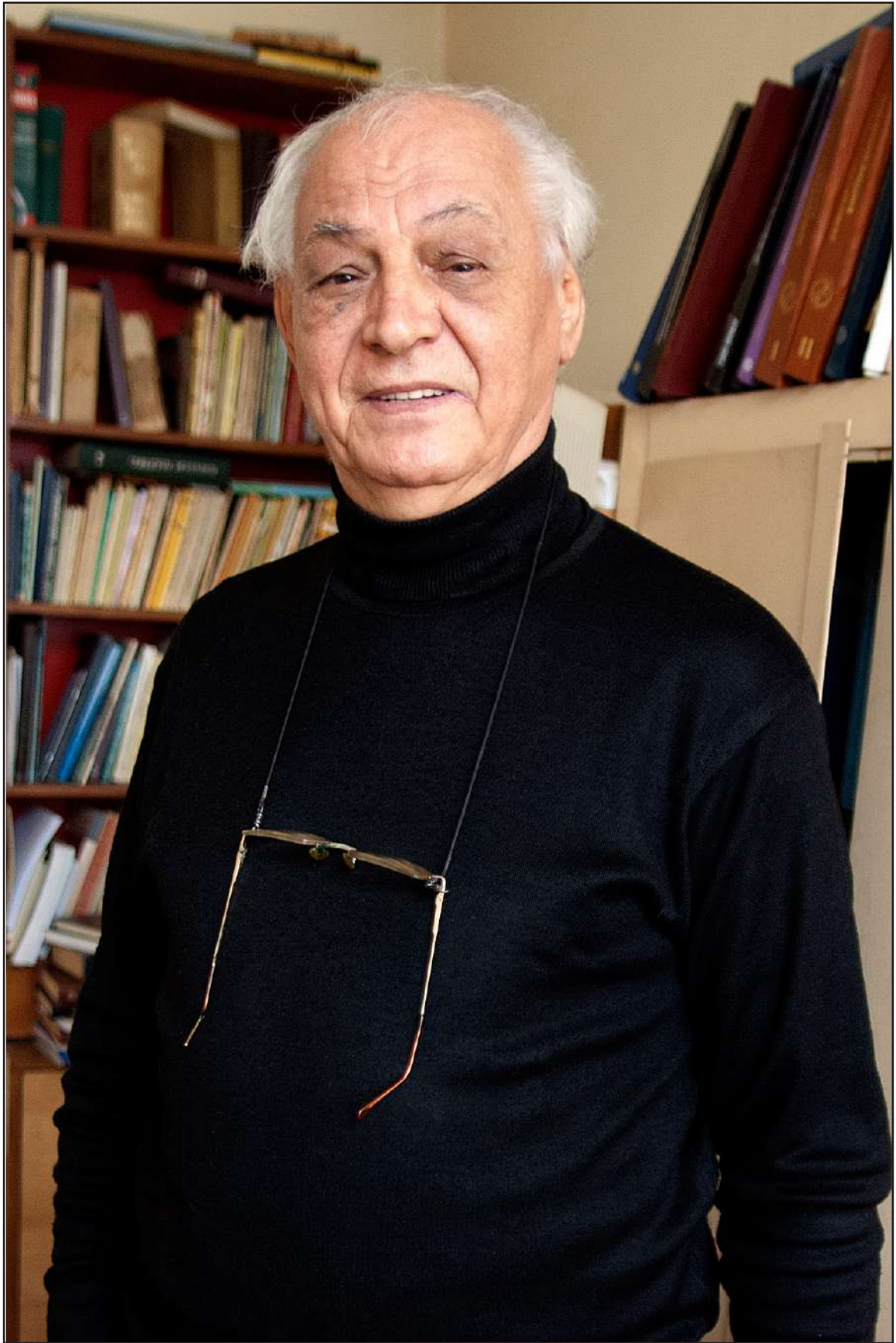
Prelucrarea materialului ilustrativ – drd. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

Felicitari	5
Tabula Gratulatoria	7
Colaj foto V.A. Dergaciov în timp și spațiu	8
Lista publicațiilor dlui dr.hab. Valentin Dergaciov	12
Лев Клейн (Санкт-Петербург) . В споре и дружбе: Валентину 70	19
Вера Балабина (Москва) . Серпенты и люди: специфика отождествлений в неолите–энеолите Анатолии и Южной Европы	21
Dumitru Boghian (Suceava), Sergiu-Constantin Enea (Târgu Frumos) . The Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex – between the West and the East	30
Наталья Бурдо (Киев) . К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры	48
Nicolae Ursulescu (Iasi) . Questions soulevés par les sceptres prehistoriques recemment publiés en Roumanie	54
Сергей Рыжов, Валентина Шумова (Киев) . Культурная постройка поселения Коновка-Пуцута и некоторые религиозные представления трипольского населения Пруто-Днестровского региона	64
Дмитрий Черновол (Киев) . Постройки петренской локальной группы	72
Михаил Видейко (Киев) . Исследования микрохронологии крупных трипольских поселений	88
Александр Дяченко (Киев) . Палеодемографические реконструкции Кукутень-Трипольского населения: современное состояние, проблемы и перспективы	98
Сергей Пивоваров, Николай Илькив (Черновцы) . Палеометаллические изделия с Буковины: неопубликованные материалы	108
Cristian Schuster (București) . Landscape and demographic dynamics in Southern Romanian Bronze Age. The larger Lower Argeș Basin	117
Дмитрий Куштан (Симферополь-Черкассы) . Ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья	131
Bogdan P. Niculică, Vasile Budui, Daniela Popescu, Liviu Popescu (Suceava), Ioan Ignat (Botoșani) . The Komariv (Komarów) settlement of Adâncata–Sub Pădure (Adâncata commune, Suceava county). Archaeological researches and habitat conditions	144
Николай Малов (Саратов) . Парное погребение семейного типа из кургана 35 Покровской группы ранней фазы эпохи поздней бронзы Волго-Уральского очага культурогенеза	156
Еуджен Савва (Кишинэу), Николаус Бороффка (Берлин) . Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье	166
Яков Гершкович, Валентин Панковский (Киев), Анатолий Шамрай (Славянск) . Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина)	188
Василий Полтавец (Чигирин) . Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья)	198
Jan Chochorowski (Kraków) . Scythian quiver (gorytos?) from the Býčí skála cave in Moravia	221
Виктория Колесникова, Анна Яненко (Киев) . Украинско-молдавские археологические исследования 30-40 годов XX столетия: планы и реализация	227
Alexandra Comșa (București) . Anthropological data regarding the Hallstatt skeletons discovered in the Tumulus III from Trinca-Drumul Feteștilor, Republic of Moldova	236
LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	252

Multstimat Domnule DERGACIOV!

La cea de-a 70 aniversare, putem sa spunem ferm că arheologia este destinul Dumneavoastră. Ați trecut cu brio prin școala teoretică a Catedrei de Arheologie a Universității din Leningrad/ Sankt-Petersburg, ați absolvit cu succes cursurile de doctorat de la Institutul de Arheologie al Academiei de Științe din fosta URSS, susținând în 1978 teza de doctor în istorie și în 1989 pe cea de doctor habilitat în științe istorice. Ați devenit unul dintre cei mai recunoscuți specialiști în domeniul unui șir întreg de culturi arheologice din spațiul carpato-balcanic.

Aveți în spate o bogată experiență de cercetări arheologice de teren și drumul sinuos de la funcția de simplu laborant la cea de director al Institutului de Arheologie, apoi și al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei.

Sfera intereselor științifice ale Dumneavoastră este foarte largă, incluzând cercetarea culturilor din epoca neolitică și cea a bronzului, studiul procesului de indoeuropeanizare a comunităților culturale din Europa de Est și Centrală, examinarea problemelor controversate referitoare la antichitățile tracilor timpurii. În baza acestor elaborări au fost publicate o serie de lucrări, dintre care peste 20 de monografii și broșuri, editate în Moldova, Germania, România, Federația Rusă. Multe dintre tezele din cărțile Dumneavoastră au fost prezentate cu succes la conferințe științifice internaționale care au avut loc în Anglia, Italia, Germania, Belgia, Turcia, Cehia și alte țări.

Evoluția științei arheologice nu este posibilă fără o muncă meticuloasă, ce deseori pare de rutină. Studiarea colecțiilor uneltelor de metal din epoca bronzului, stocate în depozitele și vitrinele muzeelor din Republica Moldova, Ucraina, Federația Rusă, România, Bulgaria, Ungaria, Serbia, analiza lor minuțioasă din punct de vedere tipologic, statistic și tehnologic V-a permis ieșirea la nivelul elaborărilor de sinteză în domeniul paleometalurgiei în particular, iar în general – la cercetarea proceselor culturale în arealul Europei de Sud-Est, Est și Centrale. Analiza efectuată după examinarea la fel de detaliată a sceptorilor eneolitice de piatră V-a condus foarte aproape de rezolvarea problemei constituirii sistemului simbolic de atribute militare și ale puterii.

Pasiunea pentru ceea ce faceți – iată, probabil, trăsătura Dumneavoastră caracteristică, și noi știm că această calitate o apreciați în primul rând și la colegi. Cu susținerea nemijlocită și efectivă a Dumneavoastră mulți cercetători ai Institutului de Arheologie au urmat stagiile de specializare în mari centre științifice din Europa. Multă atenție acordați activității pedagogice, atât în Moldova, cât și peste hotarele ei – ați predat cursuri studenților de la universitățile din Berlin, Heidelberg, Cambridge, Liège, Kraków, Budapesta.

Pe parcursul activității științifice, ați popularizat constant cunoștințele arheologice preponderent în țară, dar și peste hotarele Republicii Moldova, prin diverse publicații, participare la emisiuni radio și TV, interviuri în presa scrisă, prin lecții publice ținute în timpul deplasărilor de serviciu.

La frumoasa Dumneavoastră aniversare colectivul Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei Vă felicită cordial și Vă urează multă sanatate, noi descoperiri și succese mari în munca științifică creatoare. Nu ne indoim de faptul că și pe viitor veți continua să ne bucurați și să ne surprindeți cu pasiunea și devotamentul deosebit pentru ocupația preferată – arheologia.

Arheologul Valentin DERGACIOV la 70 de ani

La data de 5 aprilie 2013 domnul dr. hab. Valentin Dergaciov, cercetător științific principal la Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, a împlinit vârsta de 70 de ani, peste 40 dintre care au fost dedicați arheologiei spațiului carpato-nistrean.

Valentin Dergaciov și-a început activitatea în domeniul arheologiei, ca și mulți alții, de la funcția de laborant în expediții. Ulterior, a fost angajat în statele Sectorului de Arheologie al Institutului de Istorie, reorganizat apoi în Secția de Etnografie și Studiul Artelor a Academiei de Științe a RSSM, reușind să susțină teza de candidat și pe cea de doctor în științe istorice la unul dintre cele mai prestigioase centre de pregătire a cadrelor științifice din fosta URSS – Filiala din Leningrad a Institutului de Arheologie al Academiei de Științe a URSS.

Din anul 1991 a devenit director al Institutului de Arheologie al AȘM, la conducerea căruia s-a aflat până în anul 2005. În 2006, drept rezultat al optimizărilor efectuate în cadrul AȘM, a fost numit director al Institutului Patrimoniului Cultural, funcție pe care a deținut-o până în anul 2010. În prezent este cercetător științific principal la Centrul de Arheologie al IPC.

Pe parcursul activității științifice savantul Valentin Dergaciov a descoperit și cercetat un număr impunător de situri arheologice; a întocmit numeroase rapoarte de săpătură; a publicat peste 130 de lucrări științifice, inclusiv 19 monografii, 2 broșuri, 28 materiale de sinteză, 52 articole, 38 materiale ale comunicărilor științifice; a beneficiat de stagieri de lungă durată în Anglia (1989), Germania (1991), Belgia (1994) și în alte țări; a participat la numeroase întruniri științifice internaționale, devenind unul dintre specialiștii notorii din domeniul arheologiei și preistoriei Europei de Est și Sud-Est.

Recunoașterea la nivel internațional s-a manifestat prin alegerea sa ca membru al Consiliului al 13-lea al Uniunii Internaționale de Studii Pre- și Protoistorice (Paris), al Asociației Europene de Arheologie (Londra–Sauptgenten), al Consiliului Internațional de Studii Balcanice (Chișinău–Paris); prin desemnarea ca referent al mai multor teze de doctor și doctor habilitat susținute la Kiev, Sankt Petersburg, București, Iași etc.

La nivel național a fost desemnat președinte al Consiliului științific specializat DH 22.07.00.07 din cadrul IPC, președinte al Consiliului științific specializat DH 22.07.00.07-02 din cadrul IPC, membru al Consiliului științific al IPC, membru al colegiilor de redacție ale revistelor *Revista Arheologică* și *Stratum plus* (Chișinău), redactor științific al volumelor de sinteză *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică* (Chișinău, 2010); *Moldovenii* (Moscova, 2010). Rezultatele cercetărilor sale în domeniul socio-umanistic au fost apreciate prin câteva distincții de stat și academice: Medalia „Meritul civic” (1996); Ordinul „Gloria Muncii” (2006); Premiul AȘM (2008); Medalia „Dimitrie Cantemir” a AȘM (2010).

Ținând cont de cele menționate și cu ocazia jubileului, Centrul de Arheologie al IPC a considerat binevenită editarea *In honorem Valentin Dergaciov* a unei culegeri de studii și materiale referitoare la eneoliticul, epoca bronzului și prima epocă a fierului din Europa de Sud-Est și de Est, inițiativă susținută de mai mulți specialiști din țară și din străinătate. Volumul de față reunește, cu precădere, contribuții ale autorilor din România, Ucraina, Federația Rusă, Polonia, Germania, cărora le aducem sincere mulțumiri și pe această cale.

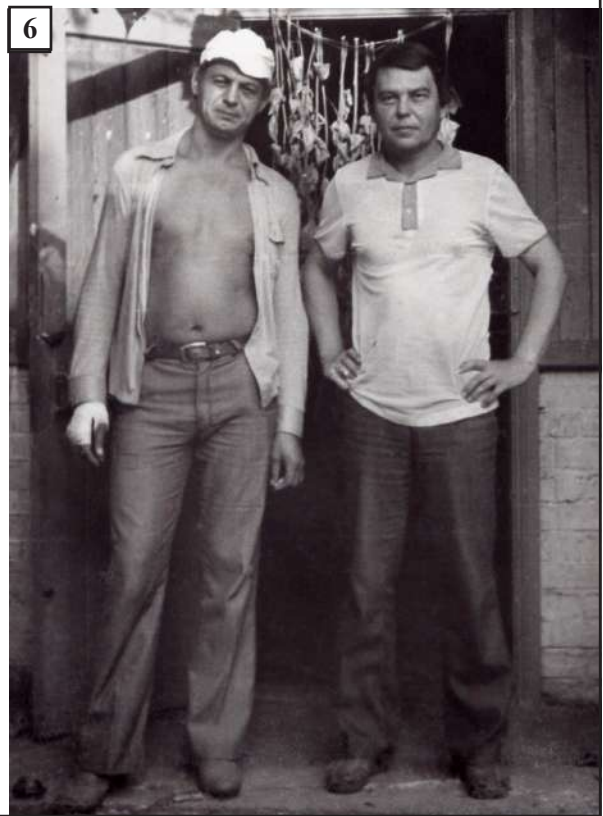
Urărilor colectivului Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural de mulți ani, sănătate și noi frumoase realizări științifice se alătură și un șir întreg de personalități marcante din domeniul arheologiei sau al științelor conexe, numele cărora sunt trecute în Tabula Gratulatoria.

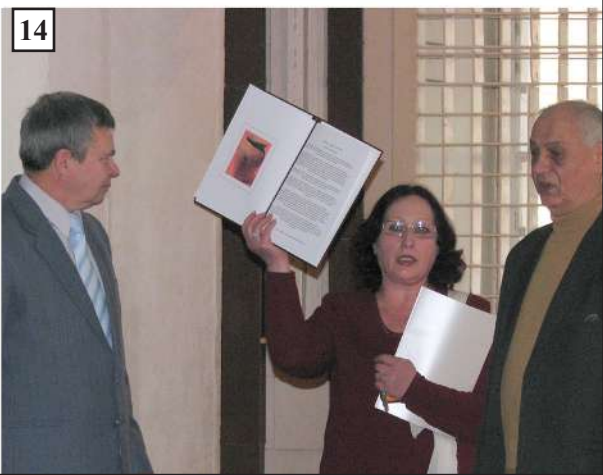
Oleg Levițki

TABULA GRATULATORIA

Serghei AGULNICOV (*Chişinău*)
Stefan ALEXANDROV (*Sofia*)
Ludmila BACUMENCO (*Chişinău*)
Vera BALABINA (*Moscova*)
Vadim BOCHKAREV (*Sankt-Petersburg*)
Sergiu BODEAN (*Chişinău*)
Larisa BOGATAIA (*Chişinău*)
Dumitru BOGHIAN (*Suceava*)
Nicolaus BOROFFKA (*Berlin*)
Vasile BUDUI (*Suceava*)
Natalia BURDO (*Kiev*)
Vitalie BURLACU (*Chişinău*)
Ion CEBAN (*Chişinău*)
Dmitrii CHERNOVOL (*Kiev*)
Jan CHOCHOROWSKI (*Krakow*)
Larisa CIOBANU (*Chişinău*)
Alexandra COMŞA (*Bucureşti*)
Serghei COVALENCO (*Chişinău*)
Roman CROITOR (*Chişinău*)
Serghei CURCEATOV (*Chişinău*)
Lilia DERGACIOVA (*Chişinău*)
Viktor DERZHAVIN (*Moscova*)
Alexandr DIACHENKO (*Kiev*)
Sergiu ENEA (*Târgu Frumos*)
Jakob GERSHKOVICH (*Kiev*)
Vasile HAHEU (*Chişinău*)
Svend HANSEN (*Berlin*)
Sergiu HEGHEA (*Chişinău*)
Vasile IARMULSCHI (*Chişinău*)
Ioan IGNAT (*Botoşani*)
Nicolai IL'KIV (*Cernăuţi*)
Ana JANENKO (*Kiev*)
Carol KACSO (*Baia Mare*)
Maia KASHUBA (*Sankt-Petersburg*)
Lev KLEIN (*Sankt-Petersburg*)
Victoria KOLESNIKOVA (*Kiev*)
Alexei KORVIN-PIOTROVSKII (*Kiev*)
Dmitrii KUSHTAN (*Simferopol-Cherkassy*)
Olga LARINA (*Chişinău*)

Gheorghe LAZAROVICI (*Cluj-Napoca*)
Oleg LEVIŢKI (*Chişinău*)
Nicolai MALOV (*Saratov*)
Tatiana MISHINA (*Moscova*)
Natalia MATEEVICI (*Chişinău*)
Sergiu MATVEEV (*Chişinău*)
Octavian MUNTEANU (*Chişinău*)
Sergiu MUSTEAŢĂ (*Chişinău*)
Andrei NICIC (*Chişinău*)
Vasil NIKOLOV (*Sofia*)
Bogdan NICULICĂ (*Suceava*)
Ion NICULIŢĂ (*Chişinău*)
Valentin PANKOVSKII (*Kiev*)
Serghei PIVOVAROV (*Cernăuţi*)
Vasilii POLTAVEST (*Chigirin*)
Daniela POPESCU (*Suceava*)
Liviu POPESCU (*Suceava*)
Gheorghe POSTICĂ (*Chişinău*)
Iurii RASSAMAKIN (*Kiev*)
Svetlana REABŢEVA (*Chişinău*)
Petre ROMAN (*Bucureşti*)
Serghei RYZHOV (*Kiev*)
Eugen SAVA (*Chişinău*)
Anatolii SHAMRAI (*Slaviansk*)
Valentina SHUMOVA (*Kiev*)
Christian SCHUSTER (*Bucureşti*)
Natalia SKAKUN (*Sankt-Petersburg*)
Ghenadie SÎRBU (*Chişinău*)
Ion TENTIUC (*Chişinău*)
Tudor STAVILĂ (*Chişinău*)
Veaceslav STEPANOV (*Chişinău*)
Nicolai TELNOV (*Chişinău*)
Ion URSU (*Chişinău*)
Nicolae URSULESCU (*Iaşi*)
Eugen UŞURELU (*Chişinău*)
Mihail VIDEIKO (*Kiev*)
Vlad VORNIC (*Chişinău*)
Lilia ZABOLOTNAIA (*Chişinău*)
Aurel ZANOCI (*Chişinău*)

V.A. Dergaciov în timp și spațiu

1. Costești, 1966.	15. Balabanu, 1980.
2. Calfa, 1962.	16. Balabanu, 1980.
3. Glinca, 1966.	17. Balabanu, 1980.
4. Trebujeni, 1968.	18. Albota de Sus, 1984.
5. Glinca, 1966.	19. Chișinău, 1982.
6. Krasnodar, 1981.	20. Chișinău, 2006.
7. Chișinău, 2007.	21. Chișinău, 2007.
8. Egipt, Karnak, 2005.	22. Chișinău, 2008.
9. Egipt, Cairo, 2005.	23. Chișinău, 2012.
10. Egipt, Valea Regilor, 2005.	24. Chișinău, 2013.
11. Egipt, Cairo, 2005.	25. Trinca, 2011.
12. Chișinău, 2013.	26. Trinca, 2011.
13. Trinca, 2011.	
14. Trinca, 2011.	

LISTA LUCRĂRILOR PUBLICATE

ale dlui **Valentin DERGACIOV**, doctor habilitat în științe istorice

Monografii

1. **Памятники эпохи бронзы.** Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 3. Кишинев: Штиинца, 1973, 126 с.
2. **Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья.** Кишинев: Штиинца, 1975, 96 с.
3. **Выхватинский могильник.** Кишинев: Штиинца, 1978, 76 с.
4. **Памятники позднего Триполья (опыт систематизации).** Кишинев: Штиинца, 1980, 205 с.
5. **Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.).** Кишинев: Штиинца, 1982, 140 с.
6. **Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы.** Кишинев: Штиинца, 1986, 222 с.
7. **Рошканские курганы.** Кишинев: Штиинца, 1989, 74 с. (соавторы И.А. Борзияк, И.В. Манзура).
8. **Погребальные комплексы позднего Триполья.** Кишинев: Штиинца, 1991, 334 с.
9. **Bestattungkomplexe der späten Tripolje-Kultur.** In: Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 45. Mainz am Rhein, 1991, 108 S., 119 Taf.
10. **Institutul de Arheologie și Istorie Veche/ Institute of Archaeology and Ancient History.** Chișinău: Știința, 1992, 60 p. Broșură.
11. **Culturi din epoca bronzului în Moldova.** Chișinău: Știința, 1994, 74 p.
12. **Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона.** Кишинэу, 1997, 104 с.
13. **Кэрбунский клад.** Кишинэу, 1998, 120 с.
14. **Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien.** In: Prähistorische Bronzefunde XX. B.9. Stuttgart, 2001, 251 S., 134 Taf.
15. **Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы.** Кишинев, 2002, 346 с. (соавтор В.С. Бочкарев).
16. **О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас.** In: Revista Arheologică. SN. Vol. I, nr. 2, Chișinău, 2005, p. 6-166.
17. **Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est.** Iași: Golia, 2006. 540 p. (coautor V. Bochkarev).
18. **О скипетрах, о лошадях, о войне.** Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007, 487 p.
19. **Institutul Patrimoniului cultural al AȘM.** Chișinău: Epigraf, 2008. 127 p. (coautor T. Stăvilă)
20. **Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып 1. Одношковые кельты с арковидными фасками.** Кишинэу, 2010. 207 с.
21. **Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья.** Кишинэу, 2011. 459 с.

.....

1964

1. **Раннеславянское селище “Старые Малаешты”.** В: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, с. 221-228 (соавтор П.П. Бырня).

1966

2. **Археологические разведки в долине реки Ишновец.** В: Сборник работ молодых ученых АН Молдавской ССР. Кишинев, 1966, с. 244-250.

1967

3. **Поселение бронзового века у с. Слободка Ширеуцы.** В: Материалы V конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1967, с. 48-49.

1968

4. **Антропоморфная стела бронзового века из Молдавии.** В: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 169 -172.

1969

5. **К вопросу о металлообработке в эпоху бронзы в Пруто-Днестровском междуречье.** В: Труды Государственного историко-краеведческого музея. Вып. II. Кишинев, 1969, с. 88-90.
6. **Клад бронзовых орудий из коллекции Сорокского музея.** В: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 123-127 (соавтор З.А. Грекул).
7. **Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы.** В: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 110-122.

1970

8. **Изучение памятников бронзового века Молдавии.** В: Археологические открытия 1969 года. Москва, 1970, с. 352.

1971

9. **Исследование памятников бронзы и раннего железа в Молдавии.** В: Археологические открытия 1970 года. Москва, 1971, с. 359-360 (соавторы В.Л. Лапушнян, А.И. Мелюкова).
10. **К вопросу о социологической интерпретации Позднетрипольских могильников.** В: Тезисы III Региональной студенческой археолого-этнографической конференции вузов Северо-Запада СССР. Рига, 1971, с. 26-28.

1972

11. **Клад конца бронзового века из Молдавии.** В: Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг. Кишинев, 1972, с. 65-87.

1973

12. **Позднетрипольские поселения у с. Гординешты.** В: Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг. Кишинев, 1973, с. 90-100.

1974

13. **Позднетрипольские курганы Тираспольщины (по раскопкам И.Я. и Л.П. Стемповских).** В: Археологические исследования в Молдавии в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 249-267.

1975

14. **К вопросу о консолидации позднетрипольских племен.** В: Новейшие открытия советских археологов (тезисы научной конференции). Часть I. Киев, 1975, с. 74-75 (соавтор В.А. Круц).

15. **Могильник многоваликовой культуры у с. Данчены.** В: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (Тезисы докладов). Киев, 1975, с. 68-69 (соавтор В.М. Дунявина).
16. **К вопросу о генетическом и территориальном соотношении позднетрипольских памятников.** В: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (Тезисы докладов). Киев, 1975, с. 41-42.

1976

17. **Класифікація кераміки і відносна хронологія поховань Вихватинського могильника.** В: Археологія. Вып. 19. Київ, 1976, с. 45-56.

1977

18. **Рецензия. Die prähistorische Ansiedlung auf dem Wietenberg die Sighisoara-Schässburg. Bonn, 1971.** В: Археологія. 17. Київ, 1977, с. 107-109 (соавтор Л.С. Клейн).
19. **Исследования Данченского могильника.** В: Археологические открытия 1976 года. Москва, 1977, с. 457-458 (соавторы И.А. Рафалович, В.Л. Лапушнян, В.С. Бейлекчи).

1978

20. **Раскопки на трипольском поселении Яблона I.** В: Археологические открытия 1977 года. Москва, 1978, с. 465 (соавтор И.А. Борзияк).
21. **Пізнньотрипільські могильники Данку в Молдавії.** В: Археологія. 28. Київ, 1978, с. 56-65.

1979

22. **Раннескифское погребение на Среднем Пруте.** В: Советская археология. № 3. Москва, 1979, с. 239-241.
23. **Бронзовый век.** В: Энциклопедический справочник МССР. Кишинев, 1979, с. 60-61.

1980

24. **Новый тип неолитических памятников в Молдавии.** В: Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980, с. 36-37 (соавтор И.А. Борзияк).

1981

25. **Раскопки в Данчанах и некоторые вопросы изучения памятников Триполья и катакомбной культуры.** В: Археологические исследования в Молдавии в 1974-1976 гг. Кишинев, 1981, с. 35-45.

1982

26. **Новые находки металлических предметов эпохи поздней бронзы на территории Молдавии.** В: Археологические исследования в Молдавии (1977-1978 гг.). Кишинев, 1982, с. 129-137.
27. **Археология (в Молдавии).** В: Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982, с. 24-25.
28. **Бронзовый век.** В: Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982, с. 79.

1983

29. **Раскопки 1980 г. на многослойном поселении Данчены I.** В: Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. Кишинев, 1983, с. 112-136 (соавторы О.В. Ларина, Г.И. Постикэ).
30. **Катакомбная культура в Днестровско-Прутском междуречье.** В: Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983, с. 128-151.
31. **Some Aspects of Early Bronze Age Funerary Customs in Thrace.** In: *Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpudeva*. 4. Sofia, 1983, p. 324-328 (coautor I. Panayotov).

1984

32. **Курганы у с. Гура-Быкулуй.** В: Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984, с. 3-36.
33. **Раскопки курганов у с. Медвежа.** В: Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984, с. 98-108 (соавтор Е.Н. Савва).
34. **Die Ockergrabkultur in Bulgarien.** In: *Studia Praehistorica*. 7. Sofia, 1984, p. 99-116 (coautor I. Panayotov).

1985

35. **Раскопки комаровских поселений у с. Котяла.** В: Археологические исследования в Молдавии (1981 г.). Кишинев, 1985, с. 64-82 (соавтор Е.Н. Савва).

1986

36. **О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли.** В: Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1. Кишинев, 1986, с. 54-65 (соавтор В.Я. Сорокин).

1987

37. **Древний каменный век. Становление первобытнообщинного строя.** В: История Молдавской ССР. Том 1. Кишинев, 1987, с. 11-22 (соавтор Н.А. Кетрару).

38. **Неолит и энеолит. Становление производящего хозяйства и расцвет родоплеменного строя.** В: История Молдавской ССР. Том 1. Кишинев, 1987, с. 39-45 (соавтор В.И. Маркевич).

39. **Эпоха бронзы. Начало разложения первобытнообщинного строя.** В: История Молдавской ССР. Том 1. Кишинев, 1987, с. 67-96.

40. **Периоды развития древнеземледельческих обществ Юго-Запада СССР.** В: Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху (Тезисы докладов). Ашхабад, 1987, с. 17-18 (соавтор О.В. Ларина).

1989

41. **Neolithic and Bronze Age cultural communities of the steppe zone of the USSR.** In: *Antiquity*. Vol. 63, nr. 241. Cambridge, 1989, p. 793-802.

1990

42. **Культурные общности неолита-бронзы степной зоны СССР.** В: Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Кишинев, 1990, с. 16-39.
43. **Zum Problem des Vordringens östlicher Stämme in den Karpatischen Donauraum vom Äneolithikum bis in die ältere Bronzezeit.** In: *Praehistorica*. XV-XVI. Internationales Symposium. Univerzita Karlova. Praha, 1989, S. 133-137.

1991

44. **Recent results of Neolithic research in Moldavia (USSR).** In: *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 10, nr. 1. Oxford, 1991, p. 1-16 (coautori A. Sherratt, O. Larina).

45. **Depozitul de bronzuri din satul Dancu.** In: *Thraco-Dacica*. Vol. XII, nr. 1-2. București, 1991, p. 39-55.

46. **Influences de type Vinca. Dans l'eneolithique ancien de Moldavie.** In: *Banatica*. 11. Reșița, 1991, p. 157-172 (coautor N. Ursulescu).

47. **К вопросу о понятии "контактная зона".** В: Археологические культуры и культурная трансформация. Ленинград, 1991, с. 76-87.

48. **Европейский компонент в контексте взаимосвязей Центрально- и Восточноевропейских общностей.** В: Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Ленинград, 1991, с. 55-58 (соавтор И.В. Манзура).

1992

49. **Курганы эпохи бронзы у с. Спя, района Анений Ной.** В: Археологические исследования в Молдавии (1986 г.). Кишинев, 1992, с. 88-104 (соавторы И.В. Манзура, Е.Н. Савва).
50. **О понятии “контактная зона”.** В: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Chişinău, 1992, с. 26-31.
51. **Zorii istoriei. Orînduirea comunei primitive.** In: Istoria Moldovei din cele mai vechi timpuri pînă în epoca modernă. Chişinău, 1992, p. 6-26.

1993

52. **Modeles d'établissements de la culture de Tripolie.** In: Prehistoire Europeenne. Vol. 5. Liege, 1993, p. 101-118.

1994

53. **Arheologia Republicii Moldova. Retrospectivă istorică.** In: Thraco-Dacica. Vol. XV, nr. 1-2. Bucureşti, 1994, p. 7-18.
54. **Epoca bronzului. Perioada timpurie.** In: Thraco-Dacica. Vol. XV, nr. 1-2. Bucureşti, 1994, p. 121-140.

1996

55. **Cultural relations between the Late Bronze and Early Hallstattian societies in the Carpathian-Danubian-Nord-Pontic region according to the data on metal artifacts.** In: The 7th. International Congress of Thracology. Bucureşti, 1996, p. 196-199.

1997

56. **Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы.** In: Vestigii Arheologice din Moldova. Chişinău, 1997, p. 62-100 (соавторы О. Ларина, К.-П. Вехлер, С. Коваленко, В. Бикбаев).
57. **Piese de metal - referințe la problema genezei culturilor Hallstattului timpuriu din regiunea Carpato-Danubio-Nordpontică.** In: Thraco-Dacica. Vol. XVIII, nr. 1-2. Bucureşti, 1997, p. 135-205.

1998

58. **Neue Forschungen zum Neolithikum Osteuropas Ergebnisse der moldowische-deutschen Geländearbeiten 1996 und 1997.** In: Prähistorische Zeitschrift. 73. H.2. Berlin – New York, 1998, S. 151-166 (coautori K.-P. Wechler, O. Larina).

59. **Kulturelle und historische Entwicklungen in Raum zwischen Karpaten und Dnepr.** In: Das Karpatenbecken und Die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archaologie in Südosteuropa. B. 12. München, 1998, S. 27-64.
60. **Палеоботанические исследования на поселении Сакаровка I.** In: Revista Arheologică. Vol. 2. Chişinău, 1998, p. 166-182 (соавторы Н.Н. Кузьминова, О.В. Ларина).
61. **Laudasio. Mr. Acad., Prof., Dr. Vadim M. Masson.** In: Buletin de Thracologie. Recherches paleobalkaniques et carpato-pontiques. IV. Mangalia, 1998, p. 240-243.

1999

62. **Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы.** В: Stratum-Plus (2). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 1999, с. 169-221.
63. **Cultural-Historical Dialogue between the Balkans and Eastern Europe (Neolithic-Eneolithic).** In: Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for The Symposium to be Held. 12-16 Januarie 2000. Vol.1. Cambridge, 1999, p. 54-67.
64. **Паτριарху Евразийской археологии – Вадиму Михайловичу Массону – 70 лет.** В: Stratum-Plus (2). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 1999, с. 7-9.
65. **Cultural-Historical Dialogue between the Balkans and Eastern Europe.** In: Thraco-Dacica. Vol. XX, nr. 1-2. Bucuresti, 1999, p. 33-78.

2000

66. **Культурное наследие: разъединяющая ретроспекция или интегрирующая перспектива?** В: Культурное наследие Туркменистана. Ашгабад–Санкт-Петербург, 2000, с. 79-81.
67. **The Migration Theory of Marija Gimbutas.** In: The Journal of Indo-European Studies 28: 3-4. Los Angeles, 2000, p. 257-340.
68. **Два этюда в защиту миграционной концепции.** В: Stratum-Plus (2). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 2000, с. 188-295.
69. **Două schițe în susținerea teoriei migraționiste.** In: Thraco-Dacica. Vol. XXV, nr. 1-2. Bucureşti, 2000, p. 33-101.

2001

70. **О первой миграционной волне степного населения в ареал древнеземледельческих**

культур Карпато-Подунавья. В: *Бронзовый век Восточной Европы: характеристики культур, хронология и периодизация* (Тезисы конференции). Самара, 2001, с. 93-94.

2002

71. **Two Studies in Defence of the Migration Concept.** In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia.* Ed. by K. Boyle, C. Renfrew and M. Levine. Cambridge, 2002, p. 93-112.

72. «в урну собрав на чужедальном костре» (к 100-летию Т.С. Пассек). В: *Stratum-Plus* (2). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 2001-2002, с. 32-43.

73. **Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса).** В: *Stratum-Plus* (2). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 2001-2002, с. 335-369.

74. **Исследования курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка.** В: *Stratum-Plus* (2). Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 2001-2002, с. 526-562 (соавтор Е.Н. Сава).

75. **Металлические серпы и серповидные орудия позднего бронзового века Восточной Европы.** Тезисы конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Москва, 2003, с. 120-122 (соавтор В.С. Бочкарев).

2003

76. **Могильник мариупольского типа в Молдавии.** В: *Российская археология* (2). Москва, 2003, с. 92-103 (соавтор О.В. Ларина).

77. **О типологии и интерпретации зооморфных скипетров энеолита восточной Европы.** В: *Степи Евразии в древности и средневековье* (материалы международной конф., посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Часть 2-я. Санкт-Петербург, 2003, с. 37-40.

78. **The Novo-Danilovo Sites. (The problem of genesis and interpretation).** In: *European Association of Archeologists. 90th Annual Meeting. 10-th – 14th september 2003.* St. Petersburg, 2003, p. 116-117.

79. **The domestication of the Horse (Principial Solution of the Problem).** В: *Трипільські поселення-гіганти.* Матеріали міжнародної конференції. Київ, 2003, с. 38-42.

80. «в урну собрав на чужедальном костре» (к 100-летию Т.С. Пассек). В: *Трипільські поселення-гіганти.* Матеріали міжнародної конференції. Київ, 2003, с. 266-275.

2004

81. **Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей.** В:

Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції. Збораж, 2004, с. 11-20.

82. **The Domestication of the Horse (Principial Solution of the Problem).** In: *Tracii și lumea circumponică. IX-th Congress of Thracology.* Chișinău-Vadul lui Vodă, 2004, p. 13-16.

83. **Молдавська експедиція.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 352-353.

84. **Гордишестський тип.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 121-122.

85. **Бринзенський (Жванецький) тип.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 68-70.

86. **Вихватинський тип.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 90-91 (соавтор Н. Петренко).

87. **Бікбаев В.М.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 44.

88. **Маркевич В.І.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 326.

89. **Сорокін В.Я.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 490.

90. **Карбунський скарб.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 2. Київ, 2004, с. 213-214.

91. **Пізній період Трипільської культури.** В: *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Том 1. Київ, 2004, с. 111-113.

92. **Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса).** В: *Археология: детектив и мыслитель.* К 77-летию Льва Самойловича Клейна. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004, с. 338-384.

93. **Le Neo-Eneolithique Balkanique dans le contexte de processuses transgresif-maritimes.** In: *Cucuteni – 120 ani de cercetări. Colocviu internațional.* Piatra Neamț, 2004, p. 22-23.

2005

94. **Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей.** In: *Revista Arheologică. SN. Vol. I, nr. 1.* Chișinău, 2005, p. 4-33.

95. **Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей.** В: *Матеріали та дослідження з археології Східної України.* N 4. Луганськ: Изд. СНУ им. В. Даля, 2005, с. 6-41.

2006

96. **Динамика развития домашнего стада неолита-бронзы юга Восточной Европы – как возможный индикатор палеоклиматических изменений прошлого.** In: Revista Arheologică. SN.Vol. II, nr. 1-2, Chişinău, 2006, p. 56-77.

97. **The dynamics of the development of the domestic herd of the Neolithic-Bronze period of the south of the Eastern Europe as a possible indicator of the paleoclimatic changes of the past.** In: 2nd Plenary Meeting and Field trip of Project IGCP-521 “Black Sea-Mediterranean Corridor during the last 30 ky: sea level change and human adoptions. Odessa, 2006, p. 46-48.

98. **Изменчивость видового состава домашнего стада неолита-бронзы юга Восточной Европы (к проблеме палеоклиматических изменений прошлого).** В: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Технологии и проблемы культурной адаптации населения Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита». Санкт-Петербург–Вишневец, 2006, с. 22-25.

2007

99. **Population history of the Dniestr-Carpathian: evidence from *Alu* markers.** In: Journal of Human Genetics. Vol. 52, nr. 4. Springer Japan, 2007, p. 308-316 (coautori: A. Varzari, W. Stephan, V. Stepanov, F. Raicu, R. Cojocar, Y. Roschin, C. Glavce, M. Spiridonova, H. Schmidt, E. Weiss).

100. **The Dynamics of Neolithic – Bronze Age Animal Husbandry in the South of Eastern Europe as Indicative of Past Climate Changes.** In: Memoria Antiquitatis. Vol. XXIV. Piatra Neamţ, 2007, p. 355-370.

101. **The Neolithization of the north Pontic area and the Balkans in the context of Black Sea floods.** In: The Black Sea Flood Question. Changes in Coastline, Climate and Human Settlement. Ed. By V. Yanko-Hombach, A.S. Gilbert, N. Pashin, P.M. Dolukhanov. Springer, 2007, p. 489-514 (coautor P.M. Dolukhanov).

2008

102. **Cucuteni-Trypillia: The History of the Research. Cucuteni-Trypillia.** In: A Great Civilization of Old Europe. Rome, 2008, p. 21-28.

103. **Cucuteni-Trypillia: The Origins, the Phases, the Chronology. Cucuteni-Trypillia.** In: A Great Civilization of Old Europe. Rome, 2008, p. 29-38.

104. **Black Sea levels fluctuations, climate change and the neolithisation of the North Pontic Area and the Balkans.** In: Варненский халколитен некропол и проблемите на праисторията на Югоизточна Европа. Acta Musei Varnaensis VI. Варна, 2008, p. 19-42 (coautor P. Dolukhanov).

2009

105. **Istoria. Comunităţile cultural-istorice din spaţiul Carpato-Nistrean în epoca străveche.** B: Republica Moldova. Enciclopedia Moldovei. Chişinău, 2009, p. 127-132.

106. **Динамика развития домашнего стада неолита-бронзы юга Восточной Европы как возможный индикатор палеоклиматических изменений прошлого.** В: Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж: Научная книга, 2009, с. 237-238.

2010

107. **Новые металлические предметы поздней бронзы-раннего Гальштатта с территории Молдовы.** In: Revista Arheologică. Vol. VI, nr. 2. Chişinău, 2010, p. 120-129.

108. **Republica Moldova. Introducere.** In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică. Chişinău: Tipografia centrală, 2010, p. 6-70.

109. **Marile civilizaţii de vechi agricultori şi nomazi - Eneoliticul.** In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică. Chişinău: Tipografia centrală, 2010, p. 219-264. (coautor V. Sorochin).

110. **Evoluţia comunităţilor patriarhale. Epoca bronzului.** In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică. Chişinău: Tipografia centrală, 2010, p. 265-312.

111. **Perioada romană. Consideraţiuni generale.** In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică. Chişinău: Tipografia centrală, 2010, p. 502-504.

112. **Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего Гальштатта с территории Молдовы.** In: Revista Arheologică. SN. Vol. VI, nr. 2. Chişinău, 2010, p. 120-129.

113. **Промысел моллюсков UNIONIDAE населением Буго-Днестровской культуры как стратегия жизнеобеспечения (по материалам поселения Тэтэреука Ноуэ XV).** В: Материалы чтений памяти доктора биологических наук В.А. Собоцкого. Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2010, с. 118-130 (соавторы О.В. Ларина, В.М. Кишлярук).

2011

114. **Анализ видового и размерного состава пресноводной малакофауны из древних поселений Среднего Днестра.** В: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Астрахань, 2-6 октября 2011. Казань, Астрахань 2011, с. 292-300 (соавторы: О. Ларина, С. Соковнич, В. Кишлярук).

115. **К проблеме периодизации кладов поздней бронзы – раннего гальштатта Нижнего Подунавья.** В: Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы круглого стола. 23-24 июня 2011. Санкт-Петербург, 2011, с. 26-28.

2012

116. **Динамика развития домашнего стада неолита-бронзы юга Восточной Европы как возможный индикатор климатических**

изменений прошлого. В: Земледельцы и скотоводы древней Европы. Киев–Санкт-Петербург, 2012, с. 26-43.

117. **Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы – раннего Гальштатта на территории Республики Молдова.** In: Revista Arheologică. SN. Vol. VIII, nr. 1-2. Chişinău, 2012, p. 161-181.

118. **Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова.** In: Revista Arheologică. SN. Vol. VIII, nr. 1-2. Chişinău, 2012, p. 154-160.

119. **Noi depozite și descoperiri izolate de piese de bronz din bronzul târziu – Hallstattul timpuriu din Republica Moldova.** In: Probleme actuale ale Arheologiei, Etnologiei și Studiului artelor. Chişinău, 2012, p. 12-13.

2013

120. **Cu privire la geneza și evoluția topoarelor-celt din epoca bronzului.** In: Probleme actuale ale Arheologiei, Etnologiei și Studiului artelor. Chişinău, 2013, p. 12-15.

В споре и дружбе: Валентину 70

В 1968 году в Ленинграде на Всесоюзной конференции по поводу 50-летия образования ИИМК появился необычный студент-молдаванин Кишиневского университета – 25-летний Валентин Дергачёв. Это был недавний повар Кишиневского ресторана, променявший сытое и надежное существование на полуголодную студенческую жизнь с весьма неопределенным будущим. За плечами у него было участие в многочисленных экспедициях (с 1961 г.), собственные раскопки и несколько небольших печатных работ (с 1966 г.). Живой и энергичный молдаванин сразу же привлек мое внимание. Я тогда придумал вообще стажировку для провинциалов при нашей кафедре и стал уговаривать Валентина воспользоваться этим. Но он выбрал другой путь и сумел (с помощью завкафедрой М.И. Артамонова, декана В.В. Мавродина и моей) провернуть более трудную операцию: с 1969 г. перевелся в Ленинградский университет на кафедру археологии (с пятого курса на второй). Так у меня появился еще один ученик, а вскоре и друг, который отлично вписался в компанию моих учеников – Г. Лебедева, В. Булкина, В. Бочкарёва, Ю. Пиотровского и др.

Он сразу же выделился среди других студентов тем, что у него каждый год стали выходить печатные работы. Двумя языками он владел свободно (румынским и русским), а это – хорошая база для овладения другими. С самого начала он стал проявлять самостоятельность, и в этом смысле он попал, куда надо: я никогда не требовал от учеников согласия со всеми моими положениями, всячески поощрял именно самостоятельность. Лишь бы мнение было обосновано профессионально на уровне. В дальнейшем мы также часто расходились в решениях тех или иных археологических задач, критиковали друг друга, сохраняя неизменно дружеские отношения. В археологии иначе нельзя: слишком много неопределенности, слишком много лагун и фрагментарных фактов, чтобы можно было принимать однозначное решение. Нужно допускать различие мнений и свободу дискуссии. Надеюсь, и к своим ученикам Валентин столь же толерантен.

В 1973 г. он окончил Университет и поступил на работу в Институт истории АН Молдавской ССР. Я сохранил его первую книгу, 1975 года, с подписью «признательный ученик». В 1978 г. он защитил кандидатскую, в 1990 г. – докторскую и с 1991 г. стал директором Института археологии и этнографии АН Молдавии, в каковой должности проработал около 20 лет. Можно сказать, два десятилетия он возглавлял археологию Молдавии. Он объездил всю Европу, читал лекции в Берлине, Гейдельберге, Кембридже, Льеже, Кракове, Будапеште, выступал в Италии, Чехии, США и т.д. Но для меня он мало изменился с того времени, как появился в Питере – такой же ершистый, энергичный, улыбчивый и деятельный.

Мы всегда ревностно и с симпатией следили за творчеством друг друга, что не означало попустительства.

В 1968 г., в год первого появления Дергачёва в Питере, я опубликовал большую работу о раннетрипольском Карбунском кладе. Я подыскал массу аналогий вещам Карбунского клада и верно определил связи раннетрипольской культуры. Но в абсолютной датировке я тогда придерживался короткой хронологии, сомневаясь в достоверности радиоуглеродного метода. Утвердилась же длинная хронология, и мои выводы не были приняты. Между тем, моя работа имела большое значение для меня и, видимо, для моих учеников, которые всем семинаром весело помогали мне оформлять ее к печати. В работах Б.А. Раева я узнаю совершенно на другом материале примененные мною серии аналогий, сравнительные таблицы и карты. В работах М.Б. Щукина и А.Ю. Алексева нахожу развитие своих размышлений о хронологии на чисто археологических основаниях. Через 30 лет, в 1998 г., именно Дергачёв издал работу «Карбунский клад», в которой исправил мою трактовку. Теперь все ссылаются на его работу, а не на мою.

В 2007 г., после многих монографий (их у него более двух десятков) Дергачёв опубликовал большую книгу «О скипетрах, о лошадях, о войне» в защиту миграционной концепции

Гимбутас. Он посвятил ее тем, кто помог его переводу в Ленинград – мне в том числе. Я узнаю в этой книге результат своего воздействия во вводной главе о процедуре археологического исследования. Несколько фрондерское возвращение автора к миграциям – это тоже мое влияние, но признание концепции Гимбутас мне чуждо. Степная прародина индоевропейцев кажется мне маловероятной, я больше склонен полагать прародиной индоевропейцев север Центральной Европы. Те скипетры, которые Дергачёв прослеживает распространяющимися с востока на запад, я считаю вовсе не скипетрами (у них нет проухов) и полагаю, что двигались они в обратном направлении – об этом свидетельствует, на мой взгляд, деградация воплощенных в них образов.

Но эта книга Дергачёва, которую я критиковал и выводы которой отвергаю, тем не менее, представляется мне лучшей из его работ, хотя другие его монографии содержат гораздо более убедительные и хорошо обоснованные исследования. Для этой книги он разработал и применил ряд блестящих методических приемов, проделал изощреннейшие штудии, в очень трудоемких операциях получил интереснейшие данные, которые не раз послужат для совершенно других исследований. Этой работе суждена долгая жизнь в науке, с неожиданными пост-эффектами. К ней будут снова и снова обращаться археологи Триполья и одновременных степных культур. В науке нередко случаются полезные заблуждения и плодотворные ошибки.

Конечно, это возможно, когда основные успехи построены на верном знании. Чтобы и ошибки были плодотворными нужна особая одаренность, а именно: научная честность, много энтузиазма и яркий талант.

Л.С. Клейн

В.И. Балабина

Серпенты и люди: специфика отождествлений в неолите-энеолите Анатолии и Южной Европы

Keywords: serpentine ornament, anthropomorphic characters, Southeastern Europe, Anatolia.

Cuvinte cheie: ornament serpentin, personaje antropomorfe, Europa de Sud-Est, Anatolia.

Ключевые слова: змеевидный орнамент, антропоморфные персонажи, Юго-Восточная Европа, Анатолия.

VI. Balabina

Serpents and people: specificity of identifications in the Neolithic-Eneolithic Anatolia and Southeastern Europe

This work analyzes new data related to the serpentine ornaments of early agricultural cultures, which allows specifying the geography, the history and the origins of the phenomenon. When searching for morphological correspondences with European materials, the author refers to the Anatolian finds – pictures of snakes and anthropomorphic characters ranging from the ancient Neolithic to the Early Bronze Age.

Materials, which have appeared relatively recently, allow revealing the origins of the phenomenon and determine its pre-agricultural basis, which dates back to the first settlers of Anatolia.

VI. Balabina

Șerpi și oameni: specificul identificărilor în neo-eneoliticul din Anatolia și din Europa de Sud

În articol se examinează datele noi legate de ornamentul serpentin în culturile agricultorilor timpurii, care permit precizarea limitelor spațiale și cronologice, dar și originea fenomenului. Căutând analogii pentru materialele din arealul european, autorul apelează la descoperirile din Anatolia – reprezentări de șerpi și personaje antropomorfe din intervalul de la neoliticul timpuriu până la bronzul timpuriu.

Materialele apărute relativ recent permit elucidarea izvoarelor fenomenului și stabilirea rădăcinilor lui înaintea apariției agriculturii, la primii coloniști sedentari ai Anatoliei.

В.И. Балабина

Серпенты и люди: специфика отождествлений в неолите-энеолите Анатолии и Южной Европы

В работе рассматриваются новые данные, связанные со змеевидным орнаментом раннеземледельческих культур, которые позволяют уточнить географию, хронологию и истоки явления. При поиске морфологических соответствий европейским материалам автор обращается к анатолийским находкам – изображениям змей и антропоморфных персонажей в интервале от древнейшего неолита до ранней бронзы.

Материалы, появившиеся сравнительно недавно, позволяют выявить истоки явления и определить его доземледельческую основу, восходящую к первым оседлым поселенцам Анатолии.

Если появляются материалы, открывающие какие-то иные ракурсы интерпретации, иногда хочется вернуться к своим давно написанным работам. Хотя без нарушения равновесия «предыдущей конструкции» дело обходится редко, не могу отказать себе в удовольствии еще раз обратиться к сюжету, занимавшему меня 20 лет назад, опубликованному после долгого пребывания в редакционном портфеле (Балабина 1998). В этой статье комментировались обыч-

ные для раннеземледельческих культур Европы *змеевидные орнаменты* (в том числе разные спирали). Гипотеза об их семантической инвариантности позволила свести имеющиеся знаки к трем формам (*змея-спираль*, *S-видная, ползущая*), а морфологию голов у серпентов – к нескольким взаимосвязанным схемам (*каплевидной, подтреугольной, подковообразной*) с полными и редуцированными формами (*парциальными, скоротписными*).

В ЮВ Европе с этим культурным текстом были соотнесены отдельные группы пластики, образующие весьма скромный видеоряд. *Подковообразные головы* характерны для нескольких десятков обобщенно антропоморфных, но слегка *прогнутых идолов*¹ из продольно расколотых костей и одной реплики в мраморе (КГК)². Иногда их можно встретить и у *женских статуэток* из глины и кости (Винча, КГК).

Новые данные, позволяющие уточнить географию, хронологию и даже истоки явления, появились благодаря публикациям последних десятилетий. Корпус источников заметно пополнился и для Анатолии, откуда, не ранее середины VII тыс. ВР, на Балканы распространилось производящее хозяйство, и для Юго-Восточной Европы³.

Именно поэтому при поиске морфологических соответствий уже структурированным европейским материалам мы вправе обратиться к анатолийским находкам – *изображениям змей и антропоморфных персонажей (обобщенных и подробных)* в интервале от древнейшего неолита до ранней бронзы, согласно строгому фильтру: *специфической форме голов – треугольной и подковообразной* (обобщенных, либо с детализацией в пределах контура). Но придется иметь в виду очевидную фрагментарность информации, во многом обусловленную возможностями, особенностями и приоритетами археологических исследований.

Самые ранние фигуры змей с *подковообразными и треугольными головами* происходят из ЮВ Анатолии (область Урфа, верховья Тигра) и северной Сирии. Древнейшая (пока) костяная поделка найдена в *Халлан Чеди* (EP-PPNA: 1000-9200 до н.э.). Это – *ползущая змея* с характерными выступами у основания шеи, хотя сохранился лишь небольшой фрагмент головы (Rosenberg 1999: Fig. 11).

Рельефные змеи с *обобщенными головами* представлены в Гёбекли Тепе III (PPNA). Согласно Й. Петерсу и К. Шмидту (Peters, Schmidt 2004), к середине первого десятилетия 2000-х гг., в пределах оград (Enclosure) A–D они были зафиксированы на 28,4% T-образных

столбов (Pillars [P]). При расчетах за единицу были приняты композиции из нескольких индивидов, не более пяти (Peters, Schmidt 2004: Tab. 2). Всего же подобных столбов внутри оград (A–D) на планах 2002–2005 гг. 36 или 37 (Peters, Schmidt 2004: Fig. 3; Schmidt 2007: Fig. 2). Если бы учитывалось просто число столбов с серпентами, доля их в декоре этих конструкций оказалась бы выше. А в пределах оград A, B, D их присутствие еще весомее, поскольку столбов не более 24.

T-образные столбы уверенно интерпретируют как обобщенно антропоморфные, причем *узкая сторона* у них *фасадная*. T-образный выступ – это голова, одна из его узких сторон соответствует лицу. На широких (боковых) сторонах столбов в низком рельефе иногда видны согнутые в локтях руки. Кисти, заходящие на узкую фасадную поверхность, оказываются примерно на уровне живота. А на отдельных столбах, чуть ниже, можно встретить и подобие пояса (Schmidt 2010: Fig. 9).

По публикациям (Peters, Schmidt 2004; Schmidt 2007; 2010), куда попали далеко не все змеи с T-образных столбов, удается описать три их группы: *одиночных серпентов, змеиные композиции, сочетания змей и других персонажей*. По привязке к поверхностям их можно разделить на *фронтальные* (на узких гранях) и *боковые* (на широких сторонах столбов). А по вертикали рельефы соотносятся с T-образным выступом (*головой*) или оказываются ниже (*на туловище*). В этом порядке их и рассмотрим.

Змеи на фронтальных поверхностях T-образных столбов.

1. *Одиночную, ползущую вниз змею* с подковообразной головой отметим на узкой стороне «туловища» P22, в ограде D (Рис. 1: 7)

2. *Композиция из серпентов пока тоже одна*, на P1 (в ограде A). Здесь *пять змей с широкими треугольными головами*. Четыре симметрично *ползут* вниз (две посередине друг за другом, еще две по бокам), а одна движется им навстречу (Рис. 1: 4).

3. *Змеи и другие персонажи.*

¹ «Корубести идоли» (Болг.).

² Коджадермен–Гумельница–Караново VI.

³ См.: Оздоган 2009; Хауптманн 2009; Özdoğan 2011.

А. На фронтальной стороне P30 (ограда D) композиции есть и на лицевом выступе, и на туловище (Рис. 1: 5). Верх «лица» занимает «пиктограмма»⁴, очень похожая на одну из разновидностей плоских женских статуэток типа Кусура (Kusura), относящихся в Анатолии и Восточном Средиземноморье к ЕВА II. Это – схематизированная антропоморфная фигура, с подковообразной головой на длинной шее, и туловищем, в виде широкого прямоугольника. Ниже «пиктограммы», по левой стороне «лица» P30 сползает толстая короткая змея с подковообразной головой.

Б. На передней стороне «туловища» P30 присутствуют четыре ползущие змеи и расположенная боком небольшая профильная фигура копытного, по мнению авторов – зубра или кулана (Peters, Schmidt 2004). Три змеи разного размера, извиваясь, ползут вниз. Еще одна (на правом краю фасада) имеет две головы с противоположных сторон. Это пока древнейшая змея – амфисбена. Ее верхняя голова находится напротив змеи, спускающейся вдоль «лица», а нижняя соотносится с головами остальных змей внизу. Отметим один из ранних опытов построения из ползущих змей орнаментальной композиции.

В. На P20 (ограда D), прямо под Т-образным выступом находится передняя часть «выползающей» змеи, которая «нос к носу» сталкивается с зубром (Рис. 1: 6).

На боковой стороне Т-образного столба мы вправе описать лишь композицию из змей и других персонажей, пока тоже единственную. На широкой боковой поверхности P1 (ограда А) находится древнейшая змеиная плетенка, под которой изображен муфлон в профиль (Рис. 1: 4). Длина плетенки более 1 м, а ширина – во всю боковую поверхность P1 (80 см). Собственно плетенка из серпентов передана условно – диагональной прочерченной сеткой. Верхний ее край образует восемь подковообразных змеиных голов, снизу их девять.

Есть в Гёбекли Тепе змеи и на других архитектурных деталях. Самое крупное изображение (более 1 м) связано с огромной плоской каменной плитой (в оgrade D), в которой офор-

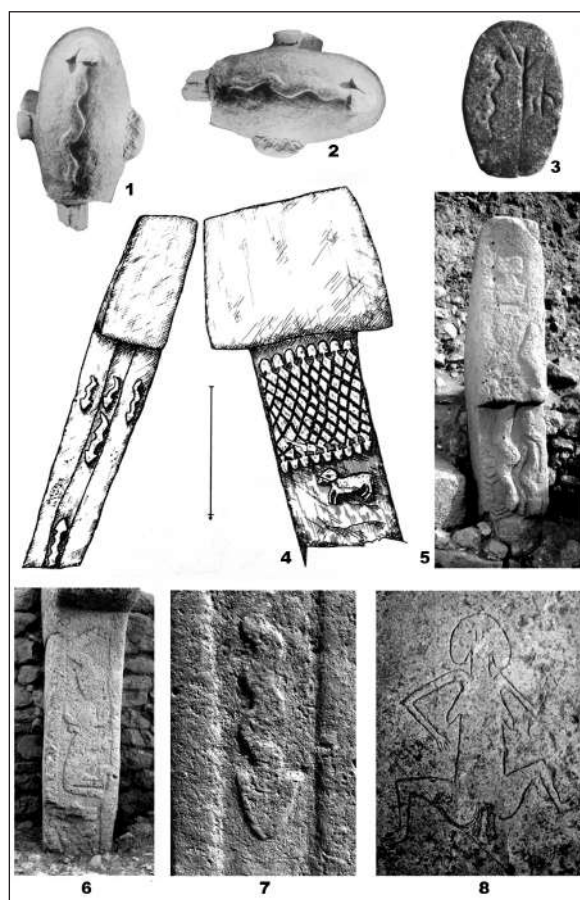

Рис. 1. Персонажи с подковообразными и треугольными головами в PPNA-PPNB: 1, 2 – ползущая змея на полом артефакте из известняка, *Невали Чори*; 3-8 – Гёбекли Тепе: 3 – каменная печать, 4 – рельефы на фронтальной и боковой поверхностях P1 (ограда А), 5 – рельефы на фронтальной стороне P30 (ограда D), 6 – рельеф на фронтальной стороне P20 (ограда D), 7 – рельеф на фронтальной стороне P22 (ограда D), 8 – плита с гравировкой (между «львиными столбами»); 1, 2, 4, 8 – по Hauptmann 1999, 3 – по Schmidt 2007, 5, 6, 7 – по Peters, Schmidt 2004.

Fig. 1. Images with horseshoe and triangular heads in PPNA-PPNB: 1, 2 – crawling snake on the artifact from limestone, Nevali-Chori; 3-8 – Göbekli Tepe: 3 – stone seal, 4 – reliefs on the front and side surfaces of P1 (Enclosure A), 5 – reliefs on the front side of the P30 (Enclosure D), 6 – reliefs on the front side of the P20 (Enclosure D), 7 – relief on the front of the P22 (Enclosure D), 8 – plate with engraving (between the “lion pillars”); 1, 2, 4, 8 – after Hauptmann 1999, 3 – after Schmidt 2007, 5, 6, 7 – after Peters, Schmidt 2004.

⁴ Названа так авторами статьи (Peters, Schmidt 2004).

млены два (выступающих) прямоугольных проема. Перед проемами, в высоком рельефе, высечены три зверя – *бык, козел, «хищник»*. К первому зверю (быку) подползает огромная уплощенная змея с подковообразной головой (Shmidt 2010: 252, Fig. 24).

Ползущая змея с треугольной головой встречена в Гёбекли Тепе и на каменной печати (Рис. 1: 3). Примечательно, что вытянутый овал плоской поверхности самой печати выглядит как подобие нижней половины женской фигуры (сомкнутые бедра и натуралистично переданная вульва)⁵. По правому бедру вверх ползет змея, на левом бедре – летящая в том же направлении длинношеяя птица.

Среди рассмотренных Т-образных столбов, лишь для одного (P1) можно отметить присутствие серпентов и на фронтальной, и на боковой сторонах. На фасадах «туловищ» двух Т-образных столбов (P20, P30) змеи сочетаются с копытным, возможно, с зубром без признаков пола, но с провислым брюхом, что может указывать на *зубрицу* – метафора человека (женщины?). А на собственно лицевой грани одного из них (P30) ползущая змея оказывается рядом с «пиктограммой», похожей на антропоморфные стилизации ЕВА (*с подковообразной обобщенной головой*). Плетенке из змей на широкой боковой поверхности P1 сопутствует *муфлон* – метафора мужчины(?). Самая крупная змея, на плоской плите с двумя отверстиями (в ограде D), тоже рядом с *бовином*. А на печати серпент с треугольной головой ползет по ноге женщины. В нашем распоряжении не так много опубликованных рельефных змей из Гёбекли Тепе. Но уже выявляется их соседство и с метафорами человека, и (более узко) с метафорами женщины⁶. Возможно представление о крайней редкости в Гёбекли Тепе женских мотивов (Shmidt 2010: 246) постепенно будет корректироваться.

Обратимся к гравировке (граффити) из Гёбекли Тепе, на каменной плите между «льви-

ными столбами» – сидящей обнаженной женщине с раздвинутыми ногами (Рис. 1: 8). Сейчас ее относят к слою II (PPNB) (Shmidt 2010: 246), встреченная трактовка – *сцена инициации* (Корниенко 2006: 68). Привлекает внимание даже не характер сцены, а знакомый «подковообразный» абрис головы персонажа, вполне сопоставимый с головами многочисленных змей на этом памятнике, что не противоречит предполагаемой связи женщины и серпента в местной изобразительной традиции, но лишь расширяет ее хронологический диапазон (PPNA–PPNB).

Змеи с той же специфической формой головы известны и на других памятниках PPN: *Невали Чори* (PPNB) и *Кёртик тепе* (PPNA–PPNB).

Из *Невали Чори* происходит удивительный полый предмет из известняка, внешне похожий на сосуд в форме овальной дыни, по тулову которого, параллельно венчику, ползет рельефная змея с подковообразной головой. В публикациях этот артефакт предполагают и горизонтально (венчиком вверх [Рис. 1: 2] или вниз) и вертикально, надетым на палку⁷. В такой позиции змея ползет вверх (Рис. 1: 2). К. Шмидт описывает предмет как «антропоморфную лысую голову» с несохранившимся лицом. По затылку ползет змея» (Shmidt 2010: 247)⁸.

В *Кёртик Тепе* серпентов с подковообразными и треугольными головами можно встретить на разных группах артефактов. К PPNA относится рисунок на подработанной кости животного – ползущая змея с треугольной головой (Özkaya & Coskun 2009: Fig. 9: 3). Того же времени гравировки на плоских сланцевых плитках. На одной из них типичная *закрученная спираль*: свернувшаяся змея с подковообразной головой в середине (Özkaya & Coskun 2009: Fig. 8). Не столь четко удается датировать по публикации (Özkaya, San 2007) фрагмент каменного сосуда с орнаментом и змеиную голову на обломке костяной пластины – два важных для

⁵ Похожие пиктограммы женщины бытуют еще в палеолите – граффити на стенах пещер и на каменных гальках.

⁶ В этом контексте несколько смущает пассаж у Й. Петерса и К. Шмидта о замещении змеи кабаном на Т-образных столбах в ограде С (Peters, Schmidt 2004: 184).

⁷ В одной из горизонтальных позиций сверху оказывается венчик(?) средней высоты, а снизу небольшой сплюснутый с боков, закругленный выступ, вполне оправданный, если сосуд полагалось втыкать в песок.

⁸ В свою очередь, Т.В. Корниенко называет серпента косой-змеей, спускающейся с макушки антропоморфного существа (Корниенко 2006: 62).

нашей темы предмета, на которых у серпентов впервые фиксируется *детализировка голов* внутри подковообразного и треугольного контура. Для них придется принять более широкий диапазон – PPNA–PPNB. На стенке темного сосуда вертикальная орнаментальная композиция состоит из змей с высунутыми языками, ползущих вверх (к краю), неясных «многоножек» с головами рептилий и человечков (Рис. 2: 8). Змеи движутся зигзагом. На их туловищах равномерные продольно заштрихованные отрезки чередуются с более короткими фоновыми промежутками, а на головах различима затылочная область, середина и решетчатая лицевая часть с небольшими глазами и высунутым языком. В затылочной области видны округло-угловатые пятна с точками внутри, напоминающие «глазницы» с обозначенными в них «глазами». На некоторых головах продольные полосы соответствуют осевой линии. Очень похожая голова серпента гравирована на краю фрагмента узкой костяной пластины с двумя отверстиями по оси. Но на ней, помимо симметричной «решетчатой» детализировки и высунутого языка, можно отметить еще и длинные выступы снизу (Özkaça, San 2007: Fig. 11)⁹.

Й. Петерс и К. Шмидт несколько раньше (2004) отождествили рельефных змей в Гёбекли Тепе с *гюрзой* – самой крупной из анатолийских *Viperidae*. Отмечу, что у всех представителей этой группы (также *эфы* и *турецкая гадюка*) бока морды притуплены, а височные углы выступают сильнее, чем у многих других змей. Но именно треугольная или подковообразная форма головы становится у них заметной из-за рисунка сверху, так называемой маски. По сути, это типичная раскраска-обманка, защищающая глаза от хищных птиц. Но, как ни странно, маска *эфы* и *гюрзы* достаточно близко воспроизводит форму змеиного черепа. У *эфы* симметричный узор на голове контрастно светлый, бывает очень тонким, сложным и индивидуальным, но основные элементы повторяются: *осевая линия, длинные выступы, напоминающие «челюстные», огромные овальные пятна в полголовы,*

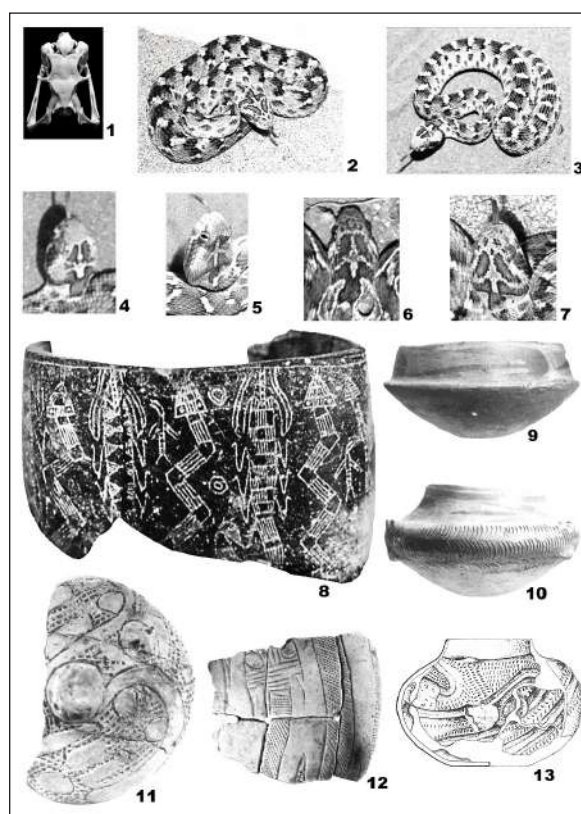

Рис. 2. Сравнение змей на сосудах из Анатолии (PPNA-PPNB) и ЮВ Европы (EH-LH) с особенностями экстерьера анатолийской эфы: 1 – череп змеи, вид сверху; 2, 3 – варианты раскраски спины у эфы; 4–7 – варианты масок эфы; 8 – змеи в орнаменте на каменном сосуде из *Körtik Tepe* (PPNA-PPNB), 9–11 – змеи в орнаментах европейских культур (EH–LH): 9, 10 – на сосудах КГК (MH), 11, 12 – на раннетрипольских сосудах (EH), 13 – на сосуде Селкуцы IV (LH); 1–7 – с разных интернет ресурсов, 8 – по Özkaça, San 2007, 9, 10 – по Lichardus 1988, 11 – по Збеневич 1980, 12 – по Збеневич 1989, 13 – по Patroi 2013.

Fig. 2. Snakes on the vessels from Anatolia (PPNA-PPNB) and SE Europe (EH-LH) and the exterior features of the Anatolian Echis: 1 – skull snake, top view; 2, 3 – coloring the back of Echis; 4–7 – masks of Echis; 8 – Snake in the ornament on a stone vessel, *Körtik Tepe* (PPNA-PPNB), 9–11 – Snake in the ornaments of European Cultures (EH–LH): 9, 10 – the vessels KGG (MH), 11, 12 – Precucutenian vessels (EH), 13 – Salcuta IV vessel (LH); 1–7 – various Internet resources, 8 – after Özkaça, San 2007, 9, 10 – after Lichardus 1988, 11 – after Збеневич 1980, 12 – after Збеневич 1989, 13 – after Patroi 2013.

⁹ К сожалению, качественное воспроизведение данной иллюстрации, не получилось.

так похожие на «глазницы». Может присутствовать мелкая детализировка передней части морды (Рис. 2: 1, 4–7). У *гюрзы* рисунок на голове близкий, но менее заметный из-за слабой контрастности. Он лишь слегка темнее, или светлее фонового окраса. Вдоль спины у анатолийских *Viperidae* проходит ряд поперечных контрастных пятен. У *гадюки* они черные овальные, а у *гюрзы* и *эфы* выглядят, как неширокие горизонтальные полосы – у *гюрзы* темно-бурые, а у *эфы* светлые, почти белые (Рис. 2: 2, 3). То и другое очень похоже на рисунок змеиных шкур на сосуде из Кёртик Тепе. Отмеченные особенности изображения змей помогают уточнить их соответствие эндемикам анатолийской фауны. Судя по рисунку на спине, в PPNА–PPNB могли изображать либо *гюрзу*, либо *эфу*, а по маске на морде – скорее *эфу*.

Таким образом, уже в PPN на нескольких памятниках фиксируются змеи со специфической *подковообразной (треугольной)* формой головы в разных позах и состояниях: *ползущие, ползущая амфисбена, плетенка, закрученная спираль с головой в центре*. Иногда можно встретить включение серпентов в орнаментальные композиции. А у них самих появляется *узор на спине и на голове*, характерный для одной из анатолийских *Viperidae*, маска которой весьма похожа на *змеиный череп*.

Позднее (СН и халколит) с начала VII до середины V тысячелетия змеиные мотивы становятся обычными в орнаментальных композициях в восточной, центральной и западной Анатолии. В начале этого хронологического отрезка они попадают и на европейский берег. В анатолийском неолите и халколите можно встретить штампы-орнаменты со сложно сопряженными закрученными спиралями, *парциальных и скорописных серпентов* в композициях. Но их изображений с *подковообразными головами* для этих периодов пока найти не удалось, что отчасти обусловлено информационными лакунами, которые в анатолийской археологии пока еще обширнее, чем для ЮВ Европы.

В целом же особенности воспроизведения данной мифологемы в Анатолии определенно совпадают с наблюдаемыми позднее в Европе, где у серпентов тоже преобладают *парциальные и скорописные* головы. Не столь часто можно встретить *подковообразные обобщенные, а с внутренней детализацией* крайне редко¹⁰. Форма *обобщенных подковообразных голов* и в Европе *бывает* разной. На сосудах Сэлкуца IV она сопоставима с рельефами в Гёбекли Тепе и Невали Чори (Рис. 2: 13). Носители КГК воспроизводили специфический контур с длинными «челюстными» выступами, как у *прогнутых идолов* этой культуры (Рис. 2: 9–10; 3: 4–5). Если мы сравним изображения змеиных голов на одном из древнейших памятников Анатолии (PPNB, 9200–7800 BP¹¹) и в ареале Прекукутень через четыре тысячи лет (5200–4600 BP), придется признать, что «*черепообразная*» маска на Северо-Восточной окраине европейского мира ранних земледельцев даже более убедительна, чем на прародине данного текста (Рис. 2: 8, 11, 12). Однако мифологема об опасной и коварной анатолийской *Vipera* в этом ареале вряд ли воспроизводилась буквально. Здесь скорее функционировал вторичный текст о «*невиданной змее*». В зоне широколиственных лесов Молдовы и Украины обитают *мелкие темные гадюки* без заметных масок на морде. Эндемиков анатолийской фауны тут нельзя было встретить в древности, нет их и сейчас.

Обобщенных антропоморфных фигур с подковообразными головами пока для Анатолии известно мало, но появляются они тоже в PPNА, в Кёртик Тепе – гравировка антропоморфной фигуры с подковообразной головой и тонкой шеей на узкой каменной плитке. Поперечными линиями намечены ожерелья, пояс, а ноги в виде двух вертикальных черт (Рис. 3: 1). Ее абрис напоминает все более поздние, преимущественно костяные поделки, в целом подтверждая их антропоморфизм. Костяных идолов в регионе пока всего два (оба фрагментированные). Один, с длинными выступами, известен в Мусуларе (*Musular*), Центральная

¹⁰ Когда возникала необходимость «расширенного комментария»?

¹¹ Хауптманн 2009.

¹² Единственное их существенное отличие – прогнутость из-за использования длинных костей животных.

Анатолия, PPNC (Рис. 3: 2). Самый поздний предмет такого облика найден на Самосе, в Тигани III, LH (4800–5000 Cal BP) (Рис. 3: 3). Эти идолы находят соответствие среди подобных, но значительно более поздних европейских поделок, которые бывают костяными и каменными, гравированными на пластине и выточенными¹² (Рис. 3: 4–5).

Подковообразные головы у женских фигур. Помимо рассмотренной гравировки из Гёбккли Тепе (PPNB), в Анатолии подковообразные головы встречены в ЕВА II–III тоже у женских изображений. Их довольно много – глиняные и металлические статуэтки, аппликации (Рис. 3: 9–10, 12), плоские женские идолы типов Кусура (Kusura) и *Кюльтепа* (Рис. 3: 11, 13–14).

Как и на Юго-Востоке Европы, анатolianские *обобщенно-антропоморфные идолы* и *женские фигуры с подковообразными головами* сопутствуют изображениям серпентов. Все они, видимо, принадлежат общему тексту, в котором улавливается тождество *одного из женских персонажей* и *устрашающей змеи* (Рис. 3: 7–14). Подтверждает этот тезис композиция на раннеэнеолитическом амулете из Фессалии. Женская фигура с подковообразной головой и очень длинной шеей, сидит в той же позе, что и гравированная дама из Гёбеккли Тепе (Рис. 3: 6).

Все же пока «цепочки» свидетельств для Анатолии и ЮЮВ Европы разной длины и «плотности». В первом случае можно говорить о прерывистой фиксации в интервале между PPN и EB (по анатolianской шкале). Цепочка (в рамках европейской периодизации) значительно короче: CN–LH. Тем не менее, материалы, появившиеся сравнительно недавно, позволяют расширить границы функционирования текста, привнесенного в Европу, территориально хронологически и выявить его истоки и определенно доземледельческую основу. Он восходит к первым оседлым поселенцам Анатолии (еще охотникам и собирателям), возводившим древнейшие монументальные сооружения.

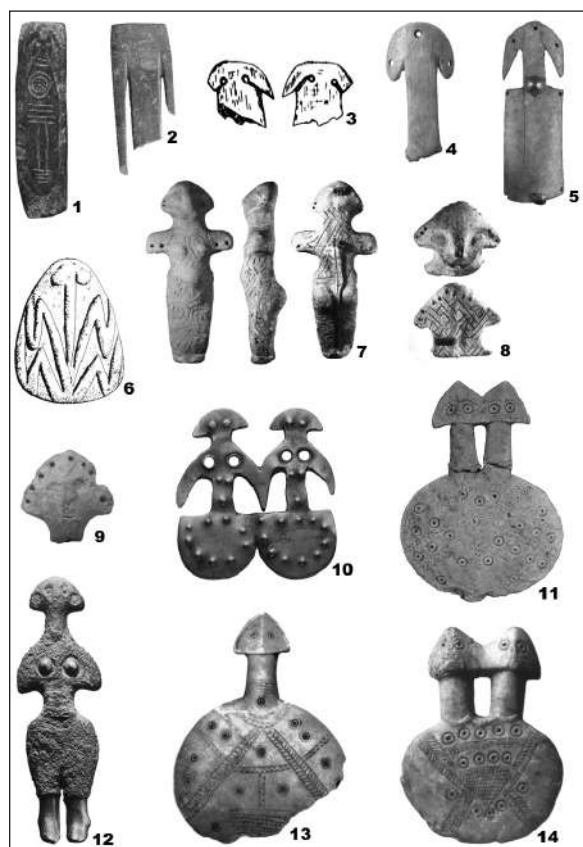

Рис. 3. Подковообразные и треугольные головы у обобщенно антропоморфных персонажей и женских изображений в Анатолии (PPNA, LH, EBA) и ЮВ Европы (EN, LN, MH): 1 – каменная плитка с гравировкой (Кёртик Тепе, PPNA); 2–5 – костяные обобщенные антропоморфные фигурки с подковообразными головами: 2 – Муслар PPNC, 3 – Тигани III (LH), 4 – Азмашка могила (КТК), 5 – Варна (КТК), 6 – изображение женщины на амулете из Чары I (Magula Panagou, Фессалия EN), 7, 8 – женские статуэтки из Рафта (Винча), 9 – голова фигурки из Кутайя Тавшан Бейкой (Анатолия, ЕВА III), 10, 12 – Аладжа Хююк (ЕВА III): 10 – золотая аппликация (Tomb H), 12 – биметаллическая статуэтка (Tomb L). 11, 13, 14 – идолы типа Кюльтепа ЕВА II–III; 1 – по Özkaya & Coskun 2009, 2 – по Özbaşaran 1999, 3 – по Schoop 2005, 4 – по Калчев 2005, 5 – по Nikolov 2004, 6–8 – по Hansen 2007, 9, 13, 14 – по Aydingul 2005, 11 – по Mellink 1966, 10, 12 – по Muscarella 2003.

Fig. 3. Horseshoe-shaped and triangular heads of generalized anthropomorphic figures and women images of in Anatolia (PPNA, LH, EBA) and South Eastern Europe (EN, LN, MH): 1 – engraved stone tiles (Körtik Tepe, PPNA); 2–5 – generalized bone anthropomorphic figures with horseshoe heads: 2 – Musular (PPNC), 3 – Tigani III (LH), 4 – Tell Azmak (KTG), 5 – Varna (KTG), 6 – a woman image on the amulette Chara I (Magula Panagou, Thessaly EN), 7, 8 – Female figurines, Rast (Vinca), 9 – Figurine Head from Küthya Tavşanlı Beyköy (Анатолия, EBA III), 10, 12 – Alaca Höyük (EBA III): 10 – gold applique (Tomb H), 12 – bimetallic figurine (Tomb L). 11, 13, 14 – Kültepe Type Idols (EBA II–III); 1 – after Özkaya & Coskun 2009, 2 – after Özbaşaran 1999, 3 – after Schoop 2005, 4 – after Калчев 2005, 5 – after Nikolov 2004, 6–8 – after Hansen 2007, 9, 13, 14 – after Aydingul 2005, 11 – after Mellink 1966, 10, 12 – after Muscarella 2003.

Литература

- Балабина В.И. 1998. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы. *ВДИ* (2), 135–152.
- Збенович В.Г. 1980. *Поселение Бернашовка на Днестре*. Киев.
- Збенович В.Г. 1989. *Ранний этап трипольской культуры на территории Украины*. Киев.
- Калчев П. 2005. *Неолитни жилища Стара Загора. Каталог на експозицията*. Регионален исторически музей. Стара Загора.
- Корниенко Т.В. 2006. *Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства в дописьменную эпоху*. Санкт-Петербург.
- Оздоган М. 2009. Эпоха неолита и халколита на территории Восточной Анатолии. Общий обзор в перспективе межрегиональных контактов. В: *Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н.э.* Международный симпозиум (Баку, 1-3 апреля 2009 г.). Баку, 10–12.
- Хауптманн Х. 2009. Общественные и церемониальные постройки эпохи неолита на Ближнем Востоке. В: *Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н.э.* Международный симпозиум (Баку, 1-3 апреля 2009 г.). Баку, 15–18.
- Aydingul S. 2005. Mysterious women of the bronze age. Exhibition catalogue. Istanbul: Yapi Kredi Yayinlari. Kultur ve Turizm Bakanligi Kultur Varliklari ve Muzeler Genel Mudurlugu.
- Hansen S. 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. *Archäologie in Eurasien*, II (20). Mainz.
- Hauptmann H. 1999. The Urfa Region. In: Özdoğan, M., Başgelen, N. (Eds.). *Neolithic in Turkey – The Cradle of Civilizations*. Istanbul, 65–86.
- Hauptmann H., Schmidt K. 2007. Die Skulpturen des Frühneolithikums. In: *Badisches Landesmuseum Karlsruhe, Vor 12 000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit. Begleitband zur großen Landesausstellung Baden-Württemberg im Badischen Landesmuseum*. Theiss. Stuttgart, 67–82.
- Lichardus J. 1988. Varna und Mitteleuropa: Die Konsequenzen. In: *Macht, Herrschaft und Gold*. Saarbrücken, 273–282.
- Mellink M. 1966. The Art of Anatolia Until ca. 1200 B.C. In: *Art Treasures of Turkey*. Smithsonian Institution. Washington, 3–20.
- Muscarella O.W. 2003. The Central Anatolian Plateau: The Tombs of Alaca Höyük. In: J.P. O’Neill (Editor in Chief). *Art of the First Cities The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus*. New York, 279–290.
- Nikolov V. 2004. *Die Thraker, das goldene Reich des Orpheus*. Katalog. Zabern Philipp von. Berlin.
- Özbaşaran M. 1999. Musular: general assessment of a new Neolithic site in Central Anatolia. In: M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). *Neolithic in Turkey*. İstanbul, 147–155.
- Özdoğan M. 2011. Archaeological Evidence on the Westward Expansion of Farming Communities from Eastern Anatolia to the Aegean and the Balkans. *Current Anthropology* 52 (S4), 415–430.
- Özkaya V., Coşkun A. 2009. Körtik Tepe, a new Pre-Pottery Neolithic A site in south-eastern Anatolia. *Antiquity* 83. Issue 320. June. Project Gallery.
- Özkaya V., San O. 2007. Körtik Tepe. In: M. Özdoğan & N. Başgelen (eds.). *Anadolu’da Uygarlığın Doğuşu ve Avrupa’ya Yayılımı: Türkiye’de Neolitik Dönem, Yeni Kazılar, Yeni Bulgular*. İstanbul, 21–36.
- Patroi N.K. 2013. *Neo-eneolithic in Oltenia. Repertoriu de asezari si descoperiri. Neo-Eneolithic in Oltenia. Collection of settlements and findings*. Craiova.
- Peters J., Schmidt K. 2004. Animals in the symbolic world of Pre-Pottery Neolithic Göbekli Tepe, south-eastern Turkey: a preliminary assessment. *Anthropozoologica* 39 (1), 179–218.
- Rosenberg M. 1999. Hallan Cemi. In: Özdoğan M., Başgelen N. (eds.). *Neolithic in Turkey – The Cradle of Civilizations*. Istanbul, 25–33.
- Schmidt K. 2007. Göbekli Tepe. In: M. Özdoğan & N. Başgelen (eds.) *Anadolu’da Uygarlığın Doğuşu ve Avrupa’ya Yayılımı: Türkiye’de Neolitik Dönem, Yeni Kazılar, Yeni Bulgular*. İstanbul, 115–130.
- Schmidt K. 2010. Göbekli Tepe – the Stone Age Sanctuaries. New results of ongoing excavations with a special focus on sculptures and high reliefs. *Documenta Praehistorica* XXXVII, 239–256.
- Schoop U.D. 2005. *Das anatolische Chalkolithikum. Eine chronologische Untersuchung zur vorbronzezeitlichen Kultursequenz im nördlichen Zentralanatolien und den angrenzenden Gebieten*. Remshalden.

Reference

Balabina, V. I. 1998. *K prochteniiu zmeinykh izobrazhenii spiralevidnogo ornamenta drevnikh zemledel'tsev Evropy (Towards the reading of the serpentine images of the ancient European farmers' spiral ornament)*. *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (2), 135–152 (in Russian).

Zbenovich, V. G. 1980. *Poselenie Bernashevka na Dnestre (Bernashevka settlement on the Dniester)*. Kiev (in Russian).

Zbenovich, V. G. 1989. *Rannii etap tripol'skoi kul'tury na territorii Ukrainy (Early phase of the Tripolian culture on the territory of Ukraine)*. Kiev (in Russian).

Kalchev, P. 2005. *Neolitni zhilishcha Stara Zagora. Katalog na ekspozitsiata (Neolithic dwellings of Stara Zagora. Exposition catalog)*. Stara Zagora. *Regionalen istoricheski muzei (Regional Historical Museum)* (in Bulgarian).

Kornienko, T. V. 2006. *Pervye khramy Mesopotamii. Formirovanie traditsii kul'tovogo stroitel'stva v dopis'mennuiu epokhu (The first temples of Mesopotamia. Formation of the cultic building tradition in the preliterary epoch)*. Saint Petersburg (in Russian).

Ozdogan, M. 2009. *Epokha neolita i khalkolita na territorii Vostochnoi Anatolii. Obshchii obzor v perspektive mezhhregional'nykh kontaktov (Neolithic and Chalcolithic epoch on the territory of Eastern Anatolia. An overview in the perspective of interregional contacts)*. In *Azerbaidzhan – strana, svyazyvaiushchaia vostok i zapad. Obmen znaniiami i tekhnologiyami v period «pervoi globalizatsii» VII–IV tys. do n.e. Mezhdunarodnyi simpozium, 1-3 apreliya (Azerbaijan – a country that connects the East and the West. Exchange of knowledge and technologies during the “first globalization” of the VII–IV millennium BC. International Symposium, April 1-3)*. Baku, 10–12 (in Russian).

Khauptmann, Kh. 2009. *Obshchestvennye i tseremonial'nye postroiki epokhi neolita na Blizhnem Vostoke (Social and ceremonial buildings of the Neolithic epoch in the Middle East)*. In *Azerbaidzhan – strana, svyazyvaiushchaia vostok i zapad. Obmen znaniiami i tekhnologiyami v period «pervoi globalizatsii» VII–IV tys. do n.e. Mezhdunarodnyi simpozium, 1-3 apreliya (Azerbaijan – a country that connects the East and the West. Exchange of knowledge and technologies during the “first globalization” of the VII–IV millennium BC. International Symposium, April 1-3)*. Baku, 15–18 (in Russian).

Балабина Вера Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии Российской академии наук; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: balabina@mail.ru

Dumitru Boghian, Sergiu-Constantin Enea

The Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex – between the West and the East

Keywords: Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye, Stichbandkeramik, Lengyel, Tisza, Tiszapolgár, Bodrogkeresztúr, Baden, Malice, Lublin–Volhynia, influences, acculturation

Cuvinte cheie: Precucuteni–Cucuteni/Tripolye, Stichbandkeramik, Lengyel, Tisza, Tiszapolgár, Bodrogkeresztúr, Baden, Malice, Lublin–Volhynia, influențe, aculturație

Ключевые слова: Прекукутень–Кукутень/Триполье, линейно-ленточная керамика, Ленгель, Тиса, Тисаполгар, Бодрогкерестур, Баден, Малице, Люблин–Волынь, влияния, аккультурация

Dumitru Boghian, Sergiu-Constantin Enea

The Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex – between the West and the East

In this paper the authors highlight the ties that were established during the Eneolithic period between the communities of the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex and the “western” ones from the northern part of the Middle Danube Plain and from the western, northern and north-eastern Carpathian Basin (Stichbandkeramik, Lengyel, Tisza, Tiszapolgár, Bodrogkeresztúr, Baden, Malice, Lublin–Volhynia etc.). We attempt to reconstruct the complex “Danubian” and “west Carpathian” ethno-cultural processes that caused the various population movements from the West to the East of the Carpathians, defining the archaeological indicators, especially the ceramic ones, on the basis of which the influences and interferences between the various communities of the Neolithic and Eneolithic can be defined and the historical data can be obtained, which will allow a better reconstruction of the acculturations of the period. The authors found that, although these influences existed, on account of having been exerted in different ways and at different intensities from stage to stage, even involving the demographic presence of alien elements, they did not lead to the “Lengyelization”, “Polgárisation” or “Badenisation” of the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex, which retained its individuality in its general lines, and that they only marked the differentiation processes of the regional aspects/variants of development, as a result of phenomena specific to protohistorical and historical acculturations.

Dumitru Boghian, Sergiu-Constantin Enea

Complexul cultural Precucuteni–Cucuteni/Tripolye – între Vest și Est

În prezenta lucrare, autorii evidențiază legăturile care au avut loc, pe parcursul eneoliticului, între comunitățile complexului cultural Precucuteni–Cucuteni/Tripolye și cele „vestice”, din partea nordică a Câmpiei Dunării mijlocii și din Bazinul Carpatic de vest, nord și nord-est (Stichbandkeramik, Lengyel, Tisza, Tiszapolgár, Bodrogkeresztúr, Baden, Malice, Lublin–Volhynia etc.). Se încearcă reconstituirea complexelor procese etno-culturale „danubiene” și „vest carpatice” care au determinat diferitele deplasări de populație de la vest la est de Carpați, definirea indicatorilor arheologici, în special cei ceramici, pe baza cărora pot fi definite influențele și interferențele dintre diferitele comunități neolitice și eneolitice și obținerea unor date de natură istorică, care să permită mai buna reconstituire a aculturațiilor din epocă. Autorii au constatat că deși există, aceste influențe exercitându-se în modalități și cu intensități diferite, de la etapă la etapă, presupunând chiar prezența elementelor demografice alogene, acestea nu au condus la „Lengyelizarea”, „Polgarizarea” și „Badenizarea” complexului cultural Precucuteni–Cucuteni/Tripolye care, în ansamblul său, și-a păstrat individualitate culturală, ci au marcat doar procesele de diferențiere a aspectelor/variantelor regionale de dezvoltare, ca urmare a fenomenelor specifice aculturațiilor protoistorice și istorice.

Д. Богян, С.-К. Еня

Культурный комплекс Прекукутень–Кукутень/Триполье – между Западом и Востоком

Авторы статьи подчеркивают связи, которые существовали на протяжении энеолитической эпохи между общностями культурного комплекса Прекукутень–Кукутень/Триполье и «западными», локализованными в северной части низменности Среднего Дуная и в западном, северном и северо-восточном Карпатском бассейне (носители культур линейно-ленточной керамики, Ленгель, Тиса, Тисаполгар, Бодрогкерестур, Баден, Малице, Люблин–Волынь и др.). Предпринимается попытка воссоздания сложных «данубийских» и «западнокарпатских» этнокультурных процессов, которые привели к различным передвижениям населения с запада

к востоку от Карпат, а также идентификации археологических индикаторов, в особенности керамических, на основании которых могут определиться влияния и взаимодействия между разными неолитическими и энеолитическими общностями. Таким образом, авторы надеются получить данные исторического плана, которые позволили бы точнее воссоздать картину культурных процессов эпохи. Сделан вывод, что хотя эти влияния существовали, они действовали в разной степени на разных этапах, подразумевая даже присутствие чужих демографических элементов, но не привели к «ленгелизации», «полгаризации» и «баденизации» культурного комплекса Прекукутень–Кукутень/Триполье, который, в целом, сохранил свою культурную индивидуальность. Эти влияния лишь придали определенный оттенок различия региональным вариантам развития, в результате специфических протоисторических и исторических процессов аккультурации.

I. Introduction

The archaeological research conducted during the post-war period has outlined quite clearly the broad lines of development of the European human communities and the links between them in the highly dynamic and complex Neolithic and Eneolithic world. In this respect, the issue of the Near Eastern and Anatolian-Balkan origin of the Carpathian-Danubian Neolithic and Eneolithic was elucidated, in close relationship with the general processes taking place on the continent, involving, mainly, the action on the local backgrounds of the two main Anatolian-Aegean currents (Sesklo-Starčevo and Vinča) (Perlès 2004; Whittle, Cummings 2007; Davison *et alii* 2009: 10–18), to which we should probably add the Impresso-Cardial one (Гаскевич 2010: 213–251), in a multitude of historical scenarios. Subsequent contacts between the Neolithic communities, taking place in all directions, including the West-East one, caused multiple “secondary” processes of migration, acculturation and cultural transformation, through which the late Neolithic and Eneolithic archaeological cultures were born, with obvious phenomena of continuity and discontinuity.

Observed at a spatial and temporal macro-scale, these processes are configured on a series of fundamental directions of ethno-cultural and historical interaction, among which the East-West and the West-East movements were the topic of numerous particular researches. Thus, the settling (the Neolithisation) of the East-Carpathian area was done by Starčevo-Criș communities coming from Transylvania and Wallachia (Ursulescu 1984; Popușoi 2005), which interfered with the late Mesolithic and the Bug-Dniester human groups, the last especially in the Dniester River area (Маркевич 1974; Larina 2010: 177–218; Marinescu-Bîlcu 1993: 191–241).

At the same time, conditioned by the effects of the population movement caused by the Vinča waves, the displacement of the Western Linear Pottery communities towards South and Central Poland, Western Ukraine and the East-Carpathian area (understood in its entirety – Romania and the Rep. of Moldova) has

been highlighted (Dergachev, Sherratt, Larina 1991: 1–16; Larina 1994a; 1994b: 51–68; 2009: 50–70; Larina, Kuzminova 1994: 225–240; Ларина 1999: 10–140; Ларина *et alii* 1997: 62–110; Pyzel 2009: 71–79; Ursulescu 1990: 188–224) and the effective participation, together with the bearers of Boian-Giulești phase, to the genesis of the cultural complex Pre-Cucuteni-Tripolye A (Marinescu-Bîlcu 1974: 109–121; 1993: 191–241).

As such, in this paper we intend to track and highlight the way in which, throughout its millenary existence, the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex interfered with other peoples and cultures and received countless Western influences, specifically from the communities of the Middle Danube and the Western Carpathian Basin.

This is not a completely new line of investigation, since these ties were discussed before, albeit in an elusive and sequential manner, to the point of exposing, most prominently, certain Vinča influences (Ursulescu, Dergachev 1991: 157–172; 2000: 207–220; Marinescu-Bîlcu 1974: 132–134) and the mutual ties established with the communities of the Petrești culture (Marinescu-Bîlcu 1974: 133–134; Paul 1992; Gligor 2009: 233–246) or with the Danubian, Western and Central Carpathian ones (Збенович 1989: 141; Sorochin 1991: 213–217; 1992: 69–87; Burdo 2001: 5–38; 2001–2002: 141–163; 2011: 357–371).

At the same time, we take note of a number of more recent contributions concerning the contacts between Tripolyans and their western neighbours, that leave grounds for assuming that successive processes of “Polgárisation” and “Badenisation” took place, which mainly triggered changes in the cultural profile of the Cucuteni-Tripolye tribes (Videjko 2000: 13–68; Tkachuk 2000: 69–85; Tsvek 2000: 111–132; 1996: 89–113; Movsha 2000: 133–167). We also cannot overlook the contributions that focused on the presence of eastern elements (Manzura, Sava 1994: 143–192; Дергачев 1999: 169–221) in the Cucuteni-Tripolye milieu, increasingly visible in the second developmental stage of the cultural complex, during a historical continuum, especially since they sought, explicitly or impliedly, consciously and/or unintentionally, to

plead for certain theories of Indo-Europeanization (the *kurgan* waves hypothesis) (Gimbutas 1989: 197–262; Rachtel 1987: 51–63; Anthony 2007).

II. Objectives

Our endeavour aims to address, in a manner as complete and dynamic as possible, most of the archaeological indicators of these contacts and western influences, as well to highlight their contribution to the formation of some regional aspects and to the transformation of the ethno-cultural ensemble, in order to see to what extent were the cultural changes due to the internal evolution of the cultural complex, and/or to the influences received over time. Unfortunately, the differently coverage of systematic excavations and the uneven publishing of the findings hindered our analysis and forced from us a certain dose of subjectivity in shaping the conclusions, albethey provisory.

Therefore, without neglecting or underestimating the importance of any of the influences observable on the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye communities, in this paper we will insist on the ties with the Stroked Band Pottery (*Stichbandkeramik*), Lengyel and Epi-Lengyel, Tisza, Tiszapolgár and Bodrogkeresztúr, Malice, Lublin–Volhynia and, last but not least, the Baden communities.

III. Chronological framework

Regardless of the periodization and chronology schemes employed, we can notice that, in its entirety, the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural

complex (including the final cultures/groups, considering the elements of continuity) had an existence spanning for more than a millennium and a half to two millennia, between the 50 and 30 centuries cal BC, being contemporary with the Lengyel and Epi-Lengyel, Tisza and Tiszapolgár-Bodrogkeresztúr, Lengyel–Polgár, Malice and Lublin–Volhynia civilizations (Table I) (Stadler 1995: 102–105, 210–224; Lenneis, Stadler, Windl 1996: 97–116; Dolukhanov *et alii* 2005: 1441–1458; Maran 1998: 497–525; 2001: 733–748; Wild *et alii* 2001: 1057–1064; Burdo 2005: 75–84; Kovalyukh, Skripkin, Videiko 2007: 71–78; Lazarovici 2010: 91–114).

It is therefore natural that the cultural phenomena to which we refer to were complex and diverse, from stage to stage, observing the multiple processes of interference, acculturation and cultural transformation.

IV. The geographic setting and the diffusion routes for the influences

The Neolithic and Eneolithic civilizations and cultural complexes of the Carpathian and peri-Carpathian sub-basins flourished in complex and complementary ecosystems, determined by the positioning along some major watercourses (the Middle Danube and the Tisza in the West; the Dniester, Prut and Siret in the East; the Oder, Vistula and San in the North) and their tributaries, at the meeting place of several major landforms units: plains (the Pannonian, Tisza and Bodrog plains); plateaus/hills (the North-West Hungar-

Table I. Cultural-chronological synchronisms in the Neolithic and Eneolithic of the North Carpathian Basin and the adjacent areas

PERIOD	CAL C14 DATA	REGIONS										
		MIDDLE DANUBE TRANS-DANUBIA	TISZA PLAIN	TRANSYLVANIAN TABLELAND	KRAKOW	SANDOMIERZ	RZESZÓW	LUBLIN-VOLHYNIA	MOLDOVA ROMANIA	REPUBLICA MOLDOVA	UKRAINA	
AENEOLITHIC	LATE	3000	BELL BEAKER VUCEDOL	VUCEDOL	POST-COTOFENI GROUPS	SCHNURKERAMIK				YAMNAYA CULTURE		
		3250	BADEN II / BOLERÁZ II	BADEN II	COTOFENI II, III	Lublin-Volhynia IIB	Funnel Beaker Culture I / II Globular Amphora Culture / Late Tripolye Lublin-Volhynia IIB			HORODIȘTEA ERBICENI II	GORDINEȘTI	SEREZLIEV ZHIVOTILOV GORODSK
	MIDDLE	3500	BADEN I / BOLERÁZ	BADEN I	COTOFENI I	Zlotniki	Funnel Beaker Culture I Lublin-Volhynia IIIA Polgár influences		HORODIȘTEA ERBICENI I	GORDINEȘTI VYHATINTSI BRĂNZENI	GORODSK USATOVO	
		3750	BALATON-LASINJA	BODROGKERESZTÚR A, B	BODROGKERESZTÚR A, B	Węzów	Lublin-Volhynia II	MALICE IIB Rzeszów phase	Lublin-Volhynia II Polgár infl.	CUCUTENI B - TRIPOLYE-BII / CI-YI		
		4000	LENGYEL III	TISZAPOLGÁR A, B CSONGRAD	TISZAPOLGÁR A, B DECEA MUREȘULUI	Lengyel Culture Medlincia Group	MALICE CULTURE IIA phase (Rzeszów phases)		Lublin-Volhynia I Polgár infl.	CUCUTENI A-B - TRIPOLYE BI-BII		
		4250	LENGYEL III	PROTO-TISZAPOLGÁR	PROTO-TISZAPOLGÁR ARIUȘD	Lengyel Culture Pleszów Group	MALICE CULTURE IC phase Lengyel-Polgár influences		CUCUTENI A - TRIPOLYE BI Lengyel-Polgár / Eastern influences			
LATE NEOLITHIC	EARLY	4500	LENGYEL II	TISZA III / CSŐSZ-HALOM (GBORIN) TISZA II	ICLGD PETREȘTI A-B, B	MALICE CULTURE IB phase (classic) Stroked Pottery culture influences			PRE-CUCUTENI III - TRIPOLYE A2 PRE-CUCUTENI II - TRIPOLYE A1 Malice culture influences			
		4750	LENGYEL I SOPOT-BICSKE II	TISZA / HERPÁLY I / II	PETREȘTI A, LUMEA NOUĂ FOENI	LENGYEL CULTURE (LC) (SAMBORZEC-OPATÓW GROUP) Krakow, Sandomierz subgroups	MALICE CULTURE IA phase Stroked Pottery culture influences		PRE-CUCUTENI I BOIAN II penetration	MALICE IA SPC ? Želízovce IIC		
LATE NEOLITHIC		5000	SOPOT-BICSKE I	SZAKÁLHÁT / ESZTÁR	TURDAȘ	LBPC Želízovce IIB phase LBPC Želízovce IIA phase Linear Band Pottery culture - <i>Notenkopf</i> phase						

ian and the East-Slovak plateaus); and mountains, of average elevations, not greater than 3000 metres (the Western Carpathians, the North-Eastern Carpathians, the Beskids, and all the related piedmontan chains), each with its own natural resources (Birkenmajer 1974: 127–157; Geografia României 1987: vol. III; Pop 2006: Dunăre 1984: [http://www.encyclopediaofukraine.com/pages/C/A/Carpathian Mountains. htm](http://www.encyclopediaofukraine.com/pages/C/A/Carpathian%20Mountains.htm)).

The primary and secondary hydrographical network crossed the Western and North-Eastern Carpathians and the Beskids, creating numerous lowlands and valleys, where man founded settlements as early as the Palaeolithic.

At the same time, major transmontane passing routes formed by the tracts of lands linking the sources of the various larger or smaller rivers, emerged as facilitators of population movements from one side (NW, NE and SE ones) of

the mountains to the other and to adjacent areas, constituting real corridors during all the pre-historical and historical periods, while the “local”, intra-Carpathian passages favoured internal movements between the various depressions and ethnographic areas: Dukla (between the Bodrog-Ondava and Wislok, 502 m), Lupkow (between Laborec and Wislok/San, 640 m), Už (between Už and San, Dniester and Stryi, 889 m), Verecke (between Latorytsia and Stryi Valleys, 841 m), Bereger/Volovec (1014 m) and Torunsky/Vyshkivsky (between Tisza tributaries, Dniester and Galician Bystritsa valleys, 930, 6 m), Jablunetsky/Tatar (between the Black Tisza and the Prut valley, 931 m), Prislop (the Maramureş Depression – the Dorna Depression, 1416 m), Prislop (1413) and Rotunda (1284 m) between Maramureş and Bucovina, Tihuţa–Bârgău (Dorna Depression – East-Transylvanian Bistriţa valley, 1201 m), Tulgheş

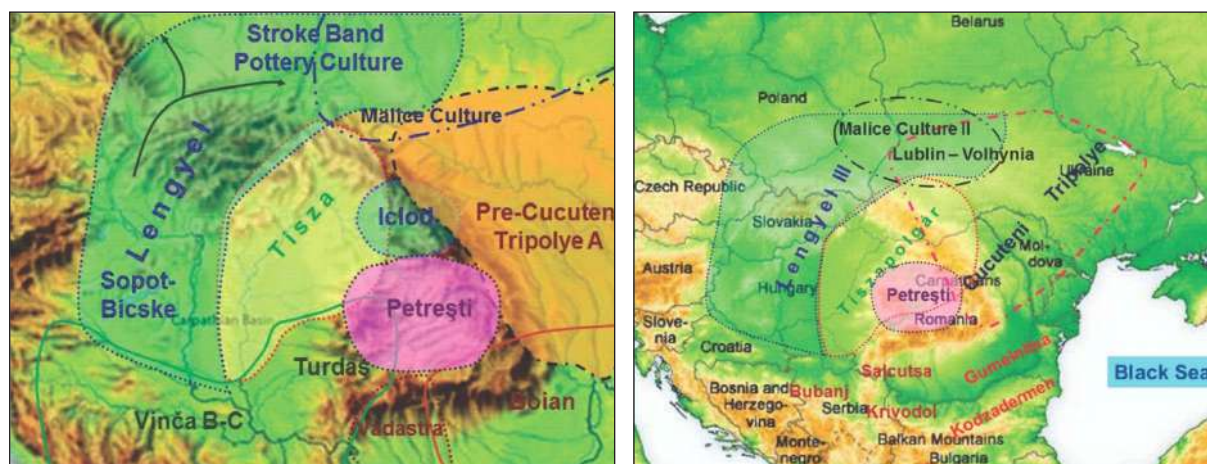

Fig. 1. The geographic setting and the reference cultural framework (*processed ap.* William Parkinson www.anthro.fsu.edu/research/koros/overview/arch_background/arch_background.html).

(between Giurgeu/Harghita and Hangu/Neamţ Depressions, 1025 m), Ghimeş–Făget–Palanca (between the Western/Ciucurilor and Covasna depressions and those of the Eastern Carpathian/Moineşti–Comăneşti–Dărmăneşti Depression, on the valley of the Trotuş River, 1155 m, with a branch across the Uz Pass, 1085 m), Oituz (between the same depressions, in the valley of Oituz River, 635 m) (fig. 2) (Bader 2001: 15–39). In this regard, it can be noticed that a third of the major passes of the Carpathians lie in the north–western, northern and north–eastern sections. On these routes, people, ideas, technologies and products circulated during different ages.

Far from being a cul-de-sac, the Middle Danube Plain, the North-western, North-eastern and Eastern Carpathians, with all their adjacent ter-

ritories, constitute a major area of convergence, a space of individualities and of multiculturalism, a melting pot of prehistoric, protohistoric and historic syntheses. The Neolithic and Eneolithic populations that inhabited these macro- and micro-areas and cultural and ecological niches interacted throughout time, at different intensities from period to period and from case to case.

The movements of the prehistorical, proto-historical and historical human communities, for different distances and on various directions/vectors, from the primary/original areas, to secondary and tertiary areas of habitation, took place either following major natural (climatic and geographical) changes, either as a result of cultural and historical events (political-military events – the change of the balance and the centres of power,

war and conquest; colonization currents; economic specificities; the displacement of the managed/built space; “end of the world” ideas: a new beginning in another time and space; etc.), either in search of new resources needed for living: sub/quasi-autochthonous and allochthonous (lands for tillage and pasture, mineral resources, rocks, salt, oxides, ores, etc.), which, depending on the technology of the era, were exploited, processed, consumed and/or meant for short to long distance

trade (Turq 2000: 106–107; http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/pal_1145-3370_2000_sup_2_1_1266; Mester, Rácz 2010: 30–31; Sandu *et alii* 2010: 225–256; Boghian, Niculică, Budui 2012: 272–291).

After tracing diachronically the Neolithic and Eneolithic population movements on a macro-scale, we ascertained several ways of intrusion for western elements and influences to the East of the Carpathians, each with its specificity and im-

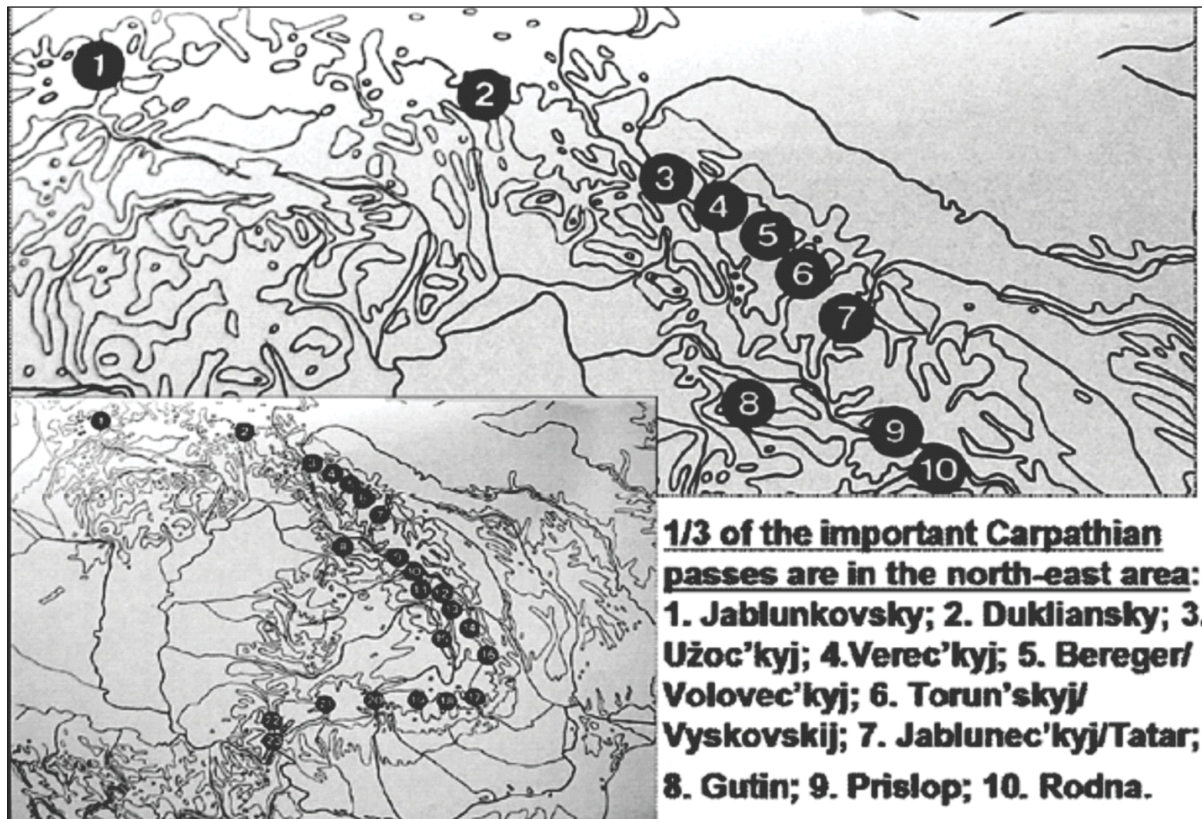

Fig. 2. The mountain passes of the Northern and Eastern Carpathians (*ap.* T. Bader 2001).

portance: **the Transylvanian route** – often considered as the default and less emphasized in the dedicated literature; **the route of the North Carpathian passes** (direct, between the upper basins of the Tisza, Dniester and Prut rivers); **the Middle Danube–Southern Poland route** (indirect, from the upper and middle basins of the Vistula and San rivers) – the so called Danubian cultural communities of Southern and South-eastern Poland and the Lublin–Volhynia ones.

V. The archaeological indicators of the West–East influences

Much data can be brought forward to attest the presence of western and north–western ele-

ments in the settlements of the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex. To begin with, influences are observed in some ceramic categories, forms and decorations (including the plastic applications and the horn-shaped and multiple handles), the archaeological marker most sensitive to cultural changes, according to the chronological–cultural parallels. In most cases, the technological and compositional changes of the paste and of the decoration can constitute cultural–demographic indicators (Parsons 2012: 458–466) of the presence of some allogeneous population(s), infiltrated as small groups and for short time periods, and elements of direct influence (see also the much-discussed *Cucuteni C* pottery), and not

just replicas and/or imports (Biehl, Rassamakin 2008), although the coexistence of artefacts of various origins should not be excluded.

In the case of the movements/colonisations of consistent human groups, we can notice strong influences and sudden and massive changes, as evinced by the ceramics, plastic arts and other artefacts, cultic constructions and elements etc., in terms of regional aspects/varieties of the cultural chronological entities, of acculturations and cultural transformations, which implicitly had ethno-cultural expressions, in many cases impossible to be verified by archaeological means. Unfortunately, the selective publishing of the ceramic lots, particularly of the known materials, hindered our enterprise.

For this reason, alongside various ceramic categories, useful as markers of influences are also other indicators such as: chipped and/or polished and perforated lithic artefacts manufactured from raw materials and following alien technological processes (obsidian, Vistula “chocolate” flint, Volhynian flint, Prut-Dniester flint, volcanic rocks etc., native copper and from ores etc.), some types of bone and antler tools (the so-called “polishers” on artiodactyl metapodials), adornments from non-autochthonous materials (copper, gold, shells – *Spondylus*, *Glycymeris*, *Cardium*, *Dentalium*, etc.), as well as the types of dwellings, fortifications and building methods, cult pieces – anthropomorphic and zoomorphic plastic art etc., some of which were possibly distributed by trade or reproduced using another raw materials (see the skeuomorphic clay disks imitating the original gold and silver ones), others suggesting the immediate presence of the allogeneous individuals and communities that created the respective goods and technologies.

At the same time, considering the criteria of cultural anthropology, not a single human culture, which expressed itself or not from an archaeological, ethnological or historical point of view, was a passive receiver of external influences, but engaged in reciprocal cultural exchanges. In this sense, important are the influences exerted throughout time by the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye communities on the creators of the neighbouring cultures/cultural complexes. Similarly, we must remember the fact that in their movements from their original “homelands” to their secondary or tertiary ones, the Neolithic and Eneolithic communities suffered natural transformations and gradually assimilated various influences. This phenomenon can be observed in the case of the Stroked Band Pottery Culture (*Stichbandkeramik*) Lengyel, Tisza and Lengyel–Polgár communities that colonised the different micro-re-

gions from Southern Poland, giving rise to other cultural entities: mainly the Malice and Lublin–Volhynia cultures. We also must not ignore the fact that the Danubian Neolithic milieu (the Lengyel and Tisza cultures) was penetrated by other central, northern and western European communities, as to imbue the former with a certain ethno-cultural heterogeneity/cosmopolitanism, also observable in the associated influences, which contain various elements.

VI. Western influences in the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex

VI.1. The Pre-Cucuteni-Tripolye A culture (49/48 – 46/45 cent. cal BC)

Formed from the merger of Boian–Giulești communities with late Linear Pottery ones, in an area encompassing south-eastern Transylvania and south-western Moldavia, the Pre-Cucuteni-Tripolye culture extended north-eastwards and eastwards, and exerted and received in its turn, during its semi-millenary existence throughout the three phases, at various intensities, cultural influences (southern: Boian and Hamangia cultures; western: Vinča–Turdaș and Vinča C, Petrești, Lengyel, Tisza, Stroked Band Pottery (*Stichbandkeramik*), and Malice cultures; eastern: Bug-Dniester culture) (Marinescu-Bîlcu 1974: 109–141; Збенович 1989: 171–196; Garvăn, Buzea, Frânculeasa 2009: 23–27) that were assimilated while preserving its distinctiveness in the larger ensemble of contemporaneous cultures.

Because the Pre-Cucuteni I materials are little known and published, the question of eventual influences received by the respective communities is at this moment unapproachable. For the Pre-Cucuteni II–Tripolye A1 phase, V.S. Titov (Titov, Erdely 1980: 231; Збенович 1989: 141) cited the vessel decorated with thin white incised and inlaid lines unearthed at Rogojeni I, Republic of Moldova, as an example of an import from during the final phase of the Bükk culture, while S.N. Bibikov mentioned for Luka Vrublevetskaja (Pre-Cucuteni III–Tripolye A2) Tisza influences (mainly reticular impressed motifs) (Bibikov 1953: 155–156, fig. 61, tab. 65–a, b, 66–b, v, g, d, j, 67–v, e; Збенович 1989: 141, fig. 81/1; Makkay 2004: fig. 4–6, 9, 16–18, 21–25), but these elements seem, at this stage of research, to have been much more numerous (fragments of scale–model dwellings, of anthropomorphic and zoomorphic vessels, the appearance of pyriform vessel similar to those from the Lengyel area, including the tradition of raw red painting, also specific to the Tisza culture).

For the moment, it is difficult to speak of specific traditions and influences in the genesis and evolution of the Pre-Cucuteni-Tripolye A communities on the basis of the coarse ceramics decorated with “pinched” and fingernail-impressed motifs in/on the clay slip layer, considered to be a Criș tradition (Burdo 2011: 259), because this ceramic species was likewise produced and used by the Linear Pottery communities, from which the Pre-Cucutenians-Tripolyans inherited and kept it, almost unchanged, up to the end of the Pre-Cucuteni III phase.

Nonetheless, after reanalysing the domestic ceramic ware from Luka Vrublevetskaja and Kormani (Pre-Cucuteni III-Tripolye A2), N. B. Burdo highlights a series of similarities between the shapes and decorations of this species and the vessels specific to the Lengyel and Tisza communities from the Tisza and Pannonian Danube plains and from southern Poland, which alongside the similarities in the lithic industries and in certain architectural elements, would bespeak of connections between the respective communities, and even of the involvement of the Danubian component to the genesis of Bernashevka and Kormani-Luka Vrublevetskaja type settlements (Burdo 2001: 5–38; 2007: 273–276, fig. 2–4). However, we stress the necessity to establish these similarities of larger sets of ceramic materials and associations of ceramic categories, resulting even from more recent research, because domestic ceramics display, in the case of the post-Linear Pottery communities, a remarkable uniformity generated both by the parental background, and by the same functionalities within quasi-similar economies.

As expected, the archaeological investigations conducted in the upper basin of the Dniester River and in the Volhynian Plateau brought to light new evidence that complete the wider picture of the Neolithic habitation in the area of the Upper Dniester, and the influences that occurred between the different communities.

Thus, after the Music-note Linear Pottery and Želizovce habitations (Lenartovych 2009: 226–261), in the northern part of the region, at Zalisky, there was discovered an inhabitation level dated to the classical phase of the Malice culture (48–46 cent. cal BC) (Bandrivskij, Krushelnycka 2002: 441–452). For this reason, it is normal for the Pre-Cucuteni II-III-Tripolye A1-2 settlements from this area to find materials typical to the Malice culture, including ones influenced by the Stroked Band Pottery culture (*Stichbandkeramik*) (Tkachuk, Kochkin 2012: 308–312), and not only as “imports” and “imitations”. Recently, ceramic materials have been dis-

covered in the Pre-Cucuteni III/Tripolye A2 settlement from Kozyna-Solovche and Holyshiv, which display conspicuous Malice I B and proto-Tiszapolgár (Tiszapolgár A) influences (Tkachuk *et alii* 2010: 219–238; Pozikhovskij 2010: 28–39).

On account of this fact, taking it as a working hypothesis, we hold the opinion that the technique for producing the early Pre-Cucuteni-Tripolye motifs with notched-dot stripes (with a denticulate instrument, comb?), inlaid or not with white, could have been received, at least in the northern part of the cultural complex, also through Malice mediation (phase I A and B, with *Stichbandkeramik* influences), and not only following the contacts with the Hamangia culture bearers (Marinescu-Bîlcu 1972: 35–36; 1974: 125).

In point of fact, the Malice culture, the heirs of the post-Linear traditions in southern and western Poland (as a local variant of the Stroked Band Pottery/*Stichbandkeramik* culture, even though it is almost identical to the one from the Czech Republic) (Zápotocká 1998: 31–140, taf. 32–160), received important Lengyel and Tisza influences (via the groups located in southern Poland, particularly the Samborzec-Opatów one) in the early phases, and Tiszapolgár influences, during the late phases (Dombay 1960; Novotný 1962; Tálas, Raczky 1987; Kalicz 1970; 1985; Kadrow, Zakościelna 2000: 194–206; Kadrow 2006: 63–64), spreading to the Lublin Plateau and the northern part of the Podolian-Volhynian Plateau, and playing an important role in the Neolithisation of the area in question. As such, we believe that the investigation of the relationships between the Pre-Cucuteni-Cucuteni/Tripolye and the Malice communities represents an important research direction for the future.

At the same time, the multiple Lengyel and Tisza (phases I-III) penetrations in southern Poland can provide suggestions for also tracking these phenomena in the North-Eastern Carpathian area (the northern part of the Pre-Cucuteni-Cucuteni/Tripolye cultural complex).

In what concerns the influences received by the Pre-Cucuteni-Tripolye A communities from the contemporary civilisations in Transylvania (Vinča-Turdaș II, Petrești and Iclod), or the Pre-Cucuteni elements present in the intra-Carpathian area, these issues, as shown above, have been already addressed in the dedicated literature (Paul 1992: 54–55, 100, pl. XXII: 1–2, 4–6, 8–9, 12–13; Lazarovici 1991; Lazarovici, Lazarovici 2006: 544–545, fig. IVd1).

Thus, besides the shapes and decorations with grooves, pleats, bands of alveoli etc., considered of a Vinča B2-Turdaș and Vinča C influence,

which can just as well represent legacies from the Dudești–Boian background, the discussion mentions the unmediated presence of Pre–Cucuteni elements in Transylvania. This presence (Pre-Cucuteni I-II), at first put into connection with “Pre-Cucutenian impulses in the Turdaș” (II) and Petrești (A) milieus (Marinescu-Bîlcu 1974: 127, 131–134), has been documented in many Transylvanian sites, being considered contemporary with the late Vinča (C1–C2) culture (Drașovean 1996: 92–100; 2003: 39–58; Maxim 1999: 98–100).

Except the south-eastern, these elements not formed a distinct cultural level in Transylvania. This is perhaps the reason why they were assigned differently, some specialists considering them belonging either to some Boian-*Bolintineanu* and *Giulești* and Pre-Cucuteni influences (Luca 1998: 169–173, abb. 1–2), either to an initial cultural background that suffered transformations (Gligor 2009: 233–246). In our opinion, the greatest part of the putative Pre-Cucutenian artefacts (I-II phases) from Transylvania actually represent Boian-*Giulești* ceramic materials that appeared concurrently with the northward expansion of these communities, which in south-eastern Transylvania and south-eastern Moldavia mixed with Linear Pottery ones and gave rise to Pre-Cucuteni culture. In fact, subsequent influences from the later phases of the Boian culture, present in the Foeni-Petrești cultural milieus, and others, similarly cannot be excluded.

For the moment, no materials specific to the Petrești culture have been found in Pre-Cucuteni phases I and II in the settlements east of the Carpathians. These influences are manifested in the Pre-Cucuteni III phase, being particularly noticeable towards the end of the phase, particularly within the Ariușd cultural aspect (Lazarovici, Lazarovici 2010: 27–108), as well as east of the Carpathians (Târpești) (Marinescu-Bîlcu 1981: 60, 64, fig. 155: 3, 163: 7, 10–12, 164: 5, 173: 1, 174: 2–3, 182: 5), including through the changes occurring in the techniques of ceramic decoration through painting before firing.

At the current state of research, even though not numerous, the western influences in the Pre-Cucuteni-Tripolye communities are a fact; the problematics of adequately highlighting them remains an important research direction. We do not dismiss the hypothesis according to which the gradual movement of the Pre–Cucuteni-Tripolye communities from the Carpathian region towards the other areas of the Moldavian–Volhynian–Podolian Plateau occurred not only as a consequence of a local demographic increase, but also of successive southern and west-north-western “pressures”.

VI.2. The Cucuteni A–Tripolye BI culture (46/45 – 43/42 cent. cal BC)

The most numerous discoveries attributed to this phase, including the investigation and quasiexhaustive publishing of some sites (Hăbășești, Trușești, Târpești) (Dumitrescu *et alii* 1954; Petrescu-Dîmbovița, Florescu, Florescu 1999; Marinescu-Bîlcu 1981), as well as the investigations conducted in other settlements, have led to the accumulation of various archaeological materials, which allow for a more thorough assessment of the western influences exerted on the Cucuteni-Tripolye communities.

Thus, in the north-western part of the cultural complex, these influences are linked with the northward and north-eastward advancing of the Lengyel II–III communities and of the associated *Kultura s moravskou malovanou keramikou/Mährisch-Ostösterreichischen Gruppe (MMK/MOG)* and Tisza II-III/Proto-Tiszapolgár variants, following the ethno-cultural restructurings taking place in Central Europe (the Middle Danube valley) (Pleiner 1978: 212–214, fig. 47; Pavúk, Šiška 1980: 140–142, 147–148; Podborský 1993: 108–145; Neugebauer-Maresh 1995: 57–107), which led to the formation, in southern Poland, of the Pleszów and subsequently Modlnica group (Kaczanowska 2006: 37–52), and/or as certain influences visible in the Malice culture (phase IC/IIA) (Kadrow 2006: 71–72), and, later, in the Lublin–Volhynia culture (Kadrow, Zakościelna 2000: 208–241; Zakościelna 2006: 77–94; 2007: 297–303, fig. 12–18).

Without delving into the discussion concerning the beginnings of the Cucuteni A (A1 and A2)/Tripolye BI (1-2) phase in the northern part of Moldavia, the Republic of Moldova and Subcarpathian Ukraine, we can show that the area witnessed the development, during the Cucuteni A3/Tripolye BI/3 stage, of the so-called Horodnitsa–Trușești–Cuconești Vechi regional aspect (Boghian 2001: 97–99), in which certain ceramic shapes and decorations seem to be have been influenced by Lengyel III/proto-Tiszapolgár/Tiszapolgár A and B communities.

Thus, at Trușești, as part of the ceramics with deepened, incised and grooved decoration, associated or not with crude (raw) white or red colouring, but also with that painted before firing, a series of vessels, particularly decorated with angular, rhomboid and reticular (“textile decoration”) motifs and the anthropomorphic vessels present similarities with those from the Lengyel III/final Tisza/proto-Tiszapolgár milieu (beakers, “amphorettes” with four handles placed symmetrically under the lips

ware, support vessels, lids with horn-shaped lugs, craters) (Iercoşan 2002: 163–186; Diaconescu 2009; Petrescu-Dîmboviţa, Florescu, Florescu 1999: fig. 163: 15, 167: 7, 169: 9, 170: 11, 172: 3, 173: 4, 175: 5, 186: 1–2, 198: 4, 204: 11, 225: 4, 231: 6, 237: 6, 245: 4, 8, 259: 3, 265: 7, 268: 1–2, 276: 5; Boghian 1997: 63–74). To these, we can add certain shapes of domestic ceramics, with multiple handles, with inset lugs modelled as alveolated buttons, and plastic representations (Petrescu-Dîmboviţa, Florescu, Florescu 1999: fig. 313: 7–8, 314: 6, 9–10, 316: 1–2, 317–317a, 318: 1–2, 9–10, 331: 1–4, 10, 335: 4–6, 337: 16).

Such influences can be noticed in the case of other Cucuteni A3 settlements, in the sites of Hăbăşeşti (Dumitrescu *et alii* 1954: pl. LXV: 3, LXVII: 4, LXIX: 5–6, LXXII: 1–3, LXXXVI: 2, CIII: 1, 15, CXI: 38, XVI: 1–4, CXVII: 1, CXX: 1–2), Preteşti (Ursulescu, Ignătescu 2003: 150–151, nr. 109, 112–113), Scânteia (Chirica, Mantu, Ţurcanu 1999: 49–nr. 156, 51–nr. 180, 118–nr. 244), Scânteia (Chirica, Mantu, Ţurcanu 1999: 49–nr. 156, 51–nr. 180, 118–nr. 244), Târpeşti (Marinescu-Bîlcu 1981: 169: 9, 170: 8–9, 171: 9, 10, 173: 4, 178: 7), some possibly mediated by bearers of the late phases of the Petreşti culture and Ariuşd aspect (Maxim 1999: 100–119). Furthermore, similar influences have been observed in the Tripolye B I settlements from Nezvisko, Polivanov Jar III, Krasnostavka, Ruseştii Noi, Cuconeştii Vechi etc. (Sorochin 1997: 21, 27, fig. 7: 3, 6–8, 13, 9: 1, 5, 10 (Jora de Sus); 10: 10 (Ruseştii Noi); 14: 7 (Brânzeni IV); 34: 4, 7, 16 (Berezovkaja GES); 37: 5 (Kudrintsy); Burdo 2007: 280–283, fig. 5–8; Popova 2003: 41–42, fig. 21–22, 71, fig. 38).

The relations between the bearers of the Tiszapolgár B/Bodrogkeresztúr culture and those of the Cucuteni-Tripolye culture also continued during the A4/B I/4 stage, visible in the Drăguşeni-Jura aspect either as Lengyel-Polgár-type horn-shaped lugs, some beakers, vessels with tiered bodies, lids, storage pots with multiple handles, short pedestal/support vessels, “textile” painted decoration, the beginning of vessel modelling on textile “supports” and on nettings etc. (Crăşmaru 1977: 16: 1, 17: 1, 21: 7, 33: 7, 10, 35: 2, 37: 1, 48–48; Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000: 184, fig. 90: 1, 91: 2, 103: 4, 6, 104: 1–2, 105: 2, 7, 9, 110: 12, 121: 4, 130: 1, 136: 3, 141: 2, 5, 145: 5, 150: 1, 7, 9). Such influences can be also noticed in the case of the sites from Jura, Duruitoarea Nouă şi Duruitoarea Veche, Cuconeştii Vechi, Putineşti III, Druţa I, Vasilievka (Sorochin 2002: fig. 60: 4, 11, 79: 7–10, 99: 4, 107: 3, 108: 7 (Jura); 62: 6, 63: 5, 65: 4, 73: 3, 74: 2, 5, 75: 3, 6, 77: 1 (Cuconeştii Vechi);

78: 3, 6 (Duruitoarea Nouă); 91: 8, 98: 5, 7 (Putineşti III); 112: 2, 3 (Druţa I); 114: 1 (Duruitoarea Veche); 140: 5, 21 (Vasilievka) or in the settlements of the southern aspect, such as Dumeşti (Alaiba 2007: pl. 21, 23, 26, 47).

In point of fact, the existence of multiple ceramic traditions within the Horodnitsa–Truşeşti–Cuconeştii Vechi and Drăguşeni-Jura cultural aspects reveals, directly or indirectly, the possible presence of communities that were different also from an ethno-cultural point of view, in a contact geographical area, with an important resource for the life of the Neolithic and Eneolithic people–flint, with its different varieties (Prut, Dniester, Volhynian–Podolian, from southern Poland/Krakow, Świętokrzyskie etc.), which was exploited, was the object of short and long distance trade, having being found in Danubian Neolithic and Eneolithic sites, and was the object of intense contentions (Zakościelna 1996: 77–109; Biró 1998: 97–98; Boghian 2008: 39–70; Kovács 2013: 392–394).

Without dismissing eastern influences, we do not exclude the possibility that in these movements of Danubian Eneolithic populations during the second half of the 5th millennium BC have been involved and mixed the late Lengyel III/early Lengyel IV/early Jordanow, early Ludanice, Balaton–Lásinja ethno-cultural elements and TRBK groups (phase A, the Sarnowo groups and the Schleswig–Holstein/Rosenhof phase), which are reflected at the level of the Draguseni–Jura regional aspect, considered to be early elements of the Cucuteni ‘type C’ ceramic ware, but different in terms of shapes and decorations (crater vessels, with or without handles, decorated with linear angular bands and rhomboid motifs, tall frustoconical bowl with straight lips, “festoon” decorations composed of concentric semi-circles accompanied by rows of impressed dots) from the vessels of the Skeljanskaja (Srednii Stog) phase/culture (Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000: fig. 113: 1, 3, 114: 9, 151: 1, 7, 153: 10 (Drăguşeni); Sorochin 2002: fig. 60: 10 (Jura); Dumitrescu 1955: 917–922; Minichreiter, Marković 2011: 333–335; Neustupný 2008: 38–59; Midgley 1992: 47–60, 79–88, fig. 11: 1–4, 21:1, 6, 395–396; Kotova 2006: 74–92, 108–118, 127–131; Kovaleva 2012: 3–11). However, this issue requires an in-depth consideration.

VI.3. The Cucuteni A-B–Tripolye B I-B II culture (43/42 – 40 cent. cal BC)

For the Cucuteni A-B1/Tripolye BI-BII/1 phase, in the north-western part of the cultural complex, we can define the regional aspect enti-

tled Zaleshchik (Vinogradova 1972: 36–56; 1983) or, following the new research, Vorniceni-Zaleshchik. Unfortunately, the archaeological materials originating from the settlements of this phase were published unequally and selectively, and no monographic work is available so far (Boghian 2006: 163–180). This deprives us of the possibility to perform a factological analysis of the western influences during this time period, when it is assumed that final Lengyel III(?) and IV, Tiszapolgár B/Bodrogkeresztúr A communities penetrated the north-eastern Carpathian area, and the Lublin–Volhynia culture emerged, which also triggered changes in the Malice culture (phase II A) (Kaczanowska 2006: 37–52; Kadrow 2006: 71–74; Kadrow, Zakościelna 2000: 208–241; Zakościelna 2006: 77–94; 2007: 289–314; Czekaj–Zastawny, Kabaciński, Terberger 2011: 55–88).

It is generally assumed that in the archaeological materials of the Cucuteni A-B/Tripolye B I/B II phase, the western (Lengyel–Polgár) influences are constituted by the presence of semi-spherical shapes (bowl, lids, and quasi-spherical beakers, some frustoconical bowls with multiple handles, reticular (“textile”) and meander decoration, anthropomorphic statuettes with column feet, those with rounded heads or facial features rendered naturalistically, some polished stone tools etc.).

Thus, in the case of the Zaleshchik aspect, a series of discoveries (ceramics and plastics) from the eponymous settlement (Videjko 2000: 14–15, fig. 2–3) and from Polivanov Jar II/1-2 (Popova 2003: fig. 54, 62: 5, 79: 3a–b; Bem 2007: fig. 193) are brought forward. These artefacts display Lengyel–Polgár influences, which are also found, manifested similarly or differently, in the sites from the Middle Dniester belonging to the so-called Solonceni aspect [Orheiul Vechi, Solonceni II/2, Florești–Zagotzerno (Videjko 2000: fig. 5, 6: 1, 9–10, 14), Mârzești, Alexandrovka II, Gura Căinarului (Sorochin 2004: fig. 7: 14 (Mârzești), 8: 2, 7 (Alexandrovka II), 13: 6 (Orheiul Vechi), 15: 1 (Gura Căinarului)] and in the settlements of the Southern Bug and Middle Dnieper area (Klishchiv, Veselyi Kut, Veremye etc.) that are part of the so-called “Eastern Tripolye Culture” (Zaets, Ryzhov 1992: 115–117, 161; Gusev 1995: 91–105; Videjko 2000: 14–25, fig. 6: 2–8, 11–13, 7; Tsvetkov 2000: 111–132, fig. 3, 5; 2012: 225–245; Movsha 2000: 133–141, fig. 1–4), which drive us to the conclusion that we are these are communities with various cultural traditions interacting at different moments and intensities.

The ceramic artefacts of Bodrogkeresztúr influence (Luca 1999: fig. 1–35) were also dis-

covered in the southern area of the Cucuteni A-B phase, as exemplified by the four-lobed vessels painted polychromic with meanders (*cucutenian interpretatio*) from Calu-Piatra Șoimului (Dumitrescu 1979: fig. 125), the ceramic materials with textile decoration from Traian–Dealul Fântânilor [Bem 2007: fig. 73: 1, 91: 4, 109: 3, 110, 158, 172, 196: 2, 203, 252–254 (domestic ceramics), 292 (button handles), 396: 7 (spiralled pendant end)], Rădulenii Vechi (Bem 2007: fig. 181), Huși (Bem 2007: fig. 205: 3), as well as a number of discoveries attributed to the so-called *Horizon of the vessels with button handles (handles with discoid attachments)* (Herculane II/III–Pecica–Cheile Turzii–Hunyadi–Halom) (Bartók 1997a: 155–162; 1997b, 163–172; László, Sztáncsuj 2010: 171–194) etc.

In the same train of ideas, we ask whether the “Cucutenian” crouched inhumations that appear at the level of the A-B phase at Doboșeni, Orheiul Vechi and Traian–Dealul Fântânilor (Dumitrescu 1954: 400–409; 1957: 97–116; 1958: 407–423; Szekely 1957: 149–152; Vinogradova, Beilekchi, Bârnea 1974: 70), are not evidence of the intrusion of western (Bodrogkeresztúr) or north-western (Lublin–Volhynia I) communities (Zakościelna 2010; Enea 2011: 86–92), groups for which necropoleis are well attested.

We discuss only in passing the gold and copper artefacts discovered in the A and A-B phases of the Cucuteni (Tripolye BI and BI-BII) culture, which display a clear western contribution (Tiszapolgár and Bodrogkeresztúr), fashioned from western, north-eastern and eastern Carpathian or even Volhynian sources [axes of various types and sub-variants (Pločnik, Vidra, Ariușd, Drăgușeni), pluri-spiralled bracelets, *en-violon* and “eyeglass” pendants, bead strings etc.], discovered isolated and/or in deposits/treasures, and which we can consider important evidence of the West–East interferences occurring during the Classical and the beginning of the Late Eneolithic (Dumitrescu 1961: 65–93; Makkay 1989; Mareș 2002; 2012; Pavúk 2010: 229–241; Klochko 1995: 235–242; Klochko *et alii* 2000: 168–186; Virág 2003: 129–132; Łęczycycki 2010: 205–240; Enea 2008; 2009).

VI.4. The Cucuteni B–Tripolye BII-CI/γ I culture (40 – 37/36 cent. cal BC)

During this time span, the mobility of the Cucutenian communities was, apparently, greater than during the previous period, having occupied the entire area of the culture at its maximum extent; simultaneously, we can observe the coalescence of the different groups and regional variants of the culture

(Markevich 1981; Gusev 1995: 106–132; Cucuș 1999: 141–156, fig. 23–24, 59: 1, 3, 6; Kruts, Ryzhov 2000: 86–110; Tkachuk, Sevchuk 2007: 14–40), and a more noticeable cultural uniformisation.

To these, we should add certain eastern (steppe) and the western and north-western influences, the latter originating from Epi-Lengyel (Balaton–Lasinja, Ludanice), Bodrogkeresztúr B, post-Polgár/Herculane II/III–Pecica–Cheile Turzii–Hunyadi–halom, Baden and Lublin–Volhynia II (Kalicz 2003: 7–47; Tünde 2009: 101–149; Zakościelna 2006: 77–94).

In Cucuteni B1/Tripolye BII/1 settlements, materials attributed to the *Horizon of the vessels with button handles* (*handles with discoid attachments*) continue to exist (Herculane II/III–Pecica–Cheile Turzii–Hunyadi–Halom) (Bartók 1997a: 155–162; 1997b: 163–172; László, Sztáncuj 2010: 171–194), as observable in certain settlements from the Carpathian piedmont: Văleni and Răucești (Cucuș 1999: fig. 59: 1, 3). At the same time, western imports and influences have been attested for the Tripolye BII–CI sites from the area of the Southern Bug and middle courses of the Dnieper (Epi–Lengyel, Bodrogkeresztúr and TRBK (FBC) II elements: architectural – the raising of large buildings; the scale models of dwellings; the shapes and decorations of some vessels) (Videiko 2000: 24–31, fig. 9–13; Tsvek 2000: 121–132, fig. 6; Movsha 2000: 141–158, fig. 6–9).

In this context, we ask to what degree the appearance of large and very large settlements (“protocities”) in the Tripolye area (Videiko 2002), genuine architectural and social mega-structures, as early as the BI–BII phase, could represent the continuation of the Neolithic and Eneolithic traditions of human habitat founding (complex settlements with *rondels* and *tells*) from the Middle Danube area (Lengyel and Tisza legacies) in a region where such communities settled, in the contact area between “Old Europe” and the steppe communities.

Similarly interesting were the processes of interaction and ethno-cultural fusion from the area of the Upper Dniester, where the cohabitation alongside communities of the Cucutenian variant Șipeniț/Shypintsy (Cucuteni A–B2/B / Tripolye BI–BII/BII) and the Lublin–Volhynia II and III A were arguably strong, as evidenced by the later Koshilovtsy (Koshylivtsy) regional aspect (the final Tripolye phase) (Tkachuk 2000: 69–85), which developed during several stages (I. Werteba II–Bilshivtsy V, the formation period, with strong Brânzei influences and possible Lublin–Volhynia contributions; II. Blyshanka, strong influences

exerted by the late Shipentsy aspect; III. Koshylivtsy–Tabory, simplification of the paining; IV. Kudrynci, Kozyna, continued simplification of the decoration) (Tkachuk 2005: 87–130).

These mixings of populations and traditions seem to be confirmed by the genetic analyses of osteological remains originating from various sites, including Werteba Cave (Sokhatsky, Kovalukh, Videiko 2010: 9–18), but they must be conducted on sample lots that are much more relevant in terms of quantity and quality.

The fusing of the local Cucuteni–Tripolye traditions with other eastern (Yamnaya), north-western (TRBK I/II/Funnel Beaker I/II, Globular Amphora, Lublin–Volhynia III A–B) and western (Baden) influences (Videiko 2008: 289–298) contributed to the individualisation of the post-Cucutenian cultures and cultural groups (Horodiștea–Erbiceni, Brânzei, Gordinești, Vyhvatintsi) and late Tripolye (Koshilovtsy, Trojanov, Gorodsk, Usatovo, Serezlievsk, Lukashchevsk, Sofievka) (Zbenovich 1974; Dergachev 1978; 1980; Dergachev, Manzura 1991; Dumitroaia 2000: 22–126), which developed in the course of multiple phases and which played a paramount role in generating the ethno-cultural and archaeological realities of the Early Bronze Age in the Eastern Carpathian area and afield.

VII. Conclusions

From the analysis of the available archaeological discoveries, according to the proposed indicators, we discover that even though there were western and north-western influences, which were exerted in different manners and at different intensities, from stage to stage, involving even the presence of allogeneous demographic elements, they did not lead to the “Lengyelisation”, “Polgárisation” or “Badenisation” of the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex, which, in its general lines, preserved its cultural individuality. The same situation is also observed in the case of the southern and eastern infiltrations/interferences and influences, manifested in a particular fashion from area to area, and from one period to another.

At the same time, the study of these links and interferences will remain a difficult task, producing most often relative results, at least until new data will be gathered, obviously from new archaeological excavations and by publishing as much as possible of the existing materials, both the older and the recent ones, which will certify the former, as well as by widening the comparison spectrum and by discriminating more accurately between the similarities rooted in common ethno-

cultural traditions of certain communities on the one hand, and the influences received from related entities throughout time, on the other. This is why any attempt to shed light on these interferences, at the current level of research, will yield more questions than provide answers.

The cultural transformations that occurred in time in the Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex were driven by complex processes of internal development, combined with external influences, including western ones, which in certain stages had catalysed the development of local communities by introducing novel technologies and elements and by fusing traditions, and marked the processes of differentiation of the regional aspects/variants, following the phenomena specific to historical and protohistorical acculturations that run through all the processual stages (sporadic and continued contacts;

colonisations of human groups; conquests; mutual borrowings; cultural interpretations/reinterpretations; syncretism and full cultural transformations, visible in the changes of the ethno–linguistic profiles of the groups that came into contact). Normally, in some areas of the cultural complex, these phenomena were accompanied by periods of continuity and discontinuity, visible to a smaller or larger degree in the archaeological record.

It remains the task for future research to continue the investigation of the West–East links in the Carpathian and Danubian areas, both for the Neolithic and the Eneolithic, as well as for the subsequent periods, which could model and more fully reconstruct the interferences between the civilisations developed by the populations that occupied the near/neighbouring and/or more distant areas.

Bibliography

- Alaiba R. 2007. *Complexul cultural Cucuteni-Tripolie. Meșteșugul olăritului*. Iași.
- Anthony D. 2007. *The Horse, The Wheel, and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton.
- Bader T. 2001. Passfunde aus der Bronzezeit in den Karpaten. In: *Communicationes archaeologicae Hungariae*, 15–39.
- Bandrivskij M., Krushelnycka L. 2002. Vidkryttia poseleння klasychnoi fazy Malickoi kultury u Verhnjomu Prydnistrovji. In: *Zapysky naukovogo tovarystva imeni Shevchenka CCXLIV*. L'viv, 441–452.
- Bem C. 2007. *Traian–Dealul Fântânilor. Fenomenul Cucuteni A-B*. Târgoviște.
- Bibikov S. 1953. *Rannetripol'skoe poselenie Luka Vrublevetskaia na Dnestre*. Moskva–Leningrad.
- Biehl P., Rassamakin Y. 2008. *Import and imitation in archaeology*. Langenweißbach.
- Birkenmajer Kr. 1974. *Carpathian Mountains*. London.
- Biró K. 1998. Spheres of Interest – Directions of Contacts. The Lithic Evidence. In: Fl. Drașovean ed. *The Late Neolithic of the Middle Danube Region*. Timișoara, 91–107.
- Boghian D. 1997. Nouvelles découvertes de vases cucuténiens de culte dans le département de Jassy. *Studia Antiqua et Archaeologica III-IV*. Iași, 63–74.
- Boghian D. 2001. Quelques considérations sur les aspects régionaux du complexe culturel Cucuteni-Tripolye. *MA XXII*, 71–114.
- Boghian D. 2006. Unele considerații asupra fazei Cucuteni A–B în contextul civilizației cucuteniene. In: (N. Ursulescu, C.-M. Mantu eds.). *Cucuteni 120 – Valori universale*. Iași, 163–180.
- Boghian D. 2008. Di alcune fonti di materia prima per l'utenileria litica delle comunità del complesso culturale Precucuteni–Cucuteni. In: (N. Ursulescu, R. Kogălniceanu, Cr. Crețu eds.). *Cucuteni. Tesori di una civiltà preistorica dei Carpazi*. Iași, 39–70.
- Boghian D., Niculică B.-P., Budui V. 2012. The Usage of Natural Resources in Protohistory (Aeneolithic – Hallstatt) in the Northeastern Carpathian Area. *Фортеця: збірник заповідника "Тустань" 2*. L'viv, 272–291.
- Bartók B. 1997a. Descoperiri eneolitice târzii (post-ariusdiene) în sud-estul Transilvaniei. *Acta, Muzeul Național Secuiesc*. Sfântu Gheorghe, 155–162.
- Bartók B. 1997b. Periodizarea și cronologia descoperirilor eneolitice târzii din sud-estul Transilvaniei. *Acta, Muzeul Național Secuiesc*. Sfântu Gheorghe, 163–172.
- Burdo N. 2001. The influence of Western and Central Carpathian region cultures in the materials of the final monuments of Tripolje A in the Middle Dniester territory. *AAC 36*, 5–38.
- Burdo N. 2002. Peculiarities of the PreCucuteni-Tripolye A ceramic complex and the problem of the origin of the Tripolye culture. *Stratum plus (2)*, 141–163.
- Burdo N. 2006. Tripolye A and Precucuteni: Problems of periodization and the absolute Chronology. In: (Gh. Dumitroaia, J. Chapman, O. Weller, C. Preoteasa, R. Munteanu, D. Nicola, D. Monah eds.). *Cucuteni, 120 ans des recherches. Le temps du bilan /120 Years of Research. Time to sum up*. Piatra Neamț, 75–84.

- Burdo N. 2007. Spil'ni keramichni traditsij kultur Karpats'ko-Dunajs'kogo region dobi rann'ogo eneolitu. In: *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Warszawa, 270–288.
- Burdo N. 2011. Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni–Trypillia A culture. *Documenta Praehistorica* XXXVIII, 357–371.
- Chirica V., Mantu C. -M., Țurcanu S. 1999. *Scânteia. Cercetare arheologică și restaurare*. Iași.
- Crășmaru A. 1977. *Drăgușeni. Contribuții la o monografie arheologică*. Bacău.
- Cucoș Șt. 1999. *Faza Cucuteni B în zona subcarpatică a Moldovei*. Piatra Neamț.
- Czekaj-Zastawny A., Kabaciński J., Terberger Th. 2011. Cultural Relations between the Great Hungarian Plain and the Southern Baltic Coast. Imports from the Bodrogkeresztúr Culture on the Site Dąbki 9 (Middle Pomerania). *Sprawozdania Archeologiczne* 63. Kraków, 55–88.
- Davison K., Dolukhanov P. M., Sarson G. R., Shukurov A., Zaitseva G. I. 2009. Multiple Sources of the European Neolithic: Mathematical Modelling Constrained by Radiocarbon Dates. *Quaternary International* 203 (1), 10–18.
- Dergachev V. 1978. *Vyhvatinskii mogil'nik*. Kishinev.
- Dergachev V. 1980. *Pamjatniki pozdnego Tripol'ia*. Kishinev.
- Dergachev V., Manzura I. 1991. *Pogrebal'nye komplekсы pozdnego Tripol'ia*. Kishinev.
- Dergachev V., Sherratt A., Larina O. 1991. Recent Results of Neolithic Research in Moldavia (USSR). *Oxford Journal of Archaeology* 10, 1–16.
- Diaconescu Dr. 2009. *Cultura Tiszapolgár în România*. Alba Iulia.
- Dolukhanov P., Shukurov A., Gronenborn D., Sokoloff D., Timofeev V., Zaitseva G. 2005. The chronology of Neolithic dispersal in Central and Eastern Europe. *Journal of Archaeological Science* 32, 1441–1458.
- Dombay J. 1960. *Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengővárkony. Beiträge zur Kultur des Aeneolithikums in Ungarn*. Budapest.
- Drașovean Fl. 1996. *Cultura Vinca târzie (faza C) în Banat*. Timișoara.
- Drașovean Fl. 2003. Transilvania și Banatul în neoliticul târziu. O contribuție la originile culturii Petrești. *Apulum* 40, 39–58.
- Dumitrescu H. 1954. O descoperire în legătură cu ritul de înmormântare în cuprinsul culturii ceramicii pictate Cucuteni-Tripolie. *SCIV* V (3-4), 400–409.
- Dumitrescu H. 1955. Afinități între cultura Trichterbecher și cultura Cucuteni-Tripolie. *SCIV* VI (3–4), 917–922.
- Dumitrescu H. 1957. Découvertes concernant le rite funéraire magique dans l'aire de la civilisation à céramique peinte de type Cucuteni-Tripolye. *Dacia* NS I, 97–116.
- Dumitrescu H. 1958. Deux nouvelles tombes cucuténiennes à rite magique découvertes à Traian, *Dacia* NS II, 407–423.
- Dumitrescu H. 1961. Connections Between the Cucuteni-Tripolye Cultural Complex Areal the Neighbouring Eneolithic Cultures in the Light of the Utilisation of Golden Pendants, *Dacia* NS V, 65–93.
- Dumitrescu Vl. 1954. *Hăbășești. Monografie arheologică*. București.
- Dumitrescu Vl. 1979. *Arta culturii Cucuteni*. București.
- Dumitroaia Gh. 2000. *Comunități preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu*. Piatra Neamț.
- Dunăre N. 1984. *Civilizația tradițională românească în curbura carpatică nordică*. București.
- Enea S.-C. 2008. Simboluri eneolitice ale puterii. Despre topoarele de aramă cu brațele „în cruce” din România. *RA* IV (2), 5–32.
- Enea S.-C. 2009. Some observations on the Neolithic and Aeneolithic ornaments in the Romanian area. *Tyragetia* III [XVIII] (1), 133–155.
- Enea S.-C. 2011. *Elemente de arheologie funerară în spațiul carpato-danubian. Neolitic și eneolitic*. Cluj-Napoca.
- Garvăn D., Buzea D., Frânculeasa A. 2009. *Precucuteni. Originea unei mari civilizații*. Piatra Neamț.
- Gimbutas M. 1989. *Civilizație și cultură*. București, 197–262.
- Gligor M. 2009. Despre ceramica de tip Precucuteni în Transilvania. *Apulum* XLVI, 233–246.
- Gusev S. 1995. Trypi's'ka kul'tura Seredn'ogo Pobuzhzhja rubezhu IV–III tys. do n.e. Vinnitsja.
- Iercoșan N. 2002. *Cultura Tiszapolgár în vestul României*. Cluj-Napoca.
- Kaczanowska M. 2006. Srodkowa faza rozwoju kultury Lendzielskiej w Małoposce – Grupa Pleszówskowo-Modlnicka/The Middle Phase of the Development of the Lengyel Culture in Lesser Poland – The Pleszów-Modlnica

Group. In: (M. Kaczanowska ed.) *Dziedzictwo cywilizacji naddunajskich: Małopolska na przełomie epoki kamienia i miedzi (The Danubian heritage: Lesser Poland at the turn of the stone and copper ages)*. Kraków, 37–52.

Kadrow Sł. 2006. Kultura Malicka/Malice Culture. In: Małgorzata Kaczanowska ed. *Dziedzictwo cywilizacji naddunajskich: Małopolska na przełomie epoki kamienia i miedzi (The Danubian heritage: Lesser Poland at the turn of the stone and copper ages)*. Kraków, 63–76.

Kadrow Sł., Zakościelna A. 2000. An Outline of the Evolution of Danubian Cultures in Małopolska and Western Ukraine. *BPS* 9, 187–255.

Kalicz N. 1970. *Dieux en argile. L'âge de pierre et du cuivre en Hongrie*. Budapest.

Kalicz N. 1985. *Kőkori falu Aszódon*. Aszód.

Kalicz N. 2003. Az újkőkorszaki és rézkori megtelepedés maradványai a nagykanizsai Inkey-kápolna mellett (Kr. e. 5. évezred első harmadától a 3. évezred első feléig). *Zalai Múzeum* 12, 7–47.

Klochko V. 1995. Copper objects and Questions of «Sofievka Metallurgy». *BPS* 3, 235–242.

Klochko V., Manichev V., Kvasnitsa V., Kozak S., Demchenko V., Sokhatskiy M. 2000. Issues Concerning Tripolye Metallurgy and the Virgin Copper of Volhynia. *BPS* 9, 168–186.

Kotova N.S. 2006. Ranniy eneolit stepnogo Pridniprova i Priazov'ja. Lugansk.

Kovács K. 2013. Late Neolithic Exchange Networks in the Carpathian Basin. In: (Al. Anders, G. Kulcsár, G. Kalla, V. Kiss, G.V. Szabó eds.) *Moments in time*. Budapest, 385–400.

Kovaleva I.F. 2012. Skeljanskaia kul'tura. Istoriografiiia problemy. In: *Problemi arheologii Podniprovia*. Dnepropetrovsk.

Kovalyukh N., Skripkin V., Videiko M. 2007. Peculiarities of radiocarbon dating of ancient archaeological pottery. In: *Tripilska kultura. Poshuki vidkrittja svitovi kontekst. Zbirka naukova praci do 100 richia vidnia narozhdennia O. Olzhicha*. Kiiiv, 71–78.

Kruts V., Ryzhov S. 2000. Tripolye Culture in Volhynia (Gorodsk–Volhynian Group). *BPS* 9, 86–110.

Larina O. 1994a. *Culturi din epoca neolitică*. Chişinău.

Larina O. 1994b. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. *Thraco-Dacica* XV (1-2), 51–68.

Larina O. 2009. The extreme eastern periphery of the Linearbandkeramik: the landscape and geographical contexts. In: Daniela Hofmann, Penny Bickle eds. *Creating communities. New advances in Central European Neolithic research*. Oxford, 50–70.

Larina O. 2010. Începuturile economiei productive. Neoliticul. Orânduirea gentilico-tribală. In: V. Dergacev ed. *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în secolul V)*. Chişinău, 177–218.

Larina O., Kuzminova N. 1994. The Late Neolithic Farming on the Territory of the Prut-Dnister Interfluvium. *Préhistoire Européenne* 7, 225–240.

László A., Sztáncsuj S.J. 2010. Vase cu torti pastilate, descoperite în aria Ariuşd–Cucuteni. Unele probleme privind evoluția și cronologia culturii Ariuşd în sud-estul Transilvaniei. *Acta Siculica*, 171–194.

Lazarovici C.-M. 2010. New data regarding the chronology of the Precucuteni, Cucuteni and Horodiştea–Erbiceni cultures. In: P. Kalábková, B. Kovár, P. Pavúk, J. Suteková eds. *Panta Rhei. Studies in chronology and cultural development of the SE and Central Europe in Earlier Prehistory presented to Juraj Pavúk on the occasion of his 75 birthday*. *Studia Archaeologica et Medievalia* XI. Bratislava, 91–114.

Lazarovici Gh. 1991. *Grupul și stațiunea Iclod*. Cluj-Napoca.

Lazarovici C.-M., Lazarovici Gh. 2006. *Arhitectura Neoliticului și Epocii Cuprului din Romania. I. Neoliticul*. Iași.

Lazarovici Gh., Lazarovici C.-M. 2010. Despre fazele A1 ale Grupelor Ariuşd și Cucuteni. *Angustia* 14, 27–108.

Łęczycki Śt. 2010. Początki metalurgii oraz górnictwa od Anatolii po Europę Centralną. In: P. Zagożdżona, M. Madziarza eds. *Dzieje górnictwa – element europejskiego dziedzictwa kultury*. Wrocław, 205–240.

Lenartovych O. 2009. Kultura linjino–strichkovej keramiki na teritorij Ukrajin: Istoriya doslidzhennja. *Arheologichni doslidzhennja L'viv Universitetu* 12, 226–261.

Lenneis E., Stadler P., Windl H. 1996. Neue 14C-Daten zum Frühneolithikum in Österreich. *Préhistoire Européenne* 8, 97–116.

Luca S.A. 1998. Die Kulturelle Beziehungen am Ende der Entwickelten Jungsteinzeit zwischen Siebenbürgen und der Umgebenden gebiete. Die Widerspiegelung dieser in der Siedlung von Turdaş-Luncă (Kr. Hunedoara). In: Fl. Draşovean ed. *The Late Neolithic of the Middle Danube Region*. Timişoara, 165–180.

Luca S.A. 1999. *Sfârşitul eneoliticului pe teritoriul intracarpatic al României. Cultura Bodrogkeretúr*. Alba Iulia.

Makkay J. 1989. *The Tiszaszőlös Treasure*. Budapest.

Makkay J. 2004. *Vész-tó-Mágor Ásatás a szülőföldön*. Békéscsaba.

- Manzura I., Sava E. 1994. Interacțiuni "Est-Vest" reflectate în culturile eneolitice și ale epocii bronzului din zona de nord-vest a Mării Negre (Schiță cultural-istorică). *MA XIX*, 143–192.
- Maran J. 1998. Die Badener Kultur und der ägäisch-antolische Bereich. *Germania* 76 (2), 497–525.
- Maran J. 2001. Zur Westausbreitung von Boleraz-Elementen in Mitteleuropa. In: Cernavoda III–Boleraz. Ein Vorgeschichtliches Phänomen zwischen dem Ober-Rhein und der Unteren Donau. *Studia Danubiana*, Series Symposia, II. București, 733–748.
- Mareș I. 2002. *Metalurgia aramei în neo-eneoliticul României*. Suceava.
- Mareș I. 2012. *Metalurgia aramei în civilizațiile Precucuteni și Cucuteni*. Suceava.
- Marinescu-Bîlcu S. 1972. Asupra unor aspecte ale raporturilor dintre culturile Precucuteni și Hamangia. *Pontica* 5, 29–38.
- Marinescu-Bîlcu S. 1974. *Cultura Precucuteni pe teritoriul României*. București, 109–121.
- Marinescu-Bîlcu S. 1981. *Târpești. From Prehistory to History in Eastern Romania*. BAR.
- Marinescu-Bîlcu S. 1993. Les Carpates Orientales set la Moldavie. In: Ed. M. Otte. *Atlas du néolithique européen*, vol. I. *L'Europe Orientale*. Liège 1993, 191–241.
- Marinescu-Bîlcu S., Bolomey Al. 2000. *Drăgușeni. A Cucutenian Community*. București–Tübingen.
- Markevich V. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii*. Kishinev.
- Maxim Z. 1999. *Neo-eneoliticul în Transilvania*. Cluj-Napoca.
- Mester Zs., Rác B. 2010. The spread of the Körös Culture and the raw material sources in the northeastern part of the Carpathian Basin: a research project. In: J. Kozłowski, P. Raczky eds. *Neolithization of the Carpathian Basin: Northern-most distribution of the Starčevo/Körös culture*. Krakow–Budapest, 23–36.
- Midgley M. 1992. *TRB Culture. The First Farmers of the North European Plain*. Edinburgh.
- Minichreiter K., Marković Z. 2011. Architecture of Lasinja culture settlements in the light of new investigations in northern Croatia. *Documenta Praehistorica XXXVIII*, 333–343.
- Movsha T. 2000. The Tripolye–Cucuteni and Lengyel–Polgár Cultures. *Baltic-Pontic Studies* 9, 133–167.
- Neugebauer-Maresh Chr. 1995. Mittelneolithikum: Die Bemaltkeramik. In: E. Lenneis, Chr. Neugebauer-Maresch, E. Ruttikay. *Jungsteinzeit im Osten Österreichs*. Wien, 57–107.
- Neustupný E. 2008. Časný Eneolit. In: E. Neustupný, M. Dobeš, J. Turek, M. Zápotocký. *Archaeologie Právěkých Čech*, 4. Praha, 38–59.
- Nikitin A., Sokhatsky M., Kovaliukh M., Videiko M. 2010. Comprehensive Site Chronology and Ancient Mitochondrial DNA Analysis from Verteba Cave – a Trypillian Culture Site of Eneolithic Ukraine. *Interdisciplinaria Archaeologica*. In *Natural sciences in Archaeology* I (1-2), 9–18.
- Novotný B. 1962. *Lužianka skupina a počiatky mal'ovanej keramiky na Slovensku*. Bratislava.
- Parsons T. 2012. Modeling Late Copper Age demographics on the Great Hungarian Plain using ceramic petrography. *Journal of Archaeological Science* 39 (2), 458–466.
- Paul Iuliu 1992. *Cultura Petrești*. București.
- Pavúk J. 2010. Neuere äneolithische kupferfunde aus der Westslowakei. *SlovArch* LVIII (2), 229–241.
- Pavúk J., Šiška S. 1980. Neolit a Eneolit. *SlovArch* XXVIII (1), 137–152.
- Perlès C. 2004. *The Early Neolithic in Greece. The First Farming Communities in Europe*. Cambridge.
- Petrescu-Dîmbovița M., Florescu M., Florescu A. 1999. *Trușești. Monografie arheologică*. București–Iași.
- Pleiner R. 1978. *Pravěké. Dějiny Čech*. Praha.
- Podborský V. 1993. *Pravěké. Dějiny Moravy*. Brno.
- Pop Grigor 2006. *Carpații și Subcarpații României*. Cluj-Napoca.
- Popova T.A. 2003. *Mnogoslojnoe poselenie Polivanov Jar*. Sankt-Peterburg.
- Popușoi E. 2005. *Trestiana. Monografie arheologică*. Bârlad.
- Pozikhovskij O. 2010. Holyshiv and the Problem of Division into Period of the Copper Age in Western Volyn Region. *Arheologija*, 28–39.
- Pyzel J. 2009. Settlement history of the Linear Band Pottery culture in Kuyavia. In: (Daniela Hofmann, Penny Bickle eds.). *Creating communities. New advances in Central European Neolithic research*. Oxford, 71–79.
- Rachet G. 1987. L'arrivée des Indoeuropéens en Grèce et en Asie Antérieure. *AM XI*, 51–63.
- Sandu I., Poruciu A., Alexianu M., Curcă R.-G., Weller O. 2010. Salt and Human Health: Science, Archaeology, Ancient Texts and Traditional Practices of Eastern Romania. *Mankind Quarterly* 50 (3), 225–256.
- Sorochin V. 1991. Über die Beziehungen zwischen den Kulturen Vinča und Precucuteni–Tripolje. *Banatica* 11, 213–217.
- Sorochin V. 1992. O sviaziah plemen kul'tury Precucuteni–Tripol'e s obshchestvami kultur Karpatskogo basseina. In: *Materialy i issledovaniia po arheologii i etnografii Moldovy*. Kishinev, 69–87.
- Sorochin V. 1997. Considerații referitoare la așezările fazei Cucuteni A–Tripolie B₁ din Ucraina și Republica Moldova. *MA XXI*, 7–83.

- Sorochin V. 2002. *Aspectul regional cucutenian Drăgușeni-Jura*. Piatra Neamț.
- Sorochin V. 2004. Așezările cucuteniene de tip Solonceni. *MA XXIII*, 167–202.
- Stadler P. 1995. Ein Beitrag zur Absolutchronologie des Neolithikums in Ostösterreich aufgrund der ¹⁴C Daten. In: E. Lenneis, Chr. Neugebauer-Maresch, E. Ruttkay. *Jungsteinzeit im Osten Österreichs*. Wien, 102–105, 210–224.
- Szekely Z. 1957. Cercetările și săpăturile de salvare executate de Muzeul raional din Sfântul Gheorghe în anul 1955. *MCA III*, 149–160.
- Tálas L., Raczky P. 1987. *The Late Neolithic of the Tisza region: a survey of recent excavations and their findings: Hódmezővásárhely-Gorzsa, Szegvár Tuzköves, Öcsöd-Kováshalom, Vészto-Mágor, Berettyóújfalu-Herpály*. Budapest–Szolnok.
- Titov V., Erdelyi I. 1980. *Arheologija Vengrii. Kamennyi vek*. Moskva.
- Tkachuk T. 2000. The Koshylivtsy Group as a Synthesis of the Tripolye and Polgár Traditions. *Baltic-Pontic Studies* 9, 69–85.
- Tkachuk T. 2005. Chronological Phases of the Koshylivtsy Group of the Tripolye Culture. *Sprawozdania Archeologiczne* 57, 2005, 87–130.
- Tkachuk T., Sevchuk B. 2007. Trypil's'ke poselennia Moshanets i deiaki problemy etapy B II. *Arheologichni doslidzhennja L'viv Universitetu* 10, 14–40.
- Tkachuk T., Kukula Ro., Krehovets'kii I., Mel'nychuk O., Figol' A. 2010. Poselennia rann'ogo Trypillja Kozyna (urochishche Solovche) na verhn'omu Podnister'i. *Arheologichni doslidzhennja L'viv Universitetu* 13, 219–238.
- Tkachuk T., Kochkin I. 2012. The Phases of the Neolithization and Early Eneolithization of Upper Dniester Region. *Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis* 17, 307–320.
- Tsvek O. 1996. Structure of the Eastern Tripolye Culture. In: (Gh. Dumitroaia, D. Monah eds.) *Cucuteni aujourd'hui*. Piatra Neamț, 89–113.
- Tsvek O. 2000. The Eastern Tripolye Culture and its Contacts with the Eneolithic Tribes of Europe. *Baltic-Pontic Studies* 9, 111–132.
- Tsvek O. 2012. Vostochnotripol'skaia kul'tura i nekotorye aspekty struktury kukuteno-tripol'skoj megaobshchivosti. In: *Zemledel'tsy i skotovody Drevnei Evropy. Problemy, novye otkrytiia, gipotezy*. Kiev–Sankt-Peterburg, 225–245.
- Tünde H. 2009. The Intercultural Connections of the Baden “Culture”. In: Öskoros kutatok VI. Szombathely, 101–149.
- Turq A. 2000. *Le Paléolithique inférieur et moyen entre Dordogne et Lot*. Paléo, 106–107.
- Ursulescu N. 1984. Evoluția culturii Starčevo-Criș pe teritoriul Moldovei. Suceava.
- Ursulescu N. 1991. La civilisation de la céramique rubanée dans les régions orientales de la Roumanie. In: V. Chirica, D. Monah eds. *Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte européen*. Iași, 188–224.
- Ursulescu N., Dergachev V. 1991. Influences de type Vinča dans le Néolithique ancien de la Moldavie. *Banatica XI*, 157–172.
- Ursulescu N., Dergachev V. 2000. Influențe de tip Vinča în neoliticul vechi din Moldova. In: N. Ursulescu. *Contribuții privind neoliticul și eneoliticul din regiunile est-carpatice ale României*, vol. I. Iași, 207–220.
- Ursulescu N., Ignătescu S. 2003. *Preușești-Haltă. O așezare cucuteniană pe valea Șomuzului Mare*. Iași.
- Videjko M. 2000. Tripolye and the Cultures of Central Europe. Facts and the Character of interactions: 4200–2750 BC. *Baltic-Pontic Studies* 9, 13–68.
- Videjko M. 2002. *Trypil's'ki protomista. Istoriia doslidzhen'*. Kiev.
- Videiko M. 2008. Baden Culture Influence to the East of the Carpathian Mountains. In: M. Furholt, M. Szymt, A. Zastawny eds. *The Baden Complex and the Outside World*. Krakow, Bonn, 289–298.
- Vinogradova N. 1972. Pamjatniki perehodnogo etapa Tripol'je BI–BII v Podnestrovie. *Sovetskaia Arheologija* (1), 36–56.
- Vinogradova N. 1983. *Plemena Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurec'ia v period rastsveta tripol'skoi kul'tury*. Kishinev.
- Vinogradova N., Beilekchi V., Bârnea P. 1972. Raskopki na tripol'skom poselenii v Starom Orhee. *AIM*, 63–70.
- Virág Zs. 2003. Early Metallurgy in the Carpathian Basin. In: (Zs. Visy ed.). *Hungarian Archaeology at the Turn of the Millenium*. Budapest, 129–132.
- Zaets I., Ryzhov S. 1992. *Poselenie tripol'skoi kul'tury Klishchev na Juzhnom Buge*. Kiev.
- Zakościelna A. 1996. Krzemieniarstwo Kultury Wołyńsko-Lubelskiej ceramiki malowanej. Lublin.
- Zakościelna A. 2006. Kultura Lubelsko-Wołyńska. Zagadnienia jej genezy, periodyzacji i chronologii/The Lublin-Volhynian Culture. The Problems of its Origin, Periodization and Chronology. In: (M. Kaczanowska ed.). *Dziedzictwo cywilizacji nadduajskich: Małopolska na przełomie epoki kamienia i miedzi (The Danubian heritage: Lesser Poland at the turn of the stone and copper ages)*. Kraków, 77–94.

- Zakościelna A. 2007. Główne nurty rozwoju młodszych kultur naddunajskich na terenie Małopolski i zachodniej Ukrainy. In: *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Warszawa, 289–314.
- Zakościelna A. 2010. *Studium obrządku pogrzebowego kultury lubelsko-wołyńskiej*. Lublin.
- Zápotočká M. 1998. *Bestattunggritus des Böhmisches Neolithikums. Gräber und Bestattungen der Kultur mit Linear, Stichband und Lengyelkeramik*. Praha.
- Zbenovich V. 1974. *Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev.
- Whittle A., Cummings V. (Eds.). 2007. *Going Over: The Mesolithic-Neolithic Transition in North-West Europe*. Oxford University Press.
- Wild E., Stadler P., Bondár M., Draxler S., Friesinger H., Kutschera W., Priller A., Rom W., Ruttkey E., Steier P. 2001. New Chronological Frame for the Young Neolithic Baden Culture in Central Europe (4th Millennium BC). *Radiocarbon* 43 (2B), 1057–1064.
- *** (D. Oancea, V. Velcea, N. Caloianu, Ș. Dragomirescu, Gh. Dragu, E. Mihai, Gh. Niculescu, V. Sencu, I. Velcea eds.) *Geografia României*, vol. III (București 1987).

- Гаскевич Д. 2010. Северо-понтійське імпресо: походження неолітичної кераміки з гребенчатим орнаментом на юге Восточної Європи. *Stratum plus* (2), 213–251.
- Дергачев В. 1999. Особенности культурно-історического развития Карпато-Поднепровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы. *Stratum plus* (2), 169–221.
- Ларина О. 1999. Культура лінійно-ленточної кераміки Пруто-Дністровського регіону. *Stratum plus* (2), 10–140.
- Ларина О., Вехлер К.-П., Дергачёв В., Коваленко С., Бикбаев В. 1997. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. In: *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău, 62–110.
- Маркевич В. 1974. *Буго-Днестровская культура*. Кишинёв.
- Збенович В. 1989. *Ранний этап трипольской культуры на территории Украины*. Киев.
<http://www.encyclopediaofukraine.com/pages/C/A/CarpathianMountains.htm>
http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/pal_1145-3370_2000_sup_2_1_1266

References

- Bandrivskij M., Krushelnycka L. 2002. *Vidkryttia poselennia klasychnoi fazy Malickoi kultury u Verhnjomu Prydnistrovji (The discovery of a settlement of classical stage of the Malitzk Culture from Upper Dniester Area)*. In *Zapysky naukovoogo tovarystva imeni Shevchenka (Notes of Scientific Society of Shevchenko)* CCXLIV. L'viv, 441–452 (in Ukrainian).
- Bibikov, S. 1953. *Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaia na Dnestre (Early Tripolian settlement Luka Vrublevetskaia on the Dniester river)*. Moscow-Leningrad (in Russian).
- Dergachev, V. 1978. *Vykhvatinskii mogil'nik (Vykhvatintsy burial ground)*. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V. 1980. *Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (Late Tripolian monuments)*. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V., Manzura, I. 1991. *Pogrebal'nye komplekсы pozdnego Tripol'ia (Burial complexes of the Late Tripolie)*. Chișinău (in Russian).
- Gusev, S. 1995. *Tripi's'ka kul'tura Seredn'ogo Pobuzhzhia rubezhu IV-III tys. do n.e. (Tripolian culture of the Middle Bug basin at the turn of the IV-III millenium BC)*. Vinnytsia (in Ukrainian).
- Kotova, N. S. 2006. *Rannii eneolit stepnogo Pridniprov'ia i Priazov'ia (Early Eneolithic of the steppe Dnieper and Azov Sea regions)*. Lugansk (in Russian).
- Kovaleva, I. F. 2012. *Skeljanskaia kul'tura. Istoriografiiia problemy (Skelianskaia culture. Historiography of the problem)*. In *Problemy arheologii Podniprov'ia (Problems of the Dnieper region archaeology)*. Dnipropetrovsk (in Russian).
- Lenartovych O. 2009. *Kultura linjino-strichkovej keramiki na teritorij Ukraini: Istorija doslidzhennja (The Linear Pottery Culture from the territory of Ukraine: the history... researche)*. *Arheologichni doslidzhennja L'viv Universitetu (Archaeological researches of the Lviv University)* 12. Lviv, 226–261 (in Ukrainian).
- Markevich, V. I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena severnoi Moldavii (Late Tripolian tribes of Northern Moldova)*. Chișinău (in Russian).
- Popova T. A. 2003. *Mnogoslojnoe poselenie Polivanov Jar (The multilayered settlement Polivanov Jar)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Sorochin, V. 1992. *O sviaziah plemen kul'tury Precucuteni-Tripol'e s obshchestvami kultur Karpatskogo basseina (On the relations between the tribes of the Precucuteni-Tripolie cultures and the communities of the*

Carpathian basin cultures). In *Materialy i issledovaniia po arheologii i etnografii Moldovy (Research Materials in Moldova's Archaeology and Ethnography)*. Chişinău, 69–87 (in Russian).

Titov V., Erdely I. 1980. *Arheologiya Vengrii. Kamennyi vek (The archaeology of Hungary. Stone Age)*. Moscow (in Russian).

Tkachuk T., Sevchuk B. 2007. *Tripyl's'ke poselennia Moshanets i deiaki problemy etapy B II (The Tripolian settlement Moshanets and some questions of the B II stage)*. *Arheologichni doslidzhennja L'viv Universitetu (Archaeological researches of the Lviv University)* 10. Lviv, 14–40 (in Ukrainian).

Tkachuk, T., Kukula, Ro., Krehovets'kii, I., Mel'nychuk, O., Figol', A. 2010. *Poselennia rann'ogo Trypillja Kozyna (urochishche Solovche) na verhn'omu Podnister'i (Early Tripolian settlement Kozyna (Urochishche (locality) Solovche) in the Upper Dniester)*. *Arheologichni doslidzhennja L'viv Universitetu (Archaeological researches of the Lviv University)* (13), 219–238 (in Ukrainian).

Tsvek O. 2012. *Vostochnotripol'skaia kul'tura i nekotorye aspekty struktury kukuteno-tripol'skoj megaobshchiny (Eastern Tripolian Culture and some aspects of Cucuteni-Tripolie mega-community)*. In *Zemledel'tsy i skotovody Drevnei Evropy. Problemy, novye otkrytiia, gipotezy (Agriculturists and Pastoralists of ancient Europe. Problems, new discoveries, and hypotheses)*. Kiev–Saint Petersburg, 225–245 (in Russian).

Videjko, M. 2002. *Trypil's'ki protomista. Istoriia doslidzhen' (Tripolian proto-cities. History of researches)*. Kiev (in Ukrainian).

Vinogradova, N. 1972. *Pamjatniki perehodnogo etapa Tripol'je BI–BII v Podnestrovie (Monuments of the transitional phase Tripolie BI–BII Dniester region)*. *Sovetskaia Arheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 36–56 (in Russian).

Vinogradova, N. 1983. *Plemena Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurec'ia v period rastsveta tripol'skoj kul'tury (Tribes of the Dniester-Prut interfluvium in the golden age of the Tripolian culture)*. Chişinău (in Russian).

Vinogradova, N., Beilekchi, V., Bârnea, P. 1972. *Raskopki na tripol'skom poselenii v Starom Orhee (Excavations on the Tripolian settlement in Orheiul Vechi)*. *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii (Archaeological researches in Moldova)*, 63–70 (in Russian).

Zaets I., Ryzhov S. 1992. *Poselenie tripol'skoj kul'tury Klishchev na Juzhnom Buge (The Tripolian settlement Klishchev on Southern Bug)*. Kiev.

Zbenovich, V. 1974. *Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ia (Late Tripolian tribes of the Northern Black Sea Region)*. Kiev (in Russian).

Gaskevich, D. 2010. *Severo-pontiiskoe impresso: proiskhozhdenie neoliticheskoi keramiki s grebenchatym ornamentom na iuge Vostochnoi Evropy (North Pontic Impresso: the origin of the Neolithic comb decorated pottery in the south of Eastern Europe)*. *Stratum Plus* (2), 213–251 (in Russian).

Dergachev, V. 1999. *Osobennosti kul'turno-istoricheskogo razvitiia Karpato-Podnestrov'ia. K probleme vzaimodeistviia drevnikh obshchestv Srednei, Iugo-Vostochnoi i Vostochnoi Evropy (Features of the cultural-historical development of the Carpathian-Dniester Region. On the issue of the intercommunication between the ancient societies from Central, Southeastern and Eastern Europe)*. *Stratum Plus* (2), 169–221 (in Russian).

Larina, O. 1999. *Kul'tura lineino-lentochnoi keramiki Pruto-Dnestrovskogo regiona (Linear Pottery culture of the Prut-Dniester Region)*. *Stratum plus* (2), 10–140 (in Russian).

Larina, O., Vekher, K.-P., Dergachev, V., Kovalenko, S., Bikbaev, V. 1997. *Novye polevye issledovaniia pamiatnikov mezolita i neolita Moldovy (New field researches of the Mesolithic and Neolithic sites in Moldova)*. In *Vestigii Arheologice din Moldova*. Chişinău, 62–110 (in Russian).

Markevich, V. 1974. *Bugo-Dnestrovskaja kul'tura (Culture of the Bug-Dniester Region)*. Chişinău (in Russian).

Zbenovich, V. 1989. *Rannii etap tripol'skoj kul'tury na territorii Ukrainy (Early phase of the Tripolian culture on the territory of Ukraine)*. Kiev (in Russian).

Dumitru Boghian, Associate Professor PhD “Ştefan cel Mare” University of Suceava, Faculty of History and Geography (Suceava County); e-mail: dumitrub@atlas.usv.ro

Sergiu-Constantin Enea, Teacher PhD “Ion Neculce” High School, Târgu Frumos (Iaşi County); e-mail: enesergiu2002@yahoo.com

Наталья Бурдо

К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры

Keyword: earth-houses, Trypillia Culture, houses, religious objects.

Cuvinte cheie: complexe adâncite, bordeie, cultura Tripolie, locuințe, obiective de cult.

Ключевые слова: углубления, землянки, трипольская культура, жилища, культовые объекты.

Natalia Burdo

About interpretation of some “earth-houses” of Trypillia Culture

This article analyzes the characteristics of the objects, studied on Trypillia A settlements Lenkivci and Luka Vrublivetska, which are typical for this culture as a whole. On the basis of this analysis it was suggested not to interpret them as earth-houses, but as religious objects that arose as a result of the sacred practices of the inhabitants of the villages. Luka Vrublivetska site is regarded as a landscape sanctuary, but not as a settlement.

Natalia Burdo

Considerații privind interpretarea complexelor adâncite din așezările culturii Tripolie

Articolul este consacrat analizei particularităților amenajărilor adâncite, cercetate în siturile tripoliene tinurii de la Lenkivtsi și Luka-Vrublivetska, tipice pentru cultura Tripolie în general. În baza acestei analize se propune interpretarea unor astfel de complexe nu drept locuințe-bordeie, ci în calitate de obiective de cult, apărute în rezultatul practicării de către locuitori a unor ritualuri sacrale. Situl de la Luka-Vrublivetska este examinat ca sanctuar de landsaft, și nu drept așezare.

Н.Б. Бурдо

К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры

Статья посвящена анализу особенностей углубленных объектов, исследованных на раннетрипольских поселениях Ленковцы и Лука-Врублевская, типичных для трипольской культуры в целом. На основании этого анализа предложена интерпретация такого рода углублений не как жилищ-землянок, а как объектов культового назначения, возникших в результате сакральной практики жителей поселков. Памятник Лука-Врублевская рассматривается как ландшафтное святилище, а не как поселение.

Наиболее известные объекты на поселениях трипольской культуры – это «площадки» – скопления обожженной глины, которые являются архитектурными остатками сожженных наземных глинобитных построек, представляющих наиболее распространенный вид жилищ Триполья. На многих раскопанных трипольских поселениях разных этапов и регионов выявлены также различные углубленные в землю объекты.

Интерпретации «площадок» и реконструкции наземных трипольских жилищ посвящено немало исследований (Бурдо 2006; 2007), в том числе и обобщающих (Курінний 1926; Кричевський 1940; Відейко 2005; Зиньковский 2013). Углубленные объекты не удостоились такого пристального внимания со стороны трипольведов. Отметим, что в соответствии

с устоявшейся со времен В.В. Хвойки традицией, выявленные на трипольских поселениях углубления трактуются как котлованы построек – землянок и полужемлянок.

Впервые такая интерпретация углубленных объектов была предложена В.В. Хвойкой (Хвойка 1901: 754–768) после его раскопок на Кирилловской улице в Киеве («кирилловские землянки»). Такого типа объекты В.В. Хвойка назвал «подземными жилищами», он подробно описал их предполагаемую конструкцию (Хвойка 1901: 763, 798–799; Хвойка 2008: 20–21).

Все углубления, интерпретируемые как землянки (полужемлянки), обладают общими чертами. Эти черты наиболее четко проявляются при анализе таких объектов на монографически опубликованных памятниках Средне-

го Поднепровья, относящихся к финальному времени Триполья А – Ленковцы и Лука–Врублевцевская.

Углубления, выявленные наряду с остатками наземных построек на поселении Ленковцы, Е.К. Черныш интерпретировала как остатки жилищ-полуземлянок (Черныш 1959: 22–35). Углубление № 1 в плане имело форму неправильного овала длиной 6,8 м, шириной 5 м, глубиной 1 м. Оно разделялось на три ямы с неровным дном. В наклонной стенке одной из ям зафиксирована углубленная на 0,2 м ниша со скоплением углей, а рядом прослойка из раковин *Unio*. Заполнение углубления в придонной части образует слой мощностью 0,6 м. На нем прослежены следы разведения огня, обломки зернотерок, комья обожженной глины, восемь фрагментов антропоморфных статуэток, скопление раковин, кости животных, в том числе дважды отмечена находка рогов быка и рога оленя, находившихся в центре углубления. Все эти находки были приблизительно на одном уровне. В углублении найдены сосуды и фрагменты керамики (3165 фрагментов от не менее 92 сосудов), ножки керамических предметов, 21 фрагмент антропоморфной пластики, более 150 орудий труда и отходы производства кремневых изделий (1200), 10 зернотерок, точильные камни, 2 000 костей животных от 21 особи.

Углубление № 2 в плане неправильно овальной формы длиной 3 м, наибольшей шириной 3 м, глубиной 0,68–0,71 м. Оно разделялось на две части разной глубины. Восточная часть была более глубокой. На ее дне комья обожженной глины, некоторые из них ошлакованы. В этой части прослежена небольшая яма, в которой найдены зернотерки и отдельные угли. На дне западной части прослежена подсыпка из мелких камней известняка, которые были тщательно утрамбованы.

В центре углубления № 2, на краю его восточной части, найден череп оленя с большими ветвистыми рогами. Их размещение свидетельствует о том, что они падали с высоты, а не лежали на ровной поверхности. Неподдалеку от рогов выявлена яма от столба диаметром и глубиной 0,2 м. Вероятно, череп оленя был укреплен на этом столбе.

Заполнение насыщено фрагментами керамики (675), найдены фрагменты восьми статуэток, жетон, 34 раковины с отверстиями, два

обломка зернотерки, 140 предметов из камня и кремня, 48 костей животных от 14 особей.

Углубление № 4 в плане неправильно овальной формы, длина – 4 м, ширина – 3,5 м, наибольшая глубина неровного дна – 1,5 м. Яма, заполненная угольками, найдена у западной стенки. Рядом выявлен череп быка. На высоте 0,2–0,5 м от дна выявлена горизонтальная ровная поверхность, на которой прослежена конструкция из глины без примесей, с бортиками, обожженная до кирпичного цвета. Рядом, на площади около 2 кв.м., было скопление раковин (1200), среди которых найдено два обломка медного браслета. Другая часть углубления на этом уровне была засыпана битым плотно утрамбованным известняком. Выше этого горизонта из заполнения углубления происходят 500 фрагментов керамики, 500 кремневых изделий, фрагменты антропоморфных статуэток, 500 костей животных. Нижний и верхний слои заполнения разделялись мощной прослойкой золы.

Углубление № 5 выявлено рядом с площадкой № 5. Его диаметр около 2,2 м. В дне его была яма диаметром 1,1 м, в заполнении которой попадались угольки, фрагменты керамики (400), в том числе и со следами сажи, фрагмент статуэтки, обломок зернотерки, орудия труда, кости животных.

Таким образом, все углубления поселения Ленковцы отличаются неправильной формой, неровным дном, а также заполнением (фрагментированная пластика, керамика, кости животных, зола и угли), по нашему мнению свидетельствующим об использовании ям в ритуальных целях.

Наличие в углублениях двух горизонтов позволяет говорить об их относительно длительном использовании. Если предположение Е.К. Черныш о том, что углубления Ленковцев были углубленной частью построек со стенами из плетня, обмазанного глиной, правильно, то эти постройки должны были использоваться как культовые помещения. Вероятно, в центре их были установлены столбы с черепами оленя или быка, рядом с которыми разводился жертвенный огонь. Остатки ритуальных трапез и всего, что оставалось после проведения обрядов (зола, кости животных, разбитые сосуды, обломки антропоморфных статуэток, орудия труда) прятались в том же помещении.

В Луке-Врублевцевкой С.Н. Бибиковым были обнаружены исключительно углубленные объекты (общая площадь раскопок – 850 кв.м.), которые автор раскопок интерпретировал как остатки жилищ-землянок (Бибииков 1953: 20–77).

Семь из них, разной конфигурации и размеров, располагались вдоль берега у самой воды, пять из них (некоторые частично разрушены) подверглись раскопкам.

Углубление № 1 в плане овальное, в профиле корытообразное, с неровным дном, длиной 8 м, сохранившейся шириной до 2 м, глубиной 1,4 м. В заполнении зафиксировано три горизонта отложений золы. В верхней части прослежена прослойка раковин *Unio*. Заполнение углубления в целом очень интенсивно насыщено находками, особенно в центральной части. Тут найдено много фрагментов керамики, 119 кремневых изделий, обломки костяных и сланцевых изделий, 194 кости животных. Фрагменты от четырех антропоморфных фигурок залегали в слое золы. Верхняя и нижняя части от одной женской статуэтки выявлены на разных участках. Зафиксировано также два собачьих черепа, перекрытых конструкцией из обожженной глины толщиной 0,06–0,07 м, диаметром около 0,45 м. С.Н. Бибииков рассматривает это как ритуальное захоронение.

Углубление № 2 вытянуто перпендикулярно Днестру. Его форма и профиль аналогичны с предыдущим, наибольшая длина – 11 м, ширина 6 м, глубина 0,9 м. Дно неровное, прокалено до красного цвета. Прослойка раковин толщиной 0,01 м прослежена по всей площади углубления. Кроме того, выявлена прослойка раковин на ограниченном участке. Отмечено два небольших участка со скоплением угольков, золы и прокаленного грунта. Рядом с углублением № 2 выявлена овальная в плане конструкция из обожженной глины длиной 1,3 м, шириной 0,9 м, толщиной 0,05 м.

Наиболее интенсивным заполнение было в центральной части, где находки связаны с прослойками золы и отмечено наличие угольков. Найдено много фрагментов керамики, 389 изделий из кремня, орудия труда из камня и кости, более 1000 костей животных, обломки двух медных предметов, украшения из глины, ракушки *Unio* и зубы животных с отверстиями, 84 антропоморфные статуэтки, причем ча-

сти некоторых фигурок были рассредоточены по площади углубления № 2.

Углубление № 3, также расположенное перпендикулярно к берегу реки, отличается очень большой длиной. Вероятно, это естественная впадина – небольшой овраг, насыщенный культурными остатками трипольского времени, которые залегали тремя горизонтами, разделявшимися речными наносами. Тут зафиксировано 11 участков прокаленного грунта, прослойки *Unio*, обожженные камни, сотни костей животных, скопления изделий и отходов кремневого производства, изделия из камня, рога и кости, несколько медных предметов, много фрагментов керамики, в том числе от антропоморфных и зооморфных сосудов, фрагменты 55 антропоморфных фигурок.

Углубление № 4 представляло собой комплекс из девяти ям диаметром от 1 до 6 м, около которых прослежен трипольский культурный слой. Неглубокие ямы заполнены золой, угольками, среди которых концентрировались фрагменты керамики, кости животных, 256 изделий из кремня, отходы кремневого производства, орудия из камня, кости, рога, обломок медного предмета, камни, иногда со следами огня, скопления кусков обожженной глины. Из ям происходят 74 фрагмента антропоморфных статуэток, среди которых две мужские.

Углубление № 5 в плане подквадратное, площадью около 65 кв.м., глубиной до 1,5 м, с неровным дном, в котором было выкопано девять небольших ям. В заполнении выявлено два горизонта, к нижнему отнесены ямы. Зафиксирована прослойка *Unio*. В верхнем горизонте найдены сотни фрагментов керамики, орнитоморфные сосуд и черпачок, бусины из глины, керамическая погремушка, камни, сотни костей животных, кремневых изделий, орудия из камня, изделия из меди, раковины с отверстиями, два скопления обожженной глины, под одним из которых выявлен череп быка и кости младенца.

Углубление № 6 исследовано частично. Его ширина 3,2 м, глубина 1 м. На дне четко прослеживается слой прокаленного грунта. В заполнении встречались угольки, скопления золы, кости животных, фрагменты керамики, орудия из камня, кремня, кости. В центральной части углубления обнаружена прослойка,

состоявшая из угольков, золы, комьев обожженной глины.

С.Н. Бибиков подчеркивал очень большую насыщенность заполнений всех углублений разнообразными находками. Он интерпретировал их, как углубленные в землю части жилищ-полуземлянок, у которых были наземные стены из плетня, обмазанного глиной, а крыша была сделана из соломы или шкур (Бибиков 1953: 64).

Однако против такой интерпретации свидетельствует неровное дно углублений, прослойки в заполнении и очень большая его насыщенность находками. В то же время характер заполнения, включающего золу, угольки, прокаленность грунта, находки культовых предметов (сосуды, статуэтки), медных изделий, черепов животных и костей младенца позволяет также предполагать ритуальный характер выявленных в Луке-Врублевской углублений.

С.Н. Бибиков доказал ритуальный характер многих выявленных им находок, которые свидетельствуют о жертвоприношениях, предложил правдоподобную реконструкцию календарных обрядов с использованием антропоморфной пластики, которые происходили в этом месте (Бибиков 1953: 193–275). В то же время, насыщенность углублений находками кремня может говорить о том, что определенные магические обряды были связаны с производственной деятельностью трипольцев, в том числе кремнеобработкой, которая играла важную роль в хозяйстве днестровских племен.

Отсутствие в Луке-Врублевской вблизи углублений, которые были ритуальными объектами, следов типичных наземных глинобитных жилищ, позволяет предполагать, что это место было ландшафтным святилищем ранне-трипольских племен. Среди найденных здесь ритуальных атрибутов 283 фигурки, орнитоморфные, антропоморфные и биноклевидные сосуды, черпаки, другие керамические изделия, такие как яйцевидной формы керамическая погребушка, керамические «хлебцы», миниатюрные сосуды, амулеты и украшения из клыков кабана, кости, раковин. Находки черепов и многочисленных костей диких и домашних животных, костей младенца, многочисленные следы использования огня сви-

детельствуют о том, что в Луке-Врублевской проводились ритуальные трапезы, обряды жертвоприношения, связанные с использованием огня.

Интенсивность заполнения углублений и выявленные в нем прослойки, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что ритуальная деятельность осуществлялась здесь с определенной периодичностью на протяжении достаточно длительного времени. Анализ материала позволяет утверждать, что время использования святилища в Луке-Врублевской не превышало периода существования финальной фазы Триполья А. Изотопные датировки позволяют предположить, что период функционирования святилища составлял около 400 лет (Ki-6884: 5905±60 ВР, то есть 5113±76 ВС; Ki-6885: 5845±55 ВР, или 4703±79 ВС).

Для ландшафтного святилища трипольцы выбрали довольно низко расположенную по отношению к уровню Днестра площадку длиной 2 км, шириной 0,5 км прямо на левом берегу реки. Расположенное рядом высокое скалистое возвышение берегового обрыва надежно скрывало это место, незаметное даже с ближайших высот. Весьма примечателен ландшафт и на противоположном берегу Днестра, где высокий обрывистый берег прорезает узкая долина р. Сурша, которая у своего устья сливается с р. Сари-Лунга (Бибиков 1953: 13).

Общими чертами углубленных объектов трипольской культуры являются их очертания в плане в виде круга или овала несколько неправильной формы, неровное дно, вызванное соединением нескольких ям разной глубины, прослойки и скопления углей, золы, раковин, наличие двух-трех горизонтов, следы разведения огня, большая насыщенность заполнения находками, в том числе остеологическими материалами и ритуальными предметами.

Форма и интенсивность заполнения трипольских углублений не позволяет интерпретировать их как остатки землянок, а характер находок противоречит мнению В.И. Маркевича о том, что котлованы землянок, используемые под жилье на первоначальном этапе заселения поселка, впоследствии служили для сброса мусора (Маркевич 1973: 54). Однако такая интерпретация более убедительна, если

предположить практику захоронения трипольцами «священного мусора», распространенную у эллинов и описанную А.С. Русяевой (Русяева 2005).

Таким образом, можно предположить, что углубленные объекты, аналогичные описанным выше, являются свидетельствами ритуальной практики жителей трипольских поселений.

Литература

- Бибиков С.Н. 1953. *Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы*. МИА 38. Москва–Ленинград.
- Бурдо Н.Б. 2006. Архитектура трипольских племен Середньої Наддніпрянщини. В: *Охорона культурної спадщини Київської області*. Київ, 43–62.
- Бурдо Н.Б. 2007. Реконструкція будівель трипольської культури. Методика та концепції. В: *Трипольська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича*. Київ, 29–48.
- Відейко М.Ю. 2005. Архитектура поселень трипольської культури VI–III тис. до н.е. В: Відейко М.Ю., Терпіловський Р.В., Петрашенко В.О. *Давні поселення України*. Київ, 10–80.
- Зиньковский К.В. 2013. Жилища племен трипольской культуры. *Stratum plus* (2), 27–100.
- Кричевський Є.Ю. 1940. Розкопки на Коломиїщині і проблема трипольських площадок. В: *Трипольська культура*. Т. 1. Київ, 479–592.
- Курінний П.П. 1926. Монументальні пам'ятки трипольської культури. В: *Трипольська культура на Україні*. І. Київ, 67–96.
- Маркевич В.И. 1973. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970-1971 гг. В: *Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг.* Кишинев, 52–78.
- Русяева А.С. 2005. *Религия понтийских эллинов*. Киев.
- Хвойка В. 1901. Каменный век Среднего Приднепровья. *Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году*. Т. 1. Москва, 730–812.
- Хвойка В.В. 2008. *Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена*. Киев.
- Черниш К.К. 1959. *Ранньотрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі*. Київ

References

- Bibikov, S. N. 1953. *Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaia na Dnestre. K istorii rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh plemen na iugo-vostoke Evropy (Early Tripolian settlement Luka-Vrublevetskaia on the Dniester. Towards the history of the early pastoral-agricultural tribes in the south-east of Europe). Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (38). Moscow–Leningrad (in Russian).
- Burdo, N. B. 2006. *Arkhitektura tripil's'kikh plemen Seredn'oi Naddniprianshchiny (Architecture of the Middle Dnieper Tripolian tribes)*. In *Okhorona kul'turnoi spadshchiny Kiivs'koi oblasti (Protection of the Kiev region cultural heritage)*. Kiev, 43–62 (in Ukrainian).
- Burdo, N. B. 2007. *Rekonstruktsiia budivel' tripil's'koi kul'turi. Metodika ta kontseptsii (Reconstruction of the Tripolian culture buildings. Methodology and concepts)*. In *Tripil's'ka kul'tura. Poshuki, vidkrittia, svitovii kontekst. Do 100-richchia iz dnia narodzhennia O. Ol'zhicha (Tripolian culture. Search, discoveries, global context. To the 100th anniversary of the birth of Ol'zhich)*. Kiev, 29–48 (in Ukrainian).
- Videiko, M. Iu. 2005. *Arkhitektura poselen' tripil's'koi kul'turi VI–III tis. do n.e. (Architecture of the Tripolian culture settlements of the VI–III millenium BC)*. In *Videiko, M. Iu, Terpilovs'kii, R. V., Petrashenko, V. O. Davni poselennia Ukraini (Ancient settlements of Ukraine)*. Kiev, 10–80 (in Ukrainian).
- Zin'kovskii, K. V. 2013. *Zhilishcha plemen tripol'skoi kul'tury (Dwellings of the Tripolian culture tribes)*. *Stratum plus* (2), 27–100 (in Russian).
- Krichevs'kii, E. Iu. 1940. *Rozkopki na Kolomiishchiny i problema tripil's'kikh ploshchadok (Excavations at Kolomiishchyna and the problem of the Tripolian sites)*. In *Tripil's'ka kul'tura (Tripolian culture)*. Vol. 1. Kiev, 479–592 (in Ukrainian).
- Kurinnii, P. P. 1926. *Monumental'ni pam'iatki tripil's'koi kul'turi (Monumental sites of the Tripolian culture)*. In *Tripil'ska kul'tura na Ukraini (Tripolian culture in Ukraine)*. I. Kiev, 67–96 (in Ukrainian).

Markevich, V. I. 1973. *Issledovaniia Moldavskoi neoliticheskoi ekspeditsii v 1970-1971 gg. (Researches of the Moldovan Neolithic expedition in 1970-1971)*. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1970-1971 gg. (Archaeological researches in Moldova in 1970-1971)*. Chişinău, 52–78 (in Russian).

Rusiaeva, A. S. 2005. *Religiia pontiiskikh ellinov (Religion of the Pontian Hellenes)*. Kiev (in Russian).

Khvoika, V. 1901. *Kamennyi vek Srednego Pridneprov'ia (Stone Age in the Middle Dnieper Region)*. *Trudy XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve v 1899 godu (Proceedings of the XI Archaeological Congress in Kiev in 1899)*. Vol. 1. Moscow, 730–812 (in Russian).

Khvoika, V. V. 2008. *Drevnie obitateli Srednego Pridneprov'ia i ikh kul'tura v doistoricheskie vremena (Ancient inhabitants of the Middle Dnieper Region and their culture in prehistoric times)*. Kiev (in Russian).

Chernish, K. K. 1959. *Rann'otripil's'ke poselennia Lenkivtsi na Seredn'omu Dnistri (Early Tripolian settlement of Lenkivtsi in the Middle Dniester)*. Kiev (in Ukrainian).

Бурдо Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии НАН Украины; e-mail: nbburdo@gmail.com

Nicolae Ursulescu

Questions soulevés par les sceptres préhistoriques récemment publiés en Roumanie

Keywords: Prehistory (Chalcolithic – Bronze Age), scepters, Romania.

Mots-clé: Préhistoire (Chalcolithique – Âge du Bronze), sceptres, Roumanie.

Cuvinte-cheie: Preistorie (Calcolitic – Epoca Bronzului), sceptre, România.

Nicolae Ursulescu

Issues raised by prehistoric scepters recently published in Romania.

We present and analyse several prehistoric scepters, discovered in extra-Carpathian areas of Romania (Wallachia and Moldova), which bring new data on the raw materials used for these prestige pieces, as well as on the typology and the meaning of images represented.

Nicolae Ursulescu

Questions soulevés par les sceptres préhistoriques récemment publiés en Roumanie.

On présente et analyse quelques sceptres préhistoriques, trouvés dans les zones extra carpatiques de la Roumanie (Valachie et la Moldavie), qui viennent apporter de nouvelles données sur les matières premières à partir desquelles ces pièces de prestige ont été obtenues, aussi bien que sur la typologie et la signification des représentations.

Nicolae Ursulescu

Probleme ridicată de sceptrele preistorice recent publicate în România.

Sunt prezentate și analizate câteva sceptre preistorice, recent publicate, descoperite în zonele extracarpatice ale României (Muntenia și Moldova), care aduc date noi cu privire la materiile prime din care erau prelucrate aceste piese de prestigiu, ca și despre tipologia și semnificația imaginilor reprezentate.

Parmi les nombreuses préoccupations scientifiques de l'archéologue Valentin Dergacev, auquel le présent volume lui rend hommage, on trouve aussi l'importante question des sceptres avec des traits zoomorphes (Dergacev, Sorokin 1986; Dergachev 2000: 306–309; Dergacev 2000a: 49–50, 71; Dergacev 2007), qu'il les a appelé – d'une manière inspirée – „la carte de visite des hôtes non invités”. Ces sceptres ont été unanimement considérés par les spécialistes comme des signes de prestige de quelques personnages importants du point de vue social, militaire ou religieux (Berciu 1954; Dumitrescu 1955; Dodd-Oprîșescu, Mitrea 1983; Govedarica, Kaiser 1996; Burtănescu, Țurcanu 1997; Govedarica 2004; Harțușe 2004–2005; Frînculeasa, Mirea 2007; Enea 2008; Gogăltan, Ignat 2011).

Les synthèses ci-dessus mentionnées ont présenté les répertoires des découvertes de sceptres et ont abordé en détail de divers aspects typologiques, fonctionnels et symboliques de cette catégorie d'artéfacts, ainsi qu'il n'y a pas le cas de revenir ici sur ces questions. Mais, après l'occurrence de l'ouvrage de synthèse de V.A. Dergacev (2007), quelques d'autres sceptres préhistoriques ont été publiés¹, ce qui soulève de nouvelles questions sur le répertoire typologique et l'interprétation de ces pièces. Dans ce qui suit nous allons référer principalement à trois telles pièces et à leur signification.

1. **Ciolăneștii din Deal** (com. de Ciolănești, dép. de Téléorman). Dans les fouilles effectuées dans les années 1964–1966, dans le site de type *tell* „Măgura Țui” de cette localité, on a dévoilé un habitat chalcolithique de la phase Gumelnița

¹ Nous avons en vue seulement les sceptres figuratifs (avec une signification exclusivement symbolique), mais pas les massues cruciformes de type Mariupol (Govedarica 2006; Niculică 2009), qui peuvent accomplir à la fois le rôle de symbole de la puissance et d'arme.

A2 (Petrescu-Dîmbovița, Sanie 1969). Un sceptre zoomorphe stylisé (H = 10,5 mm; L = 9 cm; largeur maximale = 3 cm), travaillé sur un bois de cerf, a été trouvé pendant la campagne de 1966 et a resté dans le dépôt du Musée d'Histoire du Département de Téléorman, avec le siège dans la ville d'Alexandria, étant récemment publié (Frînculeasa, Mirea 2007). Bien que la partie supérieure de l'objet évoque l'aspect des sceptres zoomorphes en pierre (Frînculeasa, Mirea 2007: 45, pl. 2), cependant la pièce diffère de ceux-ci, notamment par deux éléments de nouveauté:

a. elle est réalisée dans un autre matériel que la pierre;

b. le sceptre a un autre système d'assemblage dans le manche, par la tige verticale de la partie inférieure de la pièce. Les ruptures observables à cette tige ont été probablement faites intentionnellement, afin de faciliter l'introduction de la pièce dans la manche (fig. 1).

Les sceptres en pierre connus jusqu'à présent avaient une forme apparemment ovoïdale et se fixaient dans la manche par la partie postérieure (l'épave), à l'aide d'une proéminence (le tenon),

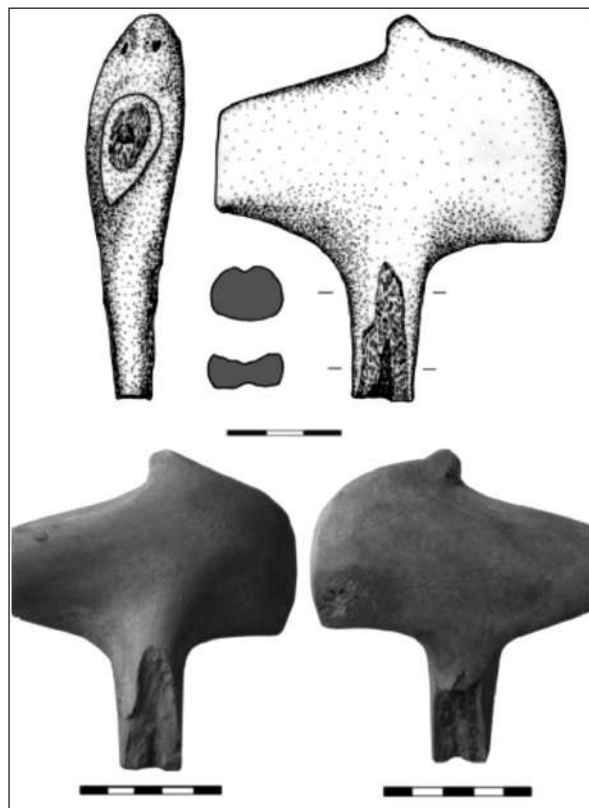

Fig. 1. Ciolănești din Deal. Sceptre zoomorphe en bois de cerf (apud Frînculeasa, Mirea 2007: 45).

soit dans la position verticale, soit – plutôt – horizontale (Govedarica, Kaiser 1996: 80–81, Abb. 9–10; Dergacev 2007: 210–211, ris. 68–69).

2. **Geangoești** (com. de Dragomirești, dép. de Dâmbovița). Le sceptre perforé, avec un trou pour l'emmanchement, conservé dans la collection du Musée de Târgoviște, provient d'une fouille effectuée en 1970 dans l'habitat chalcolithique du type tell de lieu dit „La Hulă”, avec des niveaux appartenant aux phases Gumelnița A2 et B1 (Ilie 2012: 33). La pièce est fragmentaire; a resté seulement la partie antérieure jusqu'à l'orifice. Des dimensions: L (actuelle) = 6,4 cm; l = 4,2 cm; la grosseur = 2,8 cm; D de l'orifice = 1,5 cm; poids = 83 gr. (Ilie 2012: 36).

L'auteur de l'étude considère que sur le sceptre de Geangoești (fig. 2) a été représenté d'une manière réaliste, en bas-relief et par l'aide de quelques incisions, une tête humaine, avec un diadème/couronne sur le front (Ilie 2012: 35, fig. 2). Les traits faciaux semblent à soutenir cette attribution de l'image – la seule de cette sorte entre les sceptres connus jusqu'à présent. Mais, nous ne pouvons pas exclure la possibilité qu'il s'agirait d'une représentation anthropozoomorphe, tenant

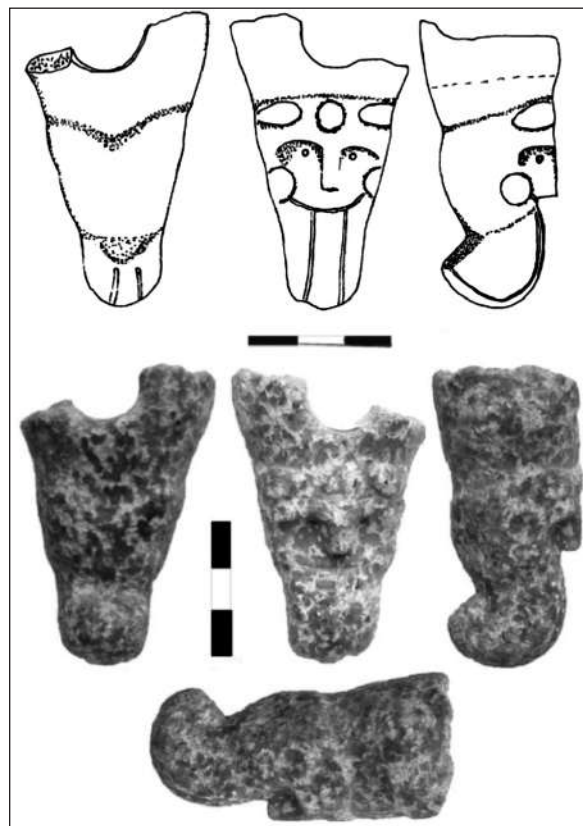

Fig. 2. Geangoești. Sceptre perforé (apud Ilie 2012: 34).

compte de quelques-uns traits semblables avec les figurines modelées sur les quatre fragments céramiques de l'agglomération de la phase Cucuteni A de Ruginoasa (Dumitrescu 1933: 73–74, fig. 16: 2–3; 25: 1–2; Chirica, Văleanu 2008: 123–125, 134–135, fig. 66–68). La masque faciale du type humain de l'un de ces fragments (Chirica, Văleanu 2008: fig. 66: 1; 67) est nettement associée avec des cornes d'animal (fig. 3). Il mérite particulièrement souligner que, si ce nouveau fragment (avec l'association claire des traits humains et zoomorphes) n'aurait pas apparu, les anciens fragments de la fouille effectuée dans la période entre les deux guerres mondiales (Dumitrescu 1933: 73–74, fig. 16: 2–3; 25: 1–2) auraient été de suite considérés rien que des masques faciaux anthropomorphes.

Fig. 3. Ruginoasa. Fragment céramique à représentation faciale et avec des cornes (apud Chirica, Văleanu 2008: 137–138).

Mais, dans la nouvelle situation, pour ce type mixte de représentation on a proposé le nom de „taureau céleste”, qui suggère l'union de la divinité avec le symbole masculin du taureau (Chirica, Văleanu 2008: 123–148). D'ailleurs, ce thème a été observé même sur un vase (fig. 4) de l'agglomération de

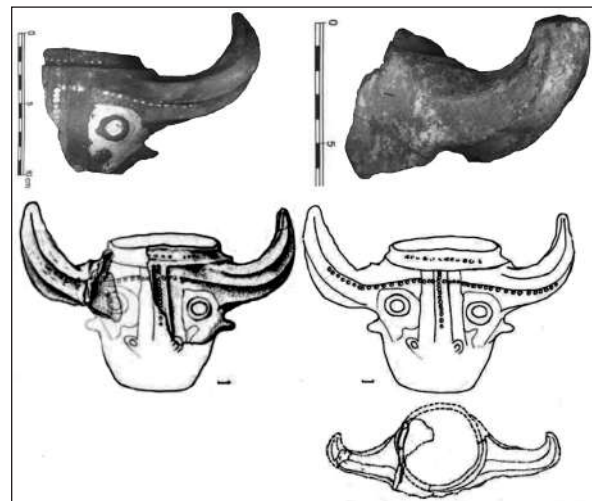

Fig. 4. Geangoești. Vase zoomorphe: fragments et reconstitution (apud Ilie, Dumitru 2008: 160).

la culture Gumelnița de Geangoești (Ilie, Dumitru 2008; Ilie 2012: 43, fig. 1d). En ce qui concerne le sceptre de Geangoești (fig. 2) nous avons en vue les deux proéminences ovales, situées aux marges du front (Ilie 2012: 35, fig. 2), qui peuvent être interprétées comme des cornes. Dans ce cas, seulement la proéminence circulaire du milieu du front peut être considérée comme un ornement du diadème. Nous ne croyons pas que la ligne incisée arquée de la partie inférieure du visage indiquerait la bouche² (Ilie 2012: 35), tenant compte de sa longueur trop grande (elle va d'une part à d'autre de la figure), mais plutôt le contour du menton, dessous lequel part la barbe. Les deux autres proéminences, situées d'une part et d'autre du menton indiquent peut-être les oreilles.

Le sceptre de Geangoești s'encadre dans une catégorie à part, celle des sceptres perforés, dont il n'y a pas besoin d'éléments supplémentaires (tenons) pour l'emmanchement. A présent, on connaît au moins 11 de telles pièces de l'espace entre Volga et Bas Danube (Ilie 2012: 38–43, fig. 4–6)³.

Bien qu'il y ait une grande diversité en ce qui concerne les détails de la représentation⁴ (Ilie 2012: 39), cependant à la plus grande partie des sceptres

² D'ailleurs, la bouche n'est indiquée ni à la représentation faciale du fragment céramique de Ruginoasa, qui a gardé la partie inférieure du visage (Dumitrescu H. 1933: 70, fig. 16/2; 25/1).

³ Au regard de la liste donnée par l'auteur cité (Ilie 2012: 39), V. Dergacev (2007: 156, ris. 48) cite en outre du territoire de la Roumanie les exemplaires trouvés par hasard à Butimanu, dép. de Dâmbovița (Boroneanț, Boroneanț 1992) et à Bocșa-Colțan, dép. de Caraș-Severin (Müller 1964), qui ont été hypothétiquement attribués (sur la base des découvertes de la zone) à la culture Tei (Bronze Moyen), respectivement à la culture Coțofeni (Bronze Ancien).

⁴ Dans ce sens voir aussi le sceptre - marteau de Cornățel (com. de Buzoești, dép. d'Argeș), qui se remarque par une représentation totalement à part (Măndescu, Cioflan, Maschio 2000: 19-24), provoquant déjà des discussions dans la littérature de spécialité (Frînculeasa, Mirea 2007: 38-39; Dergacev 2007: 156-157).

perforés on remarque la ressemblance frappante de la forme arquée de leur partie antérieure avec celle des sceptres considérés „réalistes”. Quelques-uns des chercheurs ont inclus dans la catégorie des sceptres en pierre uniquement les exemplaires sans orifice pour la manche (Govedarica, Kaiser 1996: 66), mais nous considérons que cette délimitation n’a pas tenu compte de cette ressemblance. Voilà pourquoi, nous partageons l’autre opinion (Danilenko 1974: 104–106, ris. 69: 2–3), conformément laquelle les sceptres perforés doit être comprises dans la même catégorie des pièces „réalistes”, parce que la partie antérieure (le sceptre proprement dit) a le même aspect et seulement la manière d’emmanchement diffère.

De même, nous considérons que les dénominations de „haches” (Govedarica, Kaiser 1996: 66) ou de „haches-sceptres” (Dergacev 2007: 157, ris. 48) pour les sceptres perforés soient impropres, parce que ceux-ci n’aient pas un tranchant et, par conséquent, ni un rôle fonctionnel de coupe, même si la perforation est identique avec celle des haches proprement dites. Plus proche de réalité il semble le nom de „sceptre-marteau” (Măndescu, Cioflan, Maschio 2000: 19–24) ou de „sceptre perforé”.

3. **Popricani** (jud. Iași). Le sceptre en pierre de Popricani a été trouvé accidentellement sur le plateau haut de la part septentrionale de la localité et il est maintenant dans le soin du Séminaire d’Archéologie de l’Université „Al. I. Cuza” de Iași (Ursulescu, Cotiuğă 2012). A défaut du contexte archéologique, la datation du sceptre est limitée seulement à la typologie. La pièce présente en manière réaliste la tête d’un oiseau à bec long et gros, de l’ordre d’*Ansériformes*, probablement une oie ou un canard (fig. 5: 1). L’objet a été travaillé sur une plaque en grès quartzite, assez tendre, ce qu’il a permis l’esquisse, par incisions et creusement, de quelques détails anatomiques. Des dimensions: L maxime = 129 mm; H maxime (y compris la partie d’assemblage au manche) = 73 mm, qui se réduit graduellement vers l’extrémité du bec (où a seulement 20 mm); grosseur maxime = 17 mm. La zone du cou a été couverte par des traits finement incisés, en réseau (fig. 5: 2B), qui semblent indiquer le plumage. Sur la partie droite du cou ce décor a été presque en totalité nettoyé, probablement afin de réaliser un amincissement de la base du sceptre pour un meilleur emmanchement. Pour le même but, l’épaisseur initiale de la plaque a resté seulement

Fig. 5. Popricani. Sceptre avimorphe en pierre (apud Ursulescu, Cotiuğă 2012: 34).

au coin devant sous la forme d’une proéminence – tenon de fixation (fig. 5: 2A).

La pièce, par son aspect général et par la modalité de réalisation, est un unicum entre les sceptres préhistoriques en pierre. Si le sceptre stylisé en forme d’oiseau représente vraiment une oie, alors on soulève d’intéressantes questions concernant la motivation de son choix. L’oie a été appréciée pour ses sens très aigües (l’épisode de la sauvegarde du Capitole à l’attaque nocturne des Gaules), donc dans les croyances de plusieurs peuples elle a devenu un symbole de la vigilance (Coman 1988: 12), pouvant aussi avoir un rôle apotropaïque pour celui qui portait un signe de cet oiseau (le cas du sceptre), aussi bien que pour la communauté de laquelle cet important personnage (porteur de sceptre) faisait partie. Cette valeur apotropaïque pouvait être aussi accentuée par l’association des oiseaux aquatiques avec la divinité solaire, qui entre ses nombreuses attributions, symbolisait également l’immortalité (Nițu 1988: 82). En général, les oiseaux avaient un rôle important dans les croyances de différentes peuples, s’en considérant que ceux-ci assuraient la liaison entre la Terre et le Ciel, y compris entre les hommes et les forces ouraniennes (Chevalier, Gheerbrant 1995: 23; Comșa 2002: 102).

On connaît des représentations avimorphes, réalisées par d'autres matériaux et par d'autres techniques de travail, tant dans la culture Cucuteni que dans l'Âge du Bronze ou Hallstatt. Les sites signalés dans la zone de la trouvaille du sceptre de Popricani s'encadrent aux périodes au-dessus mentionnées (Chirica, Tanasachi 1985: 320–321, nos. 7, 8 et 10).

Dans la culture Cucuteni il y a des représentations peintes d'oiseaux aquatiques sur quelques vases (surtout dans la phase B), placées dans des compositions complexes, comme celles de Buznea, dép. de Iași et Stânca-Ștefănești, dép. de Botoșani, ce qui dénote que les réalisateurs de ces tableaux attribuaient aux oiseaux un certain rôle rituel (Nițu 1975; Dumitrescu 1979: 66–68, fig. 54–55; Markevici 1981: 144–145, ris. 7: 4, 24: 1, 27: 2, 57: 10; Boghian, Mihai 1987: 313–324). De même, on connaît des représentations plastiques ornithomorphes en forme de protomes sur la marge de quelques vases (surtout des soupères) de la phase Cucuteni A (Nițu 1976) ou des statuettes en argile (Comșa 2002), dont au moins l'une (le protomé d'un vase de l'habitat Cucuteni A de Mărgineni, dép. de Bacău), reproduit, dans une manière réaliste, la tête d'un oiseau de marais (Nițu 1976: 49–50, fig. 1; Dumitrescu 1979: 90, fig. 184; Comșa 2002: 92–93, fig. 2: 6), probablement une oie sauvage.

Dans l'Âge du Bronze et dans le Hallstatt, la forme des sceptres en pierre change substantiellement: outre de massues (avec des formes semblables aux celles-ci de la période énéolithique), on apparaît maintenant surtout des sceptres cylindriques, un peu tronconiques, avec la tête en forme de champignon (Boroffka, Sava 1998; Ursu, Mitrăa 2001; Irimia 2008; Diaconu, Istina 2011, avec la bibliographie actualisée), qui semble avec une colonne en miniature ou un pilon.

Une série d'arguments nous détermine de proposer une datation plus récente pour le sceptre de Popricani, approximativement vers la fin de l'Âge du Bronze ou dans le Hallstatt. Dans cette période les symboles solaires apparaissent extrêmement fréquents. Outre des images explicites (des cercles avec des rayons, des tourbillons en spirale etc.), on rencontre aussi d'autres qui représente dans une manière stylisée des oiseaux, en liaison avec la croyance sur le voyage diurne du soleil dans un chariot tracté par des oiseaux aquatiques: il se levait le matin de l'eau, voyageait

sur le Ciel et le soir revenait dans le milieu aquatique (Kernbach 1989: 99, 548–549; Vulcănescu 1985: 367–384; Evseev 1994: 29, 68–69, 88–89, 130, 170–171; Chevalier, Gheerbrant 1994: t. 1, 248–251; t. 2, 98–99, 204–207; Chevalier, Gheerbrant 1995, t. 3, 23–27, 237–243). Ce mythe est confirmé par la découverte (dans des contextes de l'Âge du Bronze et du Hallstatt) des nombreuses représentations en miniature de tels chariots célestes, dont des oiseaux aquatiques étaient attachés (Pare 1989; 1992; Boroffka 2004).

Donc, il est possible que les images des oiseaux aquatiques, compagnons du Soleil, aient été de même utilisées comme sceptres, en tant que des symboles solaires, probablement par des personnages avec des attributions religieuses dans les communautés de l'âge du Bronze et de la première période de l'Âge du Fer. Une telle interprétation pourrait être soutenue par l'existence de quelques pièces (fig. 6), semblables (en ce qui concerne l'image générale) avec celle de Popricani, trouvées dans des contextes religieux (des temples) du Proche Orient: Israël, Jordanie, Palestine et Liban – toutes de la phase canaanite récente (Bz récent III), datée approximativement dans les XIVe–XIIIe siècles av. J.-C. (Müller-Karpe 1980: Bd. II: 745, 748–749, 751, 753, 755; Bd. III: pl. 126: B8; 130: A9; 132: 13; 117: 45, nr. 56; 120: A7; 153:10), ce qu'il corresponde avec la période de la culture Noua de la Roumanie.

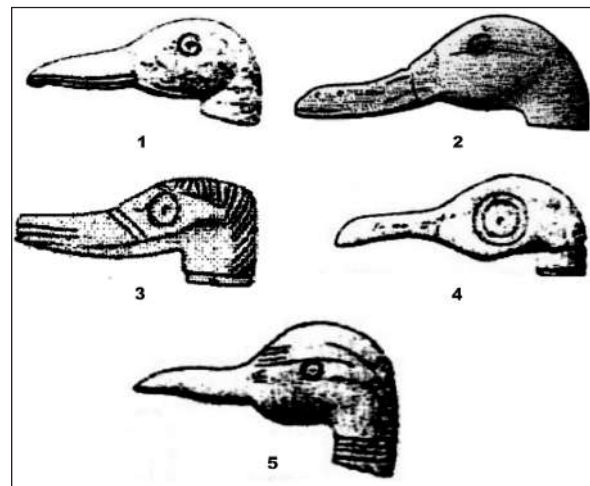

Fig. 6. Têtes d'oiseaux de Proche-Orient de la phase canaanite récente (Bz récent III): 1. Tell ed-Duweir/Lekiš; 2. Amman; 3. Betšan; 4. Kamid el-Loz; 5. Megiddo (apud Müller-Karpe 1980: III, Taf. 117: 45; 120: A7; 126: B8; 153: 10; 130: A9; 132: 13).

Malheureusement, ni de cette période, sur le territoire de la Roumanie (ou dans des zones voisines), on ne connaît pas d'autres sceptres avec des représentations ornithomorphes, qui puissent servir comme d'analogie à la pièce de Popricani. Mais, il y a dans l'Europe Centrale quelques pièces en bronze, du type de celles du dépôt de Gușterița (fig. 7: 1), jud. Sibiu (Petrescu-Dîmbovița 1977: 96, pl. 160: 1-2), qui représente des protomes avimorphes (fig. 7: 2-8) avec une cheville pour le fixage (fig. 7: 1-6) (Müller-Karpe 1980: Bd. III, pl. 379: B4 ; 412: H; 420: 1-2 ; 421: K9), ou avec des tubes de liaison (fig. 7: 7) (Müller-Karpe 1980: Bd. III, pl. 378: 10; 420: 24), soit avec un orifice dans le corps de l'oiseau pour l'attache (fig. 7: 8) (Müller-Karpe 1980: Bd. III, pl. 421: C1).

Une analogie intéressante pour le type d'oiseau représenté par le sceptre de Popricani provient de la zone du Don Inférieur, d'une tombe tumulaire (no. 5) du kourgan no. 3 de la nécropole près de village Rjabičev (rayon de Volgodonsk, région de Rostov, Russie), fouillée dans l'année 2006. Il s'agit d'un bâton-sceptre en bois (Korenevskij, Žerebilov, Parusimov 2008: 208, ris. 2: 3-4), avec le bout en forme de tête d'oiseau à bec long (9,5 cm) et avec

le manche enroulé dans une bande en cuivre (8 mm de largeur) (fig. 8: 3-4). Le bâton était déposé (avec le bec de l'oiseau vers le Sud) à côté du fémur d'un squelette d'homme (âgé de 45 ans) recroquevillé sur la droite, les pieds pliés, la tête vers SSE (Korenevskij, Žerebilov, Parusimov 2008: 200-203, ris. 1: 1-2). Le personnage y enterré a bénéficié du respect de sa communauté, qui a élevé le manteau d'un tertre déjà existant pour sa tombe. De même, la tombe a été dotée avec un mobilier de prestige (Korenevskij, Žerebilov, Parusimov 2008: 200-201). Outre du bâton-sceptre, à côté de décédé était déposé aussi un sceptre en pierre allongé (41 cm), en forme de hache avec un bout arrondi (fig. 8: 1), aussi bien qu'un anneau en os (fig. 8: 2) (Korenevskij, Žerebilov, Parusimov 2008: 202-203, ris. 1: 2; 2: 1-2; 3: 8). Les auteurs considèrent que la tombe est de tradition *Jamnaja* récente, spécifique

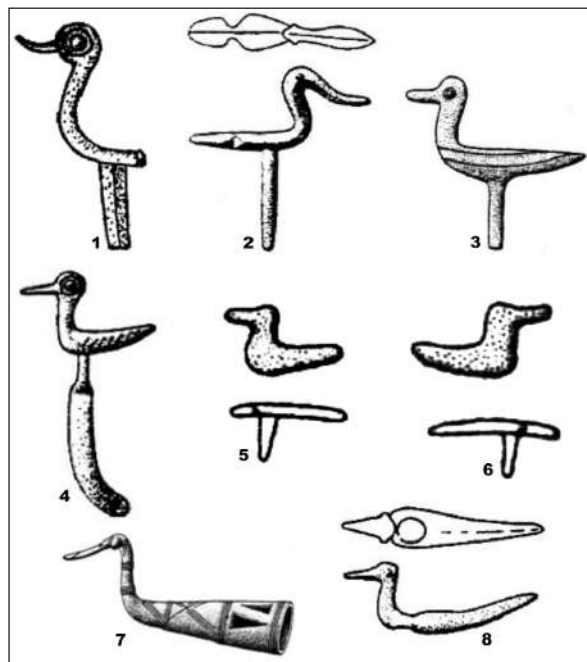

Fig. 7. Représentations ornithomorphes de l'Âge du Bronze de l'Europe Centrale. 1. Gușterița (apud Petrescu-Dîmbovița 1977: pl. 160: 1-2); 2. Nagydém; 3. Inn bei Töging; 4. Staudach; 5-6. Hart; 7. Zsujta; 8. Hader (apud Müller-Karpe 1980: III, Taf. 379: B4; 412: H; 421: K9; 420: 1-2, 24; 378: 10; 421: C1).

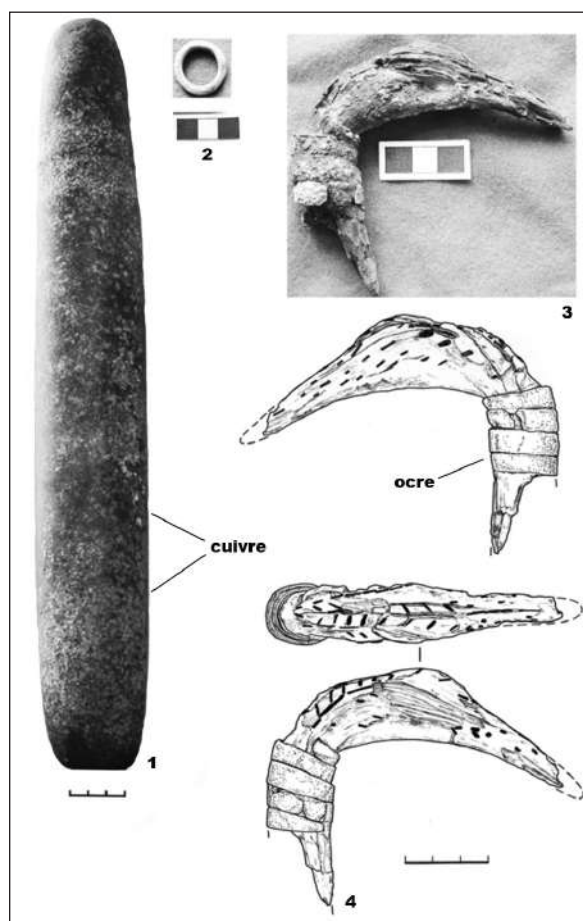

Fig. 8. Nécropole tumulaire de Rjabičev. Le mobilier de la tombe no. 5 du 3ème kourgan: 1. sceptre en pierre; 2. anneau en os; 3-4. Bâton-sceptre en bois, modelé en tête d'oiseau (apud Korenevskij, Žerebilov, Parusimov 2008: 208).

pour la zone Volga – Pré-Oural et qu'il représenterait le culte des leaders âgés et l'oiseau esquissé sur le sceptre serait en liaison avec le culte indo-européen de l'oiseau-démiurge, créateur du monde (Korenevskij, Žerebilov, Parusimov 2008: 205).

En guise de conclusion, la pièce trouvée à Popricani représente un nouveau type de sceptre préhistorique en pierre. Le fait que le contexte archéologique de la découverte soit inconnu ne permet à présent qu'à formuler des hypothèses en ce qui concerne l'attribution culturel-chronologique du sceptre. Les données indirectes suggèrent soit une datation dans le Chalcolithique développé ou final, soit à la fin de l'Âge du Bronze/le Hallstatt ancien. Rien que l'éventuelle apparition de nouveaux sceptres avimorphes similaires, avec un contexte clair de la trouvaille, aidera à la datation de la pièce de Popricani.

*

Les dernières découvertes de sceptres de la Roumanie apportent des nouveaux thèmes de réflexion concernant la typologie, l'origine et la signification de cette importante catégorie d'artefacts préhistoriques. L'attention des spécialistes s'est dirigée jusqu'à présent principalement sur les classifications typologiques, ayant en vue la forme des sceptres et les images représentées sur ceux-ci⁵. On a moins souligné le fait (extrêmement important, à notre avis) qu'on ne retrouve pas dans le matériel connu jusqu'à présent deux représentations absolument identiques, mais seulement des ressemblances d'ordre formel. Donc, il ne s'agit pas de produits de série, réalisés en certains centres, mais de pièces faites dans des communautés diverses. Mais, ces objets sont inspirés d'un certain cérémonial du pouvoir, avec des significations sociales et de culte, répandu et accepté sur de larges espaces, en commençant de la période chalcolithique – moment où il y a aussi des preuves qu'il ait réussi imposer un nouveau type d'organisation sociale, celui de *chiefdom* (Service 1962: 143–144; Lichardus et alii 1985: 504–505). Ce cérémonial d'étalage des sceptres conférait de prestige et une autorité supplémentaire aux personnages qui gagnaient ce droit, par suite de la reconnaissance de leur statut de la part de leur communauté. Le sceptre, comme symbole du pouvoir (spirituel, militaire ou judiciaire), recevait de certaines particularités (par la forme ou par

le dessin graphique), liées du caractère spécifique de la respective communauté, par lesquelles il faut différencier des pièces similaires (mais pas identiques) d'autres groupes humains. Une telle manière d'approche du problème des sceptres expliquerait, à notre avis, pourquoi ces pièces forment une catégorie unitaire d'artefacts, mais avec des différences claires de forme, parfois extrêmement accentuées.

Probablement une parallèle qui peut bien expliquer la forme et la signification des sceptres préhistoriques est offerte par les couronnes de la période historique. Toutes les couronnes sont liées de l'idée monarchique, mais chaque a ses particularités, en distinguant ainsi un souverain (comme le représentant d'un peuple) d'un autre.

Voilà pourquoi, l'existence des formes diversifiées de sceptres est, à notre opinion, normale. Il est moins important d'essayer à trouver le lieu d'origine de chaque type de sceptre, parce que, dans plusieurs cas, ceux-ci, par le symbole exprimé, sont liés d'une certaine communauté et zone. En regardant les choses dans cette manière, nous avons des raisons pour comparer le destin historique de ces sceptres avec celui de la céramique de type C. Même si ce type de céramique a apparu au début dans le milieu culturel des populations prédominant pastorales des steppes nord-pontiques, cependant à bref délai, par des déplacements vers l'Ouest de quelques communautés du monde des steppes, aussi bien que par l'influence culturelle, celle-ci est devenu l'une des catégories céramiques autochtones dans les milieux culturels de quelques populations agricoles, comme celles de Cucuteni–Tripolie ou Gumelnița, où s'est diversifiée par l'aspect de la pâte, par le processus de réalisation, par les formes et même par le système ornemental (Dodd-Oprițescu 1980; 1983; Cucos 1985; Cotoi 2007; Starkova 2008 etc.).

Le déchiffrement du symbole de chaque sceptre reste le problème le plus difficile. De ce point de vue, l'archéologie est obligée de rester pour le moment rien qu'au niveau des suppositions et des hypothèses. L'explication la plus plausible semble être celle d'une représentation totémique, par laquelle, peut être, se masquait une divinité importante pour la respective communauté. Naturellement, on peut avancer aussi d'autres suppo-

⁵ Selon notre opinion, le terme de „sceptres abstraits” est plus adéquat que celui de „sceptres schématisés”, parce qu'à cette catégorie de sceptres n'a pas été suite une schématisation des images considérées réalistes, mais seulement la transposition matérielle de l'idée abstraite de sceptre.

sitions, mais la seule certitude est seulement que ce symbole imposait respect et peut-être peur aux membres des communautés – des sentiments qui se manifestaient aussi pour le personnage autorisé à porter le sceptre.

Nous ne pouvons exclure ni la possibilité que les uns des sceptres, d'une facture évidemment étrangère au regard du milieu culturel où ceux-ci ont été trouvés, aient entré dans la possession de la communauté locale, soit comme un don (reçu de la part d'un groupe allogène, arrivé dans ces

lieux), soit comme un trophée de guerre, par suite de la capture/du meurtre d'un quelque chef d'un tel groupe nomade.

Le problème des sceptres préhistoriques reste un sujet ouvert et controversé, qui pourra être clarifié (au moins partiellement) par de nouvelles découvertes, aussi bien que par la réévaluation de celles déjà existantes. Dans ce sens, l'ouvrage de synthèse de V.A. Dergacev a ouvert une voie de large interprétation historique et interdisciplinaire, qu'il doit être suivi.

Bibliographie

- Berciu D. 1954. Asupra problemei așa-numitelor sceptre de piatră din R.P.R. *SCIV* V (3-4), 537–548.
- Boghian D., Mihai C. 1987. Le complexe de culte et le vase à décor ornithomorphe peint découverts à Buznea (départ. de Iași). In: (Eds. M. Petrescu-Dîmbovița et alii). *La civilisation de Cucuteni en contexte européen*. Dans la collection: *BAI* I. 313–324.
- Boroffka N. 2004. Bronzezeitliche Wagenmodelle im Karpatenbecken. In: (Hrsg. M. Fansa, S. Burmeister). *Rad und Wagen – Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Mainz am Rhein, 347–354.
- Boroffka N., Sava E. 1998. Zu den steinernen „Zeptern/Stössel-Zeptern“, „Miniatursäulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 30, 17–113.
- Boroneanț C., Boroneanț V. 1992. Considerații asupra topoarelor „sceptre” din piatră, epoca bronzului, pe baza descoperirilor de la Butimanu. *Cercetări arheologice în București* IV, 91–96.
- Burtănescu F., Țurcanu S. 1997. Un nou sceptru eneolitic descoperit în Moldova. *Thraco-Dacica* XVIII, 75–95.
- Chevalier J., Gheerbrant A. 1994. *Dicționar de simboluri*, t. 1 (A–D) – t. 2 (E–O). București.
- Chevalier J., Gheerbrant A. 1995. *Dicționar de simboluri*, t. 3 (P–Z). București.
- Chirica V., Tanasachi M. 1985. *Repertoriul arheologic al județului Iași*, vol. 2. Iași.
- Chirica V., Văleanu M.-C. 2008. *Umanizarea taurului celest*. Iași.
- Coman M. 1988. *Mitologie populară românească*, t. II. București.
- Comșa E. 2002. Figurinele și alte piese de lut ars reprezentând păsări din epoca neolitică descoperite în Moldova. *CI* 18-20 (1999–2001), 89–104.
- Cotoi O. 2007. Observații privitoare la tehnologia și materiile prime utilizate la prepararea pastei ceramicii Cucuteni C. *Annales Universitatis Apulensis, Series Historica* 11/I, 153–160.
- Cucoș Ș. 1985. Ceramica de tip „C” din aria culturii Cucuteni. *MA* IX–XI (1977–1979), 63–92.
- Danilenko V.N. 1974. *Eneolit Ukrainy. Etnoistoričeskoe issledovanie*. Kiev.
- Dergachev V.A. 2000. The Migration Theory of Marija Gimbutas. *Journal of Indo-European Studies* 28 (3–4), 257–339.
- Dergacev V. 2000a. Două schițe în susținerea teoriei migraționiste. Considerații referitoare la problema interacțiunilor populației de stepă cu vechii agricultori din Europa de Est și Sud-Est în perioada eneolitic – bronz timpuriu. *Thraco-Dacica* XXI, 33–101.
- Dergacev V.A. 2007. O skipetrakh, o loshadiakh, o voine. Etiudy v zashchitu migratsionnoi kontseptsii M. Gimbutas. Sankt-Peterburg.
- Dergacev V.A., Sorokin V. Ja. 1986. O zoomorfnom skipetre iz Moldavii i proniknovenii stepnykh eneolitičeskikh plemen v Karpato-Dunaiskie zemli. *Izvestiia Akademii Nauk MSSR, seria Obščestvennykh nauk*, I. Kișinev, 54–65.
- Diaconu V., Istina L.-E. 2011. Un sceptru de piatră atribuit epocii bronzului provenit de la Măgura, județul Bacău. *Carpica* XL, 53–62.
- Dodd-Oprîșescu A. 1980. Considerații asupra ceramicii Cucuteni C. *SCIVA* 31 (4), 547–556.
- Dodd-Oprîșescu A. 1983. Vecinii estici și nord-estici ai triburilor Cucuteni–Tripolie. *SCIVA* 34 (3), 222–234.
- Dodd-Oprîșescu A., Mitrea I. 1983. Le sceptre de pierre de Mogoșești-Siret, départ. d'Iași, Roumanie. Problèmes d'origine et de datation. *Thraco-Dacica* 4, 5–11 [en roumain: *Carpica* XV, 1983, 71–95].
- Dumitrescu H. 1933. La station préhistorique de Ruginoasa. *Dacia* III-IV (1927–1929), 56–87.

- Dumitrescu V. 1955. Cîteva precizări cu privire la sceptrele în formă de capete de cal din R.P.R. și din U.R.S.S. *SCIV VI* (3-4), 925–936.
- Dumitrescu V. 1979. *Arta culturii Cucuteni*. București.
- Enea S.C. 2008. Symboles énéolithiques du pouvoir et du statut social. Sur les sceptres en pierre. *Codrii Cosminului* s.n. 14 (24). Suceava, 3–19.
- Evseev I. 1994. *Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale*. Timișoara.
- Frînculeasa A., Mirea P. 2007. Asupra unei reprezentări zoomorfe descoperită în tell-ul Gumelnița de la Ciolăneștii din Deal, jud. Teleorman. In: (Ed. C. Croitoru) *Perspective asupra istoriei locale în viziunea tinerilor cercetători*, III. Galați, 37–46.
- Gogâltan F., Ignat A. 2011. Transilvania și spațiul nord-pontic. Primele contacte (cca 4500–3500 a.Chr.). *Tyragetia* s.n. V [XX] (1), 7–38.
- Govedarica B. 1998. Das Problem der Suvorovo–Gruppe in den Ost–West Beziehungen. In: (Hrsg. B. Hänsel, J. Machnik). *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe*. Rahden/Westf., 179–190.
- Govedarica B. 2004. *Zepterträger – Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Neolithikums im Karpaten-Balkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas*. Dans la collection: Heidelberger Akademie des Wissenschaften Internationale Interakademische Kommission für die Erforschung des Vorgeschichte des Balkans. Monographien Bd. VI. Mainz.
- Govedarica B. 2006. Die kreuzförmigen Steinkeulen in der frühen Kupferzeit Südost– und Osteuropas. In: (Eds. N. Tasić, C. Grozdanov). *Homage to Milutin Garašanin*. Belgrade, 415–431
- Govedarica B., Kaiser E. 1996. Die äneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas. *Eurasia Antiqua* 2, 59–103.
- Harțuche N. 2005. Sceptrele din piatră zoomorfe – interpretare și cronologie. *Pontica* 37-38 (2004–2005), 71–97.
- Ilie A. 2012. Un sceptre anthropomorphe de la collection d'archéologie du Complexe Nationale et Musée «la Cour princière» de Târgoviște. *Dacia NS LVI*, 33–46.
- Ilie A., Dumitru F. 2008. Un vase énéolithique zoomorfe de la collection du Complexe National Muséal Curtea Domnească Târgoviște. *Annales d'Universite Valahia Târgoviste*, section d'Archéologie et d'Histoire, X/I, 157–163.
- Irimia M. 2008. Sceptre de piatră inedite din județul Constanța și unele considerații privind legăturile zonei vest-pontice cu spațiul egeean în bronzul târziu. *Pontica* 41, 79–117.
- Kernbach V. 1989. *Dicționar de mitologie generală*. București.
- Korenevskii S.N., Zherebilov S.E., Parusimov I.N. 2008. Nakhodka kamennogo „zhezla” na levoberezh'e Nizhnego Dona i tipy Evraziiskikh kamennykh sterzhnevidnykh skipetrov. *Arkheologiya Vostochno-Evropaiskoi stepi* 6. Saratov, 200–210.
- Lichardus J. et alii 1985. *La Protohistoire de l'Europe*. Paris.
- Măndescu D., Cioflan T., Maschio R. 2000. Noi aspecte ale eneoliticului târziu în zona Argeșului. *Argessis. Studii și comunicări, Istorie* 9, 19–24.
- Markevici V.I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena severnoi Moldavii*. Kishinev.
- Müller C. 1964. Sceptrul de piatră de la Colțani-Bocșa. *Apulum* V, 541–546.
- Müller-Karpe H. 1980. *Handbuch der Vorgeschichte*. Bd. IV – Bronzezeit. München.
- Niculică B.P. 2009. Sceptres cruciformes en pierre de l'énéolithique découverts sur le territoire de la Moldavie. In: (Eds. V. Cotiugă, F.A. Tencariu et G. Bodi). *Itinera in praeistoria. Studia in honorem magistri Nicolae Ursulescu*. Iași, 179–192.
- Nițu A. 1975. Reprezentarea păsării în decorul pictat al ceramicii cucuteniene din Moldova. *CI VI*, 45–54.
- Nițu A. 1976. Teme plastice ornitomorfe și zoomorfe pe ceramica cucuteniană din Moldova. *CI VII*, 49–55.
- Nițu G. 1988. *Elemente mitologice în creația populară românească*. București.
- Pare C. 1989. From Dupljaja to Delphi: the ceremonial use of the wagon in later prehistory. *Antiquity* 63, 80–100.
- Pare C.F.E. 1992. *Wagons and wagon-graves of the Early Iron Age in Central Europe*. Oxford.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București.
- Petrescu-Dîmbovița M., Sanie S. 1969. Sondajul din tell-ul gumelnițean de la Ciolăneștii din Deal. *AM VI*, 41–53.
- Service E.R. 1962. *Primitive Social Organization: An evolutionary perspective*. New York.
- Starkova E.G. 2008. Keramika tipa Kukuteni C na tripol'skikh pamjatnikakh perioda BII-CI. *Rossijskaja Arkheologija* (3), 16–25.
- Ursu C.-E., Mîtreă I. 2001. Considerații asupra sceptrelor tronconice din piatră descoperite pe teritoriul României. *Suceava* 26–28 (1999–2001), 159–171.

Ursulescu N., Cotiuğă V. 2012. Un nou tip de sceptru de piatră în preistoria României. *CI* s.n. 30–31 (2011–2012), 16–38.

Vulcănescu R. 1985. *Mitologie română*. București.

References

Danilenko, V. N. 1974. *Eneolit Ukrainy. Etnoistoricheskoe issledovanie (Eneolithic in Ukraine. Ethnohistorical research)*. Kiev (in Russian).

Dergacev, V. A. 2007. *O skipetrakh, o loshadiakh, o voine. Etiudy v zashchitu migratsionnoi kontseptsii M. Gimbutas (On sceptres, on horses, on war. Studies in support of the migration concept of M. Gimbutas)*. Saint-Petersburg (in Russian).

Dergacev, V. A., Sorokin, V. Ja. 1986. *O zoomorfnom skipetre iz Moldavii i proniknovenii stepnykh eneoliticheskikh plemen v Karpato-Dunaiskie zemli (On a zoomorphic scepter from Moldova and on the penetration of the steppe Eneolithic tribes into the Carpathian-Danube region)*. *Izvestiia Akademii Nauk MSSR, seriia Obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Academy of Sciences of the Moldavian SSR. Social Sciences Series)*, I. Chișinău, 54–65 (in Russian).

Korenevskii, S. N., Zhrebilov, S. E., Parusimov, I. N. 2008. *Nakhodka kamennogo „zhezla” na levoberezh'e Nizhnego Dona i tipy Evraziiskikh kamennykh sterzhnevnykh skipetrov (Finding of a stone „rod” on the left bank of the Lower Don and the types of Eurasian stone rod-shaped scepters)*. *Arkheologiiia Vostochno-Evropetskoi stepi (Archaeology of the Eastern-European Steppe)* (6). Saratov, 200–210 (in Russian).

Markevici, V. I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena severnoi Moldavii (Late Tripolian sites of Northern Moldova)*. Chișinău (in Russian).

Starkova, E. G. 2008. *Keramika tipa Kukuteni C na tripol'skikh pamjatnikakh perioda BII-CI (Ceramics of the Cucuteni C type at the Tripolian sites of BII-CI phase)*. *Rossijskaja Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (3), 16–25 (in Russian).

Nicolae Ursulescu, PhD, Prof. emeritus “Alexandru Ioan Cuza” University of Iasi, Department of Archaeology; e-mail: n.ursulescu@gmail.com

С.Н. Рыжов, В.А. Шумова

Культурная постройка поселения Коновка-Пуцита и некоторые религиозные представления трипольского населения Пруто-Днестровского региона

Keywords: Cucuteni-Tripolie, farming, hunting, cattle-breeding, cult, religious beliefs.

Cuvinte-cheie: Cucuteni-Tripolie, agricultură, vânătoare, creșterea animalelor, cult, concepții religioase.

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, земледелие, охота, скотоводство, культ, религиозные представления.

S.N. Ryzhov, V.A. Shumova

Cultic building of the Konovka-Putsita settlement and some religious beliefs of the population of Tripolie of the Pruth-Dniester region

The article attempts to interpret the unique complex of the finds from the settlement of Tripolie, reflecting the level of religious and mythical beliefs of the society of hunters, cattle-breeders and farmers. According to that, it has been concluded that the beliefs of the Tripolie tribes of the Pruth-Dniester region were represented by intertwining of the prevailing agrarian cults with less significant hunting and pastoral cults. The mentioned cults, as the rudiments of early farmers' mentality, mostly survived in religious ideas of the Cucuteni population and „western” population of Tripolie, i.e. the population of the parent region Cucuteni-Tripolie, since on other areas of cultural and historical community spread such a phenomenon has not been fixed yet.

S.N. Ryzhov, V.A. Shumova

Construcția de cult din așezarea Konovka-Puțita și unele concepții religioase ale populației din regiunea pruto-nistreană

Prin lucrarea de față se face încercarea de a interpreta un complex de descoperiri de unicat dintr-o așezare tripoliană, care reflectă nivelul reprezentărilor mitologico-religioase ale comunității de vânători, crescători de animale și agricultori. Concluzia este că în credințele triburilor tripoliene din spațiul pruto-nistrean s-au îmbinat cultele agrare dominante cu cele mai puțin importante ale vânătorii și păstoritului. Aceste culte, ca rudimente ale concepțiilor despre lume ale agricultorilor timpurii, s-au păstrat într-o măsură mai mare în reprezentările religioase ale cucutenienilor și ale tripolienilor „vestici”, adică ale populației din spațiul de origine a culturii Cucuteni-Tripolie, deoarece în alte teritorii ale răspândirii comunității cultural-istorice respective fenomenul încă nu a fost semnalat.

С.Н. Рыжов, В.А. Шумова

Культурная постройка поселения Коновка-Пуцита и некоторые религиозные представления трипольского населения Пруто-Днестровского региона

В статье предпринята попытка интерпретации уникального комплекса находок с трипольского поселения, отражающего уровень религиозно-мифических представлений общества охотников, скотоводов и земледельцев. На основании этого сделан вывод о том, что в верованиях трипольских племен Пруто-Днестровского региона переплелись господствующие аграрные культы с менее значимыми культурами охоты и пастушества. Указанные культы, как рудименты мировосприятия ранних земледельцев, в большей мере сохранились в религиозных представлениях кукутенцев и «западных» трипольцев, т.е. населения материнского региона Кукутень-Триполья, поскольку на иных территориях распространения культурно-исторической общности подобное явление еще не зафиксировано.

Одной из наиболее характерных черт первобытного общества является тесная взаимосвязь хозяйственных и общественных функций жизни как выразительная демонстрация первобытного синкретизма, определяющего структуру общественного устройства и сущ-

ность первобытной культуры. Проявления нерасчлененности основных функций общества ранних земледельцев отражаются в остатках материальной культуры, дошедших до наших дней, и являются основным источником для культурно-исторических реконструкций. Из-

учение духовного мира первобытного общества составляет неотъемлемую часть исследований археологии и выступает одной из наиболее сложных областей, редко поддающихся объективным интерпретациям. Вниманию предлагаем возможное прочтение уникального комплекса находок трипольского поселения, отражающего уровень религиозно-мифологических представлений общества охотников, скотоводов и земледельцев.

Трипольское поселение находилось на юго-восток от села Коновка (Кельменецкий р-он, Черновицкая обл.), в урочище «Пуцита» и занимало склоны мысовидного выступа плато, ограниченного с севера и юга неглубокими балками. Мыс на востоке смыкается с основным массивом плато, а с запада полого переходит в долину ручья, впадающего в р. Днестр. Благодаря геомагнитной съемке удалось определить площадь памятника (около 12 га), насчитывавшего 114 построек (Шмаглей, Рижов, Дудкин 1985: 42–45). Судя по плану геомагнитной съемки, остатки сгоревших наземных глинобитных построек (площадки) внешнего ряда размещены в виде прямоугольника-каре (670x650 м), ориентированного, с незначительным отклонением, по сторонам света. От внешних рядов к центру поселения жилища были спланированы радиально, разделяя внутреннее пространство на несколько секторов, в центре которых находились еще два-три дома. Радиальные ряды сходясь, образуют свободный участок, в центре которого находилась площадка № 7. Постройки в рядах часто спланированы под углом друг к другу в виде буквы «П», образуя между собой небольшое замкнутое пространство – подворье. Такие группы домов, включающие жилища и хозяйственные постройки (площадки №№ 3, 4, 5), очевидно, являются едиными жилищно-хозяйственными комплексами. Дома же в центре секторов могли играть роль общественных построек. Более плотная застройка наблюдается в южной части поселения, т.е. ближе к долине ручья. Отметим, что площадь и рельеф мысовидного выступа позволяли размещать дома по «классической» для Триполья, круговой схеме (Рижов 1994: 69–70). Аналогичную планировку наблюдаем на близком по времени существования поселении петренской локально-хронологической группы Главан I (Бикбаев

1992: 101,103). Возможно, жилищно-хозяйственные комплексы этих поселений были заняты малыми парными семьями, тогда как сектора (ряды) с общественными постройками в центре принадлежали более высокой ступени общественной структуры, большой патриархальной семье (Маркевич 1981: 151).

Полевые исследования Коновского поселения проходили в 1975–1980 годах. Днестровско-Трипольской экспедицией ИА АН УССР полностью раскопано было семь разновременных площадок. Площадки № 1 и № 2, находящиеся за пределами поселения, близки по материалам памятникам типа Старые Бадражи (Маркевич 1981: 30–33; Дергачев 1980: 192) и относятся к концу этапа СI. Площадки №№ 3, 4, 7, 11, 12 размещены в пределах поселения, которое включено в среднюю фазу развития шипинецкой локальной группы (начало этапа СI). Коновское поселение, находясь в контактной зоне с памятниками соседней петренской локальной группы, имеет «смешанный» (синкретический) характер, совмещающий стилистические черты посуды обеих указанных групп (Рижов 1995: 74–77; Рижов 1999: 15–16; Рижов 2003: 33–45; Ryzhov 2005: 193–203; Ткачук 1999: 11–16; 2002: 89–114).

Интересными оказались результаты, полученные во время раскопок и дальнейшего анализа материалов площадки № 7. Площадка имела прямоугольную в плане форму (16x9 м), по длине была ориентирована с северо-запада на юго-восток и состояла из трех, последовательно залегающих, слоев обожженной глины. Первый (верхний) слой состоял из мелких фрагментов глиняной обмазки с незначительным количеством растительных примесей. Он зафиксирован в небольшом количестве на отдельных участках. Толщина слоя не превышала 5-6 см. Поверхность верхнего слоя обмазки была грубо сглажена, а в нижней – имела отпечатки жердей, узких плах и прутьев. В целом, слой рыхлый, а обжиг неравномерный – часто фрагменты ошлакованных участков были смешаны с рыхлыми фрагментами и глиняной крошкой. Находки на уровне верхнего слоя практически отсутствуют. Второй слой (толщина 12-15 см) представлял собой более плотное и массивное залегание глиняной обмазки со значительным количеством растительных примесей в массе, которое и сформировало

форму и размеры самой площадки. В верхней части обмазка хорошо заглажена, а снизу имеет отпечатки деревянных конструкций – широких плах и горбылей, преимущественно ориентированных перпендикулярно длинной оси постройки. Во втором слое не обнаружено никаких архитектурных деталей, связанных с интерьером, но найдено несколько развалов сосудов, сосредоточенных по краям залегания строительных остатков. Обжиг слоя достаточно высокий и равномерный, однако и здесь встречались ошлакованные участки, результат действия пожара. Нижний слой площадки состоял из частичной подмазки земляного пола и возведенных на ней глиняных возвышений. Подмазка земляного пола наносилась тонкими (0,5-1,0 см) слоями глины без примесей непосредственно на грунт. Она занимала не всю нижнюю площадь помещения, а лишь торцевые участки пола. Подмазанная поверхность тщательно заглаживалась. На уровне пола было сооружено несколько специальных возвышений – алтарей, часть из которых были изготовлены из плотного массива глины с растительной примесью. Поверхность и стенки данной основы возвышений сверху обмазаны тонким (1-2 см) слоем чистой глины без каких-либо примесей.

Первый алтарь находился в юго-восточной части площадки, имел в плане прямоугольную форму (80x35 см) и высоту до 20 см. Его стенки были хорошо заглажены, а поверхность украшена углубленным спиралевидным узором. С ним связано большое количество артефактов. На алтаре и рядом с ним было найдено 49 глиняных «фишек», восемь из которых имели моделированные зооморфные вершины и передавали образы быка, барана и оленя. Две «фишки» имели антропоморфные вершины (Рис. 2: 3, 4, 6–8). «Фишки» конической формы имели либо заостренные, либо округлые вершины, а часть «фишек» имела полусферическую форму. Их поверхность также выглядела по-разному. Некоторые были покрыты наколами, либо насечками по краю основания, часть из них имеет следы окраски охрой. Рядом с алтарем было найдено шесть зооморфных фигурок в целом и фрагментированном виде. Одна из фигурок передавала облик кабана, а пять принадлежали изображениям быка (Рис. 2: 5, 9).

Также на этом месте находились две миски конической формы, сфероконический сосуд и целый миниатюрный сосудик, относящийся к группе предметов votivного назначения.

В центре постройки находилось возвышение высотой 7-10 см и диаметром 2 м. Округлое в плане сооружение с тщательно заглаженной поверхностью было сконструировано непосредственно на земляной поверхности, изготовлено из хорошо вымешанной глины с примесью песка, но под действием высокой температуры пожара, хаотично растрескавшись, приобрело плитчатый вид. На этом возвышении были выставлены по кругу 12 столовых расписных сосудов, часть из которых удалось реконструировать. Это – крупные сфероконические и биконические сосуды, кратеры и амфоры (Рис. 1). В центре группы был размещен грушевидный сосуд с бихромной тангентной росписью, а рядом лежала разломанная женская статуэтка. В северо-западной части

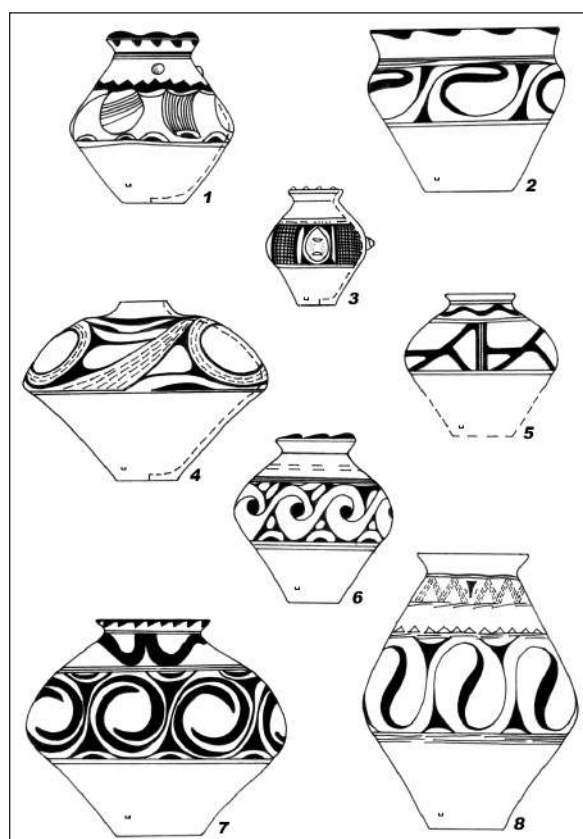

Рис. 1. Коновка–Луцута. Площадка № 7. Сосуды, обнаруженные у центрального алтаря святилища.

Fig. 1. Konovka–Putsita. Platform number 7. Vessels found at the central altar of the sanctuary.

строения найдены остатки еще двух возвышений культового назначения. Ближе к северному углу помещения было расположено возвышение почти квадратной формы высотой 20 см (90x80 см), ориентированное по сторонам площадки. Качественная подмазка и тщательно заглаженная поверхность всего сооружения была обильно окрашена красной охрой. Здесь были сосредоточены развалы столовой посуды: кратер, кубок, грушевидный сосуд, шлемовидная крышка, несколько мисок, амфор, миниатюрный сосудик и часть женской фигурки. В 5 м на запад от этой группы находок и параллельно указанному алтарю, находилось четвертое возвышение высотой 7-10 см, квадратное в плане, с закругленными углами (60x60 см). По обе стороны сооружения были найдены две небольшие целые амфоры, в одной из которых обнаружены два астрагала. Рядом зафиксированы пережженные и засыпанные охрой рожки косули. С северной стороны от алтаря стоял грушевидный сосуд, горловину которого закрывала глиняная модель жилища (Рис. 2: 10). Здесь же обнаружены развалы кубка, кратера и нескольких сфероконических сосудов. С алтарями связаны развалы пяти амфор и кубка, глиняный «шарик» и фрагмент либо сидячей антропоморфной фигурки, либо глиняного изображения фаллоса.

Анализ строительных остатков и весь собранный материал площадки № 7 дают возможность реконструировать ее как остатки погибшей в ритуальном пожаре наземной деревянно-глинобитной постройки с легким чердачным перекрытием, массивным межэтажным перекрытием и земляным, частично подмазанным полом первого этажа, с сооруженными на нем алтарями.

Древние обитатели кукутенских и трипольских поселений совершали ритуальные действия в жилищах, у домашних алтарей и в специальных постройках-святилищах, которые исполняли роль общинных культовых центров. Такие святилища, по мнению археологов, были исследованы на разновременных поселениях кукутень-трипольской культурно-исторической общности – Сабатиновка II, Шкаровка, Клищев, Раковец, Брынзень VIII, Джелэешть и др. К общинным святилищам следует отнести и постройку (площадку № 7) коновского поселения. О том, что она являет-

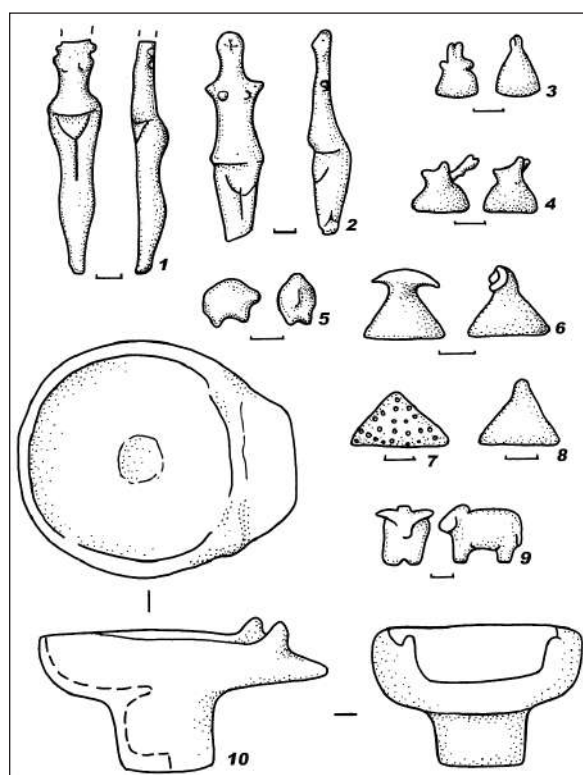

Рис. 2. Коновка-Пуцита. Площадка № 7. Глиняная пластика: 1, 2 – антропоморфные статуэтки; 3, 4, 6–8 – конусы– «фишки»; 5, 9 – зооморфные фигурки; 10 – модель жилища.

Fig. 2. Konovka-Putsita. Platform number 7. Clay statuary: 1, 2 – anthropomorphic figurines; 3, 4, 6–8 – cones–“chips”, 5, 9 – zoomorphic figurines; 10 – a model of a dwelling.

ся святилищем, свидетельствует положение в центре поселка; наличие четырех алтарей; отсутствие печи или открытого очага; большое количество предметов культового назначения; специальная расстановка посуды в помещении; незначительный процент (только фрагменты) кухонной керамики; отсутствие в доме рабочих мест, орудий труда, отходов производства; необычно малое количество костей животных.

Планиграфия находок указывает на то, что помещение нижнего этажа условно было разделено на две части – северо-восточную, где находилась только зооморфная пластика (кроме двух антропоморфных «фишек»), и юго-западную, где зафиксировано большинство антропоморфных статуэток. Эти две, отличные по культовому содержанию части, со своими алтарями, были объединены в одном общем помещении.

Группа изделий называемая «фишками» имеет достаточно широкое распространение в культурах ранних земледельцев. Подобные предметы из Коновки находят аналогии среди материалов поселений Фрумушика А2, Трушешть, Друцы I, Скынтея. Похожий тип пластики известен на памятниках балкано-карпатских культур Винча, Гумельница, Лендель. Коновские «фишки» разделяются на «оппозиционные пары», среди которых прослеживается особая иерархия, предполагающая реконструкцию солярных мужских и лунарных женских образов сложной «космологической» модели мироздания древних земледельцев (Балабина 1998: 165–168, 224–228).

Пластика и орнаментация посуды в общих чертах отражает представления кукутень-трипольских племен о дуалистичности образа богини плодородия – Великой Богини Матери, а в более узком понимании – атрибуты аграрного культа. Многими исследователями уже отмечалась взаимосвязь в трипольских религиозных представлениях женского персонажа с образом змеи, который входит в семантический ряд Луна–Вода и образом быка, который воплощает мужское начало и символ солнца (Бібіков 1989: 6–11; Рыбаков 1960: 24–46, 13–32; Мовша 1980: 185; 1998; Збеневич 1991: 20–34; 1998: 64–78; Цвек 1993: 74–90; Маркевич 1981: 152–160; Dumitrescu 1979: 53–54, 57–66).

По набору культовых предметов коновское святилище несколько отличается от более или менее устоявшегося, аграрного по характеру, обрядового набора других трипольских святилищ. Значительное количество зооморфной пластики, среди которой выделяются фигурки диких животных (кабан, олень, медведь), зооморфные «фишки», жертвенные рога козули, обнаруженные у алтаря, астрагалы в сосуде – все это указывает на прямую связь с хтоническими обрядами. Можно предположить, что святилище Коновки было отчасти посвящено Богине Растительности, диких животных, охоты – условно «прото-Артемиде» (Даниленко 1974: 24). По греческой мифологии, богиня охоты Артемиде вооружена луком, и ее сопровождает стая собак. Также она связана с образом медведицы и лунной символикой. Показательной является роспись известного сосуда, где схематически изобра-

жены две женские фигуры – одна с луком в руках, другая в маске с «рожками» (Мовша 1980: 185–198; 1991: 34–47). Известны и культовые сосуды с рисунками преимущественно диких животных (Крутобородинцы II, Варваровка VIII, XI, Жванец-Щовб, Брынзень III, Рашков XI, Костешть II, IV). В орнаментации также распространены рисунки собак, иногда они встречаются рядом с изображениями оленя, козы, полумесяца. Количественно данный декор преобладает в керамике памятников западнотрипольской культуры. На таких поселениях чаще встречаются глиняные статуэтки диких животных. Так, фигурка медведицы обнаружена на шипинецком поселении Коновка (Балабина 1998: 138–140). Известен зооморфный сосуд в виде фигуры медведицы с поселения Шипенцы Б (Kanduba 1937: 147, foto 5a, 5b). Похожий зооморфный сосуд, а также статуэтки медведицы были найдены на поселениях небелевской и томашовской локальных групп (Сушковка, Чичиркозовка, Тальянки, Майданецкое, Томашовка), с которыми тесным образом было связано население шипинецкой локальной группы (Рыжов 2007: 127–139). Исходя из бинарности древних космологических образов, можно предположить, что Великая Богиня-Мать и «прото-Артемиде» должна была иметь «оппозицию» в образе мужского божества – условно «прото-Дионис». В мифологии он – бог плодородия и растительности, имеющий фракийское или лидийско-фригийское происхождение. Наряду с растительной символикой, Дионис наделен образами медведя, козла, быка. Его символом, как бога плодородных сил, был фаллос. Отметим, что изображения фаллоса из глины известны в ряде кукутенских поселений. Не исключено, что конусы-«фишки» также могут являться фаллическими изображениями (геометрическая фигура треугольник вершиной вверх – знак мужской, а треугольник вершиной вниз – женский). Возможна и иная трактовка: «оппозиционной» в паре к «прото-Артемиде» выступает богиня «прото-Геката» имевшая хтонический характер, как посредник с потусторонним миром. Она же – покровительница охоты, пастушества, магии. Ее атрибуты – стая собак и змеи. Гекату с ее лунной символикой относят к ночным коррелятам Артемиды.

Среди находок из Коновки особое место занимает модель жилища. Модель имеет округлую в плане верхнюю платформу с отверстием в центре, невысокие стенки, моделированный порог с роговидными выступами по бокам. Платформа опирается на пустотелую цилиндрическую высокую ножку. Данная модель во многом схожа с моделями на полых поддонах с кукутенского поселения Гелэешть-Недеа. Предполагается, что сочетание платформ с поддонами указывает на связь мира космического (уранического) с миром подземным (хтоническим), и в определенном представлении такие модели являются двумя компонентами культа плодородия (Cucos 1993: 66).

Таким образом, в верованиях трипольских племен Пруто-Днестровского региона переплелись господствующие аграрные культы с менее значимыми культами охоты и пастушества (Рижов 2001: 57–61). Указанные культы, как рудименты мировосприятия ранних земледельцев, в большей мере сохранились в религиозных представлениях кукутенцев и «западных» трипольцев, т.е. населения материнского региона Кукутень-Триполья, поскольку на иных территориях распространения культурно-исторической общности подобное явление еще не зафиксировано.

Литература

- Балабина В.И. 1998. *Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполье*. Москва.
- Бібіков С.М. 1989. Теріоморфні зображення в орнаменті Трипілья. *Археологія* (2), 6–11.
- Бикбаев В.М. 1992. Исследование поселения культуры Кукутень-Триполье Главан I. В: *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии*. Кишинев, 110–117.
- Даниленко В.Н. 1974. *Энеолит Украины*. Киев.
- Дергачев В.А. 1980. *Памятники позднего Триполья*. Кишинев.
- Збенович В.Г. 1991. Дракон в изобразительной традиции культуры Кукутень-Триполье. В: *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев, 20–34.
- Збенович В.Г. 1998. Зооморфные мотивы в росписи керамики культуры Триполье-Кукутень. *Археологія* (4), 64–78.
- Маркевич В.И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев.
- Мовша Т.Г. 1980. Новые данные по идеологии трипольско-кукутенских племен. В: *Первобытная археология. Поиски и находки*. Киев, 185–198.
- Мовша Т.Г. 1991. Антропоморфные сюжеты на керамике культур Трипольско-Кукутенской общности. В: *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев, 34–47.
- Рыбаков Б.А. 1960. Космология и мифология земледельцев энеолита. *СА* (1), 24–46; (2), 13–32.
- Рижов С.Н. 1994. Особенности планировки позднетрипольских поселений Среднего Поднестровья. В: *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.* Тирасполь, 69–70.
- Рижов С.М. 1995. Пам'ятки шипинецької локальної групи трипільської культури (етапи ВІІ-СІ). В: *Минуле і сучасне Бойківщини*. Львів, 74–77.
- Рижов С.Н. 1999. О локально-хронологическом разделении памятников трипольской культуры Пруто-Днестровского региона (этапы ВІІ-СІ). В: *Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конф.* Харьков, 15–16.
- Рижов С.М. 2003. Трипільські пам'ятки Пруто-Дністровського регіону (кінець етапу ВІІ-етап СІ). В: *Археологія Тернопільщини*. Тернопіль, 33–45.
- Рижов С.М. 2001. Особливості релігійних уявлень трипільських племен Пруто-Дністровського регіону. В: *Давня історія України і суміжних регіонів. Сагратіса*. Вип. 13. Ужгород, 24–46.
- Рижов С.М. 2007. Вплив шипинецької локальної групи на формування пам'яток небелівської групи у Буго-Дніпровському межиріччі. В: *Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Праці арх. комісії*. Т. ССІІІ. Львів, 127–139.
- Ткачук Т.М. 1999. Керамічний комплекс Незвиська ІІ і його значення для генези трипільської культури на території Галичини, Буковини і Поділля. В: *Вісник Прикарпатського університету. Історія*. Івано-Франківськ. Вип. ІІ, 11–16.

- Ткачук Т.М. 2002. Фази розвитку і відносна хронологія шипинецької групи археологічних пам'яток. В: *Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Праці арх. комісії*. Т. ССХІ. Львів, 89–114.
- Цвек О.В. 1993. Релігійні уявлення населення Трипілля. *Археологія* (52), 74–90.
- Шмаглій М.М., Рижов С.М., Дудкин В.П. 1985. Трипільське поселення Коновка в Середньому Подністров'ї. *Археологія* (52), 42–52.
- Cucoş St. 1993. Complexe ritual cucuteniene de la Ghelăeşti, jud. Neamţ. *SCIVA* 44 (1), 59–80.
- Dumitrescu Vl. 1979. *Arta culturii Cucuteni*. Bucureşti.
- Kandyba O. 1937. *Schipentz. Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes*. Wien–Leipzig.
- Ryzhov S. 2005. The Tripolye BII-CI sites of the Pruth-Dniester region. In *Cucuteni. 120 ans des recherches le temps du bilan*. Piatra Neamţ, 193–208.

References

- Balabina, V. I. 1998. *Figurki zhyvotnykh v plastike Kukuteni-Tripol'e (Figurines of animals in the plastic art of Cucuteni-Tripolie)*. Moscow (in Russian).
- Bibikov, S. M. 1989. *Teriomorfni zobrazhennia v ornamentatsii Tripillia (Theriomorphic images in the ornamentation of Tripolie)*. *Arkheologiya (Archaeology)* (2), 6–11 (in Ukrainian).
- Bikbaev, V. M. 1992. *Issledovanie poseleniia kul'tury Kukuten'-Tripol'e Glavan I (Study of the Cucuteni-Tripolie culture settlement - Glavan I)*. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldavii (Materials and researches on the archaeology and ethnography of Moldova)*. Chişinău, 110–117 (in Russian).
- Danilenko, V. N. 1974. *Eneolit Ukrainy (Eneolithic in Ukraine)*. Kiev (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1980. *Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (Sites of the Late Tripolie)*. Chişinău (in Russian).
- Zbenovich, V. G. 1991. *Drakon v izobrazitel'noi traditsii kul'tury Kukuteni-Tripol'e (Dragon in the pictorial tradition of the Cucuteni-Tripolie culture)*. In *Dukhovnaia kul'tura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy (Spiritual culture of the ancient societies on the territory of Ukraine)*. Kiev, 20–34 (in Russian).
- Zbenovich, V. G. 1998. *Zoomorfnye motivy v rospisi keramiki kul'tury Tripol'e-Kukuteni (Zoomorphic motifs in the ceramics painting of the Cucuteni-Tripolie culture)*. *Arkheologiya (Archaeology)* (4), 64–78 (in Russian).
- Markevich, V. I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Late Tripolian tribes of Northern Moldova)*. Chişinău (in Russian).
- Movsha, T. G. 1980. *Novye dannye po ideologii tripol'sko-kukutenskikh plemen (New data on the ideology of the Tripolie-Cucuteni tribes)*. In *Pervobytnaia arkheologiya. Poiski i nakhodki (Prehistoric archaeology. Searches and findings)*. Kiev, 185–198 (in Russian).
- Movsha, T. G. 1991. *Antropomorfnye siuzhety na keramike kul'tur Tripol'sko-Kukutenskoii obshchnosti (Anthropomorphic subjects on the ceramics of the Tripolie-Cucuteni community cultures)*. In *Dukhovnaia kul'tura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy (Spiritual culture of ancient communities on the territory of Ukraine)*. Kiev, 34–47 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1960. *Kosmologiya i mifologiya zemledel'tsev eneolita (Cosmology and mythology of the Eneolithic farmers)*. *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 24–46; (2), 13–32 (in Russian).
- Ryzhov, S. N. 1994. *Osobennosti planirovki pozdnetripol'skikh poselenii Srednego Podnestrov'ia (Features of the planning of the Late Tripolian settlements in the Middle Dniester)*. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia V tys. do n.e. – V v. n. e. (The oldest communities of farmers and herds-men of the Northern Black Sea Region of the V millennium BC - V century AD)*. Tiraspol, 69–70 (in Russian).
- Ryzhov, S. M. 1995. *Pam'iatki shipinets'koi lokal'noi grupy tripil's'koi kul'tury (etapy BII-CI) (Sites of the Shipintsy local group of the Tripolian culture (phases BII-CI))*. In *Minule i suchasne Boikivshchiny (Past and present of Boikivshchina)*. Lviv, 74–77 (in Ukrainian).
- Ryzhov, S. N. 1999. *O lokal'no-khronologicheskoi razdelenii pamiatnikov tripol'skoi kul'tury Pruto-Dnestrovskogo regiona (etapy BII-CI) (On the local-chronological division of the Tripolie culture sites of the Prut-Dniester region (phases BII-CI))*. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Tezisy dokladov konferentsii (Problems of the History and Archaeology of Ukraine. Conference abstracts)*. Kharkov, 15–16 (in Russian).
- Ryzhov, S. M. 2003. *Tripil's'ki pam'iatki Pruto-Dnistrovs'kogo regionu (kinets' etapu BII-etapu CI) (Tripolian sites of the Prut-Dniester region (the end of phase BII-phase CI))*. In *Arkheologiya Ternopil'shchiny (Archaeology of the Ternopil region)*. Ternopil, 33–45 (in Ukrainian).
- Ryzhov, S. M. 2001. *Osoblivosti religiinikh uiaвлен' tripil's'kikh plemen Pruto-Dnistrovs'kogo regionu (Features of religious beliefs of the Tripolian tribes of the Prut-Dniester region)*. In *Davnia istoriia Ukrainy i sumizhnikh regioniv (Ancient history of Ukraine and neighbouring regions) Carpatica*. Ed. 13. Uzhgorod, 24–46 (in Ukrainian).

Rizhov, S. M. 2007. *Vpliv shipinets'koi lokal'noi grupi na formuvannia pam'iatok nebelivs'koi grupi u Bugo-Dniprovs'komu mezhirichchi (Influence of the Shipintsy local group on the formation of the sites of the Nebelivka group in the Dnieper-Bug interfluvium)*. In *Zapiski naukovo tovaristva imeni T. Shevchenka. Pratsi arkeologichnoi komisii (Proceedings of the Taras Shevchenko scientific community. Proceedings of the Archaeological Commission)*. Vol. CCLIII. Lviv, 127–139 (in Ukrainian).

Tkachuk, T. M. 1999. *Keramichnii kompleks Nezvis'ka III i iogo znachennia dlia genezi tripil's'koi kul'turi na teritorii Galichini, Bukovini i Podillia (Ceramic complex Nezviska III and its significance for the genesis of the Tripolie culture on the territory of Galicia, Bukovina and Podillia)*. In *Visnik Prikarpat's'kogo universitetu. Istorii. Ivano-Frankivs'kiu (Bulletin of the Carpathian University. History. Ivano-Frankivsk)*. Ed. II, 11–16 (in Ukrainian).

Tkachuk, T. M. 2002. *Fazi rozvitku i vidnosna khronologiiia shipinets'koi grupi arkeologichnikh pam'iatok (Phases of the development and relative chronology of the Shipintsy group archaeological sites)*. In *Zapiski naukovo tovaristva imeni T. Shevchenka. Pratsi arkeologichnoi komisii (Proceedings of the Taras Shevchenko scientific community. Proceedings of the Archaeological Commission)*. Vol. CCLIII. Lviv, 89–114 (in Ukrainian).

Tsvek, O. V. 1993. *Religiini uiavlennia naseleння Tripillia (Religious beliefs of the Tripolian population)*. *Arkeologiiia (Archaeology)* (52), 74–90 (in Ukrainian).

Shmaglii, M. M., Rizhov, S. M., Dudkin, V. P. 1985. *Tripil's'ke poseleння Konovka v Seredn'omu Podnistrov'i (Tripolian settlement Konovka in the Middle Dniester)*. *Arkeologiiia (Archaeology)* (52), 42–52 (in Ukrainian).

Рыжов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела энеолита - бронзового века Института археологии НАН Украины; просп. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина; тел.: +38(044)-418-91-95

Шумова Валентина Александровна, старший преподаватель факультета гуманитарных наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; ул. Сковороды, 2, Киев, 04655, Украина; тел.: +38(044)-417-84-61; e-mail: vshumova@ukr.net

Д. К. Черновол

Постройки петренской локальной группы

Keywords: Tripolie culture, Petreny group, structure, site, interior.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie, grupul Petreni, construcție, platformă, interior.

Ключевые слова: Трипольская культура, петренская группа, постройка, площадка, интерьер.

D.K. Chernovol

Structures of the Petreny local group

The article analyzed the structures of the Petreny local-chronological group of the Tripolian culture. The studied structures are two-story buildings with housing accommodation and household rooms. The work studied the features of these structures, the organization of their household space as well as the specificity of the construction remains of the sites of burnt clay and their interior elements. It also revealed differences from similar structures of other local-chronological groups. The article shows variants of Tripolian structures and offers their typology.

D.K. Chernovol

Construcțiile grupului local Petreni

În articol sunt analizate construcțiile grupului local-cronologic Petreni al culturii Tripolie. Construcțiile cercetate reprezintă case cu etaj, prevăzute cu încăperi de locuit și pentru ocupații gospodărești. Au fost examinate particularitățile acestor construcții, organizarea spațiului de locuit și gospodăresc, de asemenea – specificul vestigiilor platformelor de lut și ale elementelor de interior. Sunt evidențiate diferențele în comparație cu amenajările analoge ale altor grupuri cultural-cronologice. Se arată variantele construcțiilor tripoliene, propunându-se tipologia lor.

Д. К. Черновол

Постройки петренской локальной группы

В статье произведен анализ построек петренской локально-хронологической группы трипольской культуры. Исследованные постройки являются двухэтажными сооружениями с помещениями хозяйственного и жилого предназначения. Рассмотрены особенности этих построек, организация их жилищно-хозяйственного пространства, а также специфика строительных остатков площадок из обожженной глины и их элементов интерьера. Выявлены отличия от аналогичных сооружений других локально-хронологических групп. Показаны варианты трипольских сооружений, предложена их типология.

Постройки на поселениях петренской локальной группы начали исследовать в начале XX в. Впервые эти сооружения были раскопаны Эриком фон Штерном в 1900 г. вблизи с. Петрень, в настоящее время Республика Молдова (Штерн 1907).

В дальнейшем исследования на памятниках этой группы, в частности на территории Украины, производились в 80–90-х годах XX века, а также в начале XXI века. В результате проведенных раскопок исследовано 13 построек петренской группы. Девять построек были раскопаны на поселении Бернашовка: семь из них ранее (Колесников, Ткачук 1993), две – относительно недавно Д.К. Черновол (Черновол и др. 2009). Две постройки раскопаны на поселении Липчаны (Збенович, Шумова 1987), еще две – на поселении Ялтушков (Шумова, Рыжов 2005).

В процессе исследований построек трипольской культуры было установлено, что выявленные сооружения являются остатками двухэтажных деревянно-глинобитных построек, в подавляющем большинстве жилого предназначения. Также было высказано предположение о том, что жилища трипольской культуры прекратили свое существование в результате ритуального пожара, связанного с переходом обитателей поселения на новое место жительства (Зиньковский 1983: 20–21; Круц 1990; 2003).

Остатки трипольских жилищ залегают в виде слоев обожженной глины, состоящих из глиняной платформы (остатков межэтажного перекрытия) и других строительных остатков построек: фрагментов внешних стен и внутренних перегородок, разделяющих жилище на отдельные помещения, а также их элементов интерьера.

Одной из сложностей, с которой сталкиваются исследователи, является выделение тех или иных деталей конструкции по определенным морфологическим признакам. Это составляет значительную проблему, поскольку сохранность элементов конструкции зданий и элементов их интерьера напрямую зависит от температурных режимов горения, а также ряда антропогенных факторов, повлиявших на сохранность остатков (Гершкович 2003; Круц 2003; Корвин-Пиотровский 2006). Важно отличать детали интерьера построек и фрагменты межэтажного перекрытия, стен и т.д.

Платформа представляет собой компактное залегание фрагментов обожженной глины с добавкой растительных примесей. Толщина ее в различных случаях может составлять от 0,05 м до 0,12 м и больше. Нижняя часть фрагментов платформы обычно имеет отпечатки расколотых деревянных плах, реже кругляка. Преимущественно они ориентированы перпендикулярно длинной оси сооружения. Впрочем, во время падения межэтажного перекрытия, его элементы могли переворачиваться и смещаться, а потому иногда они залегают отпечатками дерева вверх, определенная часть отпечатков может быть ориентирована в разных направлениях. Поверх платформы в большинстве случаев фиксируется ряд тонких нивелирующих слоев глины толщиной 0,01–0,03 м. Они, вероятно, наносились во время ремонтов пола второго этажа. Нивелирующие слои изготавливались из разных сортов глины, как с примесью половы, так и без нее. Поверхность этих слоев в большинстве случаев заглажена или залита тонкоструктурной глиной, иногда несущей следы окрашивания красной или желтой краской.

Стены и перегородки сохраняются только в случае воздействия очень высоких температур на постройку во время ее горения. Их конструкция стала известна в результате исследования памятников томашевской группы, где они сохранились наилучшим образом. Стены в большинстве случаев залегают в виде продольных или поперечных «гребней», образованных во время завала и сыпания конструкции (Круц и др. 2008а: 8–9) (рис. 1а). Фрагменты глины, которой были обмазаны стены, всегда имеют примесь половы. Толщина глиняных слоев небольшая, обычно достигает не более 0,03–0,04 м. Конструктивные элементы стен, имеющие исключительную сохранность, удалось обнаружить лишь в отдельных случаях – в постройке № 4 поселения Доброводы (Круц

Рис. 1. Завалы стен в жилищах трипольской культуры.

1 а) завал стен в виде продольных гребней на платформе жилище № 40 (Тальянки). 1 б) завал стены жилище № 4 (Доброводы). 1 в) отпечатки дерева из завала стены жилища № 4 (Доброводы).

Fig. 1. Obstructions of walls in the dwellings of the Tripolian culture. 1 a) walls obstruction in the form of longitudinal ridges on the platform of dwelling no. 40 (Talianki). 1 b) wall obstruction of dwelling no. 4 (Dobrovody). 1 c) imprints of a tree from the wall obstruction of dwellings no. 4 (Dobrovody).

и др. 2005: 57) (рис. 1б). Иногда рядом с завалом гребня частично сохраняются вертикальные остатки стен в виде обломанного бортика с отпечатками горизонтальных плашек с одной из сторон. В случаях, когда сохранились обе стороны стены, отпечатки дерева находятся между ними. Часто фиксируются следы подмазывания стен или перестенок к межэтажным перекрытиям (поселение Бернашовка петренской группы, постройка № 8) (рис. 2). Для элементов стен характерны отпечатки деревянных плашек толщиной от 0,01 м до 0,04 м или отпечатки тонкой лозы. Подобные отпечатки являются своего рода «негативом» плетеной конструкции (рис. 1в). Конструкций подобной сохранности на постройках петренской группы не обнаружено, тем не менее, по отдельным сохранившимся фрагментам можно утверждать, что они аналогичны томашевским.

Столбовых ям от несущих конструкций не обнаружено. Однако, как исключение, под платформой постройки № 9 поселения Бернашовка была выявлена каменная кладка. Она была обнаружена вдоль вероятных стен сооружения и, видимо, являлась их основой (рис. 3).

Все конструктивные элементы, выявленные в зданиях, изготовлены из одного материала – глины. Детали интерьера могут быть размещены как на перекрытии, составляя интерьер второго этажа, так и под ним, на грунтовом полу первого этажа. Все детали интерьера изготовлены одним технологическим приемом – послойным нанесением глины.

Проследить форму и размеры конструкции можно только в отдельных случаях. Элементы интерьера могли иметь округлую, прямоугольную или квадратную в плане форму. Отдельные объекты ограничены вертикальным бортиком, что упрощает их выявление. Поверхность и

Рис. 2. Фрагменты перестенка на площадке № 8 (Бернашовка).

Fig. 2. Separation wall fragments at site no. 8 (Bernashovka).

Рис. 3. Каменная конструкция под основанием стены, площадка № 9 (Бернашовка).
Fig. 3. Stone construction under the wall base, site no. 9 (Bernashovka).

боковые стороны элементов интерьера были заглажены. Иногда фиксируется их окраска в белый, желтый или красный цвет. Крайне редко встречаются детали, орнаментированные прочерченными линиями. Поскольку большая часть объектов сохранилась фрагментарно, существенным является анализ формовочной массы, из которой они были изготовлены, и выявление закономерностей в месте расположения таких объектов в сооружениях.

Источником для интерпретации элементов интерьера в трипольской культуре могут служить глиняные модели жилища открытого типа (Пассек 1938; Круц 1990: 45; Черновол 2008). Модели передают купольные печи, алтари, рабочие места и подиумы с расставленной на них посудой. Прослеживаются особенности расположения таких объектов в моделях домов. Входное и жилое помещения разделены перегородкой и порогом в месте входа. Детали интерьера изображены только в жилом помещении.

Справа от входа расположена купольная печь с припечным возвышением, тянущимся узкой полосой вдоль дальней от входа стенки печи. Слева от входа в отдельных моделях находится корытце и обязательно подиум, размещенный вдоль длинной стены комнаты. Иногда на подиуме выставлена посуда. Напротив входа возле торцевой стены находился алтарь. Подобная организация жилищно-хозяйственного пространства прослеживается в раскопанных постройках многих локально-хронологических образованиях культуры. Однако в петренской группе аналогичных конструкций, в частности на втором этаже, не обнаружено. Первый этаж в отличие от второго насыщен разного плана элементами интерьера.

Автор публикации разделяет трипольские постройки разных локально-хронологических образований на два варианта. К варианту А относятся постройки локальных групп, в которых интерьер первого этажа практически

отсутствует, к варианту В относятся постройки локальных групп, которые интенсивно насыщены разного плана объектами (Черновол 2011: 110).

Элементы интерьера в сооружениях петренской группы. В большинстве случаев на втором этаже построек трипольской культуры на всех этапах ее развития находятся печи, алтари и рабочие места. Их выделяют по морфологическим признакам и месту расположения в постройке. В постройках петренской группы преимущественно зафиксированы элементы интерьера первого этажа. Тем не менее, в постройке № 8 поселения Бернашовка

обнаружен ряд конструкций, находившихся на втором этаже (рис. 4). Это отдельные фрагменты деталей интерьера, однако, назначение их не совсем понятно. Среди элементов интерьера второго этажа в восточном помещении площадки № 8, в ее юго-восточном углу находились фрагменты бортика, образующего квадрат. Он был ориентирован параллельно длинной оси постройки и сделан из глины с растительной примесью. Высота его фрагментов составляла 0,15 м, толщина у основания – 0,07 м, кверху он сходил на конус. Поверхность заглажена, шершавая, нивелирующий слой отсутствует (рис. 4).

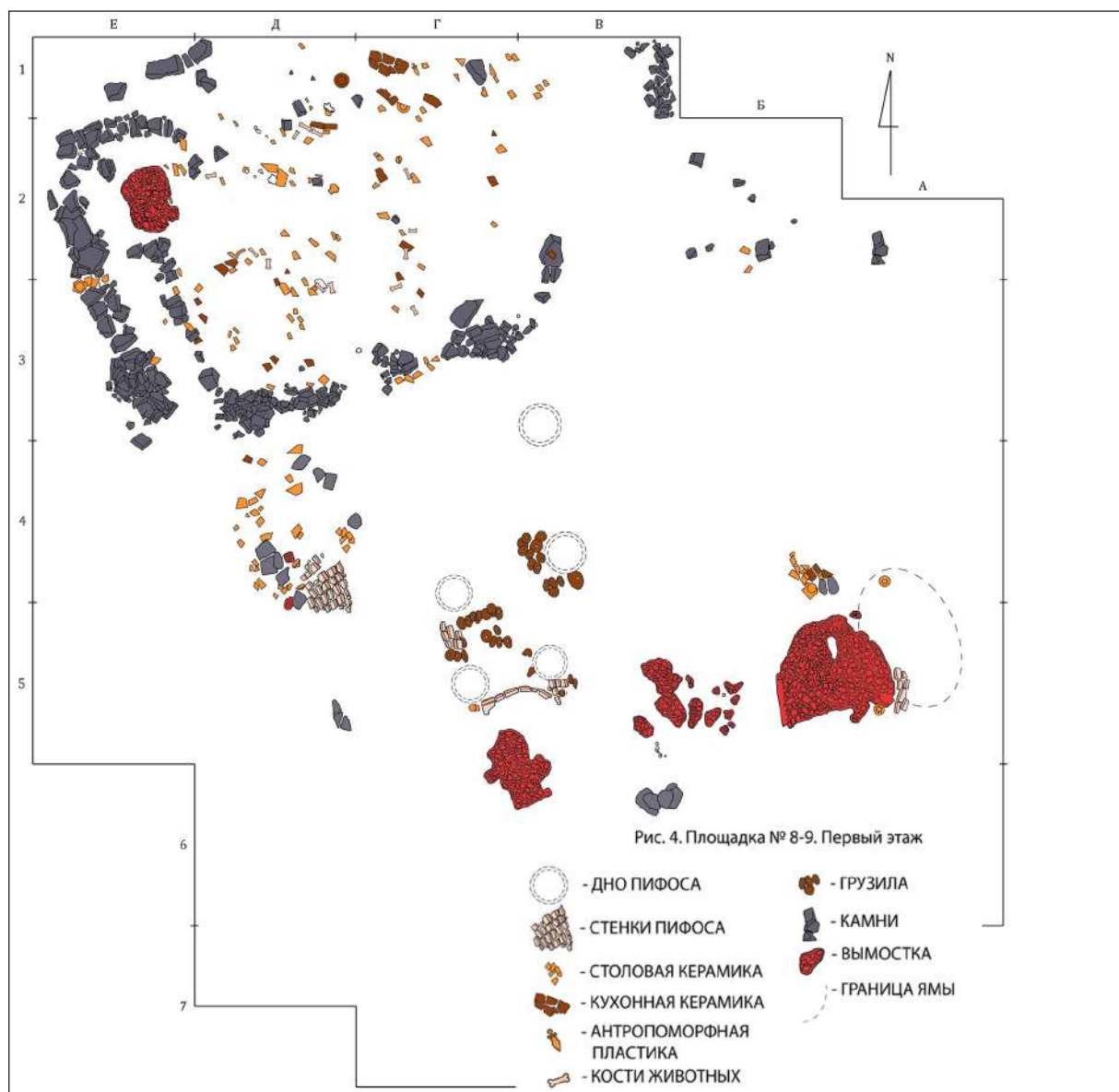

Рис. 4. Первый и второй этаж площадок №№ 8, 9 (Бернашовка).

Fig. 4. The first and second floor of sites no. no. 8, 9 (Bernashovka).

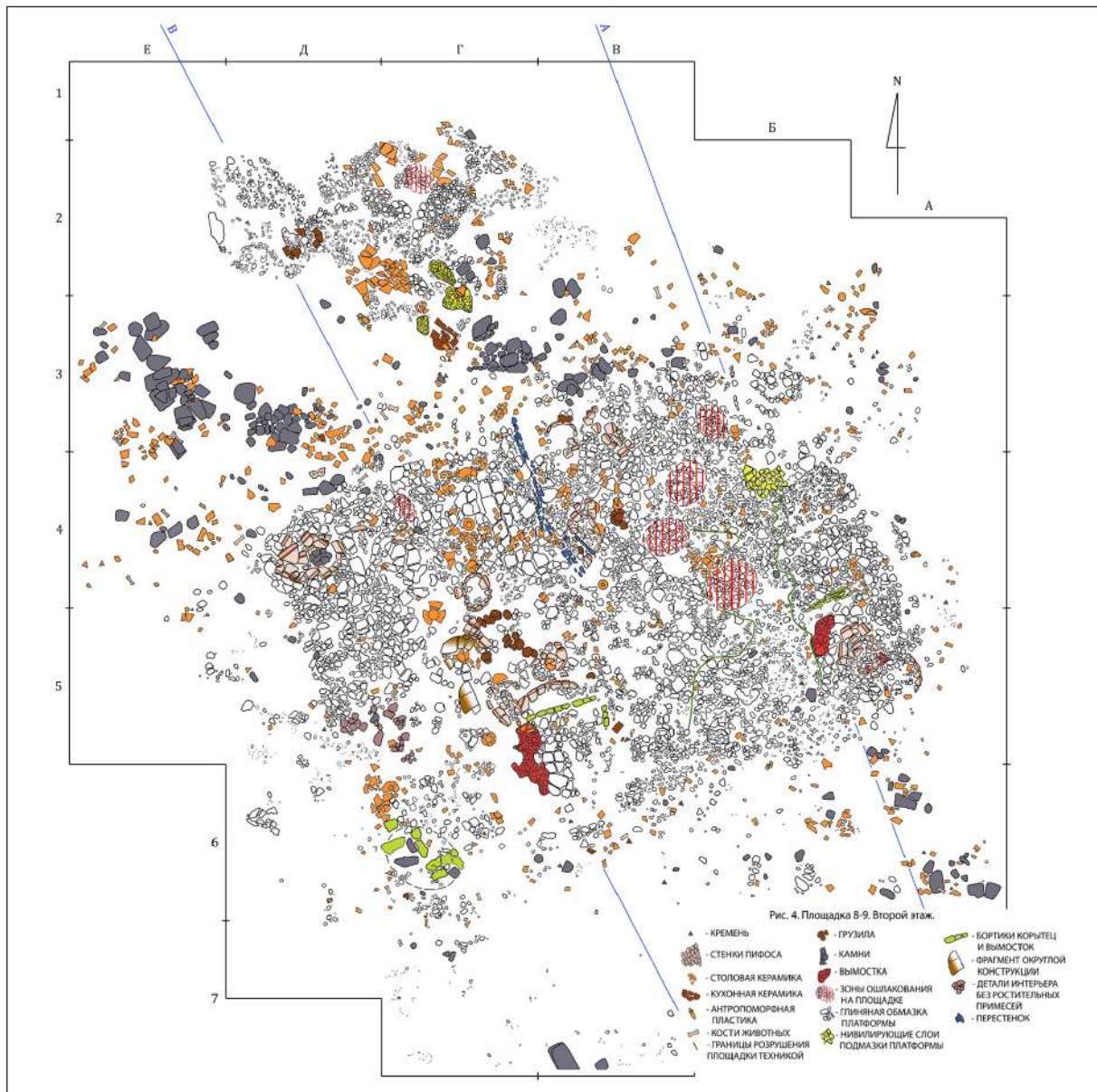

Рис. 4а. Первый и второй этаж площадок №№ 8, 9 (Бернашовка).

Fig. 4a. The first and second floor of sites no. no. 8, 9 (Bernashovka).

В западном помещении среди фрагментов обмазки находились отдельные детали конструкции, которые могли быть деталями интерьера помещения. В частности это фрагменты бортика (квадрат Г/6), которые были придавлены зернотеркой. Высота его стен составляла около 0,15 м, сделан из глины с растительной примесью. Кроме того, вокруг зернотерки находились отдельные фрагменты аналогичной обмазки, заглаженной с обеих сторон, толщиной 0,06 м. Вероятно, этот бортик был частью корытца, в которое была вмонтирована зерно-

терка, как это фиксировалось на других памятниках трипольской культуры.

Вдоль западного края этой постройки по ее центральной оси находилось скопление фрагментов обмазки, в глиняном тесте которых отсутствовала растительная примесь. Они залежали сверху платформы и имели толщину 0,08 м. Форму и реальные размеры обнаруженного объекта из-за его сильного разрушения установить не удалось. Впрочем, в 1 м западнее постройки был обнаружен заглаженный фрагмент обмазки без растительных примесей,

имевший острый угол, его толщина достигала около 0,12–0,13 м. Если предположить, что этот обломок происходил от вышеуказанного объекта, то последний мог иметь квадратную или прямоугольную форму.

В лакуне, образовавшейся в результате разрыва платформы, обнаружены фрагменты объекта, который имел округлую форму. Его фрагменты были разбросаны на расстоянии около 1 м по линии север–юг, что может свидетельствовать о падении на грунтовый пол с уровня второго этажа. Диаметр обнаруженной конструкции составлял около 0,5 м. Она была выполнена из глины с примесью половецкой, края были закруглены. Поверхность шершавая, заглаженная. Толщина этой конструкции была около 0,04–0,045 м.

Фрагменты конструкций интерьера из глины без растительной примеси присущи алтарям и подам печей. Учитывая, что объект находился в торце помещения, где обычно размещается жертвенник, его следует отнести к элементам интерьера сакрального назначения. Впрочем, таким же мог быть и обнаруженный объект, имевший округлую форму и растительную примесь в глине. Поскольку в различных локальных группах трипольской культуры алтарь был сооружен по-разному. В частности, в томашевской и владимирской группе применялась глина без примесей (Черновол 2008), а в небелевской – с растительной примесью (Черновол 2012: 66). Таким образом, назначение указанных конструкций остается под вопросом.

Ввиду того, что большинство деталей интерьера сконцентрированы в западном помещении, можно предположить, что вход на второй этаж был расположен в восточном помещении. По такому принципу устроено большинство раскопанных построек трипольского времени. Косвенно в пользу этого мнения может свидетельствовать и мощное ошлакование с восточной стороны площадки. Поскольку в этом месте находилось входное отверстие, что способствовало сквозняку и обеспечивало кислородный режим для мощного горения.

В процессе исследования остатков постройки № 8 не было обнаружено характерных объектов, которые можно было бы идентифицировать с остатками печи.

Кроме того, в постройке № 1 поселения Ялтушков обнаружена одна вымостка. В постройке № 3 поселения Варваровка VIII два объекта первого этажа, описанные В.И. Маркевичем, имели в основе деревянную конструкцию из расколотых плах (Маркевич 1981). Именно подобные конструкции более характерны для объектов интерьера второго этажа. Так что их фактическое расположение остается под вопросом.

Корытца. В сооружениях трипольского времени корытца фиксируются достаточно редко. В постройках многих локально-хронологических образований такую деталь интерьера не обнаружили.

Как правило, дно и стенки корытец были изготовлены целостно. Также в них отсутствуют многочисленные слои подмазок, что свидетельствует о кратковременности их эксплуатации. Вероятно, корытца легче сделать заново, чем ремонтировать. Корытца были изготовлены из того же материала, что и стены и межэтажное перекрытие жилища. В связи с этим распознать его в случае неудовлетворительной сохранности самой постройки довольно сложно.

На корытце или рядом с ним иногда были размещены зернотерки. В постройках петренской группы зафиксировано два таких случая – Бернашовка (площадка № 8, второй этаж), Липчаны (площадка № 2, первый этаж) (табл. 1). Последний объект исследователями был интерпретирован как глиняный «карман» (Збенович, Шумова 1987). Корытца с зернотерками указывают на определенные хозяйственные процессы, которые происходили на месте их расположения – помол зерна для дальнейшего его приготовления к употреблению. Например, в постройках томашевской группы корытца с зернотерками чаще встречаются вблизи печей (Черновол 2012). Тем не менее, в сооружениях петренской группы существует целый ряд корытец, возле которых зернотерки отсутствовали. Это может указывать на иное назначение объектов. В постройках поселения Липчаны (первый этаж) находилось округлое корытце диаметром 0,4 м, которое было сооружено непосредственно на вымостке. В постройке № 1 этого поселения была похожая округлая конструкция сверху вымостки диаметром 0,8 м. В постройке № 1 поселения Ялтуш-

ков (первый этаж) находилось квадратное корытце размерами 1×1 м, интерпретируемое как бескаркасная печь (Шумова, Рыжов, Черновол 2005: 90).

Вымостки. Самой многочисленной и наиболее вариабельной деталью интерьера являются вымостки. Данная деталь интерьера отсутствует на моделях открытого типа томашевской группы. Это могло быть связано с тем, что вымостки обустроивались только в случае необходимости и заранее не планировались.

В связи с тем, что большинство вымосток находятся в разрушенном состоянии, можно указать лишь площадь, которую занимают их фрагменты. Размеры таких объектов колеблются от нескольких десятков квадратных сантиметров до нескольких квадратных метров. Сохранилось не так много вымосток, которые могут дать представление об их конструкции и внешнем виде.

Вымостки можно условно разделить на два типа – вымостки с бортиком и без него. Бортик выступает очень важным элементом, поскольку может отображать хозяйственные процессы, в которых была задействована вымостка. Конструкции с бортиком в определенной мере схожи с корытцами, но последние изготавливались по другому принципу, да и назначение их более понятно.

Количество слоев глины в вымостках в большинстве случаев колеблется от двух до четырех, хотя в отдельных случаях может быть и большим. Так, П. Куринным упоминаются объекты, у которых было семь слоев подмазок (Куринный 1926: 84). Толщина каждого слоя может колебаться от одного до трех сантиметров, хотя в отдельных случаях она достигает четырех-шести сантиметров. Более толстые слои, как правило, находились в основе вымостки. Каждый из слоев обычно тщательным образом заглажен сверху, снизу он иногда несет негативные отпечатки предыдущего слоя, но в большинстве случаев заглажен, как и сверху. Поверхность каждого слоя может быть окрашена в белый, бледно-желтый, иногда красный цвета или покрыта миллиметровым слоем тонкоструктурной белой глины. Нижние слои вымосток, нанесенные на грунтовый пол, снизу порой имеют негативные отпечатки поверхности, на которую они были нанесены.

Вымостки с бортиком могут быть округлой или прямоугольной формы. В отличие от вымостки, изготовленной преимущественно из глины без примеси половецкой, бортик всегда изготавливался из массы с примесями половецкой. Это, видимо, делалось для удобства в случае каких-то его переустройств, связанных с хозяйственной необходимостью. Когда требовалось, чтобы дно вымостки было более крепким, на изготовление бортика делался значительно меньший акцент – его было легче снести и изготовить новый, чем перестраивать.

Вымостки без бортика изготовлены из глины с незначительными примесями половецкой или хорошо отмученной глины. На них очень похожи нивелирующие слои пола постройки на обоих этажах. От нивелирующих слоев пола вымостки отличаются многослойностью и четкой локализацией в жилище.

В постройке № 2 поселения Ялтушков обнаружена вымостка с углублением 0,25×0,2×0,08 м и невысоким бортиком по краю.

Вымостки найдены практически во всех частях построек, в частности жилой ее части и, в основном, на первом этаже. Вероятнее всего, указанные объекты были полифункциональными по назначению, и их объединяют только определенные технологические приемы при изготовлении.

Подуи. Для сооружений томашевской группы это обязательная деталь интерьера второго этажа жилой камеры. Он зафиксирован почти во всех сооружениях, имеющих удовлетворительную сохранность. Подуи были расположены слева от входа и применялся для хранения на нем посуды, в частности пифосов (Черновол 2008; Chernovol 2012). В небелевской группе обнаружен в одном случае, также на втором этаже в жилой камере поселения Колодистое II, постройка № 2 (Рыжов, Шумова 2005). В петренской группе объекты близкие по конструкции обнаружены в сооружениях первого этажа на поселении Ялтушков (площадка № 2) и Липчаны (площадка № 1). Они размещались вдоль длинной стены сооружения. Размеры конструкции были значительно меньше, она простиралась не на всю длину помещения, как это было в постройках предыдущих групп, а лишь имела до 3,5 м длины и 1,5 м ширины. Выполнена из

глины с растительной примесью. Вероятно, для прочности конструкции в основу этого подиума была вмонтирована битая керамика (Шумова, Рыжов 2005: 92). Подобный строительный прием известен для петренских памятников по предыдущим раскопкам на поселении Бернашовка (Колесников, Ткачук 1993: 48). Назначение данной конструкции, судя по описанию находок авторов раскопок, было аналогичным вышеуказанным объектам в предыдущих группах. В постройке № 3 на первом этаже поселения Варваровка VIII подиум размещался вдоль простенка и интерпретировался исследователем как лежанка.

Возвышения. Возвышения по своей структуре похожи на вымостки. Подобные объекты размещались только на первом этаже, характерны для построек поселения Клищев (Заец, Рыжов 1992) и построек владимирской и небелевской группы. Они там имеют преимущественно прямоугольную и квадратную форму. В сооружениях петренской группы обнаружено одно возвышение прямоугольной формы в постройке № 1 поселения Ялтушков, его интерпретируют как припечное возвышение (Шумова, Рыжов 2005: 90). В постройке № 2 этого же поселения круглое возвышение интерпретировали как остатки печи. Два округлых возвышения диаметром 1,2 м, находились в постройке № 2 поселения Липчаны. Они размещались вдоль центральной оси постройки на расстоянии двух метров друг от друга.

Орнаментация элементов интерьера. В редких случаях исследователям удается обнаружить фрагменты орнаментации стен построек, алтарей и отдельных конструкций. В томашевской группе обнаруженные фрагменты орнаментации внутренней отделки постройки совпадают с росписью глиняных моделей открытого типа (Chernovol 2012). В постройках петренской группы орнамент на объекте обнаружен в одном случае – площадка № 3 поселения Варваровка VIII (Маркевич 1981). Это были волнистые линии, сделанные пальцами и точечные вдавления, вероятно, нанесенные таким же образом. Похожий по описанию орнамент также свойственен томашевской группе. Он был обнаружен на фрагментах стены (площадка № 36) и на глиняном косяке (площадка № 44) поселения Тальянки (Круц 2008: 76; Chernovol 2012).

Ямы. Подобные объекты не характерны для построек варианта В. Впрочем, практически вплотную к двум постройкам были обнаружены ямы, площадка № 8, Бернашовка, и площадка № 1, Ялтушков. Они были неглубокие, имели овальную форму, длинной стороной ориентированы вдоль короткой стороны сооружения. Их не перекрывали слои обмазки, поэтому можно было и не относить к обустройству сооружений. Однако вымостка, находившаяся под площадкой № 8 поселения Бернашовка, своим краем плавно опускалась в яму. Кроме того отдельные развалы, в частности фрагменты пифоса, находились под слоем обмазки площадки, и частично в яме. В таком случае яма является частью хозяйственного пространства этого сооружения. Также возникает вопрос: каким образом была обустроена конструкция торцевой стены и была ли она вообще? Возможно, входная часть постройки была перекрыта деревянным навесом, не обмазанным глиной. Подобные навесы перед входом в сооружения были обнаружены в постройках поселения Песчаная небелевской группы (Черновол, Рыжов 2005). Его удалось обнаружить, поскольку крыша этой конструкции была подмазана тонким слоем глины. Он выглядел как продолжение глинобитного завала площадки, но отличался от платформы толщиной, составлявшей 0,1 м. Толщина глины указанных фрагментов конструкции была довольно тонкая – около 0,02–0,03 м, под ними находился грунтовый пол, подмазанный глиной, что указывало на продолжение сооружения на всех уровнях.

Ямы в основном расположены вдоль коротких стен при входе или в торце постройки, так как это наблюдается в указанных сооружениях петренской группы. В.И. Маркевичем в постройке № 1 поселения Брынзень IV также была обнаружена яма, однако при отсутствии схемы сооружения невозможно указать на ее расположение. Ее размеры составляли: диаметр 0,9 м, глубина 1,3 м (Маркевич 1981: 15)

Разделение сооружения на камеры. Считается, что второй этаж трипольских сооружений является жилым помещением, а первый имел хозяйственное назначение. Второй этаж, на всех этапах развития культуры, где это удалось проследить, разделен на два помещения: входное и жилое. В крайне редких случаях

были обнаружены хозяйственные пристройки с торца сооружения (Круц 2008). Справа от входа в жилую камеру располагалась печь. Если не удалось обнаружить простенка, который разделяет постройку на отдельные помещения, то на место разделения сооружения косвенно указывает наличие остатков конструкции печи. У построек петренской группы, на втором этаже отсутствуют указанные объекты интерьера, а простенок обнаружен только в одном случае – постройка № 8 поселения Бернашовка. Поэтому трудно указать на место разделения жилого пространства на отдельные помещения и их размер. Распределение первого этажа на отдельные помещения зафиксировано в постройке № 3 поселения Варваровка VIII, Брынзень VI в постройке № 1, Ялтушков в постройке № 1. В постройке поселения Варваровка VIII, судя по выявленным простенкам, насчитывалось три камеры. В постройках поселения Липчаны элементы интерьера были расположены в центральной части строения и вдоль одной из торцевых стен. Такой принцип размещения элементов интерьера характерен для построек небелевской локальной группы, где обнаружены простенки и выявлено разделение первого этажа на отдельные помещения (Черновол 2012). В этих постройках первый этаж был разделен на большую камеру и малую входную камеру. Потому можно предположить, что по такому же принципу были устроены жилища поселения Липчаны и их первый этаж также разделен на отдельные помещения. Таким образом, та часть сооружения, в котором отсутствуют элементы интерьера, условно является входным помещением, а часть сооружения, в котором наличествуют объекты интерьера, является хозяйственным помещением.

Принцип размещения элементов интерьера. Элементы интерьера в жилом и хозяйственном помещениях были расположены вдоль коротких и длинных стен жилища. В жилом помещении это было обусловлено рациональным использованием полезной площади для максимального размещения в нем обитателей жилища (Дяченко, Черновол 2009). В хозяйственном помещении это было определено возможным увеличением количества рабочих мест. Однако, в таком случае к рабочему месту можно было подойти только с одной стороны.

В связи с этим, вероятно, отдельные рабочие места хозяйственного помещения были и в его центральной части. В этом случае к ним можно было подойти и выполнить определенную работу, подступив с любой удобной стороны. Кроме того, ее можно было выполнять несколькими людям одновременно.

При раскопках петренских поселений за пределами жилищ не было обнаружено разного плана вымосток, обычно сопутствующих сооружениям, как это было в поселениях других локально-хронологических образований. Вероятно, на поселениях этой группы по каким-то причинам определенные хозяйственные процессы, которые совершались за пределами жилища, были свернуты и перенесены в постройку. Этим объясняется высокая насыщенность первого этажа различными объектами интерьера.

Подвижные элементы интерьера. К таким относится столовая и кухонная посуда, зернотерки, пифосы. В частности, пифосы в сооружениях томашевской группы расположены в жилом помещении слева от входа на подиуме. В этой группе они относятся к недвижимым элементам интерьера. Поскольку вероятнее всего, они устанавливались там стационарно. В одном случае в постройке № 2 поселения Тальянки был обнаружен глиняный бортик для фиксации дна пифоса (Круц, Рыжов, Шумова 1982). В петренской группе аналогичная посуда обнаружена впервые, поэтому трудно указать на закономерности по отношению к ее размещению в постройке. В постройке № 8 поселения Бернашовка было выявлено 7 пифосов. Если в томашевской группе пифосы имели грушевидную форму, то в петренской они были ступковидные. Пифосы имели ровные стенки, постепенно расширялись от доньшка к венчику. Высота составляла около 0,7 м, диаметр доньшка – около 0,4–0,45 м. Один пифос находился в квадрате Д/4. Еще два пифоса находились севернее дугообразного бортика первой вымостки, в квадратах В/5 и Г/5. Четвертый пифос находился на границе квадратов Г/4–Г/5, пятый – в юго-западном секторе квадрата В/4. Фактически эти четыре пифоса размещены по квадрату, в метре друг от друга. Еще один пифос (шестой) находился вблизи северного края постройки, в квадрате В/3. Седьмой пифос уже упоминался выше,

при описании ямы в квадрате А/5 (рис. 4).

Посуда в основном концентрировалась в западном помещении постройки (рис. 4). Здесь, по центральной оси квадрата находились три маленькие миски, а также несколько крупных развалов столовой посуды, размещавшиеся ближе к простенку и вдоль длинной северной стороны постройки. Кроме указанных изделий, также вдоль длинной северной стороны, обнаружен развал большого кубовидного горшка и три шлемовидные крышки, лежащие друг на друге. В восточном помещении обнаружены развалы столовой и кухонной посуды, также в северо-восточном секторе. Уцелевшие сосуды и развалы столовой посуды, находящиеся в центральной части постройки по длинной оси и в южной части площадки, могли относиться как к первому, так и ко второму ее этажу. Это вызвано тем, что из-за сильного разрушения южной части площадки, в ней образовалась большое количество лакун, а глиняные фрагменты постройки залегали отдельными аморфными островками. Поэтому обнаруженная керамика могла упасть с уровня второго этажа, или находиться *in situ* на грунтовом полу первого этажа. Так, в месте гипотетического перехода между помещениями, в центре квадрата В/4, по линии запад-восток был обнаружен целый кубок и миниатюрная копия грушевидного сосуда, стоявшего на земле. На границе квадратов В/5 и Г/5 также найдено большое количество развалов столовой посуды. Фрагменты керамики находились как поверх слоя залегания обмазки, так и под ним. В юго-западном секторе квадрата Г/5, на полу первого этажа, находилась большая раздавленная миска, поверх которой лежала шлемовидная крышка. В юго-восточном углу этого же квадрата находился кубовидный сосуд, раздавленный блоком обмазки перекрытия. На границе квадратов Г/6 и Д/6 находилось скопление развалов столовой посуды, под ними был обнаружен небольшой кубок.

Описание размещения находок сделано лишь по одной постройке, исследовавшей автором. Посуда в постройке размещалась преимущественно вдоль ее длинных сторон и с обеих сторон простенка. Этот принцип размещения посуды присущ большинству трипольских сооружений. Такое размещение не заполняло основную площадь помещения, и

она могла использоваться в разных жилых и хозяйственных целях.

К подвижным элементам интерьера также следует отнести вертикальный ткацкий станок. Хотя он сам и не сохранился, на его расположение указывает скопление глиняных отяжечек, около 40 штук. Они компактно залегали в центральной части постройки первого этажа.

Анализ построек группы. Конструкции и интерьер других локально-хронологических групп трипольской культуры, как показывают результаты предыдущих исследований, стандартизированы (Черновол 2008; 2009; 2012; Черновол, Сохацкий 2010). Для жилого помещения второго этажа характерны общие признаки. Первый хозяйственный этаж имеет определенные отличия, но, тем не менее, также стандартизирован в пределах построек одной отдельно взятой локальной группы. Об обустройстве второго этажа у сооружений петренской группы говорить трудно. Однако, среди построек трипольской культуры известно достаточно много таких, в которых также отсутствуют какие-либо детали конструкции. Возможно, при сжигании построек было недостаточно температуры для того, чтобы они сильно обожглись, что обусловило бы их сохранность. Также не следует исключать воздействия антропогенных факторов современности, которые привели к разрушению верхних слоев площадок, где могли находиться остатки интерьера второго этажа. Первый этаж построек петренской группы, как уже говорилось, насыщен разными элементами интерьера, в связи с чем они отнесены к варианту В. В.И. Маркевич считал, что ближайшие аналогии постройкам петренской группы известны на поселении Клищев в Побужье (Маркевич 1981: 88). Однако, если у других локальных образований в постройках присутствует определенная стандартизация в наборе элементов интерьера и их расположении, как и в постройках поселения Клищев, то обустройство построек петренской группы резко отличается друг от друга (рис. 4–5).

Возможно, стандартизация расположения элементов интерьера в жилой камере была обусловлена определенными сложившимися традициями, защищенными целым рядом табу, что не позволяло отойти от принятых правил. Это косвенно может подтверждаться изображением интерьера в моделях жилищ открыто-

го типа, которые безусловно имеют сакральное предназначение. Вышеупомянутые правила частично в разных локальных группах культуры, видимо, касались и обустройства интерьера хозяйственного помещения первого этажа. Тем не менее, часть объектов интерьера хозяйственно-бытового предназначения, к примеру вымостки, могли находиться в любой части жилища разных локальных групп. При этом они не отображены в моделях открытого типа. Видимо, организация и размещения отдельных объектов хозяйственно-бытового предназначения была продиктована в большей степени рационализмом, что требовало отказа от установившихся правил.

В петренской группе видимо это касалось обустройства первого этажа построек, где каждая отдельно взятая семья обустроивала хозяйственное пространство жилища согласно определенным хозяйственно-бытовым потребностям. Необходимо уточнить, что петренская группа не является исключением. Аналогичным образом происходит организация хозяйственного пространства в жилищах косеновской группы в Буго-Днепровском междуречье (Бузын, Якубенко 1990). Нельзя исключать то, что высокая степень стандартизации была обусловлена тем, что строительство построек было коллективным видом трудовой деятельности. Определенные индивидуальные элементы, вероятно, могли появиться в случае индивидуального строительства в процессе функционирования постройки.

Типология построек. В результате исследований последних лет было выделено два типа наземных трипольских построек – жилища и хозяйственные сооружения. Жилые постройки имеют несколько вариантов (Черновол 2011; Chernovol 2012). Существование построек исключительно сакрального предназначения остается под вопросом. Хозяйственные постройки встречаются крайне редко, к примеру, на поселении Тальянки, где исследовано около 50 построек, обнаружено лишь одно сооружение хозяйственного предназначения (Круц, Рыжов 1989). Хозяйственные постройки отличаются от жилищ крайне малыми размерами, до 20 кв.м. и наличием в них конструкций исключительно хозяйственного предназначения. Несмотря на то, что они встречаются крайне редко, аналогичные

сооружения были раскопаны Т.С. Пассек на поселении Коломийщина 1, Е.В. Цвек на поселении Веселый Кут, И.И. Зайцем на поселении Клищев. Жилые постройки наименьших размеров могут иметь площадь от 28 кв.м., тем не менее, их интерьер не отличается от более крупных жилищ, что указывает на их предназначение.

По этим признакам все представленные сооружения петренской группы относятся к жилым постройкам. Однако существовали и другие варианты типологии, например, по размеру сооружения. Т.С. Пассек распределяла постройки на малые, средние и большие. Указанный анализ был проведен по раскопкам поселения Коломийщина I (Пассек 1940: 20). Размер больших построек составлял от 100 кв.м., средних – 40-90 кв.м., малых – 8-28 кв.м. Впрочем, если принять во внимание только их размеры, можно предположить, что они делятся на три варианта одного типа. И только постройка площадью 8 кв.м. могла иметь хозяйственное назначение.

По мнению исследователей поселения Ялтушков, площадка № 2 является хозяйственной постройкой (Шумова, Рыжов 2005). Одна-

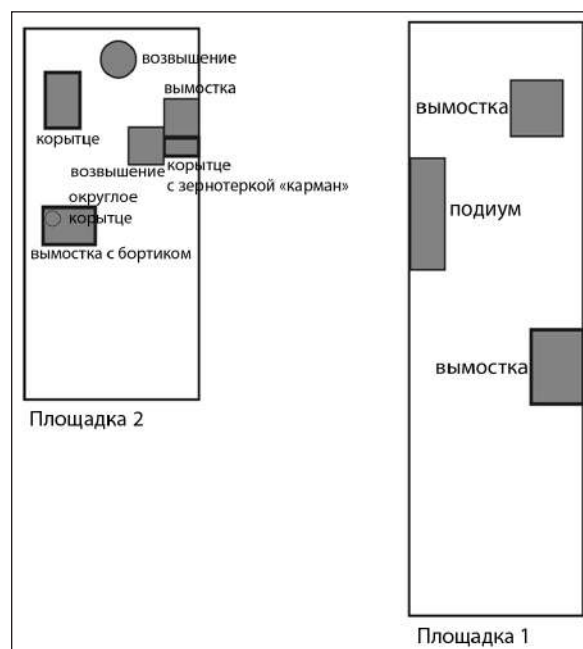

Рис. 5. Схема деталей интерьера первого этажа площадок №№ 1, 2 (Липчаны).

Fig. 5. The scheme of interior parts of the first floor of sites no. no. 1, 2 (Lipchany).

ко набор элементов интерьера указывает на то, что данная постройка не отличается от таких же сооружений этой группы.

Подобные вопросы возникли и относительно площадки № 8 поселения Бернашовка. Аргументом в пользу исключительно хозяйственного назначения этой постройки стало наличие в ней пифосов. Данная категория материала впервые обнаружена в петренской группе. Возможно, эта постройка могла быть хранилищем зерна. Кроме того, в ней могли происходить и другие хозяйственные процессы – обработка зерна и приготовление блюд, о чем в частности свидетельствует наличие трех вымоستков и корытца.

Наличие ткацкого станка свидетельствует о том, что в ней также могли ткать. В таком случае мы имеем дело с новым вариантом хозяйственной постройки, в котором главным признаком выступает не ее размер, а внутренняя утварь.

Анализ конструктивных особенностей построек и их интерьера позволяет сделать вывод о том, что для петренской локальной группы является характерным ряд специфических особенностей организации жилищно-хозяйственного пространства. Однако эволюция построек петренской группы не выходит за рамки общих традиций, характерных для трипольской культуры в целом.

Литература

- Бузян Г.Н., Якубенко Е.А. 1990. Характерные черты домостроительства Косеновской локальной группы. В: *Тезисы докладов 1-го полевого семинара «Раннеземледельческие поселения–гиганты трипольской культуры на Украине»* (Тальянки, 1990). Киев, 58–64.
- Гершкович Я.П. 2003. Обряд «оставления жилища»: археологические признаки и историко-этнографические параллели. В: *Матеріали міжнародної конференції «Трипільські поселення-гіганти»*. Київ, 28–31.
- Дяченко О.В., Черновол Д.К. 2009. Середній склад сім'ї населення західнотрипільської культури. *Археологія* (3), 3–12.
- Заец И.И., Рыжов С.Н. 1992. *Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге*. Киев.
- Збенович В.Г., Шумова В.А. 1987. *Отчет о работе Днестровской археологической экспедиции за 1987 г.* НА ИА НАНУ. № 1987/23. Киев.
- Зиньковський К.В. 1983. К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен. В: Субботин Л. (ред.). *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 16–22.
- Колесников О.Г., Ткачук Т.М. 1993. До питання мікрохронології трипільських поселень (на матеріалах Бернашівського поселення ВІІ–УІ) В: Косаківський В. (ред.). *Подільська старовина*. Вінниця, 48–53.
- Корвин-Пиотровский А.Г. 2006. К проблеме изучения трипольского домостроительства. В: *Тези доповідей міжнародної науково-практичної конференції «Технології і проблеми культурної адаптації населення Південно-Східної Європи в епоху енеоліту»*. Вишнівець, 65–69.
- Круц В.А., Рыжов С.Н., Шумова В.А. 1982. *Отчет о работе тальянковского отряда Трипольской экспедиции за 1982 г.* НА ИА НАНУ. № 1982/21а. Киев.
- Круц В.А., Рыжов С.Н. 1989. *Отчет о работе тальянковского отряда Трипольской экспедиции за 1989 г.* НА ИА НАНУ. № 1989/17. Киев.
- Круц В.А. 1990. Планировка поселения у с. Тальянки и некоторые вопросы трипольского домостроительства. В: *Тезисы докладов 1-го полевого семинара «Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине»*. Тальянки 1990. Киев, 43–47.
- Круц В.А. 2003. Трипольские площадки – результат ритуального сожжения домов. В: *Матеріали міжнародної конференції «Трипільські поселення-гіганти»*. Київ, 74–76.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н., Бузян Г.Н., Овчинников Э.В., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. 2005. *Исследование поселений-гигантов трипольской культуры 2002–2004 гг.* Киев.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н., Черновол Д.К. 2008. Исследования 2005–2006 гг. в Тальянках. В сб.: *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев, 71–108.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Менотти Ф., Рыжов С.Н., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. 2008а. *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2008 г.* Киев.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. 2012. *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2011 г.* Киев.

- Курінний П.П. 1926. Монументальні пам'ятки трипільської культури. В: *Трипільська культура на Україні*, І. Київ, 67–96.
- Маркевич В.И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев.
- Пассек, Т.С. 1938. Трипольские модели жилища. *ВДИ* (4), 235–246.
- Пассек, Т.С. 1940. Трипільське поселення Коломійщина В: *Трипільська культура*. Київ, 9–37.
- Рижов С.М., Шумова В.О., Черновол Д.К. 2005. Дослідження трипільського поселення Колодисте II у 2004 р. В: *АДУ 2003–2004 рр.* Київ, 274–276.
- Черновол Д.К., Рижов С.М. 2006. Дослідження трипільського поселення біля Піщана. В.: *АДУ 2004–2005 рр.* Київ, 373–376.
- Черновол Д.К. 2008. Интерьер трипольского жилища по материалам поселения Тальянки. В: *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев, 168–191.
- Черновол Д.К. 2009. Интер'єр ранньотрипільських жител. В: *С.Н. Бибииков и первобытная археология*. Санкт-Петербург, 329–335.
- Черновол Д.К., Пічкур Є.В., Дяченко О.В., Корвін-Піотровський А.О., Кириленко О.С. 2009. *Звіт Дністровської комплексної експедиції на території Могилів-Подільського р-ну Вінницької обл. на поселеннях трипільської культури Бернашівка I, Бернашівка II в 2009 р.* НА ІА НАНУ. № 2009/141. Київ.
- Черновол Д.К., Сохацький Д.К. 2010. Интер'єр жител заліщицької локальної групи за матеріалами поселення Глибочок Борщівського району Тернопільської області. В: *Археологія Правобережної України*. Київ, 32–35.
- Черновол Д.К. 2011. Варіанти житлових споруд трипільської культури за елементами інтер'єру. В: *Тези доповідей Міжнародної наукової конференції «Прадавні землероби Південно-Східної Європи»*. Київ–Тальянки, 110–112.
- Черновол Д.К. 2012. Интер'єр будівель небелівської локальної групи трипільської культури. *Археологія* (1), 62–71.
- Шумова В.О., Рижов С.М. 2005. Трипільська культура Поділля у світлі нових даних. В: *Археологія у Києво-Могилянській Академії*. Київ, 88–103.
- Штерн Э.Р. 1907. Доисторическая греческая культура на юге России: (Раскопки в Петренах, Бельцевского уезда, Бессарабской губ., 1902 и 3 года). В: *Труды XIII Археологического Съезда в Екатеринославе (1905)*, І. Москва, 9–95.
- Chernovol D. 2012. Houses of the Tomashovskya local group. In: *The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine*. Oxford, 182–209.

References

- Buzian, G. N., Iakubenko, E. A. 1990. *Kharakternye cherty domostroitel'stva Kosenovskoi lokal'noi grupy (Characteristic features of homebuilding of the Kosenovka local group)*. In *Tezisy dokladov 1-go polevogo seminaru "Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine"* (Abstracts of the 1st Field Seminar "Early agricultural giant-settlements of the Tripolian culture in Ukraine"). Talianki, 1990. Kiev, 58–64 (in Russian).
- Gershkovich, Ia. P. 2003. *Obriad "ostavleniia zhilishcha": arkheologicheskie priznaki i istoriko-etnograficheskie paralleli (Rite of "leaving home": archaeological features and historico-ethnographic parallels)*. In *Materiali mizhnarodnoi konferentsii "Tripil's'ki poselennia-giganti"* (Proceedings of the International Conference "Tripolian giant-settlements"). Kiev, 28–31 (in Russian).
- Diachenko, O. V., Chernovol, D. K. 2009. *Serednii sklad sim'i naseleennia zakhidnotripil's'koi kul'turi (Average family structure of the Western-Tripolian culture population)*. *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 3–12 (in Ukrainian).
- Zaets, I. I., Ryzhov, S. N. 1992. *Poselenie tripol'skoi kul'tury Klishchev na Iuzhnom Buge (Tripolian culture settlement of Klishchev on the Southern Bug)*. Kiev (in Russian).
- Zbenovich, V. G., Shumova, V. A. 1987. *Otchet o rabote Dnestrovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1987 g. (Report on the work of the Dniester archaeological expedition of 1987)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. 1987/23. Kiev (in Russian).
- Zin'kovs'kii, K. V. 1983. *K protsedure issledovaniia problemy domostroitel'stva tripol'skikh plemen (Towards the exploratory procedure of the housebuilding problem of the Tripolian tribes)*. In *Subbotin L. (ed.). Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea Region)*. Kiev, 16–22 (in Russian).

Kolesnikov, O. G., Tkachuk, T. M. 1993. *Do pitannia mikrokhronologii tripil's'kikh poselen' (na materialakh Bernashivs'kogo poselennia BII-YI) (On the issue of the micro-chronology of the Tripolian settlements (based on the materials of the Bernashivka settlement BII-YI)).* In Kosakivs'kii V. (ed.) *Podil's'ka starovina (Antiquities of Podillia)*. Vinnitsia, 48–53 (in Ukrainian).

Korvin-Piotrovskii, A. G. 2006. *K probleme izucheniia tripol'skogo domostroitel'stva (On the issue of the research on the Tripolian housebuiding).* In *Tezi dopovidei mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferentsii "Tekhnologii i problemi kul'turnoi adaptatsii naseleennia Pivdenno-Skhidnoi Evropi v epokhu eneolitu" (Abstracts of the International Scientific-Practical Conference "Technologies and problems of the cultural adaptation of the Southeastern Europe population in the Eneolithic")*. Vishnivets, 65–69 (in Russian).

Kruts, V. A., Ryzhov, S. N., Shumova, V. A. 1982. *Otchet o rabote tal'iankovskogo otriada Tripol'skoi ekspeditsii za 1982 g. (Report on the work of the Talianki brigade of the Tripolian expedition in 1982).* *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. 1982/21a. Kiev (in Russian).

Kruts, V. A., Ryzhov, S. N. 1989. *Otchet o rabote tal'iankovskogo otriada Tripol'skoi ekspeditsii za 1989 g. (Report on the work of the Talianki brigade of the Tripolian expedition in 1989).* *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. 1989/17. Kiev (in Russian).

Kruts, V. A. 1990. *Planirovka poseleniia u s. Tal'ianki i nekotorye voprosy tripol'skogo domostroitel'stva (Planning of the settlement near the village of Talianki and some issues of the Tripolian housebuilding).* In *Tezisy dokladov 1-go polevogo seminaru "Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine" (Abstracts of the 1st Field Seminar "Early agricultural giant-settlements of the Tripolian culture in Ukraine")*. Talianki 1990. Kiev, 43–47 (in Russian).

Kruts, V. A. 2003. *Tripol'skie ploshchadki – rezul'tat ritual'nogo sozhzheniia domov (Tripolian sites - the result of the ritual burning of houses).* In *Materiali mizhnarodnoii konferentsii "Tripil's'ki poselennia-giganti" (Proceedings of the International Conference "Tripolian giant-settlements")*. Kiev, 74–76 (in Russian).

Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Ryzhov, S. N., Buzian, G. N., Ovchinnikov, E. V., Chernovol, D. K., Chabaniuk, V. V. 2005. *Issledovanie poselenii-gigantov tripol'skoi kul'tury 2002–2004 gg. (Research on the Tripolian culture giant-settlements in 2002-2004)*. Kiev (in Russian).

Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Ryzhov, S. N., Chernovol, D. K. 2008. *Issledovaniia 2005–2006 gg. v Tal'iankakh (Researches of 2005-2006 in Talianki)*. In *Tripol'skaia kul'tura v Ukraine. Poselenie-gigant Tal'ianki (Tripolian culture in Ukraine. Talianki giant-settlement)*. Kiev, 71–108 (in Russian).

Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Menotti, F., Ryzhov, S. N., Chernovol, D. K., Chabaniuk, V. V. 2008a. *Tripol'skoe poselenie-gigant Tal'ianki. Issledovaniia 2008 g. (Tripolian giant-settlement of Talianki. Researches of 2008)*. Kiev (in Russian).

Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Ryzhov, S. N., Chernovol, D. K., Chabaniuk, V. V. 2012. *Tripol'skoe poselenie-gigant Tal'ianki. Issledovaniia 2011 g. (Tripolian giant-settlement of Talianki. Researches of 2011)*. Kiev (in Russian).

Kurinnii, P. P. 1926. *Monumental'ni pam'iatki tripil's'koi kul'turi (Monumental sites of the Tripolian culture)*. In *Tripil's'ka kul'tura na Ukraini (Tripolian culture in Ukraine)*, I. Kiev, 67–96 (in Ukrainian).

Markevich, V. I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Late Tripolian tribes of Northern Moldova)*. Chişinău (in Russian).

Passek, T. S. 1938. *Tripol'skie modeli zhilishcha (Tripolian models of a dwellings)*. *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (4), 235–246 (in Russian).

Passek, T. S. 1940. *Tripil's'ke poselennia Kolomiishchina (Tripolian settlement of Kolomiishchina)*. In *Tripil's'ka kul'tura (Tripolian culture)*. Kiev, 9–37 (in Ukrainian).

Rizhov, S. M., Shumova, V. O., Chernovol, D. K. 2005. *Doslidzhennia tripil's'kogo poselennia Kolodiste II u 2004 r. (Research on the Tripolian settlement of Kolodiste II in 2004)*. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2003–2004 rr. (Archaeological Researches in Ukraine in 2003-2004)*. Kiev, 274–276 (in Ukrainian).

Chernovol, D. K., Rizhov, S. M. 2006. *Doslidzhennia tripil's'kogo poselennia bilia Pishchana (Researches on the Tripolian settlement near Pishchana)*. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2004–2005 rr. (Archaeological Researches in Ukraine in 2004-2005)*. Kiev, 373–376 (in Ukrainian).

Chernovol, D. K. 2008. *Inter'er tripol'skogo zhilishcha po materialam poseleniia Tal'ianki (Interior of a Tripolian dwelling based on the Talianki settlement materials)*. In *Tripol'skaia kul'tura v Ukraine. Poselenie-gigant Tal'ianki (Tripolian culture in Ukraine. Giant-settlement of Talianki)*. Kiev, 168–191 (in Russian).

Chernovol, D. K. 2009. *Inter'er rann'otripil's'kikh zhitel (Interior of the Early-Tripolian dwellings)*. In *S. N. Bibikov i pervobytnaia arkheologiiia (S. N. Bibikov and prehistoric archaeology)*. Saint-Petersburg, 329–335 (in Russian).

Chernovol, D. K., Pichkur, E. V., Diachenko, O. V., Korvin–Piotrovs'kii, A. O., Kirilenko, O. S. 2009. *Zvit Dnistrovs'koi kompleksnoi ekspeditsii na teritorii Mogiliv–Podil's'kogo r-nu Vinnits'koi obl. na poseleenniakh tripil's'koi kul'turi Bernashivka I, Bernashivka II v 2009 r. (Report of the Dniester complex expedition on the territory of Mogiliv-Podilsk district of Vinnitsa region at the Tripolian culture settlements of Bernashivka I, Bernashivka II in 2009)*. *Nauchnyi arkhiv Institutu arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. 2009/141. Kiev (in Ukrainian).

Chernovol, D. K., Sokhats'kii, D. K. 2010. *Inter'er zhitel zalishchits'koi lokal'noi grupi za materialami poseleennia Glibochok Borshchivs'kogo raionu Ternopil's'koi oblasti (Interior of the dwellings of the Zalishchiki local group, based on the materials of the settlement of Glibochok in Borshchivskii district, Ternopil region)*. In *Arkheologiiia Pravoberezhnoi Ukraini (Archaeology of Right-Bank Ukraine)*. Kiev, 32–35 (in Ukrainian).

Chernovol, D. K. 2011. *Varianti zhitlovikh sporud tripil's'koi kul'turi za elementami inter'eru (Variants of the Tripolian culture house buildings by the elements of interior)*. In *Tezi dopovidei Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii "Pradavni zemlerobi Pivdenno–Skhidnoi Evropi" (Abstracts of the International Scientific Conference "Ancient farmers in Southeastern Europe")*. Kiev–Taliianki, 110–112 (in Ukrainian).

Chernovol, D. K. 2012. *Inter'er budivel' nebelivs'koi lokal'noi grupi tripil's'koi kul'turi (Interior of the dwellings of the Nebelivka local group of the Tripolian culture)*. *Arkheologiiia (Archaeology)* (1), 62–71 (in Ukrainian).

Shumova, V. O., Rizhov, S. M. 2005. *Tripil's'ka kul'tura Podillia u svitli novikh danikh (Tripolian culture of Podillia in the light of new data)*. In *Arkheologiiia u Kievo–Mogilians'kii Akademii (Archaeology at the Kiev-Mohyla Academy)*. Kiev, 88–103 (in Ukrainian).

Shtern, E. R. 1907. *Doistoricheskaia grecheskaia kul'tura na iuge Rossii: (Raskopki v Petrenakh, Bel'tsevskogo uezda, Bessarabskoi gub., 1902 i 3 goda) (Prehistoric Greek culture in the South of Russia (Excavations in Petreny, Bălți District, Bessarabia province, 1902 and 1903))*. In *Trudy XIII Arkheologicheskogo S'ezda v Ekaterinoslave (1905) (Proceedings of the XIII Archaeological Congress in Ekaterinoslav (1905))*, I. Moscow, 9–95 (in Russian).

Черновол Дмитрий Константинович, младший научный сотрудник Института археологии НАН Украины; Киев, просп. Героев Сталинграда, 12, факс +38(044)4183306; e-mail: ch_d_k@ukr.net

М. Ю. Видейко

Исследования микрохронологии крупных трипольских поселений

Keywords: Trypillia Culture, large sites, microchronology.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie, așezări mari, microcronologie.

Ключевые слова: трипольская культура, крупные поселения, микрохронология.

M. Yu. Videiko

Investigations of microchronology of large sites of Trypillia culture

Among the first questions, which appeared after the discovery of the large settlements 40 years ago was: did all houses exist at one time? After many years of investigations we can prove that the most of dwellings were settled at some stages of their existing. Another important thing is that the mega-sites had complicated history, which reflected on plans and archaeological data. This article is dedicated to history and main outcomes of the large sites microchronology studies.

M. Yu. Videiko

Cercetarea microcronologiei așezărilor tripoliene mari

Una dintre primele întrebări apărute în fața cercetătorilor așezărilor mari (cu suprafața de la 50–100 ha și mai mult) ale culturii tripoliene – a fost locuită oare sincron întreaga lor suprafață, construcțiile descoperite, au în față urmele valorificării treptate a teritoriului. Timp de câteva decenii de investigații arheologice au fost acumulate multe date, care permit clarificarea acestei probleme. Articolul este consacrat totalizării cercetărilor și determinării noilor perspective în diverse direcții. În baza datelor disponibile se poate considera că majoritatea construcțiilor în anumite etape ale existenței așezărilor erau locuite.

M. Ю. Видейко

Исследования микрохронологии крупных Трипольских поселений

Один из первых вопросов, который встал перед исследователями огромных (от 50–100 и более га площади) поселений трипольской культуры – была ли обитаема вся их территория, синхронны ли выявленные постройки, или перед ними следы разновременного освоения их территории. За несколько десятилетий исследований накоплено немало данных, позволяющих дать ответы на этот вопрос. Эта статья посвящена подведению итогов исследований и определению их перспектив по различным направлениям. На основании имеющихся данных можно утверждать, что большинство построек на определенных этапах существования поселений были заселены.

Авторы современных разработок вопросов микрохронологии используют математическое моделирование в сочетании с данными раскопок (Дяченко 2008; 2010в), радиоуглеродное датирование (Rassamakin, Menotti 2011). Они пришли к выводам о неодновременности существования построек на поселении, наличии «заброшенных домов», хронологических фаз. Следует отметить, однако, что подобные выводы были сделаны еще в 70–90-е годы XX века.

Впервые об этапах возникновения и развития крупных поселений, исходя из анализа аэрофотоснимков, заявил К.В. Шишкин. Он отмечал, что на снимке составные части поселения Доброводы были переданы однотонно,

что могло свидетельствовать об относительной одновременности его застройки и гибели. Поселение Тальянки перестраивалось несколько раз, начиная с северо-западной части, и лишь потом достигло значительных размеров (Шишкин 1973: 37).

В начале исследований крупных поселений была озвучена гипотеза о постепенном их «развитии» путем последовательного наращивания числа рядов-овалов построек от поколения к поколению – от центра поселения к краям (Шмаглий 1980). В то время не было известно, сколько времени в целом могло существовать такое поселение. После того, как в Майданецком и Тальянках были раскопаны несколько десятков построек

ек и других объектов, получены материалы для построения относительной хронологии памятников томашевской группы (Круц, Рижов 1985) и данные археомагнитного и радиоуглеродного датирования, появились наконец основания для того, чтобы определять время существования таких поселений отрезком в целом не более ста лет. Моделирование же процессов природного прироста населения в сопоставлении с числом построек в каждом очередном овале и вероятным временем существования поселка показало нереальность подобной модели.

В 80-е годы XX века была предпринята попытка построения микрохронологии на основании археомагнитных датировок (работы Г.Ф. Загния). По материалам из Тальянок и Майданецкого были выявлены определенные вариации в пределах 50–150 лет в датировке отдельных построек. В случае с Майданецким было получено 20 археомагнитных дат, охватывавших XXIX–XXVII вв. (даты – условные, без реальной привязки к абсолютной шкале). Однако эти данные в ряде случаев противоречили данным раскопок, так как по-разному датировались остатки строений, представлявших собой единый комплекс, функционировавший одновременно (Шмаглий, Видейко 1990).

Что касается радиоуглеродных дат, то с крупных поселений их к настоящему времени получено более 40. В том числе с четырех памятников этапа СІ (один из них определен, как переходный от ВІІ к СІ) получено 15 определений, из них 11 – для Тальянок. В целом, за исключением двух дат – Ki-2012 и Ki-15994, они охватывают период от рубежа V–IV тыс. до н.э. до начала второй половины IV тыс. до н.э. продолжительностью в 500–700 лет. Следует отметить, что даты Ki-2012 и Ki-15994 соответствуют серии дат по керамике, полученных для поселения Шарин, относящегося к косеновской группе Триполья СІІ. Они в целом относятся ко второй половине IV тыс. до н.э. и соответствуют хронологическому месту этапа СІІ. Такая ситуация не согласуется с археологической периодизацией.

Серия дат с поселения Тальянки стала поводом для специального исследования проблемы соответствия радиоуглеродных дат археологической хронологии памятников, установленной на основании изучения керамических комплексов, а также попыток установления микрохронологии поселения Тальянки, а заодно и всех подобных памятников Ю.Я. Рас-

самакиным и Ф. Менотти (Rassamakin, Menotti 2011: 645–657). К сожалению, авторы этого исследования использовали лишь 13 определений из двух памятников (11 для Тальянок и 2 для Майданецкого), не обратив внимания на весьма многочисленные даты для других трипольских поселений этапов ВІІ и СІ, как это сделал в свое время, к примеру, Т.М. Ткачук (Ткачук 2003: 170–173).

Т.М. Ткачук пришел к выводу о том, что применение радиоуглеродного датирования создает, в данном случае, парадокс в относительной хронологии, построенной на основании эволюционного изменения форм и орнаментации посуды: керамический комплекс, который по морфологическим и стилистическим признакам керамики отнесен к третьей фазе томашевской группы этапа СІ, на основании радиоуглеродных дат, по керамическим импортам и заимствованным знакам расписной орнаментации может быть отнесен к этапу СІІ (Ткачук 2003: 173).

Если бы эти выводы, как и другие противоречивые даты, были учтены Ю.Я. Рассамкиным и Ф. Менотти, то перед ними, в первую очередь, встал бы вопрос не столько о выявлении микрохронологии поселения Тальянки с использованием радиоуглеродных датировок, или соответствия дат С14 относительной хронологии, установленной по керамическим комплексам, сколько о причинах разброса дат с одного поселения более чем на 500 лет (Rassamakin, Menotti 2011: 654–655, fig. 4), причем с полным охватом интервала сразу двух этапов: Триполья ВІІ и СІ (Рижов 2007: 456–466). В связи с несоответствием радиоуглеродных датировок и археологической периодизации трипольской культуры необходимо подчеркнуть, что последняя в целом базируется не только на типологии керамики, но и на синхронизации памятников на основании взаимных «импортов» и стратиграфических наблюдениях.

В ситуации с абсолютными датами из Тальянок было бы логичнее обратить внимание на происхождение и характер образцов, использованных для получения определений. Так, «поздний горизонт» поселения Тальянки выделен на основании четырех датировок, полученных *только* по костям животных, происходящих из построек. В то же время «ранний горизонт» обосновывается датами, полученными по образцам как из костей животных (определения – Киевской лаборатории), так и по углю и пеплу, полученным из *культурного*

слоя поселения (все проанализированы в Оксфорде).

Наиболее ранние даты связаны с пробами пепла (ОхА-19840 и ОхА-22348). Но этот пепел мог быть связан с последствиями хозяйственной деятельности – выжиганием участков для полей, предшествовавшей возникновению поселения в Тальянках. Наличие неподалеку довольно крупных памятников этапа VI–II (Веселый Кут и др.) и VII (Гордашевка, Небелевка), хронологическому положению которых вполне соответствуют полученные по пеплу из Тальянок датировки, это предположение вполне оправдывает.

Четыре более молодые даты для Тальянок из Киевской лаборатории, соответствуют датам для памятников с территории каневской группы Триполья С1 – Зелена Диброва и х. Незаможник, полученными в той же лаборатории. В то же время эти наиболее поздние даты Тальянок являются более ранними, чем даты для поселения Шарин, памятника косеновской группы этапа Триполья СII, сменяющей на данной территории томашевскую. Таким образом, учитывая отнесение Тальянок к третьей фазе томашевской группы Триполья С1, именно даты Киевской лаборатории выглядят более соответствующими археологической хронологии, чем оксфордские.

Полученные в Оксфорде даты фактически заставляют относить постройки №№ 40–44 Тальянок к финалу этапа VII, то есть ко времени существования небелевской группы, предшествовавшей томашевской в буго–днепровском междуречье, что выглядит совершенно невероятным с точки зрения сопоставления керамических комплексов Тальянок и Небелевки.

По мере получения более-менее значительных пакетов С14 дат по отдельным памятникам, встанет вопрос относительно их корректности, особенно в соотношении с относительной хронологией, установленной на основании изучения как стратиграфии, так и типологического анализа керамических комплексов, что должно было стать понятным археологами уже в 80-е годы XX века после публикации серии дат для поселения Шкаровка (Телегін 1985: 11). Даты, не соответствующие археологической хронологии, были получены в 2004 г. для поселения Ольговец (Ковалюх, Скрипкін, Відейко 2007: 76). Возникает

вопрос о причине заметного омоложения – в особенности на фоне упомянутых датировок для поселения Шарин, относящегося к той же косеновской группе, причем омоложенными выглядят даты, полученные как по костям животных, так и по керамике.

Датирование образцов в виде угля и костей животных, как показано выше, очень часто дает датировки с очень большим разбросом значений. В то же время датирование углерода, содержащегося в обмозке построек и керамике, в том числе так называемой «столовой» (Ковалюх, Скрипкін, Відейко 2007), выглядит методически более предпочтительным, однако к настоящему времени это направление все еще не получило должного развития.

Данные радиоуглеродного датирования, соотнесенные с археологической периодизацией, позволяют делать предположения о продолжительности отдельных хронологических фаз, выделенных исследователями для локальных групп Триполья в буго–днепровском междуречье – владимировской, небелевской, томашевской и косеновской. Общая протяженность периода существования памятников этапов VII и С1, которая установлена с помощью радиоуглеродного датирования, может составлять от 500 до 700 лет. Для последовательно сменявших друг друга локально-хронологических групп было выделено 7 фаз (Круц, Рижов 1985). В последнее время предложено выделение 10 фаз (Дьяченко 2010: 45, табл. 5). Таким образом, минимальная продолжительность одной фазы могла составлять от 50 до 80–90 лет. В то же время, минимальные доверительные интервалы полученных до настоящего времени радиоуглеродных дат составляют от ± 29 до ± 33 лет, большинство же их находится в пределах от ± 80 до ± 90 лет. Следовательно, доверительная погрешность датировок зачастую превышает вероятную продолжительность отдельных фаз. Таким образом, радиоуглеродный метод на современном этапе его разработки не может быть использован для решения вопросов внутренней хронологии крупных трипольских поселений.

Планы поселений по данным магнитной съемки, полученные в последнее время, позволяют привлечь для решения этой проблемы дополнительные данные (Бурдо и др. 2012,

Charman, Videiko 2011). Археологические раскопки на протяжении десятилетий были связаны с площадками и ограниченным пространством вокруг них, ограниченным одним-двумя метрами от границ завалов обожженной глины. Однако на новых планах поселений Майданецкое, Небелевка и Тальянки выявлено значительное число прямоугольных аномалий, не содержащих (или почти не содержащих) обожженной обмазки. В Небелевке на участке площадью 15 га выявлены следы 10 таких объектов наряду с 60 аномалиями от обычных площадок, что составляет 14% от общего числа аномалий от строений (Charman, Videiko 2011: 80; fig. 2; рис. 1).

Рис. 1. План участка поселения Небелевка, стрелками обозначены «тени» от построек.

Fig. 1. Nebelivka, plan of the part of mega-site. “Shadows” of houses marked by arrows.

На новых планах поселений по данным магнитной съемки также насчитывается значительное количество аномалий от объектов, которые могут быть интерпретированы, как ямы или насыщенные участки культурного слоя. Рядом с каждой площадкой их можно насчитать от 1 до 3 и более (рис. 1). Упомянутые «тени» от построек и ямы отражают как достаточно сложную структуру поселения, так и историю его развития, несомненно, являясь свидетельствами продолжительного освоения территории.

Сравнение находок из ям и перекрывавших их либо расположенных вблизи сожженных жилищ, не выявило убедительных различий, которые могли бы свидетельствовать об их одновременности. Исключение составляет поселение Березовка (Березовская ГЭС) площадью около 10 га. Здесь, по утверждениям исследователей, выявлены не только случаи стратиграфии, но и различия в материале, позволившие выделить 6 этапов существования поселка (Цыбесков 1971: 189–190), или 4 горизонта (Цвек 2006: 18), правда в обоих случаях в пределах одной фазы – Триполья VI–Кукутень A3. Однако до подробной публикации материалов этих раскопок трудно судить о правомерности подобных выводов.

Во время раскопок в Майданецком были зафиксированы случаи стратиграфии. Прежде всего, речь идет о находках остатков сожженных построек в заполнения ряда ям (рис. 2). Подобные находки зафиксированы

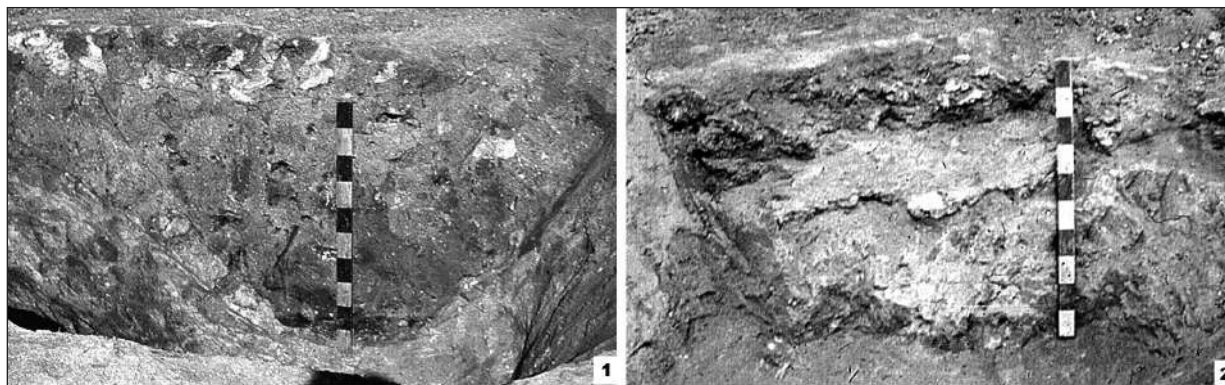

Рис. 2. Майданецкое, разрезы ям, в заполнении которых присутствует обожженная обмазка от более ранних построек.

Fig. 2. Maydanetske, cross-sections of pits with burnt clay from destroyed houses.

в центральной части (яма у комплекса «К»), первом овале (комплекс «Ж», яма VI), втором овале: ямы под комплексами «Я», № 2 и др. (рис. 3).

Это позволяет утверждать, что первоначально на месте будущего крупного поселения в Майданецком, в разных его частях, были построены и какое-то время существовали отдельные жилища (или группы жилищ), ко-

торые были сожжены перед тем, как было начато строительство овальных планировочных структур (Шмаглий, Видейко 1990: 91–94; Шмаглий, Видейко 2001–2002: 116–122). О таком развитии поселения свидетельствует наличие построек, которые были сожжены еще до окончания жизни поселка, а также засыпанные ямы, на месте которых сооружались новые дома (рис. 2–3).

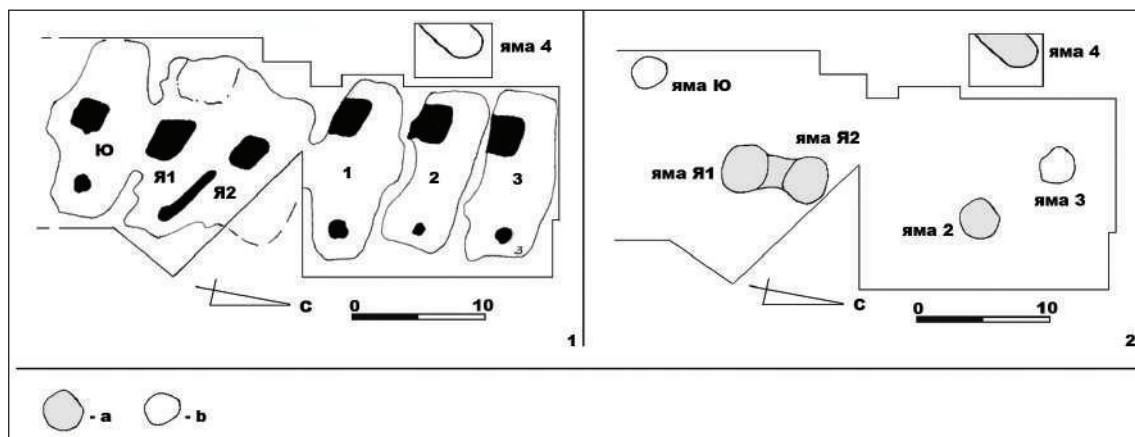

Рис. 3. Майданецкое, участок поселения, на котором обнаружены ямы с обмазкой и ямы из «раннего» горизонта. 1 – на уровне залегания остатков сгоревших построек; 2 – после разборки завала обмазки. Условные обозначения: а – ранние ямы; б – ямы современные остаткам построек на этом участке.

Fig. 3. Maydanetske, part of the site with pits from the “early” horizon: 1 – level of burnt houses; 2 – level of pits. Symbols: а – early pits; б – pits which coexisted with dwellings.

К аналогичному выводу пришли исследователи, изучавшие котлован 2 в Тальянках, расположенный в промежутке между жилищами. В нем находки залегали в отдельных 14 углублениях и горизонтах. Они указывают, что материал, полученный в ходе раскопок «однороден» и типичен для большинства жилищ на поселении, а хронологических различий между горизонтами залегания материала не выявлено (Круц и др. 2005: 27), хотя материал, найденный «на древнем горизонте» вокруг остатков жилищ никак с находками из жилищ не сопоставляется (Круц и др. 2005: 11).

Типологический и стилистический анализ керамики из всех исследованных на то время объектов позволил еще в 1990 г. исследователям Майданецкого прийти к выводу о вероятности одновременного существования боль-

шинства жилищ (Шмаглий, Видейко 1990: 92–93). В 1990 г. результаты сравнительного исследования керамических материалов из 18 построек, раскопанных к тому времени на поселении Тальянки (третья фаза томашевской группы) были опубликованы С.Н. Рыжовым (Рыжов 1990: 83–90).

Сопоставления и подсчеты были им проведены по 16 формам сосудов и 18 основным орнаментальным схемам, выделенным для расписной керамики, с распределением керамики на кухонную и столовую (расписную), учтено около 5000 находок – целые и реставрированные сосуды, фрагменты, «поддающиеся реконструкции». Подсчеты показали в целом совпадение между наборами керамики по отдельным жилищам.

Отличия были выявлены для жилища №2. Всего на рис. 2 (Рыжов 1990: 89) приведены

изображения 25 сосудов из этого жилища, однако общее их число в статье не указано, поэтому сложно определить величину выборки и оценить результаты подсчетов, состоявшие в расхождении по количеству сосудов 5 форм (из 15). По орнаментальным схемам они составили 5 из 11 позиций, поэтому был сделан вывод о том, что «часть сосудов указывала на более раннее время бытования жилища №2 (Рыжов 1990: 87).

Сопоставление керамики из жилища №2 с материалами постройки, раскопанной ранее на поселении Чичирковка (вторая фаза томашевской группы), позволило С.Н. Рыжову прийти к выводу о том, что «жилище №2 занимает промежуточное положение между памятниками предыдущей фазы и подавляющим большинством жилищ тальянковского поселения». Это означает: в жилище №2 поселения Тальянки наряду с «архаичными» были найдены образцы сосудов и орнаментов, вполне типичные и для финальной стадии Тальянок, т.е. третьей фазы томашевской группы, и их число составляло от 67% до 55% соответственно.

Было также отмечено, что «к материалам жилища №2 приближается посуда жилища №3», что дало основание объединить их в один, «более ранний этап застройки поселения», остальные постройки, в том числе находящиеся в одном ряду, отнесены к «последующему» этапу (Рыжов 1990: 87, рис. 2–3).

Следует подчеркнуть: С.Н. Рыжов полагал, что первоначально были сооружены постройки внутренней части поселения и по «внутреннему кругу», а на «втором этапе вводились постройки по внешним кругам», однако на «заключительном этапе все постройки функционировали одновременно» – вплоть до гибели поселения (Рыжов 1990: 87). Таким образом, фактически речь идет о трех этапах функционирования поселения в Тальянках. Эти исследования свидетельствуют о вероятности более раннего времени строительства двух жилищ из 18 (то есть менее 10% к исследованному числу), однако функционирование всех раскопанных построек на заключительном этапе существования поселения в Тальянках не ставилось под сомнение.

Дальнейшие исследования в Тальянках позволили прийти к выводам о существовании «позднейших» построек 43 и 44 (Круц и др. 2010: 27). Кроме того, отмечалась синхронность многих площадок, в том числе 40-41-42, занимавших «единую хронологическую позицию с ранее исследованными жилищами» (Круц и др. 2009: 44).

Таким образом, изучение керамического материала подтвердило выводы о постепенном возникновении крупных поселений в Майданецком и Тальянках, сделанные ранее на основании фактов стратиграфии. Важным также представляется вывод о наличии заключительного этапа в жизни поселения.

Большинством исследователей признан факт ритуального сожжения построек, вполне обоснованным выглядит предположение об одновременном уничтожении в пламени пожара всех существовавших на момент гибели поселения строений, независимо от того, были они к этому моменту обитаемы или нет. Остановка за тем, чтобы выявить эти необитаемые строения в процессе раскопок.

Действительно, наличие построек на плане еще не свидетельствует об их синхронности (Дяченко 2008а: 12). Однако об их синхронности на определенный момент существования поселения свидетельствует в первую очередь положение в структуре поселения, а именно включение в состав планировочных структур типа эллипсов, улиц, кластеров построек, создание которых могло быть исключительно единовременным актом.

Независимо от того, являлись ли овалы застройки оборонительными структурами или нет, они отражают процесс создания поселения в соответствии с определенной и весьма устойчивой традицией, предполагавшей определенное расположение строений (улицы, эллипсы). Поскольку в большинстве случаев, как показывают не только данные магнитной съемки, но и раскопки, эти планировочные структуры были составлены преимущественно из групп построек, в том числе связанных конструктивно, то одновременное существование таких участков представляется очевидным (рис. 4).

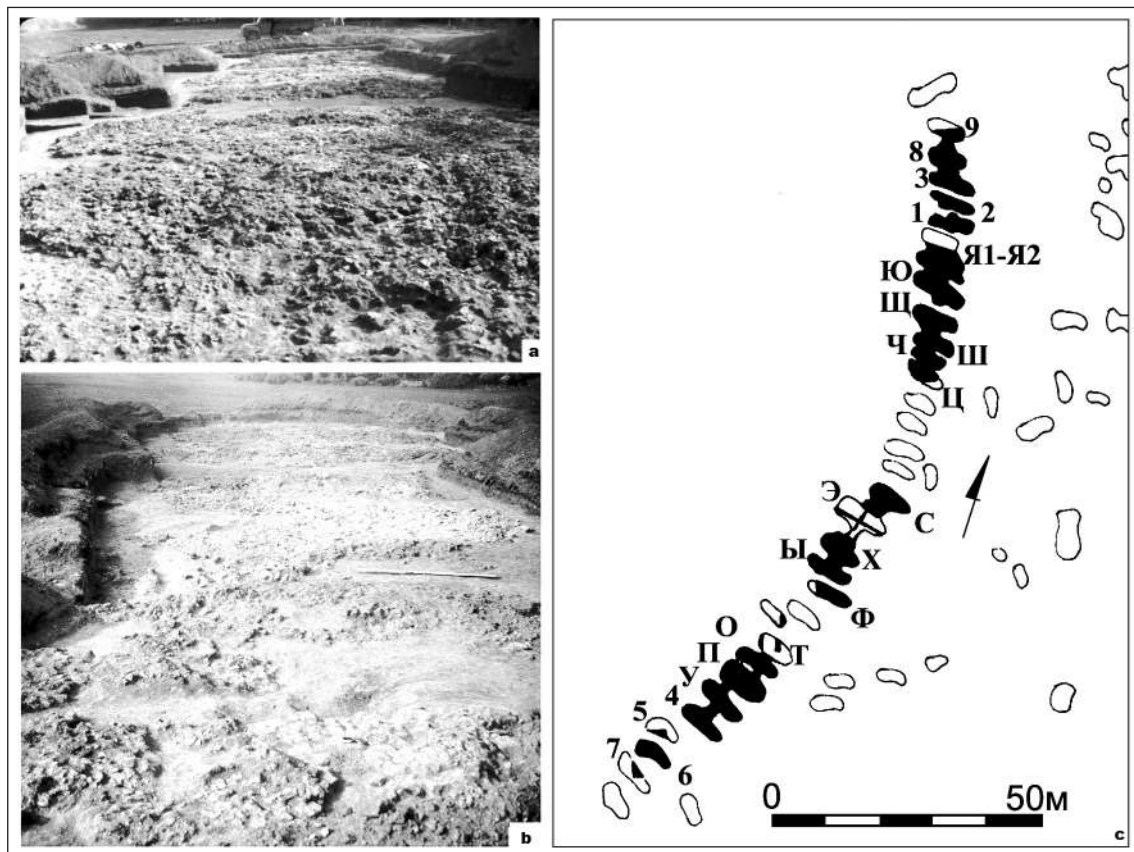

Рис. 4. Майданецкое, участок со сплошной синхронной застройкой (второй от центра овал, раскопки 1986-1991 гг.): 1-2 – в раскопе остатки 7 построек подряд; 3 – план участка раскопок, совмещенный с планом по данным магнитной съемки. Буквами и цифрами на плане обозначены исследованные постройки.

Fig. 4. Maydanetske, part with systematic building up, explored at 1986-1991: 1-2 – seven houses constructively connected; 3 – plan of the area, explored objects marked by letters and numbers.

Учитывая постепенность возникновения поселка, фиксируемую стратиграфическими наблюдениями в Майданецком и Тальянках, а также данными современной магнитной съемки, в настоящее время нет никаких сомнений в наличии определенной микрохронологии, а также определенных этапов в существовании поселений-гигантов. Ниже предлагается одна из возможных моделей, отражающая этапы развития крупного поселения, основанная на результатах комплексных исследований.

Этап 1 связан с освоением территории, на которой впоследствии возникает поселение, жителями близлежащего поселка, готовившими себе новое местожительство после ритуального сожжения своего старого поселения. На этом этапе на территории будущего поселения строятся и функционируют отдельные

дома. Возможно, возникновение этих построек связано с подготовительными (заготовка стройматериалов) работами по строительству крупного поселения, а также разбивкой на местности плана будущего поселка. Первый этап завершался ритуальным сожжением домов. На площади поселения в Майданецком стратиграфические наблюдения позволили зафиксировать несколько пунктов, где были постройки первого этапа. Вероятно, о существовании первого этапа в заселении Майданецкого и Тальянок могут свидетельствовать также выявленные на геомагнитных планах ямы, находящиеся вне системы застройки в виде эллипсов и улиц.

Этап 2. Строительство поселения по единому плану, предусматривавшему эллиптические структуры, улицы, состоявшие из групп

домов, вероятно отражавшие внутреннюю социальную структуру. Можно предположить, что застройка осуществлялась поэтапно, о чем свидетельствует разница в керамических комплексах жилищ № 2 и № 3 в Тальянках, обнаруженная С.Н. Рыжовым.

Этап 3 был завершающим в жизни поселения, когда стояли все постройки, выявленные геомагнитной съемкой. Возможно, часть их была заброшена, о чем свидетельствуют видимые на геомагнитном плане начатые и незавершенные овалы и улицы, аномалии-«тени», предположительно являющиеся следами не сожженных построек. Вероятно, на этом этапе начинается освоение территории будущего поселения на новом месте, поскольку завершение жизни поселения связано с его уничтожением в пламени ритуального пожара.

Вероятно, ритуал оставления поселения предполагал сожжение всех построек. При этом каждый дом подготавливался соответствующим образом: в нем расставлялся определенный инвентарь, по предположению В.А. Круца производилось ритуальное разрушение деталей интерьера – «умерщвление» очага как «сердца» дома, постройки загружались дополнительным топливом (Круц 2003).

Приведенные выше данные и их интерпретации соответствуют нынешним представлениям о характере поселений-гигантов трипольской культуры. По мере развития международных научных программ, выполняемых в настоящее время (Бурдо и др. 2012; Chapman, Videiko 2011) должны быть получены более многочисленные и качественные данные для решения этой проблемы.

Литература

- Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю., Чабанюк В.В., Рассманн К., Гаусс Р., Петерс Д., Лютц Ф. 2012. Широкомасштабная геомагнитная съемка в Майданецком: современные технические решения в изучении трипольских мега-поселений. *Stratum plus* (2), 265–286.
- Дяченко А.В. 2008а. Крупные поселения в системе относительной хронологии западнотрипольских памятников Буго-Днепровского междуречья. В: *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. Випуск 8. Луганськ, 10–19.
- Дяченко О.В. 2008б. Динаміка змін чисельності населення володимирівсько-томашівської лінії розвитку західнотрипільської культури. *Археологія* (4), 9–17.
- Дяченко А.В. 2010. Эвстатические колебания уровня Черного моря и динамика развития населения кукутень-трипольской общности. *Stratum plus* (2), 37–48.
- Ковалюх М.М., Скрипкін В.В., Відейко М.Ю. 2007. Особливості радіовуглецевого датування давньої археологічної кераміки. В: *Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича*. Київ, 71–78.
- Круц В.А. 2003. Трипольские площадки – результат ритуального сожжения домов. В: *Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції*. Київ, 74–76.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н., Бузян Г.Н., Овчинников Э.В., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. 2005. *Исследование поселений-гигантов трипольской культуры в 2002–2004 гг.* Киев.
- Круц В., Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф., Рыжов С., Толочко Д., Чабанюк В. 2009. *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2009 г.* Киев.
- Круц В.В., Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф., Рыжов С., Черновол Д.К., Чабанюк В. 2010. *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2010 г.* Киев.
- Круц В.О., Рыжов С.М. 1985. Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської груп. *Археологія* (5), 45–56.
- Рыжов С.Н. 1990. Микрохронология трипольского поселения у с. Тальянки. В: *Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине*. Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки–Веселый Кут–Майданецкое. Киев, 83–90.
- Рыжов С.М. 2007. Сучасний стан вивчення культурно– історичної спільності Кукутень– Трипільля на території України. В: Веремейчик О. (ред.): *Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича*. Київ, 437–477.
- Ткачук Т.М. 2003. Великі поселення томашівської групи у світлі радіокарбонного датування. В: *Трипільські поселення-гіганти*. Матеріали міжнародної конференції. Київ, 170–174.

- Цвек О.В. 2006. *Поселення східнотрипільської культури (короткий нарис)*. Київ.
- Цыбесков В.П. 1971. Некоторые итоги исследования Березовского поселения. *МАСП* 7, 187–192.
- Шишкін К.В. 1973. З практики дешифрування аерофотознімків у археологічних цілях. *Археологія* (10), 32–41.
- Шмаглий Н.М. 1980. Крупные трипольские поселения в междуречье Днестра и Южного Буга. В: *Первобытная археология – поиски и находки*. Киев, 198–203.
- Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. 1990. Микрохронология поселения Майданецкое. В: *Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине*. Тез. докл. I полевого семинара. Киев, 91–94.
- Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. 2001–2002. Майданецкое – трипольский протогород. *Stratum plus* (2), 44–140.
- Chapman J., Videiko M. 2011. The Trypillia culture mega-site near Nebelivka: summer 2009 season. *Praehistorica* XXIX. Prague, 79–94.
- Rassamakin Yu., Menotti F. 2011. Chronological development of the Tripolye Culture Giant–Settlement Talianki: 14C dating vs Pottery Typology. *Radiocarbon* 53 (4), 645–657.

References

- Burdo, N. B., Videiko, M. Iu., Chabaniuk, V. V., Rassmann, K., Gauss, R., Peters, D., Liutts, F. 2012. *Shirokomasshtabnaia geomagnitnaia s'emka v Maidanetskom: sovremennyye tekhnicheskie resheniia v izuchenii tripol'skikh mega-poselenii (Large-scale geomagnetic survey in Maidanetskie: modern technical solutions in the study of the Tripolian mega-settlements)*. *Stratum plus* (2), 265–286 (in Russian).
- Diachenko, A. V. 2008a. *Krupnye poseleniia v sisteme otноситel'noi khronologii zapadnotripol'skikh pamiatnikov Bugo-Dneprovskogo mezhdurech'ia (Large settlements in the system of relative chronology of the Western Tripolian sites in the Bug-Dnieper interfluvium)*. In *Materiali ta doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukraini (Materials and Researches on the Archaeology of Eastern Ukraine)*. Edition 8. Lugansk, 10–19 (in Russian).
- Diachenko, O. V. 2008b. *Dinamika zmin chisel'nosti naselennia volodimiriv's'ko-tomashiv's'koi linii rozvitku zakhidnotripil's'koi kul'tury (Dynamics of population changes of the Volodimirivka-Tomashivka line of the Western Tripolian culture development)*. *Arkheologiya (Archaeology)* (4), 9–17 (in Ukrainian).
- Diachenko, A. V. 2010. *Evstatische kolebaniia urovnia Chernogo moria i dinamika razvitiia naseleniia kukuten'-tripol'skoi obshchnosti (Eustatic fluctuations of the Black Sea level and dynamics of the development of the Cucuteni-Tripolie community population)*. *Stratum plus* (2), 37–48 (in Russian).
- Kovaliukh, M. M., Skripkin, V. V., Videiko, M. Iu. 2007. *Osoblivosti radiovugletseвого datuvannia davn'oi arkheologichnoi keramiki (Features of the radiocarbon dating of ancient archaeological ceramics)*. In *Tripil's'ka kul'tura. Poshuki, vidkrittia, svitovii kontekst. Do 100-richchia iz dnia narodzhennia O. Ol'zhicha (Tripolian culture. Search, discoveries, global context. To the 100th anniversary of the birth of O. Ol'zhich)*. Kiev, 71–78 (in Ukrainian).
- Kruts, V. A. 2003. *Tripol'skie ploschadki – rezul'tat ritual'nogo sozhzheniia domov (Tripolian sites - the result of the ritual burning of houses)*. In *Tripil's'ki poseleniia-giganti. Materiali mizhnarodnoi konferentsii (Tripolian giant-settlements. Proceedings of the International Conference)*. Kiev, 74–76 (in Russian).
- Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Ryzhov, S. N., Buzian, G. N., Ovchinnikov, E. V., Chernovol, D. K., Chabaniuk, V. V. 2005. *Issledovanie poselenii-gigantov tripol's'koi kul'tury v 2002-2004 gg. (Study of the Tripolian culture giant-settlements in 2002-2004)*. Kiev (in Russian).
- Kruts, V., Korvin-Piotrovskii, A., Menotti, F., Ryzhov, S., Tolochko, D., Chabaniuk, V. 2009. *Tripol'skoe poselenie-gigant Tal'ianki. Issledovaniia 2009 g. (Tripolian giant-settlement of Talianki. Research of 2009)*. Kiev (in Russian).
- Kruts, V., Korvin-Piotrovskii, A., Menotti, F., Ryzhov, S., Chernovol, D. K., Chabaniuk, V. 2010. *Tripol'skoe poselenie-gigant Tal'ianki. Issledovaniia 2010 g. (Tripolian giant-settlement of Talianki. Research of 2010)*. Kiev (in Russian).
- Kruts, V. O., Rizhov, S. M. 1985. *Fazi rozvitku pam'iatok tomashiv's'ko-sushkiv's'koi grupp (Development phases of the sites of the Tomashivka-Sushkivka groups)*. *Arkheologiya (Archaeology)* (5), 45–56 (in Ukrainian).
- Ryzhov, S. N. 1990. *Mikrokhronologiya tripol'skogo poseleniia u s. Tal'ianki (Micro-chronology of the Tripolian settlement near the village of Talianki)*. In *Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine. Tezisy dokladov I polevogo seminar. Tal'ianki–Veselyi Kut–Maidanetskie (Early agricultural giant-settlements of the Tripolian culture in Ukraine. Abstracts of the I Field Seminar. Talianki-Veselyi Kut-Maidanetskie)*. Kiev, 83–90 (in Russian).

Rizhov, S. M. 2007. *Suchasnyi stan vivchennia kul'turno–istroichnoi spil'nosti Kukuten'– Tripillia na teritorii Ukraini (Current state of the study of the Cucuteni-Tripolie cultural-historical community in Ukraine)*. In Veremeichuk O. (ed.): *O. Ol'zhich. Arkheologiiia (Archaeology)*. Kiev, 437–477 (in Ukrainian).

Tkachuk, T. M. 2003. *Veliki poselennia tomashivs'koi grupi u svitli radiokarbonnogo datuvannia (Large settlements of the Tomashivka group in the light of radiocarbon dating)*. In *Tripil's'ki poselennia-giganti. Materiali mizhnarodnoi konferentsii (Tripolian giant-settlements. Proceedings of the International Conference)*. Kiev, 170–174 (in Ukrainian).

Tsvek, O. V. 2006. *Poselennia skhidnotripil's'koi kul'turi (korotkii naris) (Settlements of the Eastern Tripolian Culture (short essay))*. Kiev (in Ukrainian).

Tsybeskov, V. P. 1971. *Nekotorye itogi issledovaniia Berezovskogo poseleniia (Some results of the research on the Berezovska settlement)*. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea Region)* (7), 187–192 (in Russian).

Shishkin, K. V. 1973. *Z praktiki deshifruvannia aerofotoznmkiv u arkheologichnikh tsiliakh (From the practice of deciphering aerial photographs for archaeological purposes)*. *Arkheologiiia (Archaeology)* (10), 32–41 (in Ukrainian).

Shmaglii, N. M. 1980. *Krupnye tripol'skie poseleniia v mezhdurech'e Dnepra i Iuzhnogo Buga (Large Tripolian settlements in the Dnieper and Southern Bug interfluvium)*. In *Pervobytnaia arkheologiiia – poiski i nakhodki (Prehistoric archaeology - search and findings)*. Kiev, 198–203 (in Russian).

Shmaglii, N. M., Videiko, M. Iu. 1990. *Mikrokhronologiiia poseleniia Maidanetskoe (Micro-chronology of the Maidanetskoe settlement)*. In *Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine. Tezisy dokladov I polevogo seminaru (Early agricultural giant-settlements of the Tripolian culture in Ukraine. Abstracts of the I Field Seminar)*. Kiev, 91–94 (in Russian).

Shmaglii, N. M., Videiko, M. Iu. 2001-2002. *Maidanetskoe – tripol'skii protogorod (Maidanetskoe - a Tripolian proto-city)*. *Stratum plus* (2), 2001-2002, 44–140 (in Russian).

Видейко Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины; e-mail: wideiko@gmail.com

Александр Дяченко

Палеодемографические реконструкции Кукутень-Трипольского населения: современное состояние, проблемы и перспективы

Keywords: Cucuteni-Tripolye cultural complex, paleodemography, population estimates, settlements, simulations.
Cuvinte cheie: complexul cultural Cucuteni-Tripolie, paleodemografia, estimări ale populației, așezări, simulări.
Ключевые слова: Кукутень-Трипольский культурный комплекс, палеодемография, оценки численности населения, поселения, моделирование.

Aleksandr Diachenko

Paleodemographic reconstructions of the populations of the Cucuteni-Tripolye cultural complex: current state, problems and perspectives

This paper deals with the current state, problems and perspectives of the reconstruction of size, density and growth rates of the populations of the Cucuteni-Tripolye cultural complex. Different values of the coefficients and variables that are being used in calculations are multiplied by the absence of the representative anthropological samples. Formulation of the analytical procedure that includes polyvariant hypothesis regarding the sex-age structure of the populations, mathematical simulations of the development of a family and population growth seems to be a perspective task for further studies.

Aleksandr Diachenko

Reconstituiri paleodemografice pentru populația culturii Cucuteni-Tripolie: starea actuală, probleme și perspective

În lucrare se examinează situația actuală, problemele și perspectivele calculării numărului, densității și temporilor creșterii populației complexului cultural Cucuteni-Tripolie. Divergențele serioase în privința valorilor variabilelor și constantelor se complică prin lipsa selecțiilor antropologice pentru reconstituirea structurii de sex și vârstă într-un spectru larg spațial și cronologic. Perspectiva reconstrucțiilor ulterioare pe baza materialelor din așezări se prezintă prin crearea unei proceduri analitice constând din mai multe etape, care ar lega ipotezele cu multiple variante despre structura sex-vârstă a populației, modelele matematice de dezvoltare a familiei și creștere a populației.

Александр Дяченко

Палеодемографические реконструкции Кукутень-Трипольского населения: современное состояние, проблемы и перспективы

В работе рассмотрены современное состояние, проблемы и перспективы расчетов численности, плотности и темпов прироста населения Кукутень-Трипольского культурного комплекса. Серьезные расхождения относительно значений переменных и постоянных осложняются отсутствием антропологических выборок для реконструкции половозрастной структуры в широком пространственном и хронологическом спектре. Перспектива дальнейших реконструкций по поселенческим материалам представляется в создании многоступенчатой аналитической процедуры, связывающей поливариантные гипотезы о половозрастной структуре населения, математические модели развития семей и роста населения.

Резюмируя 30-летие исследований в Тальянках, В.А. Круц отметил, что «за годы работы Трипольской экспедиции территория Буго-Днепровского междуречья стала настоящей лабораторией по изучению ... вопросов палеоэкономики и палеодемографии населения три-

польской культуры» (Круц 2011: 58). Данное мнение будет справедливым и для других регионов распространения памятников Кукутень-Трипольского культурного комплекса (КТКК). Благодаря широкому хронологическому диапазону и территориальному охвату, эти памят-

ники представляют собой прекрасный материал для тестирования математических моделей, а полноценное упорядочивание происходящих из них массовых источников попросту невозможно без применения формализовано-статистических методов. Особенное место в разработке и приложении аналитических процедур и количественных методов к археологическим источникам принадлежит работам В.А. Дергачева. В частности, методика анализа памятников в совокупности хронологических, территориальных и «генетических» связей между ними (Дергачев 1980) позволила Валентину Анисимовичу и его последователям создать гибкие хронологические схемы. Они стали основой для моделирования демографического развития, экономической деятельности, социально-политической организации и пространственного поведения населения КТКК.

Предлагаемая работа посвящена анализу современного состояния и перспектив изучения демографического развития Кукутень-Трипольского населения. Рассмотрены проблемы оценки числовых значений переменных и постоянных, использующихся в расчетах.

Палеодемографические реконструкции на материалах КТКК. Поскольку литература по проблемам палеодемографических реконструкций на материалах КТКК специально освещалась в последние годы (Шмаглій, Видейко 2001-2002: 112–115; Видейко 2012; 2013: 139-143; Preoteasa 2009 и др.), оправданным будет остановиться исключительно на познавательных задачах, ставившимися перед разными работами, и методике исследования. Основное внимание в расчетах уделялось численности населения отдельных поселений и отдельных регионов распространения КТКК, плотности населения и темпам его роста.

Едва ли не все палеодемографические методы, известные в археологии и антропологии (Hassan 1981: 63–94; Chamberlain 2006: 126–132), применялись для анализа Кукутень-Трипольских памятников. Ввиду практически полного отсутствия могильников с обрядом ингумации, основным источником в расчетах численности населения служат поселения. Количество их жителей (P) традиционно определяется как:

$$P = dSP_h, \quad (1)$$

где d – плотность застройки поселения (число построек на 1 га площади), S – площадь памятника, P_h – среднее число жителей одного дома.

Иногда в формулу 1 также добавляют дополнительный поправочный коэффициент, позволяющий рассчитать ориентировочное количество построек, функционировавших синхронно (Колесников, Ткачук 1993; Колесников 1995; Дяченко 2010: 120–121; Тарапата, в печати).

«Проблемными» переменными уравнения 1 являются площадь памятника и среднее число жителей одного дома. В связи с недавней дискуссией относительно оценки первого показателя (Дяченко 2010: 78–82; Видейко 2012: 249–250; 2013: 141–142), данная проблема была рассмотрена отдельно в рамках эвклидовой, начертательной и фрактальной геометрии (Дяченко, в печати). Поэтому остановимся на оценках среднего количества жителей одной постройки.

Один из возможных вариантов расчетов искомого показателя, восходящий к известной работе Р. Наролла (Naroll 1956), заключается в оценке средней площади постройки, приходящейся на человека. Д. Монах предполагает, что в жилище размерами около 80 кв.м. могло жить от 8 до 14 человек (Monah 1982). А.Г. Корвин-Пиотровский (Колесников), ссылаясь на В.М. Массона, в своих расчетах исходил из показателя 5-6 кв.м. площади дома на человека (Колесников 1987; 1993: 36-38). Д.К. Черновол (неопубликованный доклад на I международном археологическом конгрессе им. И. Гереты, 2008 год) предложил оценивать не общую, а «полезную» площадь жилища – т.е. не принимать во внимание пространство, занятое деталями интерьера, и пространство, необходимое для их эксплуатации. Следуя этой идее, А.В. Дяченко и Д.К. Черновол рассчитали среднее количество жителей одного дома на поселении Тальянки как 1,8-3,1 человек. Однако в работе учтен лишний поправочный коэффициент (Дяченко, Черновол 2009: 10), от которого следует отказаться (Дяченко 2010: 124). Таким образом, значение искомого показателя «вырастает» до 2,7-3,9 человек. Впрочем, и эти цифры выглядят заниженными, как справедливо отмечает М.Ю. Видейко (2013: 141).

Среднее число жителей одного дома также рассчитывают через количественный состав нуклеарных семей. Значительный разброс фигурирующих в литературе оценок во многом обусловлен разной интерпретацией остатков жилищ. Например, у Т.С. Пассек и С.Н. Бибикова, «населявших» одну постройку несколькими нуклеарными семьями, среднее число жителей одного дома определяется в 20-30 человек или 15 человек соответственно (Пассек 1949: 148–150; Бибиков 1965: 52). У исследователей, связывающих большинство построек с отдельными нуклеарными семьями, значение данной переменной снижено как минимум вдвое.

Количественные показатели среднего состава семьи были заимствованы из этнографических источников или получены как результат моделирования. У С.Н. Бибикова и В.А. Круца значение этой переменной оценивается в 6-7 человек (Бибиков 1965: 52; Круц 1987: 133–135; 1989: 117–126). С.Н. Бибиков не объясняет данной цифры. Однако из логики теста следует, что она получена как частное от общего количества жителей поселения и суммарного количества печей Коломыйщины I, реконструированных по материалам раскопок: ~500/~80. Интересно отметить, что значение первого показателя почерпнуто из этнографии Доколумбовой Америки (Пассек 1949: 150). Значение же второго (Бибиков 1965: 49) является результатом интерпретации сильно ошлакованной обмазки межэтажных или чердачных перекрытий построек в качестве печей (Круц 1989; 2003; Chernovol 2012 и др.). В.А. Круц отмечает, что состав семьи в 6-7 человек также соответствует данным, приведенным для лесостепной зоны Украины в 20-х годах XVII века (Круц 1989: 124). Идентичные показатели легли в основу палеодемографических оценок трипольского населения Северной Молдовы В.М. Массона (1980). Расчеты среднего количества жителей одного дома, предложенные М.Ю. Видейко, базируются на соотношении одно- (90,8%) и двухкамерных (9,2%) построек, и составляют 6,6 человек. Численность семьи оценивается в 5-7 человек с модификациями, обусловленными интерпретацией остатков жилищ (Видейко 1992: 49).

Другим вариантом расчетов среднего состава семьи является математическое модели-

рование. А.Г. Корвин-Пиотровский предлагает цифры в 3,5-4,5 человека как среднее от минимальных и максимальных показателей, соответственно 2 и 7 человек (Колесников 1987: 69–70; 1993: 36–41). Немногим более высокие значения переменной, 3,9–4,7 человека, получены при моделировании развития семей во времени по материалам Выхватинского могильника (Дяченко 2010: 114-122). Хотя данный могильник является едва ли не единственным репрезентативным в ареале Кукутень-Триполья в отношении половозрастной структуры погребенных (Великанова 1975: 11–30; Дергачев 1978; Потехина 1999: 111–112), антропологические материалы все же вызывают сомнения касательно полноты отражения неонатальной и младенческой смертности (Кислый 2005: 63). Нельзя не согласиться с критикой М.Ю. Видейко относительно того, что использование выхватинских материалов для демографических реконструкций населения ЗТК в междуречье Южного Буга и Днестра не является вполне корректным ввиду хронологических и территориальных отличий (Видейко 2013: 143). Хотя Доколумбовая Америка является еще более далекой пространственной аналогией, а Киевское и Брацлавское воеводства XVII века – хронологической (см. выше), проблема стабильных и нестабильных популяций (Hastings 1997) при демографическом моделировании населения КТКК остается открытой.

Существенные расхождения в расчетах среднего количественного состава жителей одного дома стимулируют применение альтернативных методов оценки численности населения. Искомый показатель можно получить из экономического потенциала ресурсных зон поселений (Chamberlain 2006: 128–131). Соответствующие модели для памятников КТКК, скорее позволили критически рассмотреть уже имеющиеся палеодемографические реконструкции и поставили ряд новых вопросов (Николова 2002; Николова, Пашкевич, 2003; Gaydarska 2003; Видейко 2006; Harper 2011 и др.). Расчеты экономического потенциала содержат еще большее число переменных, оценка которых затруднительна и тяжела для проверки. Более того, тенденции демографического развития населения западнотрипольской культуры (ЗТК) в Среднем Побужье (Тарапата,

в печати) подтверждают тезис о том, что преисторические общества старались ограничивать свою численность в пределах гораздо более низких максимально возможной (Zubrow 1975: 1–13; Hassan 1981: 161–176; Milisauskas and Kruk 1989: 406; Strogatz 2000: 21–24). Последнее требует введения в модели еще одного поправочного коэффициента, рассчитать который представляется крайне затруднительным, исходя из сегодняшних знаний о демографическом развитии населения КТКК.

Плотность населения в регионе (D) определяется как отношение суммарной численности жителей в серии из n поселений к суммарной обитаемой площади:

$$D = \sum_{i=1}^n P_i / \sum_{i=1}^n T_i \quad (2)$$

Суммарная площадь региона обитания обычно приравнивается к общей площади анализируемого региона (Массон, Маркевич 1975; Массон 1980; Круц 1993 и др.). Альтернативным вариантом оценки данной переменной может служить сумма ресурсных зон поселений. Последний вариант расчетов недавно представлен Т.К. Харпером. Искомое значение он определил, итерировав окружность радиусом в 10 км для каждого из памятников, отмечая при этом, что для большинства поселений небольших размеров эта цифра явно завышена (Harper 2013). Добавим, что для макро-региональных исследований проблематичной является и сама итерация единственного значения ввиду региональных и хронологических особенностей ведения хозяйственной деятельности (Коробкова 1987). Еще более актуальной в расчетах плотности населения является проблема синхронизации памятников (Круц 1989; 1993).

На материалах развития крупного поселения Майданецкое предложены две оценки темпов прироста населения. По М.Ю. Видейко, среднегодовой прирост жителей данного поселения составлял 0,2–0,3% (Видейко 1992: 54–55). Заметим, что идентичные показатели можно получить из таблиц по моделированию состава семьи на материалах Выхватинского могильника (Дяченко 2010: Табл. 29–32). А.Е. Кислый предложил два варианта демо-

графического развития жителей Майданецкого. Согласно одному из них, темпы прироста жителей Майданецкого составляли около 2,5% (Кислый 1994; 2005: 104). Данное значение является сильно завышенным, и, если положенные в основу расчетов предположения о развитии поселения верны, прирост в 2,5% скорее является результатом постепенного переселения жителей более раннего поселения Тальянки в Майданецкое (Дяченко 2008; Rassamakin and Menotti 2011; Diachenko 2012: 123–124, Fig. 5.5). Не следует исключать и притока чечельницкого населения (Видейко 1991: 49; Ткачук 2005: 27–28). Согласно другому варианту, Майданецкое функционировало около 320 лет (Кислый 1994, 50). Этот вывод противоречит абсолютной и относительной хронологии томашевских поселений (Рыжов 2000; Rassamakin and Menotti 2011; Rassamakin 2012: 26–29).

Коротко охарактеризовав литературу по численности, плотности и темпам прироста населения КТКК, можем перейти к формулировке основных проблем и оценке перспектив работы в данном направлении.

Демографическое развитие населения КТКК: от проблем к перспективам. В зависимости от пространственного и временного разрешения конкретных исследований перспективы получения корректных значений переменных в демографических расчетах оцениваются по-разному. Д. Кларк выделяет три уровня пространственного распределения памятников: микроуровень, полу-микроуровень и макроуровень (Clarke 1977: 11–15).

Как правило, не имея могильников рядом с поселениями, мы не можем реконструировать и половозрастной состав жителей каждого из них. В связи с этим следует остановиться на проблеме, недавно обозначенной М. Порчичем. Работая с жилищем как палеодемографическим источником, мы часто забываем, что число жителей одного дома также меняется во времени, как и численность жителей поселения. Имея более-менее надежные данные для реконструкции хотя бы упрощенной стабильной популяции эти процессы можно моделировать (Рогиіж 2010; 2011; 2012). Таким образом, можно получить статистически вероятное число жителей построек в дискретном времени (Hastings 1997: 12–15).

При работе с поселениями отдельных регионов в динамике их развития проблему оценки численности жителей поселений можно попытаться «обойти», работая с более надежной переменной количества построек, функционировавших синхронно (Дяченко 2008; Diachenko and Menotti 2012; Тарапата, в печати). Предложенные поправочные коэффициенты – 0,784 для памятников средних и крупных размеров и 0,885 – для малых поселков – выделенных из более крупных поселений, находят соответствие в данных по микрохронологии Майданецкого и Бернашевки II (Шмаглий, Видейко 2001-2002: 121–122; Колесников, Ткачук 1993). Все же следует отметить, что значения данных коэффициентов как статистических вероятностей могут варьировать для разных поселений и разных регионов в зависимости от половозрастной структуры каждого из них. Удельный вес нефункционирующих построек в целом зависит от смертности в половозрастных группах (Дяченко 2010: 120–122).

Модельные данные по количеству жителей одного дома на определенный момент времени и расчеты количества построек или жителей поселений достаточно тяжело верифицировать. Модели же роста населения в регионе могут быть проверены при наличии репрезентативных выборок. Наибольшее распространение получили модели экспоненциального (формула 3) и логистического (формула 4) роста (Chamberlain 2006: 19–23):

$$P_t = P_0 e^{rt}, \quad (3)$$

где P_t – численность населения на момент времени t , P_0 – начальная численность населения, e – основа натурального логарифма, r – темпы прироста.

$$P_t = \frac{P_{max}}{1 + \exp(-rt)}, \quad (4)$$

где P_{max} – пропускная способность или максимально возможная численность населения в регионе, а t замеряется от времени максимальных темпов прироста.

Модель экспоненциального роста удобно использовать для относительно коротких временных интервалов – например, сравнивая рост населения на хронологически последовательных

фазах развития локальных групп. Эмпирически зафиксированный логистический рост населения в Буго–Днепровском междуречье и Среднем Побужье (Diachenko 2012: 126; Тарапата, в печати) открывает возможность моделирования темпов прироста в течение более длительных периодов.

Модели роста населения также могут быть использованы для проверки исходных посылок в реконструкциях состава семьи. Например, показатель в 5-7 человек обычно понимают как семью из пары родителей, нескольких детей и престарелого родителя или родителей (Колесников 1993: 36). Предположим, что нижняя граница этого интервала отражает родительскую пару, двух детей и престарелого родителя, а верхняя – пару родителей, трех детей и двух престарелых родителей. Пусть, дети рождались с интервалом в три года; по прошествии десяти лет престарелые родители умирали, а новые дети не рождались. В таком случае показателю в 5 человек соответствует нулевой прирост. Показателю в 7 человек, согласно формуле 3, – среднегодовой прирост в около 3%. Принимая во внимание эти результаты, как минимум одно из исходных допущений является ложным. По А.Г. Корвин-Пиотровскому, данный показатель является завышенным, так как в соответствующих расчетах не учтено, что при появлении в семье пятого – шестого ребенка старшие дети уже могут создавать свои семьи (Колесников 1993: 36–37).

В рамках популяционной биологии нарабатан математический аппарат, позволяющий смоделировать развитие семей во времени по существующим или новым реконструкциям половозрастной структуры (Hastings 1997). Следующие из этих моделей значения демографических переменных в принципе проверяемы на эмпирическом материале через темпы прироста населения. Конечно, результатом вряд ли станут конкретные точные цифры. Однако такой подход позволит отсеять сильно завышенные и заниженные показатели и получить интервалы наиболее вероятных значений переменных и постоянных, используемых в расчетах.

Итак, мы коротко рассмотрели современное состояние палеодемографических реконструкций по материалам памятников Кукутень-Трипольского культурного комплекса. Серьезные расхождения относительно значений переменных и постоянных осложняются

отсутствием антропологических выборок для реконструкции половозрастной структуры населения в широком пространственном и хронологическом спектре. Перспектива дальнейших реконструкций на поселенческих материалах представляется в создании многоступенчатой аналитической процедуры. Последняя должна

связывать поливариантные гипотезы о половозрастной структуре населения, математические модели развития семей и роста населения. Показатели темпов естественного прироста являются в принципе проверяемыми, что позволит в результате получить интервалы приемлемых значений палеодемографических переменных.

Литература

- Бибиков С.Н. 1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. *СА* (1), 48–62.
- Великанова М.С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва.
- Видейко М.Ю. 1991. О составе населения крупного трипольского поселения Майданецкое. В: *Тезисы докладов конференции «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.)»*. Киев, 48–49.
- Видейко М.Ю. 1992. *Економіка та суспільний лад трипільського населення Південного Побужжя (етапи VII–CI)*. Дис. канд. іст. наук. Київ.
- Видейко М.Ю. 2006. Хліборобство трипільських племен. В: Пашкевич Г.О., Видейко М.Ю. *Рільництво племен трипільської культури*. Київ, 81–122.
- Видейко М.Ю. 2012. Комплексное изучение крупных поселений трипольской культуры. *Stratum plus* (2), 225–263.
- Видейко М.Ю. 2013. *Комплексное изучение крупных поселений трипольской культуры V–IV тысячелетия до н.э.* Saarbrücken.
- Дергачев В.А. 1978. *Выхватинский могильник*. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1980. *Памятники позднего Триполья*. Кишинев.
- Дяченко А.В. 2008. Крупные поселения в системе относительной хронологии западнотрипольских памятников Буго-Днепровского междуречья. В: *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 8, 10–19.
- Дяченко А.В. 2010. *Трипольское население Буго-Днепровского междуречья: Пространственно-временной анализ*. Дис. канд. ист. наук. Киев.
- Дяченко О.В., Черновол Д.К. 2009. Середній склад сім'ї населення західнотрипільської культури. *Археологія* (3), 3–12.
- Кислый А.Е. 1994. Трипольский протогород (поселение Майданецкое): время бытования и темпы прироста населения. В: *Тезисы докладов конференции «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.»*. Тирасполь, 49–51.
- Кислый О. 2005. *Демографічний вимір історії*. Київ.
- Колесников А.Г. 1987. О демографической структуре трипольского населения Среднего Поднепровья. В: *Исторические чтения памяти М.П. Грязнова*. Омск, 69–70.
- Колесников А.Г. 1993. *Трипольское общество Среднего Поднепровья (опыт социальных реконструкций в археологии)*. Киев.
- Колесников А.Г. 1995. Проблеми мікрохронології трипільських поселень і кількісної оцінки їх населення. В: *Матеріали ІХ Подільської істор.-краєзн. конфер.* Кам'янець-Подільський, 93–94.
- Колесников А.Г., Ткачук Т.М. 1993. До питання мікрохронології трипільських поселень (на матеріалах Бернашівського поселення етапу V/II–C/I). В: *Подільська старовина*. Вінниця, 44–48.
- Коробкова Г.Ф. 1987. *Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР*. Ленинград.
- Круц В.А. 1987. Крупные трипольские поселения (к истории энеолитического населения Буго-Днепровского междуречья). В: *Тезисы докладов конференции «Задачи советских археологов в свете решений XXVII с. КПСС»*. Москва, 133–135.

- Круц В.А. 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра. В: *Первобытная археология. Материалы и исследования*. Киев, 117–132.
- Круц В.О. 1993. Питання демографії трипільської культури. *Археологія* (3), 30–36.
- Круц В.А. 2003. Трипольские площадки – результат ритуального сожжения домов. В: *Матеріали міжнародної конференції «Трипільські поселення-гіганти»*. Київ, 74–76.
- Круц В.А. 2011. Поселение-гигант Тальянки. 30 лет исследования. В: *Прадавні землероби Південно-Східної Європи*. Київ–Тальянки, 56–58.
- Массон В.М. 1980. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок. В: *Первобытная археология. Поиски и находки*. Киев, 204–212.
- Массон В.М., Маркевич В.И. 1975. Палеодемография Триполья и вопросы динамики развития трипольского общества. В: *Тезисы докладов конференции «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР»*. Киев, 31–32.
- Николова А.В. 2002. Заметки к палеоэкономическим реконструкциям ранних форм земледелия (на примере трипольской культуры). В: *Сучасні проблеми археології*. Київ, 161–163.
- Николова А.В., Пашкевич Г.А. 2003. К вопросу об уровне развития земледелия трипольской культуры. В: *Матеріали міжнародної конференції «Трипільські поселення-гіганти»*. Київ, 89–95.
- Пассек Т.С. 1949. *Периодизация трипольских поселений (III-II тыс. до н.э.)*. МИА 10. Москва.
- Потехина И.Д. 1999. *Население Украины в эпоху неолита и раннего энеолита*. Киев.
- Рыжов С.Н. 2000. Расписная керамика томашевской локально-хронологической группы трипольской культуры. *Stratum plus* (2), 459–473.
- Тарапата, в печати. Тарапата Д.О. *Демографічний розвиток населення середньобузької локальної групи розвинутого Трипілья – в друці*.
- Ткачук Т.М. 2005. *Знакові системи трипільсько-кукутенської культурно-історичної спільності (мальований посуд). Ч. 2: Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд)*. Вінниця.
- Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. 2001-2002. Майданецкое – трипольский протогород. *Stratum plus* (2), 44–140.
- Chamberlain A.T. 2006. *Demography in Archaeology*. Cambridge.
- Chernovol D. 2012. Houses of the Tomashovskaya local group. In: *The Tripolye culture Giant-settlements in Ukraine: formation, development and decline*. Oxford, 182–209.
- Clarke D.L. 1977. Spatial Information in Archeology. In: *Spatial Archeology*. London–New York–San Francisco, 1–32.
- Diachenko A. 2012. Settlement system of West Tripolye culture in the South Bug and Dnieper interfluvium: formation problems. In: *The Tripolye culture giant-settlements in Ukraine. Formation, development and decline*. Oxford, 116–138.
- Diachenko A., Menotti F. 2012. The gravity model: monitoring the formation and development of the Tripolye culture giant-settlements in Ukraine. *Journal of Archaeological Science* 39 (8), 2810–2817.
- Gaydarska B. 2003. Application of GIS in Settlement Archeology: an integrated approach to prehistoric subsistence strategy. В: *Матеріали міжнародної конференції «Трипільські поселення-гіганти»*. Київ, 212–215.
- Milisauskas S., Kruk J. 1989. Neolithic economy in Central Europe. *Journal of World Prehistory* 3(4), 403–446.
- Monah D. 1982. Cîteva observații asupra cauzelor și efectelor exploziei demografice Cucuteniene. *Carpica* XIV, 33–38.
- Naroll R. 1956. A primary index of social development. *American Anthropologist, New Series* 58 (4), 687–715.
- Harper T.K. 2011. Thoughts regarding agronomic yields, soli nutrients, and the tenure of a Tripolian giant-settlement. In: *Прадавні землероби Південно-Східної Європи*. Київ–Тальянки, 100–101.
- Harper T.K. 2013. The effect of climatic variability on population dynamics of the Cucuteni-Tripolye cultural complex and the rise of the Western Tripolye giant-settlements. *Chronica* 3, 28–46.
- Hassan F.A. 1981. *Demographic archaeology*. New York–London–Toronto–Sydney–San Francisco.

- Hastings A. 1997. *Population biology: concepts and models*. New York.
- Погніж М. 2010. House floor area as a correlate of marital residence pattern: a logistic regression approach. *Cross-Cultural Research* 44 (4), 405–424.
- Погніж М. 2011. An exercise in archaeological demography: estimating the population size of Late Neolithic settlements in the Central Balkans. *Documenta Praehistorica* XXXVIII, 323–332.
- Погніж М. 2012. Effects of residential mobility on the ratio of average house floor area to average household size: implications for demographic reconstructions in Archaeology. *Cross-Cultural Research* 46 (1), 72–86.
- Preoteasa C. 2009. Considerations d'ordre demographique et social concernant le complexe culturel Precucuteni-Cucuteni-Tripolye. *Annales d'Université Valahia Targoviste, Section d'Archéologie et d'Histoire* IX (2), 105–118.
- Rassamakin Yu. 2012. Absolute chronology of Ukrainian Tripolian settlements. In: *The Tripolye culture giant-settlements in Ukraine. Formation, development and decline*. Oxford, 19–69.
- Rassamakin Yu., Menotti F. 2011. Chronological development of the Tripolye culture giant-settlement Tali-anki (Ukraine): 14C dating VS pottery typology. *Radiocarbon* 53 (4), 645–657.
- Strogatz S.H. 2000. *Nonlinear dynamics and chaos with applications to physics, biology, chemistry, and engineering*. Cambridge.
- Zubrow E.B.W. 1975. *Prehistoric carrying capacity. A model*. Menlo Park, California.

References

- Bibikov, S. N. 1965. *Khoziaistvenno-ekonomicheskii kompleks razvitogo Tripol'ia (Economic complex of developed Tripolie)*. *Sovetskaia arkhologiia (Soviet Archaeology)* (1), 48–62 (in Russian).
- Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia (Palaeoanthropology of the Prut-Dniester interfluvium)*. Moscow (in Russian).
- Videiko, M. Iu. 1991. *O sostave naseleniia krupnogo tripol'skogo poseleniia Maidanetskoe (On the composition of the population of the large Tripolian settlement Maidanetskoe)*. In *Tezisy doklady konferentsii "Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.)" (Abstracts of the conference "Ancient communities of the farmers and herdsmen of the Northern Black Sea Region (the V millennium BC - V century AD))"*, 48–49 (in Russian).
- Videiko, M. Iu. 1992. *Ekonomika ta suspil'ni lad tripil's'kogo naseleння Pivdenного Pobuzhzhia (etapi BII-CI) (Economy and social structure of the Tripolian population of the Southern Bug River Basin (phases BII - CI))*. *Dissertatsiia kandidata istorichnikh nauk (Thesis of the candidate of historical sciences)*. Kiev (in Ukrainian).
- Videiko, M. Iu. 2006. *Khliborobstvo tripil's'kikh plemen (Farming of Tripolian tribes)*. In *Pashkevich, G. O., Videiko, M. Iu. Ril'nistvo plemen tripil's'koi kul'turi (Agriculture of the Tripolian culture tribes)*. Kiev, 81–122 (in Ukrainian).
- Videiko, M. Iu. 2012. *Kompleksnoe izuchenie krupnykh poselenii tripol'skoi kul'tury (Complex study of the large Tripolian culture settlements)*. *Stratum Plus* (2), 225–263 (in Russian).
- Videiko, M. Iu. 2013. *Kompleksnoe izuchenie krupnykh poselenii tripol'skoi kul'tury V–IV tysiacheletiiia do n.e. (Complex study of the large Tripolian culture settlements of the V - IV millennium BC)*. Saarbrücken (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1978. *Vykhvatinskii mogil'nik (Vykhvatintsy burial ground)*. Chişinău (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1980. *Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (Late Tripolie sites)*. Chişinău (in Russian).
- Diachenko, A. V. 2008. *Krupnye poseleniia v sisteme otноситel'noi khronologii zapadnotripol'skikh pamiatnikov Bugo-Dneprovskogo mezhdurech'ia (Large settlements in the system of relative chronology of the Western-Tripolian sites of the Bug-Dnieper interfluvium)*. In *Materiali ta doslidzhennia z arkhologii Skhidnoi Ukraini (Materials and Researches on the Archaeology of Eastern Ukraine)* (8), 10–19 (in Russian).
- Diachenko, A. V. 2010. *Tripol'skoe naselenie Bugo-Dneprovskogo mezhdurech'ia: prostranstvenno-vremennoi analiz (Tripolian population of the Bug-Dnieper interfluvium: spatio-temporal analysis)*. *Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk (Thesis of the candidate of historical sciences)*. Kiev (in Russian).
- Diachenko, O. V, Chernovol, D. K. 2009. *Serednii sklad sim'i naseleння zakhidnotripil's'koi kul'turi (Average family structure of the Western-Tripolian culture population)*. *Arkheologiia (Archaeology)* (3), 3–12 (in Ukrainian).

- Kislyi, A. E. 1994. *Tripol'skii protogorod (poselenie Maidanetskoe): vremia bytovaniia i tempy prirosta naseleniia (Tripolian proto-city (settlement Maidanetskoe): the time of existence and population growth rate)*. In *Tezisy dokladov konferentsii "Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia V tys. do n.e. – V v. n.e."* (Abstracts of the conference „Ancient communities of the farmers and herdsmen of the Northern Black Sea Region (the V millennium BC - V century AD)”). Tiraspol, 49–51 (in Russian).
- Kislii, O. 2005. *Demografichniy vimir istorii (Demographic dimension of history)*. Kiev (in Ukrainian).
- Kolesnikov, A. G. 1987. *O demograficheskoi strukture tripol'skogo naseleniia Srednego Podneprov'ia (On the demographic structure of the Tripolian population of the Middle Dnieper)*. In *Istoricheskie chteniia pamiati M. P. Griaznova (Historical readings in memory of M. P. Griaznov)*. Omsk, 69–70 (in Russian).
- Kolesnikov, A. G. 1993. *Tripol'skoe obshchestvo Srednego Podneprov'ia (opyt sotsial'nykh rekonstruktsii v arkhologii) (Tripolian society of the Middle Dnieper (the experience of social reconstructions in archaeology))*. Kiev (in Russian).
- Kolesnikov, A. G. 1995. *Problemi mikrokhronologii tripil's'kikh poselen' i kil'kisnoi otsinki ikh naselennia (Problems of the Tripolian settlements' microchronology and the quantitative assessment of their population)*. In *Materiali IX Podil's'koi istoriko-kraeznavchoi konferentsii (Proceedings of the IX historico-ethnographic conference of Podillia)*. Kamianets-Podilskii, 93–94 (in Ukrainian).
- Kolesnikov, A. G., Tkachuk, T. M. 1993. *Do pitannia mikrokhronologii tripil's'kikh poselen' (na materialakh Bernashivskogo poselennia etapu B/II-C/I) (On the issue of the Tripolian settlements' microchronology (based on the materials of the Bernashivska settlement of the phase B/II-C/I))*. In *Podil's'ka starovina (Antiquity of Podillia)*. Vinnitsa, 44–48 (in Ukrainian).
- Korobkova, G. F. 1987. *Khoziaistvennye komplekсы rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv Iuga SSSR (Economic complexes of the early agricultural and cattle-breeding communities in the South of the USSR)*. Leningrad (in Russian).
- Kruts, V. A. 1987. *Krupnye tripol'skie poseleniia (k istorii eneoliticheskogo naseleniia Bugo-Dneprovskogo mezhdurech'ia) (Large Tripolian settlements (towards the history of the Eneolithic population of the Bug-Dnieper interfluve))*. In *Tezisy dokladov konferentsii "Zadachi sovetskikh arkheologov v svete reshenii XXVII s. KPSS" (Abstracts of the conference "Problems of Soviet archaeologists in the light of the decisions of the XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union))*. Moscow, 133–135 (in Russian).
- Kruts, V. A. 1989. *K istorii naseleniia tripol'skoi kul'tury v mezhdurech'e Iuzhnogo Buga i Dnepra (Towards the history of the Tripolian culture population in the area of the Southern Bug and the Dnieper interfluve)*. In *Pervobytnaia arkheologiya. Materialy i issledovaniia (Prehistoric Archaeology. Materials and Researches)*. Kiev, 117–132 (in Russian).
- Kruts, V. O. 1993. *Pitannia demografii tripil's'koi kul'turi (Demographic issues of the Tripolian culture)*. *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 30–36 (in Ukrainian).
- Kruts, V. A. 2003. *Tripol'skie ploshchadki – rezul'tat ritual'nogo sozhzheniia domov (Tripolian sites - the result of the ritual burning of houses)*. In *Materiali mizhnarodnoi konferentsii "Tripil's'ki poselennia-giganti" (Proceedings of the International Conference "Tripolian giant-settlements")*. Kiev, 74–76 (in Russian).
- Kruts, V. A. 2011. *Poselenie-gigant Tal'iianki. 30 let issledovaniia (Talianki giant-settlement. 30 years of research)*. In *Pradavni zemlerobi Pivdenno-Skhidnoi Evropi (Ancient farmers of Southeastern Europe)*. Kiev-Talianki, 56–58 (in Russian).
- Masson, V. M. 1980. *Dinamika razvitiia tripol'skogo obshchestva v svete paleodemograficheskikh otsenok (Dynamics of the Tripolian society development in the light of palaeodemographic assessments)*. In *Pervobytnaia arkheologiya. Poiski i nakhodki (Prehistoric Archaeology. Search and discoveries)*. Kiev, 204–212 (in Russian).
- Masson, V. M., Markevich, V. I. 1975. *Paleodemografiia Tripol'ia i voprosy dinamiki razvitiia tripol'skogo obshchestva (Palaeodemography of Tripolie and the aspects of dynamics of the Tripolian society development)*. In *Tezisy dokladov konferentsii "150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeiu Akademii nauk Ukrainiskoi SSR" (Abstracts of the conference "the 150-th anniversary of the Odessa Archaeological Museum of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)*. Kiev, 31–32 (in Russian).
- Nikolova, A. V. 2002. *Zametki k paleoekonomicheskim rekonstruktsiiam rannikh form zemledeliia (na prime-re tripol'skoi kul'tury) (Notes on the palaeoeconomic reconstructions of early agriculture forms (by the example of*

the Tripolian culture). In *Suchasni problemi arkheologii (Present-day problems of Archaeology)*. Kiev, 161–163 (in Russian).

Nikolova, A. V., Pashkevich, G. A. 2003. *K voprosu ob urovne razvitiia zemledeliia tripol'skoi kul'tury (Towards the question of the level of the Tripolian culture agricultural development)*. In *Materiali mizhnarodnoi konferentsii "Tripil's'ki poselennia-giganti" (Proceedings of the International Conference "Tripolian settlements-giants")*. Kiev, 89–95 (in Russian).

Passek, T. S. 1949. *Periodizatsiia tripol'skikh poselenii (III-II tys. do n.e.) (Periodization of the Tripolian settlements (the III-II millennium BC))*. (*Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)*) (10). Moscow (in Russian).

Potekhina, I. D. 1999. *Naselenie Ukrainy v epokhu neolita i rannego eneolita (Population of Ukraine in the Neolithic and Early Eneolithic epoch)*. Kiev (in Russian).

Ryzhov, S. N. 2000. *Raspisnaia keramika tomashevskoi lokal'no-khronologicheskoi gruppy tripol'skoi kul'tury (Painted Ceramics of the Tomashevka local-chronological group of the Tripolian culture)*. *Stratum Plus* (2), 459–473 (in Russian).

Tarapata, D.O., in press. *Demografichniy rozvitok naseleння seredn'o buz'koi lokal'noi grupi rozvinitogo Tripillia – v druzi (Demographic development of the population of the Middle Bug local group of developed Tripolie - in print)* (in Ukrainian).

Tkachuk, T. M. 2005. *Znakovi sistemi tripil's'ko-kukutens'koi kul'turno-istorichnoi spil'nosti (mal'ovanii posud) (Sign systems of the Tripolie-Cucuteni cultural-historical community (painted vessels))*. *Chast'2: Semiotichniy analiz tripil's'ko-kukutens'kikh znakovikh sistem (mal'ovanii posud) (Part 2: Semiotic analysis of the Tripolie-Cucuteni sign systems (painted vessels))*. Vinnitsia (in Ukrainian).

Shmaglii, N. M., Videiko, M. Iu. 2001-2002. *Maidanetskoe – tripol'skii protogorod (Maidanetskoe – a Tripolian proto-city)*. *Stratum Plus* (2), 44–140 (in Russian).

Дяченко Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии НАН Украины. 04210, Киев, Героев Сталинграда 12, Институт археологии. (044)-418-2775; e-mail: oleksandr.diachenko@gmail.com

Сергей Пивоваров, Николай Илькив

Палеометаллические изделия из Буковины: неопубликованные материалы

Keywords: Chalcolithic – Bronze Age, paleometal products, hoard from Ryngach and Korovia, the Prut and Dniester rivers, Chernivtsi region.

Cuvinte cheie: eneolitic – epoca bronzului, piese paleometalice, depozitele de la Ryngach și Koroviia, interfluviul Prut-Nistru, regiunea Cernăuți.

Ключевые слова: энеолит – бронзовый век, палеометаллические изделия, клады с Рынгача и Коровии, Пруто-Днестровское междуречье, Черновицкая область.

Sergei Pivovarov, Nikolai Il'kiv

Paleometals from Bucovina: unpublished material

A list of known finds of metal goods Copper – Bronze Age in the Upper Prut and Middle Dniester region has been supplemented with new findings. They were a part of the hoards, come from the territory of archaeological sites or were accidentally found without a reference to the particular monument. Its include Chalcolithic axes from Boyanchuk and Ryngach, an Early Bronze Age dagger from Nedoboyivtsi as well as a pin, an awl, a spearhead, a fragment of a sickle, bracelets and other items of Late Bronze Age from Nepolokivtsi, Malyatyntsi, Oshyhlilyb, Kolinkivtsi, Konovka, Korovia, Vasyliv and Chernivtsi.

Sergei Pivovarov, Nikolai Il'kiv

Obiecte paleometalice din Bucovina: materiale inedite

Numărul descoperirilor de piese de metal din eneolitic – epoca bronzului din interfluviul Prutul Superior – Nistrul Mijlociu este în creștere. Noile obiecte provin din componența anumitor depozite, din perimetrul unor situri arheologice sau au fost găsite fortuit, fără a putea fi legate de un sit concret. Printre descoperiri se numără topoarele-tesle eneolitice de la Boianchuk și Ryngach, pumnalul de la Nedoboyivtsy, precum și un ac, o străpungătoare, un vârf de lance, un fragment de seceră, brățări și alte piese din epoca timpurie a bronzului de la Nepolokovtsy, Maliatintsy, Oshikhliby, Kolinkovtsy, Konovka, Koroviia, Vasilev și Cernăuți.

Сергей Пивоваров, Николай Илькив

Палеометаллические изделия из Буковины: неопубликованные материалы

Перечень известных находок металлических изделий энеолита – бронзового века с междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра пополнен новыми изделиями. Они входили в состав кладов, происходили с территории археологических памятников или были случайно найдены без привязки к конкретному памятнику. К ним относятся топоры-тесла энеолитического времени с Боянчука и Рынгача, кинжал раннебронзового века из Недобоевцов, а также булава, шило, наконечник копья, фрагмент серпа, браслеты и другие изделия позднебронзового века из Неполоковцов, Малятинцов, Ошихлибов, Колинковцов, Коновки, Коровии, Василева и Черновцов.

В эпоху раннего металла, как иногда называют энеолит и бронзовый век, междуречье Верхнего Прута и Среднего Днестра входило в состав Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Европейской металлургических провинций. Несмотря на общие тенденции развития, здесь наблюдались региональные отличия, обусловленные природно-климатическими условиями и особенностями этнокультурного развития. Территориальная близость

к богатому на металлические ресурсы Карпато-Подунавью способствовала поступлению в местную среду готовых изделий, металла-сырца, а, возможно, и руды. Импорт извне и собственное бронзолитейное производство обеспечивали население совершенными по тем временам предметами вооружения, орудиями труда, украшениями.

Среди широкого круга научных интересов юбиляра особое место занимают вопросы,

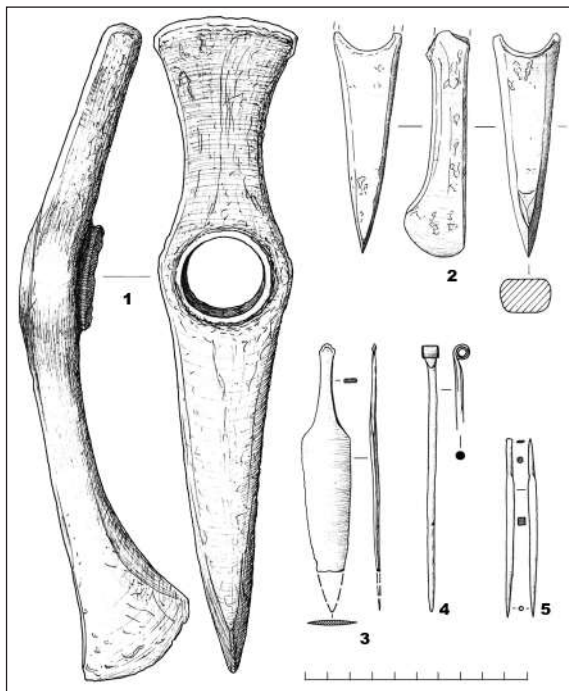

Рис. 1. Палеометаллические изделия с Буковины: 1 – Рынгач; 2 – Боянчук; 3 – Недобоевцы; 4 – Неполоковцы; 5 – Мальятинцы.

Fig. 1. Paleometals from Bucovina: 1 – Ryngach; 2 – Boyanchuk; 3 – Nedoboyivtsi; 4 – Nepolokivtsi; 5 – Malyatyntsi.

связанные с палеометаллическими находками. Изучая древности Карпато-Поднестровья, В.А. Дергачев нередко обращался к материалам с территории Черновицкой области (Дергачев 1975; 1986; 1997; 2010; 2011; Дергачёв, Бочкарёв 2002), поскольку данный регион отмечается многими общими природно-климатическими, этнокультурными и историческими особенностями.

Известный ассортимент изделий из региона можно дополнить неопубликованными находками, которые происходят из состава кладов, с территории археологических памятников или случайно обнаружены без привязки к конкретному памятнику в административных границах Черновицкой области Украины (рис. 3).

Боянчук, Заставновский р-н. Из окрестностей населенного пункта происходит клиновидная половина медного топора-тесла, разломанного в районе втулки (рис. 1: 2). Изделие характеризуется закругленным и опущенным вниз лезвием и подпрямоугольным профилем корпуса. Втулка отмечается небольшим

манжетом в нижней части и незначительным утолщением в верхней. Находка была покрыта зеленой патиной, поверхность местами бугристая. Общая длина изделия равна 10,3 см, длина от лезвия к втулке – 9,4 см, максимальная ширина – 3,1 см, толщина – 1,6 см, высота втулки – 1,9 см, высота лезвия – 2,9 см, ориентировочный диаметр отверстия втулки – 2,5 см. Вес составляет 224,95 г.

Рынгач, Новоселицкий р-н. В 1958 г. в центре населенного пункта, недалеко от клуба, при случайных обстоятельствах в усадьбе Унгурия В.М. был обнаружен клад медных изделий. Керамический сосуд из отмученной глины с восемью топорами-теслами внутри находился на глубине около 1 м на высоком мысу в границах поселения трипольской культуры (Тимошук 1974: 112; Тимошук 1984: 151). Большинство экземпляров переплавили местные жители. По разным данным, целыми остались от одного до четырех топоров. Один из них, впервые

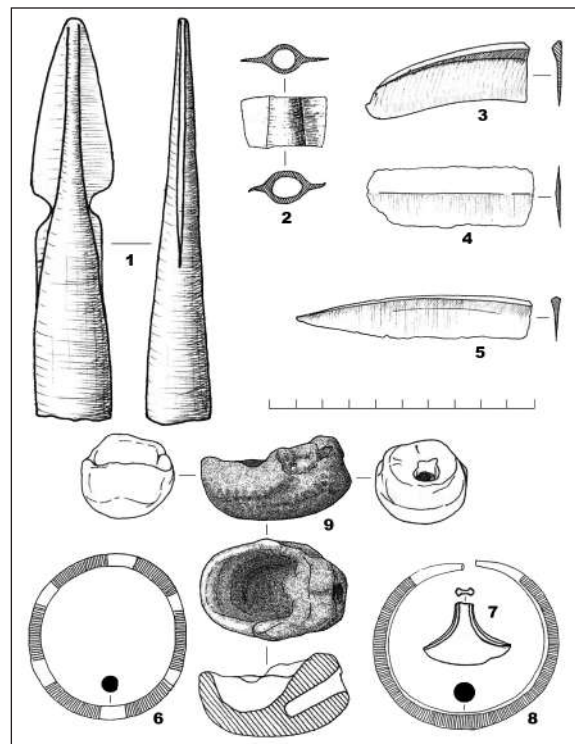

Рис. 2. Находки с Ошихлебов (1, по Б. Тимошуку), Василева (2), Коновки (3), Коровии (6), Черновцов (7), Колинковцов (8), Гая (9) и не локализованной местности Буковины (4-5).

Fig. 2. Findings from Oshyhliby (1, by B. Tymoshchuk), Vasyliv (2), Konovka (3), Korovia (6), Chernivtsi (7), Kolinkivtsi (8), Hai (9) and non-localized areas of Bucovina (4-5).

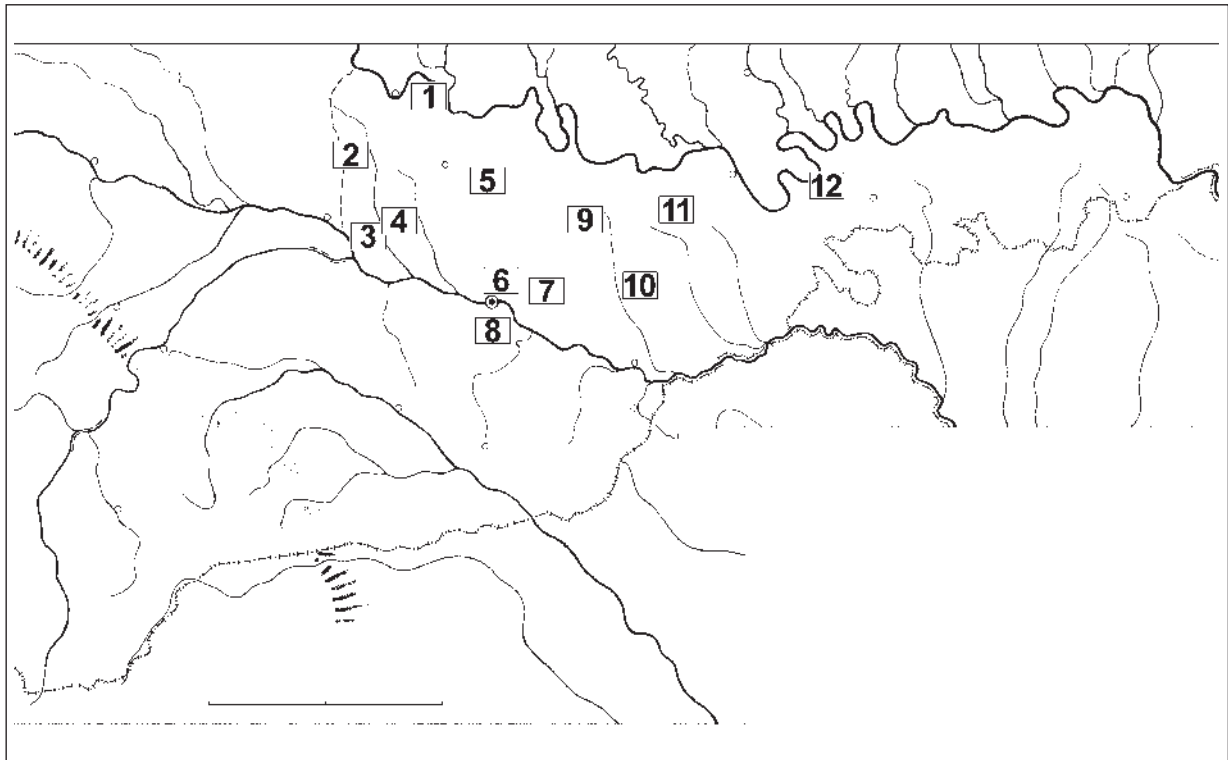

Рис. 3. Местонахождения палеометаллических находок: 1 – Василев; 2 – Малятинцы; 3 – Неполоковцы; 4 – Ошихлебы; 5 – Боянчук; 6 – Черновцы; 7 – Гай (Арборяны); 8 – Коровия; 9 – Колинковцы; 10 – Рынгач; 11 – Недобоевцы; 12 – Коновка.

Fig. 3. Location of paleometals findings: 1 – Vasyliv; 2 – Malyatyntsi; 3 – Nepolokivtsi; 4 – Oshyhliby; 5 – Boyanchuk; 6 – Chernivtsi; 7 – Hai (Arboryany); 8 – Korovia; 9 – Kolinkivtsi; 10 – Ryngach; 11 – Nedoboyivtsi; 12 – Konovka.

опубликованный В. Збеновичем (Збенович 1969: 139, рис. 1: 12, 2: 2), хранится в Черновицком краеведческом музее. Еще один экземпляр хорошей сохранности известен из частной коллекции уроженца с. Рынгач Р.П. Билык (пгт. Заболотов), которому выражаем благодарность за возможность ознакомиться с находкой. Изделие характеризуется крестообразно расположенными лезвиями и изогнутой формой (высота верхнего края втулки над уровнем нижней части рабочих краев составляет 7 см). Вертикальное лезвие клиновидной формы опущено вниз и закруглено, его верхняя кромка приподнята (рис. 1: 1). Горизонтальное лезвие затуплено, расширяется у рабочего края. Нижняя часть втулки заканчивается манжетообразным выступом. находка отмечается большими размерами и массивностью. Ориентировочная длина изделия составляет 30 см, максимальная ширина – 6,3 см, высота втулки – 3,6 см, диаметр отверстия – 4,3 см, высота вертикального лезвия – 6,1 см, ширина горизонтального лезвия – 6,2 см, его толщина – 1,9 см. Вес равен 1540 г.

Топоры-тесла из Боянчука и Рынгача характерны для энеолитических древностей Карпато-Балканского региона, которые в Пруто-Днестровском бассейне соотносятся с памятниками трипольской культуры. В пределах Черновицкой области зафиксированы находки 14 экземпляров таких изделий. Кроме упомянутых двух пунктов, они происходят из Давидовцов, Милиево, Ворнычан, Ленковцов(?) и Топоровцов (Топоривка; у В.Г. Збеновича ошибочно «Гоноривка»). Из-за фрагментарности находки из Боянчука, установить ее типологическую принадлежность проблематично. Морфология клиновидной части топора близка к типу Ясладани (Jaszladany), распространенного на территории современных Румынии, Венгрии, Словакии, Болгарии, Югославии, Хорватии, Молдовы и Украины. К этому типу относятся, например, находки из Городницы, Милиево и Рынгача (1) (Mareş 2002: 108, 154). В хронологических рамках существования трипольской культуры топоры типа Ясладань относятся преимущественно к этапам

ВІІ–СІ (Кукутень А-В и В) (Vulpe 1964: 464; Vulpe 1975: 46–47; Mareş 2002: 108). Небольшие размеры, вытянутые пропорции и незначительная по высоте втулка свидетельствуют в пользу раннего датирования находки из Боянчука в пределах этого типа.

Топор с Рынгача (2) относится к типу *Mezokeresztes*. Концентрация находок «топоров-чеканов» этого типа наблюдается в Трансильвании и Банате и связана, вероятно, с древностями культур Бодроккерестур и Тисаполгар. Отдельные экземпляры известны на территории Словакии, Сербии и Болгарии (Mareş 2002: 101; Todorova 1981: taf. 10: 151). Такой же топор известен в Коршове на Коломыйщине (Dergacev 2002: 192, taf. 56: A8). Некоторые экземпляры отличаются большими размерами и весом – более 3 кг. В нескольких случаях топоры типа *Mezokeresztes* сочетались в одном комплексе вместе с изделиями типа *Jaszladany* (Mareş 2002: 101), то есть в таком же сочетании, как и в кладе из Рынгача. Вероятно, второй уцелевший топор из клада подтверждает предположение Т.М. Ткачука относительно датировки комплекса этапом СІ (Ткачук 2002: 105). К этой же дате Б.А. Тимошук склоняет определение фрагментов сосуда как «позднетрипольского».

Недобоевцы, Хотинский р-н. Кинжал двулезвийный, со «свеже» сломанным острием ланцетовидной формы и выделенным черенком (рис. 1: 3). Конец черенка расплюснутый и едва расширен. Профиль клинка – линзовидный, черенка – овально-подпрямоугольный. Длина фрагмента составляет 10,5 см (целого изделия – около 12,5 см), максимальная ширина – 2 см, длина черенка – 4 см. Вес равен 17,3 г.

Находка упоминалась в научной литературе как кинжал трипольской культуры, однако отсутствие иллюстрации и пересмотр культурно-хронологической принадлежности побуждает еще раз к ней обратиться. Так, для трипольской культуры характерны морфологически отличные типы изделий – веретенообразной формы без четко выделенного перехода между клинком и черенком или подтреугольно-удлиненные с отверстиями вроде кинжалов с Городницкого клада (Черныш 1982: 279, табл. LXII: 66), усатовской и софиевской групп и т.д. (Mareş 2002: 464–165; Dergacev 2002: Taf. 82). Зато немало аналогий

кинжала известно в материалах раннебронзового времени. Находка из Недобоевцов имеет многочисленные параллели среди изделий группы 4 по классификации С.Н. Корневского, которые получили наибольшее распространение у племен ямной, полтавкинской, катакомбной и северокавказской культур (Корневский 1978: 41–44). Похожий кинжал ямной культуры известен из Херсонщины (Клочко, Козыменко 2011: 19, илл. 11), встречаются они и среди ямных древностей Пруто-Днестровского междуречья (Dergacev 2002: Taf. 95). В очерченном регионе курганы раннебронзового века (вероятно, ямной культуры) исследовались возле Круглика, Ставчан, Керстенцов, Заставны, Ленковцов, Кельменцов и Веренчанки (Пивоваров, Ільків 2011: 291). Дополнительную информацию позволяют получить исследования металла находки.

Неполоковцы, Кицманский р-н. Бронзовая булавка (фонды Черновицкого краеведческого музея – 12285-II-756), найденная Б.А. Тимощуком на поселении культуры Ноа, что в 3,5 км к северу от населенного пункта, на невысокой террасе при выходе р. Вербовцы в долину Прута. Находка сопровождалась тюльпановидными горшками с валиком и наколами под венчиком, а также кремневым серпом и керамической катушкой. Булавка изготовлена из бронзового стержня с круглым сечением, один конец которого заострен вроде вязальной спицы, а второй – расплюснутый и свернутый в трубочку на $1\frac{3}{4}$ оборота (рис. 1: 4). Длина изделия составляет 12,4 см, диаметр стержня – до 0,4 см, длина трубочки – 0,7 см, ее внешний диаметр – 0,6 см, внутренний – 0,25–0,30 см. Вес равен 9,5 г.

Булавки такого образца являются одними из самых многочисленных в древностях культуры Ноа. Они известны из поселений Магала (Смирнова 1959: 63, рис. 4), Островец (Балагури 1980: 110–111) и многих других памятников и местонахождений в ареале культур Ноа и Сабатиновка (Шарафутдинова 1987: 72–73; Dergacev 2002: Taf. 45C: 5, 7, 18; Крушельницька 1985: 147). В Трансильвании такие шпильки характерны для периодов BrC–BrD (Ciugudean 2010: pl. XVIII: 1). Однако в целом исследователи отмечают широкие хронологические и пространственные границы для такого типа булавок.

Малятинцы, Кицманский р-н. С поселения культуры Ноа, что к северо-западу от населенного пункта, уроч. Гринчино, происходит бронзовое шило (сборы Б.А. Тимощука, фонды Черновицкого краеведческого музея (12482-II-837)). Изделие веретенообразной формы с четырехгранным сечением центральной части стержня, который заострен с одной стороны и расплюснут с другой (рис. 1: 5). Длина шила составляет 9,3 см, максимальная толщина – 0,35 см, длина черенковой части – 2 см, вес – 3,8 г. С территории памятника происходят также фрагменты характерной керамики и костяное шило или наконечник стрелы длиной 6,9 см при толщине 0,75 см. Такие бронзовые изделия довольно типичны для древностей культуры Ноа. Прямые аналогии известны как с территории поселений, так и из состава кладов (Petrescu-Dîmbovita 1998: 73, pl. 73: 27; Dergacev 2002: taf. 44G: 1, 45B: 1–2, 45C: 4, 114).

Ошихлибы, Кицманский р-н. Наконечник копья бронзовый. Обнаружен на плато севернее населенного пункта в 1971 г. Сохранилась зарисовка находки, выполненная Б.А. Тимощуком (рис. 2: 1). Изделие отличалось удлиненной воронкообразной втулкой и своеобразным перехватом на пере, из-за чего нижняя часть крыльев образовывала на втулке ребра.

Несмотря на схематическое изображение, данный наконечник, благодаря характерной форме пера, четко соотносится с рядом подобных находок Карпато-Днестровского региона. В частности, морфологически близкие экземпляры происходят из Лозовского клада в Молдове и Добрянковского из Кировоградщины, а также Игрени, Романково, Прохоровки, Селища, Вишенок в Поднепровье, Карьжина в Прикарпатье и нескольких нелокализованных пунктов. Четыре литейные формы для изготовления таких наконечников известны с Волошской и Красномаяцкой мастерских (Черных 1976: 102, рис. 45, табл. XXVIII: 1–4; Leskov 1981: 18, taf. 4D: 2). Е.М. Черных выделил их в тип П-16, для которого характерен преимущественно карпато-трансильванский металл и распространение в Днепровско-Днестровском регионе (Черных 1976: 102). В красномаяцкий тип объединил часть подобных находок А.Н. Лесков, отнеся их к позднесабакиновскому времени (Leskov 1981: 18, 46). В.И. Клочко сопоставил

острие красномаяцкого типа с культурами Сабатиновка и Ноа и датировал их периодом BrD (Клочко 2006: 178–179, рис. 74: 20, 76: 1–4). Таким образом, наконечник копья с Ошихлибов сопоставим с древностями культуры Ноа, поселение которой, кстати, известно на восточной окраине населенного пункта, на левом берегу ручья в уроч. Извор.

Коновка, Кельменецкий р-н. Фрагмент бронзового серпа – конец рабочей части (рис. 2: 3). Его длина составляет 6,5 см при ширине 2,3 см. На одной плоскости вдоль спинки проходит утолщение с треугольным профилем. На основе морфологии находки можно предположить, что она выступает частью орудия с крючкообразной ручкой или изделия с отверстиями на ручке. В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев выделили такие экземпляры в типы Гермэнешть и Хелештень, характерные прежде всего для древностей культуры Ноа и периода BrD (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 188–256). Поселение этой культуры известно, в частности, и в окрестностях данного населенного пункта (уроч. Пуцита).

Коровия, Глыбокский р-н. В районе местонахождения Коровийского клада (2007) несколькими годами раньше был найден круглый бронзовый браслет. Изделие имеет овально-круглый профиль и шесть орнаментальных полос, состоящих из низкорельефных поперечных линий (от 24 до 28), которые не распространяются на внутреннюю плоскость (рис. 2: 6). Диаметр браслета составляет 7,4–8,0 см, диаметр стержня – 0,50–0,75 см. Данная находка похожа на другой браслет из этого же клада, который дополнительно был украшен заштрихованными треугольниками (Пивоваров, Ильків 2009: рис. 2: 1).

На территории Румынии похожие изделия входили в состав кладов, которые датируются периодами BrD–HaB1 (Petrescu-Dîmbovita 1998: 190, 193, Taf. 164: 2399–2404, 169: 2450–2452). Местоположение браслета позволяет условно отнести его к Коровийскому кладу и датировать, соответственно, периодом BrD – началом HaA1.

Из **нелокализованной местности Буковины** происходит рабочая часть бронзового ножа, которая хранится в музее Государственного историко-архитектурного заповедника «Хотинская крепость». Изделие отмечается удлиненными пропорциями и утолщенной,

едва изогнутой спинкой (рис. 2: 5). Длина находки – 9 см, максимальная ширина – 1,7 см, толщина – 0,4 см. Близкая аналогия ножу известна в составе упомянутого Коровийского клада (Пивоваров, Ільків 2009: рис. 1: 10).

В музее ГИАЗ «Хотинская крепость» хранится еще одна находка из **нелокализованной местности региона** – бронзовая подпрямоугольная пластина с двумя продольными лезвиями и линзовидным профилем (рис. 2: 4). Длина пластины составляет 6,3 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,2 см. Подобные изделия именуют пилками, бритвами, резе ножами. Похожие экземпляры известны в Южной Буковине (единичные находки из Ибэнешть и Ботошань (Ignat 2000: 52–54, 69–70, fig. 18: 15,2, 22: 36,2), а также довольно широко представлены в Карпато-Дунайском регионе в целом (Dergacev 2002: Taf. 131). Основным периодом бытования таких «пилкок» Г.И. Смирнова считала HaA и, возможно, HaB1 (Смирнова 1985: 47).

Василев, Заставновский р-н. Фрагмент бронзового наконечника копья (рис. 2: 2). Обнаружен в уроч. Замчище на правом берегу реки Днестр, на северной окраине населенного пункта в 2008 г. во время проведения охранных археологических исследований. Представлен средней частью изделия, ровно обрезанной в древности с обеих сторон. Втулка конически сужается, перо наконечника – гладкое. Имеющаяся высота находки составляет 2 см, ширина пера – 3,3 см, диаметр втулки – 1,2-1,5 см, вес – 12,4 г. Из-за фрагментарности изделия определить хронологию находки можно лишь в широких пределах позднего и финального этапов бронзового века. Стоит вспомнить, что на территории села вдоль второй террасы, в т.ч. и в уроч. Замчище, встречаются единичные фрагменты сосудов, близких к комаровской культуре или культуре Ноа.

Колинковцы, Хотинский р-н. Бронзовый браслет с суженными, прямо срезанными, разомкнутыми концами. Внешнюю поверхность изделия, за исключением концов, украшает рельефный орнамент в виде поперечных валиков (рис. 2: 8). Хранится в местной школе. Такого вида браслеты характерны для позднего бронзового века. В регионе самый ранний экземпляр этого типа входил в состав упомянутого выше клада из Коровии (Пивоваров, Ільків 2009: рис. 2: 3). Такие браслеты известны также в

кладе из Грушки на Тлумаччине (HaA1) и как случайная находка из Подвысокого на Снятинщине (Zurowski 1949: 161, 242, tabl. XLVIII: 3, 4). Браслеты с разомкнутыми концами, круглым профилем и ребристым орнаментом широко представлены в Карпатском регионе, где также датируются преимущественно в пределах периодов BrD–HaA1 (Petrescu-Dîmbovița 1998: 53–54, Taf. 30–32: 264–272, 276–305, 36–37: 356–373). В Пруто-Днестровском междуречье они соотносятся, вероятно, с ранним этапом голиградской культуры.

Черновцы, Садгорский р-н. Бронзовая топорovidная подвеска с утраченной верхней частью (рис. 2: 7). Обнаружена С.В. Пивоваровым на памятнике финальной стадии бронзового века, на северной окраине населенного пункта, в уроч. Окопы. Ширина изделия равна 3,3 см, ширина на сужении – 0,7 см, высота – 2,4 см.

Похожие топорovidные изделия известны уже с рубежа раннего и среднего бронзового века. Находки близкой формы встречаются на памятниках культуры Ноа (Смирнова 1958: 68; Dergacev 2002: Taf. 45C: 10–11). Часто аналогичным образом заканчивались крестообразные подвески этой же культуры. Исследуемое изделие отмечается, однако, утолщенными валиками по бокам. Похожая подвеска-пуговица голиградской культуры происходит с городища в Городнице (Крушельницька 1985: 44, рис. 13: 21). Возможно, находка служила частью шумящей подвески, которые характерны для гальштаттского периода. Памятник, из которого она происходит, известен в литературе как городище голиградской культуры, на территории которого обнаружен характерный керамический материал (Тимошук 1984: 110; Ільків 2011).

Большинство находок связаны своим происхождением с карпатскими металлургическими центрами, хотя нельзя исключать возможности и местного изготовления некоторых экземпляров. К списку известных вещей, причастных к бронзолитейному делу, следует добавить керамическую литейную ложку, выявленную С.В. Пивоваровым на поселении голиградской культуры у с. **Гай** Новоселицкого р-на (уроч. У Пионерлагеря). Изделие овальной формы, буровато-оранжевого цвета. Сливной носик заменен углублением в

левом бортике ложки (рис. 2: 9). С тыльной части при помощи палочки сделано отверстие для ручки. находка характеризуется незначительными размерами: длина – 5,5 см, ширина – 3,8 см, высота – 2,5 см, диаметр отверстия – 0,5 см, объем – около 5 см³. Льячки голиградской культуры разной формы и размера известны также в Городнице, Касперовцов и Бовшева (Малеев 1994). Большинство экземпляров, в т.ч. находка из с. Гай, были предназ-

начены для отливки небольших по размерам изделий.

Представленные находки дополняют перечень палеометаллических изделий из междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра. Они дополнительно указывают, что, несмотря на отсутствие значительных месторождений цветных металлов, местное население наладило торгово-обменные операции с удаленными регионами, прежде всего с Карпато-Дунайским.

Литература

- Балагури Э.А. 1980. Памятники племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье. В: *Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя*. Киев, 101–116.
- Бандрицкий М.С. 2011. Ещё раз об овальных кольцах начала эпохи железа и об их функциональном назначении. *Историко-археологический альманах* 10, 4–14.
- Дергачев В.А. 1975. *Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1997. *Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонттийского региона*. Кишинэу.
- Дергачев В.А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, I*. Кишинэу.
- Дергачев В.А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, II*. Кишинэу.
- Дергачев В., Бочкарёв В. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев.
- Збенович В.Г. 1969. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе. *СА* (3), 135–142.
- Ильків М. 2011. Археологічні розвідки на пам'ятках пізньобронзового віку на території Чернівецької області у 2009-2010 роках. *ПССІАЕ* 1(31), 26–39.
- Клочко В.І. 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.)*. Київ.
- Клочко В.И., Козыменко А.В. 2011. *Наши недавний бронзовый век*. Киев.
- Кореневский С.Н. 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур. *СА* (2), 33–48.
- Крушельницька Л.І. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза)*. Київ.
- Крушельницька Л. 2006. *Культура Ноа на землях України*. Львів.
- Малеев Ю.Н. 1994. Металлургия бронзы Лесостепного Поднестровья в предскифский период. В: *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.* Тирасполь, 178–181.
- Пивоваров С., Ильків М. 2009. Нові знахідки скарбів епохи бронзи – раннього заліза на території Буковини. У: *Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи: Збірка наукових праць на пошану Лариси Іванівни Крушельницької*. Київ–Львів, 89–98.
- Пивоваров С., Ильків М. 2011. Старожитності епішнурового горизонту в межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра. *МДАПВ* 15, 291–298.
- Смирнова Г. 1958. Сведения о работе Западноукраинской экспедиции 1956 г. *СГЭ* XIII, 68–70.
- Смирнова Г. 1959. Западноукраинская археологическая экспедиция в 1957 г. *СГЭ* XVI, 62–64.
- Смирнова Г.И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. *СА* (4), 33–53.
- Тимошук Б.О. 1974. *Зустріч з легендою*. Ужгород.
- Тимошук Б.О. 1984. Чернівецька область. У: *Довідник з археології України: Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області*. Київ, 109–171.
- Ткачук Т. 2002. Фази розвитку і відносна хронологія шипинецької групи археологічних пам'яток. *ЗНТШ/Записки наукового товариства імені Шевченка* ССXLIV. Львів, 89–114.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва.
- Черных Е.Н. 2009. *Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур*. Москва.
- Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: *Энеолит СССР*. Москва, 165–320.

- Шарафутдинова И.Н. 1987. Бронзовые украшения сабаатиновской культуры (к вопросу о контактах). В: *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев, 69–86.
- Шманько О. 2003. Найдавніші мідні вироби на території Буковини. У: *Буковинський історико-етнографічний вісник*. Чернівці, 50–53.
- Ciugudean H. 2010. The Late Bronze Age in Transylvania. *Satu Mare – Studii si Comunicari XXVI* (I), 157–202.
- Dergačev V. 2002. *Die aneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX (9).
- Ignat M. 2000. *Metalurgia în epoca bronzului și prima epocă a fierului din Podișul Sucevei*. Suceava.
- Leskov A.M. 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen). PBF XX (5).
- Mares I. 2002. *Metalurgia aramei în neo-eneoliticul României*. Suceava.
- Petrescu-Dimbovița I.M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București.
- Petrescu-Dimbovița M. 1998. Der Arm- und Beinschmuck in Rumanien. PBF X (4).
- Todorova H. 1981. Die kupferzeitlichen und Beile in Bulgarien. PBF IX (14).
- Vulpe A. 1964. Cu privire la cronologia topoarelor de aramă cu brațele “în cruce”. *SCIV* 15 (4), 457–466.
- Vulpe A. 1975. Die Axte und Beile in Rumänien. II. PBF IX (5).
- Zurovski K. 1949. Zabutki brazowe z mlodszy epoki brazu i wczesnego okresu zelaza z dorzecza gornego Dniestru. *Prz.Arch* 25 / VIII (2), 155–247

References

- Balaguri, E. A. 1980. *Pamiatniki plemen pozdnebronzovogo perioda v Srednem Podnestrov'e (Monuments of the Late Bronze Age tribes in the Middle Dniester Region)*. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v epokhu pervobytno-obshchinnogo stroia (Northwestern Black Sea Region in the primitive communal system epoch)*, Kiev 101–116 (in Russian).
- Bandrivskii, M. S. 2011. *Eshche raz ob oval'nykh kol'tsakh nachala epokhi zheleza i ob ikh funktsional'nom naznachenii (Once again on the oval rings of the beginning of the Iron Age and on their functional purpose)*. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historico-Archaeological Almanac)* (10), 4–14 (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII-VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (Bronze objects of the XIII-VIII centuries BC from the Dniester-Prut interfluve)*. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Moldova and neighbouring territories in the Bronze Age)*. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia k probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Metal products on the issue of the genesis of the early Hallstatt cultures of the Carpathian-Danube-Notthern Pontic region)*. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V. A. 2010. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia (Socketed axes (celts) of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region)*, I. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia (Socketed axes (celts) of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region)*, II. Chișinău (in Russian).
- Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Metal sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe)*. Chișinău (in Russian).
- Zbenovich, V. G. 1969. *Drevneishie mednye topory v Vostochnoi Evrope (Ancient copper axes in Eastern Europe)*. *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 135–142 (in Russian).
- Il'kiv, M. 2011. *Arkheologichni rozvidki na pam'iatkakh pizn'obronzovogo viku na teritorii Chernivets'koi oblasti u 2009-2010 rokakh (Archaeological explorations at the Late Bronze Age sites on the territory of the Chernivtsi region in 2009-2010)*. *Pitannia starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkheologii i etnologii (Issues of ancient and medieval history, archaeology and ethnology)* 1 (31), 26–39 (in Ukrainian).
- Klochko, V. I. 2006. *Ozbroennia ta viis'kova sprava davn'ogo naseleattia Ukraini (5000-900 rr. do R. Kh.) (Arms and arts of the ancient population of Ukraine (5000-900 BC))*. Kiev (in Ukrainian).
- Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2011. *Nash nedavnii bronzovyi vek (Our recent Bronze Age)*. Kiev (in Russian).
- Korenevskii, S. N. 1978. *O metallicheskikh nozhakh iamnoi, poltavkinskoi i katakombnoi kul'tur (On the metal knives of the Pit-grave, Poltavka and Catacomb cultures)*. *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (2), 33–48 (in Russian).
- Krushel'nits'ka, L. I. 1985. *Vzaemov'iazki naseleattia Prikarpatia i Volini z plemenami Skhidnoi i Tsentral'noi Evropi (rubizh epokh bronzi i zaliza). (Intercommunication between the population of the Carpathian region and Volyn with the tribes of Eastern and Central Europe (the Bronze/Iron Age boundary))*. Kiev (in Ukrainian).

- Krushel'nits'ka, L. I. 2006. *Kul'tura Noa na zemliakh Ukraini (Noua culture on the territories of Ukraine)*. Lviv (in Ukrainian).
- Maleev, Iu. N. 1994. *Metallurgiiia bronzy Lesostepnogo Podnestrov'ia v predskifskii period. Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia V tys. do n.e. – V v. n.e. (Bronze Age metallurgy of the Forest-Steppe Dniester Region in the pre-Scythian period. Ancient communities of farmers and herdsmen of the Northern Black Sea Region of the V millennium BC – V century AD)*. Tiraspol, 178–181 (in Russian).
- Pivovarov, S., Il'kiv, M. 2009. *Novi znakhidki skarbiv epokhi bronzi – rann'ogo zaliza na teritorii Bukovini (New finds from the Bronze-Early Iron Age hoards on the territory of Bukovina)*. In *Vzaemozv'iazki kul'tur epokh bronzi i rann'ogo zaliza na teritorii Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi: Zbirka naukovikh prats' na poshanu Larisi Ivanivni Krushel'nits'koi (Intercommunication of the Bronze and Early Iron Age cultures in Central and Eastern Europe: Collected scientific works in honor of Larissa Krushel'nits'kaia)*. Kiev–Lviv, 89–98 (in Ukrainian).
- Pivovarov, S., Il'kiv, M. 2011. *Starozhitnosti epishnurovogo gorizontu v mezhirichchi Verkhn'ogo Siretu ta Seredn'ogo Dnistra (Epicorded horizon antiquities in the Upper Siret-Middle Dniester interfluvium). Materiali i doslidzhennia z arkhologii Prikarpattia i Volini (Materials and Researches on the Archaeology of the Carpathian region and Volyn)* (15), 291–298 (in Ukrainian).
- Smirnova, G. 1958. *Svedeniia o rabote Zapadnoukrainskoi ekspeditsii 1956 g. (Information about the work of the Western Ukrainian expedition in 1956)*. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XIII, 68–70 (in Russian).
- Smirnova, G. 1959. *Zapadnoukrainskaia arkhologicheskaia ekspeditsiia v 1957 g. (Western Ukrainian archaeological expedition in 1957)*. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XVI, 62–64 (in Russian).
- Smirnova, G. I. 1985. *Osnovy khronologii predskifskikh pamiatnikov Iugo-Zapada SSSR (Fundamentals of the chronology of the pre-Scythian monuments of the Southwest of the USSR)*. *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (4), 33–53 (in Russian).
- Timoshchuk, B. O. 1974. *Zustrich z legendoiu (Meeting the legend)*. Uzhgorod (in Ukrainian).
- Timoshchuk, B. O. 1984. *Chernivets'ka oblast' (Chernivtsi region)*. In *Dovidnik z arkhologii Ukraini: Khmel'nits'ka, Chernivets'ka, Zakarpats'ka oblasti (Guide to Ukrainian Archaeology: Khmel'nitsk, Chernivtsi and Transcarpathian regions)*. Kiev, 109–171 (in Ukrainian).
- Tkachuk, T. 2002. *Fazi rozvitku i vidnosna khronologiiia shipinets'koi grupi arkhologichnikh pam'iatok (Phases of development and relative chronology of the archaeological sites of the Shipintsy group)*. In *Zapiski naukovoogo tovaristva imeni T. Shevchenka. (Proceedings of the Taras Shevchenko scientific community)* CCXLIV. Lviv, 89–114 (in Ukrainian).
- Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient metal working in the South West of the USSR)*. Moscow (in Russian).
- Chernykh, E. N. 2009. *Stepnoi poias Evrazii: Fenomen kochevykh kul'tur (Eurasian steppe belt: The phenomenon of nomadic cultures)*. Moscow (in Russian).
- Chernysh, E. K. 1982. *Eneolit Pravoberezhnoi Ukrainy i Moldavii (Eneolithic of Right-Bank Ukraine and Moldova)*. In *Eneolit SSSR (Eneolithic in the USSR)*. Moscow, 165–320 (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1987. *Bronzovye ukrasheniia Sabatinovskoi kul'tury (k voprosu o kontaktakh) (Bronze ornaments of the Sabatinovka culture (on the issue of contacts))*. In *Mezhplemennnye sviazi epokhi bronzy na Ukraine (Intertribal relations of the Bronze Age in Ukraine)*. Kiev, 69–86 (in Russian).
- Shman'ko, O. 2003. *Naidavnishi midni virobi na teritorii Bukovini (Ancient copper products on the territory of Bukovina)*. In *Bukovins'kii istoriko-etnografichnii visnik (Historico-Ethnographic Journal of Bukovina)*. Chernivtsi, 50–53 (in Ukrainian).

Пивоваров Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича, помощник генерального директора Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника; e-mail: s.v.pivovarov@mail.ru

Ильків Николай Владимирович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича, директор Черновицкой филии Охранной археологической службы Украины Института археологии НАН Украины; e-mail: ilkiv_chnu@ukr.net

Cristian Schuster

Landscape and demographic dynamics in Southern Romanian Bronze Age. The Lower Argeş Basin

Keywords: Bronze Age, demographic dynamics, Lower Argeş Basin.

Cuvinte-cheie: epoca bronzului, dinamica demografică, bazinul Argeşului Inferior.

Ключевые слова: эпоха бронзы, демографическая динамика, бассейн Нижнего Арджеша.

Cristian Schuster

Landscape and demographic dynamics in Southern Romanian Bronze Age. The Lower Argeş Basin

In our intervention we will try to put together a picture as close to the real one as possible regarding the dynamics of the settlements from the Bronze Age in the larger basin of the Lower Argeş River. This study is mostly based upon the personal investigations from Mihăileşti-*Tufa*, Adunaţii-*Copăceni*, Varlaam, Mogoşeşti, Mironişti and Radovanu, all villages are situated on the right bank of the Argeş River, Schitu, Bila and Cămineasca, on the Câlniştea River, and Bucureşti-Militari-Câmpul Boja and Ciurel, which are situated on the right bank of the Dâmboviţa. Here are rendered considerations regarding the environment, the economy practiced by communities and the possible inner factors that could make a contribution to the variation of the demographic dynamics.

Cristian Schuster

Mediul ambiant și dinamica demografică în epoca bronzului din sud-estul României. Bazinul Argeşului Inferior

În intervenția noastră încercăm să alcătuim un tablou cât mai apropiat realității cu privire la dinamica așezărilor din epoca bronzului din bazinul mai larg al râului Argeş. Studiul se bazează în special pe investigațiile personale de la Mihăileşti-*Tufa*, Adunaţii-*Copăceni*, Varlaam, Mogoşeşti, Mironişti și Radovanu, toate localități situate pe malul drept al Argeşului, Schitu, Bila, Cămineasca, amplasate pe râul Câlniştea, și Bucureşti-Militari-Câmpul Boja și Ciurel, aflate pe malul drept al Dâmboviței. Sunt prezentate aprecieri vizavi de relația mediul înconjurător, economia practică de comunități și posibile resorturi interne, care au contribuit la fluctuația dinamicii demografice.

Окружающая среда и демографическая динамика на юго-востоке Румынии в эпоху бронзы. Бассейн Нижнего Арджеша

В статье предпринимается попытка как можно ближе к реальности воспроизвести картину динамики распространения поселений эпохи бронзы в регионе Нижнего Арджеша. Исследование основывается, в большей мере, на собственных раскопках автора, проводившихся в Михэйлешть-Туфа, Адунаций-Копэчень, Варлаам, Могошешть и Радовану, все населенные пункты на правом берегу Арджеша, Скиту, Била, Кэминяска на реке Гылништя, и Букуруешть-Милитарь-Кымпул Боя и Чурел, находящиеся на правом берегу реки Дымбовица. Представлены оценки относительно условий окружающей среды, экономики сообществ и возможных внутренних рычагов, которые влияли на изменения демографической динамики.

Introduction

It seems that the natural phenomena were one of the most important factors that influenced the population dynamics in Southern Romania, more exactly in Oltenia, Muntenia and Dobrogea. We consider here the climatic aspects, seismic movements and volcanic eruptions, both from the mentioned area and from closer, or more remote neighboring areas that could influence, through a chain reaction, the space between the Southern Carpathians and the Danube.

Multidisciplinary analyses (paleontology, dendrochronology, archaeozoology, paleo-anthropology etc.), realized especially in the East-Mediterranean, Central and North-European areas and, more recently, in Eastern Europe and Romania (more timidly) outlined the image of climatic turbulences, sometimes associated with natural disasters (Schuster 2005a: with literature; Schuster, Fântâneau, Crăciunescu 2005: 9-14). These features affected the life of the Bronze Age communities from the North-Pontic area and, through

their movements to the west; they affected those communities living in Southern Romania, but also those from the larger Lower Argeş basin.

About the landscape

The Lower Danube, therefore the southern Romania also, had been, most than others, the region where the environment, with its relief forms (the mountains - in Dobrogea, but also the Carpathians and the Balkans – the highlands, plains, meadows), the hydrographic reef (the Danube and its tributaries, the Black Sea), its climate with large fluctuations, had imposed better or improper climate conditions to the populations that crossed our territory or temporarily settled for a shorter or longer time. Even beginning with ancient times, the Danube was considered one of the most important waterways of Europe. Geographically speaking, this large river had been divided into three distinct portions, out of which the last, the Lower Danube is the most important in our enterprise.

Starting from the area of Kladovo (to the south) - Turnu Severin (to the north) the course of the river Danube tempered itself, while the geographic picture generally maintained the same features: the southern bank reaching heights up to 100 m, sometimes crumbling briskly to the river, some other times with soft slopes, with a gradual decrease; the Pre-Balkan plateau being cut by important tributaries like Arcar Lom, Tibrita, Vit, Osam, Iantra, Rusenski Lom. The Pre-Balkan plateau is a highland mostly made of hard rocks, that along the millennia forced the almost straight course of the river (maybe excepting the zone Vidin-Calafat); the northern bank, which is a low, floodable region of the Danube, with swampy and sandy terrains, with an environment dominated by hundreds of lakes supplied by flooding and rains, but also by the northern important tributaries: Desnăţui, Jiu, Olt, Vedea, Argeş, Ialomiţa, Siret, Pruth. The entire northern bank of the Danube, on a distance of about 5-10 km looks as a zone predominantly covered with lakes and a microclimate supplied by the river course itself.

For the formation of the Danube in the perimeter that we are interested in, of a capital importance could be the changes occurred in the region of the Quaternary Lake from the Romanian Plain. The mentioned phenomena took place during the Pleistocene, over the time being studied by a series of specialists (Coteţ 1976; Păunescu 2000). In

the opinion of Petre Coteţ, during the first phase (*Danube*); „the Quaternary lake” had withdrawn from the spot where the river left the defile and went up to the Argeş and Burnaz Plain. Subsequently, in the *Günz* phase, the Burnaz, Burdea and Boian Plains etc., then in the *Günz-Mindel* phase the Bărăgan Plain, in the *Mindel-Riss* phase the Mostiştea, in the *Würm I-Würm II* phase the region of Brăila, while in the last phase, *Würm III* (= *Holocene*), north-eastern Romanian Plain developed there selves. It seems that beginning with the Upper Pleistocene the Danube penetrated the terraces of Chirnogi and Băileşti advancing up to the Mostiştea River (Roşu 1973). Subsequently (in *Würm*), the Corabia terrace had been formed and, during the Holocene, the one of the Călăraşi.

The Danube also crosses the territory of the northern Dobrogea, the region that continues up to the tectonic line Peceneaga-Camena (Tufescu 1974: 156-160). In this area, the hydrographic reef is composed of rivers that flow into the big Danube – Cerna, Topologu, and Peceneaga – but also of those that flow into the littoral lakes – Casimcea, Taiţ, Slava, and Teliţa. Interesting and significant are the developments of the Taşaul Lake in the Quaternary, in a space subsequently inhabited by several distinct human communities (Popescu, Caraivan 2003).

It is obvious that the Danube, by the delta-horn formed even during the *Villafranchian* at its flow into the „Quaternary lake”, had a decisive contribution, later on „helped” also by the Argeş, Dâmboviţa, Ialomiţa, Prahova, Teleajen, Buzău rivers, by their successive dejection cones and by their aluvio-proluvial depositions, to the formation of the Romanian Plain (subdivided in: Olteniei Plain, Central Muntenian Plain, Transitional Plain of Bucharest and the Bărăgan Plain) (Coteţ 1976; Păunescu 2000: 27 f.). As parts of the Romanian Plain the meadows of the Danube, Jiu, Olt, Argeş, and Ialomiţa had been formed during the Holocene.

In Prehistory, the Argeş was (Schuster, Popa 2000: 11 ff.; Schuster, Popa 2008: 13 ff.; Schuster, Popa 2010: 9 ff.; Schuster, Popa, Barbu 2012: 11 f.), and still is today the most important river in Central Muntenia. Belonging to the hydrographic allochthonous reef (Gâşteanu, Iordan 1970: 33; Iordan 1973: 53), it is supplied over its course of 344 km by more or less rich waters of some tributaries, among which, in this lower part, up to its flow

into Danube (Jordan 1973: 53 ff.; Ghinea 1996: 65), a zone of interest for our study that would be important to mention is Dâmbovița, Colentina, Sabar, Neajlov, Câlniștea, Câlneau, Pasărea, Glavacioc, Bratilov, Cocioac, Ilfovăț, Dâmbovnic, Ismar, Milcovăț.

The Argeş River makes the eastern border of the Teleorman Plain, which is also part of the Romanian Plain. The specialists (Popescu 2005) have noticed the development of the Teleorman Plain in eight phases, consequently with the retreat of the great lake from the Pliocene and Quaternary. Important are also the moments when part of the Pitești Plain had been formed (Terrace 5 of the Argeş = t_5 Argeş), when the Danube advanced from the mouth of the Olt river up to the one of the Argeş (t_4 Argeş), thus fracturing the connection between the Boian and Burnaz Plains with the Pre-Balkan Highland, but also the sequences of the Terraces 3 and 2, when the territory between the Olt and Argeş was gradually emptied of the waters of the Quaternary lake.

The Teleorman Plain has several subunits. Of these, in the Giurgiu County, two had been bordered by the Argeş River: we refer here at the Găvanu-Burdea Plain and also at the Burnaz Plain. The first of them is neighboring with Vedea to the west, the Argeş to the east and the Burnaz Plain to the south (Ciulache, Dobraca, and Cîndea 2005). It is a piedmont plain, covered with loess and loess-like deposits (with a thicknesses of 8-20 m), which are mostly placed upon a clayish or marnous bed.

The eastern part of the plain is also known as Găvanu Plain. This is situated between the Teleorman and Argeş rivers. In its turn, this geographical unit had been divided into the Dâmbovnicului Plain in the north and Câlniștei Plain in south.

Regarding the stretch of the Burnaz Plain there are several hypotheses (Basarabeanu, Bordânc, Vlăsceanu 2005). In older documents, by Burnaz Plain it was understood the territory between the flow of the Vedea river into the Danube and the Parapancea Valley. Subsequently, it was considered the space between the Lower Olt and the Lower Argeş, with the Câlniștea River to the north and the Danube to the south. Today, when we discuss about the Burnaz Plain, we are focused upon the region between the Lower Vedea and Teleorman, Vijiștea Valley and Valea Albă up to Câlniștea. The Burnaz is covered with what specialists call mol soil; while in the north of the

Găvanu-Burdea Plain dominate the podzolite and plain soil.

The Ialomiței Plain is composed of several subunits – Târgoviște-Ploiești, Istrița, Titu-Sărata and Vlășia, out of which of interest for the relief of the Giurgiu County are the last two. Thus the Titu-Sărata Plain comprises mostly large interfluves, in our case the one between the Argeş and Sabar/Dâmbovița (Grigore, Popescu, Marin 2005: 299). The argiloluvial soil, the mol soil, especially the cambic tchernosioms as well as the intrazonal hydromorphic soils and undeveloped soils are specific to the Titu Plain.

The Vlășiei Plain (Posea, Bogdan, Popescu, Buza, Posea, Drugescu 2005: 307-338), includes also parts of the Argeş Meadow. The altitude in this part of the plain reaches about 30 m. The third terrace of the Argeş that begins at Domnești (Ilfov County), north of Vărăști has an absolute altitudinal of 60 m, or 15 m relative altitude. The second terrace of the Argeş, at the Dragului Valley measures about 8-12 m relative altitude, respectively 45-50 m absolute altitude. On the other hand, the first terrace, at Dobreni, Vărăști, Dragului Valley (in the south) and Herăști has an absolute altitude of about 60-40 m, which means a relatively altitude of maximum 5-7 m.

We have mentioned here the Argeş Meadow. In fact, this is the meadow of Argeş-Sabar, which begins at Găiseni (120 m absolute altitude) stretches up to Oltenița-Chirnogi (18-20 m absolute altitude) and has a width of 5-6 km. At Oltenița the river had formed a cone in the Danube Meadow. The Sabar River (Ghinea 1998: 53) is one of the left tributaries of the Argeş. It flows into the last mentioned river on the territory of the Hotarele commune. The length of the river that springs in south-east piedmont of Cîndești measures 144 km. In some specific time sequences, due to intense precipitations, it was possible that those two rivers could merge their courses and form a single one, of considerable dimensions. Most probably, this was a navigable one, an aspect which is confirmed, in our opinion, by the find of the dugout remains at Mironești (Schuster, Morintz 2006: 35). The Argeş Meadow, the same like others from the Teleorman Plain (Glavacioc, Neajlov, Dâmbovnic), is covered with alluvial and alluviums and sometimes the rego soil are also present, being placed on the top of the terrace and on the slopes that connect the mentioned terraces, the plains and meadows.

The most important secondary water course on the right of the Argeş, are the Neajlov and Câlniştea rivers. The latter one (Ghinea 1996: 391) has its main springs in the Talpa commune (Teleorman County) and its main tributaries are Glavacioc (Ghinea 1996: 617), Ismar, Valea Albă and Valea Porumbenilor, which had a semi permanent flow during the Prehistory and up to the modern times when they had been partly regularized, fact which most probably had consequences upon the dynamics of the human communities.

From its left, the Argeş was especially supplied with water by Dâmboviţa (Ghinea 1996: 506 f.) that flows on the northern slope of the Iezer Mountains, having as main tributaries Colentina, Ilfov, Câlău, and Pasărea. Beginning with 1865, then 1880-1882, 1936, and 1985-1987, the Dâmboviţa river, especially on the segment that crosses the Bucharest city, undergone some fitting, damming ups, regularization and the formation of an accumulation lake in the area of Militari-Ciurel-Crângaşi, called „Lacul Morii”. All these interventions induced changes of the initial landscape, totally or partially affecting the archaeological sites on the river banks. The river valley measures about 25 km on its route from northwest-southeast creating in Bucharest (Ghinea 1996: 225, 227) a rather wide meadow with a width of 2,5 km. The right bank is higher – of about 10-15 m, while the left one reaches about 4-6 m. It is remarkable that some high terrace foothills like Cotroceni, Spirei, Filaret, Belu, Piscu, Văcăreşti, but also some higher erosion terraces like Patriarhia, Radu Vodă, Bucur, Troiţa, Movila Mare, had attracted the human communities in different time sequences.

The most important tributary of Dâmboviţa is Colentina (Ghinea 1996: 445) that begins its course in the Târgoviştei Hills. During the 20th century, due to the human intervention, a large number of anthropic lakes had been created (Ciocăneşti, Buftea, Buciumeni, Mogoşoia, Chitila, Străuleşti, Băneasa, Herăstrău, Floreasca, Tei, Plumbuita, Fundeni, Pantelimon I, Pantelimon II, Cernica), which have modified, sometimes in a dramatic manner, the prehistoric landscape (Stănescu, Gavriiloaie 2011).

Also due to the anthropic intervention that took place after the earthquake since March the 4th 1977, when a large quantity of debris has been deposited in the banks of the Pasărea River.

Archaeological findings

The Lower Argeş, together with its basin and tributaries, has been documented since very ancient times that it was one of the most important and interesting ranges of Central Muntenia, being always desired by the human groups and consequently intensely populated. In the first part of this subchapter of the article we would insist upon the Bronze Age sites on the Giurgiu County segment of the Argeş River, especially on the high terrace on its right.

The information regarding the vestiges of the Bronze Age before the project implementation of the Bucharest-Danube Channel (Ghinea 1996: 347), whose main axis was the river course, with a length of 73 km, downstream from the Mihăileşti town (Giurgiu County) and up to Olteniţa (Călăraşi County), were rather lacunary. Some more important archaeological investigations had been carried out at Popeşti and Novaci (both belonging to Mihăileşti town), but also at Radovanu (Călăraşi County).

In the time span 1986-1989 the surveys, which in some cases had been followed by other preventive or even systematic excavations, had enabled the amplification of the image regarding the dynamics of the habitation on the Lower Argeş in the Bronze Age. Therefore, starting from northwest to southeast, along the river, on the territory of the Mihăileşti town, in the former village Tufa, on different spots, in 1958 two bronze axes had been discovered by hazard, one with a transversal hafting hole, two golden earrings but also a pair of *Lockenring* (Vulpe 1959; Schuster, Popa, Barbu 2012: 22, pl. XXXIV: 1-3), all assigned to the Tei I culture. Preventive excavations had been carried out in 1987 that resulted in the research of a settlement of the Glina culture belonging to the Early Bronze Age, (Schuster 1989; Schuster 1992; Schuster 1997a: 195 ff.; Schuster, Popa 1995a: 20 ff.; Schuster, Popa 2009b: 84; Schuster, Fântâneau 2005: 32; Schuster, Popa, Barbu 2012: 52 ff.). This site, together with the one investigated in 1989 at Varlaam (Adunaţii-Copăceni comm, Giurgiu County), on the spot „La Bazin” (Schuster 1995a; Schuster 1997a: 211 ff.; Schuster, Popa 1995a: 23 ff.; Schuster, Popa 2009b: 85; Schuster, Popa, Barbu 2012: 68 ff.), situated downstream, also on the right and steep bank of the Argeş, had brought proofs that Glina communities had also existed on this river from Central Muntenia, assigned to the classi-

cal phase IIb, using pottery of Vučedol influence, which until 1987-1989 had been identified just in Eastern Oltenia and Western Muntenia (Schuster 1992b). Between these two sites, the distance in straight line was of 16 km, while if the meandered road on the terrace of the bank had been used, along the Argeş Valley, the distance could have reached 25 km.

Also on the right bank of the river settlements of the Glina classical phase (IIa) had been discovered, but missing the pottery of Vučedol influence. We refer here at Drăgănescu-„Punctul 1” (Schuster 1997a: 191; Schuster, Popa 2009b: 83; Schuster, Popa, Barbu 2012: 44; Schuster, Fântâneau 2005: 30) and Popeşti-„Nucet” (Vulpe 1957: 227; Păunescu 1970: 204; Vulpe, Gheorghişă 1981: 60; Palincaş 1997: 174; Trohani 1997: 195 ff., pl. III: 2-7, VI: 1, 3-4, 6-8; Schuster 1997a: 203; Schuster, Fântâneau 2005: 34; Schuster, Popa 2009b: 84; Schuster, Popa, Barbu 2012: 32), both parts of the town Mihăileşti, Adunaţii-Copăceni-„Dăneasa/Dăneasca” (Schuster, Popa 1995a: 31; Schuster, Popa 2009b: 83; Schuster 1997a: 199; Schuster, Fântâneau 2005: 21; Schuster, Popa, Barbu 2012: 46, 66), Varlaam-„Sat” (Schuster, Popa, Barbu 2012: 47) and Mogoşesti-„Punctul 1” (Schuster, Popa 2000: 79; Schuster, Popa 2009b:

84; Schuster, Popa, Barbu 2012: 73), villages of the Adunaţii-Copăceni commune, Mironeşti-„Coastă” (Schuster, Popa 1995a: 41; Schuster, Popa 2008a: 27; Schuster, Popa 2009b: 84; Schuster 1997a: 198; Schuster, Fântâneau 2005: 32; Schuster, Popa, Barbu 2012: 49), „Conacul Mironescu” (Schuster, Popa 2012: 10 ff.; Schuster, Popa, Barbu 2012: 77), „Conacul lui Palade” (Schuster, Fântâneau 2005: 33; Schuster, Popa 2008a: 33, 35; Schuster, Popa 2009b: 84; Schuster, Popa 2012: 15 ff.; Schuster, Popa, Barbu 2012: 78) and „Malul Roşu” (Schuster, Popa 2008a: 36 f., 44; Schuster, Popa 2009b: 84; Schuster, Popa 2012: 22 f.; Schuster, Popa, Barbu 2012: 78), Gostinari commune (Fig. 1).

On the Câlniştea River, the surveys and the preventive investigations had enabled the registering of Glina sites both on the banks of the river and on its wider valley (Fig. 2). On the right bank had been excavated the settlements from Schitu-„La Conac” (Schuster, Popa 1995a: 26 ff.; Schuster, Popa 2009a: 21 ff.; Schuster, Popa 2009b: 85; Schuster 1997a: 206 f.; Schuster, Fântâneau 2005: 36; Schuster, Popa, Mecu 2010) and „Gaura Despei” (Schuster, Popa 1995a: 28 ff.; Schuster, Popa 2009a: 21 ff.; Schuster, Popa 2009b: 85; Schuster, Munteanu 1995: 80 f.; Schuster 1997a: 204 f.; Schuster, Fântâneau 2005: 35; Schuster,

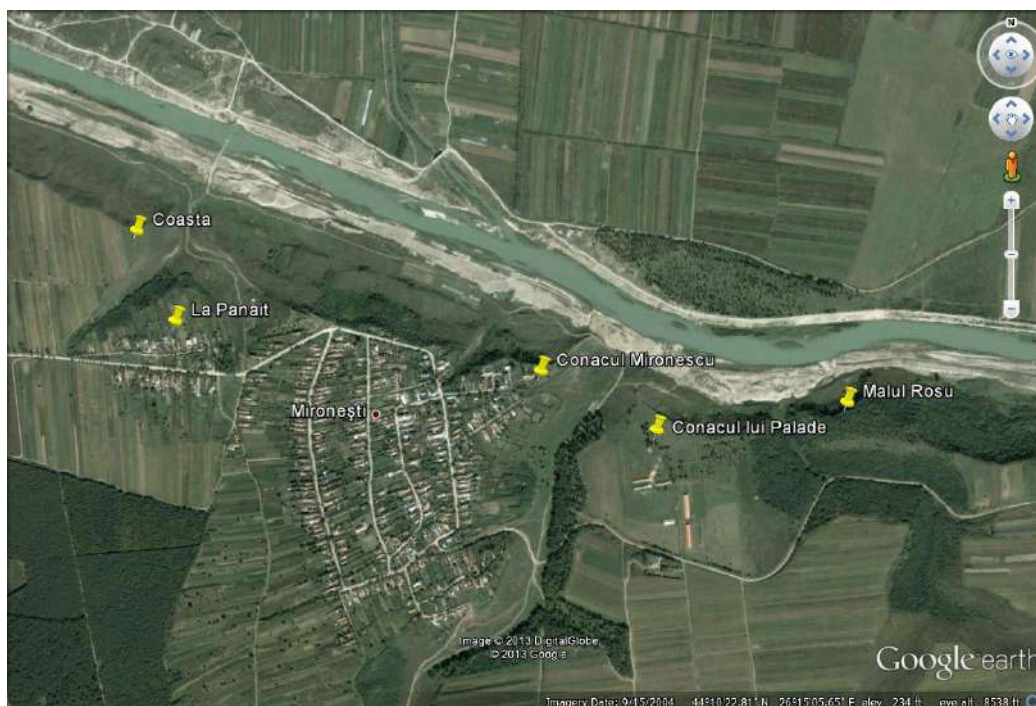

Fig. 1. Bronze Age settlements from Mironeşti Coastă, La Panait, Conacul Mironescu, Conacul lui Palade and Malul Roşu.

Fig. 2. Bronze Age settlements from the Schitu-Cămineasca-Bila region.

Popa, Mecu 2011). The pottery of this cultural manifestation had been identified on the spots Schitu-„La Vie” (Schuster 1997a: 207; Schuster, Fântăneanu 2005: 36; Schuster, Popa 2009a: 34 f.; Schuster, Popa 2009b: 85), „Pădurea Arman” (Schuster, Popa 2009a: 18 f.), „Lângă Măgura lui Boboc” (Schuster 1997a: 207; Schuster, Popa 2009a: 18, 35; Schuster, Popa 2009b: 85), „Spre Mirău I” (Schuster, Popa 1995a: 42; Schuster 1997a: 204; Schuster, Popa 2009a: 19). On the left bank of the Călniștea River had been discovered a settlement at Bila-„La Tutun” (Schuster, Popa 1995a: 43; Schuster, Popa 2009a: 17; Schuster, Popa 2009b: 83; Schuster 1997a: 77; Schuster, Fântăneanu 2005: 22). Other Glina vestiges had been discovered by excavations in the *tell* from Tangău (Berciu 1961: 485; Schuster, Popa 2009a: 13 f.; Schuster, Popa 2009b: 85; Schuster 1997a: 208; Schuster, Fântăneanu 2005: 37) and on the „Măgura” near the Cămineasca village (Schuster, Popa 1995a: 30; Schuster, Popa 2009a: 35 f.; Schuster, Popa 2009b: 83; Schuster 1997a: 185; Schuster, Fântăneanu 2005: 28). The respective zones are situated on the Călniștea River. Some ceramic fragments had been gathered also from the surface of the *tell* Schitu-„Măgura lui Boboc” (Schuster, Popa 1995a: 36; Schuster, Popa 2009a:

18; Schuster, Popa 2009b: 85; Schuster 1997a: 207; Schuster, Fântăneanu 2005: 36).

The detected archaeological situations as well as the excavated materials had contributed to the formation of a clearer image concerning the settlement types, constructions and annexes, but also the artifacts of different materials (burnt clay, stone, and bone, horn, antler and animal teeth) of this manifestation belonging to the Early Bronze Age. Thus, regarding the settlements on the Argeș, Călniștea and Dâmbovița rivers, that we had discussed above are situated on the high terrace of the rivers. This aspect had been also observed for other sites in the distribution area of this culture, both in Muntenia and Oltenia (Schuster 1996b; Schuster, Fântăneanu 2003; Schuster, Fântăneanu 2005: 54 f.). Of course, other Glina communities had chosen to settle on the middle or low terraces of the rivers or on former Chalcolithic *tell*.

The settlements that we had investigated had proven to be not fortified. It is true that most of them benefitted from their position, being „naturally defended” by steep banks, floodable areas and deep valleys that were difficultly accessible. The only fortified settlements in the larger Lower Argeș basin are those from Crivăț and, possibly, Popești-„Cioarinu” (Schuster 1997a: 190 f.;

Fig. 3. Bronze Age settlements from Bucureşti Militari-Câmpul Boja and Ciurel.

Schuster 2008; Schuster, Fântâneanu 2005: 29, 34, 57; Schuster, Popa 2010: 34).

Generally, the settlements, even if the archaeological research didn't investigate all the area of a site, had small dimensions, with few, scarce complexes. Among the latter ones, we could mention the above ground dwellings, most probably used solely for habitation purpose (Schuster 1997b; Schuster 2000c). This kind of constructions was built using the same technique: a mixture of clay, chopped straw and sometimes chaff was applied on a structure of logs and wickerwork. Some of the dwellings had hearths (Schuster 1996a; Schuster, Popa 2010: 42 f.); other hearth was outside the constructions. Generally, it is presumed that most of the hearths had a domestic function, both for preparation of the food and for warming.

As concerns the pits, most of them had been discovered outside the houses. Pits played mostly a storage function for the household garbage. On the other hand, there were also storage pits for grains. The pits were usually of truncated cone, trapezium, bitruncated cone, pear and cylindrical shapes.

The archaeological material is part of the typical production of the Glina culture, no matter if we refer to sites from Muntenia, or Oltenia (Schuster

1995c; Schuster 1997a: 57 ff.; Schuster 1998; Schuster, Fântâneanu 2007: 9 ff.; Schuster, Popa 2010: 58 ff.). What is remarkable is the fact that the pottery of the phase I of the culture was not identified on the Argeş River, in the area of the Câlniştea River and in the settlements on the banks of the „Lacul Morii” (Mill's Lake) (the sites from „Militari-Câmpul Boja” and „Ciurel”) (Fig. 3). But, Glina I settlements had been documented on the territory of the present Bucharest city at „Căţelu Nou” and „Mihai Vodă” (Schuster 1997a: 172 f., 176 with literature; Schuster 2012: 409; Schuster, Fântâneanu 2005: 62 f.).

The archaeological investigations that we carried out on the Lower Argeş, on the Dâmboviţa and Câlniştea, had enabled us to find a rather important number of Glina sites. It is obvious that these regions were part of the main distribution area of the culture (Schuster 1994a; Schuster 2000a; Schuster 2000b). If the larger territory of Bucharest was inhabited even beginning with the first phase, Glina communities would appear (according to the present knowledge of this issue) just in the phase II. As we already mentioned above, on the Argeş had been also documented Glina IIb (= *Govora Runcuri*) sites.

Yet, in the inhabited zones it was intriguing the „agglomeration” of some settlements in a rath-

er restrained space. Therefore, on the Dâmbovița, between „Militari-Câmpul Boja” and „Ciurel” in straight line, there are 800 m, but following the former river bank there are 1.2 km. On the Argeș, between Drăgănescu-„Punctul 1” and Mihăilești-„Tufa” in straight line there are 3.7 km (4.2 km along the former river bank), between Mihăilești-„Tufa” and Popești-„Nucet” 3.8 km (along the former river bank 4.3 km), between Popești-„Nucet” and Adunații-Copăceni-„Dăneasa/Dăneasca” 9.8 km (11.5 km on the former river bank), between Adunații-Copăceni-„Dăneasa/Dăneasca” and Varlaam-„Sat” 1.9 km (2.2 km on the former river bank), Varlaam-„Sat” and Mogoșești-„Punctul 1” 700 m (1 km on the former river bank). Also on the Argeș, but on the territory of the Gostinari commune, between Mironcești-„Coastă” and „Conacul Mironescu” there are 1.4 km (1.6 km on the former river bank), between „Conacul Mironescu” and „Conacul lui Palade” there are 500 m (700 m on the former river bank), while between „Conacul lui Palade” and „Malul Roșu” there are 500 m (550 m on the former river bank).

As we could observe, the distances between settlements were short. Concerning this situation, we could forward two hypotheses: 1. given that the settlements did not comprise a big number of dwellers, their environment, even limited as surface, could assure the food necessary for humans and domestic animals; 2. it is possible that the Glina materials that we had discovered, like those from Mironcești, could be the proof regarding the movement of a single human group that maybe had a seasonal settling, in different places of a wider space. If the latter hypothesis is true, and we are inclined to believe so, than we have a further confirmation about the economy type, of animal breeding/pastoral, practiced by the communities of this culture.

An extra proof is also the find on the Câlniștea River. Within the perimeter Schitu-Cămineasca-Bila-Tangâru, with a total surface of about 27 km², out of which just 14 km² were appropriate for human habitation, the remaining terrain having ravines, steeply slopes, floodable areas or surfaces covered with water, a number of ten places with Glina vestiges had been found. If most of these were situated on the high right and left banks of the river, two of them were placed on the „mound-islands” on the large valley of the Câlniștea Cămineasca-„Măgură”, Schitu-„Măgura lui Boboc” and Tangâru. The latter two are former Chalcolithic *tells*. In turn, Cămineasca is a natural accumulation of allu-

sions, mostly comprising pebbles and sand, with lenses of tchernosem on the surface. On the *tell* from Schitu-„Măgura lui Boboc” just fragmentary ceramics had been found (Schuster, Popa 2009a: 18); the same situation was also found at Cămineasca-„Măgură”, where to the pottery burnt clay objects could be added (a truncated weight and a flat spindle-whorl) as well as a few chopped lithics (Schuster, Popa 2009a: 35 ff), while at Tangâru some domestic pits had been investigated. If about the situation from Schitu-„Măgura lui Boboc” we cannot say too much, in the pits from Tangâru and Cămineasca some adobe lumps had been unearthed. Would it be possible that in those two first mentioned spots the constructions made of wood, wickerwork and adobe might have not been used? This would mean that they served just as simple shelters, made of organic matter whose traces cannot be archaeologically detected, or that the groups that had shortly settled in the area, didn't need any shelters. In turn, on the „Măgura” from Cămineasca had been identified ovicaprine bones with traces of burning, others belonging to fish (*Silurus glanis* and *Cyprinus carpio*) as well as shells of *Unio pictum* and an aquatic turtle shell (*Emys orbicularis*). Consequently, we could consider the hypothesis that those two „mound-islands” had been used just for a short habitation, where most probably it was „processed” the fish from the Câlniștea River. On the other hand, the settlements on the banks of the river – Bila-„La Tutun”, Schitu-„La Conac”, „Gaura Despei”, „La Vie”, „Lângă Măgura lui Boboc”, „Pădurea Arman” and „Spre Mirău I” documented the presence of a single or two human group moving with their herds while looking for food.

Before we could discuss the aspects connected with the sites of the Late, Final and Late Bronze Age in the area of the Lower Argeș, Lower Câlniștea and Lower Dâmbovița, we should mention that the archaeological investigations that we carried out on those areas had permitted the gathering of new information and data about the beginning and the end of the Early Bronze Age in Central Muntenia. The beginning of the Bronze Age in this region is still a very controversial subject (Schuster 1997a: 153 ff.; Schuster 2005b: 87 ff.; Schuster, Popa 2010: 114 ff.). In my opinion, for the largest part of Muntenia, the transitional period between the Chalcolithic period and Bronze Age is „filled” with the Cernavodă III and Cernavodă II cultures. The first manifestations of the Bronze Age on Argeș, Dâmbovița and Câlniștea are represented by the funerary

monument from Oltenița-„Calomfirescu”, which is part of the larger horizon Zimnicea – Oltenița-„Calomfirescu” – Călărași-„Mircea Vodă” – Mlăjeț (Roman 1986: 30 ff.; Schuster 2005b: 88 ff.) and what we called „materials of Cățelu Nou-Mironești type”. Such finds had been firstly signaled by Valeriu Leahu in Bucharest-„Cățelu Nou” (Leahu 1965). At Mironești-„Malul Roșu”, such post-Cernavodă II pottery, but rooted in this manifestation, had been discovered in a rather large amount (Schuster, Popa 2008a: 43 f.), but, unfortunately, not within a layer proper or in complexes. At Schitu-„Gaura Despei” the quantity of ceramics was much smaller (Schuster, Popa 2009a: 34).

As could be noticed, such pre-Glina traces are sporadically ones in the range that we analyze here, the same like the post-Glina ones. In fact, in the last mentioned case, we discuss about a single significant find, namely the one from București-Militari-Câmpul Boja. The pottery discovered there, that we called „of Militari-Câmpul Boja type”, fragmentary and in small amount, could show, in my opinion, connections with both the Glina culture, but also southern influences, from across the Danube (Schuster 2001).

The first sequence of the Middle Bronze Age in Muntenia was the phase I of the Tei culture. Such discoveries had been done in Bucharest-„Cățelu Nou” and „Bucureștii Noi”, Bungetu-Brăteștii de Sus and Costeștii din Vale (Dâmbovița County), Frătești and Grădișea (Giurgiu County), Greci (Ilfov County), Ulmeni-„Tăușanca” (Călărași County) (Leahu 2003: 53 with literature; Schuster 2005c: 87 ff.). In our research on the Argeș, Dâmbovița and Câlniștea we didn't find sites of the Tei I Phase. Possible objects assigned to this phase on the Lower Argeș, are those made of metal from Mihăilești-„Tufa” that we already discussed at the beginning of this article. In turn, at Mogoșești-„Cimitir” and „Punctul 1” a settlement of the Tei II phase could be investigated (Schuster, Popa 1995b; Schuster, Popa 2000; Popa 1998; Popa, Schuster 2002; Schuster, Popa, Barbu 2012: 71 ff.). We had assigned that site to a subphase/ stage – which we named *Mogoșești*, accepted and circulated in the specialized literature (Leahu 2003: 54). It is obvious that the settlement from there, the same as others belonging to the phase Tei II (*Chitila* and *Băneasa*) is being in fact, local expressions and not necessarily successive cultural sequences. Other Tei II settlements had been identified at Mogoșești-„Livadă I” (Schuster, Popa 1995a: 43; Schuster, Popa 2000: 144;

Schuster 2005c: 98) and Mironești-„Cariere de Lut” (Schuster, Popa 1995a: 44; Schuster, Popa 2000: 143; Schuster 2005c: 97).

Tei III sites had been documented on the Lower Argeș at Mihăilești-„Pod II” (Turcu 1992; Schuster, Popa, Barbu 2012: 30) and „Tufa” (Schuster, Popa 1995a: 21; Schuster, Popa 2000: 143; Leahu 2003: 22; Schuster 2005c: 97), Novaci-„Sălaș” (Vulpe, Veselovschi-Bușilă 1967; Schuster, Popa 2000: 144; Leahu 2003: 23; Schuster 2005c: 98), Adunații-Copăceni-„Pod” (Schuster, Popa 1995a: 40; Schuster, Popa 2000: 142; Schuster 2005c: 85; Schuster, Popa, Barbu 2012: 63) and „La Livadă” (Schuster, Popa 1995a: 40; Leahu 2003: 17; Schuster 2005c: 85; Schuster, Popa, Barbu 2012: 46, 63 f.), Mogoșești-„Spital” (Schuster, Popa 1995a: 43; Schuster, Popa 2000: 144; Schuster 2005c: 98) and „Livadă II” (Schuster, Popa 1995a: 43; Schuster, Popa 2000: 144; Schuster 2005c: 98), Mironești-„Cariere de Lut” (Schuster, Popa 2008a: 23), „Coastă” (Schuster, Popa 1995a: 37; Schuster, Popa 2008a: 23 ff.; Leahu 2003: 22; Schuster 2005c: 97), „La Panait” (Schuster, Popa 1995a: 37 f.; Schuster, Popa 2008a: 27 f.; Leahu 2003: 22; Schuster 2005c: 97), „În Vale” (Schuster 2005c: 97), „Conacul lui Palade” (Schuster, Popa 2008a: 33 ff.; Schuster, Popa 2012: 19 f.; Schuster 2005c: 97), „Malul Roșu” (Schuster, Popa 2000: 143 f.; Schuster, Popa 2008a: 44; Schuster, Popa 2012: 27; Schuster 2005c: 97) and „Conacul Mironescu” (Schuster, Popa 2012: 10, 13) (Fig. 1), Izvoarele-„Valea Seacă” (Leahu 1988: 531 f.; Leahu 2003: 21; Schuster, Popa 2000: 143; Schuster 2005c: 96; Schuster, Popa, Barbu 2012: 25), Radovanu-„Gorgana a Doua” (Schuster, Șerbănescu 2007).

Tei IV traces had been detected on the banks of the Lower Argeș at Adunații-Copăceni-„Dăneasa/Dăneasca” (Schuster, Popa 2005a: 31 ff.; Schuster, Popa 2000: 141 f.; Schuster, Popa, Barbu 2012: 65 ff.), Mironești-„Malul Roșu” (Schuster, Popa 2008a: 44) and „Conacul Mironescu” (Schuster, Popa 2012: 11, 13), Izvoarele-„Valea Coșcova” (Leahu 1975; Leahu 2003: 22; Schuster, Popa 2000: 143; Schuster 2005c: 96).

Therefore, on the Argeș, as we mentioned before, no Tei I traces could be found, while those Tei II are rare. In turn, the number of sites belonging to the phase III is large. The entire central zone of Muntenia had faced in fact a remarkable increase of the settlements. On another occasion (Schuster 1997c), we have considered the same demographic growth as being caused by a pressure that came from the East (Coslogeni groups),

while constrained part of the communities to leave from the region of Mostiștea (Schuster 2005d) and to move towards the larger basin of the Argeș, but also to the north, towards the South-Eastern Transylvania (Schuster, Comșa 1998), as well as south, across the Danube, in the today Bulgaria.

Of course, the same like in the case of the communities of the Early Bronze Age (Glina culture) and for the Tei III sites on the Lower Argeș it could be raised the question if they increased in number as a result of a natural growth or/and demographic one, by the „flow” of other groups or we can discuss about a stressed mobility determined by the practiced economy, namely the animal breeding. For this fact could plead the lack of the thin archaeological layers and the lack or small number of complexes (constructions, annexes). Also, the existence of an enhanced number of settlements, simultaneously used, also poses the question of the economic Hinterland. We should not forget that the region of the Argeș river was covered with forests. Several places, like terraces margins and the valley proper had lacked the major vegetation and thus the possibility of assuring the food for animals and humans. In order to illustrate the density of the sites, we could mention the distances between them – in straight line and following the bank line of the Argeș river: Mihăilești-„Pod II” – Mihăilești-„Tufa” = 2.55/3.4 km, Mihăilești-„Tufa” – Popești-„Nucet” = 3.5/4.2 km, Popești-„Nucet” – Novaci-„Sălaș” = 1.3/1.7 km, Novaci-„Sălaș” - Adunații-Copăceni-„Pod” = 7.5/8.5 km, Adunații-Copăceni-„Pod” - Adunații-Copăceni-„La Livadă” = 0.7/0.8 km, Adunații-Copăceni-„La Livadă” – Mogoșești-„Spital” = 3.8/4.3 km, Mogoșești-„Spital” – Mogoșești-„Livadă II” = 1.7/1.9 km, Mogoșești-„Livadă II” - Mironești-„Căminul de Lut” = 9.45/11.5 km, Mironești-„Căminul de Lut” – Mironești-„Coastă” = 2.1/2.3 km, Mironești-„Coastă” – Mironești-„La Panait” = 0.3/0.5 km, Mironești-„La Panait” – Mironești-„Conacul Mironescu” = 1.05/1.35 km, Mironești-„Conacul Mironescu” – Mironescu-„În Vale” = 0.25/0.3 km, Mironescu-„În Vale” – Mironești-„Conacul lui Palade” = 0.3/0.35 km, Mironești-„Conacul lui Palade” – Mironești-„Malul Roșu” = 0.36/0.5 km, Mironești-„Malul Roșu” – Izvoarele-„Valea Seacă” = 4.1/4.6 km, Izvoarele-„Valea Seacă” – Radovanu-„Gorgana a Doua” = 17.1/18.8 km. The distances longer than 4.5/5 km between two settlements I believe that attest, in fact, a lacunary research and not necessarily the lack of sites.

In the range of the Lower Câlniștea the surveys and preventive excavations had permitted the

identification of sites belonging to the Tei culture at Tangâru (Tei IV; Berciu 1961: 485; Schuster, Popa 2000: 149; Schuster, Popa 2009a: 13; Leahu 2003: 25), Bila-„Măgura III” (Tei III; Berciu 1961: 17; Schuster, Popa 2009a: 17) and „Sat” (Tei II?; Schuster, Popa 2000: 145; Schuster 2005c: 86), Schitu-„Măgura lui Boboc” (Tei III?; Schuster 2005c: 86; Schuster, Popa 2009a: 18), „La Conac” (Schuster, Popa 1995a: 40; Schuster, Popa 2000: 149; Leahu 2003: 24; Schuster, Popa, Mecu 2010) and „Gaura Despei” (Tei IV; Schuster, Popa 1995a: 40; Schuster, Popa 2000: 149; Schuster, Popa 2009a: 30 ff.; Leahu 2003: 24; Schuster, Popa, Mecu 2011) (Fig. 2). As we can see, their density is not too big, the economic *Hinterland* assuring without any „effort” their number (even if some of the settlements were simultaneously in use).

The Tei sites on the territory of Bucharest are specific for this manifestation of the Middle, Late and Final Bronze Age. Here, but also in its proximity (Leahu 1966, Leahu 2003; Schuster 2005c) a large number of sites had been identified (București-„Giulești Sîrbi”, „Dealul Grozăvești”, „Dealul Piscului”, „Parcul Tineretului”, „Plumbuita-Toboc”, „Strada Ziduri între Vii”, „Străulești-Cimitir”, „Străulești-Bazilescu”, „Ștrandul Libertății”, „Tei”, „Bucureștii Noi”, „Cățelu Nou”, „Lunca Bârzești”, „Panduri” and „Văcărești”; Băneasa, Berceni, Otopeni, Pantelimon, Chiajna, Chiajna-„Roșu”, Dudu, Glina, Glina-Bobești, Jilava, Pantelimon, Pipera). The systematic and preventive excavations in Bucharest-„Militari-Câmpul Boja”(Fig. 3), site that we had intensely studied, had resulted in the discovery of some Tei I materials (Schuster, Negru 2006: 56, pl. 29: 3), of a Tei III settlement, as well as of two others Tei IV. The traces of the Tei III habitation had been detected in *Sectors D* and *B* (Schuster, Negru 2006: 44 f., 56 ff.; Schuster, Negru 2008; Schuster, Negru 2009; Schuster, Negru 2013).

As concerns the Tei IV sites, we should say that two habitation „cores” existed, one of them in *Sector C* (Schuster 2000: 22 ff.; Schuster, Negru 2006: 45 ff.), the second one in *Sector A*. As the sites look, each with a complex and constructions „concentration”, but especially pits, it is obvious that we are facing distinct entities. Of course, we could pose the question if they functioned simultaneously or successively, or if we discuss here about different communities or the same that came back on the same spot after some time. It cannot be also excluded the hypothesis according to which from the first community (family? clan?) had detached a certain part, that formed a new entity.

As we rendered brief considerations regarding the settlements of the Early Bronze Age, Glina culture, we feel the urge to do the same thing with those belonging to the Tei culture. The communities of this manifestation from the Middle, Late and Final Bronze Age had used all relief types in order to establish their settlements (Leahu 1966; Leahu 2003: 29 ff.; Schuster 2003: 493 ff.; Schuster 2005c: 111 ff.) on the grounds that included also the high banks of the wider basin of the Lower Argeş (Schuster 2005c: 112; Schuster 2012: 394).

The settlements, in their large majority not artificially fortified, in the opinion of the specialists had rather modest dimensions (Schuster 2005c: 113 f.), their position being with priority placed in naturally protected areas. The only fortified settlements, belonging to the Late and Final (Tei IV and Radovanu cultures), could be investigated at Popeşti-„Nucet” (Palincaş 1996; Palincaş 1997; Schuster 2005c: 114; Schuster 2008). Of course, we could ask ourselves, what was the need of the Late Tei community that urged it to fortify the settlement. In the present stage of the research it is hard to tell. It is possible that population groups that came from the East along the Danube which subsequently had reached the upper course of the Argeş river course, might have given the impulse for the settlement fortification. Traces of the eastern populations of Coslogeni type had been detected west of the river flow into the Danube, for instance at Frăteşti-„Dealurile Olăreasa” and „Lagărului” (Isăcescu, Burlacu 1978: 46 f., fig. 5), but also on the Argeş, at Mironeşti-„Malul Roşu” (Schuster, Popa 2008a: 44, fig. 62). It should be also noticed that, in the last mentioned site, as well as in the one from Frăteşti-„Dealul Lagărului” (Schuster, Popa 2008a: 67; Schuster, Popa 2012: 65) Tei IV vestiges had been discovered, fact which raises at least three hypotheses: 1. either the Tei IV communities had been contemporaneous with the Coslogeni groups arrived there and they lived „in harmony”; 2. either the Tei IV communities had to leave their range forced by the newcomers; 3. either no connection existed between them. Of course, the initiative of fortifying the settlement from Popeşti-„Nucet”, it is not excluded to have been caused by inner motivations: crystallization of a center of power (political, economical, religious), that dominated the settlements on a wider area; conflicts with other communities.

About the dimensions of the Tei settlements in the Lower Argeş basin it cannot be said too much. Probably, the same like in the case of the habitations of the Glina culture, these were also relatively small (Schuster 2005c: 113 f.). Yet, certain is the fact that we cannot discuss about an

organized inner structure based upon clear criteria. As much as investigated, the complexes had been arranged without any rule. Examples in this sense are Mogoşeşti-„Punctul 1”, Mironeşti-„La Panait”, Bucureşti-„Militari-Câmpul Boja” (Schuster, Popa 2000: 20; Schuster, Popa 2008a: 27; Schuster 2000d, Schuster 2005c: 114; Schuster, Negru 2006: 43 ff.). The number of complexes from a settlement – constructions/dwellings and annexes (storage and domestic pits, fire installations) (Schuster 2005c: 118 f.) – is rather small. The dwellings, either above ground or deepened, are generally of small dimensions (Schuster 2005c: 114 ff.). The only construction of remarkable size discovered on the Argeş, is the above ground *House no. 1* from Mogoşeşti (Schuster, Popa 2000: 27 f., fig. 5: 11). The dimensions of the house, consequently proved, in 1993 and 1995, through the discovery of six pole pits, were of 14.50 m on the long northeastern side, of 14.30 m on the long southwestern side, of 10.24 m on the short northern side, and of 10.46 m on the short southern side. The interior features (three hearths arranged in triangle in the centre of the complex) and inventory (rich in pottery, tens of small vessels, burnt clay objects, metal, bone, horn, and pieces of wattle and daub) of the construction, made us consider it as a space dedicated to the cult, maybe to men’s or warrior’s gatherings (Schuster, Popa 1995b: 148; Schuster, Popa 2000: 28; Schuster, Popa 2010: 100 f.; Schuster 2005c: 116). This assertion was consequently strengthened when a „Clay platform” was discovered in front of the northeastern side of the complex, with hearths at each of its four corners.

The archaeological investigations that we carried out on the Lower Argeş, Lower Câlniştea and Lower Dâmboviţa (Bucureşti-„Militari-Câmpul Boja”) had provided us the opportunity to enrich the picture regarding the different aspects of the Tei culture, material (pottery, metal objects, bone, horn, antler and stone) as well as spiritual ones (Schuster, Popa 2000; Schuster, Popa 2008a; Schuster, Popa 2009a; Schuster, Popa 2010; Schuster, Popa 2012; Schuster, Popa, Barbu 2012; Schuster 2000d; Schuster 2005c; Schuster 2011; Schuster, Negru 2006; Schuster, Şerbănescu 2007).

This research had also shed more light concerning the Final Bronze Age in this region of Muntenia. At Radovanu, on the „Gorgana a Doua”, beneath the Getic *Dava*, traces of a settlement could be investigated, most probably a fortified one, belonging to what had been defined as Radovanu culture (Morintz, Şerbănescu 1985; Schuster, Şerbănescu 2007). Upstream from this

site, beneath the Getic *Dava* from Popești-„Nucet” (an interesting coincidence) another settlement of this manifestation had been discovered (Palincaș 1996; Palincaș 1997; Fischer 1996; Schuster, Popa 2010: 35 f.). Other traces of this culture had been identified at Mironești-„Malul Roșu” (Schuster, Popa 2008a: 44; Schuster, Popa 2012: 27), Schitu-„La Vie” (Schuster, Popa 2009a: 34 f.), Bila-„La Fântână” (Schuster, Popa 2009a: 37) and Călugăreni (on the Neajlov; Schuster 2009).

*

Therefore, in the present research stage about the Bronze Age in Central Muntenia, more exactly on the larger Lower Argeș basin, it is obvious that the demographic dynamic, expressed by the presence of settlements or areas with material vestiges traces (especially pot-

tery) was tightly correlated with the environment, with what the nature offered to the different communities: economical Hinterland and adequate perimeters for settlements (we should not forget that, in most cases, on the same and single spot had settled communities of the Early, but also those of the Middle/Late/Final Bronze Age). Surely, this dynamics must be seen in the context of the specific economy practiced by those people, which was mainly represented by the animal breeding. It is possible that the density of some sites in specific sequences of the Bronze Age could have been also caused by inner motivation, considering the organizing pattern of the communities, in larger families, or restrained in „clans”. Yet, this is an aspect which is hard to be identified with the research instruments that we have at this moment.

Bibliography

- Basarabeanu N., Bordânc F., Vlăsceanu Ch. 2005. Câmpia Burnasului. In: Posea G., Bogdan O., Zăvoianu I., Buza M., Bălțeanu D., Niculescu Gh. (eds.). *Geografia României. V. Câmpia Română, Dunărea, Podișul Dobrogei, Litoralul Românesc al Mării Negre și Platforma Continentală*. București, 243–249.
- Ciulache S., Dobraca L., Căndea M. 2005. Câmpia Găvanu-Burdea. In: Posea G., Bogdan O., Zăvoianu I., Buza M., Bălțeanu D., Niculescu Gh. (eds.). *Geografia României. V. Câmpia Română, Dunărea, Podișul Dobrogei, Litoralul Românesc al Mării Negre și Platforma Continentală*. București, 226–237.
- Coteș P. 1976. *Câmpia Română*. București.
- Fischer C. 1996. Probele ¹⁴C din valul de epoca bronzului de la Popești (jud. Giurgiu). *SCIVA* 47 (3), 289–295.
- Gâșteanu P., Iordan I. 1970. *Județul Ilfov*. București.
- Ghinea D. 1996. *Enciclopedia geografică a României*. Vol. I. A-G. București.
- Ghinea D. 1998. *Enciclopedia geografică a României*, Vol. III. R-Z. București.
- Grigore M., Popescu C., Marin I. 2005. Câmpia Titu-Sărata In: Posea G., Bogdan O., Zăvoianu I., Buza M., Bălțeanu D., Niculescu Gh. (eds.). *Geografia României. V. Câmpia Română, Dunărea, Podișul Dobrogei, Litoralul Românesc al Mării Negre și Platforma Continentală*. București, 299–307.
- Iordan I. 1973. *Zona periurbană a Bucureștilor*. București.
- Isăcescu C., Burlacu D. 1978. Noi descoperiri arheologice în zona Giurgiu. In: Vrabie V. (ed.). *Ilfov. File de Istorie*. București, 43–55.
- Leahu V. 1965. Săpăturile arheologice de la Cățelu Nou. *Cercetări Arheologice în București* II, 11–74.
- Leahu V. 1975. Sondajul arheologic de la Izvoarele. *Cercetări Arheologice* I, 101–115.
- Leahu V. 1988. Obiecte de metal și mărturii ale practicării metalurgiei în aria culturii Tei. *SCIVA* 39 (3), 223–241.
- Leahu V. 2003. Cultura Tei. Grupul cultural Fundenii Doamnei. In: *Probleme ale epocii bronzului în Muntenia*. Bibliotheca Thracologica XXXVIII. București.
- Palincaș N. 1996. Valorificarea arheologică a probelor ¹⁴C din fortificația aparținând Bronzului târziu de la Popești (jud. Giurgiu). *SCIVA* 47 (3), 239–288.
- Palincaș N. 1997. Scurtă prezentare a săpăturilor din sectorul Σ al așezării de la Popești (jud. Giurgiu). *Campaniile 1988–1993. Cercetări Arheologice* X, 173–190.
- Păunescu Al. 2000. *Paleoliticul și mezoliticul din spațiul cuprins între Carpați și Dunăre*. București.
- Popa T. 1998. Raport preliminar privind săpăturile de la Mogoșești (jud. Giurgiu) – campania din 1998. *Buletinul Muzeului „Teohari Antonescu” Giurgiu* II-IV (2-4) (1996–1998), 129–139.
- Popa T., Schuster C. 2002. Noi descoperiri la Mogoșești (jud. Giurgiu). *Buletinul Muzeului „Teohari Antonescu” Giurgiu* VII-VIII (7-8) (2001–2002), 113–122.
- Popescu N. 2005. Relieful. In: Posea G., Bogdan O., Zăvoianu I., Buza M., Bălțeanu D., Niculescu Gh. (eds.). *Geografia României. V. Câmpia Română, Dunărea, Podișul Dobrogei, Litoralul Românesc al Mării Negre și Platforma Continentală*. București, 192–195.

- Popescu D., Caraivan G. 2003. Evoluția lacului Tașaul în cuaternarul târziu. *Pontica XXXV-XXXVI* (2002–2003), 53–59.
- Posea G., Bogdan O., Popescu N., Buza M., Posea G., Drugescu C. 2005. Câmpia Vlășiei. In: Posea G., Bogdan O., Zăvoianu I., Buza M., Bălțeanu D., Niculescu Gh. (eds.). *Geografia României. V. Câmpia Română, Dunărea, Podișul Dobrogei, Litoralul Românesc al Mării Negre și Platforma Continentală*. București, 307–338.
- Roșu A. 1973. *Geografia fizică a României*. București.
- Roman P. 1986. Perioada timpurie a epocii bronzului pe teritoriul României. *SCIVA* 37 (1), 29–55.
- Schuster 1989: Așezări din epoca bronzului pe cursul pe cursul inferior al Argeșului. *Symposia Thracologica* 7. Tulcea, 236–237.
- Schuster C. 1992a. Așezări Glina pe cursul inferior al Argeșului și Valea Câlniștei (I). Mihăilești-Tufa. *Thraco-Dacica* XIII (1-2). București, 35–41.
- Schuster C. 1992b. Câteva precizări privind faza a III-a a culturii Glina în lumina celor mai noi cercetări. *Litua*, 7–10.
- Schuster C. 1992c. Piese de metal recent descoperite aparținând culturii Tei. *SCIVA* 43 (1), 81–83.
- Schuster C. 1993. Einige Bemerkungen zu den Verbindungen der Tei- mit der Coslogeni-Kultur. *CCBD* X, 199–206.
- Schuster C. 1994a. Despre aria de răspândire a culturii Glina. *Istros* VII, 63–70.
- Schuster C. 1994b. Aria de răspândire a culturii Tei. *Analele Banatului* SN III, 171–178.
- Schuster C. 1995a. Cercetări arheologice în așezarea culturii Glina de la Varlaam, județul Giurgiu. *CCBD* XIII-XIV, 53–63.
- Schuster C. 1995b. Einführung in das Siedlungs- und Bauwesen der Glina-Kultur. In: *Memorie del Museo Civico di Storia Naturale di Verona (II-a Serie), Sezione Scienze dell'Uomo* 4, 129–132.
- Schuster C. 1995c. Zu den Fußschalen der Übergangsperiode vom Äneolithikum zur Bronzezeit und der Frühbronzezeit aus Rumänien. *Thraco-Dacica* XVI (1-2), 45–53.
- Schuster C. 1996a. Considerații cu privire la unele vetre de foc din Bronzul timpuriu și mijlociu din Muntenia. In: *Istorie și Tradiție în Spațiul Românesc* 3, 101–107.
- Schuster C. 1996b. Considerații privind așezările culturii Glina. *Drobeta* VII, 12–17.
- Schuster C. 1997a. *Perioada timpurie a epocii bronzului în bazinele Argeșului și Ialomiței Superioare*. Bibliotheca Thracologica XX. București.
- Schuster C. 1997b. Despre locuințele culturii Glina. *MA* XXI, 85–114.
- Schuster C. 1997c. Cultura Tei și sud-estul Transilvaniei. *Angustia* 2, 131–135.
- Schuster C. 1998. Despre obiectele din lut ars din aria culturii Glina. *Angustia* 3, 19–39.
- Schuster C. 2000a. Zur Besiedlung der West- und Mittelwalachei (Rumänien) in der Frühbronzezeit. In: *Reports of Prehistoric Research Projects* 4, Sofia–Karlovo, 9–19.
- Schuster C. 2000b. Zu den Ursachen der Ausbreitung (von Osten nach Westen) der Glina-Kultur. *Cercetări Arheologice* XI/II, 361–370.
- Schuster C. 2000c. Unele aprecieri cu privire la instalațiile de foc de uz menajer din epoca bronzului de pe teritoriul României. *Istros* X, 71–92.
- Schuster C. 2000d. De la epoca pietrei la prima vârstă a fierului. In: Negru M., Schuster C., Moise D. *Militari-Câmpul Boja. Un sit arheologic pe teritoriul Bucureștilor*. București, 13–46.
- Schuster C. 2001. Erwägungen zum Ende der Frühbronzezeit im Bukarester Raum. In: *Annales d'Université „Valahia” Târgoviște, Section d'Archeologie et d'Histoire* II-III, 127–138.
- Schuster C. 2003. The Distribution Range of Tei Culture (With Special Reference to North of the Danube). In: Nikolova L. (ed.). *Early Symbolic System for Communication in Southeast Europe*. Vols. 1-2, British Archaeological Reports, Int. Series 1139. Oxford, 493–498.
- Schuster C. 2005a. Mediul înconjurător la Dunărea de Jos în preistorie. Câteva gânduri. *Drobeta* XIV, 5–16.
- Schuster C. 2005b. Zu der Problematik der Frühbronzezeit an der Unteren Donau (Rumänien). *AAC* XXXIX, 87–122.
- Schuster C. 2005c. Die Tei-Kultur. In: Schuster C., Crăciunescu G., Fântâneau C. *Zur Bronzezeit in Südromänien. Drei Kulturen: Glina, Tei und Verbicioara*, Bd. I. Târgoviște, 85–132.
- Schuster C. 2005d. Zur Ostgrenze der Verbreitungsgebiete der bronzezeitlichen Glina- und Tei-Kulturen. *Ialomița* IV (2003-2004), 115–121.
- Schuster C. 2008. Erwägungen zu den befestigten bronzezeitlichen Siedlungen an der Unteren Donau (Südromänien). *Studii de Preistorie* 4 (2007), 179–187.
- Schuster C. 2009. Notă cu privire la un vas din Bronzul Final de la Călugăreni, jud. Giurgiu. *Buletinul Muzeului „Teohari Antonescu”* XIV/11 (2008), 149–162.
- Schuster C. 2011. Gedanken zu einigen bronzezeitlichen Tei-Metallobjekte aus dem Bezirk Giurgiu, Rumänien. In: *Annales d'Université Valahia Târgoviște, Section d'Archeologie et d'Histoire* XIII (1), 55–62.

- Schuster C., Comșa A. 1998. Die Tei-Kultur und der Südosten Siebenbürgens. *Forschungen zur Volks- und Landeskunde* 40 (1-2), 107–116.
- Schuster C., Fântâneau C. 2003. Considerații privind habitatul în Bronzul Timpuriu între Carpații Meridionali și Dunăre. *Cultura Glina. Drobeta XIII*, 7–15.
- Schuster C., Fântâneau C. 2005. Die Glina-Kultur. In: Schuster C., Crăciunescu G., Fântâneau C. *Zur Bronzezeit in Südromänien. Drei Kulturen: Glina, Tei und Verbicioara*. Bd. I. Târgoviște, 21–83.
- Schuster C., Morintz A. 2006. *Ambarcațiuni și navigație în preistorie*. Târgoviște.
- Schuster C., Munteanu A. 1995. Considerații privind unele topoare din epoca bronzului, găsite la sud de Carpați. *MA XX*, 79–84.
- Schuster C., Negru M. 2006. *Militari-Câmpul Boja. An archaeological site on the territory of Bucharest II. Pre- and Proto-Historic Settlements*. Târgoviște.
- Schuster C., Negru M. 2008. Ceramica Tei III de la București-Militari „Câmpul Boja”, Sectorul D. *Drobeta XVII* (2007), 52–61.
- Schuster C., Negru M. 2009. Militari-Câmpul Boja. Vestigiile din preistorie. In: *Analele Universității Spiru Haret, Seria Istorie*, nr. 11 (2008), 83–92.
- Schuster C., Negru M. 2013. Notă cu privire la un lot de materiale Tei III de la București-Militari-Câmpul Boja. Sectorul C. Campaniile 2008 și 2012. *Buridava X* (2012), 42–54.
- Schuster C., Popa T. 1995a. Cercetări privind epoca bronzului în județul Giurgiu (investigațiile din anii 1986-1994). *Buletinul Muzeului Județean „Teohari Antonescu” Giurgiu I* (1), 20–54.
- Schuster C., Popa T. 1995b. Raport preliminar privind săpăturile de la Mogoșești, județul Giurgiu. In: *Cercetări Arheologice în Aria Nord-Tracă I*, 147–156.
- Schuster C., Popa T. 2000. *Mogoșești*. Studiu monografic. Bibliotheca Musei Giurgiuvensis I. Giurgiu.
- Schuster C., Popa T. 2007. Contribuție la repertoriul arheologic al județului Giurgiu. I. Cultura Tei. *Buletinul Muzeului „Teohari Antonescu” Giurgiu IX-XII/9*, 155–160.
- Schuster C., Popa T. 2008. Mironești. I. Locuri, cercetări arheologice, monumente și personaje istorice. *Bibliotheca Musei Giurgiuvensis III*. Giurgiu.
- Schuster C., Popa T. 2009a. *Cercetări arheologice pe Câlniștea. Schitu-Bila-Cămineasca*. Bibliotheca Musei Giurgiuvensis IV. Giurgiu.
- Schuster C., Popa T. 2009b. Contribuție la repertoriul arheologic al județului Giurgiu. II. Cultura Glina. In: *Buletinul Muzeului „Teohari Antonescu” Giurgiu, XIV/11* (2008), 83–89.
- Schuster C., Popa T. 2010. *Fingerprints of the Past in the Giurgiu County. The Bronze Age*. Bibliotheca Musei Giurgiuvensis V. Giurgiu.
- Schuster C., Popa T. 2012. *Mironești. II. Locuri, cercetări arheologice, monumente și personaje istorice*. Bibliotheca Musei Giurgiuvensis VII. Giurgiu.
- Schuster C., Șerbănescu D. 2007. Zur Spätbronzezeit an der unteren Donau. Die Kulturen Coslogeni und Radovanu und ihre Verbindungen mit dem östlichen Mittelmeerraum. In: Lang F., Reinholdt C., Weilhartner J. (eds.). *ΣΤΕΦΑΝΟΣ ΑΡΙΣΤΕΙΟΣ. Archäologische Forschungen zwischen Nil und Istros. Festschrift für Stefan Hiller zum 65. Geburtstag*. Wien, 241–250.
- Schuster C., Fântâneau C., Crăciunescu G. 2005. Einige Worte zur Umwelt an der Unteren Donau. In: Schuster C., Crăciunescu G., Fântâneau C., *Zur Bronzezeit in Südromänien. Drei Kulturen: Glina, Tei und Verbicioara*, Bd. I. Târgoviște, 9–14.
- Schuster C., Popa T., Barbu V. 2012. *Cercetări arheologice în bazinul Argeșului (județul Giurgiu)*. Bibliotheca Musei Giurgiuvensis VI. Giurgiu.
- Schuster C., Popa T., Mecu L. 2010. Cercetări arheologice în județul Giurgiu. Așezarea de la Schitu „La conac”. *Drobeta XIX* (2009), 128–137.
- Schuster C., Popa T., Mecu L. 2011. O așezare din Epoca Bronzului din Muntenia Centrală. *Buridava VIII* (2010), 48–59.
- Stănescu V., Gavriloaie G. 2011. Aspecte privind vegetația și fauna râului Colentina pe traseul din Municipiul București (România). *Ecoterra* 27, 49–52.
- Tufescu V. 1974. *România*. București
- Turcu M. 1992. Mihăilești „Pod” II. In: *Cercetări Arheologice în București IV*, 271–274.
- Vulpe A. 1959. Depozitul de la Tufa și topoarele cu ceață cilindrică. *SCIV* 10 (2), 265–276.
- Vulpe A., Veselovschi-Bușilă V. 1967. Date noi privind periodizarea culturii Tei și cunoașterea culturii Basarabi (Săpăturile de la Novaci, 1961). *SCIV* 18 (1), 83–112.

Дмитрий Куштан

Ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья

Keywords: Late Bronze Age, Middle Dnieper region, sickles, celts, Mnogovalikovaia culture.

Cuvinte cheie: epoca bronzului târziu, Niprul Mijlociu, seceri, celturi, cultura ceramicii cu multe brăuri.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Среднее Поднепровье, серпы, кельты, культура многоваликовой керамики.

Dmitrii Kushtan

The early metal sickles and celts of the Bronze Age in the Middle Dnieper region

This article considers the early metal sickles and celts of the Bronze Age in the Middle Dnieper region. These are the small sickles with hooks (Ibrakaevo type, Middle Dnieper variant by V. Dergachev and V. Bochkarev) and the eyeletless celts with the forged sleeve. Most of them are occasional finds; a great part of our samples were found before 1917. Three sickles were included into the hoard (Staryi Bykov). Therefore, their dating and cultural identification remain debatable as of today. Thanks to the author's studies on the settlements that were destroyed by the waters of the Kremenchug reservoir, sickles of the Ibrakaevo type and a celt with the forged sleeve were found together with ceramics, which led to the accurate attribution. The ceramics belong to the late stage of the Mnogovalikovaia (Babino) culture that dates back to the beginning of the Late Bronze Age (17th-16th century BC). The origin of both types of these artifacts is related to the Volga-Ural center of metalworking of the Early-Srubnaia (Pokrovka-Mosolovka) culture.

Dmitrii Kushtan

Secerile și celturile metalice timpurii din epoca bronzului în regiunea Niprului Mijlociu

În articol sunt examinate cele mai timpurii seceri și celturi de metal din epoca bronzului, găsite în zona Niprului Mijlociu. Acestea sunt secerile nu prea mari cu cârlig (tipul Ibrakaevo, varianta Niprul Mijlociu, după Dergaciov-Bochkarev) și celturile fără urechiușă cu gaura de înmănușare bătută. În majoritate, ele provin din descoperiri fortuite izolate, deseori din perioada de până la revoluție. Trei seceri intrau în componența unui depozit (Staryi Bykov). Din aceste considerente, până acum datarea și apartenența lor culturală rămâne discutabilă. Datorită perieghazelor autorului în așezările din zona lacului de acumulare de la Kremenciug, seceri de tip Ibrakaevo și un celt cu gaura de înmănușare bătută au fost descoperite împreună cu ceramică, care permite identificarea lor exactă. Ceramica aparține etapei târzii a culturii mhogovalikovaia (cercul cultural Babino), care datează de la începutul bronzului târziu (sec. XVII–XVI î.Hr.). Prin origine, ambele tipuri de piese se leagă de focarul Volga-Urali din cultura srubnaia timpurie (pokrovsk-mosolovo).

Дмитрий Куштан

Ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья

В статье рассматриваются наиболее ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья. Это небольшие серпы с крюком (тип Ибракаево, вариант Среднеднепровский, по Дергачёву-Бочкарёву) и безушковые кельты с кованой втулкой. Происходят они преимущественно из одиночных случайных находок, часто дореволюционного времени. Три серпа входило в состав клада (Старый Быков). Поэтому до сих пор их датировка и культурная принадлежность остаются дискуссионными. Благодаря разведкам автора на поселениях в зоне Кременчугского водохранилища ибракаевские серпы и кельт с кованой втулкой были обнаружены вместе с керамикой, которая позволяет точно их идентифицировать. Это керамика позднего этапа культуры многоваликовой керамики (культурный круг Бабино), который датируется началом эпохи поздней бронзы (XVII–XVI вв. до н.э.). Своим происхождением оба типа изделий связаны с волго-уральским очагом металлообработки раннесрубной (покровско-мосоловской) культуры.

Вступление

Такие металлические орудия как серпы и кельты являются своеобразной «визитной карточкой» для эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Не случайно, именно этим категориям находок особое внимание в своих научных работах уделяет В.А. Дергачёв (1997; Дергачёв, Бочкарёв 2002 и др.). Ввиду того, что большая часть исследуемых орудий происходит из случайных находок, проблемными являются определение времени их функционирования и привязка к той или иной археологической культуре. В этом плане, безусловно, интересными будут представленные материалы, которые касаются самых ранних металлических серпов и кельтов, происходящих с территории

Среднего Поднепровья (Рис. 1). Особый интерес представляют новые находки этих изделий в Черкасском Поднепровье, которые сопровождалась керамикой, что, в свою очередь, позволяет окончательно определиться с их датировкой и культурной принадлежностью.

Ранние серпы

Самыми ранними для региона Среднего Поднепровья являются металлические серпы типа Ибракаево, вариант Среднеднепровский, по Дергачёву-Бочкарёву (разновидность типа II, по И.Н. Шарафутдиновой; С-12, по Е.Н. Черныху; Старо-Быково, по В.А. Дергачёву) (Шарафутдинова 1971: 34; Черных 1976: 90–92; Дергачёв 1997: 20; Дергачёв, Бочкарёв

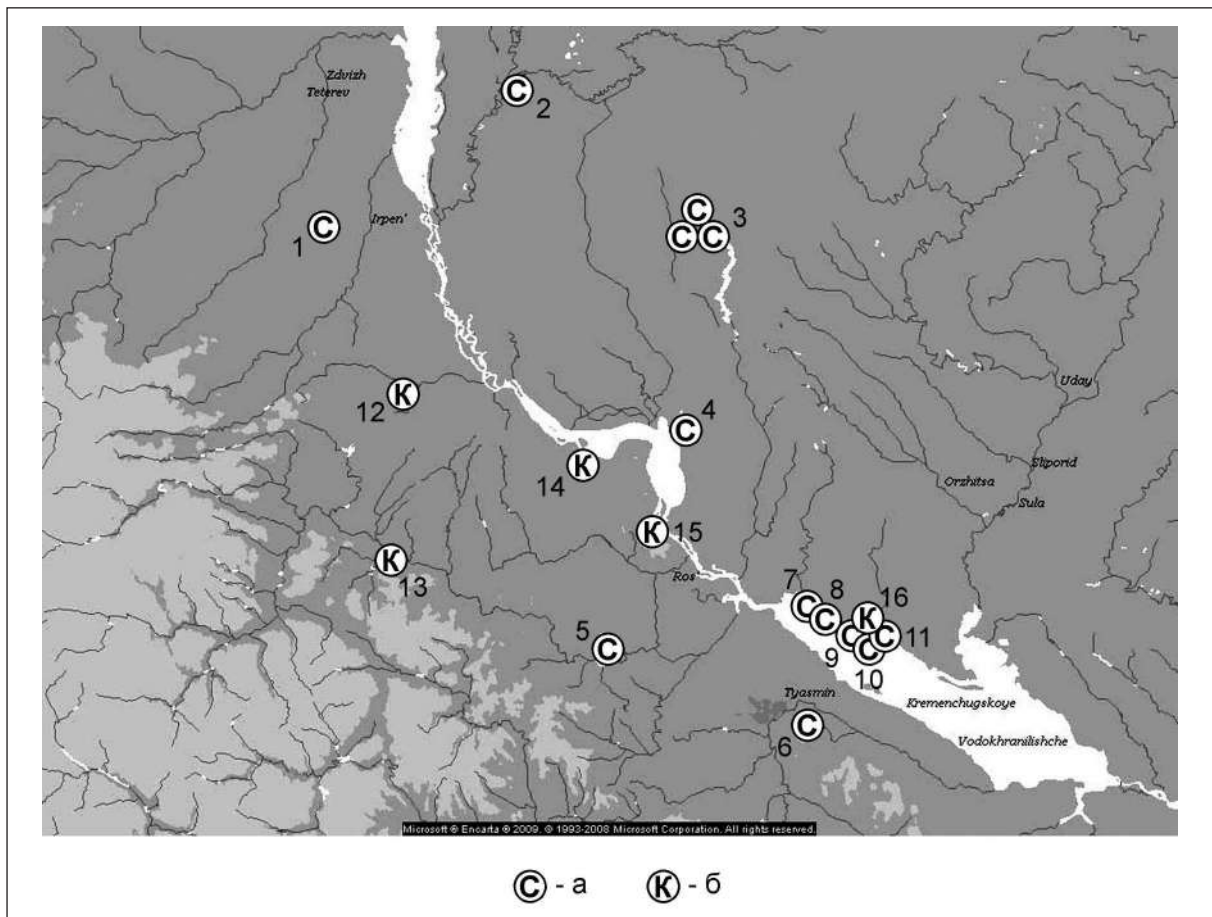

Рис. 1. Карта распространения ранних металлических серпов и кельтов эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья (а – серпы типа Ибракаево, вариант Среднеднепровский; б – кельты с кованой втулкой): 1 – Козинцы; 2 – Остёр; 3 – Старый Быков; 4 – Вьюнище; 5 – Корсунь-Шевченковский; 6 – Головятино; 7 – Липовское-2; 8 – Липовское-3; 9 – Чапаевка-7; 10 – Самовица-7; 11 – Червонохиженцы-6; 12 – Копачи; 13 – Остров; 14 – Ржищев; 15 – Канев; 16 – Самовица-остров-3.

Fig. 1. The map of the distribution of the early metal sickles and celts of the Bronze Age in the Middle Dnieper region (a – the sickles of Ibrakaevo type, Middle Dnieper variant; b – the celts with the forged sleeve).

2002: 73–75). Это сравнительно небольшие (длиной 13–21 см) слабоизогнутые узкие серпы с острым носком и откованным крюком для крепления рукояти. Впервые подборку среднеднепровских серпов данного типа (около 10 экз.) сделал А.И. Тереножкин (1961: 143–144). Все они происходили из случайных находок дореволюционного времени, хранившихся в Киевском государственном историческом музее (сейчас – Национальный музей истории Украины). К ним можно добавить один беспаспортный серп из Археологического музея в г. Варшава (Польша) (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 75, табл. 21: 295). Часть серпов была найдена в Днепровском Правобережье: с. Козинцы¹ Бородянского р-на Киевской обл. (Рис. 2: 5) (Древности... 1899: табл. IX: 56; Тереножкин 1961: рис. 94: 9; Лисенко 2001: 50–51, рис. 3: 21), г. Корсунь-Шевченковский Черкасской обл. (Рис. 2: 3), с. Головятино Смелянского р-на Черкасской обл. (Рис. 2: 2), а также обломок пяточной части из бывшего Черкасского у. Киевской губ. (Рис. 2: 6) (Тереножкин 1961: рис. 94: 3, 4, 11). Две случайные находки происходят с Левобережья: с. Вьюнцы² бывшей Полтавской губ. (Рис. 2: 4), а также г. Остёр Козелецкого р-на Черниговской обл. (Рис. 2: 1) (Тереножкин 1961: рис. 94: 2, 5). Также на Левобережье Днепра, в верховьях р. Супой, возле с. Старый Быков (сейчас – Бобровицкого р-на Черниговской обл.) в 1914 году был обнаружен клад, в состав которого кроме ножа и плоского тесла входило три серпа (Рис. 2: 7–9) (Tallgren 1926: 160; Leskov 1981: 5–6, Taf. 1B; Клочко 1991: 108, рис. 31: 1). В монографии А.И. Тереножкина два серпа из этого клада фигурируют как беспаспортные (1961: 143–144, рис. 94: 1, 6). Два из трёх серпов старобыковского клада отличаются отсутствием откованного крюка на конце пятки (Рис. 2: 8, 9), однако по осталь-

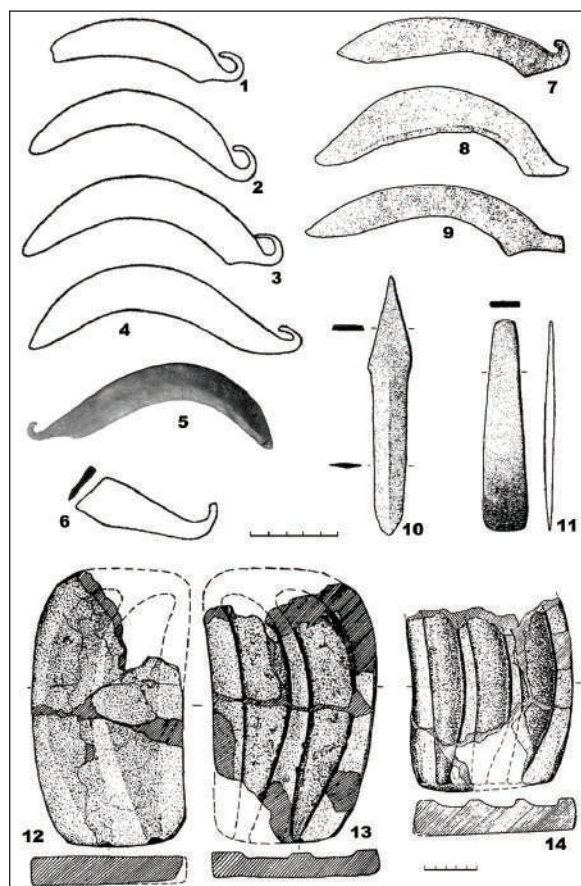

Рис. 2. Случайные находки ранних металлических серпов эпохи бронзы (1-6), Старобыковский клад (7-11) и керамические литейные формы с Мосоловского поселения (12-14): 1 – Остёр; 2 – Головятино; 3 – Корсунь-Шевченковский; 4 – Вьюнище/Вьюнцы; 5 – Козинцы; 6 – б. Черкасский у. (1-4, 6 – по: Тереножкин 1961; 5 – по: Древности... 1899; 7-11 – по: Leskov 1981; 12-14 – по: Пряхин, Саврасов 1989).

Fig. 2. The occasional finds of the early metal sickles of the Bronze Age (1-6), the hoard from Staryi Bykov (7-11) and the ceramic casting molds with the settlement of Mosolovka (12-14).

¹ А.И. Тереножкин место находки этого серпа связывал с с. Козин Обуховского р-на Киевской обл., а С.Д. Лысенко – с с. Козинцы Переяслав-Хмельницкого р-на той же области. Согласно первоисточнику (Каталог коллекции Б.И. и В.И. Ханенков), находка происходит из пункта «Козинцы» на территории Киевского у. и губ. Поэтому, привязка А.И. Тереножкина имеет иное, хоть и похожее название, а населённый пункт, с которым связывает находку С.Д. Лысенко, хоть и имеет то же название, но находится на территории бывшей Полтавской губернии.

² Название этого населённого пункта указано неверно, т.к. сёл с таким наименованием на территории бывшей Полтавской губернии не было. Вероятно, находка происходит из окрестностей с. Вьюнище, располагавшегося на территории Переяславского у. Полтавской губ. (сейчас – Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.) (СНМІГ 1862).

³ В.А. Дергачёв и В.С. Бочкарёв относят эти серпы к отдельному типу Гречихино, вариант Старо-Быково, не исключая при этом их близость изделиям типа Ибракаево (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 116–118).

ным параметрам они полностью соответствуют типу Ибракаево, вариант Среднеднепровский (вероятно, незавершённые заготовки)³.

Изготовлены среднеднепровские серпы (проанализированы экземпляры из Старого Быкова, Корсунь-Шевченковского и Вьюнцов/Вьюниц) из металла химико-металлургических групп медистых песчаников Донбасса и левобережья (смешанная) (Черных 1976: 92). Ввиду того, что серпы данного типа происходили исключительно из случайных находок, у исследователей не было единого мнения относительно их датировки и возможной культурной принадлежности. А.И. Тереножкин относил данный тип серпов к белогрудовской культуре эпохи поздней бронзы (Тереножкин 1961: 144). В.И. Ключко, учитывая архаический характер кинжала и тесла из Старобыковского клада (Рис. 2: 10, 11), датировал их эпохой средней бронзы, и, предположительно, связал со среднеднепровской культурой (Ключко 1994: 108). А.М. Лесков и, в своё время, В.А. Дергачёв относили этот тип серпов к раннему этапу сабатиновской культуры (Leskov 1981: 6; Дергачёв 1997: 20), а Е.Н. Черных связывал их с влиянием срубных очагов металлообработки (Черных 1976: 92). К срубной культуре их относили С.С. Березанская и Н.Н. Чередниченко (Березанская 1982: 38; Археология... 1985: 469). Последний конкретно связывал такие серпы с самым ранним этапом срубной культуры – старшей ступенью архаического периода (Чередниченко 1986: 64–65). В последнее время серпы ибракаевского типа относят к Волго-Уральской группе изделий, распространенных на значительной территории от Урала до Днепра и связывают их со срубной общностью (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 85–86). Конкретно культурная принадлежность серпов среднеднепровского варианта долгое время оставалась неясной, поскольку в ареале их распространения раннесрубных памятников неизвестно (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 86). От серпов других вариантов типа Ибракаево среднеднепровские отличаются лишь меньшими размерами: изделия волго-донского варианта больше их в полтора раза, а приуральского – в два. Таким образом, наблюдается постепенное «мельчание» изделий на запад от Урала, вероят-

но, связанное с удалением от основных рудных источников (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 86; Бочкарёв 2012: 208).

Редкий случай, когда серп, подобный среднеднепровским, был найден в закрытом комплексе, зафиксирован на поселении Черниково Озеро-1 на Северском Донце. Серп обнаружен на дне жилища вместе с двумя ножами с намеченным плоским ромбовидным упором и керамикой, которую автор раскопок относит к переходной фазе от позднего к финальному периоду абашевской культуры⁴ (Санжаров 2010: 200, рис. 147: 5). На этом же поселении найдена керамика культуры многоваликовой керамики (финальнокатакомбная, по С.Н. Санжарову). Как и некоторые серпы из Старобыковского клада, экземпляр из Черникова Озера-1 не имеет откованного крюка. Ещё один короткий серп типа Ибракаево найден во время раскопок поселения Красное-1А на севере Лесостепного Подонья (Гак 2011: 25, рис. 22: 1). Керамический комплекс памятника относится к раннему этапу покровской срубной культуры с абашевскими (доно-волжскими абашевскими) элементами.

При исследовании поселения покровской срубной культуры Мосоловка на Дону обнаружена серия керамических литейных форм, каждая из которых служила для отливки 2-3-х заготовок серпов размером 24-25 см, схожих по форме с ибракаевскими (Рис. 2: 12–14) (Пряхин, Саврасов 1989: 56–65, рис. 10–13). Обломок похожей формы выявлен в одном из жилищ раннего (раннесрубно-абашевского) горизонта поселения Усово Озеро на Северском Донце (Березанская 1990: 63, рис. 14: 4).

Ранние (кованые) кельты

Самым ранним типом кельтов для Среднего Поднепровья являются изделия с кованой втулкой (К-2, по Е.Н. Черныху) (Черных 1976: 68-69). Здесь их зафиксировано около десятка экземпляров. Как и в случае с серпами, они также происходят из дореволуционных случайных находок – большинство кельтов находились в частной коллекции киевских меценатов супругов Б.И. и В.И. Ханенков (Древности... 1899: 14–15, табл. IX: 7, X: 20–23). Информация о них была систематизиро-

⁴ Другие исследователи связывают материалы поселения Черниково Озеро 1 с древностями I-го этапа покровской срубной культуры (Отрошенко 2001: 156).

вана А. Тальгреном (Tallgren 1926: 187–188, fig. 104), а позже – А.И. Тереножкиным (1961: 144–146, рис. 96). Кованые безушковые кельты имели ту же форму и пропорцию, что и более поздние литые, за исключением способа изготовления втулки: путём расковыивания боков верхней части заготовки и их сворачивания. Длина таких кельтов – от 6 до 12 см. Как и рассмотренные выше серпы, кованые кельты также в основном сконцентрированы в Среднем Поднепровье. Два обнаружены на территории бывшего Каневского у. Киевской губ. (Рис. 3: 4, 9), по одному – в Черкасском у. (Рис. 3: 3), в г. Канев современной Черкасской обл. (Рис. 3: 1), сс. Копани и Острова⁵ (Рис. 3: 8) бывшего Каневского у., г. Ржищев современной Киевской обл. (Рис. 3: 2), на территории бывших Киевской и Подольской губ. (Рис. 3: 6), точное место находки ещё двух неизвестно (Рис. 3: 5, 7) (Tallgren 1926: 187–188, fig. 104; Тереножкин 1961: 144–145, рис. 96: 1, 2, 5, 9).

А. Тальгрэн относил эти изделия к догальштатскому периоду (Tallgren 1926: 187–188). А.И. Тереножкин датировал их финалом поздней бронзы и связывал с белогрудовской культурой, либо с ранним этапом чернолесской (Тереножкин 1961: 146–147). Основываясь на результатах спектрального анализа кованых кельтов (проанализировано 8 экз.), Е.Н. Черных усомнился в их принадлежности к белогрудовской культуре, поскольку изготовлены они из металла восточных химико-металлургических групп: волго-камской, волгоуральской и медистых песчаников Донбасса (Черных 1976: 69). Наличие схожих кельтов в комплексах сейминско-турбинской культуры на Нижней Оке (могильники Сейма и Решное) (Черных, Кузьминых 1989: 39, рис. 3: 1–2) а также культуры Монтеору на Нижнем Дунае (поселение Сэрата Монтеору) (Клочко 2006: 145, рис. 66: 9) свидетельствуют о возможности их датировки более ранним временем, по крайней мере, началом поздней бронзы. К среднеднепровской культуре или культуре многоваликовой керамики условно относит подобные кованые кельты В.И. Клочко (1994: 108; 2006: 145).

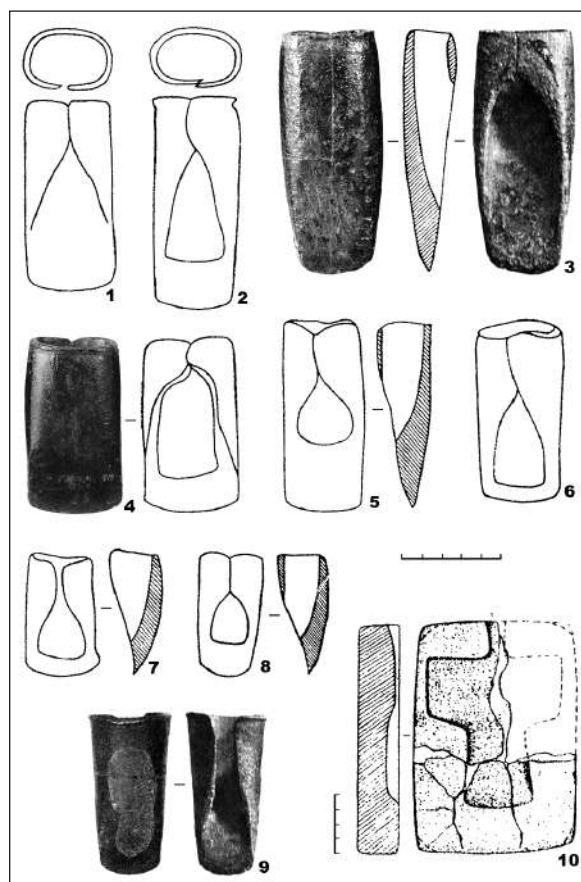

Рис. 3. Случайные находки ранних металлических кельтов эпохи бронзы (1-9) и керамическая литейная форма с Мосоловского поселения (10): 1 – Канев; 2 – Ржищев; 3 – б. Черкасский у.; 4, 9 – б. Каневский у.; 5, 7 – неизвестно; 6 – Киевская и Подольская губ.; 8 – Остров/Острова. (1-9 – по: Древности ... 1899; Tallgren 1926; Тереножкин 1961; 10 – по: Пряхин, Саврасов 1989).

Fig. 3. The occasional finds of the early metal celts of the Bronze Age (1-9) and the ceramic casting mold from the settlement of Mosolovka (10).

Среди материалов покровской срубной культуры поселения Мосоловка найдена единственная пока литейная форма для изготовления таких кельтов. Негазив ее имел форму плоского прямоугольного лезвия с боковыми выступами-«крыльями» в верхней части, из которых и выковыивалась втулка (Рис. 3: 10) (Пряхин, Саврасов 1989: 73, рис. 17: 11).

⁵ Населённых пунктов с такими названиями на территории Киевской губернии не было. Возможно, имелись ввиду сёла Копачи (Копачев) Киевского и Остров Васильковского уездов (СНМКГ 1900), сейчас, соответственно, Обуховский и Ракитнянский р-ны Киевской обл.

Культурная ситуация в Среднем Поднепровье в начале эпохи поздней бронзы

Таким образом, среднеднепровские серпы и кельты с кованой втулкой датируются начальным периодом поздней бронзы – временем существования позднеабашевской культуры и раннего этапа покровско-мосоловской срубной. Регион Среднего Поднепровья в этот период полностью находился в ареале культуры/общности многоваликовой керамики (культурный круг Бабино).

Большое количество памятников этого времени обнаружено в микрорегионе Черкасского Поднепровья. В результате сооружения Кременчугского водохранилища (1954–60 гг.) большая территории поймы Днепра оказалась затопленной, а культурный слой памятников размыт и частично переотложен. Однако сезонное колебание уровня воды в водохранилище позволило проводить здесь регулярные разведки со сбором подъёмного материала. Благодаря этим разведкам удалось картографировать десятки поселений и стоянок эпохи поздней бронзы, собрать эффектные коллекции археологического материала (Куштан 1998а). Это, в свою очередь, позволило сделать обобщения и выводы о материальной культуре и древней истории микрорегиона. Так, вначале И.В. Палагута (1996: 63–64; 2001: 253–257), а затем и Д.П. Куштаном вместе с С.Д. Лысенком (Лысенко, Куштан 1997: 109; Куштан 2005: 68) было обращено внимание на технологические и морфологические особенности местной керамики, традиционно относимой к культуре многоваликовой керамики (КМК) из-за наличия многоваликового орнамента. В результате было выделено две хронологические группы керамики, которые иллюстрируют процесс её эволюции и формирование керамического комплекса развитого этапа поздней бронзы.

К первой (ранней) группе отнесена «классическая» многоваликовая (бабинская) керамика, которая характеризуется горшками с трёхчастным ломанным или биконическим профилем. Она изготовлена из глины со значительной примесью мелкозернистого песка. Орнамент стандартный, а его размещение строго зональное. Так, одним или несколькими налепными валиками украшалась шейка сосуда, а тулово ниже ребра целиком заполнялся валиками, которые размещались горизонтальными рядами или образовывали более сложные композиции

(«паркет», «ёлочка»). Валики треугольные в сечении, гладкие или расчленённые поперечными ногтевыми вдавлениями. Плечики горшков оставались неорнаментированными или украшались орнаментом из прочерченных линий, образуя преимущественно регулярные композиции в виде заштрихованных треугольников вершиной вверх, «паркета», «ёлочки» и др. (Палагута 1996: 62–63, рис. 1: 1–15; Куштан 2005: 67–68, рис. 2).

Вторая группа керамики КМК заметно отличается от «классической». Для неё характерны формы сосудов, приближённые к тюльпановидным, колоколовидным или баночным. Эта керамика сравнительно толстостенная, характерной её особенностью являются утолщённые, иногда ребристые изнутри венчики. В тесте присутствует значительная примесь грубой дресвы (измельчённого кварца или полевого шпата). Поверхность горшков заполнена орнаментом из налепных валиков: несколько горизонтальных по шейке и ряды вертикальных или косых ниже до самого дна. Валики, как правило, деградированные: гладкие, сплюснутые в сечении, часто сформированные из жидкой глины. Изредка на такой керамике встречается канелированный, шнуровой, прочерченный или накольчатый орнамент. Иногда попадаются сосуды с растробовидным венчиком, который орнаментирован изнутри. Особенности второй группы керамики КМК объяснялись инокультурными влияниями: с одной стороны ранними тшинецко-комаровскими, а с другой – покровско-абашевскими (Куштан 2005: 68–69; 2013: 40). Эта группа керамики получила название «постмноговаликовая» или «протомалополовецкая» (Палагута 1996: 63–64, рис. 1: 16–22; Куштан 2005: 68, рис. 3). Малополовецкая керамика, названная так по эпонимному могильнику Малополовецкое-3 на Киевщине, представляет собой окончательную деградацию многоваликовой традиции. На сосудах малополовецкого типа налепные валики полностью сменяются ошершавливанием тулова жидкой глиной, которая в результате полосчатого сглаживания пальцами на поверхности образует простейшие композиции, которые напоминают многоваликовый орнамент предыдущей группы (Лысенко, Куштан 1997: 109–112). Малополовецкая керамика уже относится к развитому этапу поздней бронзы и встречается в одном комплексе с бе-

режновско-маёвской срубной, андроновской и тшинцево-комаровской.

Ранние серпы и кельт на поселениях КМК Черкасского Поднепровья

На поселениях начала поздней бронзы в Черкасском Поднепровье были найдены пять серпов типа Ибракаево, вариант Среднеднепровский и один кованый кельт (Куштан 1998а: 9–21; 1998б: 96). Все эти местонахождения (Липовское-2, Липовское-3, Чапаевка-7, Самовица-7, Самовица-остров-3, Червонохиженцы-6) расположены на песчаных возвышенностях в пойме левого берега Днепра напротив г. Черкассы⁶.

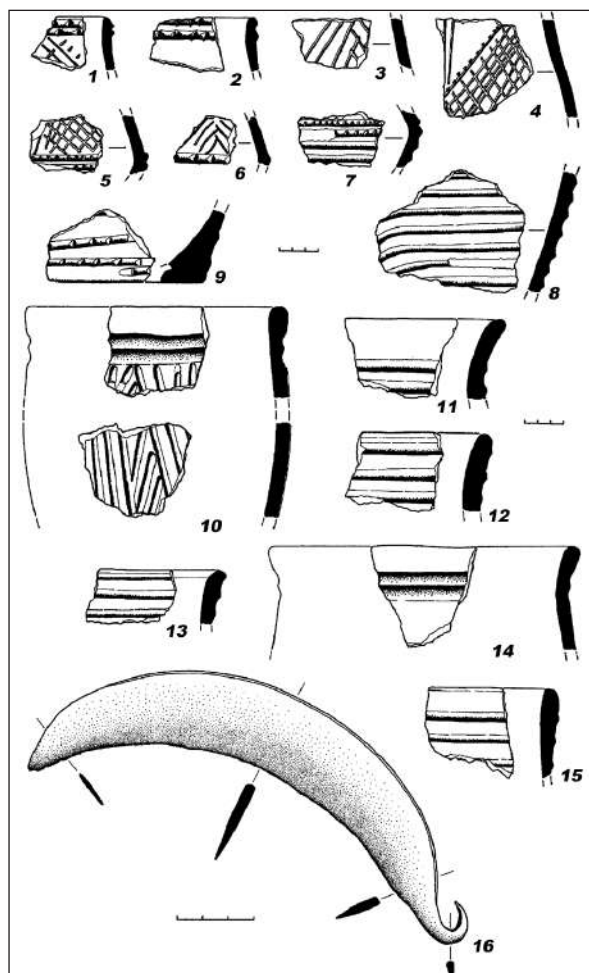

Рис. 4. Поселение Липовское-2а: 1-15 – керамика; 16 – бронза.
Fig. 4. The settlement of Lipovskoe-2a.

Медные серпы с поселений Липовское-2, Чапаевка-7, Самовица-7 и Червонохиженцы-6 имеют узкое лезвие со слабой или средней степенью изогнутости, носок заостренный, пятка имеет откованный крюк для крепления рукояти (Рис. 4: 16, 5: 18, 6: 13, 7: 16). Их длина от 17,8 до 19,7 см, максимальная ширина лезвия 2,1-3 см, высота дуги – 2,8-4,6 см. С поселения Липовское-3 происходит обломок пяточной части серпа такого же типа (Рис. 8: 6). На поселении Самовица-остров-3 обнаружен бронзовый кельт с кованой втулкой (Рис. 8: 10). Его длина 10,5 см, ширина рабочей части – 4 см.

Находки металлических изделий на указанных поселениях сопровождались многочисленным подъемным материалом, датированным началом поздней бронзы, среди которого преобладала керамика с многоваликовым орнаментом. На большинстве поселений она

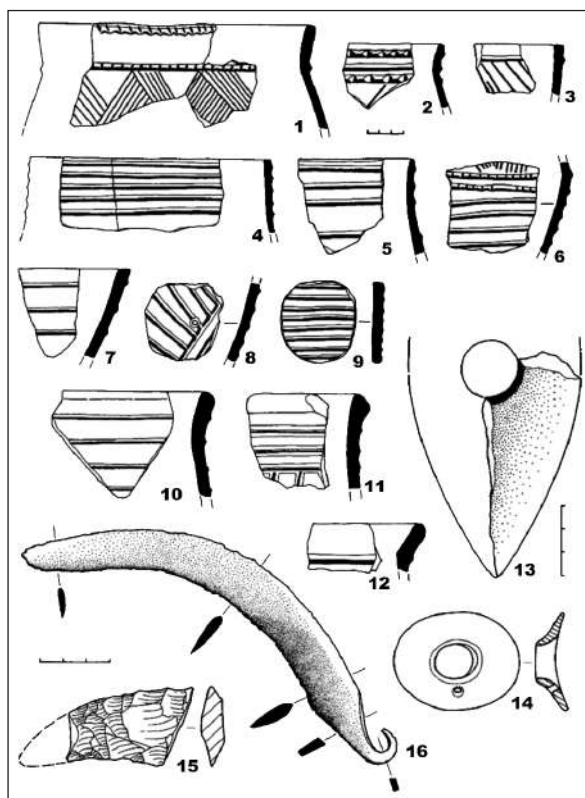

Рис. 5. Поселение Чапаевка-7: 1-14 – керамика; 15 – камень; 16 – кость; 17 – кремь; 18 – бронза.
Fig. 5. The settlement of Chapaevka-7.

⁶ Серпы с поселений Самовица-7, Червонохиженцы-6, Липовское-3, а также кельт с поселения Самовица-остров-3, найденные непосредственно автором, хранятся в Черкасском областном краеведческом музее, а два серпа (Липовское-2 и Чапаевка-7) – в частных коллекциях.

распределяется на две группы: классическую КМК (бабинскую) (Рис. 4: 1–9, 5: 1–8, 6: 1–6, 7: 1–9) и пост КМК (протомалополовецкую) (Рис. 4: 10–15, 5: 10–12, 6: 8–11, 7: 10–13). Лишь на Липовском-3 и Самовице-остров-3 обнаружена исключительно керамика второй группы (Рис. 8: 1–5, 7–9). Среди прочих изделий из керамики: ложило из стенки горшка (Рис. 5: 9) и крупные дисковидные пряслица (Рис. 6: 12, 7: 14). Другие находки представлены типичными для этой культуры категориями: фрагментами каменных сверлёных топоров (Рис. 5: 13, 7: 15), клювовидных кремневых серпов (Рис. 5: 15), овальной костяной пряжкой с большим центральным и малым боковым отверстиями (Рис. 5: 14).

Таким образом, судя по наличию во всех этих комплексах керамики протомалополовецкого типа, они относятся к позднему эта-

пу КМК. По периодизации В.В. Отрощенко, этот этап (КМК-II) синхронен раннему этапу покровской (покровско-мосоловской) срубной культуры (Отрощенко 2001: 111). Поэтому, вероятнее всего, найденные металлические орудия следует рассматривать как импорт из раннесрубного ареала (Волго-Уралье, Подонье, Подонцовье) (Куштан 1998б: 96).

Датировка ранних серпов и кельтов

Факт нахождения среднеднепровских серпов и кованых кельтов на поселениях одного и того же времени – позднего этапа КМК – позволяет говорить об их одновременности. Прямым доказательством их синхронности есть находки литейных форм для изготовления серпов и кельта на Мосоловском поселении. Сходны и технологии их изготовления: использование преимущественно «чистой»

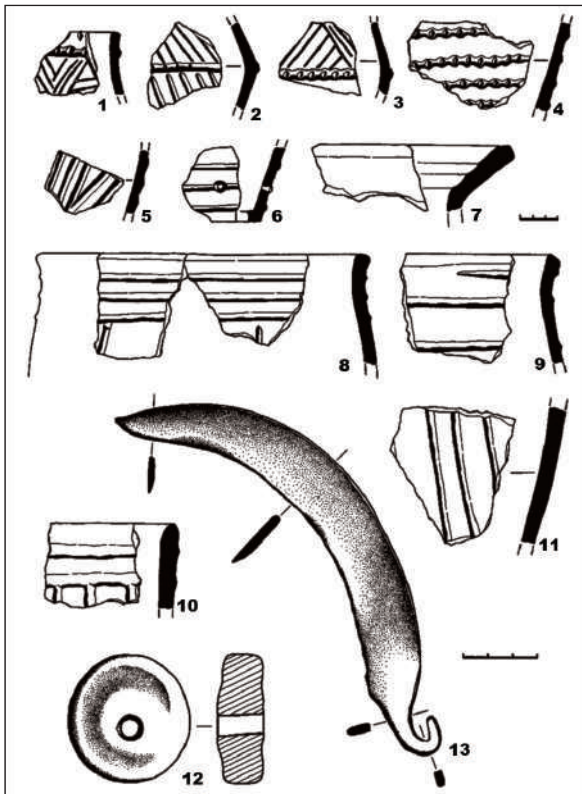

Рис. 6. Поселение Самовица-7: 1-12 – керамика; 13 – бронза.

Fig. 6. The settlement of Samovitsa-7.

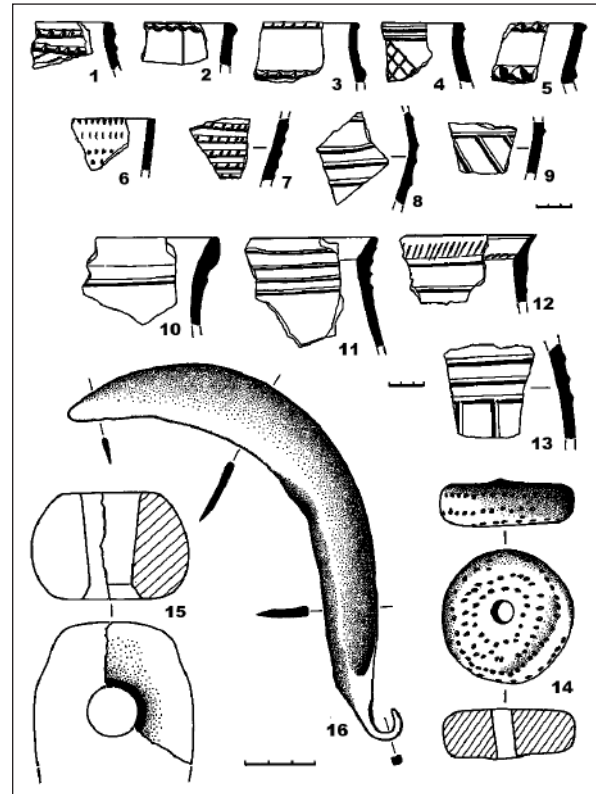

Рис. 7. Поселение Червонохизенцы-6: 1-14 – керамика; 15 – камень; 16 – бронза.

Fig. 7. The settlement of Chervonohyzhentsy-6.

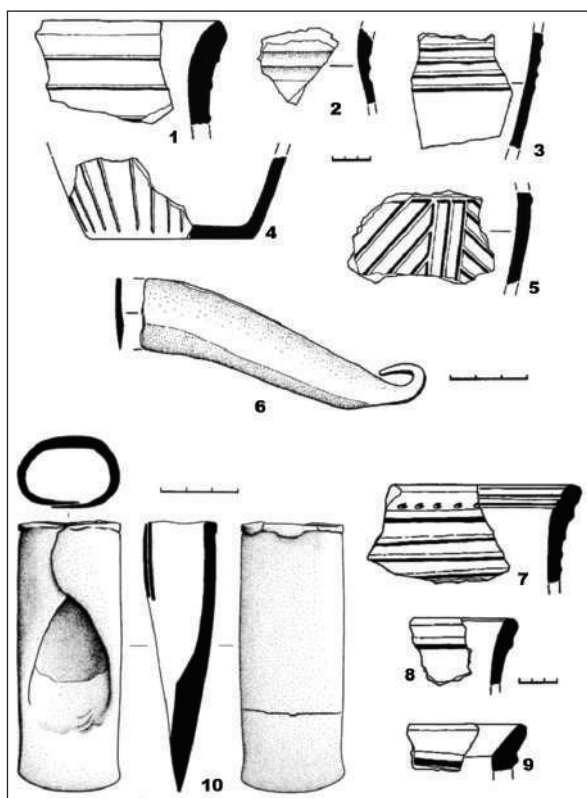

Рис. 8. Поселения Липовское-3 (1-6) и Самовица-остров-3 (7-10): 1-5, 7-9 – керамика; 6, 10 – бронза.

Fig. 8. The settlements of Lipovskoe-3 (1-6) and Samovitsa-island-3 (7-10).

меди, отливка заготовок в односторонних формах с крышкой, последующая ковка изделий: формовка крюка у серпа и втулки у кельта.

Серпы типа Ибракаево, согласно периодизации Дергачёва-Бочкарёва, отнесены к периоду II эпохи поздней бронзы, который соответствует 1600–1400 гг. до н.э. (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 85). Связь серпов среднеднепровского варианта с КМК-II позволяет несколько удревнить их, т.к. традиционная датировка этого периода – XVII–XVI вв. до н.э. (Отрощенко 2001: 110–111; Куштан 2013: 168–170).

Абсолютную датировку памятников позднего этапа КМК в Среднем Поднепровье определяют радиоуглеродные даты, полученные для курганных погребений, сопровождавшихся типичными для этого времени овальными костяными пряжками с большим центральным и малым боковым отверстиями (такая же пряжка найдена на поселении Чапаевка-7). Это Бубновская Слободка, 9/2 – 1610-1460 cal.

BC (Лысенко 2005: табл. IV) и Мироновка (Росава), 8/2 – 1510-1438 cal. BC (Klochko 1999: tabl. 2). Вышеуказанные даты определены в радиоуглеродной лаборатории г. Киев. Альтернативой этим датам является результат, полученный в лаборатории г. Познань (Польша) для погребения КМК из кургана «Сугоклейская Могила» в г. Кировоград. Погребение № 4, которое сопровождалось позднемногоявальной пряжкой, соответствует временному интервалу 1780-1620 cal. BC (Николова, Разумов 2011: рис. 12, 13, табл.). Таким образом, датировка периода КМК-II, по результатам Киевской лаборатории, определяется как XVII–XVI вв. до н.э., а даты Познаньской лаборатории удревняют их на 100 лет (XVIII–XVII вв. до н.э.). Этому же временному промежутку соответствуют радиоуглеродные даты Мосоловского поселения (Припадчев 2009: табл. 2) после калибровки (1σ): 1680-1520 cal. BC и 1610-1450 cal. BC. Достаточно «низкая», по сравнению с ними, радиоуглеродная дата комплекса на поселении Черниково Озеро-1, где был обнаружен металлический серп, подобный среднеднепровским, – 2135-1781 cal. BC (Санжаров 2010: 431, табл. 3: 7). В пределах XIX–XVIII вв. до н.э. авторы раскопок датируют и материалы поселения Красное-1А, откуда происходит ещё один серп (Гак 2011: 31).

О функциональном назначении ранних серпов и кельтов

Помимо проблем с хронологией и культурной атрибуцией этих изделий, имеются спорные вопросы касательно их функционального назначения.

Исследователями отмечено, что ранние серповидные орудия (в данном случае – серпы типа Ибракаево) происходят из ареалов культур, которые в основном специализировались на скотоводстве. Поэтому, логичным был вывод об их использовании не в качестве орудий для жатвы злаковых, а как орудий для сенокосения, т.е. заготовки сена для скота (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 86; Бочкарёв 2012: 208–211). Это подтверждают и наши находки металлических серпов на памятниках позднего этапа КМК. Судя по археологическим данным, хозяйство племён этой культуры/общности было ориентировано в основном на отгонно-пастбищное скотоводство, в стаде преобладал

крупный рогатый скот. Об этом свидетельствует большое количество временных стоянок (летников) в поймах рек, а также большие скопления костей животных на многих поселениях (Куштан 2013: 33–34). Помимо металлических, в это же самое время часто использовались и кремневые серпы, которые имели характерную клювовидную форму.

По причине отсутствия у носителей КМК и покровской срубной культуры развитого земледелия, заблуждением является трактовка кованых кельтов как мотыг. Так эти изделия называли А. Таллгрэн (Tallgren 1926: 187–188) и А.И. Тереножкин (1961: 146–147). Как орудия для возделывания земли их рассматривали С.С. Березанская (1982: 118–120) и Н.Н. Черденченко (1986: 64). Другая же часть исследователей, начиная с составителей каталога коллекции Ханенков, интерпретируют их именно как кованые кельты (Древности... 1899: 14–15; Черных 1976: 68–69; Клочко 1994: 108; 2006: 145), с чем нельзя не согласиться. Их форма и пропорции (в т.ч. на примере экземпляра с поселения Самовица-остров-3) свидетельствуют именно о таком их назначении – рубящее орудие для обработки дерева, плюс эффективное оружие ближнего боя. Использование их в качестве мотыг выглядит нерациональным ввиду ценности металла, в то самое время, когда для этого могли служить орудия из более доступных материалов: дерева, кости, рога, камня.

Заключение

Таким образом, благодаря введению в научный оборот материалов разведок автора в Черкасском Поднепровье, представляется возможным связать случайные находки коротких крюкастых серпов и кованых кельтов в бассейне Среднего Днепра с древностями культуры многоваликовой керамики, а именно её позднего этапа (КМК-II). Это даёт основание для отнесения ибракаевских серпов среднеднепровского варианта и кельтов с кованой втулкой к концу периода I эпохи поздней бронзы, по периодизации Дергачёва-Бочкарёва, что соответствует XVII–XVI вв. до н.э. (радиоуглеродная датировка несколько понижает этот диапазон до 1800–1700 гг. до н.э.).

По размеру и форме лезвия среднеднепровские серпы несколько напоминают серпы без выделенной рукояти-крюка (Уральская группа, типы Петровка и Кочетное; Волго-Уральская группа, тип Гречихино, вариант Старо-Быково, по Дергачёву-Бочкарёву), которые относятся к синташтинской, петровской, ранней покровской срубной культурам и датируются периодом I эпохи поздней бронзы (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 36–41, 115–118). Такая морфологическая схожесть может свидетельствовать об их хронологической близости и подтверждает «удревнение» серпов среднеднепровского варианта.

Ввиду отсутствия в Среднем Поднепровье на начало поздней бронзы следов местной металлообработки, эти предметы импортировались из ареала ранней покровско-мосоловской срубной культуры (раннесрубного Волго-Уральского центра металлообработки), где известны и литейные формы для их отливки (Мосоловка, Усово Озеро). На восточное направление связей указывает и керамический комплекс поднепровских поселений, на которых обнаружены ранние типы серпов и кельтов – это керамика протомалополовецкого типа, которая характеризуется наложением на местную многоваликовую основу покровско-абашевских элементов.

Учитывая то, что часть изделий отлита из металла химико-металлургической группы медистых песчаников Донбасса, не исключено, что они могли изготавливаться и металлургами КМК. Исследователи допускают существование у Днепро-Донецкой группы культуры/общности Бабино (КМК) собственного центра металлообработки, связанного с Бахмутскими рудопроявлениями, который позже перерос в Донецкий горно-металлургический центр срубной общности (Литвиненко 2005: 120–123, рис. 2). Однако Р.А. Литвиненко связывает эксплуатацию медных месторождений Бахмутской котловины исключительно с ранней группой культуры Бабино (КМК-I) – временем до появления в Поднепровье первых медных серпов и кельтов.

Литература

- Археология... 1985. Первобытная археология. Т. 1 (Гл. ред. Н.И. Артеменко). В: *Археология Украинской ССР* в 3-х тт. Киев.
- Березанская С.С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы*. Киев.
- Бочкарёв В.С. 2012. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. *РАЕ* 2, 194–214.
- Гак Е.И. 2011. *Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи*. Москва.
- Дергачёв В.А. 1997. *Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего Гальштата Карпато-Данубио-Нордпонттийского региона*. Кишинэу.
- Дергачёв В.А., Бочкарёв В.С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинэу.
- Древности Приднепровья. 1899. Собрание Б.И. и В.И. Ханенко. Вып. I: *Каменный и бронзовый век*. Киев.
- Клочко В.И. 1994. Металлургическое производство в энеолите–бронзовом веке. В: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко и др. *Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине*. Киев, 96–132.
- Клочко В.И. 2006. *Озброєння та військава справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.)*. Київ.
- Куштан Д.П. 1998а. *Звіт про рятивні археологічні розкопки та розвідки за 1998 рік*. Архів ІА НАНУ. Інв. № 74. Черкаси.
- Куштан Д.П. 1998б. Нові знахідки металевих виробів доби бронзи у Черкаському Подніпров'ї. У: *Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр.* Київ, 96–97.
- Куштан Д.П. 2005. Памятники культуры многоваликовой керамики в Среднем Поднепровье (по материалам разведок в зоне Кременчугского водохранилища). В: *Проблемы эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск, 64–70.
- Куштан Д.П. 2013. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. *Археологічний альманах* 29. Донецьк.
- Лисенко С.Д. 2001. До питання про комплекс металевих знахідок доби бронзи біля села Козинці на Київщині. У: *Археологічні пам'ятки Фастівщини: проблеми дослідження і охорона* (Прес-музей 10–11, 1998). Фастів, 48–66.
- Лысенко С.Д. 2005. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга. В: *Проблемы эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск, 37–60.
- Лисенко С.Д., Куштан Д.П. 1997. Про виділення пам'яток з керамікою малополовецького типу. У *Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених*, Київ, 22–24 квітня 1997 р. Київ, 109–112.
- Литвиненко Р.О. 2005. До проблеми металовиробництва культури Бабине. *Проблеми гірничої археології. II Міжнародний Картамиський польовий археологічний семінар*, Новозванівка, 21–25 липня 2003 р. Алчевськ, 119–125.
- Ніколова А.В., Разумов С.М. 2012. Поховання культури Бабине Сугоклейської Могили. *Археологія* (3), 96–108.
- Отрощенко В.В. 2001. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ.
- Палагута І.В. 1996. Культурна належність пам'яток середньої та пізньої бронзи Черкаського Лівобережжя. *Археологія* (1), 61–69.
- Палагута І.В. 2001. Проблемы изучения керамики как индикатора культур эпохи бронзы Среднего Поднепровья. В: *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Международная научная конференция «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы», Самара, 23–28 апреля 2001 г. Самара, 253–257.
- Припадчев А.А. 2009. О хронологии памятников переходного абашевско–срубного (покровского) времени Донской Лесостепи и смежных территорий степной зоны. *Вестник ВГУ (Серия: Лингвистика и международная коммуникация)* 2, 190–195.
- Пряхин А.Д., Саврасов А.С. 1989. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков. В: *Поселения срубной общности*. Воронеж, 39–80.
- Санжаров С.М. 2010. *Восточная Украина на рубеже эпох средней-поздней бронзы*. Луганск.
- СНМКГ 1900. *Список населённых мест Киевской губернии*. Киев.
- СНМШГ 1862. *Список населённых мест Полтавской губернии*. Санкт-Петербург.

- Тереножкин А.И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев.
 Чередниченко Н.Н. 1986. Срубная культура. В: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко и др. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев, 44–82.
 Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва.
 Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. *Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)*. Москва.

Klochko V.I. 1999. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper region. The Mironivka barrows. *B-PS 7*, 163–195.

Leskov A.M. 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen). *PBF XX*, Bd 1. München.

Tallgren A. 1926. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. *ESA II*. Helsinki.

References

- Archaeology ... 1985. Pervobytnaia. Tom 1 (*editor-in-chief N. I. Artemenko*). In *Arkheologiiia Ukrainskoi SSR v 3-kh tt. (Archaeology of the Ukrainian SSR in 3 vols.)*. (Vol. 1: *Prehistoric Archaeology*). Kiev (in Russian).
- Berezanskaia, S. S. 1982. *Severnaia Ukraina v epokhu bronzy (Northern Ukraine in the Bronze Age)*. Kiev (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2012. *K voprosu ob ispol'zovanii metallicheskih serpov i serpovidnykh orudii v stepnykh (skotovodcheskikh) kul'turakh epokhi pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (On the issue of the use of metal sickles and sickle-shaped tools in the steppe (cattle-breeding) cultures of the Late Bronze Age in Eastern Europe)*. *Rossiiskaia Akademiia Estestvoznaniia (Russian Academy of Natural Sciences)* (2), 194–214 (in Russian).
- Gak, E. I. 2011. *Poseleniia epokhi bronzy na severnoi okraine donskoi lesostepi (Bronze Age settlements on the northern edge of the Don forest-steppe)*. Moscow (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia k probleme genezisa kul'tur rannego Gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Metal products on the issue of the genesis of the early Hallstatt cultures of the Carpathian-Danube-Pontic region)*. Chişinău (in Russian).
- Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Metal sickles of the late Bronze Age in Eastern Europe)*. Chişinău (in Russian).
- Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of the Dnieper) 1899. Collection by B. I. and V. I. Khanenko. *Vypusk I: Kamennyi i bronzovyi vek (Edition I: Stone and Bronze Age)*. Kiev (in Russian).
- Klochko, V. I. 1994. *Metallurgicheskoe proizvodstvo v eneolite-bronzovom veke (Metallurgical production in the Eneolithic-Bronze Age)*. In *Berezanskaia, S. S., Tsvet, E. V., Klochko, V. I. and others. Remeslo epokhi eneolita-bronzy na Ukraine (Craft of the Eneolithic-Bronze Age in Ukraine)*. Kiev, 96–132 (in Russian).
- Klochko, V. I. 2006. *Ozbroennia ta viis'kova sprava davn'ogo naselennia Ukraini (5000–900 rr. do R. Kh.) (Arms and Arts of the Ancient Population of Ukraine 5000-900 BC)*. Kiev (in Ukrainian).
- Kushtan, D. P. 1998a. *Zvit pro riativni arkheologichni rozkopki ta rozvidki za 1998 rik. (Report on the rescue archaeological excavations and prospecting in 1998)*. *Arkhiv Institutu arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Archives of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine)* (inv. no. 74). Cherkasi (in Ukrainian).
- Kushtan, D. P. 1998b. *Novi znakhidki metalevikh virobiv dobi bronzi u Cherkas'komu Podniprovi (New finds of metal products of the Bronze Age in the Cherkassy Dnieper region)*. In *Arkheologichni vidkrittia v Ukraini 1997–1998 rr. (Archaeological discoveries in Ukraine of 1997-1998)*. Kiev, 96–97 (in Ukrainian).
- Kushtan, D. P. 2005. *Pamiatniki kul'tury mnogovalikovo keramiki v Srednem Podneprov'e (po materialam razvedok v zone Kremenchugskogo vodokhranilishcha) (Monuments of the Mnogovalikovaia (multiroller) pottery culture in the Middle Dnieper (based on the search in the area of the Kremenchug reservoir))*. In *Problemy epokhi bronzy Velikoi Stepi (Problems of the Bronze Age of the Great Steppe)*. Lugansk, 64–70 (in Russian).
- Kushtan, D. P. 2013. *Pivden' Lisostepovogo Podniprovi'ia za dobi pizn'oi bronzi (South Dnieper Forest-Steppe in the Late Bronze Age)*. *Arkheologichni al'manakh (Archaeological almanac)* (29). Donetsk (in Ukrainian).
- Lisenko, S. D. 2001. *Do pitannia pro kompleks metalevikh znakhidok dobi bronzi bilia sela Kozintsi na Kiiivshchini (On the issue of the complex of the Bronze Age metal finds near the Kozintsi village in the Kiev region)*. In *Arkheologichni pam'iatki Fastivshchini: problemi doslidzhennia i okhorona (Archaeological sites of the Fastiv region: research problems and conservation)* (*Pres-muzei (Press-museum)* 10–11, 1998). Fastiv, 48–66 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D. 2005. *Absolutnaia khronologiia vostochnogo massiva tshinetskogo kul'turnogo kruga* (Absolute chronology of the eastern massif of the Tshinetsk culture circle). In *Problemy epokhi bronzy Velikoi Stepi* (Problems of the Bronze Age of the Great Steppe). Lugansk, 37–60 (in Russian).

Lisenko, S. D., Kushtan, D. P. 1997. *Pro vidilennia pam'iatok z keramikoii malopolovets'kogo tipu* (On the emphasizing of the sites with the Malopolovetsk type ceramics). In *Mizhnarodna arkeologichna konferentsiia studentiv ta molodikh vchenikh, Kiiiv, 22–24 kvitnia 1997 r.* (International archaeological conference of students and young scientists, Kiev, 22-24 April 1997). Kiev, 109–112 (in Ukrainian).

Litvinenko, R. O. 2005. *Do problemi metalovirobnitstva kul'turi Babine. Problemi girnichoi arkeologii* (On the issue of the metal production of the Babino culture. Problems of Mining Archaeology). II *Mizhnarodnii Kartamis'kii pol'ovii arkeologichnii seminar, Novozvanivka, 21–25 lipnia 2003 r.* (II International Kartamysh Field Archaeological Seminar, Novozvanivka, 21-25 July 2003). Alchevsk, 119–125 (in Ukrainian).

Nikolova, A. V., Razumov, S. M. 2012. *Pokhovannia kul'turi Babine Sugokleis'koi Mogili* (Babino culture burial Sugokleiskaia Grave). *Arkheologiia* (Archaeology) (3), 96–108 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2001. *Problemi periodizatsii kul'tur seredn'oi ta pizn'oi bronzi pivdnia Skhidnoi Evropi* (kul'turno–stratigrafichni zistavlennia) (Periodisation problems of the Early and Late Bronze Age cultures of Southeastern Europe (cultural-stratigraphic comparisons)). Kiev (in Ukrainian).

Palaguta, I. V. 1996. *Kul'turna nalezhnist' pam'iatok seredn'oi ta pizn'oi bronzi Cherkas'kogo Livoberezhzhia* (Cultural identity of the Middle and Late Bronze Age sites of the Cherkassy Left-Bank Region). *Arkheologiia* (Archaeology) (1), 61–69 (in Ukrainian).

Palaguta, I. V. 2001. *Problemy izuchenii keramiki kak indikatora kul'tur epokhi bronzy Srednego Podneprov'ia* (Study problems of ceramics as an indicator of the Bronze Age cultures of the Middle Dnieper). In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "K stoletiiu periodizatsii V. A. Gorodtsova bronzovogo veka iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy"*, Samara, 23–28 aprelia 2001 g. (Bronze Age in Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodisation. International Scientific Conference "On the centenary of periodisation of the Bronze Age of the southern half of Eastern Europe by V. A. Gorodtsov", Samara, 23-28 April 2001). Samara, 253–257 (in Russian).

Pripadchev, A. A. 2009. *O khronologii pamiatnikov perekhodnogo abashevsko–srubnogo (pokrovskogo) vremeni Donskoi Lesostepi i smezhnykh territorii stepnoi zony* (On the chronology of the sites of the Abashevo-Srubnaia (Pokrovsk) transition-time of the Don Forest-Steppe and the adjacent areas of the steppe zone). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Voronezh State University (Seria: Lingvistika i mezhdunarodnaia komunikatsiia (Series: Linguistics and International Communication)) (2), 190–195 (in Russian).

Priakhin, A. D., Savrasov, A. S. 1989. *Gliniane liteinye formy s Mosolovskogo poseleniia metallurgov–liteishchikov* (Clay casting molds from the Mosolovka settlement of metallurgists–casters). In *Poseleniia srubnoi obshchnosti* (Srubnaia community settlements). Voronezh, 39–80 (in Russian).

Sanzharov, S. M. 2010. *Vostochnaia Ukraina na rubezhe epokh srednei–pozdney bronzy* (Eastern Ukraine at the turn of the Middle-Late Bronze epochs). Lugansk (in Russian).

СНМКТ (ЛПАКР) 1900. *Spisok naselennykh mest Kievskoi gubernii* (List of the populated areas of the Kiev province). Kiev (in Russian).

СНМКТ (ЛПАКР) 1862. *Spisok naselennykh mest Poltavskoi gubernii* (List of the populated areas of the Poltava province). Saint Petersburg (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e* (Pre-Scythian period on the right bank of the Dnieper). Kiev (in Russian).

Cherednichenko, N. N. 1986. *Srubnaia kul'tura* (Srubnaia ("Timber-Grave") culture). In *Berezanskaia, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N. and others. Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy* (Cultures of the Bronze Age on the territory of Ukraine). Kiev, 44–82 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo–Zapade SSSR* (Ancient metalworking in the South-West of the USSR). Moscow (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko–turbinskii fenomen)* (Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)). Moscow (in Russian).

Дмитрий Куштан, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины; e-mail: kushtan@rambler.ru

Bogdan Petru Niculicǎ, Vasile Budui, Daniela Popescu, Liviu Popescu, Ioan Ignat

The Komariv (Komarów) settlement of Adâncata-”Sub pădure” (Adâncata commune, Suceava county). Archaeological researches and habitat conditions

Keywords: Middle Bronze Age, Komariv (Komarów) culture, GIS, prehistoric habitat.

Cuvinte cheie: perioada de mijloc a epocii bronzului, cultura Komariv (Komarov), GIS, habitat preistoric.

Ключевые слова: средний бронзовый век, комаривская (комаровская) культура, GIS, древнее поселение.

B.P. Niculicǎ, V. Budui, D. Popescu, L. Popescu, I. Ignat

The Komariv (Komarów) settlement of Adâncata-”Sub pădure” (Adâncata commune, Suceava county). Archaeological researches and habitat conditions

During the period 2000-2005, at Adâncata-”Imaş”, Suceava co., a barrow cemetery dated to the Middle Bronze Age, respectively the Komariv (Komarów) civilization, was investigated. To complete the whole image on the Bronze Age community, there were undertaken archaeological excavations also within the contemporary settlement, situated in the place called “Sub Pădure”. Excavations pointed out the presence of ceramicware similar in terms of preparation and ornamentation to the one discovered within the barrow cemetery, the common denominator being represented by the presence of certain special ingredients, macroscopically visible, in the composition: siliceous accidents (cherts) and quartzite. In the settlement there were identified the traces of three above-ground constructions (dwellings), made of light materials (probably huts), in each of them remains of hearths being signaled. Together with the archaeological investigations, a “landscape archaeology” study was carried out, with the purpose of identifying certain indicators characteristic for the favorability of the human inhabitation. The present study synthesizes the results of interdisciplinary researches, undertaken within the settlement, the understanding of the prehistoric habitat of Adâncata requiring a wider approach from the interdisciplinary perspective, also due to the fact that for the first time in Romania, it was possible to identify the relation between a settlement and a cemetery of the Komariv (Komarów) type.

Bogdan Petru Niculicǎ, Vasile Budui, Daniela Popescu, Liviu Popescu, Ioan Ignat

Așezarea culturii Komarov Adâncata-”Sub pădure” (com. Adâncata, jud. Suceava). Investigațiile arheologice și condițiile de habitat

În perioada anilor 2000-2005 la Adâncata-„Imaş” (jud. Suceava) a fost cercetată o necropolă tumulară, datată în perioada mijlocie a epocii bronzului și atribuită culturii Komariv (Komarov). În scopul reconstituirii condițiilor de trai ale comunităților din epoca bronzului, s-au efectuat, de asemenea, investigații arheologice în așezarea contemporană necropolei, situată în zona numită de localnici „Sub pădure”. A fost descoperită ceramică similară ca mod de executare și ornament cu cea din necropola tumulară, ce conține în structura pastei drept ingrediente particule de silex și cuarțit. În perimetrul așezării au fost semnalate urmele a trei amenajări de suprafață (locuințe), construite din materiale ușoare perisabile (probabil colibe), în care s-au descoperit vetre. Concomitent cu investigațiile arheologice au fost efectuate și cercetări specifice „arheologiei de landscape”, în scopul identificării anumitor indicii specifice unui habitat uman favorabil. În lucrarea de față sunt sintetizate rezultatele investigațiilor interdisciplinare efectuate în perimetrul așezării. Pentru o înțelegere mai bună a condițiilor de trai preistorice de la Adâncata este foarte importantă și de perspectivă abordarea largă interdisciplinară. Se subliniază faptul că pentru prima dată în România a fost determinată legătura dintre o așezare și o necropolă de tip Komariv (Komarov).

Б.П. Никуликэ, В. Будуй, Д. Попеску, Л. Попеску, И. Игнат

Поселение комаровской культуры Адынката-«Суб пэдуре» (ком. Адынката, жудец Сучава). Археологические исследования и условия обитания

В период с 2000 по 2005 год, в Адынката-«Имаш» (жудец Сучава) был исследован курганный могильник, датируемый серединой бронзового века и, соответственно, относящийся к комаровской культуре. С целью воссоздания общей картины сообщества бронзового века, были также проведены археологические раскопки на территории современного могильника поселения, расположенного в местности, называемой «Суб пэдуре». Раскопки выявили присутствие керамики, схожей по типу изготовления и орнаменту с керамикой, обнаруженной в курганном могильнике. Ее общей характеристикой является наличие специальных

микроскопически видимых ингредиентов в тесте: кремня и кварцита. На поселении были выявлены следы трех наземных сооружений (жилищ), изготовленные из легких материалов (вероятно хижин), о каждом из которых сигнализировали обнаруженные очаги. Параллельно с археологическими изысканиями, было проведено исследование „палеоландшафта”, с целью выявления определенных показателей, характерных для благоприятности человеческого обитания. Предлагаемая работа синтезирует результаты междисциплинарных исследований, проведенных на территории поселения. Для лучшего понимания доисторического обитания в Адынкате очень важен и перспективен более широкий междисциплинарный подход. Отмечается факт, что впервые в Румынии была определена связь между поселением и могильником комаровского типа.

Introduction

During the period 2000–2005, in the barrow cemetery of Adâncata-”Imaş”, Suceava co., systematic archaeological excavations were carried out, being investigated 11 barrows out of a total number of 16. This is how there were identified ceramic archaeological materials, which allowed, together with the peculiarities of the funeral rite and ritual, the cultural and chronological inclusion of the cemetery within the monuments of the Komariv (Komarów) civilization¹ (Niculică et alii 2005: 69–86; Niculică 2006: 45–143), acknowledged in the northeast of Romania, the southeast of Poland, the northwest of Ukraine and the north of the Republic of Moldova (Swiesznikow 1967: 39–107; Sulimirski 1968: 97–98; Berezanskaja 1985: 428–437; Sava 1994: 143–144; Dumitroaia 2000: 127–128; Munteanu 2010: 209–210; Markarowicz 2010; Dergaciov 2010: 301–302). Without insisting on the archaeological data and on those provided by the interdisciplinary research, we should specify that, throughout the years, the discoveries of Adâncata were published in a series of magazines of Romania and from abroad. Studies were achieved regarding the funeral behaviour, metallurgy, lithological materials, the corresponding analyses of physical anthropology were carried out, being further completed by the geological, pedological, geomorphological investigations, sustained by GIS applications (Niculică, Budui, Mareş 2004: 270–271; Niculică 2005: 61–68; Niculică, Budui 2005: 303–311; Niculică 2006: 80–107; Niculică, Cojocaru 2006: 203–207; Ignat et alii 2007: 31–32; Simalcsik, Niculică 2012: 119–133; Budui, Niculică 2012: 79–86). The quantification of geographic particularities, of the manner of constructing the barrows and local and allogenic natural resources, used at

that moment, in the context of the most correct interpretation of the values of the *social energy* of the prehistoric community of Adâncata is particularly important. The necessity of studying the anthropic impact on the natural prehistoric environment needs no further stressing in the present context, interdisciplinary investigations, whatever their nature, being benefic and sustaining the historical reconstruction. This attempt of “*shaping the habitat*” dated to the Bronze Age of Adâncata must be achieved, even in the conditions of limited archaeological investigations, as it represents the preamble of further more thorough researches. On the other hand, it was for the first time in Romania, that the relation between a settlement and a cemetery of the Komariv type could be identified, this representing a novelty and also a challenge for the specialists in various fields.

Objectives and results of the archaeological research

The archaeological site of Adâncata is located 12 km NE of the Suceava city, in the central part of Suceava Plateau, a subunit of Moldavian Plateau, in the interfluvium between Suceava and Siret rivers (Pl. 1). The site of Adâncata ”Sub Pădure” is situated ca. 300 m NE of the barrow cemetery (Pl. 3: 1) and it was discovered by B. P. Niculică, during the archaeological surface researches of 2001. In the neighboring area of the cemetery and especially within the perimeter of the settlement, surface researches brought to light a ceramicware similar to the one of the cemetery on the ”Imaş”. All these data determined us to start in summer 2006, a more thorough archaeological field evaluation, with the main purpose of precisely delimiting the settlement, establishing the stratigraphy and the consistency of the Komariv inhabitation.

¹ During the first researches, the Komarów settlement was situated on the territory of Poland. After the World War II, it was included on the territory of Ukraine, being named Komariv.

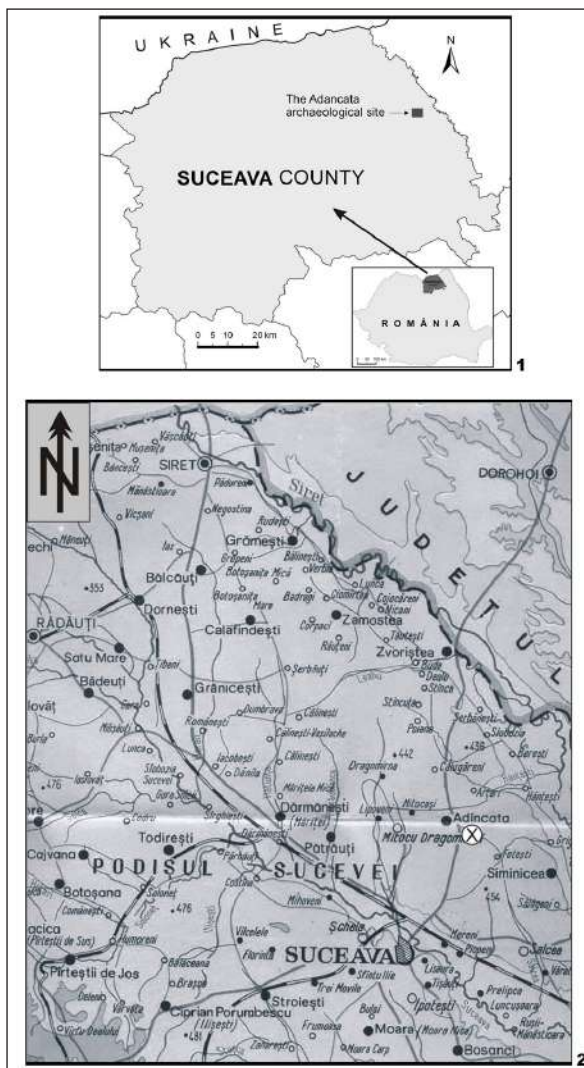

Plate 1. 1. The location of the Adâncata-“Sub Pădure” (settlement) and Adâncata-“Imaş” (barrow cemetery) archaeological sites belonging to the Komariv (Komarów) culture within Romania, Suceava County and the Suceava Plateau. 2. Central part of the Suceava Plateau with the location of the Adâncata archaeological site (X) (apud Popp, Iosep, Paulencu 1973).

Regarding the excavation method, we chose the investigation of a piece of land on the southern side of the settlement, where, during the surface researches, there were identified numerous archaeological materials. Thus, nine cassettes were drawn, with dimensions contained between 4x4 m and 6x6 m, marked C1-C9. Apart from these, a trench marked S I (20x1.50 m, E-W oriented) was also opened, being located at 30 m to the north from the southern limit of the settlement. The total surface investigated in 2005 was of 225 sq m.

The *stratigraphy* of the settlement is relatively simple, at least to the extent it could be established in the investigated areas:

- down to -0.10-0.15 m, a layer of grayish vegetal soil;
- between -0.10/0.15 m and -0.35/0.40 m, a layer of light grayish soil (forest soil – the area was deforested after 1990);
- between -0.35/0.45 and -0.50/0.60 m, a layer of blackish – grayish soil, representing the archaeological layer, with the width of 0.15-0.25 m;
- from downwards -0.50/0.60 m, a layer of brown-yellowish soil, representing the archaeologically sterile layer.

The *living compounds* identified during the research campaign of summer 2006 have the form of agglomerations of fragments of wattle and daub walls, hearth pieces and small impregnations of coal, associated with potsherds and various categories of lithic materials. Three such areas were noticed, with a shape relatively difficult to appreciate; in this phase of research, we consider the dwellings probably were of the type of light huts with wattle walls. The diameters of these constructions were probably of 4-6 meters; no clay traces on the floor were found, the daub being applied only on the walls. No traces of the previous pillars could be identified, possibly also due to the type of soil, represented by a moderately acid luvisoil; within it, the decomposition of the organic matter was rather advanced, being predominantly caused by fungi.

Archaeological inventory. Without insisting in the present study on this aspect of the research, which we intend to develop on a different occasion, we point out that the ceramicware discovered in the settlement is typologically and ornamentally classified within the ceramicware of the Komariv type, as it is known in Romania, Ukraine and Poland. Among the repertory of shapes, we should mention the tulip-shaped vessels and the biconical ones, with slightly flared or oval-rounded rims. The body thereof was ornamented with belts in relief, simple or, more rarely, with alveoli. Few shards of vessels with thin walls, resulting from cups, show ornaments created with hatched triangles (Pl. 2: 1–2), as well as with parallel incised stripes, accompanied by small notches. We also note the massive presence of secondary firing, fact which cannot be explained only through

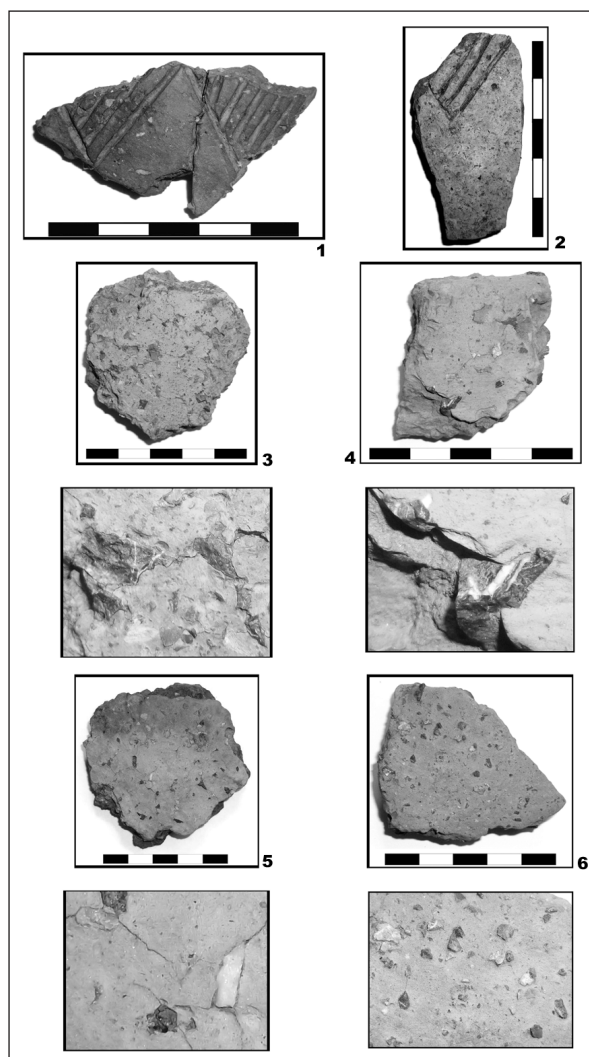

Plate 2. Komariv (Komarów) pottery discovered during the archaeological excavations of Adâncata-”Sub Pădure”. 1-2, decorated pottery; 3-6, pottery ingredients: quartzite and chert - details (apud Niculică et alii: 2013, 68).

the existence of fires within the perimeter of the settlement but through the long and repeated usage of the vessels, within the household activities.

Regarding the lithic inventory, we should mention that there were discovered whole and fragmentary flint blades, scrapers, flakes, polishers, arrowheads with concave base, as well as fragments of siliceous accidents (chert); apart from these during the researches there were also identified flint pebbles, cherts, quartzite clasts, which represented the raw material necessary for the creation of tools and weapons or of ceramic paste (in case of coarse pottery containing chert and quartzite).

The natural environment of the area of Adâncata. The prehistoric habitat

From this perspective, our aim was to identify particular aspects, which can help us in our initiative of recreating the prehistoric habitat of Adâncata; our initiative is supported on the *landscape study*, based on observations, measurements and descriptions undertaken in the field, as well as on applications carried out within a GIS project. Data obtained in the field (geologic, geomorphologic, pedological) provided the possibility of pointing out traits specific to the area of Adâncata. Thus, there were created several types of maps: hypsometric, of declivity, of sun exposure, of visibility and pedological.

The region we are studying is part of the Moldavian Platform, being characterized through a monocline geologic structure, within which harder rock levels (sandstones) alternate with friable rock layers (sands, clays), with a slight NNW–SSE inclination. From geostructural point of view, the area where the archaeological excavations were carried out is characterized by the Volhinian calcareous sandstones. Quaternary clay layer lies transgressively on top of Volhinian older deposits. This particular feature represents a direct consequence of the monocline geologic structure specific to Moldavian Plateau (Ionesi 1968; Bâgu, Mocanu 1984; Ionesi 1994; Seceleanu 2000; Grasu et alii 2002; Budui, Niculică 2012).

The Adâncata-”Sub Pădure” settlement does not draw the attention particularly at a first sight. It was covered by oak-tree woods, recently deforested, which led to a good conservation of the site, which was not affected by agricultural or urban works. The study of the land shows us that Bronze Age men were careful in choosing the type of habitat. First of all, it needs to be pointed out that the settlement we refer to is situated on an interfluvium slightly inclined towards SE, individualized through the structural plateau of Adâncata; this interfluvium is delimited by valleys of 5-7 m deep, of two brooks, which get united near the SE end of the settlement, forming a brook which is a left affluent of Grigorești brook. Thus, towards N, E and S, the settlement is limited by abrupt versants. The relative altitude assures it a dominant aspect, especially if seen from E. The shape of the settlement is triangular, with the point oriented towards SE. The absolute altitude of the settlement varies between 385-407 m, being close to the one of the

cemetery on "Imaș" (409-412 m for the central group of barrows) (Pl. 2: 1-2).

The piece of land on which the potsherds dated to the Middle Bronze Age were found is of about 4-5 ha. Probably the occupational surface itself of the community of Adâncata varied according to certain local needs (deforesting, land exploitation etc.), creating this impression of a large settlement. In reality, judging based on stratigraphy, the consistency of the inhabitation level and the identified archaeological materials, the settlement itself was much smaller (probably the dwellings were grouped on a surface of at most 0.5-1 ha at a certain moment). That is why it is difficult to specify how long the Komariv inhabitation lasted, especially that the ceramic inventory is typologically not conclusive.

The undertaken landscape study shows us clearly the peculiarities of the natural environment. The land form chosen for the organization of the settlement is favorable from this point of view to a defensive organization. The relative altitude, of about 5-7 m to the adjacent valleys (nowadays with a temporary character), provided a natural defensive character to the settlement. From this perspective, probably the organization of a palisade at the level of the contact area with the central part of the plateau of which the interfluvium on which the settlement is located gets detached, eventually also in the marginal areas, facilitated the defense necessities of the community.

The land of the settlement is generally flat, with a slight inclination towards SE and E, fact that allows the natural flow of rain water, preventing stagnation (Pl. 3: 3). Regarding the sun exposure, the settlement receives sun light most of the day, fact that is also a favoring element (Pl. 3: 4).

A special discussion is the one pertaining to the general visibility. We point out the fact that from the settlement limited areas were visible to the N, NW and E, SE. Based on the analysis of the visibility characteristics we consider the Komariv settlement of Adâncata was "hidden" within the general territory (the microzone Adâncata) and did not show the features of a reference settlement, imposing, polarizing and with a surveillance role. The subject deserves to be debated in a wider context, of general correlations throughout much wider geographic and historical spaces, as there can be involved elements of daily life, of spiritual

life. At the same time, the distance between the settlement and the cemetery can be judged from many perspectives, including from the point of view of social anthropology.

Regarding the access way, this is easy to identify on the topographic, hypsometric and slope maps, the easiest option being from the western side of the settlement, as it is in fact known also these days (Pl. 3: 1-3; 3: 5). Naturally, one can not exclude the existence of lateral paths on the plateau sideways.

Concerning the soils specific to the area of Adâncata, we mention that at present luvisols are typical. These have a moderate fertility, even a vague one, in the case of the *albic* subtype or the occurrence of pseudogley. Spatial variations are rather large in spite of the occurrence of the geomorphometric monotony, as the arenaceous substratum is variable as depth in relation to the surface, and the presence of argillaceous lenses is local. Based on observations and analyses undertaken within the barrows and outside their area, we consider that the soils had evolution profiles and direction similar to those available nowadays,

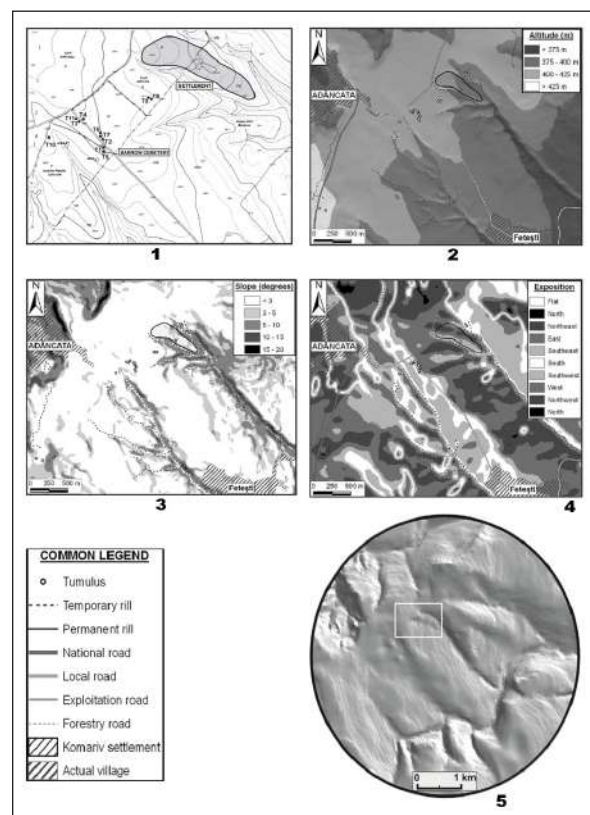

Plate 3. Adâncata-“Sub Pădure”. Territory, landscape, relief.

the presence of Bt horizon, well developed, being a proof of the fact that soils evolved under a forest vegetation of deciduous trees for a long period.

Preliminary considerations

In Romania, the settlements of Neamț county: Costișa, Borlești, Frumușica and Siliștea and of Vaslui county: Dănești (Costișa culture, Middle Bronze Age), provided interesting data regarding the habitat model, which are confirmed, at least partially in the case of the settlement of Adâncata. It was thus possible to notice the predilection for naturally fortified sites, by positioning the dwellings in areas defended on two sides by deep valleys / ravines (relative altitudes to the adjacent valleys of at least 4-7 m or higher), and sometimes *vallum* and defense ditches were built to complete the defensive system, barring the flat portions of the plateaus exposed to attacks (Vulpe, Zamoșteanu 1962: 309–316; Bolohan, Munteanu, Dumitroaia 2001: 229; Bolohan, Dumitroaia, Munteanu 2002: 287–289; Bolohan, Bilavschi 2003: 292–293; Bolohan, Bilavschi 2004: 292–293; Bolohan 2003: 195–206; Dumitroaia 2000: 133, 140; Ignat et alii 2007: 31–32; Munteanu 2010: 86–88).

Known already since 1930 and investigated in several phases (1937, 1959-1960, 1962, 2000 – prezent), the eponymous settlement of Costișa culture on *Cetățuia* Hill is located on a high terrace on the left side of Bistrița River, on an ellipsoid form of relief, naturally defended by abrupt slopes towards W, S and E. In the area remained accessible one can see the traces of two defensive ditches with *vallum*, to the E and W, including portions of the N and SW sides fortified with ditches, carved across the slope (the ditches would reach widths of up to 2.6m) (Vulpe et alii 2005: 130–131; Popescu 2005: 316; Munteanu 2010: 44). The Costișa level of the settlement was strongly disturbed by the Monteoru level, still, following the archaeological investigations, several adobe agglomerations of pieces of clay walls could be identified, some of them with traces of wattle, in association with carbonized wood pieces, that result from surface dwelling structures, built on a wooden structure, wattle and daub, with vegetal materials in composition. Traces of angled arrangement of the walls suggest a rectangular form of the dwellings. Some such structures were provided with clay floors and interior hearths (Dumi-

troaia 2000: 147; Popescu 2001: 25; Vulpe et alii 2004: 105; Vulpe, Popescu, Băjenaru 2006: 141; 2007: 137; 2008: 116; Popescu, Băjenaru 2008: 9; Vulpe, Popescu, Băjenaru 2007: 136–137; Vulpe, Popescu, Băjenaru, Gavrilă 2009: 104; Munteanu 2010: 44).

The settlement of Borlești-*Dealul Runcu* was investigated in 1968 on a surface of about 250 sq. m; it is positioned on the open plateau of a lower terrace of Nechiu brook, right tributary of the Bistrița River. Although no information is available on the defensive systems of the settlement, there is important information regarding several surface dwellings, of rectangular shape (L1: 4x2,8 m), built in a manner similar to those in the settlement of Costișa, with the difference that at Borlești there were foundations built on the river stones, without traces of loam flooring (Florescu 1970: 51–81; Dumitroaia 2001: 16–17; Munteanu 2010: 43).

An important site of the Costișa culture is the one of Siliștea-*Cetățuia*, researched during the period 2000-2003, located on a plateau near the Șarpelui/Lipoveni brook, in the Bistrița-Siret interfluvium area. In the plan, the settlement had a triangular shape (110x110x75 m), with a NNW-SSE orientation. Benefiting from naturally defended sides through abrupt slopes, the more accessible side allowing the access inside the settlement was fortified through a defensive ditch and a *vallum* (Bolohan, Munteanu 2001: 45; Bolohan, Crețu 2004: 57; Munteanu 2010: 49). In this settlement several surface dwellings were discovered, some slightly deepened, generally of rectangular shape, provided with sandstone floors. Several sandstone floor pieces have red traces of firing, an index of the presence of hearths, built without of loam flooring. In certain cases there are visible notches in the sandstones floor, which are considered to be the proof of the embedment of wooden floors (Bolohan, Munteanu 2001: 45–46; Bolohan et alii 2004: 309–311).

For the Komariv culture (north of the Romanian space), approximately the same types of dwellings are documented. Thus, for the settlement of Kostjanec’ (Kościaniec) (Rivne region, Ukraine), two pit-houses, of approximately round shape (ca. 3 m diameter and 0.9 m depth) are known, one of them having inside a hearth. Another hearth, consisting in an enclosure of stones, was investigated outside the dwelling. The second

dwelling had an oval shape (3.5x5.5 m); floors seem to have been daubed (Swieszników 1967: 48, 75; Florescu 1970: 68; Dascălu 2007: 45).

The dwellings in the eponymous settlement of the Komariv culture (in the older specialized literature about 20 dwellings are known), have the surfaces of approximately rectangular shape (4x5 m), some of which include interior hearths. They consisted in one room and, like in the case of the dwellings of Borlești and Siliștea (of the Costișa culture), they were built on a stone foundation, the floor being made of clay (Swieszników 1967: 49; Berezanskaja 1971: 356; Dascălu 2007: 45).

Thus, base of the analysis and reporting of the data obtained for the settlement of Adâncata, in the case of the discoveries specified above, resulting from Costișa and Komariv cultural environments, we can state (naturally with a certain degree of probability and without the excess of a generalization), that the members of these communities preferred to found their settlements on relatively high forms of relief, naturally defended, with good visibility of the territory inhabited and used for subsistence (in certain situations, such as Costișa and Siliștea, possibly also for controlling intra-extra Carpathian commercial routes), with a good capturing of sun light and near water sources, for reasons easy to understand (protection, heat, luminosity etc.). In several cases, one can notice the occurrence of anthropic defense elements (*vallum*, ditches, possibly palisades and towers), which shall supplement the need of protection in front of the potential animal and human incursions. Taking into account the incomplete research of the settlement, it has not been possible to notice so far whether there is a certain disposition /arrangement of the dwellings inside the enclosed space. It is sure that regarding the manner of construction of the dwelling structures, approximately the same raw materials and techniques were used (taking into account also the resources offered by the environment): possible stone foundation, wooden structure, wattle lined with a layer of clay mixed with vegetal materials, roof of wooden structure and vegetal materials. Most of the dwellings are surface dwellings or slightly deepened, rectangular or rounded, and seem to have a single room, with a general surface of ca. 20-25 sq.m.

From the processing and synthesis of the topographic and geographic data, including in a GIS

model (Pl. 3: 1–4), it results that the prehistoric inhabitation of Adâncata was favoured by nature, the anthropic intervention being modeled and adjusted to these conditions. Nature provided the favorable framework, through the existence of good life condition and a partial natural protection, assured *ab initio*; the establishment of the Komariv community on a plateau delimited by the abrupt versants of two brooks suggest the maximum capacity/ability to use the local topography, consequently the anthropic impact would be slightly lower, at least from the perspective of the effort of fortifying the settlement.

The easy access to various local resources (sandstone, clay, springs, wood, cherts, even quartzite etc.) and allogenic (flint stone) was benefic for the development of the community, the ceramicware, tombs, dwellings, hearths being created with the help of autochthonous materials /resources which also assured the subsistence of individuals (Budui, Niculică 2012: 85). At the same time, we mention the presence in the barrows of stone axes made of magmatic rocks whose source are the Eastern Carpathians (Niculică, Budui, Mareș 2004: 270–271, nr. 3–4, 287, 293–294; Niculică 2006: 121–122). The presence at Adâncata of these types of rocks from the Eastern and Western Carpathians opens the discussion regarding the ways of access and the commercial exchanges at a distance.

A special discussion is the one pertaining to the petrographic investigations undertaken on the ceramicware of Adâncata. Preliminary observations show that the mixture of grains, artificially added to the argillaceous matrix is mainly formed of *quartz granoclasts*, *siliceous accidents (cherts)*, *white and black quartzites lithoclasts*, *opaque minerals* (Pl. 2: 1–6).

At Adâncata, the Komariv population massively used siliceous accidents (cherts) and quartzite within the technology of processing the ceramicware. Before the vessel firing process, the chert and quartzite clasts, after they were broken in small fragments (generally < 2.5/3 mm, rarely > 3 mm), were inserted in the ceramic paste (Pl. 2: 1–6). Their role was to increase the physical-mechanical qualities of the paste, in order to provide a higher thermal durability and strength (Rye 1981; Shepard 1985; Gibbson, Woods 1990; Flügel 2004: 912; Niculică *et alii* 2013: 67–68), both during the firing process, and

later, during the repeated usage within domestic activities.

As a general conclusion, following the analysis of a lot of 80 potsherds resulting from the settlement, we can state that at Adâncata the *flint was not used as ingredient in the ceramic paste*. Regarding the presence of quartz granoclasts, we should study in the future whether it is related to metamorphic or sedimentary processes.

A special attention should be granted to siliceous accidents (cherts) and quartzite discovered in the settlement of Adâncata. Usually they are encountered along the valleys of the Carpathian Rivers, crossing Suceava Plateau and in the Eastern Carpathians (Cotoi, Grasu 2000: 36, 83–84; Boghian et alii 2004: 142–144; Juravle 2007; Boghian, Niculică, Budui 2012: 278–279). From our point of view, in this case, cherts and quartzite can be considered as *autochthonous sources of raw materials*, their procurement by the members of the community of Adâncata being easy.

We should also notice the presence of an important *allogenic element* – flint (present at Adâncata in the form of arrowheads of the type with concave base, of blades, scrapers, flakes, cores); this raw material could be brought in the form of pebble from rather large distances (more than 100 km), of the area of the valleys of Prut and Dniester and of the affluent rivers, such outcrops used in prehistory being known, in the specialized literature (Ionesi, Ionesi 1982; Ionesi L. 1994; Boghian 2009: 120–122; Boghian, Niculică, Budui 2012: 279–280 and notes 29–32 with the literature regarding the resources of flint stone in the north-eastern Carpathian space).

Local rocks, such as Sarmatic sandstone, were used for creating the stone ring and the central tomb of barrow 2 within the cemetery on the “Imaş” (Niculică, Budui 2005: 310), and also for the construction of hearths or the creation of querns, as indicated by the finds of the settlement.

The Bronze Age inhabitants of Adâncata also valorized the meadows with rich flora and fauna of Siret (4 km E) and Suceava (10 km S) rivers, which completed the resources specific to the central part of Suceava Plateau, existing approximately at mid-Subboreal (ca. 3000-1000 BC). During this period, on the territory of Romania, in the hilly areas, there took place the phase of the hornbeam, and in the mountain regions the phase of the spruce, the Subboreal being characterized also

by the occurrence of a steppe and forested-steppe carpet (Donisă 1993: 243; Cârciumar 1996: 143; Dumitroaia 2000: 18; Boşcaiu 2001: 33–34). The lack of detailed paleozoologic and archeobotanic studies, regarding the period of manifestation of the Komariv culture in Romania can be replaced by certain general information, useful for the understanding of the natural environment in which the community of Adâncata evolved.

Biogeographic point of view we are in the central-European province, and the spontaneous vegetation under which soils evolved was represented by woods of pedunculate oak (*Quercus robur*), sessile oak (*Quercus petraea*) and beech (*Fagus sylvatica*), mixed to other wooden essences (silver lime-*Tilia tomentosa*, small-leaved lime – *Tilia cordata*; hornbeam – *Carpinus betulus*), which were considered to have been present to a lower proportion (Călinescu 1969: 77; Niculică, Budui 2005: 308). Pedological analyses undertaken in the barrows and the area surrounding the cemetery showed there are proofs of the presence, in the past, of wooden vegetation, verified through the existence of vegetal neo-formations in the soil profile (cornevine) (Niculică, Budui 2005: 308). Regarding the space occupied by the Bronze Age inhabitants, pedological studies showed that soils typical for the Adâncata plateau are typical whitish and stagnic luvisols, soils that evolved under the forest vegetation, slightly and moderately humiferous. Their profile is well developed and carbonates are washed in depth (Budui, Niculică 2012). Secondly, preluvisols and eutricambosols also occur, on more sloped lands surrounding the site. Regarding the Komariv settlement, the moderately acid luvisol allowed the ceramic materials (thermally processed) resist relatively well to the alteration induced by the soil throughout the time.

Current specific vegetation is represented by the forested layer formed of beech (*Fagus sylvatica*), sessile oak (*Quercus petraea*) and pedunculate oak (*Quercus robur*). Species of common hornbeam (*Carpinus betulus*), small-leaved lime (*Tilia cordata*), wild cherry (*Prunus avium* ssp. *avium*), field maple (*Acer campestre*) and so on are also spread. Meadows are formed of associations of Volga fescue (*Festuca valesiaca*), common meadow-grass (*Poa pratensis*), crested wheatgrass (*Agropyron cristatum*), yellow bluestern grass (*Bothriochloa ischaemum*) and so on.

In this context, we should specify the fact that regarding the territory of Romania, no wooden remains resulting from sites of the Komariv type were analyzed that would suggest certain elements of paleo-environment. The only exception is represented by the data obtained for the fortified site of Costișa (Neamț co.) (Costișa culture), which were very kindly made available to us by Anca Popescu PhD (“Vasile Pârvan” Institute of Archaeology in Bucharest). In this case, carbonized archaeological wood results from oak tree – *Quercus*). We should note that traces of oak were also identified in barrow no. 2 of Ivanič (Ivanje) (Volin’ region, Ukraine), where it was used for the construction of the tombs (Makarowicz 2008: 333–352). Oak has been recently identified also in the barrow cemetery of Bukivna (Bukówna) (Ivano-Frankivs’k region, Ukraine) (information kindly provided by prof. P. Makarowicz PhD). For the site of Nezvys’ko (Ivano-Frankivs’k region, Ukraine), it is considered that the dwellings had pillars made of this species (Florescu 1970: 68). In tumulus no. 8 of the cemetery of Komariv (Ukraine) a box made of oak tree wood was identified, its dimensions being of 0.20x0.4x0.25 m, containing several gold and bronze jewelry items (Swieszników 1967: 50, 64; Sulimirski 1968: 108; Berezanskaja 1971: 362). As for beech – *Fagus*, a single mention has been recorded so far: tumulus no. 16 of the cemetery of Komariv (Sulimirski 1968: 109). The data specified above confirm the presence of oak tree, which was used apparently, both for making funeral constructions, and for creating certain domestic objects or which were possibly used exclusively in the funeral ritual (the case of the oak wood box in tumulus no. 8 of Komariv). We can consequently assume that in the area of the settlement of Adâncata there also was existed an oaks forest (mixed with hornbeam), the absolute altitude of the area being of about 400 m and the climatic context thermally moderate and more arid (Donisã 1993: 243; Davidescu 1999: 74–75) being favorable to the development of this forested-steppe landscape at the chronological level of Middle Bronze Age.

As for the local resources of the community of Adâncata, we should mention the fact that nowadays one can noticed at the base of the plateau where the settlement is located, several springs of a minor interest, being used only by the animal breeders of the area. Probably such springs

were also used during the time when the Komariv settlement was functional, the easy access to the water source being decisive in choosing the location of a settlement.

The community of Adâncata provided posterity numerous traces which allow the recreation of aspects pertaining to daily life, social life (including from the perspective of *social energy*, if we think of the arrangement of funeral constructions, some of them being large complex structures). At Adâncata, people of the Bronze Age created a habitat model, a small universe, composed of the settlement, the barrow cemetery (for now only barrows were identified, we do not know whether there were or not flat tombs) and the land used for the subsistence of the community. Local and allogenic resources were exploited according to the needs (wood, sandstone, quartzite, chert, flint), creating constructions / dwellings, enclosures, hearths, ceramicware, weapons, tools.

Based on the lithological analysis of the inclusions present in the ceramic paste, resulting from the settlement of Adâncata, the usage of chert and quartzite was demonstrated especially within coarse pottery. At Adâncata, flint was not used as ceramic ingredient, fact that contradicts the data known so far in the Romanian specialized literature (Dumitroaia 2000: 151). Certainly, our study cannot be generalized, at present, to the entire area of Komariv culture. It is possible that at Adâncata the flint, as allogenic raw material, might have had a special / higher importance / value, as it was used exclusively for tools and weapons (arrowheads, axes, scrapers, blades). It is possible that being difficult to obtain, the flint was “protected”, and in this situation the choice of chert and quartzite was a natural one, considering the easiness in providing it to the community.

We don’t know, until now, what kind of relations they might have with other Komariv settlements of the studied area. Equally, we cannot appreciate whether the barrow cemetery of Adâncata was used by one or several settlements; in the area of Adâncata we know five archaeological sites: Adâncata-“Dealul Lipovanului” (Andronic et alii 2004: 155, nr. 180; Niculicã 2006: 46, nr. 3), Adâncata-“Pleșa” (Andronic et alii 2004: 156, nr. 184), Călugăreni-“Grădini” (Andronic et alii 2004: 158, nr. 190; Niculicã 2006: 50–51, nr. 13), Fetești-“La Schit” (Andronic et alii 2004: 159–160, nr.

195; Niculică 2006: 52–53, nr. 18), Fetești-“La Stejari” (Andronic et alii 2004: 161, nr. 197; Niculică 2006: 53, nr. 19). Discussing based on the typological analysis of the ceramicware and ornamentation (unfortunately rather rarely encountered in the settlement), we appreciate, as general, preliminary dating, that the finds of the settlement of the point “Sub Pădure”, as well as those of the cemetery on “Imaş” belong to the middle development period of the Komariv culture (approximately the 18th – 16th/15th centuries), while further details might be possible according to new discoveries.

All these preliminary data presented in this study shall have to be completed by new archaeological excavations and other interdisciplinary investigations (palinologic, anthracologic, detailed ceramic analyses etc.), which shall provide more detailed data on the complexity of the Bronze Age habitat and shall point out and outline the amplitude of the anthropic impact on the natural environment in old times, impact which resulted and was shaped according to the “offer of nature” of those times.

Bibliography

- Andronic M., Batariuc P.V., Hău Fl., Gogu M., Niculică B., Mareş I. 2004. Noi cercetări arheologice de teren în județul Suceava. *Suceava XXIX-XXX* (I), 117–226.
- Băgu Gh., Mocanu A. 1984. *Geologia Moldovei. Stratigrafie și considerații economice*. București.
- Boghian D. 2009. Din nou despre unele surse de materie primă pentru confecționarea utilajului litic al comunităților complexului cultural Precucuteni-Cucuteni. *Suceava XXXIV-XXXV-XXXVI* (2007-2008-2009), 117–146.
- Boghian D., Ursulescu N., Catană C., Romanescu Gh., Ignat M., Mareş I., Cotiugă V., Niculică B., Ignătescu S. 2004. Unele considerații privind identificarea și repertorierea resurselor utile din zona montană a județului Suceava utilizate în preistorie și istorie. *Codrul Cosminului* SN, 8-9 (18-19), (2002-2003), 135–159.
- Boghian D., Niculică B.P., Budui V. 2012. The usage of natural resources in protohistory (Aeneolithic-Hallstatt), in the North-Eastern Carpathian area. В: *Фортеця: збірник заповідника “Густань”*. Кн. 2. Львів, 272–291.
- Bolohan N. 2003. Recent discoveries belonging to Early/Middle Bronze Age in Central Moldavia. *AM XXVI*, 195–206.
- Bolohan N., Crețu C. 2004. Recent Discoveries belonging to Early/Middle Bronze Age in Central Moldova. In: Niculiță I., Zanoci A., Băț M. (eds). *Thracians and circumponic World. I. Proceedings of the IXth International Congress of Thracology*. (Chișinău–Vadul lui Vodă, 6-11 September 2004) Chișinău, 55–76.
- Bolohan N., Bilavschi G., Crețu C., Mățău, F., Șarban M., Juglan N.T., 2004. Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2003*, 309–311.
- Bolohan N., Bilavschi G., Crețu C., Șarban I., Mățău F., Juglan N.T. 2003. Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2002*, 292–293.
- Bolohan N., Bilavschi G. 2004. Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2003*, 292–293.
- Bolohan N., Bilavschi G. 2003. Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2002*, 292–293.
- Bolohan N., Dumitroaia Gh., Munteanu E. 2002. Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2001*, 287–289.
- Bolohan N., Munteanu E.R., Dumitroaia Gh. 2001. Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2000*, 229.
- Bolohan N., Munteanu E.-R. 2001. Sat Siliștea, com. Români, jud. Neamț. In: *Cultura Costișa în contextul epocii bronzului din România* (coord. Valeriu Cavruc, Gheorghe Dumitroaia), Piatra Neamț, 44–49.
- Boșcaiu N. 2001. Paleoflora și evoluția climei în Holocen. In: *Istoria Românilor*, vol. I. București, 31–35.
- Budui V., Niculică B.P. 2012. The Komariv community from Adâncata, Suceava County. The evaluation of the habitation conditions. In: *Interdisciplinarity Research in Archaeology. Proceedings of the First Arheoinvest Congress*, 10–11 June 2011, Iași, Romania. Edited by Vasile Cotiugă and Ștefan Caliniuc, BAR International Series 2433, Oxford, 79–86.
- Călinescu R. 1969. *Biogeografia României*. București.
- Cârciumaru M. 1996. *Paleoetnobotanica. Studii în preistoria și protoistoria României*. Iași.
- Cotoi O., Grasu C. 2000. *Uneltele din piatră șlefuită din eneoliticul Subcarpaților Moldovei*. Iași.

- Dascălu L. 2007. *Bronzul Mijlociu și Târziu în Câmpia Moldovei*, Iași.
- Davidescu G. 1999. Clima în Cuaternar. In: *Cuaternarul pe teritoriul României* (coord. Saraiman, A., Chirica, V.). Iași, 43–76.
- Dergaciov V. 2010. Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului. In: *Istoria Moldovei* (coord. V.A. Dergaciov). Chișinău, 265–312.
- Donisă I. 1993. *Paleogeografia Cuaternarului*. Iași.
- Dumitroaia Gh. 2000. *Comunități preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu*. Piatra Neamț.
- Dumitroaia Gh. 2001. Considerații asupra culturii Costișa-Komarov de pe teritoriul Moldovei. In: *Cultura Costișa în contextul epocii bronzului din România* (coord. Valeriu Cavruc, Gheorghe Dumitroaia). Piatra Neamț, 13–22.
- Florescu M. 1970. Problèmes de la civilisation de Costișa à la lumière du sondage de Borlești. *Dacia NS*, XIV, 51–81.
- Flügel E. 2004. *Microfacies of carbonate rocks. Analysis, interpretation and Application*. Berlin.
- Gibson A., Woods A. 1990. *Prehistoric pottery for the archaeologist*. Leicester.
- Grasu C., Miclăuș C., Brânzilă M., Boboș I. 2002. *Sarmațianul din sistemul bazinelor de foreland ale Carpaților Orientali*. București.
- Ignat M., Boghian D., Ignătescu S., Budui V., Niculică B.P., Mareș I. 2007. Adâncata, com. Adâncata, jud. Suceava, „Sub Pădure”. In: *CCAR, campania 2006*, 31–32.
- Ionesi B. 1968. *Stratigrafia depozitelor miocene de platformă dintre Valea Siretului și Valea Moldovei*. București.
- Ionesi L. 1994. *Geologia unităților de platformă și a orogenului nord-dobrogean*. București.
- Ionesi L., Ionesi B. 1982. Contributions à l'étude du Buglovien d'entre Bașeu et Prut (Plateforme Moldave). In: *An. Șt. Univ. „Al. I. Cuza” Iași*. s. IIb. XXVII, 29–38.
- Juravle D.T. 2007. *Geologia regiunii dintre Valea Sucevei și Valea Putnei (Carpații Orientali)*. Iași.
- Makarowicz P. 2010. *Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pogranicza Wschodu i Zachodu Europy*. Poznań.
- Makarowicz P. 2008. Elitarne pochówki z kurhanu komarowskiego w Ivanju na Wołyniu-zarys możliwości interpretacyjnych. In: *Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško w 60. rocznicę urodzin* (eds. J. Bednarczyk, J. Czebreszuk, P. Makarowicz, M. Szmyt). Poznań, 333–352.
- Munteanu R. 2010. *Începutul bronzului mijlociu în depresiunile marginale ale Carpaților Orientali*. Piatra Neamț.
- Niculică B.P. 2006. *Epoca mijlocie și târzie a bronzului în Podișul Sucevei*, teză de doctorat, mss., Universitatea „Al. I. Cuza”, Facultatea de Istorie. Iași.
- Niculică B.P. 2005. Considérations sur la période moyenne de l'Âge du Bronze dans le Plateau de Suceava. Le complexe culturel Komarów–Costișa–Biały-Potik. *SAA X-XI*, 61–68.
- Niculică B.P., Cojocar I. 2006. Observații privind realizarea unei podoabe descoperite în necropola tumulară de la Adâncata-„Imaș” (județul Suceava). *AM XXIX*, 203–207.
- Niculică B., Budui V. 2005. Câteva observații privind analizele pedologice din tumulul nr. 2, aparținând culturii Komariv, de la Adâncata-„Imaș”, jud. Suceava. *AM XXVIII*, 303–311.
- Niculică B.P., Vasilache V., Boghian D., Sandu I. 2013. An archaeometric study of several ceramic fragments from the Komariv (Komarów) settlement of Adâncata-„Sub Pădure”, Suceava county. In: *Third Arheoinvest Congress. Interdisciplinary Research in Archaeology*, June 6th-8th, 2013, Iași, Romania, 67–68.
- Niculică B.P., Mareș I., Boghian D., Ignătescu S. 2005. Considérations préliminaires sur les pratiques funéraires de la nécropole de type Komariv–Bilyj-Potik–Costișa, d'Adâncata-„Imaș” (dép. de Suceava). *SAA X-XI*, 69–86.
- Popescu A. 2001. Sat Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *Cultura Costișa în contextul epocii bronzului din România* (coord. Valeriu Cavruc, Gheorghe Dumitroaia), Piatra Neamț, 24–30.
- Popescu A. 2005. Așezarea de Epoca Bronzului de la Costișa (jud. Neamț). Monografie arheologică. *SCIVA* 54-56 (2003-2005), 313–322.
- Popescu A.-D., Băjenaru R. 2008. Rivalries and Conflicts in the Bronze Age: Two Contemporary Communities in the Same Space. *Dacia NS*, LII, 5–17.

- Popp N., Iosep I., Paulencu D. 1973. *Județul Suceava*. București.
- Rye O.S. 1981. *Pottery technology: principles and reconstruction*. Washington.
- Sava E. 1994. Epoca bronzului – perioada mijlocie și târzie (sec. XVII–XII î.e.n.). *Thraco-Dacica* XV (1-2), 141–158.
- Seceleanu I. 2000. *Podișul Dragomirnei. Studiu geomorfologic cu privire specială asupra proceselor actuale*. București.
- Shepard A.O. 1985. *Ceramics for the Archaeologists*. Washington.
- Simalcsik A., Niculică B. P. 2012. Anthropological research of the Komariv type (Middle Bronze Age) tumular cemetery, at Adâncata (Suceava County, Romania). In: *Homines, Funera, Astra. Proceedings of the International Symposium on Funerary Anthropology, 5–8 June 2011, „1 Decembrie 1918” University (Alba Iulia, Romania)*. Edited by Raluca Kogălniceanu, Roxana-Gabriela Curcă, Mihai Gligor, Susan Stratton, BAR International Series 2410, 119–133.
- Sulimirski T. 1968. *Corded Ware and Globular Amphorae North-East of the Carpatians*. London.
- Swieszniok I. 1967. Kultura komarowska (Na podstawie materiałów z pñ. Podkarpacia i zach. Wolynia). *Archaeologia Polski* XII (1), 39–107.
- Vulpe Al., Zamoșteanu M. 1962. Săpăturile de la Costișa (r. Buhuși, reg. Bacău). *Materiale* VIII, 309–316.
- Vulpe Al., Popescu A., Băjenaru R., Davidoaia N., Dumitrache N., Gavrilă E., Oanea C. 2005. Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2004*, 130.
- Vulpe Al., Popescu A., Băjenaru R., Haită C., Davidoaia N., Dumitrache N., Gavrilă E., Oanea C. 2004. Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2003*, 104–105.
- Vulpe A., Popescu A., Băjenaru R., Gavrilă E. 2009. Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2008*, 103–104.
- Vulpe A., Popescu A., Băjenaru R. 2008. Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2007*, 115–116.
- Vulpe A., Popescu A., Băjenaru R. 2007. Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2006*, 136–137.
- Vulpe A., Popescu A., Băjenaru R. 2006. Costișa, com. Costișa, jud. Neamț. In: *CCAR, campania 2005*, 140–141.
- Березанская С.С. 1971. Комаровская культура. В: *Археология Украинской ССР*. Киев, 354–363.
- Березанская С.С. 1985. Комаровская культура. В: *Археология Украинской ССР*. Киев, 428–437.

References

- Berezanskaia, S. S. 1971. *Komarovskaia kul'tura (Komarov culture)*. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Kiev, 354–363 (in Russian).
- Berezanskaia, S. S. 1985. *Komarovskaia kul'tura (Komarov culture)*. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Kiev, 428–437 (in Russian).

Bogdan Petru Niculică, PhD, Museum of Bucovine, Suceava, archeologist; e-mail: niculicab@yahoo.com

Vasile Budui, PhD, “Ștefan cel Mare” University of Suceava, lecturer; e-mail: vbudui@yahoo.com

Daniela Popescu, PhD, ”Ștefan cel Mare” University of Suceava, associate professor; e-mail: danys@atlas.usv.ro

Liviu Popescu, PhD, ”Ștefan cel Mare” University of Suceava, associate professor; e-mail: livius@atlas.usv.ro

Ioan Ignat, PhD, “Gheorghe Popovici” Secondary School of Lozna, Botoșani county, teacher; e-mail: ignatioan1981@gmail.com

Н.М. Малов

Парное погребение семейного типа из кургана 35 Покровской группы ранней фазы эпохи поздней бронзы Волго-Уральского очага культурогенеза

Keywords: Late Bronze Age, Lower Volga Region.

Cuvinte cheie: perioada târzie a epocii bronzului, Volga Inferioară.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Нижнее Поволжье.

N.M. Malov

Pairwise burial of family type from the burial mound no. 35 of the Pokrovsk group of the Late Bronze Age early phase of the Volga-Ural center of cultural genesis

In 1927, P.S. Rykov, a professor of the Saratov State University, examined the mound no. 35 in the southeastern group near the town of Pokrovsk. The group was located in the north of the Lower Volga Region, on the left bank of the Volga, near the present city of Engels, Saratov Region. A report, other archival and museum materials characterizing the pairwise opposite-sex burial no. 2 from this burial mound are published for the first time. Various implements are scrutinized: pottery, metal, faience, bone and stone items. A combination of multicultural elements is marked in the pottery and other implements. It is proposed to interpret this burial as an extraordinary and prestigious funerary complex of family type. The burial belongs to the Pokrovsk archaeological culture of the Late Bronze Age early phase of the Volga-Ural center of cultural genesis.

N.M. Malov

Mormântul dublu de tip familial din tumulul 35, grupul Pokrovsk din faza timpurie a bronzului târziu, aparținând focarului de geneză culturală Volga-Urali

În anul 1927 profesorul de la Universitatea din Saratov P.S. Rykov a cercetat tumulul nr. 35 din grupul sud-estic de lângă or. Pokrovsk. Grupul tumular se afla în partea de nord a cursului inferior al râului Volga, pe malul stâng, în preajma or. Enghels din regiunea Saratov. Pentru prima oară se publică textul Raportului și alte materiale de arhivă și muzeistice referitoare la mormântul dublu nr. 2, conținând scheletele a doi indivizi de sex diferit, bărbat și femeie. Sunt examinate următoarele categorii de inventar: ceramica, piesele de metal, faianță, os și piatră. Recipientele și restul inventarului reflectă îmbinarea unor diverse elemente culturale. Se propune interpretarea acestui complex funerar drept unul extraordinar și prestigios, de tip familial. Mormântul este atribuit culturii arheologice Pokrovsk din faza timpurie a bronzului târziu, aparținând focarului de geneză culturală Volga-Urali.

Н.М. Малов

Парное погребение семейного типа из кургана 35 Покровской группы ранней фазы эпохи поздней бронзы Волго-Уральского очага культурогенеза

В 1927 г. профессор Саратовского университета П.С. Рыков исследовал курган № 35 в юго-восточной группе близ г. Покровска. Группа располагалась на севере Нижнего Поволжья – на левом берегу Волги около современного г. Энгельс Саратовской области. Впервые публикуется Отчет, другие архивные и музейные материалы, характеризующие парное разнополое погребение № 2 из этого кургана. Рассматривается инвентарь: керамика, металлические, фаянсовые, костяные и каменные предметы. В посуде и другом инвентаре отмечается сочетание разнокультурных компонентов. Предлагается рассматривать это захоронение как экстраординарный и престижный погребальный комплекс семейного типа. Погребение относится к покровской археологической культуре ранней фазы эпохи поздней бронзы Волго-Уральского очага культурогенеза.

В 1920-е годы П.С. Рыков – известный русский археолог, профессор Саратовского университета, раскопал 40 курганов в юго-восточной группе, располагавшейся на верхней террасе левого берега Волги близ окраины г. Покровска. Тогда эта территория входила в состав Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья. Сейчас здесь расположен г. Энгельс Саратовской области.

Покровские погребения позднего бронзового века с наконечниками копий из этой группы П.С. Рыков синхронизировал с Бородинским (Бессарабским) кладом и Сейминским могильником (Rykov 1927: 51–90). Затем исследователь распределил покровские и срубные комплексы между различными стадиями «хвалынской» или «срубно-хвалынской» культуры, определил основные перспективы их изучения, но не успел полностью опубликовать и обобщить материалы своих раскопок (Малов 1996: 43–48). Профессор был оклеветан, репрессирован как «враг народа» и закончил свой жизненный путь в исправительно-трудовом лагере в 1942 г. Павла Сергеевича реабилитировали посмертно в 1956 г. (Малов 2010: 721–733; Малов, Павлова 2010: 153–177). Покровские курганы рассматриваются специалистами как один из опорных памятников, играющих ключевую роль в решении проблем культурогенеза Волго-Уралья эпохи поздней бронзы.

В 1927 г. профессор исследовал в покровском кургане № 35 юго-восточной группы две могилы. Впускное детское погребение № 1 – сарматское. Основное погребение № 2 парное – разнополое, покровского культурного типа, ранней фазы эпохи поздней бронзы. Впервые краткая информация о нём была представлена в САИ, посвященном срубной культуре Волго-Уральского междуречья (Памятники 1993: 34–35, 146. Табл. I: № 175. Табл. 6: 11–21). Тем не менее, в то издание по техническим причинам не вошла вся архивная и музейная информация об этом покровском комплексе. В данной статье впервые публикуется текстовая часть отчёта П.С. Рыкова (Рыков 1927: 221–222, 288) и другие архивные материалы, характеризуется инвентарь захоронения № 2, хранящийся в фондах археологии Саратовского областного музея краеведения (Инв. № 922). В публикуемый полностью машинописный текст Отчёта,

включая рукописные правки П.С. Рыкова, вставлены только ссылки на рисунки и фото.

«КУРГАН № 35. Диаметр – 14 м. Высота – 0,40 м. Колодезь – 4 x 4 м.

Во многих местах насыпи обнаружены на разной высоте мелкие обломки коровьих и овечьих костей.

На линии древней поверхности открыта могильная яма, на краю которой найдены, в Ю.-З. углу, ножные кости коня, а на глубине 1 м. в яме – впускное детское погребение, помещавшееся у западной стенки ямы основной могилы.

Погребение 1, впускное.

Костяк ребёнка лежал на спине с вытянутыми руками и слегка согнутыми в коленях ногами, упавшими в сторону. Ориентирован костяк головой к С. Слева около черепа стоял небольшой глиняный сосуд в виде банки с отогнутым венчиком. Сосуд этот сходен с такими же из курганов, заключающих сожжения поздней сарматской эпохи. На локте правой руки оказался бронзовый проволочный браслет.

Погребение 2, основное (Рис. 1).

В могильной яме длиной 3,60 м., шириной 2,25 м., и глубиной – 1,85 м., ориентированной длинными сторонами по линии С.-Ю. и прикрытой дубовыми плахами, частью колотыми и рубленными, а частью повидимому, пиленными/?, обнаружено коллективное погребение. В юго-западном краю ямы лежало два костяка, один – ближе к западной стенке – мужской и другой, слева от него, женский. Оба ориентированы головами к С. и имели рост – первый до 1,80 м. и второй 1,55 м. Мужчина лежал на левом боку, отвалившись немного на спину и покоясь головой на правой руке женщины. Его правая рука была согнута в локте под прямым углом, кистью находясь на локте левой руки, а эта последняя согнута едва заметно и направлена кистью к бедру. Ноги покойника согнуты в бедрах и коленях почти под прямыми углами, причем они лежат на правой бедренной кости женщины коленными суставами, а между ее ног – берцовыми костями и ступнями – под ее берцовыми. На месте пояса у мужчины лежала плоская тонкая круглая бляха с отверстиями для прикрепления и продевания ремня (Рис. 1: 5; Рис. 3).

Женщина лежала на спине, слегка только повернувшись на правый бок и обернув лицо

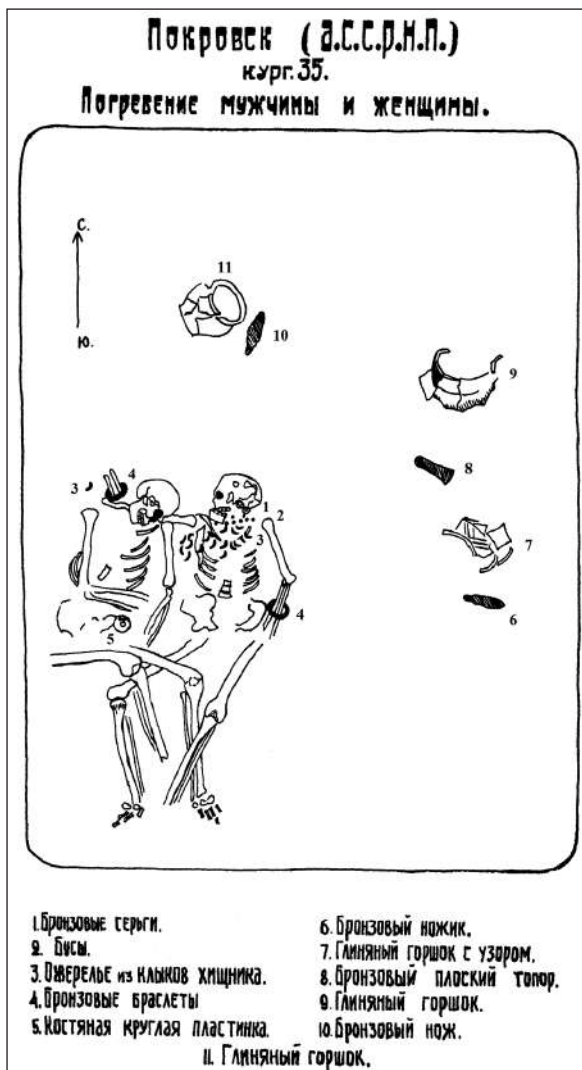

Рис. 1. Покровск. Курган №35. План погребения №2 по П.С. Рыкову.

Fig. 1. Pokrovsk. Burial mound no.35. Layout of the burial site no.2 according to P.S. Rykov.

к мужчине. Правая рука ее вытянута в сторону так, что на ней покоится его голова, т.е. плечевая, локтевая и лучевая кости вытянуты перпендикулярно туловищу женщины.

Левая рука слегка согнута в локте, кистью лежит вдоль бедра. Правая нога согнута под тупым углом в колене и лежит, как было сказано, под ногами мужчины, а левая нога вытянута прямо, прикрывая ступни мужчины. На кистях рук женщины имеется по одному бронзовому браслету (Рис. 1: 4; Рис. 3: 1, 2), на шее – мелкие пастовые белые бусинки (Рис. 1–2; Рис. 3: 6–8) и на груди слева, от подбородка перехо-

дя к правому плечу, ожерелье из 28 сверлёных зубов хищника, вроде волка (Рис. 1: 3; Рис. 3: 13). Кстати, за черепом мужчины лежал такой же зуб, вероятно, случайно (Рис. 1: 3). Череп женщины с левой стороны у виска носит следы надрезов, образующих четырехугольник. Возможно, что это признак трепанации или же просто место удара с целью причинения смерти, что вернее.

Близ С.-З. угла могилы стоит широкий вазообразный сосуд, часть которого оказалась связанной бронзовой полоской – обычный способ починки (Рис. 1: 11; Рис. 2: 3, 4). Здесь же лежал бронзовый нож (Рис. 1: 10; Рис. 3: 11). Около восточной стенки стоял острорёберный крупный орнаментированный сосуд (Рис. 1: 9; Рис. 2: 5–7) и еще ближе к стенке помещался камень – голыш (Рис. 3: 3) и рядом с ним обломок (Рис. 3: 12) клыка кабана(?). Далее, вдоль восточной стенки ямы, следовательно, южнее, находился еще один острорёберный сосуд (Рис. 1: 7; Рис. 2: 1, 2), рядом с которым оказался второй бронзовый нож (Рис. 1: 6; Рис. 3: 10). Между описанными сосудами лежал ребром плоский небольшой бронзовый кельт, обращенный лезвием к С.-З. (Рис. 1: 8; Рис. 3: 4). Около последнего сосуда, ближайшего к покойнице, лежала кучка свиных бабок. Покойники лежали на подстилке из стеблей».

Музейная коллекция, комментарии и выводы

Керамика. Три лепных плоскодонных сосуда при раскопках обнаружены не целыми, а в обломках. Все они имеют визуально заметную примесь толчёных раковин в тесте.

А) Самый крупный округлобокий «вазообразный сосуд» с бронзовой скрепкой лежал между северной стенкой и черепами (Рис. 1: 1; Рис. 2: 3, 4). Внешняя и внутренняя его поверхности, а также излом черепка, серого цвета, обжиг слабый. Высота 19 см., диаметр по венчику 22 см., по днищу 10 см. Бронзовая скрепка сейчас утрачена. На внешней поверхности заметны слабые и редкие горизонтальные – косые полосы от заглаживания. Плечики высокие, максимальное расширение тулова превышает диаметр по венчику и общую высоту сосуда. Венчик едва отогнут – очень короткий. Диаметр по венчику чуть превышает диаметр по слабо выраженной шейке. С внутренней

стороны на венчике имеется косой, местами сглаженный уступ. Аналогичные венчики характерны для абашоидных групп погребальной и бытовой керамики покровской археологической культуры лесостепи и степи Восточной Европы. Эта форма керамики встречается и на покровских селищах нижневолжского правобережья (Малов 2007: 85, Рис. 3: 1–3).

В покровской культуре Нижнего Поволжья такие немногочисленные сосуды, образующие подгруппу V, со следами починки и бронзовыми скрепками («Калмыцкая Гора» к. 1, п. 24), происходят из экстраординарных и социально-значимых погребений (Малов 2003: 164). Традиция ремонта сосудов, в том числе и металлическими скрепками, распространена в синхронном блоке памятников Волго-Уральского очага культурогенеза первой фазы позднего бронзового века. Она ярко представлена в синташтинских, потаповских и петровских древностях (Гутков 2000: 170–187).

Б) От «остrorеберного крупного орнаментированного сосуда», стоявшего около восточной стенки, сейчас сохранились только фрагменты (Рис. 1: 9; Рис. 2: 5) и фотография (Рис. 2: 6). Некоторые черепки от него, по недоразумению, временно хранились в другой коллекции – среди керамики Покровского селища. Его излом серый, внешняя и внутренняя поверхность гладкая, светло-коричневого цвета. Толщина стенок 0,8–1 см., внутренний диаметр по венчику около 22 см. Венчик прямой, плечики хорошо выражены. Расстояние от прямого среза венчика до острого ребра 4,5 см. Наибольший диаметр приходится на ребро, где прочерчен ряд коротких косых линий «линзовидной» формы. Внешняя поверхность полностью орнаментирована по плечикам, ребру и тулову, слабыми оттисками штампа с длинными и гладкими продольными зубцами, в виде «заштрихованных треугольников» и «елочного» сюжетов.

Именно по специфическому орнаменту (Рис. 2: 7) О.А. Кривцова-Гракова совершенно верно отнесла его к повожской посуде андроновского типа (Кривцова-Гракова 1955: 52, рис. 11: 3). В последующем этот сосуд и другие материалы данного погребения использовали в качестве одного из аргументов при сопоставлении форм и орнамента памятников новокумакского и покровского типов, указывающих на их

синхронность (Смирнов, Кузьмина 1977: 30–31, Рис. 9: 12) и культурную близость (Потёмкина 1984: 83). Данный сосуд в Нижнем Поволжье инокультурен, такой тип штампа мне более не известен здесь на керамике эпохи поздней бронзы. Эта находка позволяет полагать, что между синташтинской и покровской культурами существовали непосредственные связи и контакты. Судя по взаимовстречаемости синташтинской и покровской керамики на других памятниках, данный процесс был взаимным и охватывал достаточно широкую территорию Волго-Уральского очага культурогенеза.

В) Другой остrorеберный сероглиняный сосуд меньшего размера (Рис. 2: 1, 2) также

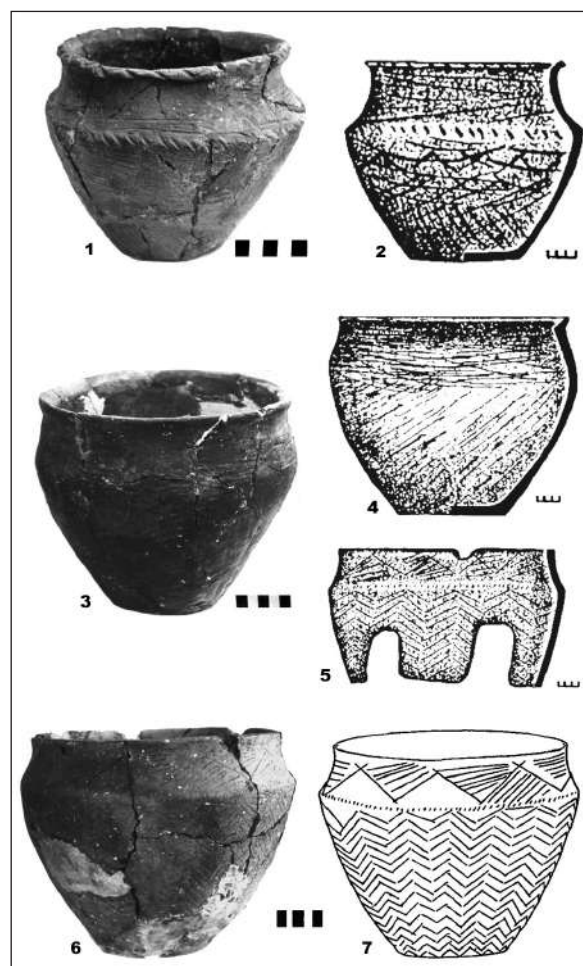

Рис. 2. Покровск. Курган №35. Керамика из погребения №2: 6 – по П.С. Рыкову; 7 – по О.А. Кривцовой-Граковой.
Fig. 2. Pskovsk. Mound no.35. Pottery from the burial site no.2: 6 – according to P.S. Rykov; 7 – according to O.A. Krivtsova-Grakova.

располагался около восточной стенки (Рис. 1: 7). Диаметр по венчику 15 см, по дну 8 см, высота 15,5 см. По венчику и ребру он орнаментирован рядом из косых линий. На внешней поверхности имеются косые и горизонтальные борозды от заглаживания по сырой глине, образующие под ребром зигзаг. Венчик отогнут наружу – срез закруглён. Среди покровской керамики Нижнего Поволжья сосуд индивидуален. Вместе с тем, по морфологическим признакам, такие покровские сосуды индивидуальной формы сходны с некоторой синташтинской и потаповской острорёберной керамикой (Ткачёв, Хаванский 2006: 145, Рис. 41: 4, 8, 11).

В совокупности керамика из рассматриваемого основного погребения №2 разнокультурная. Поэтому, например, аналогии посуде из данного захоронения усматривают в новокумакских, абашевских и петровских древностях (Потёмкина 1983: 22, Рис. 3: 1). Сочетание компонентов разных культур отмечается исследователями в керамике начальной стадии Волго-Уральского очага культуругенеза эпохи поздней бронзы, в которую включают и погребение 2 из кургана 35. По мнению исследователей, такая своеобразная черта отражает «культурный космополитизм» «главных творцов» данного очага (Бочкарёв 2010: 53), или «возвратную миграционную волну» его носителей на запад в Доно-Донецкую степь и лесостепь (Синюк, Козмирчук 1995: 64–67).

Медные предметы представлены оружием (ножи), орудием труда (тесло) и украшениями (два браслета и височные подвески). Этот внушительный набор позволяет считать данный комплекс экстраординарным по количеству и номенклатуре металлических изделий.

А) Самый крупный двулезвийный нож лежал около «вазообразного сосуда» (Рис. 1: 10; Рис. 3: 11). На одной стороне пера имеется слабое ребро. Изготовлен из меди группы ЕУ и отнесён Е.Е. Черных к типу черенковых – с перекрестием, аналоги которым есть в сейминско-турбинских древностях, абашевской и петровской культурах (Черных 1970: 63–67, Рис. 58: 15, 128, Таб. 1: № 1698; Черных, Кузьминых 1989: 101–102, Рис. 58: 8–10). Следует особо подчеркнуть, что сохранившаяся к настоящему времени прямая или слегка закругленная пятка черенка не соответствует

первоначальной её форме. Она изменилась в результате последующих разрушений. Судя по фото в Отчёте П.С. Рыкова и рисунку, опубликованному О.А. Кривцовой-Граковой, пятка ножа была ромбической или подтреугольной (Кривцова-Гракова 1954: Рис. 12: 9). Что касается меди группы ЕУ, то она существенно представлена в покровской культуре (Малов 2007: 43).

Б) Второй двулезвийный нож меньшего размера (Рис. 3: 10) по составу меди (группа ТК?) может быть импортным «баланбашским» изделием, имеющем параллели среди некоторых ножей из Турбино I, Ростовки, Коршуново и Решного (Черных 1970: 81; Черных, Кузьминых 1989: 91–101). Сейчас Е.Ч. Черных реконструирует новую и обширную «абашевско-синташтинскую археологическую общность» ранней фазы ЕАМП, в которой представлена медь группы ТК (Черных 2007: 75–86).

В) Бронзовое тесло, лежавшее на дне могилы ребром (Рис. 3: 4), вероятно, представляло собой орудие типа кирки или мотыги с деревянной рукоятью, а также могло использоваться в виде топора (Круглов, Подгаецкий 1935: 73–77; Кривцова-Гракова, 1955: Рис. 13–2). Оно изготовлено из меди группы ТК(?) и, по мнению Е.Н. Черных, вместе с уже рассмотренным ножом, могли являться «ниточкой, связывающей баланбашскую культуру с ранними погребениями срубной культуры» (Черных 1970: 95).

Г) Височные пластинчатые женские подвески, сохранившиеся к настоящему времени в мелких фрагментах, имели округлую в плане форму и широкие лопасти с приострѐнными концами (Рис. 3: 9). В Нижнем Поволжье они характерны для покровской, а не для срубной, культуры (Малов 1992: 33–34, разряд У-11, Рис. 3: 9, 10).

Д) Два женских браслета входят в разные типологические разряды, бытующие одновременно (Кривцова-Гракова 1955: Рис. 15: 6, 12). Массивный прутковый браслет из круглого в сечении дрота с тупыми сомкнутыми концами (Рис. 3: 2), относится к разряду, характерному для покровской культуры (Малов 1992: 26–29, разряд У-4, Рис. 1: 14). Другой браслет плоскожелобчатого сечения изготовлен из широкой пластины, имеет на закруглённых концах по отверстию для шнура (Рис. 3: 1). Он также вхо-

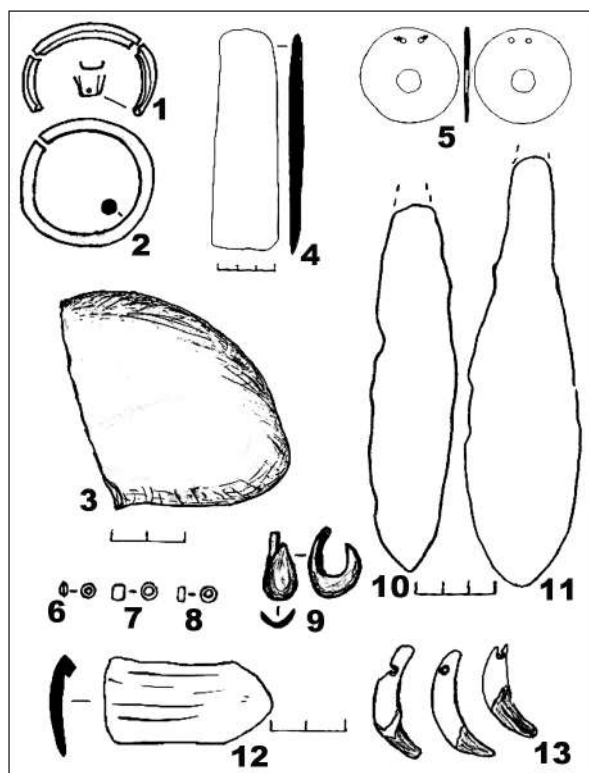

Рис. 3. Покровск. Курган №35. Вещи из погребения №2: бронза – 1, 2, 4, 9-11; кость – 5, 12, 13; фаянс, сурьма – 6-8.

Fig. 3. Pokrovsk. Mound no.35. Things from the burial site no.2: bronze – 1, 2, 4, 9-11; faience, antimony – 6-8.

дит в разряд покровских, а не срубных украшений, распространение которых в Нижнем Поволжье, вероятнее всего, связано с синташинскими и петровскими племенами (Малов 1992: 25–26, разряд У-6, Рис. 1: 13). Оба браслета изготовлены из меди группы ВК (Черных 1970: 123, № 1712, 1713). Мышьяковая или сурьяно–мышьяковая медь группы ВК наиболее часто использовалась для изготовления металлических предметов покровской археологической культуры (Малов 2007: 43).

Мелкие фаянсовые и сурьянные бусинки, наиболее распространенная категория украшений в покровской культуре. Они располагались в области шеи женщины, как и в большинстве других покровских погребений Нижнего Поволжья (Малов 1992: 44–47, Рис. 5). В Отчёте указано, что белые бусинки пастовые (фаянсовые), хотя на фото есть экземпляры и серого цвета (Рыков 1927: 288). В музейную коллекцию сдали 30 бусин. Они белые – фаянсовые и серые – сурьянные, обычного размера

и цилиндрической формы, но есть и сегментовидная (Рис. 3: 6–8).

Значительная часть камня–«голыша», лежавшего около крупного острорёберного сосуда, была отколота в древности (Рис. 3: 3). Возможно, это произошло в результате его использования в качестве песта или кузнечного молотка?

Костяные предметы. Мужская дисковидная пряжка имеет по краям малых отверстий расходящиеся бороздки, образовавшиеся в результате длительного трения шнура, которым она крепилась к концу ремня (Рис. 3: 5). Пряжки такого типа характерны для покровских памятников (Малов 1992: 40–43, разряд У-29, Рис. 4: 22). Аналогичная пряжка, с идентичными следами сработанности около двух отверстий, обнаружена в погребении 3 кургана 1 могильника Селезни 2 (Пряхин, Моисеев, Беседин 1998: 16–18, Рис. 9: 4, 10).

При передаче в фонды музея ожерелья выяснилось, что клыков обнаружили гораздо больше – 40 (Рис. 3: 13). Украшения из клыков животных чаще обнаружены в покровских (Покровск 35/2; Натальино II 3/1; Короли 4/4; Терновка 4/5,8; Баранниково 1/2 и др.), чем в срубных (Смеловка п. 106; Ново-Яблоновка п. 3) захоронениях Нижнего Поволжья. При этом ожерелья из большого числа клыков характерны только для парных разнополюх взрослых захоронений. Обычно такой достаточно архаичный тип украшений исследователи трактуют как амулеты, указывающие и на то, что скотоводы занимались охотой (Круглов, Подгаецкий 1935: 59).

В целом аналогичные украшения-амулеты не характерны для абашевской общности. В этой связи отметим, что один заполированный клык медведя без отверстия найден в норе погребения 1 кургана Селезни 2 (Пряхин, Моисеев, Беседин 1998: 8–9, Рис. 8: 13). По моей просьбе П.А. Косинцев предварительно условно определил по фото и рисункам некоторых клыков их видовую принадлежность: Покровск, к. 35: собака или волк – 1, остальное лисица; Натальино II, к. 3: волк, собака, лис-корсак(?), лисица; Смеловка, п. 106: собака; Ново-Яблоновка, п. 3: волк – 1, остальное собака. Таким образом, в состав ожерелий-амулетов входят клыки не одного вида животного, но чаще всего присутствуют клыки соба-

ки. Есть в ожерельях клыки диких хищников, на которых охотились носители покровской и срубной культур: волка, корсака(?) и лисицы. Присутствие обломка клыка кабана (Рис. 3: 12) и «кучки» из бабок свињи(?) редкий случай для покровских погребений. Примечательно, что клык кабана встречен в п. 2 кургана Селезни 2 (Пряхин, Моисеев, Беседин 1998: 12). Эти находки позволяют считать, что представители покровской культуры охотились и на кабана.

Основная могила кургана 35 выделяется очень крупным объёмом ямы. При корреляции длины и ширины могильных ям, погребение № 2 вошло в первую группу захоронений, совершенных для социально значимых лиц, на устройство которых потребовались наиболее крупные трудовые затраты (Малов 1989: 85–86). Это дополнительно подчёркивает экстраординарность рассматриваемого захоронения.

Костяки помещены в могилу совместно и одновременно. А.Х. Халиков включил это покровское погребение в число семейных – мужа с женой (Халиков 1989: 70). В Северной Евразии зарождение традиции сооружения разнополых комплексов семейного типа восходит к глубокой древности (Хлобыстина 1994: 82–85). Положение скелетов в данном комплексе следует признать экстраординарным. По позам погребённых оно резко выделяется среди других совместных парных-разнополых взрослых захоронений эпохи меди-бронзы Восточной Европы. Вероятно, такая позиция разнополых парных взрослых костяков в основном погребении № 2 связана с архаичными мифологическими представле-

ниями индоевропейцев о культе плодородия и продолжения рода. Данный парный разнополый экстраординарный погребальный комплекс следует рассматривать как престижный – семейного типа.

Около левого виска женского черепа имелись следы надрезов в виде четырехугольника. К сожалению, нет антропологических заключений. По мнению П.С. Рыкова, надрезы могли появиться в результате трепанации или же смертельного удара. Случаи повреждения единичных черепов фиксируются в других курганах покровской культуры. Нельзя исключать, что это смертельная травма получена в ходе военного столкновения(?). Тем более, что на ранней фазе Волго-Уральского очага культурогенеза отмечается сакрализация военного дела и возрастание военной активности (Бочкарев 2002: 46–68; Малов 2003: 200–201; Malov 2002: 332–333).

Калиброванные радиоуглеродные определения для этой фазы Евразийской металлургической провинции XX – XVIII/XVII вв. до н.э. (Дергачев, Бочкарев 2002: 13–14, Рис. 1; Черных 2007). Основное погребение Покровского кургана № 35 относится к ранней фазе сложения Волго-Уральского очага культурогенеза позднего бронзового века. Оно входит в группу ранних покровских памятников, предварительно датируемых XX–XVIII вв. до н.э. (Малов 2012: 96–97; Malov 2001: 150–151). Вероятно, первобытно-престижную общественную структуру этой милитаризированной эпохи Волго-Уралья следует обозначать такими терминами, как «военное вождевластие» или «военная дуксократия».

Литература

- Бочкарев В.С. 2002. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы. В: *История татар с древнейших времён. Народы степной Евразии в древности*. Т. 1. Казань, 46–68.
- Бочкарев В.С. 2010. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев.
- Гутков А.И. 2000. О традиции ремонта глиняной посуды. В: *Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим*. Челябинск, 170–187.
- Кривцова-Гракова О.А. 1955. *Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы*. МИА 46. Москва.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. 1935. *Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства*. Изв. ГАИМК 119. Москва–Ленинград.
- Малов Н.М. 1989. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье. *АВЕС*. Вып. 1. Саратов, 82–101.

- Малов Н.М. 1992. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья. *АВЕС*. Вып. 3. Саратов, 22–54.
- Малов Н.М. 1996. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры. В: *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Волгоград, 43–48.
- Малов Н.М. 2003. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья. В: *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году*. Вып. 5. Саратов, 157–219.
- Малов Н.М. 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области. *АВЕС*. Вып. 5. Саратов, 34–92.
- Малов Н.М. 2010. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения. В: *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)*. Москва, 721–733.
- Малов Н.М. 2012. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья. В: *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения*. Т. 12. Вып. 1. Саратов, 95–100.
- Малов Н.М., Павлова Л.С. 2010. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения). В: *История и историческая память*. Вып. 1. Саратов, 153–177.
- Памятники ... 1993. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. В: Качалова Н.К., Малов Н.М. (ред.). *Археология России*. САИ. В1-10. Т. 1.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. 1998. *Селезни 2 курган Доно-Волжской абашевской культуры*. Воронеж.
- Потёмкина Т.М. 1984. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры. В: *Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи*. Воронеж, 77–108.
- Рыков П.С. 1927. Раскопки курганов в окрестностях г. Покровска (Р.Н. Пов.) в 1927 году. *Архив ИИМК РАН*. Фонд №2. Арх. № 187. Санкт-Петербург, 216–288.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений). В: *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.)*. Самара, 37–72.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. 1977. *Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий*. Москва.
- Ткачёв В.В., Хаванский А.И. 2006. *Керамика синташтинской культуры*. Орск–Самара.
- Халиков А.Х. 1989. Поволжье в покровское время. В: *АВЕС*. Вып. 1. Саратов, 56–82.
- Хлобыстина М.Д. 1994. Социогенез культур Северной Евразии эпохи голоцена. В: *Археологические изыскания*. Вып. 17. Санкт-Петербург.
- Черных Е.Н. 1970. *Древняя металлургия Урала и Поволжья*. МИА 172. Москва.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. *Древняя металлургия Северной Евразии*. Москва.
- Черных Е.Н. 2007. *Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов*. Т. V. Москва.
- Malov N. 2001. Material culture of the bronze epoch in the Lower Volga region. Final Programme and Abstracts. 7-th Annual Meeting European Association of Archeologists. 19–23 September (Esslingen am Neckar, Germany 2001), 150–151.
- Malov N. 2002. Spears-Signs of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture. Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. *Journal of Indo-European Studies Monograph Series*. Volume I. Washington, 314–336.
- Rykov P. 1927. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. *ESA I*. Helsinki, 51–90.

Reference

- Bochkarev, V. S. 2002. *Volgo-Ural'skii region v epokhu bronzy (Volga-Ural region in the Bronze Age)*. In *Istoriia tatar s drevneishikh vremen. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti (History of Tatars since ancient times. Eurasian steppe peoples in ancient times)*. Vol. 1. Kazan, 46–68 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2010. *Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy (Cultural genesis and ancient metal production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg (in Russian).

- Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Metal sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe)*. Chişinău (in Russian).
- Gutkov, A. I. 2000. *O traditsii remonta glinianoj posudy (On the tradition of pottery repair)*. In *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologii: trudy muzeia – zapovednika Arkaim (Archaeological source and modeling of ancient technologies: the works of the museum - reserve Arkaim)*. Cheliabinsk, 170–187 (in Russian).
- Krivtsova-Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Volga and Black Sea Regions in the Late Bronze Age)*. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (46). Moscow (in Russian).
- Kruglov, A. P., Podgaetskii, G. V. 1935. *Rodovoe obshchestvo stepei Vostochnoi Evropy. Osnovnye formy material'nogo proizvodstva (Tribal society of the Eastern Europe steppes. Main forms of material production)*. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii Istorii Material'noi Kul'tury (Proceedings of the National Academy of History of Material Culture)* (119). Moscow–Leningrad (in Russian).
- Malov, N. M. 1989. *Pogrebal'nye pamiatniki pokrovskogo tipa v Nizhnem Povolzh'e (Pokrovsk-type burial monuments in the Lower Volga Region)*. *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi stepi (Archaeology of the Eastern Europe steppe)*. Ed 1. Saratov, 82–101 (in Russian).
- Malov, N. M. 1992. *Pokrovsko-abashevskie ukrasheniia Nizhnego Povolzh'ia (Pokrovsk-Abashevo decorations of the Lower Volga Region)*. *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi stepi (Archaeology of the Eastern Europe steppe)*. Ed. 3. Saratov, 22–54 (in Russian).
- Malov, N. M. 1996. *P. S. Rykov i problemy izucheniia pokrovskoi kul'tury (P. S. Rykov and the problems of the Pokrovsk culture study)*. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei v sisteme vostochnoevropeiskogo bronzovogo veka (Antiquities of the Volga-Don steppes in the system of the East European Bronze Age)*. Volgograd, 43–48 (in Russian).
- Malov, N. M. 2003. *Pogrebeniia pokrovskoi kul'tury s nakonechnikami kopii iz Saratovskogo Povolzh'ia (Pokrovsk culture burials with the spearheads from the Saratov Volga Region)*. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 2001 godu (Archaeological heritage of the Saratov region. Conservation and Research in 2001)*. Ed. 5. Saratov, 157–219 (in Russian).
- Malov, N. M. 2007. *Pokrovskaiia kul'tura nachala epokhi pozdnei bronzy v severnykh raionakh Nizhnego Povolzh'ia: po materialam poselenii srubnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Pokrovsk culture at the beginning of the Late Bronze Age in the northern parts of the Lower Volga Region: based on the materials of the settlements of the Srubnaia ("Timber-grave") cultural-historical region)*. *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi stepi (Archaeology of the Eastern Europe steppe)*. Ed. 5. Saratov, 34–92 (in Russian).
- Malov, N. M. 2010. *Sovetskii arkheolog Pavel Sergeevich Rykov. K 125-letiiu so dnia rozhdeniia (Soviet archaeologist Pavel Rykov. To the 125th anniversary of birth)*. In *Chelovek i drevnosti: pamiat Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928-2009) (Man and Antiquities: Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam (1928–2009))*. Moscow, 721–733 (in Russian).
- Malov, N. M. 2012. *Kul'turogenез v epokhu pozdnei bronzy Nizhnego Povolzh'ia (Cultural genesis in the Late Bronze Age of the Lower Volga Region)*. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia (Proceedings of the University of Saratov. New series. Series history. International relations)*. Vol. 12. Ed. 1. Saratov, 95–100 (in Russian).
- Malov, N. M., Pavlova, L. S. 2010. *Professor Pavel Sergeevich Rykov – pervyi dekan istoricheskogo fakul'teta Saratovskogo universiteta (k 125-letiiu so dnia rozhdeniia) (Professor Pavel Rykov - the first Dean of the History Faculty of the University of Saratov (to the 125th anniversary of birth))*. In *Istoriia i istoricheskaia pamiat' (History and Historical Memory)*. Ed.1. Saratov, 153–177 (in Russian).
- Pamiatniki (Monuments) ...1993. *Pamiatniki srubnoi kul'tury. Volgo-ural'skoe mezhdurech'e (Monuments of the Srubnaia ("Timber-grave") culture. Volga-Ural interfluve)*. In *Kachalova, N. K., Malov, N. M. (ed.). Arkheologiia Rossii. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Archaeology of Russia. Collection of archaeological sources)*. B1-10. Vol. I. Moscow (in Russian).
- Priakhin, A. D., Moiseev, N. B., Besedin, V. I. 1998. *Selezni 2 kurgan Dono-Volzhskoj abashevskoi kul'tury (Selezni 2 burial mound of the Don-Volga Abashevo culture)*. Voronezh (in Russian).
- Potemkina, T. M. 1984. *Rol' abashevtsev v protsesse razvitiia alakul'skoi kul'tury (Role of the Abashevo population in the development of the Alakul culture)*. In *Epokha bronzy Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (The Bronze Age of the East European forest-steppe)*. Voronezh, 77–108 (in Russian).

Rykov, P. S. 1927. *Raskopki kurganov v okrestnostiakh g. Pokrovska (R. N. Pov.) v 1927 godu (Excavations of the burial mounds in the vicinity of the town of Pokrovsk (R. N. Pov.) in 1927)*. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)*. Collection 2. Archive 187. Saint Petersburg, 216–288 (in Russian).

Siniuk, A. T., Kozmirchuk, I. A. 1995. *Nekotorye aspekty izucheniia abashevskoi kul'tury v basseine Dona (Po materialam pogrebenii) (Some study aspects of the Abashevo culture in the Don basin (By the materials of burials))*. In *Drevnie indoiranskii kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian cultures of the Volga-Ural Region (II millennium BC))*. Samara, 37–72 (in Russian).

Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkhologicheskikh otkrytii (Origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow (in Russian).

Tkachev, V. V., Khavanskii, A. I. 2006. *Keramika sintashtinskoi kul'tury (Ceramics of the Sintashta culture)*. Orsk–Samara (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1989. *Povolzh'e v pokrovskoe vremia (Volga Region in the Pokrovsk period)*. In *Arkhologiya vostochnoevropeskoii stepi (Archaeology of the Eastern Europe steppe)*. Ed. 1. Saratov, 56–82 (in Russian).

Khlobystina, M. D. 1994. *Sotsiogenez kul'tur Severnoi Evrazii epokhi golotsena (Sociogenesis of the Northern Eurasia cultures of the Holocene epoch)*. In *Arkhologicheskie izyskaniia (Archaeological Investigations)*. Ed. 17. Saint Petersburg (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevniaia metallurgii Urala i Povolzh'ia (Ancient metallurgy of the Urals and the Volga Region)*. *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (172). Moscow (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (Ancient metallurgy of Northern Eurasia)*. Moscow (in Russian).

Chernykh, E. N. 2007. *Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiia; Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsi; Potaennaia (sakral'naia) zhizn' arkhainykh gornikov i metallurgov (Kargaly: the phenomenon and the paradoxes of development; Kargaly in the system of metallurgical provinces; Secret (sacred) life of archaic miners and metallurgists)*. Vol. V. Moscow (in Russian).

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; e-mail: malovnm@mail.ru

Еуджен Сава, Николаус Бороффка

Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье

Keywords: bronze objects, cultural complex Noua-Sabatinovka.

Cuvinte cheie: piese de bronz, complexul cultural Noua-Sabatinovka.

Ключевые слова: бронзовые изделия, культурный комплекс Ноуа-Сабатиновка.

Eugen Sava, Nikolaus Boroffka

New finds of bronze objects of the Late Bronze Age in the Prut-Dniester interfluvium

Most of the bronze objects attributed to the Noua-Sabatinovka cultural complex come from hoards or are chance discoveries. In the settlements and burials of these cultures bronze objects are very rare finds.

In the period from 2006 to 2010 in the surroundings of several localities in the Republic of Moldova various bronze objects were discovered by chance. A hoard, composed of fragmentary sickles, daggers, a chisel and a pin with ring-shaped head, was found near the town of Briceni. Seven socketed axes with one loop come from Ignațeii, Chiperceni, Orhei, Sadova and Capaclia. In the vicinities of Capaclia an adze was also discovered. A shaft-hole axe of the Monteoru type was found at Sărata Galbenă. Lance-heads and daggers come from Cărbuna, Hansca and Petruha. From the surroundings of the settlements Leușeni, Horodiște and Hansca a socketed hammer, a chisel, an arrowhead and a knife were discovered.

The majority of the objects published in this article are of the eastern origin. This is especially true for the daggers with swellings on the haft, the lance-heads with rhomboid blade and the socketed axes with lateral fixation openings.

Eugen Sava, Nikolaus Boroffka

Noi descoperiri de piese de bronz din epoca bronzului târziu în interfluviul Prut-Nistru

Majoritatea pieselor de bronz atribuite complexului cultural Noua-Sabatinovka provin din depozite sau reprezintă descoperiri fortuite. În așezările sau mormintele aparținând acestor culturi piesele de bronz se găsesc foarte rar.

În perioada anilor 2006-2010 în împrejurimile unor localități din Republica Moldova au fost descoperite, în mod fortuit, diverse piese de bronz. Un depozit compus din seceri, pumnale, o sulă și un ac cu capătul inelar, toate fragmentate, a fost semnalat în preajma orașului Briceni. Șapte celțuri cu o urechiușă provin din localitățile Ignațeii, Chiperceni, Orhei, Sadova și Capaclia. Din împrejurimile Capacliei provine și o teslă. Un topor de tip Monteoru a fost descoperit la Sărata Galbenă. Vârfuri de lance și pumnale s-au găsit în apropierea comunelor Cărbuna, Hansca și Petruha. Lângă localitățile Leușeni, Horodiște și Hansca au fost descoperite un celt-ciocan, o daltă, un vârf de săgeată și un cuțit.

Majoritatea pieselor de bronz prezentate în articolul de față sunt de origine estică. În acest sens menționăm pumnalele cu inel pe mâner, lăncile cu lama romboidală și celțurile cu urechiușă frontală.

Еуджен Сава, Николаус Бороффка

Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье

Большинство бронзовых предметов культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка происходят из кладов или являются случайными находками. На поселениях и в погребениях этих археологических культур бронзовые изделия встречаются очень редко.

В период 2006-2010 гг. в окрестностях некоторых населенных пунктов Республики Молдова были случайно обнаружены различные бронзовые предметы. Клад, состоящий из фрагментированных серпов, кинжалов, шила и булавы с кольцевым навершием, был найден недалеко от города Бричень. Семь одношковых кельтов обнаружены около населенных пунктов Игнацей, Киперчень, Орхей, Садова и Капаклия. В окрестностях Капаклии было найдено и тесло. Топор типа Монтеору локализован вблизи села Сэрата Галбенэ. Наконечники копья и кинжалы были обнаружены в окрестностях сел Кэрбуна, Ханска и Петруха. Около населенных пунктов Леушень, Хородиште и Ханска найдены кельт-молот, долото, наконечник стрелы и нож.

Большинство бронзовых изделий, представленных в статье, восточного происхождения. Это кинжалы с кольцевым упором на месте соединения ручки с лезвием, копья с ромбовидным лезвием и одношковые кельты.

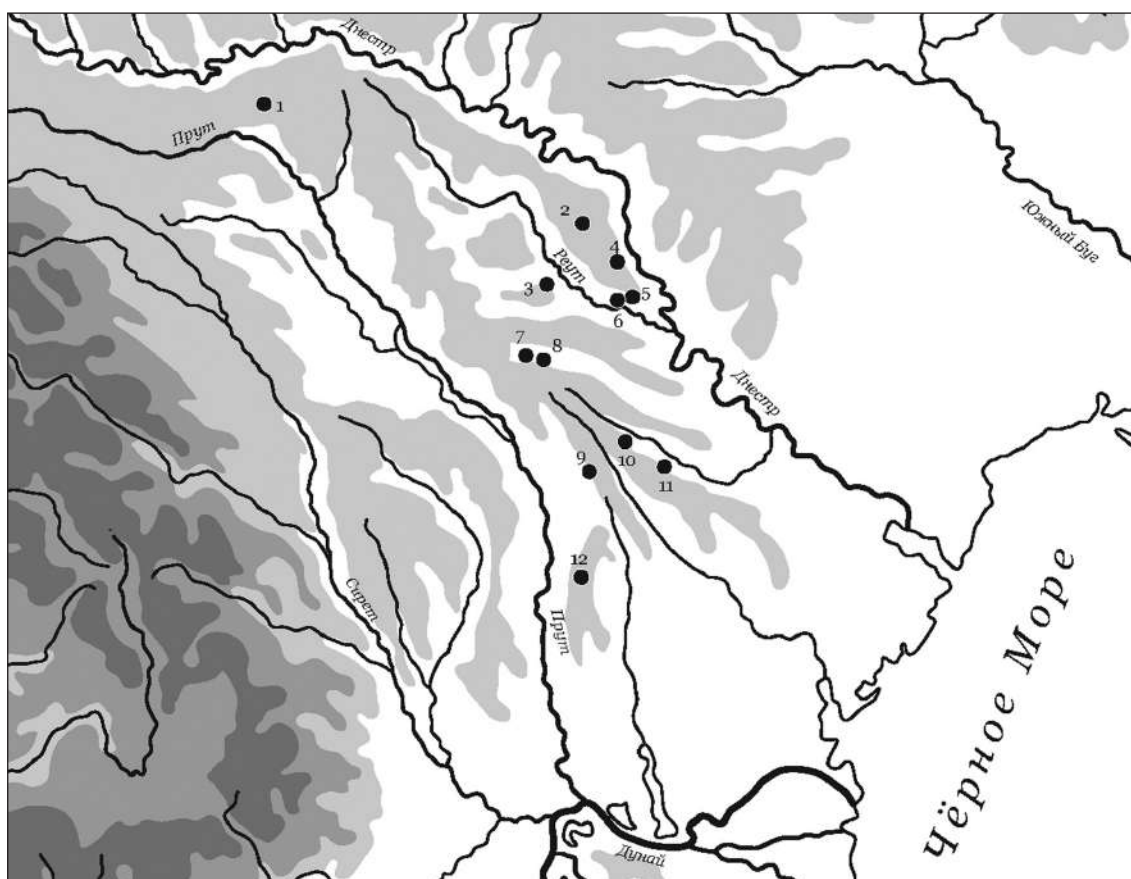

Рис. 1. Местонахождения бронзовых предметов: 1. Бричень; 2. Игнэцэй; 3. Леушень; 4. Киперчень; 5. Петруха; 6. Орхей; 7. Хородиште; 8. Садова; 9. Сэрата Галбенэ; 10. Ханска; 11. Кэрбуна; 12. Капаклия.

Fig. 1. Location of the bronze objects: 1 – Briceni; 2 – Ignăței; 3 – Leușeni; 4 – Chiperчени; 5 – Petruha; 6 – Orhei; 7 – Horodiște; 8 – Sadova; 9 – Sărata Galbenă; 10 – Hansca; 11 – Cărbuna; 12 – Căpaclia.

В данной статье публикуются новые находки бронзовых предметов (кельты, наконечники копий, кинжалы, серпы, топоры, шилья, булавки и др.), которые были случайно обнаружены в 2006-2010 гг. возле населенных пунктов Бричень, Леушень, Игнэцей, Садова, Орхей, Хородиште, Киперчень, Петруха, Сэрата Галбенэ, Ханска, Кэрбуна, Капаклия¹. К сожалению, нам неизвестно их точное место обнаружения и ни один из этих предметов не имеет культурно-хронологического контекста.

Далее, публикуемые в данной статье предметы, будут представлены по условному месту обнаружения (рис. 1), а затем будет дана их культурно-хронологическая характеристика.

1. Бричень. Клад

1.а. Кинжал (рис. 2: 1). Предмет фрагментирован – отсутствует часть ручки. Лезвие листовидное с нервюрой посередине. Наибольшее расширение (4,0–4,5 см) лезвия расположено в верхней части. Длина лезвия 13,0 см.

1.б. Кинжал (рис. 2: 2). На месте соединения ручки с лезвием имеется кольцевой упор. Предмет фрагментирован – отсутствует кончик лезвия. Длина ручки 3,5 см. Ширина ручки 0,8–1,0 см. Длина сохранившейся части лезвия 6,5 см. Лезвие, с нервюрой посередине, имеет наибольшее расширение (2,5 см) в верхней части.

1.в. Серп (рис. 2: 3). Предмет фрагментирован – отсутствует кончик лезвия. Длина сохранившейся части лезвия 10,0 см. Ширина

¹ Предметы хранятся в частных коллекциях. Благодарим коллекционеров П. Костина, В. Токмакова, В. Парнова, Ю. Каминского, И. Сорича, В. Цуркана за представленную информацию.

лезвия 1,0–2,0 см. Длина ручки 7,5 см. Ширина ручки 1,5–2,5 см. Диаметр отверстий 0,3–0,4 см. На ручке имеются два отверстия. В месте перехода от ручки к лезвию имеется дугообразный изгиб.

1.г. Серп (рис. 2: 4). Предмет фрагментирован. Сохранилась лишь часть деформированной ручки с двумя овальными отверстиями и грибовидным выступом. Диаметр отверстий на ручке 0,5–1,0 см. Высота выступа 1,5 см, а его максимальный диаметр 1,5 см.

1.д. Булавка с кольцевым навершием (рис. 2: 5). Внутренний диаметр кольца 1,0 см, а внешний 2,0 см. Стержень цилиндрический, диаметром 1,5–2,0 мм. Длина стержня 7,0 см. Кончик обломан.

1.е. Шило (рис. 2: 6). Трапецевидный стержень в профиле имеет прямоугольную форму с максимальным (0,5x07 см) расширением в средней части. Один конец уплощенный, а второй заостренный. Длина стержня 10,0 см.

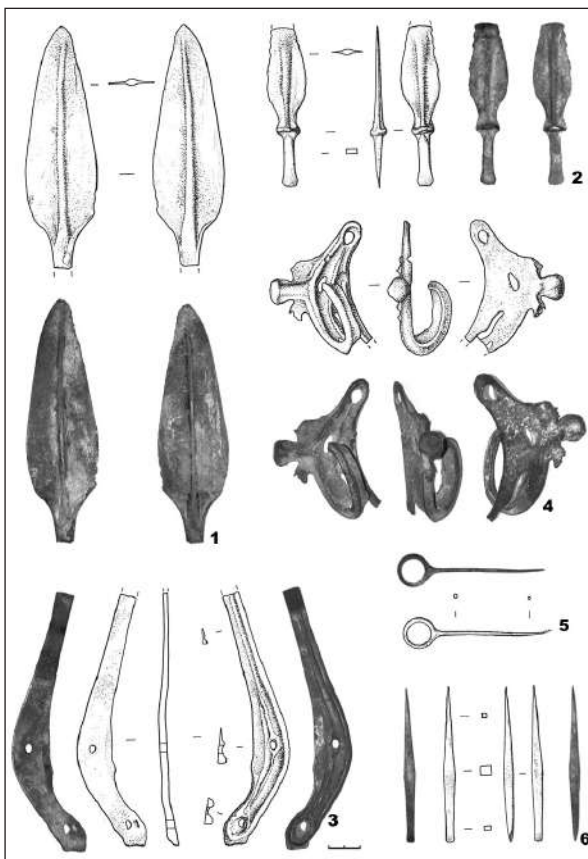

Рис. 2. Бричанский клад.
Fig. 2. The hoard of Briceni.

Клад был обнаружен в окрестностях города Бричень (рис. 1: 1). Точное место, время и условия обнаружения неизвестны. Все вышеописанные предметы хранились в частной коллекции В.А. Токмакова, который в августе 2012 года передал их на постоянное хранение в Национальный музей археологии и истории Молдовы.

2. Игнэцей. Два кельта

2.а. Одноушковый кельт (рис. 3: 1). Край втулки выделен в виде ободка. Корпус кельта расширяется к лезвию. На одной из сторон корпуса имеется углубление каплевидной формы, которое вероятно является производственным дефектом. Длина предмета 10,3 см. Максимальная ширина лезвия 6,0 см. Диаметр конусовидной втулки на верхнем уровне 1,8x2,5 см. Глубина втулки 6,0 см.

2.б. Одноушковый кельт (рис. 3: 4). Край втулки выделен в виде ободка. Корпус кельта плавно расширяется к лезвию. В верхней ча-

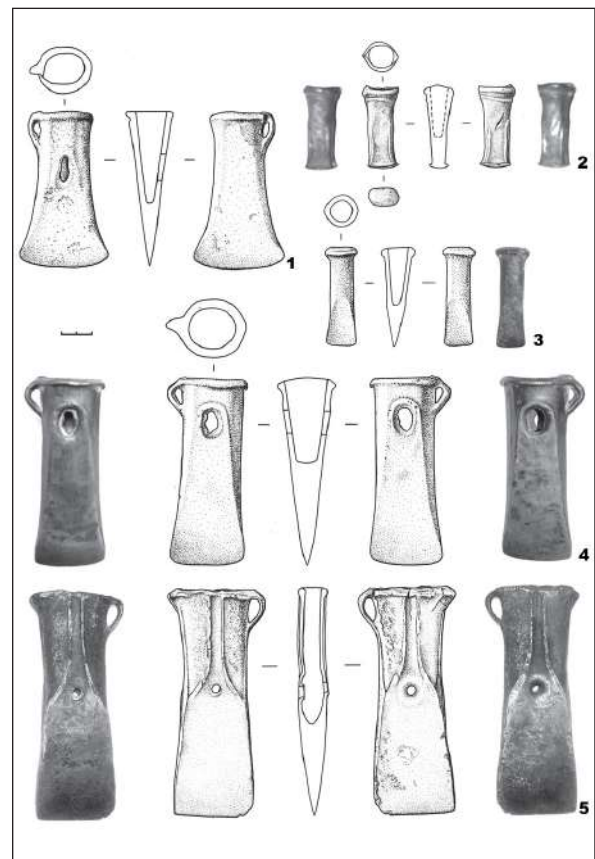

Рис. 3. Кельты: 1, 4 - Игнэцей; 5 - Киперчень. Кельт-молоток: 2 - Леушень. Долото: 3 - Хородиште.

Fig. 3. The socketed hammers: 1, 4 - Ignăței; 5 - Chiperceni. The socketed hammer: 2 - Leușeni. The chisel: 3 - Horodiște.

сти корпуса имеется дефект в виде овального отверстия. Длина предмета 12,3 см. Максимальная ширина лезвия 5,0 см. Диаметр втулки на верхнем уровне 2,5х3,0 см. Глубина конусовидной втулки 5,5 см.

Кельты были случайно обнаружены, в различных точках, в урочище *Рыпа Гречилор*, расположенного возле с. Игнэцей, района Резина (рис. 1: 2). Точное место и время обнаружения неизвестны. Предметы хранятся в частной коллекции В. Цуркана.

3. Леушень. Кельт-молоток

Предмет имеет асимметрично изогнутый корпус (рис. 3: 2). Край втулки выделен в виде ободка. В нижней части корпуса грибовидный выступ. Длина предмета 5,0 см. Ширина корпуса 2,0–2,5 см. Диаметр втулки 1,5х1,8 см. Глубина конусовидной втулки 3,5 см.

Предмет был случайно обнаружен возле с. Леушень, района Теленешть (рис. 1: 3). Точное место и время обнаружения неизвестны. Хранится в частной коллекции Ю. Каминского.

4. Киперчень. Одношковый кельт

Корпус кельта плавно расширяется к лезвию (рис. 3: 5). Край втулки выделен в виде ободка. От ободка по корпусу спускаются две параллельные нервюры, которые на уровне перехода корпуса в лезвие расширяются к краям. Там же расположено отверстие диаметром 0,5 см, которое было сделано в современное время. Длина предмета 14,8 см. Максимальная ширина лезвия 5,3 см. Диаметр цилиндрической втулки 1,0х1,3 см. Глубина втулки 8,8 см.

Предмет был случайно обнаружен в лесу, расположенном возле с. Киперчень, района Орхей (рис. 1: 4). Точное место и время обнаружения неизвестны. Хранится в частной коллекции П. Костина.

5. Петруха. Наконечник копья

Наконечник имеет перо листовидной формы и конусообразную втулку (рис. 7: 1). По всей длине лезвия расположена клинообразная нервюра. В нижней части втулки имеются два противоположно расположенных отверстия. Общая длина наконечника составляет 11,0 см, из которых 8,0 см имеет перо, а втулка – 3,0 см. Максимальная ширина пера 3,5 см. Диаметр втулки – 2,5 см.

Предмет был, случайно, обнаружен возле с. Петруха, района Орхей (рис. 1: 5). Точное место и время обнаружения неизвестны. Хранится в частной коллекции П. Костина.

6. Орхей. Одношковый кельт

Корпус кельта плавно расширяется от края втулки к лезвию (рис. 4: 1). Край втулки выделен в виде ободка, ниже которого едва заметно выделяется еще один ободок, что указывает на то, что предмет, вероятно, является производственным браком. На это указывает также деформация ушка (без отверстия) и овальное отверстие на корпусе.

Длина кельта 10,0 см. Максимальная ширина лезвия 4,7 см. Диаметр конусовидной втулки на верхнем уровне 2,6х3,0 см. Глубина втулки 6,5 см.

Предмет был случайно обнаружен в лесу, расположенном к югу от г. Орхей (рис. 1: 6). Точное место и время обнаружения неизвестны. Хранится в частной коллекции П. Костина.

7. Хородиште. Долото с втулкой и наконечник стрелы

7.а. Долото с втулкой (рис. 3: 4). Край втулки выделен в виде ободка. Верхняя часть корпуса цилиндрической формы, нижняя долотообразная. Длина предмета 6,5 см. Диаметр втулки 1,3х1,5 см. Глубина конусовидной втулки 3,8 см.

7.б. Наконечник стрелы (рис. 7: 3). Плоский наконечник стрелы треугольной формы в верхней части, от которого отходят два боковых пера различной длины (1,0 и 1,5 см). Черенок имеет длину 1,5 см и ширину 0,5 см. Окончание черенка треугольной формы. Общая длина наконечника 3,0 см.

Предметы были случайно обнаружены в различных точках в окрестностях с. Хородиште, района Кэлэраш (рис. 1: 7). Точное место и время обнаружения неизвестны. Предметы хранятся в частной коллекции П. Костина.

8. Садова. Одношковый кельт

Корпус кельта плавно расширяется к лезвию (рис. 4: 2). Край втулки выделен в виде ободка. От края втулки и до лезвия корпус имеет треугольновидное ограничение. Длина предмета 12,5 см. Максимальная ширина лезвия 5,5 см. Диаметр конусовидной втулки на верхнем уровне 2,5х3,5 см. Глубина втулки 7,5 см.

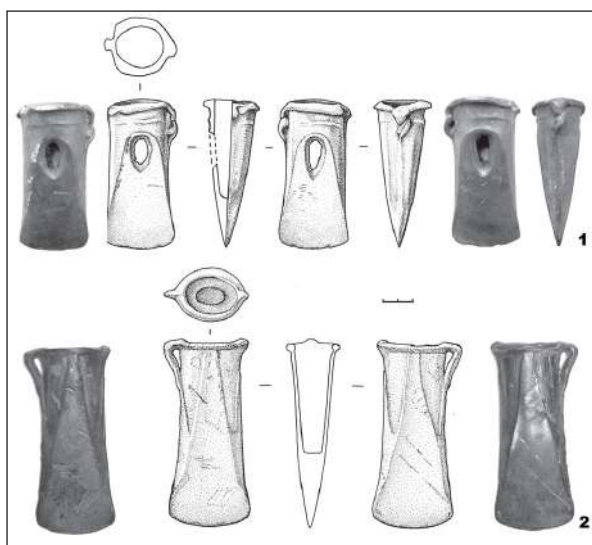

Рис. 4. Кельты: 1 - Орхей; 2 - Садова.
Fig. 4. The socketeds: 1 – Orhei; 2 – Sadova.

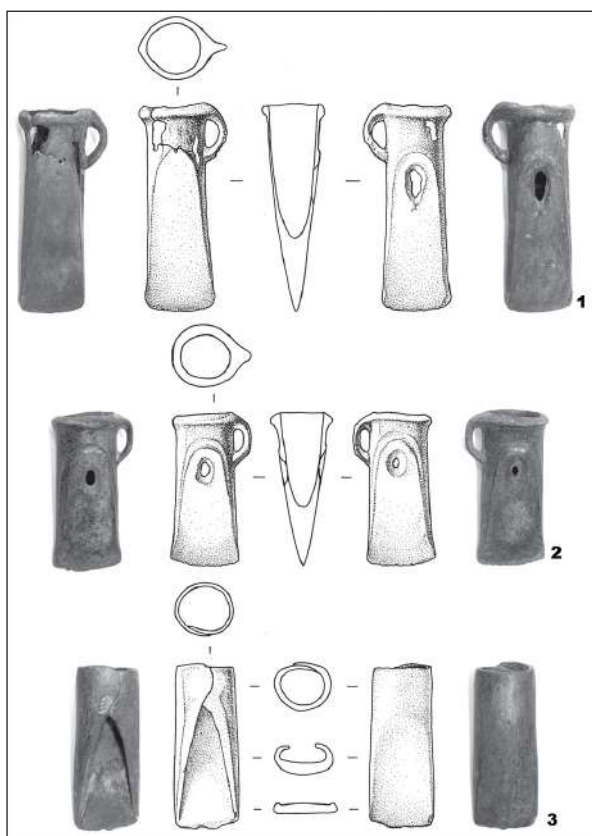

Рис. 5. Капакля: 1-2 - кельты; 3 - тесло.
Fig. 5. Сапакля: 1-2 – the socketeds; 3 – the adze.

Предмет был случайно обнаружен в лесу, расположенном между селами Садова и Селиштя Ноуэ, района Кэлэраш (рис. 1: 8). Точное место и время обнаружения не-

известны. Хранится в частной коллекции И. Сорича, жителя села Кэбэешть Кэлэрашского района.

9. Сэрата Галбенэ. Топор

Топор имеет поперечно расположенный обух с цилиндрической втулкой длиной 6,5 см и диаметром 2,5 см. На верхней части обуха расположены четыре рельефные нервюры, концы которых немного (до 2-х см) перегибаются по обе стороны обуха. Корпус топора с внешней стороны вертикально опускается к лезвию, а с внутренней стороны вогнут. Лезвие в виде полумесяца (секирообразное) заточено по всей выпуклой части (рис. 6). Максимальная ширина лезвия 6,0 см. Общая длина топора 10,0 см, из которых 5,5 см относятся к лезвию.

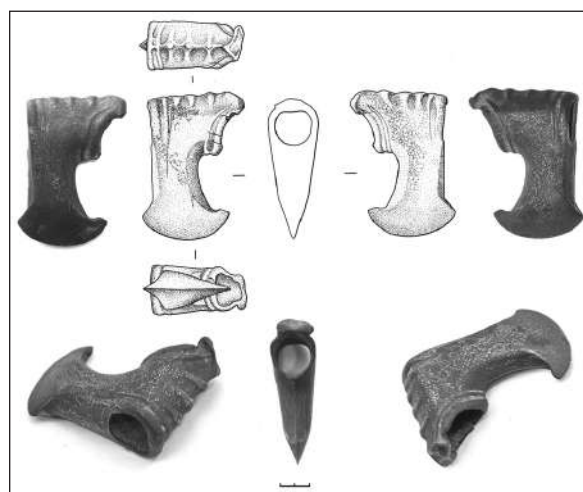

Рис. 6. Сэрата Галбенэ. Топор.
Fig. 6. Sărata Galbenă. The shaft-hole axe.

Предмет был случайно обнаружен в лесу, расположенном возле с. Сэрата Галбенэ, района Хынчешть (рис. 1: 9). Точное место и время обнаружения, а также место хранения предмета неизвестны.

10. Ханска. Кинжал и нож-бритва

10.а. Кинжал (рис. 7: 5). На месте соединения ручки с лезвием находится слабо выделенный кольцевой упор. Длина ручки 4,7 см, а ширина 1,2 см. Длина листовидного лезвия, с продольной нервюрой посередине, 16,0 см, а наибольшее расширение (4,3 см) расположено в верхней части.

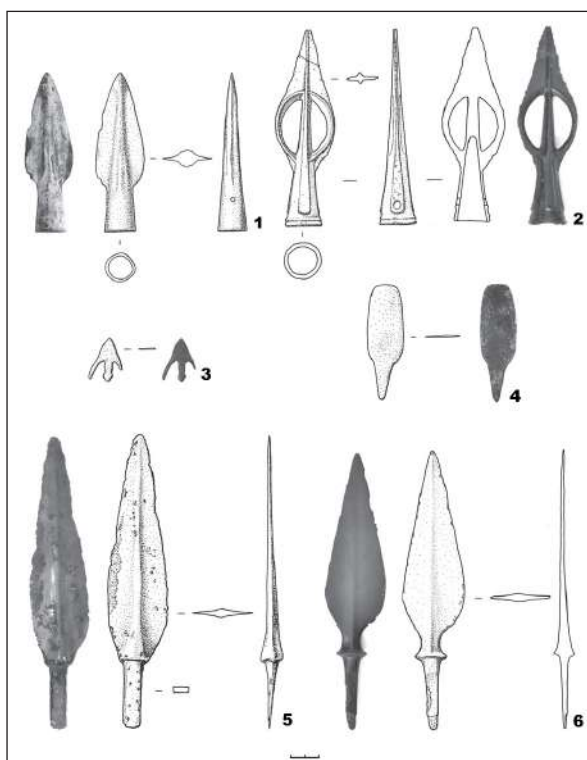

Рис. 7. Наконечники копий: 1 – Петруха; 2 – Кэрбуна. Наконечник стрелы: 3 – Хородиште. нож: 4 – Ханска. Кинжалы: 5 – Ханска; 6 – Кэрбуна.

Fig. 7. The lance-heads: 1 – Petruha; 2 – Cărbuna. The arrow-head: 3 – Horodiște. The knife: 4 – Hansca. The daggers: 5 – Hansca; 6 – Cărbuna.

10.б. Нож-бритва (рис. 7: 4). Лезвие прямоугольной формы имеет длину 5,5 см, а по ширине 2,0–2,5 см. Черенок треугольной формы имеет длину 2,5 см. В разрезе нож плоский.

Предметы были случайно обнаружены в различных точках в окрестностях с. Ханска, района Яловень (рис. 1: 10). Точное место и время обнаружения неизвестны. Предметы хранятся в частной коллекции П. Костина.

11. Кэрбуна. Кинжал и наконечник копья

11.а. Кинжал (рис. 7: 6). На месте соединения ручки с лезвием находится отчетливо выделенный кольцевой упор диаметром 2,3 см. Длина ручки 5,0 см, а ширина 0,5–1,2 см. Длина листовидного лезвия, с продольной нервюрой посередине, 14,5 см, а наибольшее расширение (4,5 см) расположено в верхней части.

11.б. Наконечник копья (рис. 7: 2). Наконечник имеет перо листовидной формы и конусовидную втулку. По всей длине наконечника расположена клинообразная нервюра,

а в нижней части втулки имеются два противоположно расположенных отверстия и ободок. Внутренняя часть пера разделена на два дугообразных сегмента. Общая длина наконечника составляет 14,0 см, из которых 9,5 см имеет перо, а втулка – 4,5 см. Максимальная ширина лезвия 4,3 см. Входной диаметр втулки – 2,0 см.

Предметы были случайно обнаружены в различных точках в окрестностях с. Кэрбуна, района Яловень (рис. 1: 11). Точное место и время находки неизвестны. Предметы хранятся в частной коллекции В. Парнова.

12. Капакля. Два кельта и одно тесло

12.а. Одношковый кельт (рис. 5: 1). Край втулки выделен в виде ободка. Корпус слегка расширяется к лезвию. В двух сантиметрах ниже от края втулки и до окончания лезвия расположено аркообразное ограничение. На обеих сторонах корпуса расположены отверстия неправильных очертаний и с рваными краями, что указывает на производственный дефект или на то, что предмет получил повреждения во время использования. Длина предмета 12,0 см. Максимальная ширина лезвия 4,0 см. Диаметр конусовидной втулки на верхнем уровне 2,8х3,0 см. Глубина втулки 7,9 см.

12.б. Одношковый кельт (рис. 5: 2). Край втулки выделен в виде ободка. Корпус слегка расширяется к лезвию. В двух сантиметрах ниже от края втулки и до окончания лезвия расположено аркообразное ограничение. На обеих сторонах корпуса расположено отверстие неправильных очертаний и рваными краями, что указывает на производственный дефект. Длина предмета 9,0 см. Максимальная ширина лезвия 4,0 см. Диаметр конусовидной втулки на верхнем уровне 2,5х2,7 см. Глубина втулки 5,5 см.

12.в. Тесло (рис. 5: 3). Тесло имеет кованую втулку со свернутыми внахлест краями. Длина предмета 9,5 см. Ширина 3,5–3,8 см. Диаметр втулки 2,5х3,0 см.

Предметы были случайно обнаружены в различных точках в лесу, расположенном между с. Тигечь, района Леова и с. Капакля, района Кантемир (рис. 1: 12). Точное место, время обнаружения, а также место хранения предметов неизвестны.

Культурно-хронологическая характеристика вышеописанных предметов представлена по категориям.

Кинжалы (рис. 2: 1–2; 7: 5–6)

Все кинжалы относятся к северо-причерноморским типам. Существенной особенностью многих кладов комплекса культур Ноуа-Сабатиновка, в составе которых находилось оружие, является преобладание оружия восточного типа. В данном случае это мечи-кинжалы и кинжалы красномаяцкого и лобойковского типа. Аналогичные кинжалы находились в кладах Данку, Лозова (Дергачев 1975: 13–18, рис. 4; Leskov 1981: Taf. 10: B; Дергачев 1986: 165–170, рис. 48: 27; Dergacev 1991: 42, Fig. 1: 7; 2: 10; Dergacev 2002: 124, Taf. 30: 67; 33: 11–12; 34: 13–16; 35: 17). Один кинжал и фрагмент литейной формы были обнаружены на поселениях культуры Ноуа у с. Чутулешть (Дергачев 1975: 26, рис. 9: 19; Leskov 1981: Taf. 10: A; Dergacev 2002: 124, Taf. 44: C; 44: G4) и Кобыльня (Левицкий 1990: 100–101, рис. 1: 1a–b; Демченко, Левицкий 1992: 131, рис. 3: 8; Sava 1998: 297, Abb. 24: 8). Случайной находкой является кинжал из Гетлова (Dergacev 2002: 124, Taf. 43: A). Кинжалы с кольцевым упором, относимые к лобойковскому типу, известны в кладе Мындрешть (Дергачев 1975: 11–13, 55, рис. 3: 22; Dergacev 2002: 125, Taf. 37: A8). Аналогичные типы известны и как случайные находки в окрестностях Орхей, Березки, Гоян, Коржова и Тырнаука (Черняков 1964: 132–133, рис. 5; Дергачев 1975: 19, 28, рис. 2: 13; 9: 14, 18; Дергачев 1986: 167; Dergacev 2002: 125, Taf. 40: A; 43: B; 44: B), Салганы (Брюяко, Тощев 2002: 590, рис. 3: 2).

Кинжалы восточного типа известны и в ареале культуры Ноуа в Западной Украине (Смирнова 1969: 15, рис. 7: 29; Смирнова 1972: 21, рис. 9: 1; Dergacev 2002: 124; László 2006: 128; Крушельницька 1985: 13–14, рис. 2: 2–3; Крушельницька 2006: 141–142, рис. 54: 3, 5; Kruschel'nytska 2006: 163–164, Abb. 6: 3, 5–7).

В Пруто-Поднестровье очень редки литейные формы для отливки кинжалов такого типа (Sava 2011: 178–187). Наиболее широкое распространение они имели в Поднепровье (Черняков 1967а: 179; Черняков 1967б: рис. 2: 4–5; 3: 2; Петрунь 1967: 185–194; Черняков, Елисеев 2003: 103).

Кинжалы красномаяцкого и лобойковского типа и литейные формы для их отливки наиболее широкое распространение имели в степном Причерноморье – Малые Копани, Новокиевка, Красные Маяки, Волошское, Ингул, Ново-Александровка, Андровка, Борисовка, Пужайково и мн.др. (Бодянский 1952: 169–172, Табл. III–IV; Кривцова-Гракова 1955: рис. 30; 33; 34; Тереножкин 1961: 133–134, рис. 89; Черняков 1964: 129, рис. 1; Черняков 1965: 87–123; Дергачев 1972: 70–73, рис. 4: A; Дергачев 1975: 52–56, рис. 17–18; Шарафутдинова 1982: 116–118, рис. 45–46; 48; 59; Bockarev, Leskov 1980: Taf. 1–15; Leskov 1981: Taf. 1–10; Черняков 1985: 104–113, рис. 50–52; 56–57; Шарафутдинова 1986: 100–108, рис. 30–31; Дергачев 1986: 180, рис. 52: 15–17; Березанская и др. 1986: 103–107, рис. 30; Гершкович и др. 1987: 142–158; Klochko 1993: Pl. 5–7; Kločko 1995: 114–138, Abb. 22–36; Березанская и др. 1994: 119–124; Gerškovič 1999: 60–64, Taf. 40: 1–2; Dergacev 2002: 124–131).

Необходимо отметить что оружие, близкое по многим элементам к кинжалам восточного типа, известно и в Восточно-Карпатском регионе, но исключительно редко западнее и южнее Карпат (Hänsel 1976: 41, Taf. 2: 8–11; Bader 1978: 129, Taf. LXXXVIII: 16; Dergacev 1991: 50; Florescu 1991: 159, Fig. 209: 5; Popa 1999: 20–21, 25; Dergacev 2002: 124–127, Taf. 70: A423–427; László 2006: 128–129). Кинжалы восточного типа были обнаружены в погребениях культуры Монтеору в Кындешть (Florescu 1978: 113, Fig. 10: 5; Sava 1991: 31, Fig. 10: 5), Сэрата-Монтеору и Пиетроаса Микэ (Oancea 1981: 157, Fig. 17: 12; Sava 1998: 297). Необходимо отметить, что эти находки позволяют синхронизировать фазы Монтеору Па–Пв с предабатиновским этапом (Sava 1998: 297). Известны такие предметы и в кладах – Бэлень, Дуда (Dragomir 1967: 90, Fig. 8: 1–4; Petrescu-Dîmbovița 1977: 73–75, Pl. 73: 20–25; 80: 15; Morintz 1978: 180–181, Fig. 103: 2; 105: 7; Дергачев 1986: 169). Ножи и кинжалы восточного типа известны на некоторых поселениях, или были обнаружены, как случайные находки – Епурень, Кослодженъ, Рогожень, Кручишоара, Рэкэтэу, Лэцешть, Вынэторь и др. (Coman, Buzdugan 1978: Fig. 2; Morintz 1978: 179, Fig. 100: 4; Neagu, Basarab Nanu 1986: 114–117, Fig. 17; 22; Дергачев 1986: 167; Florescu 1991: 112,

Fig. 111: 11; 209: 5; Neagu 1993: 175, Pl. X: 4; Dergačev 2002: 124–127, Taf. 69–70; 103–105). Обычно, такие предметы ассоциируются с металлическими изделиями, определяемые румынскими специалистами как серия типа Рышешть-Бэлень, в которую входят в основном предметы восточного происхождения, характерные для комплекса культур Ноуа-Сабатиновка-Кослодженъ (Florescu 1964: 189; Petrescu-Dîmbovița 1977: 21–31, 73 и сл.).

Большинство предметов (типы Н-34, Н-36 по Черных 1976) из этих кладов относятся к выделенному Е.Н. Черных ингуло-красномяцкому очагу металлообработки (Черных 1976: 123, 141, 178–179). В.С. Бочкарев отрицает данный вывод и считает, что в действительности между ингульскими и красномяцкими изделиями есть весьма существенные различия. По мнению В.С. Бочкарева, в эпоху поздней бронзы в Карпато-Причерноморском регионе образовалась рышештско-красномяцкая металлообрабатывающая зона (Бочкарев 1994: 72; 2006, 57–58). В.И. Клочко выделяет кинжалы с кольцевым упором в красномяцкий и новокиевский типы (Клочко 1995: 117–128, Abb. 24–30).

Этот тип кинжалов датируется периодом BrD–HaA и считается типичным для комплекса культур Ноуа-Сабатиновка (Leskov 1981: 90–101, Taf. 15; Kločko 1995: 117–128, Abb. 24–30; Dergačev 2002: 124–125, Taf. 103–105). Аналогичные типы известны в Подонье (Раев 1979: 33, табл. 16: 5), Нижнем Поволжье (Boroffka, Sava 1998: 84, Abb. 47: 9), в Центральной Азии и Сибири (Аванесова 1991: 23–25, рис. 22–29), но их появление в этих регионах является следствием влияния из Северного Причерноморья (Подобед, Усачук, Цимиданов 2009: 6–8, рис. 1).

Наконечники копий (рис. 7: 1–2)

Наконечник копья с листовидной формой пера и наибольшим расширением в нижней части, обнаруженный возле села Петруха (рис. 1: 5; 7: 1), аналогичен наконечникам из Прутень, Данку (Kločko 1995: 100, Abb. 11: 4; Dergačev 1975: 27, 29, 59–60, рис. 8: 6, 7; Dergačev 2002: 133, Taf. 50A; 51B). Возможно, что к такому же типу относится и наконечник копья из клада Валя Русулуй (Мелюкова 1961: 50, рис. 18: 3; Kločko 1995: 110, Abb. 21: 2; Dergačev 1975: 11–13, рис. 3: 7; Dergačev 2002: 133, Taf. 48: 8). Из недавних находок следует назвать и

клад Петрушень (Дергачев 2012б: 163, илл. 5: 8–9), в состав которого входят и два наконечника копий, близких по форме экземпляру из Петрухи.

На территории Украины аналогичные наконечники копий известны в основном как случайные находки. Но, такие же наконечники были обнаружены и на поселениях культур Сабатиновка и Белозерка (Тереножкин 1961: 138–139, рис. 92: 10–12; Воцкарев, Leskov 1980: 35, Taf. 15: 149b; 15: 151a; Kločko 1995: 110–113, Abb. 1: 4; 20: 2; 21: 1, 3–5; Kobal' 2000: 33–35; Dergačev 2002: 133). Согласно опубликованному рисунку, к такому же типу, вероятно, относится и наконечник копья из клада Калантаево из Среднего Поднепровья (Leskov 1980: 21, Taf. 4: H2; 12: 17).

Наконечники копий с короткой втулкой и листовидным пером, выделенные Е. Черных в типы П-20 и П-22 (Черных 1976: 102–103, табл. XXVIII: 7–8, 10–13) или в тип Данку (по В. Дергачеву), имели наибольшее распространение в Поднепровье. Обычно, они датируются временным диапазоном BrD–HaA, но согласно некоторым исследователям, этот тип существовал, вероятно, вплоть до периода HaB (Воцкарев, Leskov 1980: 35, 67, 71, 74, 83; Kločko 1995: 110–113; Dergačev 2002: 46, 52, 133, 185, Taf. 106; Дергачев 2012б: 172).

По данным В. Дергачева, несколько экземпляров такого типа известны и в Румынии – Брэтешть, Сивица (Dergačev 2002: 133). Однако, согласно публикациям А. Флореску и М. Петреску-Дымбовица, количество таких наконечников копий намного больше – Стухулец (Florescu 1991: 122, Fig. 110: 1), Джинеу, Мойград, Порумбений Марь, Прунень (Petrescu-Dîmbovița 1977: 130: 8; 297: 5; 310: 15; 314: 18; 315: 1–2), Дражна де Жос, Шпэлнака, Уиоара де Сус, Прежмер, Сэлчиоара, Арад, Клуж-Напока, Мойград, Прунень, Загон, Глод, Хида, Турия III (Petrescu-Dîmbovița 1978: 111–112, 127–135, 139, 141, 143, 147, 149–150, Taf. 73: A94; 152: 412, 417; 197: 996; 221: C2; 222: D3; 223: 26; 228: B11; 235: 19; 238: 1–2; 18–19; 251: A18; 258: C1–2; 260: A26; 265: B3), Дриду (Enăchiuc 1995: 287, 294, Abb. 2: 11). Аналогичные формы наконечников происходят из среды культуры Виетенберг (Boroffka 1994: 234, Tüpentaf. 32: 24), известны в северо-восточной части Венгрии начиная еще с раннего и среднего периода эпо-

хи бронзы и существовали вплоть до позднего периода эпохи бронзы и раннего гальштатта (Mozsolics 1973: 33–34, Taf. 15: 7 [Ópályi], 33, 14 [Gemzse]; Kemenczei 1984: Taf. XI: 27; Schalk 1992: 142–149, Abb. 56; Kobal' 2000: 33–35).

Исходя из приведенных аналогий, можно сделать вывод, что наконечники копий с короткой втулкой и наибольшим расширением пера в нижней части являются типичными для эпохи поздней бронзы карпатского региона (Petrescu-Dîmbovița 1978: 111 и сл.).

Наконечник копья из Кэрбуна (рис. 1: 11; 7: 2) отличается от предыдущего типа наличием прорезного пера и хорошо выделенной втулкой в форме раструба. В Пруто–Днестровском регионе такой тип наконечника до настоящего момента нам не был известен.

Однако ареал распространения наконечников этого типа очень широкий. Некоторые из первых находок были опубликованы еще в начале-середине 20-го столетия и согласно этим публикациям такие наконечники были распространены от Поднепровья и до Зауралья (Tallgren 1926: рис. 108: 8–9, 11; Збруева 1952: табл. XX: 10–20; Кривцова-Гракова 1955: рис. 34: 31–32; Крупнов 1960: табл. XI: 5; Шарфутдинова 1987: рис. 1: 5; Гершкович 1987: 106–108, 110, рис. 4: а–г; 5: а; Березанская и др. 1994: 107–108, рис. 30: 18)². А. Тереножкин считал, что наконечники копий с прорезным пером были широко распространены в среде срубной и андроновской культур (Тереножкин 1961: 140–141, рис. 72: 8; 93: 1). Но идентичные наконечники известны и в ареале восточнотщинецкой и комаровской культур (Березанская и др. 1994: 119, рис. 34: 7, 9).

По типологии Е.Н. Черных, подобные наконечники определены как типы П-10, 12, 14, которые имеют основные аналогии в Поволжье и Уральском регионе. Однако Е. Черных считает, что их производство не связано с Волго-Уральским регионом. Дело в том, что, несмотря на отсутствие аналогий на западе, центром производства таких изделий было Северное Причерноморье, так как согласно

химическому составу, для их изготовления употреблялась преимущественно Балкано-Карпатская медь (Черных 1976: 100–102, рис. 45; табл. XXVI–XXVII).

В. Бочкарев и А. Лесков опубликовали несколько таких предметов, обнаруженных в кавказском регионе, и по аналогиям датируют их позднесабатиновско-раннебелозерским периодом (Leskov 1980: 71, Taf. 7: 48–49; Vočkarov, Leskov 1980: 62, Taf. 8: 72b; 9: 78c; 10: 80a; 84a; 12: 105; 13: 118a; 15: 150).

Наиболее полный свод наконечников с прорезным пером опубликован В. Клочко, который указал на их основное распространение в Поднепровье, а также на находки аналогичных типов в Крыму и Подонье, на Кавказе и в Центральной Азии (Клочко 1995: 100–110, Abb. 13: 2–3; 14–17).

Кельты (рис. 3: 1, 4–5; 4: 1–2; 5: 1–2)

Все кельты, представленные в данной статье, относятся к категории одноушковых. Сходные формы кельтов, Е.Н. Черных выделил в различные и многочисленные типы (К-32; К-34; К-36; К-38; К-40; К-42; К-44) и, на основании спектральных анализов, определил для одних типов балкано-карпатское происхождение, а другие типы включил в ингуло-красноярский очаг металлообработки (Черных 1976: 77–81, Табл. V–VII). В.А. Дергачев (Dergačev 2002: 137–141, Taf. 31, 39–44, 71, 72, 109; Дергачев 2010а: 33–91) выделил одноушковые кельты с арковидными фасками в две группы: **А** (тип Рышешть) и **Б** (тип Негрешть).

Кельт из Садова (рис. 4: 2) близок по форме и оформлению корпуса одному из кельтов из клада Мындрешть (Дергачев 1975: 11, рис. 3: 15; Маркевич 1985: 106: 119; Dergačev 2002: 38, Taf. 37: А3)³, а также кельтам, обнаруженным в Румынии (Bejinațiu 2005: pl. III: 3; Vorooffka, Vorooffka 2012: Abb. 1–2). По мнению В.А. Дергачева, такие кельты относятся к старшему трансильванскому типу (Дергачев 1975: 11), но клад из Мындрешть необходимо датировать финальным этапом культуры Ноуа

² Согласно библиографии доступной авторам один из таких предметов был опубликован еще в конце 19-го столетия (Aspelin 1877: 61/250).

³ Рисунки, опубликованные В.А. Дергачевым впервые в 1975 и затем в 2002 году радикально различны. Учитывая, что все предметы клады исчезли из витрины постоянной выставки Музея археологии Академии Наук МССР, сейчас уже нет никакой возможности восстановить графически истинный вид данного предмета.

и ранними фазами культуры Кишинэу–Корлэ-тень (Dergačev 2002: 45, 185–186, 217).

Кельты из Игнэцей (рис. 3: 4), Орхей (рис. 4: 1), Капаклия (рис. 5: 1–2) близки, по своим формам, некоторым негативам литейных форм из Краснояцкого, Бециловского, Малокопаневского, Новотроянского кладов (Черняков 1964: 130, рис. 2; Черняков 1965: рис. 8: 1, 5; 14: 1–5; Черняков 1967б: рис. 1: 1; 3: 7; Суботін, Черняков 1982: 19, рис. 4: 1–9; Черняков 1985: 113–118, рис. 52: 1, 4; 60: 1–2) и относятся к кельтам, распространенным в основном в Северном Причерноморье, в южной части Румынии, в Трансильвании и на востоке Венгрии (Boroffka, Ridiche 2005: 183–185, Liste/lista 9, Karte/harta 6). Аналогичные кельты известны и в Прикарпатье (Крушельницька 1985: 34–35, рис. 9: 8; 11: 1–10; Крушельницька 2006: 134–138, рис. 51: 8; 53).

Кельт из Игнэцей с секирообразным лезвием (рис. 3: 1) сравним по форме с кельтами из кладов Завадовка (Vočkarev, Leskov 1980: Taf. 9: 79; Гершкович 1987: 103, 111, рис. 3: II, б; 6: II, а–б).

Кельты из Киперчень (рис. 3: 5) и Садова (рис. 4: 2) относятся к трансильванскому типу (Rusu 1966) и могут быть включены в вариант А, который имел широкое распространение уже в период BrD и реже встречается в кладках времени HaC (Rusu 1966: 8–9).

Все представленные здесь кельты датируются периодом BrD–HaA (Черных 1976; Дергачев 1997; Дергачев 2010а; Дергачев 2010б; Дергачев 2012б).

В недавно опубликованных работах возобновилась дискуссия о происхождении топоров (кельтов) ранней бронзы типа Сеймо-Турбино, которые согласно новым датам соответствуют концу 3-го и началу 2-го тысячелетия до н.э. (Parzinger, Boroffka 2003: 290–291). На современном этапе исследования считается, что самые ранние кельты появляются далеко на востоке от исследуемого в данной статье региона. Однако следует иметь в виду, что бронзовые изделия типа Сеймо-Турбино известны вплоть до Причерноморья, а идея производства «кельта» для изучаемой здесь территории может быть связана с восточным влиянием (Ушурелу 2010). Необходимо отметить, что эти предположения некоторым авторам неизвестны или же полностью игнорируются (Dietrich 2010).

Кельт-молоток (рис. 3: 2)

Предметы такого типа в Пруто-Днестровском пространстве немногочисленны. Кроме находки из Леушень, как пример приближенной формы может быть кельт из кладки Данку (Dergačev 1991: 49, fig. 1: 5; Dergačev 2002: Taf. 23: 5). Одна литейная форма найдена на берегу Тилигульского лимана (Черняков 1967б: рис. 7: 5; 10: 5–6). Аналогичные изделия известны в Юго-Восточной Европе и были очень детально проанализированы в нескольких работах (Wanzek 1992; Gogâltan 2000; 2005) и поэтому, в данном случае, нет необходимости повторять все известные аналогии. В целом, такие предметы имели широкое хронологическое распространение, от BrD и вплоть до периода HaB1.

Серпы (рис. 2: 3–4)

Два серпа происходят из Бричанского кладки. Один из них, исходя из его формы и наличия двух отверстий на ручке, относится к типу C2-4 (Черных 1976: 89, рис. 40) или Хелештень (Petrescu-Dîmbovița 1978: 48–40, Taf. 14: C; Dergačev 2002: 146–148, Taf. 112). В Пруто-Поднестровье такие серпы были обнаружены на поселениях, в кладках, а также известны и как случайные находки (Мелюкова 1961: 32, рис. 13: 3; Дергачев 1972: 68, 74–75, рис. 2: 1–4; 4: Б; Дергачев 1975: 16, рис. 2: 5–7, 14–17; 5: 1–4; 9: 6–7; 16; Дергачев 1997: 29–30, рис. 6: 1–5; Dergačev 2002: 146–148, Taf. 21: 1–4; 22: 3; 31: B5–7; 32: 3–6; 39: 3–6; 41: B; 45: F2; 45: D–J; Дергачев 2012а: 157, илл. II: 9–10; III: 9–10; Дергачев 2012б: 162, илл. 2: 3; III: 3).

Аналогичные типы серпов известны в ареале комплекса культур Ноуа-Сабатиновка на территории Украины (Черняков 1964: 129, рис. 3; Шарафутінова 1971: 37, рис. 4: 7–12; Крушельницька 1985: 34, рис. 10: 1–2; Крушельницька 2006: 129–133, рис. 52: 2, 4). Серпы такого типа обнаружены и в кладках степного Причерноморья – Ингул, Бецилов, Новые Трояны и др. (Дергачев 1975: 47–49, рис. 16; Черных 1976: 89, рис. 40, табл. XI–XV; Суботін, Черняков 1982: 15–23, рис. 2: 7–15; Dergačev 2002: 146–148, Taf. 112).

Серпы типа Хелештень происходят из кладов, обнаруженных в Румынии – Чиорань, Гермэнешть, Хелештень, Рышешть, Уйоара де Сус и др. (Petrescu-Dîmbovița 1978: 48–40, Taf. 58: A8; 59: 6–7; 61: A5–8; 63: C2; 183: 489; 282: 1201–02, 1204; Florescu 1991: fig. 106: 9).

Плавно изогнутые серпы с двумя отверстиями на ручке выделяются как восточнокарпатско-трансильванские типы и связываются культурно-хронологически с комплексом культур Ноуа-Сабатиновка (Дергачев 1975: 47–49; Черных 1976: 89, рис. 40; Petrescu-Dîmbovița 1978: 48–49, Taf. 14: С; Дергачев 1997: 29–30, карта 11; Dergačev 2002: 146–148, Taf. 112; Дергачев, Бочкарев 2002: 239 и сл.; Дергачев 2012а: 157, илл. II: 9–10; III: 9–10; Дергачев 2012б: 162, илл. 2: 3; III: 3).

Второй серп из клада Бричень, вероятно, является производственным браком (сильно фрагментирован, а на ручке сохранился грибовидный выступ), но, судя по сохранившейся части ручки с двумя отверстиями, возможно, также относится к серпам типа Хелештьень.

Долото с втулкой (рис. 3: 3)

Втульчатое долото из Хородиште близко по форме предметам из кладов Дриду (Enăchiuș 1995: 292–293, Abb. 1: 5), Корнешть, Уиоара де Сус (Petrescu-Dîmbovița 1977: Pl. 305: 11; Petrescu-Dîmbovița 1978: Taf. 164: 103), Данку, Баху (Dergačev 1991: Fig. 1: 1–2, 3–4; Dergačev 2002: Taf. 22: 1–3; 23: 4; Дергачев 2012а: 156–157, илл. II: 19; III: 16), Тыргу Муреш (Petrescu-Dîmbovița 1978: Taf. 264: A22). Литейные формы были найдены в Малокопаневском кладе (Черняков 1967б: рис. 1: 5; 2: 6–7; 3: 5–6). Некоторые экземпляры известны в Нижнем Подунавье (Дергачев 2011: 216–221, рис. 136–137) и в карпатской зоне (Kobal' 2000: 47–48, Taf. 38: 6 [Bodolov], 48: 69–70 [Lazy I], 51: 18 [Božavskoe]).

Согласно исследованию Ж. Бэлан, аналогичные долота на территории Румынии имели широкое распространение в период BrD-НаА-НаВ (Bălan 2009: 1–40). Однако, втульчатые долота известны и в восточном ареале комплекса культур Ноуа-Сабатиновка-Кослодженъ, а также Белозерка (Черняков 1965: 119–120, рис. 9: 1; 14: 8–9; Vočkarev, Leskov 1980: Taf. 9: 78; Гершкович 1987: 103, 111, рис. 1: а-ж; 2: в; Ușurelu 2010: 17–21; Дергачев 2011: 216–221, рис. 136–137).

Тесло (рис. 5: 3)⁴

В Пруто-Поднестровье и на территории Румынии известны всего лишь несколько аналогичных предметов (Dergačev 2002: 111, Taf. 20: Y; Vulpe 1975: Taf. 46: 460–461; László 1994: 147, fig. 80: 6). В наибольшем количестве они известны в Украине (Тереножкин 1961: 144–145, рис. 96; Черных 1976: 68–69, рис. 29; Leskov 1981: 9, Taf. 2: 16–18; Березанская и др. 1986: Рис. 17: 22–30; Kločko 1995: 146, 148, Abb. 39: 6–8). Такие предметы, определенные Е.Н. Черных как кельты типа К–2, были распространены в основном в Среднем Поднестровье (Тереножкин 1961: 144–145, рис. 96; Черных 1976: 68–69, табл. I; II: 1–8). Согласно Е.Н. Черных, ни одна из находок (15 экз.) не была обнаружена в культурно-определенной среде. Однако на основании химического анализа металла был сделан вывод, что они являются узколокальным вариантом Среднего Поднестровья, связанного с металлопроизводством Урала и Поволжья (Черных 1976: 69, рис. 29). А.И. Тереножкин предположил, что такие предметы относятся к позднему бронзовому веку и датировал их «белогрудовским временем» (Тереножкин 1961: 146). В.А. Дергачев определяет присутствие этих изделий в Пруто-Поднестровье как импорт из раннесрубной культуры (Dergačev 2002: 111).

Булавка с кольцевым навершием (рис. 2: 5)

В Пруто-Поднестровье, такие булавки были найдены в небольшом количестве на поселениях культуры Ноуа – Гиндешть, Магала, Бобрица, Слобозия-Ширеуць, Одая и др. (Мелюкова 1960: Рис. 4: 3; Мелюкова 1961: Рис. 12: 2; Смирнова 1969: 15, рис. 7: 27; Балагурі 1971: 390, рис. 111: 14; Березанская 1972: Таб. 22: 3–4; Дергачев 1975: 24, рис. 10: 3; Дергачев 1986: 162, Рис. 45: 3; Dergačev 2002: 159, Taf. 45: С.8; 46: Н.1; Крушельницька 1985: 52–53, рис. 17: 1; Крушельницька 2006: Рис. 56: 12; Сава, Кайзер 2011: 239–240, Abb. 72: 2). На территории Румынии аналогичные булавки

⁴ Такие предметы называют коваными кельтами со сквозной втулкой (Черных 1976: 68, рис. 29), мотыгами (Тереножкин 1961: 144–145, рис. 96; Березанская и др. 1986: 64, рис. 17: 22, 30) или клевцами (Streitpickel) (Kločko 1995: 146, 148, Abb. 39: 6–8). Однако полагаем, что наиболее адекватным для таких предметов является термин тесло.

были обнаружены на поселениях Трушешть, Вэлень, Хырбовэц, Кындешть (Florescu, Florescu 1990: Fig. 32: 18; Florescu 1991: Fig. 100: 1; 102: 11; 108: 14). Также известны они и в составе некоторых кладов эпохи поздней бронзы – Данку, Бэлень (Dragomir 1967: 90, Fig. 6: 8; Dragomir 1981: 34, Fig. 10: 7; Dergacev 1991: 42, 50, Fig. 2: 1; 3: 1–3; Dergacev 2002: 159, Taf. 30: 70–72).

Аналогичные булавки найдены на поселениях и кладах культур Сабатиновка, Белозерка, Белогрудовка, Высоцкая, Гава-Голиград и др. (Тереножкин 1961: 167, рис. 111: 8–14; Черных 1976: 128–129, рис. 53, табл. XXXIX; XL: 21–23; Воцкарев, Leskov 1980: Taf. 8: 72b; 10: 84b; 15: 151b; Крушельницка 1985: рис. 23: 3; Gerškovič 1993: fig. 3; Gerškovič 1999: Taf. 44: 3; Dergacev 2002: 159; Шарафутдинова 1982: 127, рис. 59: 93; Березанская и др. 1994: 120, рис. 37: 12; Березанская и др. 1986: 108, Рис. 31: 32; Шарафутдинова 1987: 75, рис. 2: 16, 18; Levički 2003: Fig. 65: 9–10).

Ареал распространения таких булавок очень широкий, от Восточных Карпат до Поднепровья (Бочкарев 2010: 171–180, рис. 4)⁵. Согласно культурнохронологическому контексту, этот тип булавок может быть датированным периодами BгD-НаA1 (Dergacev 2002: 159; Бочкарев 2010: 175–176, табл. 1).

Шило (рис. 2: 6)

Шилья, аналогичные предмету из Бричанского клада, были обнаружены как в погребениях – Остривец, Костешть (Балагурі 1961a: рис. 4: 12; Балагурі 1961b: рис. 6: 9; Sava 2002: 187 Taf. 33: 8; 157: 9), так и на поселениях культуры Ноуа – Остривец (Балагурі 1964: 34–35 табл. 2: 8; Балагурі 1968: 145, рис. 3: 6), Магала (Смирнова 1969: 15, Abb. 7: I, 22), Петрушень (Sava 1994: Fig. 5: 28; Sava 1998: 297, Abb. 24: 10), Одая-Мичурин (Сава, Кайзер 2011: 244–245, рис. 72: 6, 9, 17–21), Сэвень, Трушешть, Бэрбоаса (Florescu 1991: Fig. 99: 5–6; 100: 2; 104: 6–8; Sava 2002: 187). Известны такие предметы и на поселениях культуры Ноуа, в слоях которых были зафиксированы и материалы поздних фаз культуры

Монтеору – Пятра Нямц, Тэвэдэрешть, Хырбовэц (Petrescu-Dîmbovița 1964: Fig. 7: 1; Florescu 1991: Fig. 103: 7; 105: 8; 109: 21, 24–30). Шилья были обнаружены и в некоторых кладах или же известны как случайные находки (Leahu 1988: 228, Fig. 1: 12–13; Leskov 1981: 10–11, Taf. 3: 21–24; Дергачев 2012a: 154, илл. II: 5).

Наконечник стрелы (рис. 7: 3)

Бронзовые наконечники стрел в эпоху поздней бронзы являются редкими находками. Самые ранние происходят из Смоленице (Hänsel 1968: 78, Taf. 35: 3; Dušek 1980: Taf. 4: 6; 8: 11–19, 27–28) и датируются средним периодом эпохи бронзы. Возможно, что найденная в Фелдиоаре литейная форма может быть отнесена к культуре Виетенберг и, вероятно, также датируется средним периодом эпохи бронзы (Boroffka 1994: 234, Taf. 76: 11).

Позднее аналогичные предметы известны в составе кладов Молдова Веке I (Petrescu-Dîmbovița 1978: Taf. 121: 65–67), Шпылнака II (Petrescu-Dîmbovița 1978: Taf. 152: 435–436), Уиоара де Сус (Petrescu-Dîmbovița 1978: Taf. 198: 1022).

Один экземпляр, найденный в местности Буюканий Веке, датирован временем существования культуры Кишинэу-Корлэтенъ (Levički 1994a: Fig. 3: 7; Levički 1994b: Fig. 49: 17; Levički 2003: Fig. 3: 31). Несколько экземпляров были найдены в курганах из Хордеевки (Berezanskaja, Kločko 1998: Taf. 66: 5; 69: 2; Levički 2003: Fig. 80: 1), а также известны в культуре Белозерка (Ванчугов 1990: рис. 35: 1–7; Levički 2003: Fig. 50: 4, 8).

Восточнее ареала культуры Белозерка такие наконечники встречаются очень редко и позднее (Аванесова 1991: 44, тип XVIII, рис. 39; 40: 11).

Нож/Бритва (рис. 7: 4)

Предмет, найденный в Ханска, может быть определен, по классификации В.А. Дергачева, как тип С (тип Михайловка, ножи с лезвием в форме лопаточки). Согласно этой классифи-

⁵ Самая восточная аналогия таким булавкам известна нам по рисунку, опубликованному Н. Аванесовой (Аванесова 1991: рис. 8: 41) и датированной временем, синхронным комплексу культур Ноуа-Сабатиновка. Хотя точное место находки неизвестно, важно определить, что такие изделия существовали и восточнее Урала, в первую очередь в Казахстане.

кации, в пределах Республики Молдова единственным предметом данного типа является только экземпляр из Тараклии (Dergačev 2002: 101, Taf. 20B: 2; 94 [карта распространения]; Иванова 2012: рис. 6: 2).

Форма предмета из Ханска такая же, как и бритв типа Оншметтунген (Weber 1996: 195–196, Taf. 43: 417), которые могут быть датированы периодом Hügelgräber или Koszider. Они распространены в центральной и южной части Франции, в Швейцарии, на юге Германии и в Венгрии.

Восточнее похожие предметы известны и в более позднее время, например в культуре Сабатиновка (Тереножкин 1965: 66, Рис. 1: 7 [Перисадовка]), а также в комплексах развитой фазы Андроново на территории Казахстана и в Центральной Азии (Аванесова 1991: 28–30, тип I, рис. VII [карта распространения], рис. 35: 1–5; Подобед и др. 2010: рис. 2).

Топор с поперечным обухом (рис. 6)

Единственный экземпляр такого топора, на пространстве Пруто-Поднестровья, был обнаружен возле Сэрата Галбенэ. Характерной чертой таких топоров является наличие рельефных нервюр на обухе. Как правило, эти изделия распространены в ареале культуры Монтеору (Vulpe 1964: 127–141; Florescu, Căpitanu 1964: 445–451; Zamoșteanu 1964: 453–460; Munteanu 2005: 205–207). По классификации А. Вулпе, топоры с поперечным обухом и рельефными нервюрами на втулке составляют тип Монтеору и датируются ранними и средними фазами этой культуры (Vulpe 1970: 46–48, Abb.1, Taf. 12).

Заключение

На поселениях и в погребениях комплекса культур Ноуа-Сабатиновка-Кослодженъ изделия бронзолитейного производства являются редкими находками. В Пруто-Днестровском междуречье они обычно представлены незначительным количеством игл, шильев, булавок, фрагментами украшений (Мелюкова 1960: 133, рис. 4; Мелюкова 1961: рис. 12–13; Балагурі 1961а: 48, рис. 4: 11–13; Балагурі 1961б: 151,

рис. 6: 2–11; Черняков 1964: 128–134; Балагурі 1968: 145, рис. 3; Смирнова 1969: 15, рис. 7: I; Дергачев 1975: 24–32, рис. 10; 1982: 71, рис. 20: 6; Черных 1976: 45–47; Черняков 1985: рис. 46; Дергачев 1986: 162–164, 177–180, рис. 45: 1–15; 51: 1–5; Демченко, Левицкий 1992: 122–123, 125, рис. 2: 12; 3: 5; 4: 7; Levitsckii, Sava 1993: Des. 3: 7–9, 14; 11: 12; 13: 5; Sava 1994: 145, Fig. 5; Sava 1998: 296–297, Abb. 24; Sava 2002: 42–44, Abb. 14; Dergačev 2002: 33–45; Kruschel'nycka 2006: 125–148, Рис. 21: 12; 44: 11–14; 52: 1–8; 53: 1–10; 54: 1–7; 56: 1–13; Kaiser, Sava 2006: 152, Abb. 17: 23–26).

Из относительно новых материалов можно указать на бронзовые шилья, иглы и булавки, обнаруженные в пределах «зольников» поселения Одая (Sava, Kaiser 2011: 239–248, Abb. 72), а также случайные находки и клады, опубликованные В.А. Дергачевым и другими коллегами из Молдовы (Гончарова 2002; Дергачев 2010б; Дергачев 2012а; Дергачев 2012б).

Наиболее представительные бронзовые изделия эпохи поздней бронзы, обнаруженные ранее в Пруто-Днестровском междуречье, находятся в кладах. Среди них, как самые выразительные по содержанию, можно отметить клады из Лозова, Христичь, Мындрешть, Соколень, Вэрвзреука, Данку, Новотроян (Дергачев 1972: 65–87; Дергачев 1975: 7–23; Leskov 1981: 20–21, Taf. 5: A1–5; Суботін, Черняков 1982: 15–23; Черняков 1985: 103–124; Дергачев 1986: 164–170, 180; Dergacev 1991: 39–55; Dergačev 2002: 33–45). Ассортимент кладов, чаще всего, состоит из кельтов, серпов, кинжалов, наконечников копий и украшений.

Уникальным, для исследуемого региона, является обнаруженный случайно в окрестностях села Бэлэнешть клад литейных форм для отливки кинжалов и копий (Sava 2011: 178–187)⁶. Считаю необходимым отметить, что материал, из которого изготовлены литейные формы из Бэлэнешть (Sava 2011: 185), указывает на то, что данная находка относится к ингуло-красномаяцкому (или рышешть-красномаяцкому) очагу металлообработки. По мнению исследователей, это была технология производства высококачественных оловяни-

⁶ Например, по данным О. Левицкого, в начале 90-х гг. XX столетия, на современной территории Республики Молдова было известно всего лишь три такие находки (Левицкий 1990: 103).

стых бронз, с преимущественным использованием техники литья в каменных литейных формах, изготовленных из тальковых сланцев (Черняков 1967а: 179–184; Черняков 1967б: 23–37; Березанская и др. 1994: 121). Установлено, что большинство литейных форм эпохи поздней бронзы, обнаруженных в Северном Причерноморье, изготовлены из пород сланцев, выходы которого концентрируются в Нижнем Поднепровье (Черняков 1967а: 179; Петрунь 1967: 185–194; Суботін, Черняков 1982: 17; Черняков, Елісеев 2003: 103). Вероятно, отсюда уже готовые литейные формы, посредством ремесленников, специализированных в производстве бронзовых изделий, распространялись в Северо-Западном Причерноморье и Карпатском бассейне. Однако, не исключено, что сырьевой материал для изготовления форм также являлся предметом торгового обмена⁷.

Вероятно, Северо-Причерноморские центры металлообработки (Ингуло-Красноаяцк/Рышешть-Красноаяцк, Головуров-Лобойково), датируемые XVI–XIII вв. до н.э. (Клюčko 1995), имели весьма значительную культурно-экономическую роль. Благодаря своему географическому положению, они являлись связующим звеном между металлургическими центрами Балкан с приуральскими и кавказскими центрами. Об этом свидетельствуют находки северо-причерноморских бронзовых предметов, в том числе и оружия восточного типа на Балканах, в Карпатском бассейне и на Кавказе.

Стандартный ассортимент кладов, как правило, состоит из набора кельтов, серпов, режы – кинжалов и украшений. Самое близкое сходство между кладами этой зоны с Карпато-Дунайскими и Восточноевропейскими кладами отмечается в бронзовых украшениях. Например, в кладе Бэлень представлены практически все известные типы булавок и подвесок, характерных для культуры Ноуа и Сабатиновка. При этом совершенно очевидно и объяснимо, что значительная доля изделий трансильванского типа находится в западной части ареала комплекса культур Ноуа (Дергачев 1986: 169), а восточные типы бронзовых изделий встречаются здесь режы и преобладают в районах соприкосновения памятников типа Ноуа и Косложень с ареалом культуры

Сабатиновка. Существенной особенностью является практически полное преобладание восточного типа оружия, и в первую очередь кинжалов, во всем ареале блока. Это кинжалы Красноаяцкого типа (литейная форма из зольника Кобыльня, фрагмент кинжала из клада Данку, целые кинжалы из Данку, Лозова, Чутулешть и др.), а также кинжалы с кольцевым упором, наподобие обнаруженного на эпонимном поселении Косложень (Neagu 1993: 174, Pl. X: 4), наконечники копий с ромбовидным пером из клада Лозова (Дергачев 1986: 180). Бронзовое вооружение восточного типа известно в Пруто-Днестровье уже в культуре Многоваликовой керамики. Так, например, кинжал раннесрубного типа был обнаружен в курганном погребении культуры Многоваликовой керамики раннего этапа возле Куконештий Векь (Дергачев 1986: 139, рис. 36: 10; Савва 1992: 46, 138, 170, рис. 60: 1). Необходимо отметить, что кинжалы восточного типа известны и к западу от Попрутья. Нож раннесрубного типа найден в одном из погребений культуры Монтеору в Кындешть, а кинжалы с кольцевым упором обнаружены в погребениях культуры Монтеору фазы Па–Пб в Сарата-Монтеору и Пиетроаса Микэ (Савва 1992: 164, 167, рис. 63: 5; Sava 1991: 31, fig. 10: 5; Sava 1994: 142), что позволяет синхронизировать этот горизонт с предсабатиновским этапом, который как по румынской, так и по восточно-европейской линиям абсолютной датировки, полностью охватывает XV в. до н.э. Хотя вопрос о возможности синхронизации и абсолютного датирования только на основании бронзовых изделий по-прежнему остается дискуссионным и требует, по крайней мере, аргументации в виде полного свода металлических изделий эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья.

Эклектичность бронзолитейного производства, проявляющуюся как в типологическом, так и технологическом аспекте, вероятно, невозможно объяснить лишь существованием культурно-хронологических контактов, без учета наличия общих генетических корней культур Ноуа и Сабатиновка. Это положение особенно ярко выражено в унифицированном погребальном обряде (Sava 2002).

⁷ В музеях Херсона и Днепропетровска хранятся бруски талька, которые, вероятно, являются заготовками для изготовления литейных форм и были подготовлены для торгово-ремесленного обмена (Черняков 1967а: 179–180, Рис. 1).

Литература

- Аванесова Н.А. 1991. *Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям)*. Ташкент.
- Балагурі Е.А. 1961а. Дослідження пізньобронзового часу біля с. Острівець, Станіславської області. В: *Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 3, 42–51
- Балагурі Е.А. 1961б. Могильник культури Ноа на Станіславщині. *Археологія* XIII. Київ, 145–154.
- Балагурі Е.А. 1964. Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с. Острівець, Івано-Франківської області. В: *Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 5, 28–39
- Балагурі Е.А. 1968. Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської області. *Археологія* XXI, 135–146
- Балагурі Е.А. 1971. Культура Ноа. В: *Археологія Української РСР 1. Первісна археологія*. Київ, 385–393.
- Березанская С.С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. 1986. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев.
- Березанская С.С., Цвек Е.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н. 1994. *Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине*. Киев.
- Бодяньський О.В. 1952. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947–1948 рр. В: *Археологічні пам'ятки УРСР* IV, 165–176.
- Бочкарев В.С. 1994. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы). В: *Культурные трансляции и исторический процесс*. Санкт-Петербург, 66–75.
- Бочкарев В.С. 2006. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. В: *Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения*. Санкт-Петербург, 53–65.
- Бочкарев В.С. 2010. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург.
- Бруяко И.В., Тощев Г.Н. 2002. Материалы к археологической карте побережья Днестровского лимана (эпоха бронзы). *Stratum plus* (2), 587–590.
- Ванчугов В.П. 1990. *Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры*. Киев.
- Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабагиновских памятников Поднепровья. *СА* (2), 142–158.
- Гершкович Я.П. 1987. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы. В: И.И. Артеменко (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на Украине*. Киев, 69–86.
- Гончарова Ю.В. 2002. Два новых клада бронзового века из частных коллекций г. Кишинева. *Stratum plus* (2), 582–586.
- Демченко Т.И., Левицкий О.Г. 1992. Исследование зольников культуры Ноа у ст. Кобыльня. *Археологические исследования в Молдавии в 1986 г.* Кишинев, 120–134.
- Дергачев В.А. 1972. Клад конца бронзового века из Молдавии. *Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг.* Кишинев, 65–87.
- Дергачев В.А. 1975. *Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1982. Новые находки металлических предметов эпохи поздней бронзы на территории Молдавии. *Археологические исследования в Молдавии (1977-1978 гг.)*. Кишинев, 129–137.
- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1997. *Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштатта Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона*. Кишинэу.
- Дергачев В.А. 2010а. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 1. Одноушковые кельты с арковидными фасками*. Кишинэу.
- Дергачев В.А. 2010б. Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего гальштатта с территории Молдовы. *RA VI* (2), 120–129.
- Дергачев В.А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинэу.
- Дергачев В.А. 2012а. Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. *RA VIII* (1-2), 154–160.

- Дергачев В.А. 2012б. Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы-раннего гальштатта на территории Республики Молдова. *РА VIII* (1-2), 161–181.
- Збруева А.В. 1952. *История населения Прикамья в ананьинскую эпоху*. МИА 30.
- Иванова С.В. 2012. Об истоках формирования Буджакской культуры. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму XVI*, 18–62.
- Кривцова-Гракова О.А. 1955. *Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы*. МИА 46. Москва.
- Крупнов Е.И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва.
- Крушельницька Л.І. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи*. Київ.
- Маркевич В.И. 1985. *Далекое–Близкое*. Кишинев.
- Крушельницька Л.І. 2006. *Культура Ноа на землях України*. Львів.
- Левицкий О.Г. 1990. Литейная форма с поселения культуры Ноа у ст. Кобыльня. В: *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев, 100–104.
- Мелюкова А.И. 1960. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. В: *Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики*. Кишинев, 129–149.
- Мелюкова А.И. 1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. *МИА* 96, 5–52.
- Петрунь В.Ф. 1967. Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. В: *Памятники эпохи поздней бронзы юга Европейской части СССР*. Киев, 185–194.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2009. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии. В: *Древности Сибири и Центральной Азии 1-2* (13-14), 3–16.
- Раев Б.А. 1979. *Каталог археологических коллекций*. Новочеркасск.
- Смирнова Г.И. 1969. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.). В: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. МИА 150, 7–34.
- Смирнова Г.И. 1972. Новые исследования поселения Магала. *АСГЭ* 14, 12–31.
- Суботін Л.В., Черняков И.Т. 1982. Новотроянівський скарб та питання обміну металлом за доби пізньої бронзи. *Археологія* (39), 15–23.
- Тереножкин А.И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев.
- Тереножкин А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода. *СА* (1), 63–85.
- Ушурелу Е. 2010. Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. *РА V* (1), 22–67.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва.
- Черняков И.Т. 1964. Новые находки предметов поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея за 1962 год*. Одесса, 128–134.
- Черняков И.Т. 1965. Красномаяцкий клад литейщика. *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея за 1963 год*. Одесса, 87–123.
- Черняков И.Т. 1967а. Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы. В: *Памятники эпохи поздней бронзы юга Европейской части СССР*. Киев, 179–184.
- Черняков И.Т. 1967б. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье (О так называемом «Коблевском» или «Тилигульском» кладе). *Записки Одесского Археологического Общества*, Вып. 2 (35), 23–37.
- Черняков И.Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э.* Киев.
- Черняков И.Т., Елісєєв В.Ф. 2003. Досліди з виготовлення ливарних форм і литва виробів Сабатинівської культури. *Археологія* (3), 102–111.
- Шарафутдінова И.М. 1971. Бронзові серпи Північно-Західного Причорномор'я (кінець II- початок I тисячоліття до н.е.) *Археологія* (1), 26–43.
- Шарафутдінова И.Н. 1982. *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы*. Киев.
- Шарафутдінова И.Н. 1986. Сабатиновская культура. В: С.С. Березанская, В.В. Отрошенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдінова, *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев, 83–116.
- Шарафутдінова И.Н. 1987. Бронзовые украшения Сабатиновской культуры (к вопросу о контактах). В: И.И. Артеменко (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на Украине*. Киев, 69–86.

- Aspelin J.R. 1877. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien (I). Ages de la Pierre et du Bronze*. Helsingfors.
- Audouze F., Courtois J.-C. 1970. Les Epingles du Sud-Est de la France. *PBF XIII* (1). München.
- Bader T. 1978. *Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică*. București.
- Bălan G. 2009. Cronologia și tipologia dărilor de bronz cu toc de înmănușare din România. *Apulum XLVI*, 1–40.
- Berezanskaja S.S., Kločko V. I. 1998. Das Gräberfeld von Hordeevka. *Archäologie in Eurasien 5*. Rahden/Westf.
- Bočkarov V. S., Leskov A. M. 1980. Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *PBF XIX* (1), München.
- Boroffka N. 1994. Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. *Univforsch. Prähist. Arch.* 19. Bonn.
- Boroffka N., Boroffka R. 2012. Einige Bronzefunde aus Siebenbürgen, Rumänien. In: R. Kujovský, V. Mitáš (eds.), Václav Furmáněk a doba bronzová. Zborník k sedemdesiatym narodeninám. *Archaeologica Slovaca Monographiae*, Communicationes XIII. Nitra, 51–60.
- Boroffka N., Ridiche F. 2005. Der Gußformenfund von Plenița, Kreis Dolj, Rumänien/ Descoperirea de tipare pentru turnarea bronzului de la Plenița, județul Dolj. In: Tudor Soroceanu (Hrsg.), *Bronzefunde aus Rumänien 2. Beiträge zur Veröffentlichung und Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang/ Descoperiri de bronzuri din România 2. Contribuții la publicarea și interpretarea descoperirilor de metal din epoca bronzului și prima vârstă a fierului în contextul european*. Biblioteca Muzeului Bistrița 11. Bistrița–Cluj-Napoca, 133–208.
- Boroffka N., Sava E. 1998. Zu den steinernen „Zeptern/Stössel-Zeptern“, „Miniatursäulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 30*, 17–113.
- Carancini G.L. 1975. Die Nadeln in Italien. *PBF XIII* (2). München.
- Coman Z., Buzdugan C. 1978. Un nou tip de pumnal descoperit în Moldova. *SCIVA* (1), 139–143.
- Dergačev V. 1991. Depozitul de bronzuri din satul Dancu, raionul Hîncești (R. Moldova). *Thraco-Dacica* 12, 39–55.
- Dergačev V. 2002. Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. *PBF XX* (9). Stuttgart.
- Dietrich O. 2010. Tüllenbeile in Rumänien. Zu einigen grundlegenden Fragen von Fundüberlieferung, Chorologie und Chronologie. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* 31, 27–40.
- Dragomir I. 1967. Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni în sudul Moldovei. *Danubius I*, 89–105.
- Dragomir I. 1981. Contribuții arheologice și etnografice referitoare la procesul de formare al așezărilor de tip cenușar „zolniki”. *Danubius X*, 31–55.
- Dušek Mikuláš 1980. Pohrebisko l'udu Stredodunajskej Mohylovej Kultúry v Smoleniciach. *Slovenska Archeológia* 28, 341–382.
- Enăchiuc V. 1995. Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomița. *PAS* 10. Berlin, 279–310.
- Florescu A.C. 1964. Contribuții la cunoașterea culturii Noua. *AM II–III*, 143–216.
- Florescu M. 1978. Cîteva considerații referitoare la ritul și ritualurile practicate de purtătorii culturii Monteoru în lumina săpăturilor de la Cîndești (Jud. Vrancea). *Carpica X*, 97–136.
- Florescu A.C. 1991. Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. *CCDJ IX*.
- Florescu M., Căpitanu V. 1964. Topoare de aramă și de bronz descoperite la Găiceana (raionul Adjud, reg. Bacău). *AM II–III*, 445–451.
- Florescu M., Florescu A. 1990. Unele observații cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaților Răsăriteni. *AM XIII*, 49–102.
- Gershkovich Ya.P. 1993. On the eastern boundary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni cultural complex. *CCDJ X*, 15–22.
- Gerškovič Ja.P. 1999. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. *Archäologie in Eurasien*, Bd. 7. Rahden–Westf.
- Gogâltan F. 2000. Aspecte privind metalurgia bronzului în Bazinul Carpatic. Ciocanele și nicovalele cu toc de înmănușare din România. *EN 9–10*, 5–59.
- Gogâltan Florin 2005. Zur Bronzeverarbeitung im Karpatenbecken. Die Tüllenhämmer und Tüllenambosse aus Rumänien. In: Tudor Soroceanu (Hrsg.), *Bronzefunde aus Rumänien 2. Beiträge zur Veröffentlichung und*

Deutung bronze- und älterhallstattzeitlicher Metallfunde in europäischem Zusammenhang/Descoperiri de bronzuri din România 2. Contribuții la publicarea și interpretarea descoperirilor de metal din epoca bronzului și prima vârstă a fierului în contextul european. Biblioteca Muzeului Bistrița 11. Bistrița–Cluj-Napoca 2005, 343–386.

Hänsel B. 1968. Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes* 7-8. Bonn.

Hänsel B. 1976. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. *Beiträge zur Archäologie des Mittelmeerraumes* 17. Bonn.

Hänsel A. 2005. Un depozit de bronzuri din ținutul Sucevei. *Bronzefunde aus Rumänien* II. Bistrița–Cluj-Napoca, 285–299.

Kaiser E., Sava E. 2006. Die “Aschehügel” der späten Bronzezeit im Nordpontikum. Erste Ergebnisse eines Forschungsprojekts in Nordmoldawien (Mit Beiträgen von Michael Hochmuth und Gerwulf Schneider). *Eurasia Antiqua* 12, 137–172.

Kemenczei T. 1984. *Die Spätbronzezeit Nordostungarns*. Budapest.

Klochko V. 1993. Weapons of the Sabatinovka culture. *CCDJ* X, 43–56.

Kločko V. 1995. Zur bronzzeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. *Eurasia Antiqua* 1, 81–163.

Kobal' J.V. 2000. Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). *PBF* XX (4). Stuttgart.

Kruschel'nycka L. 2006. Die Bronzegegenstände der Noua-Kultur in der Westukraine. In: J. Kobal' (Hrsg.), *Bronzezeitliche Depotfunde – Problem der Interpretation. Materialien der Festkonferenz für Tivodor Lehoczky zum 175. Geburtstag*. Ushhorod, 5. -6. Oktober 2005 / *Скарби доби бронзи – проблема інтерпретації, присвяченої 175-річчю від дня народження Тиводара Легоцького*. Ужгород, 5-6 жовтня 2005 року, 160–174.

László A. 2006. Über die Beziehungen, die kulturelle und chronologische Lage der Bronzefunde vom Typ Ópályi–Uriu–Drajna de Jos–Lozova–Pobit Kamák. In: J. Kobal' (Hrsg.), *Bronzezeitliche Depotfunde – Problem der Interpretation. Materialien der Festkonferenz für Tivodor Lehoczky zum 175. Geburtstag*. Ushhorod, 5. -6. Oktober 2005 / *Скарби доби бронзи – проблема інтерпретації, присвяченої 175-річчю від дня народження Тиводара Легоцького*. Ужгород, 5-6 жовтня 2005 року, 124–143.

Leahu V. 1988. Obiecte de metal și mărturii ale practicării metalurgiei în aria culturii Tei. *SCIVA* 39 (3), 223–241.

Leskov A.M. 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen). *PBF* XX (5). München.

Levitckii O.G., Sava E.N. 1993. Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua dans la zone comprise entre le Prout et le Nistre. *CCBD* 10, 125–156.

Levițki O. 1994a. Culturi din epoca Halsstattului timpuriu și mijlociu. *Thraco-Dacica* XV (1-2), 159–214.

Levițki O. 1994b. *Cutura Halsstattului canelat la răsărit de Carpați*. Bibliotheca Thracologica VII. București.

Levițki O. 2003. *Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada Hallstatiană timpurie (secolele XII–X î.e.n.)*. Bibliotheca Thracologica XL. București.

Morintz S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii I. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic*. Bibl. Arh. 34. București.

Mozsolics A. 1973. *Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi*. Budapest.

Munteanu R. 2005. Un topor din bronz de tip Monteoru descoperit la Bicaz. *AM* XXVIII, 205–207.

Neagu M., Basarab Nanu D. 1986. Considerații preliminare asupra așezării eponime de la Grădiștea Coslogeni, județul Călărași. *CCDJ* 2, 99–128.

Oancea A. 1981. Considérations sur l'étape finale de la culture de Monteoru. *Dacia* 25, 131–194.

Tallgren A.M. 1926. *La Pontide Préscythique après l'introduction des métaux*. Helsinki.

Parzinger H., Boroffka N. 2003, unter Mitarbeit von K. Alimov, Bubnova M., Burjakov Ju. F., Jakobov Ju., Pernicka E., Weisgerber G., mit Beiträgen von A. Atachodžajev, Benecke N., Görsdorf J. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten. *Archäologie in Iran und Turan* 5. Mainz am Rhein.

Petrescu-Dîmbovița M. 1964. Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârșitul epocii bronzului și începutul Hallstattului din Moldova. *AM* II-III, 251–272.

Petrescu-Dîmbovița M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București.

Petrescu-Dîmbovița M. 1978. Die Sicheln in Rumänien. *PBF* XVIII (1). München.

Popa C.I. 1999. Un pumnal de tip răsăritean de la Cut (jud. Alba). *Carpica* XXVIII, 18–29.

- Rusu M. 1966. Depozitul de bronzuri de la Balșa. *Sargetia* 4, 17–40.
- Sava E. 1991. Relații între cultura „Mnogovalikovaja“ dintre Nistru și Prut și cultura Monteoru. *Thraco-Dacica* 12, 15–37.
- Sava E. 1994. Epoca bronzului – perioada mijlocie și târzie (sec. XVII–XII î.e.n.). *Thraco-Dacica* 15, 144–158.
- Sava E. 1998. Die Rolle der „östlichen“ und „westlichen“ Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. In: B. Hänsel, J. Machnik (Hrsg.), *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. SSB 20. *PAS* 12, 267–312.
- Sava E. 2002. Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. *PAS* 19.
- Sava E. 2011. Neue Gussformen der späten Bronzezeit aus dem Gebiet zwischen Prut und Dnestr. In: *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.) – Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen*. *PAS* 27, 178–187.
- Sava E., Kaiser E. 2011. *Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen*. Bibliotheca Tyragegia XIX. Chișinău.
- Schalk E. 1992. Das Gräberfeld von Hernádkak. *Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie* 9. Bonn.
- Ușurelu E. 2010. Apariția și evoluția dălților cu toc de înmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *RA* VI (2), 5–23
- Wanzek B. 1992. Der älterurnenfelderzeitliche Hortfund von Lengyeltóti („Lengyeltóti II“), Komitat Somogy, Ungarn. Eine Vorlage. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 24, 249–288.
- Weber C. 1996. Die Rasierrmesser in Südosteuropa (Albanien, Bosnien-Herzegowina, Bulgarien, Griechenland, Kroatien, Mazedonien, Montenegro, Rumänien, Serbien, Slowenien und Ungarn). *PBF* VIII (5). Stuttgart.
- Vulpe A. 1964. Cu privire la unele topoare de aramă și bronz din Moldova. *AM* II-III, 127–141.
- Vulpe A. 1975. Die Äxte und Beile in Rumänien. II. *PBF* IX (5). München.
- Zamoșteanu M. 1964. Depozitul de topoare de bronz de la Borlești (raionul Buhuși, reg. Bacău. *AM* II-III, 453–460.

References

- Avanesova, N. A. 1991. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliim)* (*Culture of the Bronze Age pastoral tribes of the Asian part of the USSR (by metal products)*). Tashkent (in Russian).
- Balaguri, E. A. 1961a. *Doslidzhennia pizn'obronzovogo chasu bilia s. Ostrivets', Stanislavs'koi oblasti* (*Research of the Late Bronze Age near the Ostrovets village in the Stanislav region*). *Materiali doslidzhennia z arkeologii Prikarpattia i Volini* (*Materials of Research on the Archaeology of the Carpathian Region and Volyn*) (3), 42–51 (in Ukrainian).
- Balaguri, E. A. 1961b. *Mogil'nik kul'turi Noa na Stanislavshchini* (*Burial ground of the Noua culture in the Stanislav region*). *Arkheologiiia* (*Archaeology*) XIII. Kiev, 145–154 (in Ukrainian).
- Balaguri, E. A. 1964. *Livarni matrиси z poselennia pizn'oi bronzi bilia s. Ostrivets', Ivano-Frankivs'koi oblasti* (*Foundry matrices from the Late Bronze settlement near the village of Ostrovets in the Ivano-Frankivsk region*). *Materiali doslidzhennia z arkeologii Prikarpattia i Volini* (*Materials of Research on the Archaeology of the Carpathian Region and Volyn*) (5), 28–39 (in Ukrainian).
- Balaguri, E. A. 1968. *Poselennia kul'turi Noa bilia s. Ostrivets Ivano-Frankivs'koi oblasti* (*Noua culture settlement near the village of Ostrovets in the Ivano-Frankivsk region*). *Arkheologiiia* (*Archaeology*) XXI, 135–146 (in Ukrainian).
- Balaguri, E. A. 1971. *Kul'tura Noa (Noua Culture)*. In *Arkheologiiia Ukrains'koi RSR (Archaeology of the Ukrainian SSR) (1)*. *Pervisna arkeologiiia (Prehistoric Archaeology)*. Kiev, 385–393 (in Ukrainian).
- Berezanskaia, S. S. 1972. *Srednii period bronzovogo veka v Severnoi Ukraine* (*Medium period of the Bronze Age in Northern Ukraine*). Kiev (in Russian).
- Berezanskaia, S. S., Otroschenko, V. V., Cherednichenko, N. N., Sharafutdinova, I. N. 1986. *Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy* (*Bronze Age cultures on the territory of Ukraine*). Kiev (in Russian).
- Berezanskaia, S. S., Tsvetk, E. V., Klochko, V. I., Liashko, S. N. 1994. *Remeslo epokhi eneolita-bronzy na Ukraine* (*Craft of the Eneolithic-Bronze Age in Ukraine*). Kiev (in Russian).
- Bodians'kii, O. V. 1952. *Arkheologichni doslidzhennia v mezhakh porozhistoi chastini Dnipra v 1947–1948 rr.* (*Archaeological researches within the Dnieper rapids region in 1947-1948*). In *Arkheologichni pam'iatki USSR* (*Archaeological Sites of the Ukrainian SSR*) IV, 165–176 (in Ukrainian).

Bochkarev, V. S. 1994. *Kul'turogenез i razvitie metalloproduktstva v epokhu pozdnei bronzy (po materialam iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy)* (Cultural genesis and development of metal production in the Late Bronze Age (based on the materials of the southern half of Eastern Europe)). In *Kul'turnye translyatsii i istoricheskii protsess* (Cultural transmission and historical process). Saint Petersburg, 66–75 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2006. *Severopontiiskoe metalloproduktstvo epokhi pozdnei bronzy* (Northern Pontic metal production of the Late Bronze Age). In *Proizvodstvennye tsentry: istochniki, "dorogi", areal rasprostraneniia* (Production centers: sources, "roads", the area of distribution). Saint Petersburg, 53–65 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2010. *Kul'turogenез i drevnee metalloproduktstvo Vostochnoi Evropy* (Cultural genesis and ancient metal production in Eastern Europe). Saint Petersburg (in Russian).

Bruiako, I. V., Toshchev, G. N. 2002. *Materialy k arkheologicheskoi karte poberezh'ia Dnestrovskogo limana (epokha bronzy)* (Materials for the archaeological map of the Dniester estuary coast (the Bronze Age)). *Stratum plus* (2), 587–590 (in Russian).

Vanchugov, V. P. 1990. *Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e. Problema formirovaniia belozerskoi kul'tury* (Belozersk monuments in the North-Western Black Sea Region. The problem of formation of the Belozersk culture). Kiev (in Russian).

Gershkovich, Ia. P., Klochko, V. I., Evdokimov, G. L. 1987. *Novokievskaiia liteinaia masterskaia i problemy khronologii sabatinovskikh pamiatnikov Podneprov'ia* (Novokievka foundry workshop and the problems of chronology of the Sabatinovka monuments in the Dnieper region). *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 142–158 (in Russian).

Gershkovich, Ia. P. 1987. *Sviasi plemen Nizhnego Podneprov'ia v epokhu pozdnei bronzy* (Relations between the tribes of the Lower Dnieper in the Late Bronze Age). In I. I. Artemenko (editor-in-chief). *Mezhplemennye sviasi epokhi bronzy na Ukraine* (Intertribal relations in the Bronze Age Ukraine). Kiev, 69–86 (in Russian).

Goncharova, Iu. V. 2002. *Dva novykh klada bronzovogo veka iz chastnykh kolleksii g. Kishineva* (Two new Bronze Age hoards from the private collections of Chişinău). *Stratum plus* (2), 582–586 (in Russian).

Demchenko, T. I., Levitskii, O. G. 1992. *Issledovanie zol'nikov kul'tury Noua u st. Kobyl'nia* (Study of the Noua culture ash pits near the site of Kobyl'nia). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1986 g.* (Archaeological Researches in Moldova in 1986). Chişinău, 120–134 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1972. *Klad kontsa bronzovogo veka iz Moldavii* (Late Bronze Age hoard from Moldova). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1968-1969 gg.* (Archaeological Researches in Moldova in 1968-1969). Chişinău, 65–87 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII–VIII vv. do n.e. iz Dnestrovsko–Prutskogo mezhdurech'ia* (Bronze objects of the XIII–VIII centuries BC from the Dniester–Prut interfluve). Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 1982. *Novye nakhodki metallicheskhkh predmetov epokhi pozdnei bronzy na territorii Moldavii* (New finds of metal objects of the Late Bronze Age on the territory of Moldova). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii (1977–1978 gg.)* (Archaeological Researches in Moldova (1977-1978)). Chişinău, 129–137 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy* (Moldova and neighbouring territories in the Bronze Age). Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia. K probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona* (Metal products. Towards the issue of the genesis of the early Hallstatt cultures of the Carpathian-Danube-Northern Pontic region). Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 2010a. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia* (Socketed axes (celts) of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region). *Vypusk 1. Odnoushkovyye kel'ty s arkovidnymi faskami* (Edition 1. Looped socketed axes (celts) with arc-shaped facets). Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 2010b. *Novye metallicheskie predmety pozdnei bronzy–rannego gal'shtata s territorii Moldovy* (New metallic objects of the Late Bronze Age–Early Hallstatt from the territory of Moldova). *Revista Arheologică VI* (2), 120–129 (in Russian).

Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia* (Socketed axes (celts) of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region). *Vypusk 2. Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ia* (Edition 2. Celts and sickles of the Lower Danube). Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 2012a. *Klad pozdnei bronzy iz sela Bakhu v Respublike Moldova* (Late Bronze Age hoard from the Bahu village in the Republic of Moldova). *Revista Arheologică VIII* (1–2), 154–160, (in Russian).

Dergachev, V. A. 2012b. *Novye komplekсы i edinichnye nakhodki metallicheskhkh predmetov pozdnei bronzy–rannego gal'shtata na territorii Respubliki Moldova* (New complexes and isolated finds of metal objects of the Late Bronze Age–Early Hallstatt in the Republic of Moldova). *Revista Arheologică VIII* (1–2), 161–181, (in Russian).

- Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the population of the Kama region in the Ananian Epoch). Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (30), (in Russian).
- Ivanova, S. V. 2012. *Ob istokakh formirovaniia Budzhakskoi kul'tury (On the origins of the Bugeac culture formation). Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ia i Krimu (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* XVI, 18–62 (in Ukrainian).
- Krivtsova–Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Volga and Black Sea regions in the Late Bronze Age). Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (46). Moscow (in Russian).
- Krupnov, E. I. 1960. *Drevniia istoriia Severnogo Kavkaza (Ancient History of the Northern Caucasus)*. Moscow (in Russian).
- Krushel'nits'ka, L. I. 1985. *Vzaemozvi'iazki naselennia Prikarpatia i Volini z plemenami Skhidnoi i Tsentral'noi Evropi (Relationships between the population of the Carpathian region and Volyn with the tribes of Eastern and Central Europe)*. Kiev (in Ukrainian).
- Markevich, V. I. 1985. *Dalekoe–Blizkoe (Distant–Near)*. Chişinău (in Russian).
- Krushel'nits'ka, L. I. 2006. *Kul'tura Noa na zemliakh Ukraini (Noua culture on the territory of Ukraine)*. Lviv (in Ukrainian).
- Levitskii, O. G. 1990. *Liteinaia forma s poseleniia kul'tury Noua u st. Kobyl'nia (A casting mold from the Noua culture settlement near the site of Kobyl'nia)*. In *Arkheologicheskie issledovaniia molodykh uchenykh Moldavii (Archaeological Researches of Young Scientists from Moldova)*. Chişinău, 100–104 (in Russian).
- Meliukova, A. I. 1960. *Issledovanie pamiatnikov predskifskoi i skifskoi epokh v lesostepnoi Moldavii (Study of monuments in the Pre-Scythian and Scythian epochs in the forest-steppe Moldova)*. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Iugo–Zapada SSSR i Rumynskoi Narodnoi Respubliki (Materials and researches on the Archaeology of the South–West of the USSR and the People's Republic of Romania)*. Chişinău, 129–149 (in Russian).
- Meliukova, A. I. 1961. *Kul'tury predskifskogo perioda v lesostepnoi Moldavii (Cultures of the Pre-Scythian period in the forest-steppe Moldova). Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (96), 5–52 (in Russian).
- Petrun', V. F. 1967. *Petrografiia i nekotorye problemy materiala kamennykh liteinykh form epokhi pozdnei bronzy iz Severnogo Prichernomor'ia (Petrography and some problems of the material of the Late Bronze Age stone casting molds from the Northern Black Sea Region)*. In *Pamiatniki epokhi pozdnei bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR (Monuments of the Late Bronze Age of the South of the European part of the USSR)*. Kiev, 185–194 (in Russian).
- Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2009. *Nozhi epokhi pozdnei bronzy s kol'tsevym uporom iz Tsentral'noi Azii i Sibiri i ikh zapadnye analogii (Late Bronze Age daggers with swellings from Central Asia and Siberia and their western analogies)*. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 1–2 (13–14), 3–16 (in Russian).
- Raev, B. A. 1979. *Katalog arkheologicheskikh kolleksii (Catalogue of archaeological collections)*. Novocherkassk (in Russian).
- Smirnova, G. I. 1969. *Poselenie Magala – pamiatnik drevnefrakiiskoi kul'tury v Prikarpat'e (vtoraia polovina XIII – seredina VII vv. do n.e.) (Magala settlement - a monument of the Thracian culture in the Carpathian region (second half of the XIII - mid VII centuries BC))*. In *Drevnie frakiitsy v Severnom Prichernomor'e (Ancient Thracians in the Northern Black Sea Region). Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (150), 7–34 (in Russian).
- Smirnova, G. I. 1972. *Novye issledovaniia poseleniia Magala (New researches on the Magala settlement). Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha, Leningrad/Sankt Peterburg (Archaeological Collection of the State Hermitage, Leningrad/Saint Petersburg)* (14), 12–31 (in Russian).
- Subotin, L. V., Cherniakov, I. T. 1982. *Novotroianivskii skarb ta pitannia obminu metallom za dobi pizn'oi bronzi (Novotroianovskii hoard and the issue of the metal exchange of the Late Bronze Age). Arkheologiia (Archaeology)* (39), 15–23 (in Ukrainian).
- Terenzhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Pre-Scythian period on the right bank of the Dnieper)*. Kiev (in Russian).
- Terenzhkin, A. I. 1965. *Osnovy khronologii predskifskogo perioda (Fundamentals of the Pre-Scythian period chronology). Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 63–85 (in Russian).
- Ushurelu, E. 2010. *Genesis i evoliutsiia dvoushkovykh toporov-kel'tov Vostochnoi Evropy epokhi pozdnei*

bronzy (*Genesis and evolution of the double-looped, socketed axes (celts) of Eastern Europe from the Late Bronze Age*). In *Revista Arheologică* V (1) 22-67, (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient metal-working in the South-West of the USSR)*. Moscow (in Russian).

Cherniakov, I. T. 1964. *Novye nakhodki predmetov pozdnei bronzy v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (New finds of the Late Bronze Age objects in the Northwestern Black Sea Region)*. *Kratkie soobshcheniia o polevykh arkheologicheskikh issledovaniakh Odesskogo Gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia za 1962 god (Brief reports on archaeological field researches of the Odessa State Archaeological Museum in 1962)*. Odessa, 128–134 (in Russian).

Cherniakov, I. T. 1965. *Krasnomaiatskii klad liteishchika (Krasnomaiatskii founder's hoard)*. *Kratkie soobshcheniia o polevykh arkheologicheskikh issledovaniakh Odesskogo Gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia za 1963 god (Brief reports on field archaeological researches of the Odessa State Archaeological Museum in 1963)*. Odessa, 87–123 (in Russian).

Cherniakov, I. T. 1967a. *Tekhnika izgotovleniia liteinykh form i metallicheskiikh izdelii v Severnom Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Technique of manufacturing molds and metal products in the Northern Black Sea Region in the Late Bronze Age)*. In *Pamiatniki epokhi pozdnei bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR (Monuments of the Late Bronze Age of the South of the European part of the USSR)*. Kiev, 179–184 (in Russian).

Cherniakov, I. T. 1967b. *Iz istorii bronzoliteinogo proizvodstva v Severnom Prichernomor'e (O tak nazyvaemom «Koblevskom» ili «Tiligul'skom» klade) (From the history of bronze casting manufacturing in the Northern Black Sea Region (on the so-called “Koblevskii” or “Tiligul” hoard))*. *Zapiski Odesskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Proceedings of the Odessa Archaeological Community)*, Ed. 2 (35), 1967, 23–37 (in Russian).

Cherniakov, I. T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tys. do n. e. (North-Western Black Sea Region in the second half of the II millennium BC)*. Kiev (in Russian).

Cherniakov, I. T., Eliseev, V. F. 2003. *Doslidi z vivotovlennia livarnikh form i litva virobiv Sabatiniv'skoi kul'turi (Research on the production of molds and molding wares of the Sabatinovka culture)*. *Arkheologiiia (Archaeology)* (3), 102–111 (in Ukrainian).

Sharafutdinova, I. M. 1971. *Bronzovi serpi Pivnichno-Zakhidnogo Prichernomor'ia (kinets II- pochatok I tisiacholittia do n.e.) (Bronze sickles in the Northwestern Black Sea Region (the end of the II- beginning of the I millennium BC))*. *Arkheologiiia (Archaeology)* (1), 26–43 (in Ukrainian).

Sharafutdinova, I. N. 1982. *Stepnoe Podneprov'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Dnieper Region in the Late Bronze Age)*. Kiev (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1986. *Sabatinovskaia kul'tura (Sabatinovka culture)*. In *S. S. Berezanskaia, V. V. Otroshchenko, N. N. Cherednichenko, I. N. Sharafutdinova, Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age cultures on the territory of Ukraine)*. Kiev, 83–116 (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1987. *Bronzovye ukrasheniia Sabatinovskoi kul'tury (k voprosu o kontaktakh) (Bronze ornaments of the Sabatinovka culture (towards the question about the contacts))*. In *I. I. Artemenko (edotor-inchief). Mezhplemennye sviazi epokhi bronzy na Ukraine (Intertribal relations of the Bronze Age in Ukraine)*. Kiev, 69–86 (in Russian).

Eugen Sava, dr. hab., Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121 A, 2012, Chișinău, R. Moldova; e-mail: sava_md@yahoo.com

Nikolaus Boroffka, Ph Dr., Eurasien-Abteilung Deutsches Archäologisches Institut; Im Dol 2-6; Haus II; 14195 Berlin, Deutschland; e-mail: nboroffka@t-online.de

Я.П. Гершкович, В.Б. Панковский, А.В. Шамрай

**Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище
(Славянский р-н Донецкой области, Украина)**

Keywords: Late Bronze Age, hoard, Krestische, the Berezhnovka-Maiovka culture.

Cuvinte-cheie: bronzul târziu, depozit, Krestishche, cultura Berezhnovka-Maiovka.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, клад, Крестище, бережновско-маевская культура.

Ia.P. Gershkovich, V.B. Pankovskii, A.V. Shamrai

The bronze hoard from the woods near Krestische (dist. Slavyansk, reg. Donetsk, Ukraine)

The paper presents the complex of items attributed to the 2nd stage of the Berezhnovka-Maiovka culture (LBA-IV period). It contains the socketed axe, the adze, and the chisel. The objects in question constitute one of those tool kits for woodworking which were typically buried or left in specific locations during BrD/NaA1 phase. It was then that there was formed a tradition of metal-working that had inherited some attributes from the Loboikovka-Golovurov and the Derbeden centers and spread its technology, workshops, and products across the southern half of Eastern Europe.

Ia.P. Gershkovich, V.B. Pankovskii, A.V. Shamrai

Depozitul de obiecte de bronz din pădurea de lângă satul Krestishche (r. Slavyansk, reg. Donetsk, Ukraina)

Este prezentat un complex din a doua etapă a culturii Berezhnovka-Maiovka/Srubnaia sau etapa a IV a bronzului târziu, ce include piese cu tub de înmănușare – un celt, un celt-teslă și o daltă. Depozitul reprezintă unul dintre acele seturi de dulgherie și/sau tâmplărie, care se obișnuia să fie îngropate sau lăsate în locuri speciale în perioada BrD–NaA1. Anume atunci pe baza moștenirii focarelor Loboikovka-Golovurov și Derbeden s-a constituit tradiția sau școala, ce a consolidat componentele de materie primă, formare creativă, tehnologice și organizatorice ale producerii metalurgice în spațiul de la Nipru până la Urali.

Я.П. Гершкович, В.Б. Панковский, А.В. Шамрай

Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина)

Представлен комплекс второго этапа бережновско-маевской срубной культуры или периода IV эпохи поздней бронзы, включающий втульчатые изделия – кельт, кельт-тесло и долото. Это один из тех плотничьих и/или столярных орудейных наборов, которые было принято погребать или оставлять в особых местах в период BrD–NaA1. Именно тогда на основе наследия лобойковско-головуровского и дербеденевского очагов образовалась традиция или школа, сплотившая сырьевые, формотворческие, технологические и организационные компоненты металлопроизводства на пространстве от Днепра до Урала.

Уже с первых шагов изучения эпохи палеометаллов Северной Евразии, включая Северное и Северо-Западное Причерноморье, металлические изделия осознаются как особая группа археологических источников. Завершенность и абсолютная рукотворность форм, заведомо понятные технические функции большинства предметов, возможность узнать химический состав сырья и восстановить технологию – это именно те желанные условия и предпосылки к созданию типологических классификаций, к построению периодизаци-

онно-хронологических схем и выработке обширных культурно-исторических моделей.

Условия и место обнаружения клада

Новый клад (Рис. 1–3) обнаружен в 2010 г. в сильно заплывшем блиндаже во время работ по отысканию останков воинов, павших осенью 1941 г. в Маяцком (Кирасирском) лесу, в 60 м к северу от трассы Харьков–Должанск, у поворота на Крестище (старое написание – Хрестище). Благодаря стараниям историка, археолога и краеведа А.В. Шамрая, клад пополнил собра-

ние Коммунального учреждения «Славянский краеведческий музей». Поисковики сообщили, что кельт и кельт-гесло соприкасались широкими сторонами (Рис. 1). И действительно, патина в месте соприкосновения выглядит темнее.

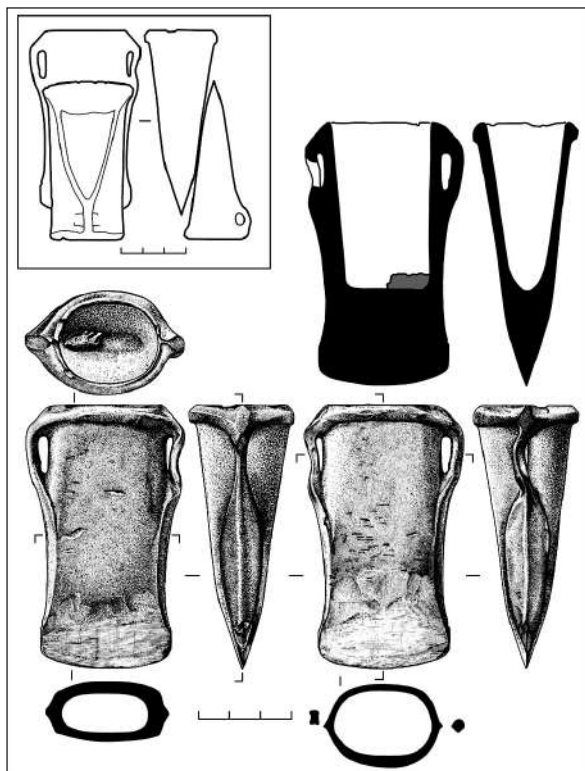

Рис. 1. Крестище. Кельт.
Fig. 1. Krestische. Socketed axe.

В 2011 г. мы осмотрели место находки, приуроченное к высокому плато вдали от действующих водных источников, т.е. там, где расположение древнего поселения в принципе невозможно. Да и зачистка стенок блиндажа не выявила признаков культурного слоя. Нет здесь и курганов, как нет их и на картах XIX в., составленных до начала интенсивного сельскохозяйственного и промышленного освоения края. Об этом можно судить по трехверстовой карте Екатеринбургской и Харьковской губерний Ф.Ф. Шуберта (лист XXV, ряд 16). Поселения эпохи поздней бронзы (Крестище I–IV) известны на околицах и в самом селе, на мысовидных выступах большой обводненной

балки, впадающей в р. Голая Долина, левый приток Казенного Торца (Шаповалов, Кравец 1985/88: 4–6, рис. 1–3; 8; Ромашко 2013: 265). От места находки клада до ближайшего поселения Крестище I, расположенного в верхних балки, около 1,5 км. Поселения разновременны и относятся к покровско-мосоловской и бережновско-маевской срубным культурам (ПМСК, БМСК). В частности, на Крестище I, наряду с керамикой ПМСК, найдены фрагменты с многоваликовой орнаментацией и покровскими чертами. На Крестище II имеются фрагменты с воротничковым оформлением внешней стороны венчика, что указывает на поздний этап БМСК или даже на постсрубное время. Для Подонцовья такое сосредоточение поселений отражает продолжительное освоение всех более или менее пригодных мест в отдельных микрорегионах (Гершкович и др. 2005), в данном случае – участков вдоль балки. Причем это освоение носило не линейный (т.е. последовательный и, в основном, непрерывный), а пульсирующий характер.

Описание артефактов

Топор-кельт двуушковый (Рис. 1; № 24534)¹ отлит в двустворчатой форме с сердечником, обработан ковкой и абразивом. Литники примыкали к ушкам сверху, и эти места тщательно сточены. Сечение корпуса – овальное; ушки вверху переходят в массивный граненый валик по краю втулки, а внизу – в лавролистные рельефные фаски с ребрами на месте литейного шва. По углам лезвия имеются маленькие отвесные фаски. Поверхность покрыта тонкой сильноадгезивной патиной. Литейные наплывы в доступных местах сточены и уплощены проковкой. На широких сторонах – многочисленные фасетки от проковки и вмятины от острого предмета. На дне втулки имеется пористый наплыв металла, а ее края местами выщерблены. Лезвие заточено по проковке. Одно ушко смято в древности. Длина 84 мм; ширина лезвия 42 мм; внешние размеры втулки – 37×34 мм, отверстия – 32×25 мм; глубина втулки 53 мм; вес 221 гр. Концентрация олова 3,22%².

¹ Здесь и далее даны номера по книге поступлений Коммунального учреждения «Славянский краеведческий музей».

² Данные по олову (помимо прочих элементов) получены к.и.н. Т.Ю. Гошко (Институт археологии Национальной Академии наук Украины); бронза, исходя из концентрации этого элемента, во всех случаях оловянистая.

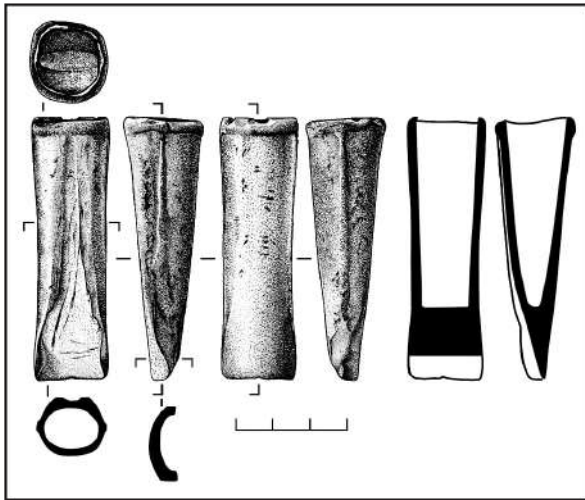

Рис. 2. Крестище. Долото.
Fig. 2. Krestische. Socketed chisel.

Долото (Рис. 2; № 24536) отлито в двустворчатой форме с сердечником, обработано ковкой и абразивом. Литейные наплывы уплощены проковкой и сточены. На всей поверхности – многочисленные фасетки и вмятины от проковки, а также вмятины и борозды, оставленные острым предметом. Лезвие заточено абразивом по проковке. Литники (если таковой был не один), судя по истертым утолщениям на кромке втулки, проходили в плоскости стыка створок формы. Изделие покрыто тонкой сильноадгезивной патиной. Окруженный плоской фаской желобок узок и неглубок, расширен только в нижней трети, а верхом упирается в валик на втулке. Оттого и полость овальной в сечении втулки просторна и глубока. Сечение корпуса округло-овальное, но представляется граненым из-за фаски, желобка и литейных швов. Валик или, скорее, невысокая манжета, отчетлива спереди и сзади, на боках едва заметна. Уголки дуговидного в сечении лезвия фасетированные, утолщенные. Очертания предмета «с лица» прямоугольные, сбоку – треугольные. Длина 71 мм; ширина лезвия 20 мм; внешние размеры втулки – 21×21 мм, отверстия – 16×16 мм; глубина втулки 51 мм; вес 60 гр. Концентрация олова 7,553 %.

Кельт-тесло (Рис. 3; № 24535) отлито в двустворчатой форме с сердечником, обработано ковкой и абразивом. Литейные наплывы по бо-

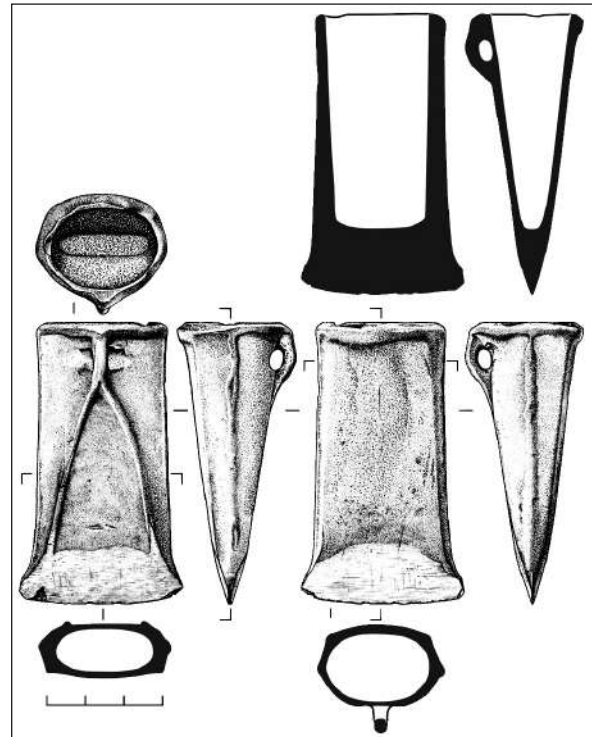

Рис. 3. Крестище. Кельт-тесло.
Fig. 3. Krestische. Socketed adze.

кам заделаны проковкой и местами сточены. На широких сторонах – многочисленные фасетки от проковки и несколько вмятин от острого предмета. Щербатое лезвие заточено по проковке. Поверхность покрыта сильноадгезивной патиной. Литник, по всей видимости, примыкал к месту соединения валика с ушком. Длина 72,5 мм; ширина лезвия 42 мм; внешние размеры втулки – 34×28 мм, отверстия – 27×21 мм; глубина втулки 54,5 мм; вес 111 гр. Концентрация олова 8,01 %.

Типологическая и культурно-хронологическая атрибуция

Топор-кельт по сочетанию конструктивных признаков соответствует вариантам:

II.5.1 (Ушурелу 2010: 35, 55, рис. 8: 1–5, 7–11) из Среднего Поднепровья (Киевская губ., Головатино), Крыма (пункт – ?), Нижнего Поволжья (Саратовская обл.), Волго-Камья (Альменево, Болгары, Грохань, VII Лебединская стоянка), Приуралья (Петер-Тау), Трансильвании (Петрошань II³);

³ Вместо указанного клада Петрошань III. Последний утерян, а причислявшиеся к нему изделия относятся к кладу Петрошань II (Petrescu-Dîmbovița 1977: 157).

П.5.8 (Ушурелу 2010: 39, 50, 55, рис. 10: 4–9) из Среднего (пункт – ?) и Нижнего (Малые Маячки) Поднепровья, Северного Приазовья (Андровка), Нижнего Поволжья (Жуковка), Волго-Камья (Ивановское) и неизвестного пункта в Причерноморье (?);

П.5.10 (Ушурелу 2010: 39, рис. 10: 14, 15) из Среднего Поднепровья и неизвестного пункта в Причерноморье (?);

П.5.11 (Ушурелу 2010: 39, рис. 10: 17, 18) из Нижнего Поднепровья (неизвестный пункт; музей Екатеринослава).

Листовидные бока и другие особенности волго-камских двуушковых кельтов вариантов П.5.1 и отчасти 5.8 выводили из сейминских прототипов (Халиков 1969: 280, 281; 1980: 44). Те же истоки предполагались и для одноушковых дербеденевских кельтов (Тихонов 1960: 45), от которых, как полагали, могли деривировать и двуушковые (Халиков 1969: 281; 1980: 45). Получалось, что дербеденевские и упомянутые кельты о двух ушках возникли в пределах BrB2/C1 (ПБ-II/III) и бытовали первоначально в Волго-Камье и Приуралье, а на землях Украины фоном волго-уральской двуушковой иновации (в вариантах П.5.10 и 11) выступали лобойковско-головуровские изделия (Ушурелу 2010: 50, 52–56, 58–59, 63). Неустанное выявление и разграничение модификаций в двуушковых кельтах (Ушурелу 2010) имеет, безусловно, важное самостоятельное значение и в типологии категории как таковой, и в атрибуции крестищенского кельта. Но типологическая классификация относительно вышеупомянутых вариантов не вполне проработана в хронологическом и пространственном отношении. И не только потому, что вариант П.5.8, судя по сочетанию в комплексе матриц из Северного Приазовья, относится к ПБ-IV (Ушурелу 2010: 50, 55), а клад Петрошань II (Petrescu-Dîmbovița 1977: 102, 157, pl. 178: 2–5; 374: 1–3, 5, 6) содержит, кроме двуушкового образца варианта П.5.1, кельты восточнокарпатско-трансильванских, венгерско-трансильванских и среднедунайских типов BrD/NaA1 (Дергачев 1997: 26–27, 33–35, 38–39). Ведь листовидные бока и другие смежные особенности на разных стадиях оформления свойственны лобойковско-головуровским кельтам вариантов:

П.1.6 (Ушурелу 2010: 24, рис. 2: 3) в Пруто-Днестровье (Киперчень II);

П.5.4 (Ушурелу 2010: 39, рис. 9: 2, 3, 8–10) в Нижнем (Нижняя Хортица) и Среднем (Бачкурино) Поднепровье и Восточных Карпатах (Ворона, Ибэнешть, Сокружень).

В сейминских и дербеденевских изделиях черты этих модификаций едва угадываются.

Таким образом, крестищенский кельт и сопутствующие разновидности П.5.1,8,10,11 наследуют признаки причерноморских лобойковско-головуровских (Дергачев 1997: 13) и предшествуют кардашинским кельтам белозерского времени, т.е. их бытование приходится на период ПБ-IV. Они послужили составляющей ряда инноваций в рубящих инструментах того времени (по В.С. Бочкареву; Массон 1996: рис. 12). Хронология и хорология находок придают этой связи характер типологического ряда (Дергачев 1997: 14–16), указывая на распространение приднепровской инновации в культурах сабатиновской, Ноуа, в восточном сегменте тшинецкого круга, в хвальнской, атабаевской и межовской культурах, для которых по составу металла допускается местное производство с оборотом продукции и компонентов по всему югу Восточной Европы (Тихонов 1960: 51; Черных 1970: 116, рис. 48: 15–17; 1976: 86–87, 188–189). Бахромчатые и уголкового украшения вариантов 5.8,10 и 11 вправду сопоставимы с декором кельтов (Ушурелу 2010: 56) и кельтов-тесел ПБ-III, но наиболее полные стилистические соответствия имеются в изделиях ПБ-IV (Дергачев, Бочкарев 2002: табл. 108: 1, 2; Кузьминых, Выборный 1993; Максимов 1962: рис. 2: 4; Олейниченко, Филатов 2012: рис. 1).

Долото по упомянутым выше признакам близко изделию из Раденска, относимому, как и весь включающий его подтип, к ПБ-III (Uşurelu 2010: 8, 20, fig. 1: 22); долоту клада Соколень рубежа ПБ-IV и V (Дергачев 1975: 19–20, 45, 73–74, рис. 7: 2; 2011: 220, 260, рис. 136: 28); находке в Житомирской области (Клочко, Козыменко 2011: илл. 81)⁴. В Причерноморье и Карпато-Подунавье литые долота с валиками появились в ПБ-III и утвердились в ПБ-IV, укорачиваясь по мере типологического

⁴ Первые два входят в подтипы А.1.2.5 и А.1.2.8 по Е.И. Ушурелу.

развития (Дергачев 2011: 216–221, рис. 155; 157). Желобчато-выемчатое строение лезвий редуцировано: усиленная загнутыми щечками выемка остается у самого края, а измельчавший желобок образует ребра жесткости и/или своего рода декор. Такую эволюцию претерпевали и долота Зауралья, Казахстана, Западной Сибири ПБ-IV–V (Аванесова 1991: 35, рис. 8: 34; 15: г; 37: 7–13, 16, 17, 21; Карабаспакова 2011: 147, 149, табл. 58: 1–4)⁵. Вывод о принадлежности изделия из Раденска к ПБ-III сделан по сопоставлению его с артефактами, у которых желобки-выемки имеют вид окантованных острых углов (Волгоградский музей, Ананьинская дюна) (Uşurelu 2010: 8, 20, fig. 1: 20, 21). Для ПБ-IV–V Причерноморья характерны плавные очертания расширенного внизу желобка, проходящего вдоль всего корпуса. К этой группе долот (Авраамовка, Староселье, Соколень)⁷ и тяготеют изделия из Раденска, Крестища и Житомирской области, составляя раннюю подгруппу. Выступающие литейные швы и узкие фаски несколько гранят их сечения; по-настоящему многогранные долота известны в белозерское время (Завадовка).

Кельт-тесло. Его атрибуция предполагает рассмотрение волго-камских изделий ПБ-IV. Здесь представлен фрагмент типологической классификации и не анализируются ушковы кельты-тесла ПБ-III и V, а также некоторые разновидности и дериваты волго-камских, зауральских, причерноморских, казахстанских и сибирских кельтов-тесел ПБ-IV⁶.

Трубчато-клиновидные, асимметричные в поперечных сечениях, боковых и торцевых проекциях кельты-тесла *типа Лебедино* снабжены валиками по краям втулок, тыльными фасками и ушками. Соответствуют типу III.2, подтипам III.2.1 (Криуши) и 2.4 (Омары; Чебоксарский уезд). Из трех случаев, когда известны глубины втулок, они дважды совпадают (Юрак-Тау, Крестище, 54 мм). Это

глубокие, проникающие в лезвие втулки. В иных случаях об этом можно судить на основании рисунков поперечных сечений. Ширина лезвий варьирует от расковывания и стачивания (в среднем 41 мм).

Вариант Лебедино, следуя пригодной для типологических суждений информации, включает изделия из Лебединской VII стоянки, Турминского (Tallgren 1916: 35, pl. XIII: 5)⁸, из Чебоксарского уезда (все – Волго-Камье) и с горы Караульной (Зауралье). Характеризуется: вытянуто-прямоугольными очертаниями корпуса en face с расширенным лезвием; четкой асимметрией вида сбоку и плоскоокруглого, переходящего в четырехгранное, поперечного сечения; скошенным назад краем втулки. Окантовка отделяет арковидные плоские фаски от покатых задних стенок и переходит в ушки, слитые с валиками или примыкающие к ним (Чебоксарский уезд).

Вариант Крестище охватывает изделия из клада-эпонима, из поселения I Забойное, находки в Криушах, Омарах, Сюкеево (Tallgren 1916: 35, pl. XIII: 9) (Волго-Камье), Паратмарах в Марийском Поволжье (Соловьев 2000: 83, рис. 81: 31; 82: 51), у горы Юрак-Тау (Приуралье), близ Старой Яблоновки (Саратовское Поволжье), Мыхнивцев на Полтавщине (Супруненко 1989: 151, рис. 2: 3; Куштан 2013: 135, рис. 96: 28) и неизвестного пункта (Клочко, Козыменко 2011: илл. 53). Его также характеризуют вытянуто-прямоугольные очертания корпуса с расширенным лезвием. Но, в отличие от *варианта Лебедино*, асимметрия вида сбоку еле уловима и опознается в плоскоокруглой торцевой проекции втулки или в сечении, переходящем в шестигранное. Оттого и корпус по мере утолщения приобретает трапециевидные очертания, близкие симметричным кельтам. Корпуса, по сравнению с таковыми у *Лебедино*, более приземисты (отношение ширины втулки к длине корпуса в среднем 0,5

⁵ Неужели морфология вернула черты более ранних, и тоже коротких, долот (напр., Липовая Курья), но на других основаниях? Предстоит выяснить, была ли редукция всеобщей и сквозной для категории втульчатых литых долот или представляла собой обособленные типобразующие течения, заданные изначальными различиями устройства корпусов, втулок и лезвий.

⁶ Первые два относятся к подтипу А.1.3.1 по Е.И. Ушурелу.

⁷ Упомянув цифровые коды таксонов по Е.И. Ушурелу (Uşurelu 2011), мы, как правило, не повторяем данные его каталогов, но сопроводили ссылками добавленные сведения.

⁸ Фигурирует как М. Болгояры, Сюкеево (Халиков 1980: табл. 40; 60,170) или пункт в Казанской губ. (Uşurelu 2011: fig. 1: 33).

против среднего 0,45 у *Лебедино*). Втулки ровные. Окантовка отделяет арковидные плоские фаски от покатых задних стенок и переходит в ушки, примыкающие к валикам или слитые с ними (I Забойное; Криуши).

Соотношение меньшего и большего параметров втулки составляет у обоих вариантов в среднем 0,7, хотя заметный разброс и разница значений *варианта Крестище* (6-16 мм) в частных случаях дают индекс 0,6. По мере удаления местонахождений от Волго-Камья, предметы укорачиваются, а параметры втулок пропорционально мельчают.

Условный клад или набор инвентаря из могилы на Лебединской VII стоянке (Халиков 1969: 280, рис. 57: 7–9; 1980: табл. 40) включал также нож, сопоставимый с ножом Солонецкого клада (Халиков 1969: 280) или клада Бэлень (Dragomir 1967: R18b: 33), и двушковый кельт варианта II.5.1 (Ушурелу 2010: рис. 8; карта 6) периода ПБ-IV (см. выше). Это позволяет относить *вариант Лебедино* Волго-Камья к атабаевской предмаклашеевской, а находку на Караульной горе – к межовской культуре.

Находки изделий *варианта Крестище* у горы Юрак-Тау и из Старой Яблоновки следует отнести, соответственно, к межовской и хвалынской (Малов 1987: 141–142) культурам. Датировка компонентов Крестищенского клада предполагает принадлежность сопутствующего кельта-тесла, а равно и находки из Мыхнинцев, к БМСК позднего этапа. Остальные экземпляры известны из Волго-Камского региона. Декор в виде «лесенки» и заштрихованных углов на передних стенках (Омары; Чебоксарский уезд) или рустовка по мотивам штрихованных уголков с точкой на вершине (Паратмары) указывают на постсейминский возраст типа обобщенно, а для волго-камских представителей выдают стилистические связи с более ранними разновидностями. Судя по стилистическим изменениям формы и окантовки фасок (I Забойное, Сюкеево), бытование *варианта Крестище* продолжалось до конца атабаевской предмаклашеевской поры. Химические группы металла определены для I Забойного (ВК) и Лебединской VII стоянки (ВУ) (Черных 1970: табл. IV: 4581, 4681). Створка формы для передней стенки кельта-тесла известна из Елово в Пермском Прикамье (Халиков 1980: 45, табл. 41: 4). Таким образом,

принадлежности производства кельтов-тесел данного типа документированы пока только на Каме. Краткие сведения о девяти находках, близких экземпляру из Турминского (Tallgren 1916: 35–36), также относятся к Волго-Камью (Лаишево, М. Болгояры, Фролово, Цивильск и четыре неизвестных пункта).

Приведенные выше типологические сопоставления указывают на необходимость помещения клада в довольно узкий хронологический диапазон конца периода ПБ-IV. К тому времени репертуар модификаций и типологический состав лобойковско-головуровского и дербеденевского очагов избирательно угасли или видоизменились, а кардашинско-новоалександровское и завадовское металлопроизводства еще не сформировались. Но при смене облика лобойковско-головуровского очага соответствующие ему производственные центры сохранили активность и проявили преемственность от периода ПБ-III (Дергачев 1997: 13–16; Бочкарев 2006: 62). А вот дербеденевский очаг и его мощности ощутило захирели (Дергачев, Бочкарев 2002: 302). В Карпато-Понтийском пространстве тогда еще функционировало рышештско-красномаяцкое производство. Тем не менее, производственная зона, прежде объединявшая лобойковско-головуровский и дербеденевский очаги (Бочкарев 1995: 121–122), продолжала действовать в новом качестве. Ее продукция, – в частности, кельты, кельты-тесла и долота, – обладала неповторимым эпохальным своеобразием.

Возможные причины депонирования изделий и проблема культурной принадлежности клада

Вполне вероятно, что клад был оставлен, закопан или спрятан в лесных угодьях поодаль от поселений. Показательно, во-первых, его «погребение» меж верховьев нескольких балок (Водяная, Шульгина, Калиновая, Макатиha, Крестищенская), где даже в условиях резко контрастной среды позднего суббореала (Герасименко 1997: 55) всегда сохранялась облесенность. Во-вторых, очевидна деревообрабатывающая специализация изделий, образующих не что иное, как орудийный набор, в равной степени годный для дровосека, плотника или столяра. Близки по составу клад Староселье, включавший двушковый и безушковый кель-

ты, долото и браслет (Телегин 1982), и клад Соколень, содержащий пару двушковых и один одношковый кельт, долото и кинжал (Дергачев 1975: 19–20, 41, 44, 45, 55–56, 73–74, рис. 7), а также клад(?) из Лебединской VII стоянки – нож, двушковый кельт и кельт–тесло (Халиков 1969: 280, рис. 57: 7–9; 1980: табл. 40). Следует упомянуть составленные из пар кельтов наборы Мельниковка и Медведовка, а также Трехизбенное с двушковым кельтом и долотом (Leskov 1981: 2, 12–13, 17–20, 22–27, 30–35, 39, 53, 55, 78, 91–93, 96, Taf. 4A: 1, 2; F: 1, 2; G: 1, 2). Крестищенский клад и перечисленные комплексы, за исключением Трехизбенного, относятся к периодам VrD и HaA1. Имеем ли мы дело с присущим той поре феноменом депонирования наборов инструментов для обработки древесины? И в чем состоит его знаковая функция? Эти вопросы пока остаются открытыми.

Культурная атрибуция памятников любых переходных периодов осложнена наличием

компонентов различного происхождения. На поселениях Подонцовья постсрубного времени (период ПБ-V), по крайней мере, в керамике, отчетливо прослеживается связанная с БМСК местная составляющая, а также привнесения культур Приуралья, Поволжья и Волго-Камья (Гершкович 1998: 72–81; Корохина 2010: 7, 8). При нынешнем уровне знаний вполне очевидно, что северо-восточный вектор связей действителен для всей эпохи поздней бронзы, а не только для ее заключительной фазы. Его частным проявлением периода ПБ-IV предстает кельт-тесло Крестищенского клада.

Благодарности

Мы очень признательны В.С. Бочкареву, В.В. Потапову, А.А. Чижевскому и, конечно же, дорогому Юбиляру, – Валентину Анисимовичу Дергачеву, – за обсуждение публикуемой находки и проблем древнего металлопроизводства.

Литература

- Аванесова Н.А. 1991. *Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлургическим изделиям)*. Ташкент.
- Бочкарев В.С. 1995. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы). В: *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.)*. Самара, 114–123.
- Бочкарев В.С. 2006. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. В: *Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: материалы тематической научной конференции*. Санкт-Петербург, 53–65.
- Герасименко Н.П. 1997. Природная среда обитания человека на Юго-Востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников). *АА 6*. Донецк, 3–64.
- Гершкович Я.П. 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье). *АА 7*. Донецк, 61–92.
- Гершкович Я.П., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Панковский, Усачук А.Н., Шевченко Д.А. 2005. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца. *АДУ 2003–2004* гг. Запорожжя, 95–99.
- Дергачев В.А. 1975. *Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1997. *Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона*. Кишинэу.
- Дергачев В.А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья*. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинэу.
- Карабаспакова К.М. 2011. *Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы*. Алматы.
- Клочко В.И., Козыменко А.В. 2011. *Наш недавний бронзовый век*. Киев.

- Корохіна А.В. 2010. Деякі питання вивчення генези та розвитку бондарихинської культури. *Археологія* (1), 3–11.
- Кузьминых С.В., Выборный В.Ю. 1993. Кельт. В: Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. *АА* 1. Донецк, 38.
- Куштан Д.П. 2013. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи, *АА* 29. Донецьк.
- Максимов Е.К. 1962. Материалы из Хвалынского музея. *СА* 3, 282–288.
- Малов Н.М. 1987. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы. В: *Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тезисы докладов областной научной конференции*. Омск, 141–143.
- Массон В.М. 1996. *Исторические реконструкции в археологии*. Самара.
- Олейниченко Е., Филатов Д. 2012. Металлические предметы эпохи бронзы с территории Херсонской области. *Архасівські читання: Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції (27–28 квітня 2012 р.)*. Миколаїв, 76–78.
- Ромашко В.А. 2013. *Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры)*. Киев.
- Соловьев Б.С. 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья, *ТМАЭ* VI. Йошкар-Ола.
- Супруненко О.Б. 1989. Матеріали до археологічної карти Нижнього Посулля. *Археологія* (1), 149–153.
- Телегин Д.Я. 1982. Старосельский клад поздней бронзы из Черкасской области. *СА* (1), 222–224.
- Тихонов Б.Г. 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. В: Б.Г. Тихонов, Ю.С. Гришин, Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа, *МИА* 90. Москва, 5–115.
- Ушурелу Е. 2010. Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. *РА* V (1), 22–67.
- Халиков А.Х. 1969. *Древняя история Среднего Поволжья*. Москва.
- Халиков А.Х. 1980. *Приказанская культура*. САИ В1–24. Москва.
- Черных Е.Н. 1970. *Древнейшая металлургия Урала и Поволжья*. МИА 172. Москва.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва.
- Шаповалов Т.А., Кравец Д.П. 1985. *Отчет о разведках на северо-западе Донецкой области в 1985 году*. НА ИА НАНУ. Ф. э. 1985/88. № 21828.
- Dragomir I.T. 1967. Le dépôt de l'âge du Bronze Tardif de Băleni, *LA Roumanie* 4. București.
- Leskov A.M. 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen), *PBF* XX (5). München.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1977. Depozitele de bronzuri din România. *BA* XXX. București.
- Tallgren A.M. 1916. Collection Zaoussailov au Musée Historique de Finlande a Helsingfors. I. *Catalogue raisonné de la collection de l'âge du Bronze*. Helsingfors.
- Uşurelu E. 2010. Apariția și evoluția dălților cu toc de înmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *RA* VI (2), 5–23.
- Uşurelu E. 2011. Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. *RA* VII (1-2), 47–54.

References

- Avanesova, N. A. 1991. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzы Aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliim)* (Culture of the Bronze Age pastoral tribes of the Asian part of the USSR (by metal products)). Tashkent (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1995. *Kul'turogenез i razvitie metalloproduktstva v epokhu pozdnei bronzы (Po materialam iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy)* (Cultural genesis and development of metal production in the Late Bronze Age (By the materials of the southern half of Eastern Europe)). In *Drevnie indoiranskіe kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian cultures of the Volga-Ural Region (II millennium BC))*. Samara, 114-123 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2006. *Severopontiiskoe metalloproduktstvo epokhi pozdnei bronzы. Proizvodstvennye tsentry: istochniki, "dorogi", areal rasprostraneniia: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (Northern Pontiac metal production of the Late Bronze Age. Production centers: sources, "roads", the area of distribution: materials of the thematic scientific conference)*. Saint Petersburg, 53-65 (in Russian).

Gerasimenko, N. P. 1997. *Prirodnaia sreda obitaniia cheloveka na Iugo-Vostoke Ukrainy v pozdnelednikov'e i golotsene (po materialam paleogeograficheskogo izucheniia arkheologicheskikh pamiatnikov) (Natural human environment in the South-East of Ukraine in the Late Glacial and Holocene (based on the palaeogeographic study of archaeological sites))*. In *Arkheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* (6). Donetsk, 3-64 (in Russian).

Gershkovici, Ia. P. 1998. *Etnokul'turnye sviazi v epokhu pozdnei bronzy v svete hronologicheskogo sootnosheniia pamiatnikov (Nizhnee Podneprovie – Severo-Vostochnoe Priazovie – Podontsovie) (Ethno-cultural relations in the Late Bronze Age in the light of the chronological correlation of the sites (the Lower Dnieper - the Northeastern Azov Sea Region - the Don region))*. In *Arkheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* (7). Donetsk, 61-92 (in Russian).

Gershkovici, Ia. P., Antipina, E. E., Lebedeva, E. Iu., Pankovskii, V. B., Usachiuk, A. N., Shevchenko, D. A. 2005. *Kompleksnye issledovaniia poselenii epokhi pozdnei bronzy v basseine Severnogo Donsa (Integrated studies of the Late Bronze Age settlements in the Severnyi Donets basin)*. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2003-2004 rr. (Archaeological Researches in Ukraine of 2003-2004)*. Zaporizhia, 95-99 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII - VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (Bronze objects of the XIII-VIII centuries BC from the Dniester-Prut interfluve)*. Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia k probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Metal products on the issue of the genesis of the Early Hallstatt cultures of the Carpathian-Danube-Notthern Pontic region)*. Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia (Socketed axes (celts) of the Late Bronze Age of the Carpathian-Danube region)*. *Vyp. 2: Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ia (Ed. 2: Celts and sickles of the Lower Danube)*. Chişinău (in Russian).

Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Metal sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe)*. Chişinău (in Russian).

Karabasapakova, K. M. 2011. *Zhetysu i Iuzhnyi Kazakhstan v epokhu pozdnei bronzy (Zhetysu and South Kazakhstan in the Late Bronze Age)*. Almaty (in Russian).

Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2011. *Nash nedavnii bronzovyi vek (Our recent Bronze Age)*. Kiev (in Russian).

Korokhina, A. V. 2010. *Deiaki pitannia vivchennia genezi ta rozvitku bondarikhins'koi kul'turi (Some aspects of the study of the Bondarikhinskaia culture genesis and development)*. *Arkheologiiia (Archaeology)* (1), 3-11 (in Ukrainian).

Kuz'minykh, S. V., Vybornyi, V. Iu. 1993. *Kel't (Celt)*. In *Katalog sluchainykh nakhodok iz arkheologicheskikh sobranii Donetskoi oblasti (Catalogue of casual finds from the Donetsk region archaeological collections)*. *Arkheologicheskii al'mahakh (Archaeological Almanac)* (1). Donetsk, 38 (in Russian).

Kushtan, D. P. 2013. *Pivdeni Lisostepovogo Podniprova'ia za dobi pizn'oi bronzy (Southern Forest-Steppe Dnieper region during the period of the Late Bronze Age)*. *Arkheologicheskii al'mahakh (Archaeological Almanac)* (29). Donetsk (in Ukrainian).

Maksimov, E. K. 1962. *Materialy iz Hvalynskogo muzeia (Materials from the Khvalynsk Museum)*. *Sovetskaia arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 282-288 (in Russian).

Malov, N. M. 1987. *Pamiatniki hvalynskoi kul'tury valikovoii keramiki Povolzh'ia i nekotorye problemy ikh sviazi s vostochnymi kul'turami pozdnei bronzy (Sites of the Khvalynsk culture of the Volga region Valikovaia (roller) ceramics and some problems of their connection with eastern cultures of the Late Bronze Age)*. *Istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova: Tezisy dokladov oblastnoi nauchnoi konferentsii (Historical readings in memory of Mikhail Petrovich Griaznov: Abstracts of the Regional Conference)*. Omsk, 141-143 (in Russian).

Masson, V. M. 1996. *Istoricheskie rekonstruktsii v arkheologii (Historical reconstructions in Archaeology)*. Samara (in Russian).

Oleinichenko, E., Filatov, D. 2012. *Metallicheskie predmety epokhi bronzy s territorii Khersonskoi oblasti (Bronze Age metal objects from the Kherson region)*. *Arkasivs'ki chitannia: Materiali II Mizhnarodnoi naukovopraktichnoi konferentsii (27-28 kvitnia 2012 r.) (Arkasivs'ki readings: Proceedings of the Second International Scientific Conference (27-28 April 2012))*. Nikolaev, 76-78 (in Russian).

Romashko, V. A. 2013. *Zakliuchitel'nyi etap pozdneho bronzovogo veka Levoberezhnoi Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozerskoi kul'tury) (Final phase of the Late Bronze Age of the Left-Bank Ukraine (based on the materials of the Boguslavsko-Belozerskaia Culture))*. Kiev (in Russian).

Solov'ov, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of the Mari Volga region). Trudy Mariiskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari archaeological expedition).* Yoshkar-Ola (in Russian).

Suprunenko, O. B. 1989. *Materiali do arkhеologichnoi karti Nizhn'ogo Posullia (Materials on the archaeological map of the Lower Posullia). Arkhеologiiia (Archaeology) (1), 149-153 (in Ukrainian).*

Telegin, D. Ia. 1982. *Starosel'skii klad pozdnei bronzy iz Cherkasskoi oblasti (Starosel'skii hoard of the Late Bronze Age from the Cherkasy region). Sovetskaia Arkhеologiiia (Soviet Archaeology) (1), 222-224 (in Russian).*

Tikhonov, B. G. 1960. *Metallicheskie izdeliia epokhi bronzy na Srednem Urale i v Priural'e (Bronze Age metalware in the Middle Urals and the Trans-Urals).* In Tikhonov, B.G., Grishin, Iu. S.. *Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Iuzhnoi Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza (Outline of the history of production in the Trans-Urals and southern Siberia in the Bronze and Iron Age) Materialy i issledovaniia po arkhеologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR) (90).* Moscow, 5-115 (in Russian).

Ushurelu, E. 2010. *Genesis i evoliutsiia dviushkovykh toporov-kel'tov Vostochnoi Evropy epokhi pozdnei bronzy (Genesis and evolution of the double-looped, socketed axes (celts) of Eastern Europe of the Late Bronze Age).* In *Revista Arheologică*. N. s. V, 1, 22-67, (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient history of the Middle Volga Region).* Moscow (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (Prikazan culture). Arkhеologiiia SSSR. Svod arkhеologicheskikh istochnikov (Archaeology of the USSR. Corpus of Archaeological Sources) B1-24.* Moscow (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgiiia Urala i Povolzh'ia (Ancient metallurgy of the Urals and the Volga Region).* In *Materialy i issledovaniia po arkhеologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of the USSR) (172).* Moscow (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient metal-working in the South-West of the USSR).* Moscow (in Russian).

Shapovalov, T. A., Kravets, D. P., 1985. *Otchet o razvedkakh na severo-zapade Donetskoi oblasti v 1985 godu (Report on the explorations in the north-west of the Donetsk region in 1985). Nauchnyi arkhiv Instituta arkhеologii Natsional'noi Akademii nauk. Fond ekspeditsii 1985/88 (Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences. Collection of Expeditions 1985/88) (21828) (in Russian).*

Гершкович Яков Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел археологии энеолита – бронзового века, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210, Киев, Украина; e-mail: yagersh@rambler.ru

Панковский Валентин Борисович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, отдел археологии энеолита – бронзового века, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210, Киев, Украина; e-mail: vpns@ukr.net

Шамрай Анатолий Васильевич, старший научный сотрудник, Коммунальное учреждение «Славянский краеведческий музей», ул. Юных коммунаров 31, 84112, Славянск, Украина.

Василий Полтавец

Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья)

Keywords: the Middle Dnepr River region, Late Chernoles culture, the Subotovskiy type of bracelets, Chernogorovsky horizon.

Cuvinte cheie: Niprul de Mijloc, cultura Chernyi Les târzie, orizontul Chernogorovsk, brățări de tip Subotov.

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, поздняя чернолесская культура, черногоровский горизонт, браслеты суботовского типа.

Vasilii Poltaveth

Bracelets of the Subotov type (on the issue of the contacts of the Chernoles culture of the Middle Dnieper)

Wide bracelets with relief ornament are distinctive feature of the Chernoles culture of the Middle Dnieper River region. There are three main regions of their concentration: Subotov hill-fort in the area of Tyasmin River (there are a lot of fragments of molds), several sites in the area of Ros River and the territory of the Dnieper River in the Kiev area. The ornaments of bracelets of local groups are different. Their appearance is associated with external impulses, which are likely to have spread on the trade routes of the northern or central steppe subzones. The top date of the manufacturing of bracelets on Subotov hill-fort (according to C14 dating) is the end of the IX century BC. Chronologically they are related to the so-called Chernogorivsky horizon of the pre-Scythian period (IX–VIII century BC). Stylistically the bracelets can be compared with the Postgoligradska Mikhalkovskaya group jewellery of the territory of the Dniester River middle region and antiquities of the Caucasus Koban culture. Some ornamental schemes are known in the culture of the Thracian-Cimmerian community.

Vasilii Poltaveth

Brățările de tip Subotovo (cu privire la contactele culturii Chernyi Les).

Brățările late cu decor în relief de aspect hallstattian constituie o particularitate a culturii Chernyi Les din zona Niprului de Mijloc. Se evidențiază trei regiuni principale de concentrare a lor: fortificația Subotovo în bazinul râului Tiasmin (aici fiind multe forme de turnat), câteva puncte în bazinul râului Ros' și pe segmentul kievean al cursului Niprului. Ornamentele brățărilor grupurilor locale sunt diferite. Apariția lor este legată de impulsurile exterioare care, probabil, se răspândeau pe căile comerciale din direcția de sud sau vest. Data superioară de executare a brățărilor din cetatea Subotovo (după C¹⁴) este sf. sec. IX î.Hr., corelându-se cu sfârșitul orizontului Chernogorovsk a vestigiilor perioadei prescitice (sec. IX–VIII î.Hr.). Stilistic și tipologic(?) brățările pot fi corelate cu grupul postholihradean Mikhalkovo de pe Niprul Mijlociu și antichitățile Koban' din Caucaz. Unele scheme ornamentale vădesc similitudini cu descoperirile mai târzii ale orizontului Novoчеркасск din a doua jumătate a sec. VIII î.Hr.

Василий Полтавец

Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья)

Широкие браслеты с рельефным орнаментом гальштаттоидного облика являются отличительной особенностью чернолесской культуры Среднего Поднепровья. Выделяются три основных региона их концентрации: Суботовское городище в бассейне Тясмина (здесь же много обломков литейных форм), несколько пунктов в бассейне Роси и в Киевском Поднепровье. Орнаменты браслетов локальных групп рознятся. Их появление связано с внешними импульсами, которые, вероятно, распространялись по торговым путям южного или западного направления. Верхняя дата производства браслетов на Суботовском городище (по C¹⁴) – конец IX в. до н.э., они соотносятся с концом черногоровского горизонта древностей предскифского периода (IX–VIII вв. до н.э.). Стилистически и типологически(?) браслеты можно сопоставить с постголиградской михалковской группой на Среднем Днестре и кобанскими древностями Кавказа. Некоторые орнаментальные схемы обнаруживают близость с более поздними находками новочеркасского горизонта второй половины VIII в. до н.э.

Широкие литые браслеты с рельефным орнаментом являются одним из характерных элементов материального комплекса чернолесской культуры. Долгое время они были известны по дореволюционным публикациям и собраниям Киевского исторического музея как случайные находки. Принадлежность браслетов к чернолесской культуре была установлена в ходе раскопок на Суботовском городище в низовье Тясмина в 50-х годах прошлого столетия (Тереножкин 1952), что впервые дало возможность не только их датировать, но и установить местное производство. Множество обломков глиняных литейных форм для изготовления браслетов было

обнаружено в слое второго периода чернолесской культуры (горизонт Суботов II) Большого Суботовского Городка. В этом же слое найдены пять целых браслетов и половинка, из которых четыре в составе двух кладов (1955 и 1971 гг.), еще один аналогичный браслет обнаружен предположительно на городище в дореволюционное время (Тереножкин 1961: 163, рис. 108; 109: 3). А.И. Тереножкин собрал сведения обо всех браслетах этого типа и издал их вместе с новыми суботовскими находками, в том числе негативами литейных форм (Тереножкин 1952; 1961; 1976). Вслед за А.И. Тереножкиным их стали называть браслетами суботовского типа.

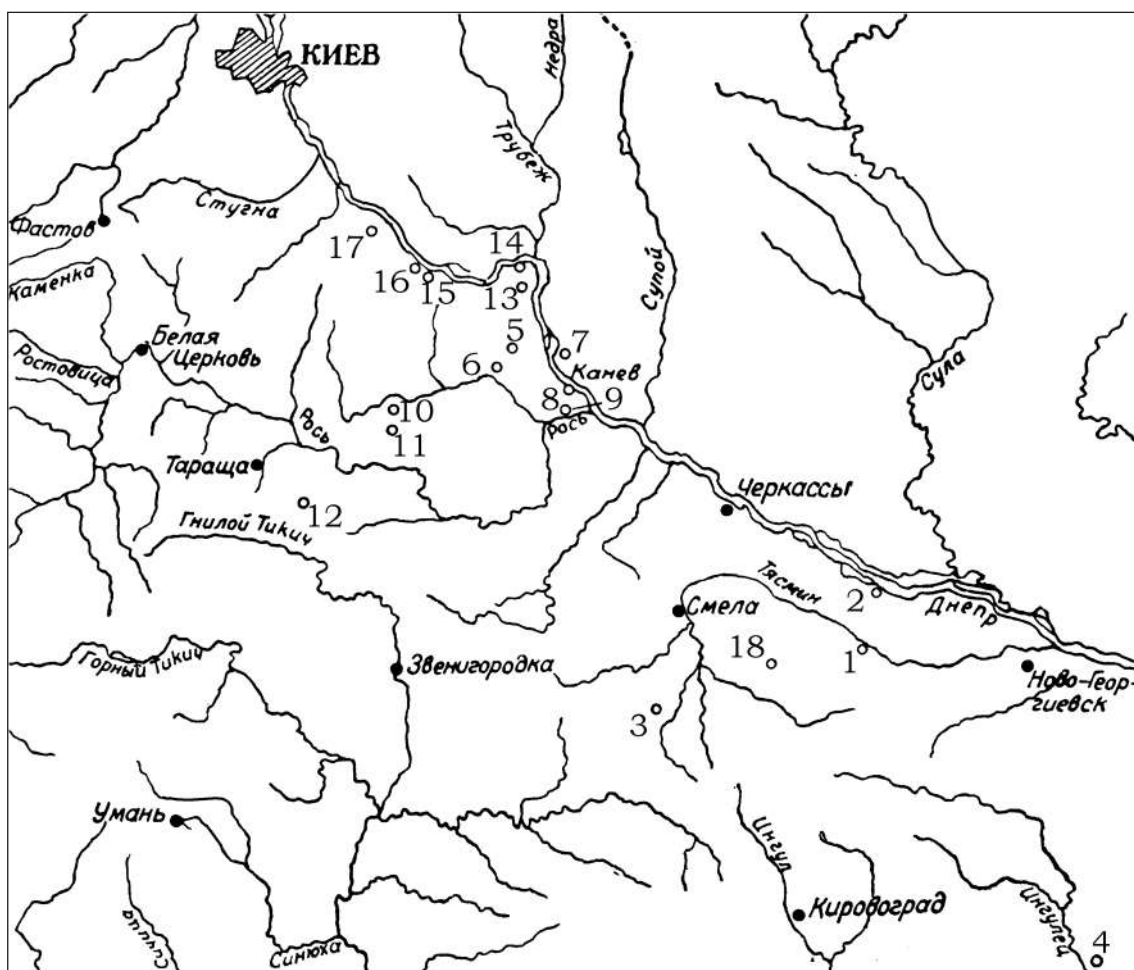

Рис. 1. Находки чернолесских браслетов в Среднем Поднепровье. 1 – Суботов; 2 – Боровица; 3 – Пастырское; 4 – Марьяновка; 5 – Бобрлица; 6 – Грищенцы; 7 – Лепляво; 8 – Канев; 9 – Хмельна; 10 – Гули; 11 – Карандинцы; 12 – Лука; 13 – Луковца; 14 – Зарубинцы; 15 – Ржищев; 16 – Стретовка; 17 – Витачев; 18 – Каменка (по: Тереножкин 1961, рис. 1; Полтавец 2009).

Fig. 1. Finds of bracelets of Chernoles culture from the Middle Dnieper region: 1 – Subotov; 2 – Borovitsa; 3 – Pastyrskoe; 4 – Mar'ianovka; 5 – Bobritsa; 6 – Grischtsy; 7 – Leplivo; 8 – Kanev; 9 – Khmelna; 10 – Guli; 11 – Karandintsy; 12 – Luka; 13 – Lukovitsa; 14 – Zarubintsy; 15 – Rzhyshev; 16 – Stretovka; 17 – Vitachev; 18 – Kamenka (by: Тереножкин 1961, рис. 1; Полтавец 2009).

Картографирование находок (рис. 1) показало, что они представлены в ареале чернолесской культуры Среднего Поднепровья, главным образом, вдоль правого берега Днепра, от с. Витачев на Киевщине до с. Марьяновка Петровского р-на Кировоградской обл. и с. Пастырское Смелянского р-на Черкасской обл. Несколько находок на левом берегу Днепра явно правобережного происхождения (Тереножкин 1952: 96; 1961: 162, рис. 1: VI). В последние годы сделаны еще несколько находок: в с. Боровица на берегу Днепра, недалеко от Суботова (Полтавец 2009), возле с. Каменка Черкасской обл.¹ и предположительно на Кировоградщине (Клочко, Козыменко 2011: рис. 164–166). Таким образом, можно выделить три территориальные группы находок браслетов: киевско–приднепровскую, поросскую и тясминскую. Это деление соответствует трем территориальным группам внутри Киево-Черкасского локального варианта местной культуры скифского времени (Ильинская, Тереножкин 1983: 230–282), истоки которого восходят к периоду формирования союза чернолесских племен (Граков 1977: 182). Совершенно очевидно, что внутри ареала чернолесской культуры находки браслетов оконтуривают какую-то часть территории, отображая, возможно, деление по этническому (этно–социальному?) признаку или маркируя места главных металлообрабатывающих центров. Встречались браслеты преимущественно в погребениях, совершенных, учитывая состояние находок, по обряду трупосожжения, иногда в составе кладов (с. Суботов). Всего зафиксировано по находкам браслетов 11 могильников, преимущественно в Поросье и Киевском Поднепровье. В частности, у с. Лука Таращанского района Киевской области 15–17 обломков браслетов были обнаружены во время корчевания леса на месте могильника с трупосожжениями (Тереножкин 1952: 87, 91–93; 1961: 43–44). Иногда браслеты найдены вместе с человеческими костями – в с. Боровица (Полтавец 2009) и с. Марьяновка (Тереножкин 1961: 166), но характер этих захоронений не ясен.

Изготовление браслетов, как и вообще период интенсивной металлообработки на Большом Суботовском Городке, относятся ко второму хронологическому горизонту², заключительный этап которого датирован по методу C^{14} концом IX в. до н.э. (Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер 1998; Лысенко 2005: табл. IV). Следы металлургического производства здесь охватывают промежуток максимум в 200 лет, но стратиграфические наблюдения показывают, что литейные формы связаны со слоем начала второго горизонта (Гершкович 2003: 45). Таким образом, конец IX в. до н.э. предложено считать верхней датой для суботовских браслетов. Обстоятельства находки браслетов в Поросье и Киевском Поднепровье – вне комплексов – не позволяют их датировать с подобной точностью, однако типологическое единообразие изделий всех трех групп свидетельствует об их синхронности. В кладе 1955 года на IV раскопе Суботовского городища браслеты сочетаются с бронзовым, так называемым, чернолесским кельтом с елочным орнаментом и железным теслом, древнейшим железным орудием этого типа в Среднем Поднепровье. В кладе 1971 года браслеты были вместе с малыми спираль-

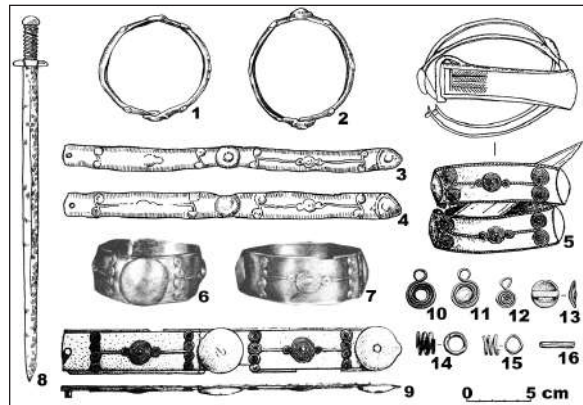

Рис. 2. Браслеты Тясминской группы. 1–4 – Боровица; 5 – Суботовский клад 1955 г.; 6–16 – Суботовский клад 1971 г. (по: Тереножкин 1955; 1976; Тереножкин, Ильинская 1971; Полтавец 2009).

Fig. 2. Bracelets of the Tyasminskaia group: 1–4 – Borovitsa; 5 – the treasure found in Subotov in 1955; 6–13 – the treasure found in Subotov in 1971 (by: Полтавец 2009; Тереножкин 1955; Тереножкин, Ильинская 1971; 1976).

¹ По сообщению звездующего Каменским историческим музеем Ю.Ю. Ляшко, половинка браслета была найдена вблизи поселения, датировка которого пока не выяснена.

² А.И. Тереножкин выделил два основных горизонта Суботовского городища, соответствующие двум периодам чернолесской культуры: первый (I) ранний, белорудовско-чернолесский и второй (II) поздний, собственно чернолесский (Тереножкин 1961: 182). В дальнейшем, с выделением на городище слоя эпохи средней бронзы, он был назван горизонт Суботов I, а два другие Суботов II и III (Гершкович 2007: 59). Автор придерживается традиционного обозначения чернолесских горизонтов городища – Суботов I и II.

но-щитковыми сережками, одна из них с железной вставкой, трехвитковыми проволочными спиральками, круглой бляшкой с длинной дужкой, трубчатой пронизью и тремя небольшими слиточками бронзы, поблизости лежал длинный киммерийский железный меч с бронзовой брусковидной рукоятью и грибовидным навершием (рис. 2: 6–16). Этот клад был назван «кладом литейщика» (Тереножкин 1976: 123, рис. 50, 51, 52), а клад 1955 года определен как принадлежавший мастеру, изготавливавшему как бронзовые украшения, так и железные орудия труда (Граков 1977: 175). Примечательно сочетание браслетов с редкими и наверняка высоко ценившимися железным орудием-теслом (клад 1955 года) и такой престижной и статусной вещью как длинный биметаллический меч (клад 1971 года). Все это свидетельствует о высоком социальном статусе владельцев кладов, принадлежавших к элитарной прослойке общества (ремесленники, занимающиеся металлообработкой, воины, торговцы?), а сами клады можно считать престижно-ритуальными (Лысенко 2004: 160).

Биметаллический меч с брусковидной рукоятью соотносят с черногоровским горизонтом древностей предскифского периода (Тереножкин 1976: 108, 122–125, рис. 75: 7; Дубовская 1989: рис. 14: I, 7). Тесловидное орудие с боковыми выступами с почти прямым лезвием не имеет надежных аналогий. Изделие аналогичных пропорций, но без выступов, имеется в кобанском погребении конца первой – начала второй половины VIII до н.э. (Козенкова 1982а: рис. 6: II).

Позднечернолесские бронзовые украшения на Суботовском городище представлены тремя группами. Первая – белогородовско-высоцкие или белогородовско-белозерские, поскольку металлические изделия этих культур схожи. Подобный облик имеют мелкие бронзовые украшения из суботовского клада 1971 г. (рис. 2: 10–16) и многовитковые «проволочные» браслеты суботовского клада на раскопе III 1955 г. (Тереножкин 1961: рис. 105: 8; 106: 6–8). Вторая группа – украшения киммерийского облика (клад 1955 г. в раскопе III и залевкинский). Это восьмерковидные бляшки, представленные также в памятниках степного ареала (Дубовская 1997: рис. 14) и постголиградско-высоц-

ких (Sulimirski 1931: tabl. XXV: 49) комплексах, а также трубчатые и спиральные пронизы, характерные для ранней кобанской (Козенкова 1996: рис. 8: 3, 19; 2004: рис. 3: I³) и других соседних со степью культур, в том числе культуры Сахарна (Тереножкин 1976: 85, 87–88, 166, рис. 62: 1–4, 6, 8–10). Третья группа – браслеты суботовского типа с разнообразной рельефной орнаментацией, выделяющиеся на этом фоне своей массивностью и оригинальным обликом.

Представляет интерес состав клада с городища у с. Залевки на Тясмине, в котором сочетаются предметы различных традиций, что вообще характерно для чернолесской культуры (рис. 6). Этот комплекс отнесен к I-ой фазе ДНЧТ (древности новочеркасского типа) – концу IX – началу VIII в. до н.э. (Козенкова 2004: 76, рис. 3: III), то есть, к тому же периоду, что и «суботовские» браслеты. В частности, аналогия браслету из клада (рис. 6: 16–17) имеется в Высоцком могильнике и в могильнике Луговое этой культуры (Sulimirski 1931: tabl. XXV: 50; XXVI: 18; Крушельницька 1976: рис. 22: 30). Он также пластинчатый, но довольно узкий, украшенный накладной пластиной с орнаментом в виде частых округлых выпуклин (Третьяков 1949: 230, рис. 7: 6). Причем ряд выпуклин образует как бы второй пояс браслета, отлитый вместе с первым (Тереножкин 1961: 158, 160). Кроме высокоцкого браслета, здесь были характерные для центральноевропейских памятников NaV2 трапециевидные бронзовые подвески, украшенные тремя линиями пуансонного орнамента и тремя концентрическими кружками (рис. 6: 6–8)⁴. Двукольчатые удила и трубчатые пронизы представляют степную киммерийскую среду. Кобанский металл представлен колокольчиком, спиральными биконическими подвесками и медной чашей (Тереножкин 1961: 152–153, 158, 160, 172–173; 1976: 85, 171).

Описание браслетов. А.И. Тереножкин справедливо писал о своеобразии и даже загадочности браслетов суботовского типа (Тереножкин 1952: 90; 1961: 160). Это, кроме хронологической принадлежности, которая сейчас проявилась, их богатая орнаментация, не находящая близких аналогий, а также особенности конструкции

³ В погребении 12 Кобанского могильника (ДНЧТ-I) имеются трубчатые пронизки, а также крестовидные с расширенными концами (Козенкова 2004: рис. 3: I). Последние очень напоминают элементы орнамента михалковского ажурного браслета (илл. 7: 3–5).

⁴ Подобные подвески известны и в высокоцкой культуре (Sulimirski 1931: tabl. XXV: 19).

(неподвижное скрепление краев). Они преимущественно овальной, что видно по обломкам литейных форм, а также готовым изделиям, реже круглой формы. Вероятно, их носили на руках в основном выше локтя или на предплечье. Длина овальных браслетов 10–12 см, в поперечнике 7–7,5 см. Диаметр большого круглого браслета из Суботова 8,5 см (Тереножкин 1961: 161–166). Браслеты из Боровицы имели разные размеры: 9,6x8,2 и 8,7x8,4 см. Единственный малый круглый браслет достигал в поперечнике 6 см. Обод, в отличие от обычных пластинчатых браслетов, шире примерно в полтора раза, в разрезе сегментовидной формы, слегка выгнут снаружи, толщина около 2 мм. На негативах литейных форм с Суботовского городища преобладали узкие пластинчатые браслеты, наименьшая ширина которых 1,1 см, а чаще всего 2–2,5 см. В упомянутых суботовскихкладах обнаружены браслеты, ширина обода которых достигала 2,8 и 3,3 см, браслеты, переданные местными жителями в 1971 году, а также предположительно найденные на Кировоградщине, имели обод шириной 3 и 3,5 см. Форм для браслетов такой ширины на городище не обнаружено, хотя тип орнамента явно местный, судя по фрагментам литейных форм (Тереножкин 1961: рис. 81: 46, 5а, 5б; 82: 1–3) и находкам целых браслетов. Есть также браслеты с шириной обода 3,8 и 3,9 см. Наиболее широкий – 5,2 см – браслет, относящийся к поросской группе, происходит из с. Лепляво Гельмязовского р-на Черкасской обл. (Тереножкин 1961: 166) (рис. 4: 5).

Отличительная особенность браслетов – неподвижное скрепление краев. После выхода из формы они имели разомкнутые концы, а впоследствии соединялись внахлест (в замок) при помощи гвоздевидного стерженька⁵, отлитого вместе с одним (нижним) концом обода и вставлявшегося в отверстие на другом его конце, посередине большого накладного кружка, плоского или слегка выпуклого. Зачастую конец стерженька, выступающий на поверхности бляшки, был раскован снаружи и зашлифован. У браслетов из суботовскогоклада 1955 года (найденного в раскопе IV) концы не соединены, это, видимо, новые изделия

(рис. 2: 5). На противоположной стороне браслета помещался еще один накладной или цельнолитой кружок, иногда имеющий вид грибка на ножке (рис. 2: 3–7, 9; 3: 5; 4: 1–2), оба они были частью орнаментальной композиции. Иногда накладка–застежка была прямоугольной (Тереножкин 1952: 92–94; 1961: 160–166; Полтавец 2009: 25). Для браслетов наличие такой детали как неподвижное скрепление краев не вполне понятно. Обычно литые массивные браслеты имеют разомкнутые края. «Суботовские» браслеты становились неразъемными после соединения их краев. Аналогий этой конструктивной детали найти не удалось. Единственная известная мне находка браслета с таким же скреплением краев происходит из

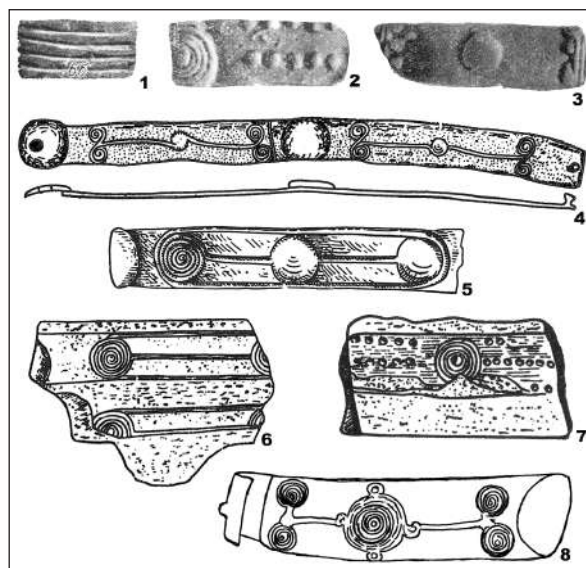

Рис. 3. Браслеты Тясминской группы. 1–3 – отски с обломков литейных форм, Суботовское городище; 4 – Суботовское городище; 5 – бывш. Золотоношский уезд; 6, 7 – обломки глиняных литейных форм, Суботовское городище; 8 – схема орнаментов браслета из Кировоградской области(?) (по: Тереножкин 1952; 1954; 1961; 1976; Ключко, Козыменко 2012).

Fig. 3. Bracelets of the Tyasminskaya group: 1–3 – prints from the fragments of molds, Subotov hill-fort; 4 – the Subotov hill-fort; 5 – the former Zolotonosha county; 6, 7 – fragments of clay molds, Subotov hill-fort; 8 – the scheme of the ornament of the bracelets from Kirovograd region(?) (by: Тереножкин 1952; 1961; 1976; Тереножкин Ильинская 1971).

⁵ Небольшой цилиндрический стерженек с закругленным или «каплевидным» концом иногда имеется на бронзовых кольцах – деталях колесничной упряжи предскифского периода – как предполагается, для более прочного соединения с кожаным ремнем или ремешком (Бандрівський 2011; Эрлих 2005).

⁶ Искренне признателен Я.П. Гершковичу, который указал мне на эту интереснейшую находку.

Румынского Баната⁶. Эта случайная находка на пашне не имеет надежной даты, но ее, несомненно, можно считать репликой браслетов суботовского типа. Обод плоский в сечении шириной около 1 см, на нем невыразительный орнамент: две цепочки из трех кружков, по бокам два кружка, расположенные друг над другом. Один конец утолщенный, выпуклый со сквозным отверстием, на втором лишь след от стерженька (Gogâltan 1999: 178–179, fig. 38: 4).

Орнаментация браслетов. Она была довольно разнообразна и рознится в каждой из территориальных групп. На основании суботовских литейных форм можно выделить четыре типа орнаментов, характерных для тясминской группы. Характерная особенность орнаментов этой группы – разреженность композиций и горизонтальное соединение элементов орнамента, за исключением вертикальных эсовидных спиралей. Сложность орнамента коррелируется с шириной обода. Довольно распространенная группа (рис. 3: 2, 5–7) – относительно узкие браслеты, орнаментированные тремя горизонтальными полосками или рядами пуансонного орнамента, прерываемые редкими кружками с концентрическим узором (Тереножкин 1961: рис. 78: 10, 11; 80: 2, 7). Возможно, эти кружки имитируют крупные круглые кружки, разделяющие композицию орнамента на более крупных браслетах (см. ниже). Подобным образом орнаментированы также бронзовые трапецевидные подвески из залевкинского клада (рис. 6: 6–8). В двух других территориальных группах подобного орнамента нет. Вторая группа (рис. 3: 3) – также узкие браслеты, орнаментированные чередующимися композициями из нескольких вертикальных черточек и одной полоски пуансонного орнамента, между которыми помещено по одному плоскому кружку (Тереножкин 1961: рис. 78: 9). Вариации этого орнамента встречаются в Поросье (рис. 4: 1, 2). Несколькими фрагментами представлены браслеты с узкими горизонтальными желобками снаружи (рис. 3: 1). Возможно, это наиболее ранняя форма, если судить по центральноевропейским и кобанским аналогиям. Подобный орнамент, но более мелкого рифления, зафиксирован на браслете из с. Витачев на Киевщине (рис. 5: 3), здесь он сочетается с двумя кружками, соединенными короткой перемычкой (Теренож-

кин 1961: рис. 109: 1). Браслеты с рифленой поверхностью были характерны для гальштатских культур в основном периодов НаА-НаВ1 – в ареале культуры Гава в Среднем Задунавье и Трансильвании, откуда распространились в Румынской Молдове и Пруто-Днестровье (Дергачев 2012: 168–169, рис. 9). Есть они и в голиградской культуре (могильник в Сопоте) (Крушельницка 1976: рис. 14: 3), а также в кобанской культуре Кавказа (рис. 9: 1), где датируются концом II – рубежом II – I тыс. до н.э. (Козенкова 2004: рис. 2: IV).

Наиболее же многочисленная группа, в том числе широкие браслеты из суботовских кладов 1955 и 1971 гг., имеет практически единообразную орнаментацию, отличаются в основном размеры кружков. Условно ее можно назвать спиральной. Это две зеркально повторенные композиции с выделенным центральным членом. Посередине помещены три соединенных кружка с концентрическим орнаментом, из них центральный более крупный. От боковых кружков отходят прямые полосы, заканчивающиеся вертикально поставленной эсовидной спиралью (рис. 2: 1–7, 9), которая иногда превращается просто в два расположенных друг над другом кружка. Это два браслета из Боровицы (Полтавец 2009: рис. 2 и 3), половина браслета из Суботова, раскоп VII (Тереножкин 1961: рис. 101: 7), два браслета, переданные в 1971 году местными жителями (Тереножкин, Ильинская 1971: табл. XIII: 1, 2), целый браслет, найденный в 1995 году в раскопе IX (Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер 1995: табл. XX). Три пары однотипных браслетов, найденные при невыясненных обстоятельствах в Кировоградской области(?) (Клочко, Козыменко 2011: рис. 164–166) имеют очень близкий орнамент, но к центральному кружку крестообразно присоединены четыре малых кружка (рис. 3: 8). На широких браслетах из суботовского клада 1971 г. в конце полосок по две эсовидных спирали, поставленных одна на другую (рис. 2: 6–7). По краям этой симметричной композиции, повторенной дважды, большие гладкие, слегка выпуклые кружки, один из которых является деталью застежки. Несколько упрощенная схема – на целом браслете из дореволюционных находок на Суботовском городище (рис. 3: 4). Различия орнаментов (полностью они не повторены ни разу)

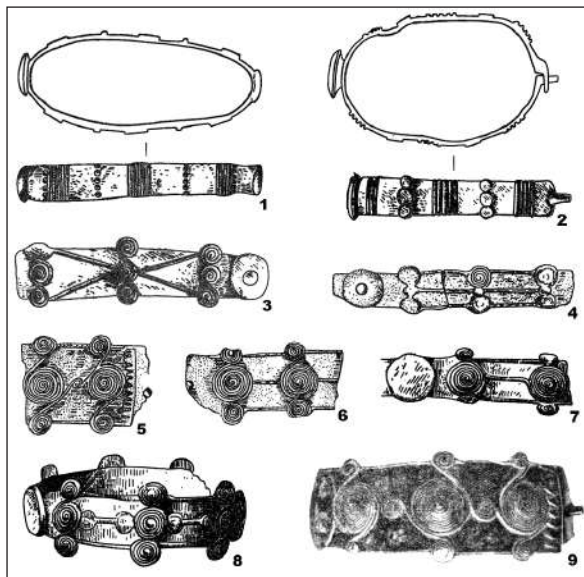

Рис. 4. Браслеты Поросской группы. 1 – Бобрица; 2 – Грищенцы; 3 – Лука; 4, 7 – Гули; 5 – Лепляво; 6 – Хмельна; 8 – Канев; 9 – бывш. Канев. уезд (по: Тереножкин 1952; 1961).

Fig. 4. Bracelets of the Poross'ia group: 1 – Bobritsa; 2 – Grischentsy; 3 – Luka; 4, 7 – Guli; 5 – Lepliavo; 6 – Khmielna; 8 – Kanev; 9 – the former Kanev county (by: Тереножкин 1952; 1961).

позволяют предположить, что браслеты служили обитателям Суботовского Большого Городка семейными или родовыми реликвиями и не предназначались, как иные изделия местного литья, для продажи или обмена (Гершкович 2003: 38; 2008). Может повторяться лишь схема орнамента, а разнообразие достигается за счет изменения и перестановки отдельных элементов.

Браслеты Поросья и Киевского Поднепровья мы рассматриваем вместе, поскольку их орнаменты и приемы декорирования близки, ареалы находок соприкасаются. Орнаменты этих групп (рис. 4 и 5) отличаются от тясминских прежде всего вертикальным соединением кружков, а также насыщенностью композиций орнаментальными элементами, но без выделенного центра. Обычны три разновеликих (изредка одинаковых) кружка со спиральным орнаментом, повторенные три раза подряд

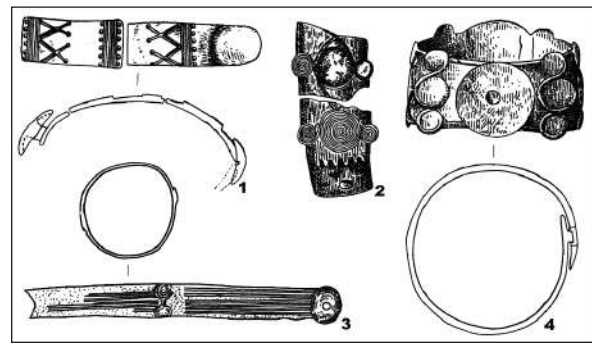

Рис. 5. Браслеты из Киевского Поднепровья. 1 – Стретовка; 2 – Зарубинцы; 3 – Витачев; 4 – Ржищев (по: Тереножкин 1952; 1961).

Fig. 5. Bracelets from the territory of the Dnepr River in Kiev area: 1 – Stretovka; 2 – Zarubintsy; 3 – Vitachev; 4 – Rzhyschiv (by: Тереножкин 1952; 1961).

(рис. 4: 3, 5–7). В одном случае (рис. 4: 4) центральный кружок мелкий и с нечеткими контурами. Встречаются также крестообразные композиции из пяти разновеликих спиральных кружков, представляющие особый интерес. Применяется соединение чередующихся элементов композиции не только горизонтальными линиями, но и косыми, по принципу «бегущей спирали» (рис. 4: 5, 9), а также пересекающимися линиями, образующими крест или острый угол (рис. 4: 3; 5: 4). Широко используются композиции из 3–4 вертикальных черточек, вперемежку с поясками точечного орнамента, реже – косых крестов (рис. 4: 1, 2; 5: 1). Следует отметить, что мотив косоугольного креста, но на концах браслетов, встречается также на пластинчатых браслетах в Центральной Европе, Пруто–Днестровье периода НаА–НаВ₁ (Дергачев 2012: рис. 6: 16; 9: 7, 8), на золотых браслетах из Михалковского клада (рис. 7: 3, 4), а также на кобанских второго этапа культуры (Козенкова 1982: табл. XXVIII: 24–26). Здесь же встречается орнаментация обода браслета конца II – начала I тыс. до н.э. косыми крестами (рис. 9: 9) (Козенкова 1989: табл. XXXVII: 24). Ширина браслетов примерно та же, самый широкий – 5,2 см (рис. 4: 5) происходит из с. Лепляво Гельмязовского района

⁷ Не все браслеты сохранились после разграбления Киевского исторического музея в годы второй мировой войны (Тереножкин 1952: 90), однако несовпадение орнаментов сохранившихся браслетов различных локальных групп достаточно выразительно.

⁸ А.И. Тереножкин упоминает в качестве одного из основных ареалов находок район Смелы (Тереножкин 1954: 102), однако при картографировании браслетов указан лишь один пункт – с. Пастырское, отстоящее от Смелы более чем на 20 км, как и другой недавно выявленный пункт – Каменка.

Черкасской обл. (напротив Канева на левом берегу Днепра). В целом, браслеты киевско-днепровской и поросской групп демонстрируют более развитую орнаментальную традицию и большую сложность в плане изготовления. Нередко детали рельефного орнамента выходят за пределы обода (Тереножкин 1961: рис. 109: 4, 5; 110: 1–3, 5–8) (рис. 4 и 5). Отличается своеобразием оформления концов браслета: два из них окаймлены зубчатой полоской (рис. 4: 5, 9; 5: 4). Всего здесь можно выделить 11 типов орнаментов. Ни один из них, за исключением, возможно, находки из Витачева, не представлен в тясминской группе⁷.

К вопросу о центрах производства браслетов с рельефным орнаментом. Различия в орнаментации браслетов трех упомянутых территориальных групп позволяют заключить, что в каждой из них были собственные мастерские. На Тясмине четко вырисовывается единый производственный центр – Суботовское городище, где локализуются почти все находки⁸. В основном это следы производства (литейные формы) либо так называемые престижно-ритуальные клады (Лысенко 2004: 63) («клады ремесленников»). Вне его – находки в Боровице, Пастырском, Каменке, бывшем Золотоношском уезде и на Кировоградщине. Во всех этих случаях браслеты, скорее всего, вышли из суботовских мастерских.

В двух других группах нет ни одной находки литейных форм, но во многих случаях отмечена обожженность и деформированность браслетов (находки из погребений) (Тереножкин 1952; 1961: 43–44). Об этом же свидетельствует и широкий территориальный разброс находок, особенно в Поросье. Вероятно, здесь находилась крупная мастерская или несколько мастерских. Это могли быть районы Канева и соседнего с. Грищенцы на берегу Днепра. С Каневщины (Тереножкин 1961: рис. 1: VI; Ковпаненко 1971: 116) происходят и находки 8 чернолесских кельтов, а также булавок лужицких и семиградских типов, которые, видимо, отливались в тех же мастерских, что и браслеты, как это наблюдалось на Суботовском городище (Тереножкин 1961: 169). В Киевском Поднепровье центр производства менее ясен

– Зарубинцы или Подгорцы(?). В Подгорцах местное бронзолитейное производство, к тому же синхронное суботовскому, подтверждает находка фрагмента глиняной формы для отливки чернолесского кельта с елочным орнаментом, аналогичного суботовскому из клада 1955 года (Тереножкин 1961: рис. 78: 2). Позже, в скифское время, здесь был центр металлообработки, где изготавливали своеобразные ажурные украшения (Рассадин 1991).

Если обратиться к традиции изготовления бронзовых пластинчатых браслетов в Среднем Поднепровье, то здесь известны широкие браслеты так называемого лужицкого типа в два оборота с заостренными краями и гравированным геометрическим орнаментом. Происходят они из Киевского Поднепровья, один браслет с территории Житомирской области, и соотносятся с белогрудовским горизонтом (1200–1000 гг. до н.э.) (Лысенко 2002а: 118–119, рис. 4). Их можно сравнить с пластинчатыми браслетами в один и полтора оборота, известными в фрако-киммерийских комплексах (IX–VIII вв. до н.э.) Центральной Европы (Махортых 2003: рис. 39: 5, 6; 43: 5, 6; 58: 14, 15, 20, 21), где представлены в основном древности черногородовского горизонта. Они изредка украшены прямыми или косыми насечками. Финальной бронзой (1000–800 гг. до н.э.) датированы три многовитковых браслета из узкой (0,5–0,6 см) пластины сегментовидного сечения, присходящие из суботовского клада 1955 г. в раскопе III (Лысенко 2002а: 118, 120, рис. 3: 23–25; Тереножкин 1961: 158, рис. 105: 8; 106: 6–8). По А.И. Тереножкину, именно эти браслеты были типичными для белогрудовского времени. Много обломков литейных форм для браслетов подобного сечения (иногда их называют пружинными) обнаружено на Суботовском городище, целые браслеты встречены в различных пунктах на Тясмине и других местах Среднего Поднепровья (Тереножкин 1961: 157–160). Аналогичные браслеты из узкой пластины сегментовидного сечения, орнаментированные группами косых насечек, известны в могильниках висоцкой культуры этого же периода (Лысенко 2002а: 118, 120). Парадные варианты браслетов такого типа, украшенные крупными спиральными щитками, обнаружены в погребениях белогрудовского горизонта Гордеевского могильника в междуречье

⁹ Исключение составляют украшения из элитарного Гордеевского могильника, где представлены многовитковые браслеты с массивными щитковыми спиралями.

Буга и Днестра (Гордіївський могильник 2011, рис. 29, 30). Все упомянутые типы браслетов, предшествующие чернолесским суботовского типа, заметно от них отличаются. Общими являются сегментовидное сечение обода и, в ряде случаев, его ширина. Спиральные украшения очень редки, рельефные орнаменты не известны вообще.

На территории Украины, в том числе и в Среднем Поднепровье, украшения с крупными щитками-спиралями (браслеты, гривны, перстни) были распространены в период поздней бронзы (Лысенко 2005а), в основном в северной части рассматриваемого региона, на Киевщине. К концу финала бронзы, с общим сокращением количества металлических изделий, спирали сохраняются здесь лишь в виде миниатюрных подвесок белогрудовской культуры⁹. Отдельные элементы спиральных волнотобразных орнаментов в сочетании с горизонтальными поясами представлены на золотой обкладке рукояти железного ножа из кургана 35 Гордеевского могильника – элитарного белогрудовского в своей основе памятника (Гордіївський могильник 2011: рис. 69: 1; фот. 6: 1; Лысенко 2005а: 41).

На этом фоне появление браслетов суботовского типа выглядит неожиданным и собственно знаменует начало нового этапа местной металлообработки и позднего, второго этапа чернолесской культуры. Совершенно очевидно, что наряду с некоторыми другими металлическими изделиями и иными категориями материальной культуры (Лысенко 2005: 46; Крушельницька Бандрівський 2012: 115, пр. 101) это были новшества, появившиеся под воздействием внешних импульсов. Причем, судя по разнообразной орнаментике браслетов, импульсы должны исходить из территорий с развитой металлообработкой и богатыми культурными традициями. Одной из отличительных черт суботовских браслетов принято считать спиральный орнамент, который исследователи давно уже сравнили с гальштатскими мотивами (Tallgren 1926). Что касается мотива «бегущей спирали», то этот мотив представлен в основном на некоторых браслетах Поросья, тогда как на Тясмине преобладали комбинации из кружков с концентрическим орнаментом, дополненных иногда эсовидными спиралями или сдвоенными спиральными завитками типа «бараньих рогов». Хотя, как уже упоминалось,

широко представлены и иные мотивы, происхождение которых сложно установить, поскольку они известны на многих территориях. Первенство принадлежит венгерским бронзам периода НаА, когда гальштатская мода на украшения далеко разошлась из Карпато-Подунавья. Детали из спирально закрученной проволоки, иногда довольно массивные, бронзовых украшений (браслетов, гривен, перстней, фибул, булавок) были чрезвычайно популярны в Центральной Европе, начиная с периода средней бронзы. В средне-гальштатский период (НаВ, X–VIII вв. до н.э.) также были широко распространены изделия, украшенные рельефным орнаментом в виде кружков или точек (пояса, чаши), и эти орнаментальные мотивы проникли на соседние территории, очевидно, вместе с престижными металлическими изделиями. В гальштатской среде существовала мода на большое количество браслетов, преимущественно женских, среди которых много массивных, покрытых рельефными орнаментами. В западных средиземноморских областях гальштатского мира, в том числе в культуре Вилланова и иных культурах этого периода, были распространены широкие пластинчатые браслеты, орнаментированные кружками и крупными овальными выпуклинками (рис. 8: 1, 3) (Монгайт 1974: с. 145, рис. I: 2 на с. 146; рис. 32 на с. 176), а также чеканные.

По мере удаления от богатых металлом центров, в частности, на территории Украины, эффектные гальштатские золотые и бронзовые украшения трансформировались в местные разновидности, выполненные исключительно из бронзы. Попутно происходит миниатюризация исходных образцов. Так, повторенные несколько раз сдвоенные спирали на крупных фибулах культур Киятице и Гава (рис. 8: 4), сохраняются в схематизированном виде на навершиях булавок поздней лужицкой культуры (рис. 8: 5). Возможно, этот же мотив угадывается в некоторых орнаментах чернолесских браслетов (рис. 4: 4). В поздней лужицкой культуре известны также пластинчатые браслеты, орнаментированные вертикальными и горизонтальными полосками (рис. 8: 2). Аналогичные орнаменты известны и в кобанской культуре (Козенкова 1982: табл. XXVII: 10). Под влиянием крупных волнотобразных щитков на браслетах типа Фокору или поздних лужицких (рис. 8: 6, 8), могли возникнуть спиральные орнаменты широких чернолесских браслетов с выступающими за края

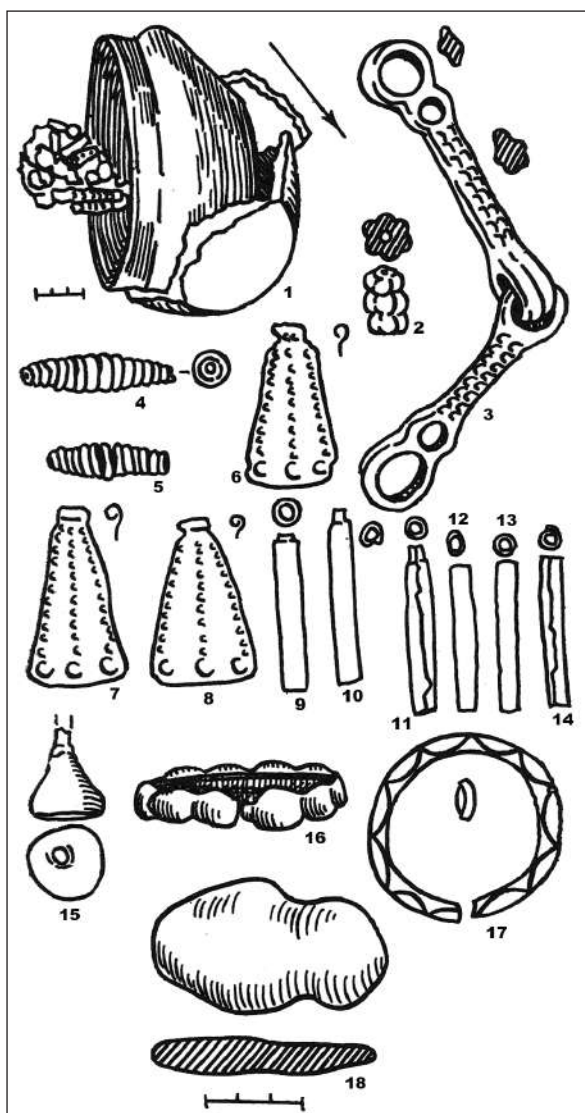

Рис. 6. Клад с городища у с. Залевки на Тясмине (по: Третъяков 1949).

Fig. 6. The treasure from the hill-fort near Zalevki village on Tyasmin River (by: Третъяков 1949).

обода спиралями (рис. 4: 3, 5, 8; 5: 4). Однако все эти аналогии не очень приближают к поискам истоков наиболее интересной композиции браслетов суботовского типа – крестообразной фигуры с двумя вертикальными эсовидными спиралями или завитками типа бараньих рогов (просто двух кружков, расположенных друг над другом). Вероятно, должны были существовать некие композиции с устойчивым сакральным смыслом. Такие композиции могли помещать

на сакральные головные уборы, налобные ленты.

Известны еще два региона, где одновременно с чернолесскими существовали своеобразные наборы металлических украшений, сформировавшиеся под влиянием изделий Карпато-Дунайского региона. Это изделия Михалковского клада на Среднем Днестре и украшения кобанской культуры на Кавказе. Соответственно эти регионы могут рассматриваться в качестве исходных для чернолесских браслетов суботовского типа. Следует также учитывать, что оба они испытали влияние со стороны степного кочевого мира в X–VIII вв. до н.э., в период военных походов номадов, известных как киммерийцы.

Уже давно было сделано заключение о гальштаттском характере орнаментов чернолесских браслетов (Tallgren 1926: 204–206). Внимание исследователей привлекли, прежде всего, украшения со спиральными орнаментами из гори-

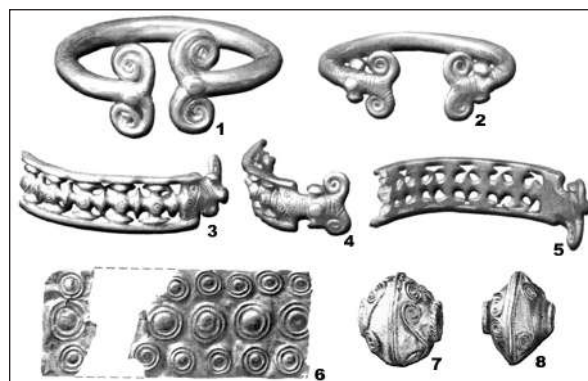

Рис. 7. Золотые предметы Михалковского клада. 1-5 – браслеты; 6 – обкладка диадемы(?); 7, 8 – бусы (по: Бандрівський, Крушельницька 2012).

Fig. 7. The gold goods from the treasure found in Mikhal'kov: 1-5 – bracelets; 6 – lining tiaras(?); 7, 8 – beads (by: Бандрівський, Крушельницька 2012).

зонта фрако-киммерийских древностей, в частности, кладов Михалковских из Приднестровья и Бешеньсэг-Фокору из Восточной Венгрии. В последнем были массивные золотые браслеты, концы которых заканчивались двумя закрученными в разные стороны крупными спиралями, далеко выступающими за края обода (рис. 8: 8). Сам обод треугольного сечения украшен грави-

¹⁰ Согласно исследованию Б. Тержан, золотые фибулы из Михалковского клада вышли из восточно-балканских мастерских, хотя прототипами послужили кавказские образцы (Teržan 2009: 190 ff; Левицкий, Кашуба 2011: 239).

¹¹ Среди изделий предшествующего периода аналогичные крестообразные формы имеют кобанские булавы и подобные им бронзовые изделия XII–XI вв. до н.э. (Козенкова 1996: рис. 40: 4).

рованным орнаментом (Археология Венгрии: 150, рис. 50: 15). В первом Михалковском кладе были подобного рода золотые браслеты, но с более мелкими щитками (рис. 7: 1, 2) (Крушельницька, Бандрівський 2012: 139, іл. 9: 3, 4), женский браслет, орнаментированный девятью прорезными крестообразными фигурами типа мальтийских крестов и двойными завитками на концах, украшенных также косым крестом (рис. 7: 3–5). Эти находки отнесены исследователями ко второму хронологическому горизонту (830 – середина–первая половина VIII вв. до н.э.) (Крушельницька, Бандрівський 2012: 101–102). К первому хронологическому горизонту (около 900–830 гг. до н.э.) отнесены, в частности, золотые биконичные бусины, украшенные «бегущими спиралями» (рис. 7: 7, 8), а также фрагмент золотой пластины – обкладки диадемы(?), орнаментированный тремя рядами кружков с концентрическим орнаментом, из которых средний более крупный (рис. 7: 6). Можно отметить некоторое сходство с декором чернолесских браслетов. Крестообразные фигуры, являющиеся репликами кобанских бронзовых изделий¹⁰ конца IX – начала VIII вв. до н.э. (Козенкова 2004: рис. 3: I,V), можно с известной долей условности сопоставить с крестообразными элементами «суботовских» браслетов, составленными из разновеликих кружков¹¹ (рис. 3: 8; 4: 8, 9), а орнамент диадемы – с элементом орнаментов браслетов в виде трех вертикально соединенных кружков, из которых средний более крупный (рис. 4: 3, 5–7).

Еще более интересен орнамент золотой диадемы из клада Фокору (рис. 8: 11), состоящий из разновеликих кружков, соединенных по принципу «бегущей спирали». Внутри кружков помещены прямоугольники со слегка вогнутыми сторонами и ямкой по центру – стилизованные солярные символы, характерные для раннекопечнических («киммерийских») комплексов начала I тыс. до н.э. (Тереножкин 1976: рис. 92). Орнаментальное поле разделено горизонтальной линией на две части, что также напоминает горизонтальные пояски по центру обода многих «суботовских» браслетов. Металлические орнаментированные диадемы известны в культурах позднего бронзового века Северо–Восточной Венгрии (около XII в. до н.э., Фелшэсч, Беркес, Гава),

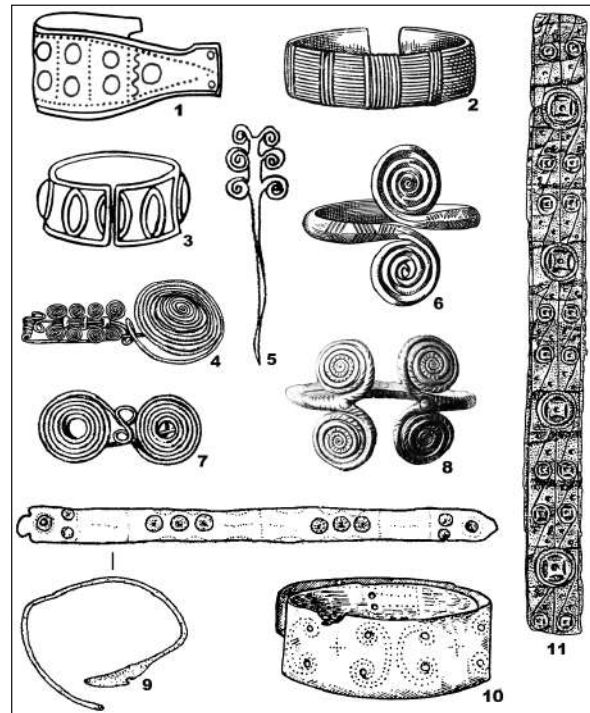

Рис. 8. Украшения эпохи поздней бронзы – начала железного века из Центральной и Восточной Европы. 1 – культура Вилланова; 2–6 – Лужицкая культура; 4 – культура Киятице; 7 – Шаренград (клад); 8–11 – Фокору (клад); 9 – Ciuta; 10 – Berkes culture (по: Монгайт 1974; Археология Венгрии, 1986; Словник з археології 1986; Махортых 2003; Chochorowski 1993; Gogáltan 1999).

Fig. 8. Decoration of the Late Bronze Age – Early Iron Age in Central and Eastern Europe: 1 – Villanova culture; 2,3,5,6 – Lusatian culture; 4 – Kiiatitce culture; 7 – Sharengrad (treasure); 8,11 – Fokoru (treasure); 9 – Ciuta; 10 – Berkes culture (by: Монгайт 1974; Археология Венгрии, 1986; Словник з археології 1986; Chochorowski 1993; Gogáltan 1999; Махортых 2003).

причем некоторые их орнаменты из разновеликих концентрических кружков напоминают Михалковскую диадему (Археология Венгрии 1986: рис. 32: 22), а композиции из четырех кружков (по два с каждой стороны) центрального крестика (Археология Венгрии 1986: рис. 35: 10) (рис. 8: 10) – «суботовские» браслеты и раннескифскую диадему из Енджи (рис. 10: 3).

В отличие от орнаментов гальштаттских и кобанских браслетов, состоящих из повторяющихся одинаковых элементов, в орнаментике диадем чередуются симметричные композиции из разновеликих элементов с выделенной центральной частью. Можно предположить, что именно орнаментика налобных лент (ди-

¹² Лишь в одном из кладов было около 5 кг золотых изделий (Крушельницька, Бандрівський 2012: 26, пр.16).

адем) послужила основой при создании декора «суботовских» браслетов, по крайней мере, наиболее сложных образцов. Символика этих орнаментов оказалась довольно устойчивой, судя по воспроизведению на изделиях фрако-киммерийского горизонта (клады Фокору, Михалковский, погребение в Ендже, «суботовские» браслеты).

А.И. Тереножкин, отрицавший прямое заимствование типов и орнаментов «суботовских» браслетов из среды фракийского гальштатта, допускал, вслед за А.М. Тальгреном, некое «влияние своеобразной дунайской культуры» (т.н. фрако-киммерийской) (Тереножкин 1961: 211). К этой культуре исследователь относил и вещи Михалковских и голиградского кладов, не находящихся полного соответствия в культурах фракийского гальштатта. Они были выделены как особая михалковская группа (Тереножкин 1954: 109–110). Ныне для этих древностей предложен термин «михалковская постголиградская группа памятников» (Крушельницка, Бандрівський 2012: 139), а существование фрако-киммерийского горизонта древностей как некоей общности рубежа IX–VIII вв. до н.э., обладавшей также общностью территориальной, получает признание (Chochorowski 1993; Бруяко 2009; Trežan 2009; Левицкий, Кашуба 2011: 240). Михалковские клады по сравнению с чернолесскими гораздо более высокого ранга – как по составу, так и по ценности, поскольку изготовлены из золота¹² и выполнены в более сложной технике. Клады маркируют территорию Михалковской группы памятников как центр довольно развитого региона на окраине восточногальштаттского мира и лужицкой культуры, вероятно, на важных торговых путях.

Таким образом, территории Среднего и Верхнего Поднепровья – это один из вероятных очагов, откуда могли проникнуть исходные образцы чернолесских браслетов.

Учитывая характер эпохи¹³, такие передвижения населения постголиградской Михалковской группы памятников (Крушельницка, Бандрівський 2012: 115) вполне возможны¹⁴. Движение это проходило, вероятно, через центральную или северную подзону лесостепи, по сухопутным торговым путям субширотного направления, прослеживаемым еще с эпохи бронзы (Лысенко 2002), в том числе по находкам бронзовых украшений западных типов со спиральными щитками (Лысенко 2005а: рис. 1: 4). Именно из северной подзоны Лесостепи, точнее из Киевского Поднепровья, происходят немногие известные ныне центральноевропейские украшения. Это италийская фибула второй половины IX–VIII в. до н.э. из с. Гребени Ржищевского района, а также бронзовая трехлопастная пронизка из с. Зарубинцы, аналогии которой есть среди предметов Михалковского клада (Тереножкин 1961: 173–174, рис. 112: 4, 5). С белогрудовско–чернолесского периода именно в северной подзоне лесостепи фиксируются находки булавок лужицких и семиградских типов (Тереножкин 1961: рис. 1), в том числе с боковой петлей (Березанская 1982: рис. 21: 3). Из десяти булавок четыре происходят с Каневщины, одна с Киевщины, одна с Житомирщины и одна с Тясмина, места находки остальных не известны (Тереножкин 1961: рис. 111: 4–7, 15–20). Остается в силе заключение о преимущественной этнической связи населения чернолесской культуры не с востоком, а с западом, и возможности территориального стыка этой культуры и михалковской группы памятников, а также ранневысоцкой (Тереножкин 1954: 109).

В плане металлообработки, а также общих традиций изготовления украшений, представляют интерес лужицкая культура и ее восточный вариант, в которой ощущалось воздействие голиградской (Крушельницка 1976: 46). Среди высокоцких украшений име-

¹³ В период HaB3 (конец IX – начало VIII вв. до н.э.) происходит упадок венгерско-трансильванского центра металлургии бронзы, одновременно с кризисом поселенческих структур в восточной части Карпатской котловины (Хохоровски 2011: 319–323). Называется и иная дата начала кризиса – около середины X в. до н.э. (Blažar 2001), что совпадает с начальным этапом черногородовского культурного горизонта (Хохоровски 2011: 323). Эти события послужили катализатором передвижений населения в Прикарпатье и в Приднестровье.

¹⁴ Высказано предположение, что именно население михалковской группы, продвинувшееся в Среднее Поднепровье, заложило основы чернолесской металлообработки (Крушельницка, Бандрівський 2012: 115, пр. 101). В пользу возможного переселения нового, западного этноса вроде бы свидетельствует смена погребального обряда – широкое распространение трупосожжений (Тереножкин 1954: 105–106; Крушельницка, Бандрівський 2012: 115, пр. 101) вместо трупоположений белогрудовского времени. Впрочем, трупосожжения были характерными и для чернолесской культуры в бассейне Роси, и для лебедовской культуры этого же времени в междуречье Припяти и Роси.

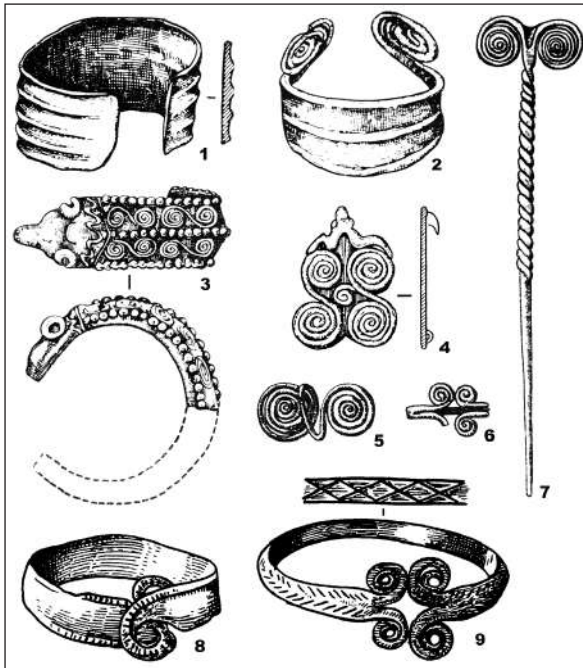

Рис. 9. Бронзовые изделия кобанской культуры. 1-3,8,9 – браслеты; 4 – поясная пряжка; 5 – привеска; 6 – перстень; 7 – булавка (по: Козенкова 1982; 1989; 2004).

Fig. 9. The bronze ware of Koban culture: 1-3,8,9 – bracelets; 4 – belt buckle; 5 – pendant; 6 – ring; 7 – pin (by: Козенкова 1982; 1989; 2004).

ется большое количество бронзовых проволочных изделий со спиральными щитками на концах: булавки, браслеты, серьги, подвески (Sulimirski 1931: tabl. XXV; XXVI) (рис. 8: 5, 6). Лужицко-высоцкие влияния, касающиеся булавок, серег и ряда мелких украшений Среднего Поднепровья, не вызывают сомнений у исследователей (Тереножкин 1961: 167–169), еще более выразительно эти влияния проявились в раннескифское время (Петренко 1978: 16; Крушельницка 1976: рис. 22; Светличная 1996). Лужицкие истоки чернолесских кельтов также признаны исследователями (Sulimirski 1931: 40; Крушельницка 1976: 44, прим.).

Кавказ издавна контактировал с карпато-дунайским регионом на уровне металлургических центров. Собственные богатые запасы медных руд и прочные традиции позволяли поддерживать производство даже в период кризиса семиградских и трансильванских центров металлообработки.

Оригинальные широкие браслеты с рельефным орнаментом различных типов были распространены на территориях всех вариантов, и в особенности центрального и восточного, кобанской культуры. Многие из них, в том числе браслеты с крупными одинарными или парными спиралями на концах, справедливо считаются заимствованиями из карпато-дунайского бассейна (Козенкова 1982: 45–48, 50, табл. XXVII; XXVIII: 23–26; 1996: 117–118, 129, рис. 47, 48, 50). Наиболее ранние относятся еще к протокобанскому переходному периоду, началу XIV – первой пол. XII в. до н.э. (Козенкова 1996: рис. 34, 52–55). На следующем этапе появляются браслеты с тремя рельефными горизонтальными полосами и несомкнутыми краями, заканчивающимися крупным спиральным завитком или стилизованными головами животных (рис. 9: 2, 3). В фазе ДНЧТ I, синхронной времени бытования «суботовских» браслетов (конец IX – начало VIII вв. до н.э.), здесь представлены браслеты различных типов: упомянутые выше с концами в форме спиралей или стилизованных голов животных (Козенкова 2004: рис. 3: V) (Козенкова 1996: рис. 50: 14–17), все это в сочетании с выпуклыми горизонтальными полосами на ободе. С периода НаА известны здесь пластинчатые браслеты с гладким ободом средней ширины и такие элементы орнаментации на браслетах как косой крест (рис. 9: 8, 9)¹⁵, а мотивы двойной спирали, «бегущей волны» (рис. 9: 3), трех или четырех соединенных спиралей на украшениях, в том числе браслетах, и даже на керамике существуют в этот же и более ранний периоды (Козенкова 1989: табл. XXXVII: 23, 24; 1996, 117). Кроме браслетов, были распространены еще различные украшения со спиральными щитками – местных (поясные пряжки и булавки) и гальштаттских типов – двуспиральные привески, перстень с четырьмя щитками (рис. 9: 4–7) (Козенкова 1982: табл. XXIV: 13–15, 32–34). Таким образом, здесь были известны многие типы центральноевропейских браслетов и других бронзовых украшений, наряду с их местными модификациями. Для кавказских бронзовых литых украшений характерна ярко

¹⁵ Этот мотив часто применялся в орнаментации браслетов (НаА-НаВ) на территории Румынии (Petrescu-Dîmbovița 1977: pl. 117: 8a; 118: 1a; 119: 5; 146: 15a; 157: 2a).

выраженная декоративность и широкое применение рельефной орнаментации.

В предскифское время с Кавказа, и главным образом с территории кобанской культуры, в киммерийские степи и в лесостепь поступало основное количество импортных металлических изделий. Считается, что они главным образом служили сырьем для местных бронзолитейщиков (Тереножкин 1976: 170–171). Украшений среди них практически нет, за исключением мелких изделий из «клада литейщика» в с. Залевки фазы ДНЧТ I (Третьяков 1949: 230; Тереножкин 1961: 152–153), а также булавки типа «перо павлина» из с. Хмельна в Поросье (Тереножкин 1976: рис. 60: 1), судя по аналогиям (Козенкова 1989: табл. XXXVII: А; 1996: рис. 35: 10) относящейся к XII–XI – началу X вв. до н.э.). К этому же времени, исходя из кобанских аналогий (рис. 9: 6), относится, вероятно, и бронзовый перстень с двумя парами завитков на концах из Среднего Поднепровья (Тереножкин 1961: рис. 112: 2), а также, возможно, некоторые булавки с широкими шляпками и боковыми петлями¹⁶.

Усиление импульсов со стороны Кавказа в Северном Причерноморье, в том числе и в Среднем Поднепровье, связано с появлением здесь древностей новочеркасского горизонта (Дубовская 1989; Козенкова 1996; 2004). В основном это фаза ДНЧГ II, от конца первой до начала второй половины VIII в. до н.э. по В.И. Козенковой. Это было время активных взаимосвязей «кобанцев» с окружающим миром, когда получает массовое распространение мода на определенные типы вещей. Массовое использование изделий ДНЧТ, в том числе кобанских, приходится уже на вторую половину VIII в. до н.э., ближе к концу столетия, когда в Юго-Восточной Европе появляется множество памятников с уздечными гарнитурами новочеркасского типа (Козенкова 2004: 78, 79). В Среднем Поднепровье лучше всего представлен поздний период взаимодействия с «кобанским» миром (фазы ДНЧТ III) конца VIII в. до н.э. – так называемые погребения

киммерийцев с богатыми уздечными наборами и вооружением (Скорый 1999). По количеству археологического металла этот период резко контрастирует с предыдущими. Древности ДНЧГ I (конец IX – начало VIII в. до н.э.), синхронные «суботовским» браслетам, также известны (Залевкинский клад, трубчатые пронизи на чернолесских городищах), однако в этот период взаимосвязи кобанцев с соседями носили «интенсивный военный характер», когда они участвовали в совместных рейдах западного направления (Козенкова 2004: 77). Логичнее было бы предполагать влияние кобанских центров на производство «суботовских» браслетов (если только оно имело место) в фазе ДНЧТ II, тем более что прослеживается ряд «точек соприкосновения» между браслетами с рельефной орнаментацией и некоторыми деталями конских «киммерийских» наборов этого и более позднего периодов (см. ниже). Однако такое предположение вступает в противоречие с датировками горизонта Суботов II по C¹⁴. Проникновение культурного импульса с Кавказа в фазы ДНЧТ I или II,¹⁷ в результате которого могли появиться браслеты суботовского типа, вовсе не исключено, если учесть, что механизм обмена культурными элементами мог быть связан с деятельностью групп мастеров-металлургов, которые «нередко были культурно-обособленными от окружающего их населения» (Черных 1976: 149; Козенкова 1982а: 29).

Кавказ обычно не рассматривается в качестве исходной территории для чернолесских орнаментированных браслетов. В то же время началом предскифского периода территория кобанской культуры вовлекается в движение кочевников, в результате чего образуется обширная «киммерийская» среда, импульсы из которой проникают в северопричерноморские степи, в Приднепровскую лесостепь, на Волгу и Каму, в Центральную Европу (Chochorowski 1993: тара 12; Хохоровски 2011: рис. 15; Бру-яко 2005: 103, 106). Западная часть ее ареала известна как фрако-киммерийская общность, а

¹⁶ В западном варианте кобанской культуры XII–XI вв. до н.э. (Былымский клад) представлены булавки с гвоздевидными плоскими шляпками и миниатюрной фигуркой животного (коня?) на стержне (Козенкова 1989: табл. XXXVII), которые, видимо, со временем превратились в не совсем понятные петли. Примерно к этому же времени относятся булавки с боковой петлей позднебронзовой культуры Пилинь в Восточной Венгрии (Археология Венгрии 1986: рис. 25: 9–11).

¹⁷ По мнению В.И. Козенковой, для кобанских литейщиков предполагается освоение чужих территорий вне Кавказа в фазе ДНЧТ II (конец первой – начало второй половины VIII в. до н.э.) (Козенкова 2004: 77).

восточная степная считается либо собственно киммерийской, либо обозначается как ареал памятников черногоровского и новочеркасского горизонтов. В результате «прорыва» одного из импульсов, шедших из этой среды, возникали такие неординарные явления как ювелирные изделия Михалковского клада на Среднем Днестре.

На северо-восточной периферии этого ареала сформировалась ананьинская культура, металл которой имел много общего с кавказским. Особый интерес представляют находки из Старшего Ахмыловского могильника в Среднем Поволжье, где немало вещей «киммерийского» типа. Это пояса и налобные женские венчики из нанизанных на шнурок мелких бронзовых украшений, крепившихся к матерчатой основе. Среди них множество восьмерковидных бляшек и трубчатых пронизок, а также довольно крупные плоские или выпуклые кружки, наподобие тех, что помещены на застежках и по центру обода «суботовских» браслетов. Эти погребения, судя по всему, относятся к раннему горизонту могильника, к VIII–VII вв. до н.э. В набор «пояса» из погребения 294 входили фигурные пронизы, увенчанные сдвоенными спиральными головками, последовательно соединенные восьмерковидные бляшки, узкие трубчатые пронизы (Патрушев, Халиков 1982: рис. 50: 3а; 49: 2а, 3а; 61: 1д; 96: 1а и др.), образовавшие оригинальную композицию. На одном из налобных венчиков (Патрушев, Халиков 1982: рис. 49: 2а), четыре пары восьмерковидных бляшек помещены по бокам центральной бляхи, украшенной выпуклым орнаментом: вокруг центрального, крупного кружка, расположены – по принципу прямого и косога креста – восемь малых (рис. 10: 2). Типологически эта композиция близка орнаментам «суботовских» браслетов с крестовидными композициями из спиральных кружков в центре и сдвоенных кружков со спиральным орнаментом по бокам (рис. 3: 8). Некоторые украшения (рис. 10: 1) можно сравнить с навершиями лужицко-высоцких булавок с тремя парами сдвоенных спиралей

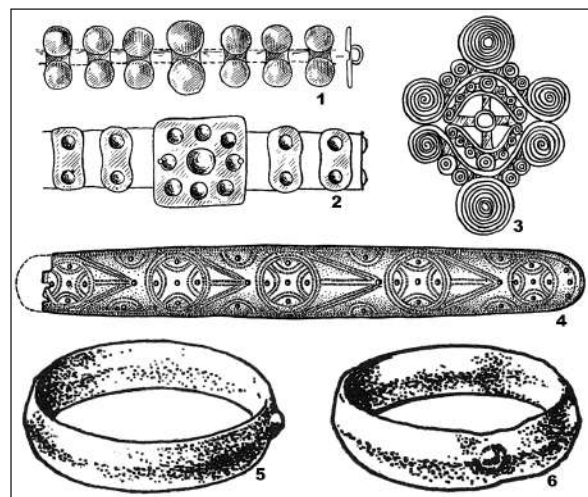

Рис. 10. Украшения киммерийского типа и браслетообразные кольца. 1-2 – Старший Ахмыловский могильник; 3 – Енджа; 4,5 – Бутенки (по: Патрушев, Халиков 1982; Тереножкин 1976; Граков 1977).

Fig. 10. Cimmerian type decorations and goods similar to bracelets: 1,2 – Old Achmylovski cemetery; 3 – Endzha; 4,5 – Butenki (by: Патрушев, Халиков 1982; Тереножкин 1976; Граков 1977).

(рис. 8: 5), а также с орнаментом чернолесских браслетов из Поросья (рис. 4: 4). Появление таких украшений в Волго–Камье можно объяснить общей «киммерийской» средой и наличием сухопутных коммуникаций между Средним Поднепровьем и ареалом ананьинской культуры.

Таким образом, можно говорить о сходстве некоторых орнаментальных схем ахмыловских налобных лент, диадем эпохи поздней бронзы и предскифского–раннескифского времени с территории Венгрии (Фокору) и Болгарии (Енджа), а также «суботовских» браслетов. Не исключено, что упомянутая композиция, особенно устойчиво повторяющаяся на «суботовских» браслетах, существовала в степной «киммерийской» среде, возможно, в упрощенном виде, и в иной технике (рисованная, в виде аппликаций, вышивки или резьбы) на налобных¹⁸ или наручных повязках. В одном из суботовских кладов 1955 года в раскопе III (Тереножкин 1961: 173, рис. 105: 1–7, 9–14) найдены восьмерковидные бляшки со следами

¹⁸ Бронзовые налобные венцы нередки в степных погребениях раннего (черногоровского) этапа предскифского периода (Археология УССР 1986: 24). Некоторые венцы из степных погребений среднего черногоровского этапа по О.Р. Дубовской были украшены, возможно, бронзовыми четырехлепестковыми бляшками (Дубовская 1996: 117, рис. 1 и 3). Судя по кобанским аналогиям, эти бляшки можно датировать VIII в. до н. э. (Козенкова 2004: рис. 6: 1).

поперечных тесемок для нанизывания¹⁹. В сочетании с трубчатыми пронизьями они могли образовать устойчивые композиции, подобные ахмыловским. Аналогичные композиции представлены также в двух степных элитарных комплексах конца VIII – начала VII в. до н.э. на территории Болгарии: на золотой диадеме из Енджи (ныне Царевброд) (рис. 10: 3) и наконечнике ножен из Белоградца (Тереножкин 1976: 165, рис. 9: 2; 16: 1).

Эти киммерийские изделия, как и украшения налобных лент из Ахмыловского могильника, моложе «суботовских» браслетов. Фактически, орнаментальные композиции последних в какой-то мере предвосхищают искусство степной киммерийской культуры второй половины VIII в. до н.э. В тясминской группе это прежде всего преобладание концентрических элементов орнамента над спиральными, популярность трехчленных композиций из кружков с центральным более крупным, в поросской – наличие пятичленных крестообразных композиций из концентрических кружков. Эти элементы (цепочки из концентрических кружков, «бегущие спирали», крестообразные фигуры) становятся популярными в степной киммерийской среде с конца VIII в. до н.э. с появлением богатых всаднических захоронений (Тереножкин 1976: 92–96; рис. 17). Высоким мастерством исполнения отличается набор резных уздечных украшений из кургана у с. Зольное в Крыму (рис. 10: 3), относимый к числу наиболее ранних кобанских изделий начала фазы ДНЧТ III, датируемой в пределах второй половины – конца VIII в. до н.э. (Козенкова 2004: 79–80).

Создается впечатление, что браслеты суботовского типа, орнаменты которых близки киммерийским, не должны отстоять во време-

ни от упомянутых киммерийских комплексов почти на сто лет. Это впечатление усиливается при сравнении чернолесских браслетов с браслетообразными кольцами диаметром от 6 до 9 см, встречающимися в комплексах новочеркасского горизонта. Иногда они имеют снаружи один выступ с дополнительным приспособлением для крепления ремней, заканчивающийся т-образной или круглой плоской бляшкой. Эти детали – индикаторы упряжи колесниц (тип 2)²⁰ – могли быть связаны с ремнями построшков (Эрлих 1994: 33–34, 46–47, табл. 9: 1–10; Вальчак 1997: рис. 3: 1, 2; 4). В Среднем Поднепровье браслетообразные кольца найдены в курганных воинских погребениях у с. Бутенки на Полтавщине (Ковпаненко 1962), а также у с. Квитки в Поросье (Ковпаненко, Гупало 1984). Ширина их около 1,8 см, толщина около 2 мм, диаметр 9–8 см. В центре полосы браслета (Бутенки) небольшой звездвидный выступ (рис. 10: 4), в другом случае (Квитки) выступа нет. Комплекс из с. Бутенки В.И. Козенкова относит к фазе ДНЧТ II (Козенкова 2004: 79), то есть хронологически он близок браслетам суботовского типа, хотя и не синхронен. Небольшие звездвидные выступы есть и на овальных бронзовых кольцах третьей хронологической группы (середина IX – третья четверть VIII вв. до н.э. по М. Бандривскому), которых считают либо браслетами (Березанская 1972: 87), либо деталями тягловой упряжи (Бандрівський 2011: 10; Эрлих 2005). Возникает ряд иных ассоциаций с элементами тягловой упряжи и уздечными наборами. Это прежде всего массивность, склепывание краев и подчеркнутая декоративность широких браслетов, напоминающая орнаментику конских наборов типа Зольного, а также использование в декоре больших плосковыпуклых кружков²¹.

¹⁹ Ср. с продольными рельефными полосками «суботовских» браслетов, на которые как бы нанизаны детали орнамента.

²⁰ Они обычно сочетаются с круглыми в сечении кольцами с привесками для ремней узды, которые можно более определенно соотносить с деталями тягловой упряжи. Их относят к горизонту классических новочеркасских памятников, датируемых не ранее 714 г. до н.э. (Эрлих 1994: 33–34, 93, табл. 9: 1–10; Вальчак 1997: 40, 53).

²¹ А.И. Тереножкин отметил такую деталь: «на многих браслетах в одном или в двух местах имеются сильные потертости, как будто от того, что к ним что-то привешивалось. В этих местах (чаще в противоположной стороне от замка) пластина браслета бывает тонкой, вплоть до утраты на ней орнамента» (Тереножкин 1961: 161). Такая потертость хорошо заметна на браслетах из Боровицы (рис. 2: 3, 4) и ряде других, в том числе предположительно кировоградских. Сильные потертости характерны и для упомянутых выше овальных колец – деталей тягловой упряжи (Бандрівський 2011: 8, 10). Впрочем, потертость могла образоваться от постоянного соприкосновения браслета с корпусом человека (верхней одеждой) при длительном ношении, в особенности, если он был прикреплен чем-то к рукаву.

Последние особенно часто использовались в деталях тягловой упряжи кавказского производства (Вальчак 1997: рис. 1–3) и псалиях камышевахского типа²². Механическое соединение (склепывание) круглой бронзовой шляпки и стержня, при котором его конец выходит на поверхность шляпки, применялось при изготовлении деталей конской упряжи фрако-киммерийских древностей (Махортых 2003: рис. 51: 17, 19, 21, 22).

Таким образом, отыскание конкретных истоков чернолесских браслетов, «внешнего импульса», пока невозможно, поскольку сама позднечернолесская культура была сплавом, причем довольно кратковременным, нескольких традиций, в том числе белогрудовской (основной), с элементами лужицкой, высоцкой, а также карпато–дунайских гальштаттских культур. Элементы последних усиливаются к концу чернолесского периода. В течение всего предскифского периода чернолесцы контактировали также с «киммерийской» степной средой (Тереножкин 1976: 202). Черногоровских погребений в Приднепровской лесостепи нет (Дараган, Подобед 2011). В то же время находки черногоровского горизонта фиксировались не раз, в том числе на Суботовском городище, прекращение жизни на котором иногда связывают с нашествием черногоровцев в конце IX в. до н.э. (Клочко 2009: 155). Находка киммерийского бронзового псалия, датированного концом IX – VIII в. до н.э. у с. Пищальники Каневского района, свидетельствует о присутствии степняков черногоровской ступени в Поросье (Бруяко 2009), возможно, на пути к каневским переправам. Однако черногоровский период беден металлическими изделиями, даже бронзовые детали конской узды и упряжи довольно малочисленны. Появление в этот период такого яркого явления как браслеты суботовского типа можно связывать лишь с какой-то элитарной прослойкой населения, для которой понятие престижности, в том числе в личном убранстве, играло большую роль. И вкусы которого, в какой-то мере, формировались под влиянием степной «киммерийской»

среды, с которой у них были общие предпочтения в сфере престижного, куда входили, кроме оружия, конского снаряжения, также личные украшения, в том числе женские. К тому же, именно номады в эту нестабильную эпоху обладали наибольшими возможностями для поступления металла. Сырьем нередко служили готовые изделия, шедшие в переплавку.

Следует признать, что вопрос о конкретных истоках традиции изготовления браслетов суботовского типа теряются в недрах «киммерийской среды». Вероятно, создание чернолесских браслетов произошло под воздействием этой среды с участием достаточно опытных мастеров–литейщиков, знакомых не только с техникой фасонного литья, но и склепывания деталей, широко применявшейся, например, при изготовлении конского снаряжения. Таких мастеров здесь не было в предшествующий период. Больше всего было кавказского металла и эта тенденция нарастала к концу предскифского периода. Однако определить из какой культурной среды происходили мастералитейщики невозможно. Ярко выражены и черты гальштаттской традиции, особенно в северной подзоне Приднепровской лесостепи. Речь может идти о появлении оригинальных изделий центрально-европейского типа – в результате «движения импульсов», из которых наиболее выраженное направление – по степной зоне восток–запад с ответвлениями в лесостепную зону, в том числе в Среднее Поднепровье (Chohogowski 1993: табл. 12; Хохоровски 2011: рис. 15; Бруяко 2005: 103, 106). В результате этих передвижений браслеты суботовского типа могли попадать далеко за пределы Среднего Поднепровья, судя по находке в Румынском Банате. Следы сокрушительных вторжений или массовых переселений начала I тыс. до н.э. в Среднем Поднепровье отсутствуют. Однако появление новых форм металлических изделий возможно и без заметных передвижений населения, при участии мастеров–литейщиков, как это произошло, видимо, с украшениями подгорцевского типа в скифское время на Киевщине, созданных по кавказским образцам (Рассадин 1991)²³.

²² Для крепления (приваривания) круглой шляпки–завершения на конце псалия имелся стержень, входивший в шляпку почти на всю ее толщину. Для более ранних костяных псалиев такого типа предполагают крепление шляпок костяными «заклепками» гвоздевидной формы к тулову псалия (Вальчак 2009).

²³ Возможно, начало контактов подгорцевских мастерских Поросья и Кавказа относится еще к предскифскому времени, поскольку аналогии бронзовых украшений восходят к концу II тыс. до н.э.

Ориентирами сухопутных коммуникаций, по которым шло «движение импульсов», могут служить крупные торговые центры: район Михалковских кладов на Среднем Днестре и Гордеевский могильник в междуречье Днестра и Буга. Для белогрудовского времени (гордеевско–белогрудовский горизонт) отсюда прослеживается путь в район каневских переправ, где пересекалось несколько крупных торговых коммуникаций западного направления в период поздней бронзы (Лысенко 2002: рис. 1) и, судя по концентрации металла, и начала железного века. Вблизи района переправ найден и упомянутый выше черногоровский псалий из с. Пищальники. На трассе этого пути находится с. Лука в Поросье, известное находками целой серии широких чернолесских браслетов, а также иными бронзами предскифского периода (Тереножкин 1961: рис. 1). Сухопутные коммуникации центральной и северной

подзон лесостепи были более безопасными в черногоровский период, когда в степях происходили передвижения воинственных кочевников. Пути меридионального направления предскифского времени, по которым поддерживались связи с Кавказом, известны хуже, одним из таких мог быть путь через междуречье Дона и Днепра и далее вдоль Днепра к северу (Рассадин 1991: рис. 3). Исследователи реконструируют также торговый путь «к исседонам» – на Волгу и Каму – от района поросских переправ, который служил как бы перекрестком этого пути и кавказского, шедшего вдоль Днепра (Рассадин 1991: рис. 3). Этот путь вел в район Старшего Ахмыловского могильника, в котором, кроме кавказских импортов, имелись местные налобные украшения, которые мы связываем с орнаментами фрако-киммерийских диадем и «суботовских» браслетов.

Литература

- Археология Венгрии 1986. *Археология Венгрии. Конец II тыс. до н.э. – I тысячелетие н.э.* Москва.
- Археология УССР 1986. *Археология УССР*. Т.2. Киев.
- Бандрицкий М.С. 2011. Еще раз об овальных кольцах начала эпохи железа и об их функциональном назначении. *Историко-археологический альманах* 10. Армавир– Краснодар–Москва.
- Березанская С.С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев.
- Березанская С.С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы*. Киев.
- Брумяк И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х.* Кишинев.
- Брумяк И. В. 2009. Киммерийский псалий из окрестностей городища Картал на Нижнем Дунае. В: *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Киев–Полтава, 48–55.
- Вальчак Б.С. 1997. Предскифские колесницы и «новочеркасские» клады (некоторые дополнения к проблеме). *МИАР* 1, 40–56.
- Вальчак Б.С. 2009. Происхождение и развитие «камышевахских» псалиев предскифского периода. В: *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Киев–Полтава, 56–73.
- Гершкович Я.П. 2003. Специалізовані виробничі ділянки та металообробка Суботівського городища. В: *Проблеми гірничої археології*. Алчевськ, 43–46.
- Гершкович Я.П. 2007. Суботовское городище в свете новых исследований. В: *Ранній залізний вік Європі: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкина*. Київ–Чигирин, 58–60.
- Гершкович Я.П. 2008. Специализированные производственные участки Суботовского городища. В: *Старожитності Верхнього Придністров'я. Ювілейний збірник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малеева*. Київ, 37–39.
- Граков Б.Н. 1977. *Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы*. Москва.
- Гордійський могильник 2011. *Гордійський могильник*. За редакцією доктора історичних наук В.І. Ключка. Вінниця.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. 2012. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологические соотношения. В: *Культуры степной Евразии и их взаимоотношения с древними цивилизациями*. Кн. 2. Санкт-Петербург, 332–339.
- Дергачев В.А. 2012. Новые комплексы и единичные находки предметов поздней бронзы – раннего гальштатта. *РА* VIII (1-2), 161–181.
- Дубовская О.Р. 1989. К интерпретации комплексов Новочеркасского клада. *СА* (1), 63–69.

- Дубовская О.Р. 1996. Этапы черноговорской культуры (в плане относительной хронологии). В: *Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена*. Санкт-Петербург, 115–118.
- Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. *Археологический альманах* 6. Донецк, 181–218.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII–IV вв. до н.э.* Киев.
- Кашуба М.Т., Левицкий О.Г. 2012. Гальштатский (карпато-дунайский) фактор в Северном Причерноморье. В: *Культуры степной Евразии и их взаимоотношения с древними цивилизациями*. Кн. 2. Санкт-Петербург, 304–310.
- Клочко В.И. 2009. Происхождение скифов. В: *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А.Скорого*. Киев–Полтава, 151–166.
- Клочко В.И., Ковалюх М.М., Мотзенбеккер И. 1995. *Звіт про розкопки Суботівського городища у 1994–1995 рр.* Архив НА ИА НАНУ. №1995/108.
- Клочко В.И., Ковалюх М.М., Мотзенбеккер И. 1998. Хронологія Суботівського городища. Музейні читання. В: *Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю від дня народження О.І. Тереножкина*. Київ, 96–98.
- Клочко В.И., Козыменко А.В. 2011. *Наши недавний бронзовый век: книга-альбом*. Ред. В.И. Клочко. Киев.
- Ковпаненко Г.Т. 1962. Погребение VIII–VII вв. до н.э. в бассейне р. Ворсклы. *КСИА АН УССР* 12, 66–72.
- Ковпаненко Г.Т. 1971. Памятники раннескифского времени Каневщины. В: *Проблемы скифской археологии*. МИА 77, 115–120.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. 1984. Погребение воина у с. Квитки в Поросье. В: *Вооружение скифов и сарматов*. Киев, 39–58.
- Козенкова В.И. 1982. *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант*. САИ, В2-5.
- Козенкова В.И. 1982а. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа. *СА* (2), 11–33.
- Козенкова В.И. 1989. *Кобанская культура. Западный вариант*. САИ, В2-5.
- Козенкова В.И. 1996. *Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры)*. Москва.
- Козенкова В.И. 2004. Древности новочеркаского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. В: *Археологические памятники раннего железного века юга России*. Москва, 66–92.
- Крушельницка Л.И. 1976. *Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза*. Київ.
- Крушельницка Л., Бандрівський М. 2012. *Золоті Михалківські скарби та їх доля*. Львів.
- Левицкий О., Кашуба М. 2011. Курганы на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений). *Археологические вести* 17. Санкт-Петербург, 239–258.
- Лысенко С.Д. 2002. К вопросу о локализации коммуникаций эпохи поздней бронзы в Правобережной Лесостепи. В: *Исторична наука: проблеми розвитку*. Луганськ, 104–111.
- Лысенко С.Д. 2002а. Многоспиральные браслеты позднебронзового века с территории Украины. В: *Исторична наука: проблеми розвитку*. Луганськ, 112–122.
- Лысенко С.Д. 2004. Феномен Субботовского городища. В: *Матеріали і дослідження з археології Східної України*. Вип. 3. Луганськ, 249–267.
- Лысенко С.Д. 2005. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга. В: *Проблемы эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск, 37–60.
- Лысенко С.Д. 2005а. Гривны, браслеты и перстни со спиральными щитками на территории Украины. В: *Проблемы эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск, 25–36.
- Махортых С.В. 2003. *Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху*. Киев.
- Монгайт А.Л. 1974. *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. Москва.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1982. *Волжские ананьинцы. (Старший Ахмыловский могильник)*. Москва.
- Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII–III вв. до н.э.* САИ, Д4-5.
- Полтавец В.И. 2009. Новая находка браслетов субботовского типа. В: *Музейні читання. «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки»*. Київ, 24–31.
- Рассадин С.Е. 1991. Украшения подгорцевского типа. В: *Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей)*. Херсон, 110–116.

- Светличная Е.В. 1996. О связях населения Бельского городища и Днепровского Левобережья с лужицко-высоцкими племенами. В: *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава, 153–161.
- Скорый С.А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев–Полтава.
- Тереножкин А.И. 1952. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. *КСИИМК* XLIII, 90–93.
- Тереножкин А.И. 1954. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (Чернолесский этап). В: *Вопросы скифо-сарматской археологии*. Москва, 94–111.
- Тереножкин А.И. 1955. *Отчет об археологических раскопках на Субботовском городище в 1955 г.* Архив НА ИА НАНУ № 1955/5в.
- Тереножкин А.И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев.
- Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А. 1971. *Отчет о работе скифской среднеднепровской экспедиции Института археологии АН УССР в 1971 г.* Архив НА ИА НАНУ № 1971/12.
- Третьяков М.П. 1949. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. *АП І*, 223–236.
- Хохоровски Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века. В: *«Terra Scythica». Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск, 319–336.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на юго-западе СССР*. Москва.
- Эрлих В.Р. 1994. *У истоков раннескифского комплекса*. Москва.
- Эрлих В.Р. 2005. К дискуссии о месте и времени появления колесниц. В: *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского*. Москва 2011.
- Blajar W. 2001. *Skarby przedmiotow metalowych z epoki brazu I wczesnej epoki zelaza na ziemiach polskich*. Kraków.
- Chochorowski J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków.
- Gogâltan F. 1999. Bronzul timpuriu și mijlociu în Banatul Românesc și pe cursul inferior al Mureșului. *Cronologia și descoperirile de metal. BHAB XXIII*. Timișoara.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București.
- Sulimirski T. 1931. *Kultura wysocka*. Kraków.
- Tallgren A.M. 1926. *La Pontide prescythique après l'introduction des metaux*. ESA II. Helsinki.
- Teržan B. 2009. Kaukasisches Sumbolgut in Sudosteuroopa-Bemerkungen zu Goldfibeln von Michalkow-Fokoru-Dali. Der schwarzmeer raum vom aneolithikum bis in die fruheisenzeit (5000–500 v.Chr.). In: *Kommunikationsebenen zwischen Kaukasus und Karpaten*. Rachden/Westf, 190–216.

References

- Arkheologija Vengrii (Archaeology of Hungary) 1986. *Arkheologija Vengrii. Konets II tys. do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Archaeology of Hungary. The end of the II millennium BC - I millennium AD)*. Moscow (in Russian).
- Arkheologija USSR (Archaeology of the USSR) 1986. *Arkheologija USSR (Archaeology of the USSR)*. Vol. 2. Kiev 1986 (in Russian).
- Bandrivskii, M. S. 2011. *Eshche raz ob oval'nykh kol'sakh nachala epokhi zheleza i ob ikh funkcional'nom naznachanii (Once again on the oval rings of the beginning of the Iron Age and their functional purpose)*. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historico-Archaeological Almanac)* (10). Armavir–Krasnodar. Moscow (in Russian).
- Berezanskaia, S. S. 1972. *Srednii period bronzovogo veka v Severnoi Ukraine (Middle Bronze Age in Northern Ukraine)*. Kiev (in Russian).
- Berezanskaia, S. S. 1982. *Severnaia Ukraina v epokhu bronzy (Northern Ukraine in the Bronze Age)*. Kiev (in Russian).
- Bruiaiko, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope X–V vv. do R. Kh. (Early nomads in Europe in the X–V centuries BC)*. Chișinău (in Russian).
- Bruiaiko, I. V. 2009. *Kimmeriiskii psalii iz okrestnostei gorodishcha Kartal na Nizhnem Dunae (Cimmerian cheek-piece from the vicinity of the Kartal hillfort on the Lower Danube)*. In *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu S. A. Skorogo (Early Iron Age. Collection of scientific proceedings to the 60th anniversary of the birth of S. A. Skoryi)*. Kiev–Poltava, 48–55 (in Russian).
- Val'chak, B. S. 1997. *Predskifskie kolesnitsy i "novoчеркасские" klady (nekotorye dopolneniia k probleme) (Pre-Scythian chariots and "Novoчеркассk" hoards (some additions to the problem))*. *Materialy i issledovaniia*

po arkheologii Rossii. Moskva (*Materials and Researches on the Archaeology of Russia. Moscow*) (1), 40–56 (in Russian).

Val'chak, B. S. 2009. *Proiskhozhdenie i razvitie "kamyshevakhskikh" psaliev predskifskogo perioda (Origin and development of the "Kamyshevaha" cheek-pieces of the pre-Scythian period)*. In *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu S. A. Skorogo (Early Iron Age. Collection of scientific proceedings to the 60th anniversary of the birth of S. A. Skoryi)*. Kiev–Poltava, 56–73 (in Russian).

Gershkovich, Ia. P. 2003. *Spetsializovani virobnychi dilianki ta metaloobrobka Subotivs'kogo gorodishcha (Specialized manufacturing sites and metalworking of the Subotiv hillfort)*. In *Problemi girnichnoi arkheologii (Problems of Mining Archaeology)*. Alchevsk, 43–46 (in Ukrainian).

Gershkovich, Ia. P. 2007. *Subotovskoe gorodishche v svete novykh issledovaniy (Subotov hillfort in the light of new research)*. In *Rannii zaliznii vik Evrazii: do 100-richchia vid dnia narodzhennia Oleksiia Ivanovicha Terenozhkina (Early Iron Age in Eurasia: to the 100th anniversary of the birth of Alexei Ivanovich Terenozhkin)*. Kiev–Chigirin, 58–60 (in Russian).

Gershkovich, Ia. P. 2008. *Spetsializirovannye proizvodstvennye uchastki Subotovskogo gorodishcha (Specialized production sites of the Subotov hillfort)*. In *Starozhitnosti Verkh'n'ogo Pridnistrov'ia. Iuvileinii zbirnik na chest' 60-richchia Iurii Mikolaiovicha Maleeva (Antiquities of the Upper Dniester. Jubilee collection to the 60th anniversary of the birth of Iurii Mikolaiovich Maleev)*. Kiev, 37–39 (in Russian).

Grakov, B. N. 1977. *Rannii zheleznyi vek. Kul'tury Zapadnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy (Early Iron Age. Cultures of Western and Southeastern Europe)*. Moscow (in Russian).

Gordiivs'kii mogil'nik (Gordiivka burial ground) 2011. *Gordiivs'kii mogil'nik. Za redaktsieiu doktora istorichnikh nauk V. I. Klochka (Gordiivka burial ground. Edited by Doctor of Historical Sciences V. I. Klochko)*. Vinnitsia (in Ukrainian).

Daragan, M. N., Podobed, V. A. 2012. *Zhabotinskii gorizont i chernogorovskaia kul'tura: khronologicheskie sootnosheniia (Zhabotin horizon and the Chernogorovskaia culture: chronological relationship)*. In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimootnosheniia s drevnimi tsivilizatsiiami (Eurasian steppe cultures and their relationships with ancient civilizations)*. Book 2. Saint-Petersburg, 332–339 (in Russian).

Dergachev, V. A. 2012. *Novye komplekсы i edinichnye nakhodki predmetov pozdnei bronzy – rannego gal'shtatta (New complexes and isolated finds of objects of the Late Bronze Age-Early Hallstatt)*. *Revista Arheologică VIII* (1-2), 161–181 (in Russian).

Dubovskaia, O. R. 1989. *K interpretatsii kompleksov Novochoerkasskogo klada (On the interpretation of the complexes of the Novochoerkassk hoard)*. *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 63–69 (in Russian).

Dubovskaia, O. R. 1996. *Etapy chernogorovskoi kul'tury (v plane otноситel'noi khronologii) (Phases of the Chernogorovskaia culture (in terms of relative chronology))*. In *Mezhdū Aziei i Evropoi. Kavkaz v IV–I tys. do n. e. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia A. A. Iessena (Between Asia and Europe. Caucasus in the IV–I millennium BC. To the 100th anniversary of the birth of A. A. Iessen)*. Saint–Petersburg, 115–118 (in Russian).

Dubovskaia, O. R. 1997. *Ob etnokul'turnoi atributsii "novocherkasskikh" pogrebenii Severnogo Prichernomor'ia (On the ethno-cultural attribution of the "Novocherkassk" burials in the Northern Black Sea Region)*. *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* (6). Donetsk, 181–218 (in Russian).

Il'inskaia, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifia VII–IV vv. do n. e. (Scythia in the VII–IV centuries BC)*. Kiev (in Russian).

Kashuba, M. T., Levitskii, O. G. 2012. *Gal'shtatskii (karpato-dunaiskii) faktor v kul'turnogeneticheskikh protsessakh finala epokhi bronzy i rannego zhelezного veka v Severnom Prichernomor'e (Hallstatt (Carpatho-Danubian) factor in the cultural-genetic processes of the end of the Bronze Age and Early Iron Age in the Northern Black Sea Region)*. In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimootnosheniia s drevnimi tsivilizatsiiami (Eurasian steppe cultures and their relationships with ancient civilizations)*. Book 2. Saint–Petersburg, 304–310 (in Russian).

Klochko, V. I. 2009. *Proiskhozhdenie skifov (The origin of the Scythians)*. In *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu S. A. Skorogo (Early Iron Age. Collection of scientific papers to the 60th anniversary of the birth of S. A. Skoryi)*. Kiev–Poltava, 151–166 (in Russian).

Klochko, V. I., Kovaliukh, M. M., Motzenbekker, I. 1995. *Zvit pro rozkopki Subotivs'kogo gorodishcha u 1994–1995 rr. (Report on the excavations of the Subotiv hillfort in 1994–1995)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of Ukraine)*, 1995/108 (in Ukrainian).

Klochko, V. I., Kovaliukh, M. M., Motzenbekker, I. 1998. *Khronologiia Subotivs'kogo gorodishcha. Muzeini chitannia (Chronology of the Subotiv hillfort. Museum readings)*. In *Materiali mizhnarodnoi naukovoii konferentsii, prisviachenoii 90-littiu vid dnia narodzhennia O. I. Terenozhkina (Proceedings of the International Scientific Conference, dedicated to the 90th anniversary of the birth of O. I. Terenozhkin)*. Kiev, 96–98 (in Ukrainian).

Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2011. *Nash nedavnii bronzovyi vek: kniga-al'bom (Our recent Bronze Age: book-album)*. Kiev (in Russian).

Kovpanenko, G. T. 1962. *Pogrebenie VIII–VII vv. do n. e. v basseine r. Vorskly (Burial of the VIII–VII centuries BC in the basin of the river Vorskla)*. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii Nauk Ukrainiskoi SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)* (12), 66–72 (in Russian).

Kovpanenko, G. T. 1971. *Pamiatniki ranneskifskogo vremeni Kanevshchiny (Monuments of the early Scythian time Kanevshchina)*. In *Problemy skifskoi arkheologii. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Problems of the Scythian archaeology. Materials and Researches on the Archaeology of the USSR)* (77), 115–120 (in Russian).

Kovpanenko, G. T., Gupalo, N. D. 1984. *Pogrebenie voina u s. Kvitki v Poros'e (Burial of a warrior in the village of Kvitki in Poros'e)*. In *Vooruzhenie skifov i sarmatov (Armament of the Scythians and Sarmatians)*. Kiev, 39–58 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1982. *Tipologii i khronologicheskaia klassifikatsiia predmetov kobanskoi kul'tury. Vostochnyi variant (Typology and chronological classification of the Koban culture objects. Eastern version)*. *Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moskva (Corpus of Archaeological Sources. Moscow)*, B2-5. Moscow: (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1982-a. *Obriad krematsii v kobanskoi kul'ture Kavkaza (Rite of cremation in the Koban culture of the Caucasus)*. *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 11–33. Moscow: Nauka (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1989. *Kobanskaia kul'tura. Zapadnyi variant (Koban culture. Western version)*. *Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moskva (Corpus of Archaeological Sources. Moscow)*, B2-5. Moscow: (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniia i razvitiia kobanskoi kul'tury) (Cultural-historical processes in the Northern Caucasus in the Late Bronze Age and Early Iron Age (Key problems of the Koban culture origin and development))*. Moscow (in Russian).

Kozenkova, V. I. 2004. *Drevnosti novoчеркас'kogo tipa: fazy mezhkul'turnykh kontaktov kobanskoi kul'tury (Antiquities of the Novoчеркас'k type: phases of the Koban culture intercultural contacts)*. In *Arkheologicheskie pamiatniki rannego zhelezного veka iuga Rossii (Archaeological sites of the Early Iron Age in the South of Russia)*. Moscow, 66–92 (in Russian).

Krushel'nitska, L. I. 1976. *Pivnichne Priкарпаття i Zakhidna Volin' za dobi rann'ogo zaliza (Northern Carpathians and Western Volyn in the Early Iron Age)*. Kiev (in Ukrainian).

Krushel'nits'ka, L., Bandrivs'kii, M. 2012. *Zoloti Mikhalkivs'ki skarbi ta ikh dolia (Golden Mikhalkivs'ki treasures and their fortune)*. Lviv (in Ukrainian).

Lysenko, S. D. 2002. *K voprosu o lokalizatsii komunikatsii epokhi pozdnei bronzy v Pravoberezhnoi Lesostepi (On the issue of the localization of communications of the Late Bronze Age in the Right-Bank Forest-Steppe)*. In *Istorichna nauka: problemi rozvitku (Historical science: problems of development)*. Lugansk, 104–111 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2002a. *Mnogospiral'nye braslety pozdnebronzovogo veka s territorii Ukrainy (Multispiral bracelets of the Late Bronze Age on the territory of Ukraine)*. In *Istorichna nauka: problemi rozvitku (Historical science: problems of development)*. Lugansk, 112–122 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2004. *Fenomen Subbotovskogo gorodishcha (Phenomenon of the Subotov hillfort)*. In *Materiali i doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukraini (Materials and Researches on the Archaeology of Eastern Ukraine)* (3). Lugansk, 249–267 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2005. *Absoliutnaia khronologiya vostochnogo massiva tshinetskogo kul'turnogo kruga (Absolute chronology of east file of the Tshinets cultural circle)*. In *Problemy epokhi bronzy Velikoi Stepі (Problems of the Bronze Age of the Great Steppe)*. Lugansk, 37–60 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2005a. *Grivny, braslety i perstni so spiral'nymi shchitkami na territorii Ukrainy (Hryvnas, bracelets and rings with spiral shields on the territory of Ukraine)*. In *Problemy epokhi bronzy Velikoi Stepі (Problems of the Bronze Age of the Great Steppe)*. Lugansk, 25–36 (in Russian).

Makhortykh, S. V. 2003. *Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Cultural contacts between the population of the Northern Black Sea Region and Central Europe in the Cimmerian epoch)*. Kiev (in Russian).

Mongait, A. L. 1974. *Arkheologiya Zapadnoi Evropy. Bronzovyi i zheleznyi veka (Archaeology of Western Europe. Bronze and Iron Ages)*. Moscow (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'inty (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (Volga Ananians (The older Akhmylov burial))*. Moscow (in Russian).

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniia Skifii VII–III vv.do n. e. (Scythian decorations of the VII-III BC). Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moskva (Corpus of Archaeological Sources. Moscow)*. Moscow, D4–5. Moscow: (in Russian).

Poltavets, V. I. 2009. *Novaia nakhodka brasetov subotovskogo tipa (New finding of bracelets of the Subotov type)*. In *Muzeini chitannia. "Iuvelirne mistetstvo – pogliad kriz'viki" (Museum readings. "Jewellery Art - View Through Ages")*. Kiev, 24–31 (in Russian).

Rassadin, S. E. 1991. *Ukrasheniia podgortsevskogo tipa (Decorations of the Podgortsy type)*. In *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Khersonskogo muzeia drevnostei) (Problems of the Archaeology of the Northern Black Sea Region (to the 100th anniversary of the founding of the Kherson Museum of Antiquities)*. Kherson, 110–116 (in Russian).

Svetlichnaia, E. V. 1996. *O svyaziakh naseleniia Bel'skogo gorodishcha i Dneprovskogo Levoborezh'ia s luzhitsko-vysotskimi plemenami (On the relations of the Belsk hillfort and the left-bank Dnieper population with Lusatian-Vysotsk tribes)*. In *Bil's'ke gorodishche v konteksti vivchennia pam'iatok rann'ogo zaliznogo viku Evropi (Belsk hillfort in the context of the study of the Early Iron Age Europe sites)*. Poltava, 153–161 (in Russian).

Skoryi, S. A. 1999. *Kimmeriitsy v Ukrainiskoi Lesostepi (Cimmerians in the Ukrainian Steppe)*. Kiev–Poltava (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1952. *Poseleniia i gorodishcha v baseine reki Tiasmina. Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury. Moskva-Leningrad (Settlements and hillforts in the basin of the river Tiasmin. Brief reports of the Institute of History of Material Culture. Moscow-Leningrad) XLIII, 90–93 (in Russian)*.

Terenozhkin, A. I. 1954. *Kul'tura predskifskogo vremeni v Srednem Podneprov'e (Chernolesskii etap) (Culture of the Pre-Scythian time in the Middle Dnieper (Chernolesskii phase))*. In *Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (Questions of the Scythian and Sarmatian Archaeology)*. Moscow, 94–111 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1955. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Subotovskom gorodishche v 1955 g. (Report on the archaeological excavations at the Subotov hillfort in 1955)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of Ukraine)*. 1955/5v (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Pre-Scythian period on the right bank of the Dnieper)*. Kiev (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1976. *Cimmerians*. Kiev (in Russian).

Terenozhkin, A. I., Il'inskaia, V. A. 1971. *Otchet o rabote skifskoi srednedneprovskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii Nauk Ukrainiskoi SSR v 1971 g. (Report on the work of the Middle Dnieper Scythian expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1971)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of Ukraine)*. 1971/12 (in Russian).

Tret'iakov, M. P. 1949. *Zvit pro arkheologichni doslidzhennia 1946 r. v baseini richok Rosi i Tiasminu (Report on the archaeological research in 1946 in the basin of the rivers Ros' and Tiasmin)*. *Arkheologichni pam'iatki. Kiiv (Archaeological Sites. Kiev)*. I, 223–236 (in Ukrainian).

Khokhorovski, Ia. 2011. *Ekologicheskii "stress" v Zapadnoi Sibiri i kul'turnyi "shok" v Karpatskoi kotlovine v kontse bronzovogo veka (Environmental "stress" in Western Siberia and cultural "shock" in the Carpathian Basin at the end of the Bronze Age)*. In *"Terra Scythica". Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica" (Proceedings of the International Symposium "Terra Scythica")*. Novosibirsk, 319–336 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient metal working in the South-West of the USSR)*. Moscow (in Russian).

Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa (At the root of the early Scythian complex)*. Moscow (in Russian).

Erlikh, V. R. 2005. *K diskussii o meste i vremeni poiavleniia kolesnits (Towards the discussion of the place and time of chariots occurrence)*. In *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia. Pamiati V. S. Ol'khovskogo (Antiquities of Eurasia: from the early Bronze Age to the early Middle Ages. V. S. Ol'khovskii in memoriam)*. Moscow (in Russian).

Василий Иванович Полтавец, генеральный директор Национального историко-культурного заповедника «Чигирин». Украина, 20901, г. Чигирин Черкасской обл., ул. Грушевского, 26. Тел.0473027728. Факс 0473027727; e-mail: fenson@mail.ru

Jan Chochorowski

Scythian quiver (gorytos?) from the Býčí skála cave in Moravia

Keywords: the quiver (gorytos), Býčí skála cave, Moravia.

Cuvinte cheie: tolba cu săgeți (gorytos), peștera Býčí skála, Moravia.

Ключевые слова: скифский колчан (горит), пещера Бичи Скала, Моравия.

Jan Chochorowski

Scythian quiver (gorytos?) from the Býčí skála cave in Moravia

J. Wankel's exceptional discovery in 1872 in the Býčí skála cave, Moravia, will forever remain an interpretational puzzle and the source of various hypotheses. At present, however, the most reliable interpretation of this discovery is the 'sacrificial site'. However, every opinion in the discussed matter must still begin from the set of artefacts collected by J. Wankel, his description of their distribution in the cave and the context of their deposition. The fact that a single place yielded finds so diverse in terms of style, function and provenance, offers in itself tremendous scope for interpretation. One of the most interesting aspects is the presence of Scythian-type elements among the artefacts unearthed in Býčí skála as identified by J. Skutil. In his view, Scythian finds from Býčí skála included 'characteristic arrow-heads' as well as a 'stylised hand' and 'tubular object' (vorvarka) made of bronze. Therefore, it seems that at certain moment in the late 6th century or around the transition between the 6th/5th centuries BC, a quiver or gorytos with arrows, typical of the 'Scythian world', was left in the entrance to the Býčí skála cave. An obvious question occurs: whether the quiver (gorytos), which was typically Scythian in terms of both style and symbolism, was deposited as a kind of votive offering of a foreign provenance, or did it belong to somebody who was somehow connected with the function of the place?

Jan Chochorowski

Tolba scitică (gorytos?) din peștera Býčí skála în Moravia

Descoperirea excepțională a lui J. Wankel din 1872 în peștera Skala Býčí, Moravia, va rămâne pentru totdeauna o enigmă și sursă pentru diverse ipoteze. Cu toate acestea, în prezent interpretarea cea mai plauzibilă a acestei descoperiri este drept „loc de sacrificiu”. Însă orice punct de vedere cu privire la subiectul în discuție ar trebui să înceapă de la complexul artefactelor colectate de J. Wankel, de la descrierea lui originală a localizării obiectelor în peșteră și a contextului descoperirii lor. Însuși faptul că într-un singur loc au fost colectate piese care diferă ca stil, funcție și origine, oferă deja o gamă largă de interpretări. Unul dintre cele mai interesante aspecte este prezența printre artefactele descoperite în Býčí Skála a unor elemente de tip scitic, identificate de J. Skutil. Conform opiniei lui, descoperirile scitice includ „vârfuri tipice de săgeți”, dar și o „mână stilizată” și un „obiect tubular” de bronz. Astfel, se pare că la un anumit moment, la sfârșitul sec. VI sau la hotarul dintre sec. VI și V î.Hr., o tolba cu săgeți (sau gorytos), specifică pentru „lumea scitică”, a fost lăsată la intrarea în peșteră Býčí skála. Apare o întrebare evidentă: dacă tolba (gorytos), stilul și simbolismul căreia sunt tipic scitice, a fost depusă ca un fel de dar votiv de origine străină, sau a aparținut cuiva care a fost într-un fel în legătură cu funcția acestui loc?

Jan Chochorowski

Scytyjskie znaleziska w jaskini Býčí skála

Potencjał poznawczy niezwykłego odkrycia dokonanego przez J. Wankla w jaskini Býčí skála na Morawach w 1872 roku, na zawsze pozostanie interpretacyjną zagadką i źródłem różnorodnych hipotez. Obecnie najbardziej wiarygodna w ocenie tego znaleziska jest koncepcja „miejsca ofiarnego”. Punktem wyjścia wszelkich opinii jest jednak nadal zestaw pozyskanych przez J. Wankla znalezisk i jego relacja dotycząca ich rozmieszczenia w przedsionku jaskini, a także kontekst zalegania. Już w samym fakcie znalezienia w jednym miejscu tak różnorodnych pod względem stylistyki, funkcji i pochodzenia znalezisk, kryją się bogate treści interpretacyjne. Jedną z takich przesłanek jest obecność wśród znalezisk pozyskanych z Býčí skála, elementów typu scytyjskiego. Ich jednoznaczny ocenę przedstawił w swoim czasie J. Skutil. Według niego, zestaw scytyjskich znalezisk z Býčí skála to: „charakterystyczne grociki strzał” oraz wykonane z brązu, „stylizowana ręka” i „rurkowata nasada” (warwarka). Zestaw tych znalezisk zdaje się sugerować, że w przedsionku jaskini Býčí skála pozostawiono, gdzieś pod koniec VI lub około przełomu VI/V w. p.n.e., typowy dla „świata scytyjskiego” kolczan lub sajdak wraz z zawartością. Nasuwa się oczywiste pytanie, czy scytyjski – w sensie formalno-stylistycznym, ale też symbolicznym – kolczan (sajdak), został tu zdeponowany jako swoiste „wotum” obcego pochodzenia, czy też był własnością osoby, którą los związał w jakiś sposób z funkcją tego miejsca.

J. Wankel's exceptional discovery in 1872 in the Býčí skála cave, Moravia, will forever remain an interpretational puzzle and the source of various hypotheses. Originally, it was interpreted as the place of eternal rest of a high-ranking representative of the Hallstatt-era elite, who was buried here with unusual splendour (Wankel 1970: 99–138). Apart from rich grave goods, the burial of the “chieftain” who was deposited on a chariot, was supposedly accompanied by numerous human sacrifices. Their scale (skeletons of as many as 40 individuals were reported), and the way the bodies had been treated (e.g. cut-off heads and limbs) induced the discoverer of the site to think about a kind of a “hecatomb” (Fig. 1). At present, however, the most reliable interpretation of this discovery is the “sacrificial site” concept, which was fully developed and broadly justified by H. Parzinger in his book entitled “Die Býčí skála-Höhle. Ein hallstattzeitlicher Höhlenopferplatz in Mähren” (Parzinger 1995: 179–222). An important element in his reasoning was placing the phenomenon of the Býčí skála assemblage against the broad comparative background of archaeological relics reflecting similar behaviours in the “Hallstatt world”. However, every opinion in the discussed matter must still begin from the set of artefacts collected by J. Wankel, his description of their distribution in the cave and

the context of their deposition. The fact that a single place yielded finds so diverse in terms of style, function and provenance, offers in itself tremendous scope for interpretation.

One of the most interesting aspects is the presence of Scythian-type elements among the artefacts unearthed in Býčí skála as identified by J. Skutil (1936: 70–71, fig. 1: 1–6, 16–17). In his view, Scythian finds from Býčí skála included “characteristic arrow-heads” as well as a “stylised hand” and “tubular object” made of bronze (Fig. 2). The collection of Scythian-type arrow-heads from Býčí skála dates to the second half of the 6th century BC, or to the time around the transition between the 6th/5th centuries BC (Meliukova 2006: 33; Mogilov 2008: 99–100, fig. 189). A “tubular object” is a kind of strap finial. Such artefacts were very popular in the Scythian milieu. Specimens analogical to the Býčí skála find were long-lasting forms, but were most common in the assemblages dated to the last quarter of the 6th century BC – 5th century BC (Mogilov 2008: fig. 193). Much less typical is the form, and even less so the symbolic meaning, of another find, namely the “bronze stylised hand”. It is a bronze appliqué in the form of a human palm and wrist, quite realistically rendered, with a loop for a strap. The forms similar to the Býčí skála specimen are interpreted as appliques of horse harness and are dated to the last quarter of the 6th century and the 5th century BC (Mogilov 2008: 51–52, fig. 103; 1–12 and 193).

These appliques have recently been discussed by A. Ju. Alekseev (2011: 61–66), who suggested their potential connection with the ceremony of offering sacrifices to Ares, the main deity in the Scythian pantheon, which was described in detail by Herodotus (IV; 62). This applies first of all to the ritual in which the cut-off hand of a victim was thrown into the air, an act connected with fortune-telling, itself very common among the Scythians. As a rule, the human hand on the discussed appliques is repre-

Fig. 1. Burial ceremony of a Hallstatt-period ruler in the entrance to the Býčí skála cave, as imagined by Z. Burian, after J. Poulík 1956.

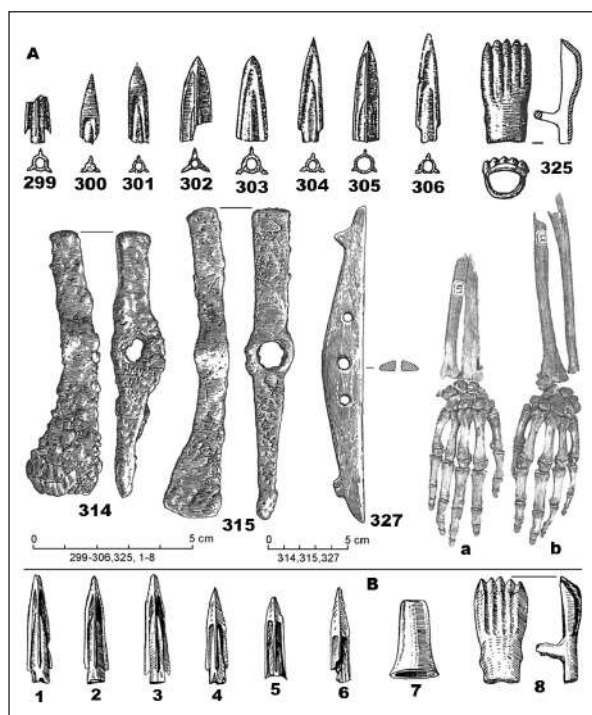

Fig. 2. The finds from the entrance to the Býčí skála cave: A – after J. Nekvasil 1995 and H. Parzinger 1995; B – after J. Skutil 1936.

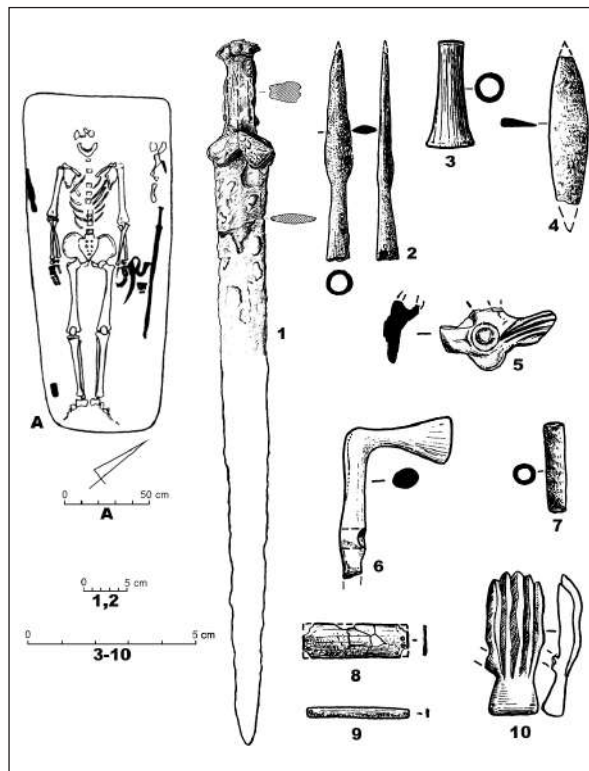

Fig. 3. The inventory found in the burial of a warrior at Styla, after O.V. Privalova 1993.

sented in dorsal aspect, which suggests that such a position of the hand after it fell on the ground was considered auspicious. Thus, the “hand” might have been an emblem of those who were socially approved to conduct fortune-telling (“fortune-tellers”), which also marked their personal property, horse harness included.

The correct interpretation of the symbolic meaning of the appliqué in the form of human hand found in the Býčí skála cave depends to a large degree on determining the context of its discovery. Having no other data, one can turn in this context only to the unambiguous declaration of J. Skutil, who included the artefact in question, along with the strap finial and arrowheads, to “Scythian finds”, without any further analytical discussion. Therefore, it can be supposed that these objects were discovered close to each other while excavating the cave, and that there must have originally existed a functional relationship between them. They could be the remains of a quiver or bow-and-quiver case (gorytos) with arrows, whose carrying strap ended with bronze strap finial used to fasten it to the belt. The “human hand” appliqué (invested with certain symbolic meaning) could be a “decoration” of the

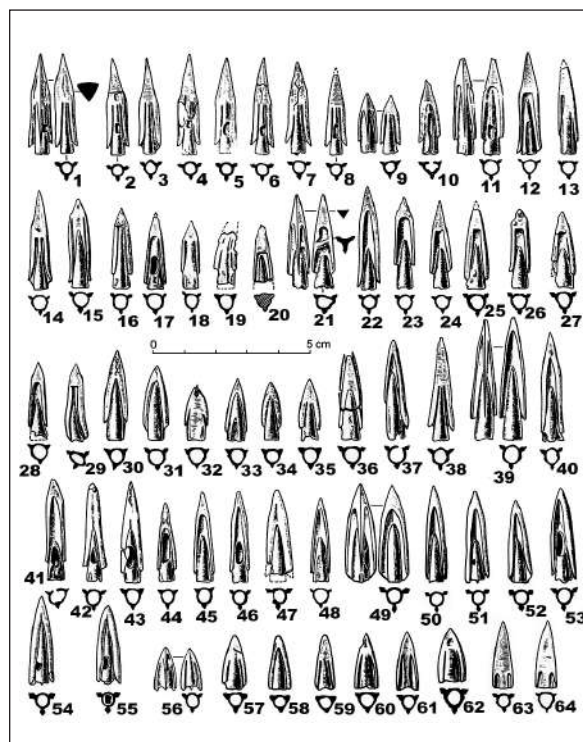

Fig. 4. The set of arrowheads from the burial of a warrior at Styla, after O.V. Privalova 1993.

strap, playing at the same time a magical role. Thus, the functional context in this case would be different from that assumed for the majority of East European finds (Fig. 3–4), which nevertheless need not mean the change or devaluation of magical meaning of the human hand motif. Yet, one cannot exclude the alternation or transformation of the utilitarian function of human hand appliqué, both in the original and secondary cultural milieu (which Central Europe surely was). The Scythian-type finds from Býčí skála are distinguished by their unique character and, as an assemblage, find no parallel in Middle Europe. Taking into account this lack of counterparts, even amongst Middle European groups with Scythian elements, it can be assumed that the place of origin for the quiver or gorytos from Býčí skála should be sought in the Scythian culture of the Pontic zone (Bessonova 1994: 25–26, fig. 1; Privalova 1993: 161–166).

Therefore, it seems that at certain moment in the late 6th century or around the transition between the 6th/5th centuries BC, a quiver or gorytos with arrows, typical of the “Scythian world”, was left in the entrance to the Býčí skála cave. An obvious question occurs: whether the quiver (gorytos), which was typically Scythian in terms of both style and symbolism, was deposited as a kind of votive offering of a foreign provenance, or did it belong to somebody who was somehow connected with the function of the place? The unique character of the find and its territorially distant connections seem to speak for the latter possibility, suggesting at the same time the ethnic and cultural attribution of the owner. The presence in the “Hallstatt world” of culturally foreign individuals distinguished by typically nomadic, “Scythian” dress, is to some degree confirmed by very convincing iconographic sources (Teržan 1998: 530, fig. 10). They include an especially intriguing representation of an archer in Scythian dress, kept in the “situla art” conven-

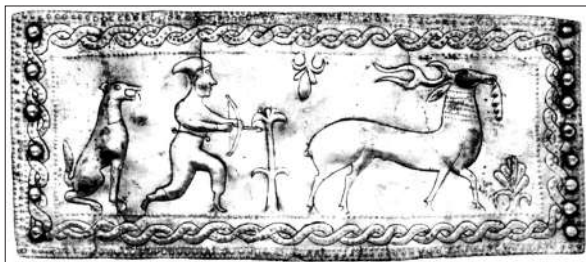

Fig. 5. The belt fitting from Molnik, after B. Teržan 1998.

tion, which decorated a bronze belt fitting found at Molnik near Ljubljana (Fig. 5). If the owner of the quiver with the “human hand” emblem from Býčí skála was such a foreigner, then his “homeland” must have been the forest-steppe or steppe areas of the Pontic zone.

Thus, the question arises: is it likely that a “foreigner” (i.e. the quiver’s owner), who represented traditions and cultural behaviours different from the Hallstatt standards, was allowed to attend “sacrificial ceremonies” held in the entrance to the Býčí skála cave (Fig. 6). Particularly intriguing in this context is the information provided by J. Wankel (1970: 106), concerning the discovery of a “stone altar” among the finds, on which were placed “two cut-off hands of females, decorated with bronze bracelets and golden rings”. Would it in fact be a distant reminiscence of the fortune-telling ritual connected with ceremonial sacrifices to the Scythian Ares, yet adapted to a different cultural and ritual context? Perhaps the “sanctuary” at Býčí skála was not only a “sacrificial place”, but also played the role of a kind of oracle. The place was certainly unique – it was used for a very long time (ca 630–520 BC), carried an exceptionally strong religious message, and its function and role must have been known over vast areas. Thus, the “fortune-teller” may well have been the owner of the Scythian quiver/gorytos with an auspicious symbol in the form of a human hand.

Whatever the criteria used to assess the cultural importance of a “sanctuary-oracle” at Býčí skála might be, it raises no doubt that behind its unique character there must have been some extraordinary socio-political processes. They left a distinct mark in the behaviours of the population from Býčí skála, and even influenced the sphere of religion and rituals that manifested it. It is worth recalling another interpretation of this discovery, which J. Nekvasil once proposed to regard as a “burial” (Nekvasil 1969: 38–49). In his opinion, the unusual picture of behaviours reflected in the structure of the Býčí skála finds resulted from the exceptional circumstances and events caused by military pressure from the Scythians. Ill fortune, such as military defeat, the destruction and loss of their homeland, and disturbances in economic relationships, all could have induced a certain state of mind that stimulated the need for extraordinary appeals to supernatural forces. The unusual lav-

Fig. 6. The representation of a Scythian sajdak on Z. Burian's painting, after J. Poulík 1956.

ishness of the votive offerings and human sacrifices would thus be a manifestation of "hysteria" in terms of religious behaviour.

It is worth reconsidering the above concept again, although from a totally different perspective. According to the current state of research, the wave of military invasions by warriors using Scythian weaponry which affected some parts of Central Europe should be dated between the end of the 7th and the end of the 6th century BC (Fig. 7). It affected first of all the local groups of the Eastern Hallstatt culture in today's Transdanubia and south-western Slovakia, and swept through Moravia and the Moravian Gate as far as Lower Lusatia (Khokhorovski 1994: 49–50, fig. 1). In terms of chronology, the discovery of the Scythian quiver or gorytos at Býčí skála falls in the period after the nomadic hordes ceased their military activity in the region. Thus, votive deposits from Býčí skála may be interpreted as reflecting the behaviours of those communities who survived such turbulent times, but who witnessed the results of all the disasters and defeats, from the socio-political to psychological ones. It is symptomatic that the Býčí skála "sanctuary" functioned on the margins of the area affected by devastating nomadic "raids". This would explain its unique position and the character of the religious behaviour recorded there, which all combine to create a kind of "picture of hysteria".

Also intriguing is the strong manifestation of the cult of vegetation and rebirth in the rituals from the Býčí skála "sanctuary". Deposits of grains at the entrance to the cave, vessels filled with various cereals placed in the corridor leading deeper into the cave (Wankel 1970: 106), and perhaps even containers with blood (human?, animal?) drawn from the sacrifices(?) combine to form the arrangement of a spectacle expressing the hope for rebirth of life. The opposition to the apotheosis of death expressed on almost macabre scale is however only apparent, as apparent is the conflict that might be seen in the rituals of Scythian Ares, the patron of both military success and all prosperity (Alekseev 2011: 61–63). The sacrifices were not irrational murders (the Scythians

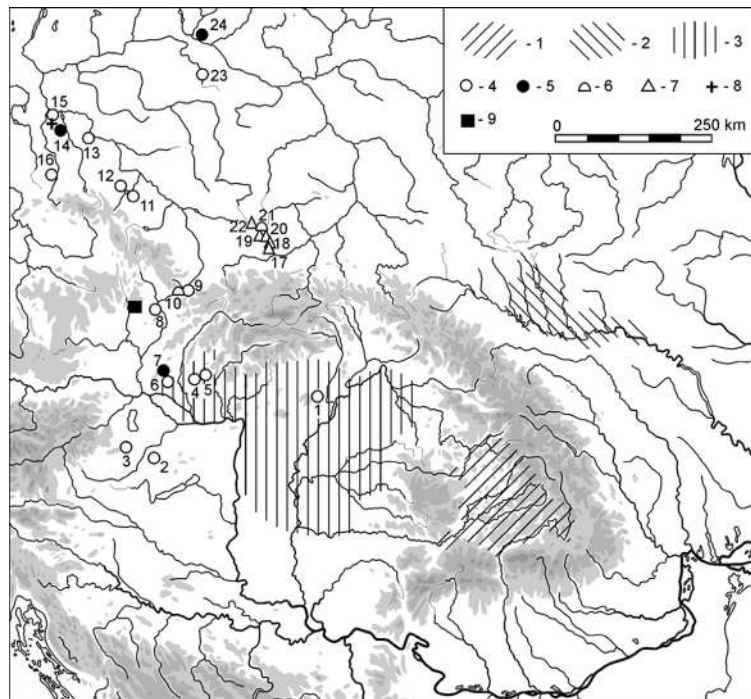

Fig. 7. The area occupied by cultural groupings with Scythian elements and the distribution of Scythian weaponry found in Central European defensive settlements, caves, and rock shelters revealing traces of being besieged: 1 – Transylvanian group, 2 – West Podolia group, 3 – Vekerzug culture, 4 – discoveries of Scythian-type arrowheads in defensive settlements, 5 – discoveries of Scythian-type arrowheads in defensive settlements destroyed by the aggressors using Scythian-type weaponry, 6 – discoveries of Scythian-type arrowheads in vicinity of caves, 7 – discoveries of Scythian-type arrowheads in vicinity of rock shelters, 8 – Witaszkowo, 9 – Býčí skála. List of sites: 1 – Bükkszentlászló–Nagysánc, 2 – Celdömölk–Sághegy, 3 – Velem–Szentvidhegy, 4 – Štitáre–Žibrica, 5 – Velký Lysek, 6 – Tlstá hora, 7 – Smolenice–Molpír, 8 – Křenovice, 9 – Štramberk–Kotouč, 10 – Štramberk–Kotouč–Čertova díra, 11 – Sobótka–Góra Šleza, 12 – Strzegom–Breitenberg, 13 – Kargowa, 14 – Wicina, 15 – Polanowice, 16 – Görlitz–Landeskrona, 17 – Ojców–Góra Koronna, 18 – Ojców–Zamek, 19 – Podzamcze–Góra Birów, 20 – Strzegowa–Biśnik, 21 – Piaseczno–Okiennik, 22 – Rzędkowice–Okiennik, 23 – Kruszwica–Ostrów Rzepowski, 24 – Czarnów/Kamieniec.

sacrificed one man in every hundred of captives (Alekseev 2011: 62), but were rather intended to satisfy the deity and bring good fortune for the future.

It seems that this unusual "picture" may be understood as an attempt to cope with an extraordinary, socially and psychologically dramatic reality by resorting to extraordinary magical and ritual measures, according to the rule "the greater the disasters – the greater the sacrifices". In this sense, the "offering place" at Býčí skála would be a true record of catastrophic historic events. The emergence of new rites (perhaps only incidentally connected with the last period

of the site functioning) might be influenced by the fascination with military efficiency of the enemy (the cult of the Scythian Ares), and by borrowings (deliberate or not) from the repertoire of ritual and religious ceremonies of the "victors" to guarantee the effectiveness of the magic. This intercultural transmission could operate through individuals such as captives or fugitives, including fortune-tellers whose role among the Scythians was a tenuous one, burdened as it was with the risk of death in case of an "error" (Herodotus IV, 67–69).

Translated by Piotr Godlewski

Literatur

- Alekseev A. Ju. 2011. Gadaniia altarei skifskogo Aresa. In: *Evropejskaja Sarmatiia*. Sankt-Peterburg, 61–66.
- Bessonova S.S. 1994. Kurgany lesostepnogo Pobuzh'ia. In: *Drevnosti Skifov*. Kiev, 3–34.
- Khokhorovski J. 1994. Skifskie nabegi na territorii Srednei Evropy. *Rossiiskaia Arkheologiia* (3), 49–64.
- Meljukova A.I. 2006. Po povodu skifskih pohodov na territorii Srednei Evropy. In: *Drevnosti Skifskoi epohi*. Moskva, 25–40.
- Mogilov O.D. 2008. *Sporjadzhennja konja skifs'koï dobi u lisostepu Skhidnoi Ėvropi*. Kiïv–Kam'janets'-Podil's'kij.
- Nekvasil J. 1969. Knížecí pohřeb v jeskyni Býčí skála. In: (red. J. Poulík J). *Hallstatt a Býčí skála*. Brno–Bratislava–Praha, 38–49.
- Parzinger H. 1995. Die Býčí skála-Höhle. Der Fundort. Die Funde. Die figürliche Kunst. Datierung. Deutung. Kulturverhältnisse und Wandel. Listen zu den Verbreitungskarten. In: H. Parzinger, J. Nekvasil, F.E. Barth (ed.). *Die Býčí skála-Höhle. Ein hallstattzeitlicher Höhlenopferplatz in Mähren*. Mainz, 5–92, 115–127, 179–232, 259–275.
- Privalova O.Ja. 1993. Skifskoe pogrebenie u s. Styly. *Arkheologičeskij Al'manakh* (2), 161–166.
- Skutil J. 1936. Znaleziška scytyjskie z Morav i Šlaska czeskiego. *Przegląd Archeologiczny* V, 70–73.
- Teržan B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: (red. B. Hänsel, J. Machnik). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. 511–560.
- Wankel H. 1970. Bericht über die Ausgrabung der Býčí skála-Höhle. In: *Krieger und Salzherren. Hallstattkultur im Ostalpenraum*. Mainz, 99–138.

References

- Alekseev, A. Ju. 2011. *Gadaniia altarei skifskogo Aresa (Divination of the Scythian Ares altars)*. In *Evropejskaia Sarmatiia (European Sarmatia)*. Saint Petersburg, 61–66 (in Russian).
- Bessonova, S. S. 1994. *Kurgany lesostepnogo Pobuzh'ia (Burial mounds of the forest-steppe Bug River basin)*. In *Drevnosti Skifov (Scythian Antiquities)*. Kiev, 3–34 (in Russian).
- Khokhorovski, Ja. 1994. *Skifskie nabegi na territorii Srednei Evropy (Scythian raids on the territory of Central Europe)*. *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 49–64 (in Russian).
- Meliukova, A. I. 2006. *Po povodu skifskikh pohodov na territorii Srednei Evropy (On the Scythian campaigns on the territory of Central Europe)*. In *Drevnosti skifskoi epokhi (Antiquities of the Scythian period)*. Moscow, 25–40 (in Russian).
- Mogilov, O. D. 2008. *Sporjadzhennia konia skifs'koï dobi u lisostepu Skhidnoi Evropi (Horse equipment of the Scythian period in the forest-steppe of Eastern Europe)*. Kiev – Kamianets-Podilskii (in Ukrainian).
- Privalova, O. Ja. 1993. *Skifskoe pogrebenie u s. Styly (Scythian burial ground near the village of Styly)*. *Arkheologičeskii Al'manakh (Archaeological Almanac)* (2), 161–166 (in Russian).

Jan Chochorowski, dr. hab., professor, Jagiellonian University, Institute of Archaeology, 11 Golebia Street, PL 31-007 Krakow; phone: (48-12) 6631287, fax: 6631294; e-mail: j.chochorowski@uj.edu.pl

Виктория Колесникова, Анна Яненко

Украинско-молдавские археологические исследования 30-40 гг. XX столетия: планы и реализация

Keywords: history of archaeology, archaeological expedition, the Ukrainian SSR, MSSR.

Cuvinte cheie: istoria arheologiei, expediții arheologice, regiunea Nistrului, RSSU, RSSM.

Ключевые слова: история археологии, археологические экспедиции, УССР, МССР.

Victoria Kolesnikova, Anna Ianenko

The Ukrainian-Moldovan archaeological investigations in the 1930s–1940s: arrangements and realizations

In the early 1930s the arrangement of joint studies of different archaeological sites in Moldova by the academic institutions of Soviet Ukraine and Moldova was already being discussed. The Ukrainian-Moldovan archaeological investigations were realized just in 1946. Grigory Smirnov – research worker of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR and the Deputy Chief of archaeological expeditions in Moldova – is considered one of the founders of the Moldovan archaeology in the postwar years. The cooperation of the scientific institutions of the Soviet Ukraine and Moldova was interrupted in 1947, when academic All-Union structures received the leading role in the research of Moldova.

Victoria Kolesnikova, Anna Ianenko

Cercetările arheologice ucraino-moldovenești din anii 30-40 ai sec. XX: planuri și realizări

Deja la începutul anilor 1930 se vorbea despre organizarea în comun a cercetării siturilor din diverse epoci istorice de pe teritoriul Moldovei de către institutele academice din Ucraina și Moldova. Realizarea unor investigații arheologice ucraino-moldovenești a fost posibilă însă abia în anul 1946. Grigorii Smirnov – cercetător științific la Institutul de Arheologie al Academiei de Științe din RSSU și adjunctul șefului expedițiilor arheologice din Moldova – pe bună dreptate se consideră unul dintre fondatorii arheologiei moldovenești în perioada postbelică. Colaborarea instituțiilor științifice din Ucraina sovietică și Moldova este întreruptă însă chiar din anul următor, când rolul de conducere în cercetările din regiunea Nistrului a revenit structurilor academice unionale.

Виктория Колесникова, Анна Яненко

Украинско-молдавские археологические исследования 30-40 гг. XX столетия: планы и реализация

Уже в начале 1930-х гг. речь шла об организации совместного изучения памятников разных эпох на территории Молдавии академическими учреждениями советской Украины и Молдавии. Осуществить украинско-молдавские археологические исследования удалось лишь в 1946 г. Григорий Смирнов – научный сотрудник Института археологии АН УССР и заместитель начальника археологических экспедиций Молдавии – по праву считается одним из основателей молдавской археологии в послевоенные годы. Сотрудничество научных учреждений советской Украины и Молдавии было прервано уже в 1947 г., когда руководящую роль в исследованиях АН МССР получили всесоюзные академические структуры.

Современные исследования в области истории археологии, изучение путей зарождения и развития этой науки содействуют лучшему пониманию ее сущности, методологии, форм организации. Не меньший интерес представляет история археологических исследований, инициаторами которых выступали советские республики. Анализ подобных научных инициатив не только дополняет картину развития археологии в стране, но и дает

возможность использовать позитивный опыт межгосударственного сотрудничества с целью изучения прошлого.

В историографии изучение украинско-молдавских археологических исследований в 1930–1940-е гг. связано, главным образом, с работами Н. Кетрару, И. Рафаловича, А. Пеливана, Н. Тельнова (Рафалович 1966; Кетрару 1992; Кетрару 2005; Pelivan 2010; Pelivan 2010a; Тельнов 2012). В частности, в работах

А. Пеливана особое внимание уделено деятельности Г. Смирнова, который проводил археологические разведки и раскопки на территории Молдовы с 1946 г., а также совместным украинско-молдавским исследованиям памятников эпохи палеолита в Пруто-Днестровском междуречье в 1923–1973 гг. Практически неизученными остаются совместные археологические экспедиции Автономной Молдавской Социалистической Советской Республики (АМССР, позже МАССР) и Украинской ССР в начале 1930-х гг., а также проекты совместных археологических исследований Молдавской и Украинской ССР в первые послевоенные годы.

С целью всестороннего изучения края и культуры молдавского народа и распространения научных и практических знаний о них, в декабре 1926 г. при Наркомате просвещения АМССР был создан Молдавский научный комитет (далее МНК) в г. Балта (ныне Балтский р-н Одесской обл.)¹ (Строительство... 1987, 70–71). Историко-археологическое направление деятельности МНК отражено в документах фрагментарно. Известно, что учреждение вело переписку с Всеукраинским археологическим комитетом (ВУАК/ВУАН, г. Киев) и Украинским научно-исследовательским институтом материальной культуры (УНИИМК, г. Харьков) с целью организации совместных комплексных исследований региона.

В июне 1931 г. ВУАК информировал МНК о запланированных на 1932 г. археологических исследованиях на территории Молдавской республики, которые должны были осуществляться «в тесной связи с Молдавским научным комитетом» (*перевод с украинского* – В. К., А. Я.) (НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 405, Л. 2). Представители МНК присутствовали на июльской сессии ВУАН в Киеве, где и согласовали осуществление археологических исследований территории Надднестровья совместно с ВУАК. В состав Молдавской экспедиции планировалось зачислить двух сотрудников ВУАК (НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 405, Л. 4, 6). В конце октября 1931 г. ВУАК получил письмо от Наркомпроса УССР, в котором отмечалось, что

Сектор науки получил информацию от МНК о наличии в с. Липецкое Бирзульского р-на (ныне Котовский р-н, Одесская обл.) остатков какого-то религиозного центра – пещеры длиной 2 км с около 800 келиями, а также стоянки или мастерской в окрестностях села, – памятники разрушались из-за недосмотра и размывались водой. МНК, планируя начать исследования в с. Липецкое, просил прислать двух специалистов, которые могли бы организовать и провести изучение. Сектор науки Наркомпроса УССР предложил ВУАК срочно откомандировать археолога в Тирасполь в МНК (НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 405, Л. 3).

Попытки инициировать комплексную Молдавскую экспедицию «Культурная революция и проблемы социалистического быта» делали и сотрудники УНИИМК. В письме от 14 июля 1932 г. Институт обратился в Сектор науки Наркомпроса УССР с просьбой утвердить список личного состава запланированной экспедиции и предоставить ей полномочия на проведение исследований. Экспедицию должен был возглавить сотрудник УНИИМК, этнограф Константин Червяк. В штат планировалось зачислить различных специалистов – искусствоведов, этнографов, антропологов, лингвистов, экономистов. Среди археологов – М. Рудинский, М. Мушкет, В. Бриненко, Н. Коровьяков (ЦДАВО Ф. 166, Оп. 10, Д. 1382, Л. 12). Вероятно, в 1931–1932 гг. экспедиция на территории АМССР так и не была проведена. Поэтому Сектор науки Наркомпроса УССР предложил руководителю Богесской археологической экспедиции² Ф. Козубовскому включить в план работ на 1933 г. археологические исследования на территории Молдавской республики. С этой целью было предложено предоставить дополнительный план исследований и заявку на необходимые средства, рабочую силу, питание и т.п. План исследований Богесской экспедиции на 1933 г. был отослан в Научный комитет АМССР и Сектор науки Наркомпроса УССР для дальнейшего согласования (НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 466). Однако, на заседании президиума ВУАН от 5 сентября

1 Впоследствии перенесен в Тирасполь: с 1934 г. – Научно-исследовательский институт молдавской культуры; в 1939 г. – Молдавский научно-исследовательский институт (МНИИ) истории, экономики, языка и литературы при правительстве МАССР; с 1946 г. – Молдавская база (филиал) АН СССР в Кишиневе.

2 Археологическая экспедиция Наркомпроса УССР (1930–1932 гг.), работавшая в зоне строительства Божской/Бужской гидроэлектростанции (БоГЭС).

1933 г. Ф. Козубовский сообщает, что в связи с реорганизацией МНК, совместную экспедицию реализовать не удалось (Архив Президиума НАНУ, 1933, Пр. 18).

В Книге 2 «Наукових записок Інституту історії матеріальної культури» (ИИМК АН УССР, г. Киев) за 1934 г. было опубликовано сообщение следующего содержания: «Этим летом [1934 г.] в составе комплексной экспедиции ВУАН в АМССР будет работать археологическая группа, которую командирует ИИМК. Археологическая группа, согласно плану, утвержденному руководством экспедиции, должна провести археологические разведки побережий р. Кодыма от Первомайска до Верховья – за Балту, и побережий р. Днестр в границах АМССР.

Основное задание, которое ставит перед собой археологическая группа – это исследование южной границы распространения палеолита в Украине и его конкретных проявлений, а также исследование поселений родовых общин так называемой трипольской культуры в окрестностях Балты. Экспедиция будет продолжаться полтора месяца» (*перевод с украинского – В. К., А. Я.*) (НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 649).

К сожалению, препятствием для изучения целостной картины развития украинско-молдавских научных связей в области археологии в 1930-х гг. является, прежде всего, фрагментарность информации, которая содержится в архивных фондах Украины, распыленность отчетной документации учреждений Молдавской автономии среди аналогичных документов УССР. Негативную роль для целостности и информативности источниковедческой базы сыграли и изменения административной структуры, в частности 1940 г. Тем не менее, есть основания предполагать, что планы организации совместных археологических исследований территории АМССР в первой половине 1930-х гг. не были реализованы, хотя уже тогда наметился основной подход к подобного рода сотрудничеству – высококвалифицированных специалистов должна была предоставлять украинская сторона, а финансовую и организационно-техническую поддержку осуществлять молдавская.

Дальнейшие инициативы проведения совместных украинско-молдавских исследований

связаны с первыми послевоенными годами. Так, в план археологических работ Института археологии АН УССР в 1945 г. было включено проведение Днестровской экспедиции на «отрезке между Кисницей и Рыбницей (Молдавская АССР) с целью обследования группы пещерных жилищ охотников эпохи камня». В состав экспедиции, которая должна была проводиться совместно с молдавскими организациями, планировалось включить М. Рудинского, К. Поликарповича, И. Шовкопляса (НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 17, Л. 2).

Решением Совнаркома МССР от 21 декабря 1945 г. было вынесено постановление об организации археологических исследований в Молдавии (Смирнов 1946). На основании этого решения 19 марта 1946 г. между Институтом археологии Академии наук УССР и Молдавским научно-исследовательским институтом истории, экономики, языка и литературы был заключен договор о проведении совместных археологических исследований. Согласно договору, подписанному директорами институтов – П. Ефименко и В. Сенкевичем, Институт археологии брал на себя подготовку и научное руководство по проведению на территории МССР в 1946 г. восьми археологических экспедиций по исследованию памятников: палеолита; трипольской культуры; предскифского и скифского периодов; памятников Верхне-Днестровского региона; средневековых поселений и городищ средней Молдавии; городища Костешть (Яловенский р-н); городища Орхей (Оргеевский р-н). Планировалось также участие МНИИ в Белгород-Днестровской экспедиции АН УССР (раскопки Тиры). Украинская сторона планировала на договорной основе привлечь к проведению разведок и раскопок, а также лабораторной обработке материалов ученых из Москвы, Ленинграда, Киева. В исследованиях должны были участвовать сотрудники МНИИ, Музея краеведения (Кишинев), преподаватели и студенты педагогических вузов МССР в соответствии с их квалификацией. По окончании работ ИА АН УССР обязался сдать все археологические находки и научную документацию в МНИИ. Все расходы по подготовке и проведению археологических исследований в пределах общей суммы 415 000 руб. брал на себя МНИИ.

В договоре указывалось, что Институт археологии должен был начать работы не позже 1 июня 1946 г. и закончить исследования к 15 октября 1946 г. Молдавская сторона, в свою очередь, обязалась подготовить к началу работ оборудование, транспорт (легковую и грузовую автомашины) при необходимом количестве горючего, обеспечить экспедиции рабочей силой из расчета 50 рабочих на три месяца, оборудовать одну–две комнаты необходимой мебелью и утварью в качестве базы для временного проживания в Кишиневе приглашенных ученых. Для ведения всех хозяйственных работ по подготовке и проведению экспедиций МНИИ обязался выделить в распоряжение Института археологии одного помощника по хозяйственной части. В помощь главному начальнику археологических работ по общей и научной части выделялся старший научный сотрудник МНИИ Иван Мещерюк. Для проведения исследовательских работ планировалось пригласить топографа и фотографа-специалиста (НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35, Л. 1–2).

Несмотря на указанные в договоре сроки, археологические работы в Молдавии были начаты позже – 30 июня 1946 г., проводились по плану под руководством П. Ефименко. Первая экспедиционная группа работала в следующем составе: зам. начальника археологических исследований в Молдавии Г. Смирнов (ИА АН УССР) (Pelivan 2010), старший научный сотрудник И. Мещерюк и младший научный сотрудник В. Адияевич (МНИИ) (Кудрявцева 2013), аспиранты института истории материальной культуры им. Марра А. Гусаркина и О. Дашевская, аспирантка МГУ А. Мелюкова (Смирнов 1946; Pelivan 2010). Экспедиционная группа зафиксировала 36 курганов на линии шоссе Кишинев–Рыбница, 10 курганов на линии дороги Резина–Орхей–Кишинев, 6 курганов, расположенных цепью в 1 км к северу от Орхея. Также был исследован ряд городищ и поселений, в частности, городища Выхватинцы (с. Офатинць, Рыбницкий р-н), «Стоханая» (Резинский р-н) в 3–4-х км от Резины, «Ревики» (Резинский р-н) в 2-х км от северной окраины с. Сахарна на правом берегу Днестра, Большая Сахарна, Малая Сахарна, «Гульбока» (древний форпост, с. Сахарна), городище Екимоуцы, трипольское поселение за валами Еки-

моуцкого городища (с. Екимэуць, Резинский р-н), городища «Хородиште» (с. Гординешть, Резинский р-н), Требужень, Бутучень (Оргеевский р-н) (Смирнов 1946).

Градищенская экспедиция в составе Т. Оболдуевой (Брыкина 2000), Д. Березовца (Мезенцева 1997, 135) (Киев) и И. Местер (Кишинев) в период с 3 октября по 23 ноября 1946 г. провела раскопки кургана на р. Когыльник, вблизи сел Градиште и Валя Пержей (Чимишлийский р-н). В исследованном кургане было выявлено 23 погребения, из них 2 основных и 21 впускное в насыпи. Кроме того, в насыпи было зафиксировано не менее 6 совершенно разрушенных погребений, от которых остались отдельные кости, а в некоторых случаях часть вещевых находок (керамики), не связывающихся с определенными захоронениями. Хронологически погребения относились к эпохе бронзы, частично к началу н.э. и позднекочевническому периоду (Оболдуева 1946; Березовец 1946).

В конце октября 1946 г. И. Самойловский (Козюба 2012) провел пробные раскопки славянского городища у с. Екимэуць. Раскопки имели кратковременный характер из-за неблагоприятной погоды (Самойловский 1946).

В октябре 1946 г. Институт археологии направил в Кишинев А. Черныша (Ситник 2008; Ситник 2009) для участия в работах МНИИ языка, истории и литературы МССР совместно с АН СССР и АН УССР. А. Чернышу поручили произвести обследование и необходимые работы по консервации скального навеса в овраге Рыпа Мафтея возле с. Офатинць, где были обнаружены находки кремневого инвентаря позднеашельской эпохи и древней фауны. В состав исследовательской группы также вошли старший научный сотрудник ИИМК АН СССР В. Петров и научный сотрудник Института зоологии АН УССР В. Зубарева. Сведения о проведении археологических раскопок Выхватинской палеолитической стоянки сотрудником Кишиневского краеведческого музея Г. Сергеевым поступили в МНИИ 29 июля 1946 г. В кратком отчете о проведенных работах А. Черныш отмечал: «памятник был сильно поврежден, заслужившими печальную славу, раскопками, проведенными Кишиневским музеем летом 1946 г. под руководством Г.П. Сергеева, о чем сохраняются соответствующие акты в делах МНИИ» (Черныш б/д, 2).

После окончания работ по консервации стоянки А. Черныш провел разведки на мысу 4-й террасы Днестра, который находился между оврагом Рыпа Мафтея и рекой Днестр (площадь $\approx 4\text{км}^2$). Подъемный материал был собран в пяти основных пунктах, расстояние между которыми в среднем достигало 600–700 м. Пункты Выхватинцы 1–3 были предположительно отнесены А. Чернышом к «ранней поре нижнего палеолита», пункт 4 – к более поздним периодам. В кратком отчете В. Зубаревой, осматривавшей остеологический материал Выхватинской стоянки в октябре 1946 г., отмечено, что во время проведения разведок наиболее интересным открытием стало обнаружение «целого комплекса (может быть типа Лука-Врублевецкая) в 0,5 км выше с. Бушечка (ныне с. Бучушка Резинский р-н – В. К., А. Я.)» (Черныш 1946; Зубарева 1946).

Планом научного отчета «Археологические исследования Молдавии 1946 г.», составленным Г. Смирновым, были предусмотрены следующие статьи: вводная статья П. Ефименко «Археологические исследования Молдавии 1946 г.», работа А. Черныша и Г. Сергеева «Выхватинская палеолитическая стоянка и разведки в окрестностях с. Выхватинцы», отчет Т. Оболдуевой «Раскопки кургана эпохи поздней бронзы в долине реки Когильник, близ села Валя-Пержей», статья Г. Смирнова «Раскопки большого и малого Сахарнянских городищ», сообщение И. Самойловского «Раскопки славянского городища близ с. Екимоуцы», исследование В. Адияевича «Орнамент скифской керамики Сахарнянского городища и окрестных поселений», статья И. Фабрициус «Археологические разведки 1945 г.» и Г. Смирнова «Археологические разведки 1946 г.».

Таким образом, из запланированных и предусмотренных договором восьми полномасштабных экспедиций была проведена лишь часть. Вместе с тем, в письме П. Ефименко от 14 ноября заместитель начальника археологических экспедиций Молдавии Г. Смирнов сообщал, что мероприятия, намеченные директором ИА АН УССР в дни пребывания в Кишиневе, полностью выполнены, за исключением высылки средств для Аккермана, т. к. Министерство финансов МССР эту сумму не разрешило. Однако, Г. Смирнов и директор

МНИИ В. Сенкевич продолжали настаивать в Совете министров на предоставлении указанной суммы. В письме также отмечено, что была «проведена организационная работа по подготовке к археологическим экспедициям на 1947 г. ...составлена детальная финансовая смета на сумму 600 000 руб.». Г. Смирнов сообщал, что поднял вопрос о создании при Институте археологического сектора, в Кишиневском университете – об археологической подготовке студентов для участия в экспедициях и разведках в 1947 г., установил связь с музеем по организации археологических экспедиций в 1947 г. (НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35, Л. 13–13 об.)

В конце ноября 1946 г. в результате обследования Комиссией ЦК КП(б) Молдавии деятельности МНИИ, В. Сенкевич был снят с работы, на его место назначен зав. сектором языка и литературы Института, депутат Верховного совета МССР и СССР Иван Чобан. Ввиду смены руководства у Г. Смирнова возникли опасения, что проводимая им организационная работа, как по дальнейшей обработке археологического материала, так, особенно, по подготовке к экспедиционному сезону 1947 г., может притерпеть значительный ущерб. Г. Смирнов планировал «установить прочную связь с новым директором и ввести его в курс всех тех задач, которые стоят в связи с археологическими исследованиями на 1947 г. и довести до конца организационную работу по созданию сектора археологии в Институте» (НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35, Л. 14). Г. Смирнов приступил к составлению проекта пятилетнего плана сектора археологии. В письме от 25 ноября 1946 г. он отмечал: «Когда вопросы подготовки к экспедиционным исследованиям 1947 г. и работа по организации сектора пройдет все инстанции Молдавии, я считал бы необходимым довести все эти вопросы до Президиума АН СССР, иначе значительная часть подготовительных работ может не дать должных результатов» (НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35, Л. 14). Исследователь также активно занимался организацией камеральной обработки и хранения материала из разведок и раскопок 1946 г. Так, он взял на себя подготовку В. Адияевича к проведению всей этой работы, получив одновременно согласие на приглашение

еще одного лаборанта, следил и координировал создание при МНИИ фотолаборатории (НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35, Л. 14–14 об.).

Несмотря на старания Г. Смирнова, совместные археологические исследования ИА АН УССР и МНИИ не были продолжены. В 1947 г. Г. Смирнов был зачислен в штат Молдавского филиала АН СССР, а инициатива проведения раскопок и разведок на территории Молдавии перешла к академическим учреждениям Москвы и Ленинграда – в 1947 г. начала работу Трипольская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Т. Пассек.

Таким образом, в течение 1930–1940 гг. академические институты советской Украины и Молдавии предпринимали попытки провести совместные археологические исследования. Уже в начале 1930-х гг. речь шла об организации планомерного изучения памятников разных эпох. Археологические структуры УССР обязались предоставлять квалифицированных специалистов, обеспечивая тем самым научную основу экспедиций. Совместные работы подразумевали повышение професси-

онализма сотрудников молдавских научных институций, формирование советской археологической школы в Молдове. Реализовать украинско-молдавские археологические исследования региона удалось лишь в 1946 г., когда были проведены разведки и раскопки при участии сотрудников Института археологии АН УССР – Григория Смирнова, Татьяны Оболдуевой, Дмитрия Березовца, Ильи Самойловского, Александра Черныша. Г. Смирнов – заместитель начальника археологических экспедиций Молдавии – поднял вопрос об организации археологического сектора МНИИ и по праву считается одним из основателей молдавской археологии в послевоенные годы. Однако дальнейшее сотрудничество научных учреждений советской Украины и Молдавии было прервано, с 1947 г. руководящую роль в исследованиях Пруто-Днестровья стали играть всесоюзные академические структуры. Впрочем, несмотря на смену украинских академических центров всесоюзными, археологи УССР продолжали работать уже в экспедициях АН СССР в Молдавии.

Литература и архивные источники

- Pelivan A. 2010. Activitatea arheologicului G.D. Smirnov în RSSM. *RA V* (1), 214–216.
- Pelivan A. 2010a. Cercetarea paleoliticului în spațiul Pruto-Nistean (1923-1973). *RA VI* (1), 108–124.
- Архив Президиума НАНУ, 1933, Пр. 18: Архив Президиума НАН Украины, 1933 г., Протокол 18. – Л. 59.
- Березовец Д.Т., Оболдуева Т.Г. 1946. *Раскопки кургана на р. Когильник 1946 г.* НА ИА НАНУ, Ф. Экспедиций. Инв. № 1946/326.
- Брыкина Г.А. 2000. Оболдуева Татьяна Григорьевна. В: *Институт археологии: история и современность*. Москва, 181–183.
- Зубарева В. 1946. *Краткий отчет о поездке в район с. Выхватинцы Рыбницкого района МССР*. НА ИА НАНУ, Ф. Экспедиций. Инв. № 1946/32а.
- Кетрару Н.А. 1992. Краткий очерк истории археологии Молдовы. В: *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы*. Кишинев, 15–26.
- Кетрару Н.А. 2005. *Очерки по истории археологии Молдовы*. Кишинев.
- Козюба В.К. 2012. До 113-річчя Іллі Михайловича Самойловського. *Археологія* (1), 125–128.
- Кудрявцева Е. 2013. Универсальный человек Виктор Адияевич. <http://www.free-time.md/rus/pp1/i3570-universalnyi-chelovek-viktor-adijsevich/> (17.01.2013).
- Мезенцева Г.Г. 1997. Дослідники археології України. Енциклопедичний словник-довідник. Чернівці. НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 405: Научный архив Института археологии НАН Украины, Ф. ВУАК, Д. 405, 6 л.
- НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 466: Научный архив Института археологии НАН Украины, Ф. ВУАК, Д. 466, 2 л.
- НА ИА НАНУ Ф. ВУАК, Д. 649: Научный архив Института археологии НАН Украины, Ф. ВУАК, Д. 649, 1 л.

- НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 17: Научный архив Института археологии НАН Украины, Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 17, 4 л.
- НА ИА НАНУ Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35: Научный архив Института археологии НАН Украины, Ф. Делопроизводство, Оп. 1, Д. 35, 14 л.
- Оболдуева Т. Г. 1946. Курган эпохи бронзы на р. Когильник. НА ИА НАНУ, Ф. Экспедиций. Инв. № 1946/32б.
- Рафалович И.А., Кетрару Н.А. 1966. Из истории археологии и краеведения Молдавии. В: *Проблемы географии Молдавии*. Кишинев, 93–111.
- Самойловский И.М. 1946. *Славянское городище у с. Екимоуцы Оргеевского уезда Молдавской ССР*. НА ИА НАНУ, Ф. Экспедиций. Инв. № 1946/32.
- Ситник О. 2008. «Эпоха Черниша» у вивченні палеоліту Західної України: до 90-річчя з дня народження Олександра Панкратовича Черниша (1918–1993). *Археологічні дослідження Львівського університету* 11, 250–296.
- Ситник О. 2009. Олександр Черниш – визначний дослідник палеоліту та організатор науки. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 13, 2009, 11–15.
- Смирнов Г.Д. 1946. Отчет об археологических исследованиях в Молдавии за 1946 г. НА ИА НАНУ, Ф. Экспедиций. Инв. № 1946/32.
- Строительство... 1987: *Строительство социалистической культуры в Молдавии, 1917–1960 гг.* Кишинев.
- Тельнов Н. 2012. Археологические исследования в Приднестровье. *Русин* 1, 2012, 154–163.
- ЦДАВО Ф. 166, Оп. 10, Д. 1382: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, Ф. 166, Оп. 10, Д. 1382, 53 л.
- Черныш А. 1946. Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции 1946 г. НА ИА НАНУ, Ф. Экспедиций. Инв. № 1946/32а.
- Черныш А. б/д. Новые палеолитические местонахождения, обнаруженные в 1946-1947 гг. на территории МССР. НА ИА НАНУ, Ф. Научные работы (12). Инв. № 241, 15 л.

References

- Arkhiv Prezidiuma NANU (Archives of the Presidium of NASU), 1933, Protocol (Report) 18: Arkhiv Prezidiuma Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Archives of the Presidium of the National Academy of Sciences of Ukraine), 1933, Report 18. – S. 59 (in Russian).*
- Berezovets, D. T., Oboldueva, T. G. 1946. *Raskopki kurgana na r. Kogil'nik 1946 g. (Excavations of the burial mound on the river Kogilnik in 1946). Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologi Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Ekspeditsii (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Collection of Expeditions). Inv. no. 1946/32b (in Russian).*
- Brykina, G. A., Oboldueva, T.G. 2000. In *Institut arkheologii: istoriia i sovremennost' (Institute of Archaeology: history and modern times)*. Moscow, 181–183 (in Russian).
- Zubareva, V. 1946. *Kratkii otchet o poezdke v raion s. Vyhvatintsy Rybnitskogo raiona MSSR (Brief report on the trip to the area of the Vyhvatintsy village, Ribnitsa district of the Moldavian SSR). Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologi Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Ekspeditsii (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Collection of Expeditions). Inv. no. 1946/32a (in Russian).*
- Ketraru, N. A. 1992. *Kratkii ocherk istorii arkheologii Moldovy (Brief outline of the history of Moldovan Archaeology)*. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldovy (Materials and researches on the Archaeology and Ethnography of Moldova)*. Chişinău, 15–26 (in Russian).
- Ketraru, N. A. 2005. *Ocherki po istorii arkheologii Moldovy (Studies of the history of Moldovan Archaeology)*. Chişinău (in Russian).
- Koziuba, V. K. 2012. *Do 113 richchia Illi Mikhailovicha Samoiloivs'kogo (To the 113th anniversary of the birth of Iliia Mikhailovich Samoiloivskhii)*. *Arkheologiiia (Archaeology)* (1), 125–128 (in Ukrainian).
- Kudriavtseva, E. 2013. *Universal'nii chelovek Viktor Adiiasevich (Universal man Viktor Adiiasevich)*, <http://www.free-time.md/rus/ppl/i3570-universalnyi-chelovek-viktor-adijsevich/> (17.01.2013) (in Russian).

Mezentseva, G. G. 1997. *Doslidniki arkhologii Ukraini. Entsiklopedichnii slovník–dovidnik (Researchers of Ukrainian Archaeology. Encyclopedic dictionary–handbook)*. Chernigiv (in Ukrainian).

НА ІА НАНУ (SA IA NASU) Fond VUAK (Collection of AUAC), D. 405: *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine), Fond Vseukrainskogo arkhologicheskogo komiteta (Collection of the All-Ukrainian Archaeological Committee)*, D. 405, s. 6 (in Russian).

НА ІА НАНУ (SA IA NASU) Fond VUAK (Collection of AUAC), D. 466: *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine), Fond Vseukrainskogo arkhologicheskogo komiteta (Collection of the All-Ukrainian Archaeological Committee)*, D. 466, s. 2 (in Russian).

НА ІА НАНУ (SA IA NASU) Fond VUAK (Collection of AUAC), D. 649: *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine), Fond Vseukrainskogo arkhologicheskogo komiteta (Collection of the All-Ukrainian Archaeological Committee)*, D. 649, s. 1 (in Russian).

НА ІА НАНУ (SA IA NASU) Fond Deloproizvodstvo (Collection of Records Management), Inv. 1, D. 17: *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine), Fond Deloproizvodstvo (Collection Records Management)*, Inv. 1, D. 17, s. 4 (in Russian).

НА ІА НАНУ (SA IA NASU) Fond Deloproizvodstvo (Collection of Records Management), Inv. 1, D. 35: *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). Fond Deloproizvodstvo (Collection Records Management)*, Inv. 1, D. 35, s. 14 (in Russian).

Oboldueva, T. G. 1946. *Kurgan epokhi bronzы na r. Kogil'nik (Bronze Age burial mound on the river Kogilnik)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Ekspeditsii (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Collection of Expeditions)*. Inv. no. 1946/32b (in Russian).

Rafalovich, I. A., Ketraru, N. A. 1966. *Iz istorii arkhologii i kraevedeniia Moldavii (From the History and Ethnography of Moldova)*. In *Problemy geografii Moldavii (Geography problems of Moldova)*. Chişinău, 93–111 (in Russian).

Samoilovskii, I. M. 1946. *Slavianskoe gorodishche u s. Ekimoutsy Orgeevskogo uezda Moldavskoi SSR (Slavic hillfort near the village of Echimauti of Orhei district of the Moldavian SSR)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Ekspeditsii (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Collection of Expeditions)*. Inv. no. 1946/32 (in Russian).

Sitnik, O. 2008. “*Epokha Chernisha*” u vivchenni paleolitu Zakhidnoi Ukraini: do 90-richchia z dnia narodzhennia Oleksandra Pankratovicha Chernisha (1918–1993) (“*Age of Chernysh*” in the study of the Palaeolithic in Western Ukraine: to the 90th anniversary of the birth of Alexander Pankratovich Chernysh (1918–1993)). *Arkhologichni doslidzhennia L'viv's'kogo universitetu (Archaeological Research of Lviv University)* (11), 250–296 (in Ukrainian).

Sitnik, O. 2009. *Oleksandr Chernish – viznachnii doslidnik paleolitu ta organizator nauki (Alexander Chernish - an outstanding researcher of the Palaeolithic and an organizer of science)*. *Materiali i doslidzhennia z arkhologii Prikarpattia i Volini (Materials and Researches on the Archaeology of the Carpathians and Volyn)* (13), 11–15 (in Ukrainian).

Smirnov, G. D. 1946. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniiah v Moldavii za 1946 g. (Report on the archaeological researches in Moldova in 1946)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Ekspeditsii (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Collection of Expeditions)*. Inv. no. 1946/32 (in Russian).

Stroitel'stvo (Construction)... 1987. *Stroitel'stvo sotsialisticheskoi kul'tury v Moldavii, 1917–1960 gg. (Construction of socialist culture in Moldova, 1917–1960 gg.)*. Chişinău (in Russian).

Tel'nov, N. 2012. *Arkhologicheskie issledovaniia v Pridnestrov'e (Archaeological researches in the Dniester region)*. *Rusin (Rusin)* (1), 154–163 (in Russian).

ЦДАВО (SASBP) С. 166, Inv. 10, D. 1382: *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniia Ukrainy (Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine)*, С. 166, Inv. 10, D. 1382, s. 53 (in Russian).

Chernysh, A. 1946. *Otchet o robotakh Moldavskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1946 g. (Report on the work of the Moldovan archaeological expedition in 1946)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologi Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Ekspeditsii (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Collection of Expeditions)*. Inv. no. 1946/32a (in Russian).

Chernysh, A. without date. *Novye paleoliticheskie mestonakhozhdeniia, obnaruzhennye v 1946–1947 gg. na territorii Moldavskoi SSR (New localities of the Palaeolithic, found in 1946–1947 on the territory of the Moldavian SSR)*. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologi Natsional'noi akademii nauk Ukrainy, Fond Nauchnye raboty (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Collection Academic Papers)* (12). Inv. no. 241, s.15 (in Russian).

Колесникова Виктория Анатольевна, к.и.н., заведующая Научной библиотекой Института археологии НАН Украины. 04210, г. Киев, Украина, проспект Героев Сталинграда, 12; e-mail: bibliarch@ukr.net

Яненко Анна Сергеевна, к.и.н., ведущий библиотекарь Научной библиотеки Института археологии НАН Украины. 04210, г. Киев, Украина, проспект Героев Сталинграда, 12; e-mail: Pudovkina@ukr.net

Alexandra Comșa

Anthropological data regarding the Hallstatt skeletons discovered in the Tumulus III from Trinca-Drumul Feteștilor, Republic of Moldova

Keywords: Hallstatt, necropolis, Trinca, anthropological study.

Cuvinte cheie: Hallstatt, necropolă, Trinca, studiu antropologic.

Ключевые слова: Галльштатт, некрополь, Тринка, антропологическое исследование.

Alexandra Comșa

Anthropological data regarding the Hallstatt skeletons discovered in the Tumulus III from Trinca-Drumul Feteștilor, Republic of Moldova

The anthropological study carried out upon the skeletons from Burial no. 1 in tumulus 3 from the Hallstatt biritual necropolis investigated at Trinca-Drumul Feteștilor, Republic of Moldova, has offered some interesting data. This paper refers to the individuals discovered in that burial, all of female sex. In fact a more detailed analysis could be done upon two skeletons, as the third one was represented just by a single bone, a fragmentary left humerus. The first individual was a child of 12 years±30 months. The second one had the age of 18-21 years. Both individual were of Mediterranean type. On both skeletons, on different bones (right parietal and occipital on the skeleton 1, the right humerus and femur of the skeleton 2) could be identified traces of cutting with a sharp instrument, which, most probably, was a chisel, as shown by the measurement of some cut marks (9.82 mmx1.39 mm on the skull of the first individual and 8.94 mmx 2.55 mm upon the femur of the second individual). The first individual had the outline of a trepanation on its skull (with the largest diameter of 6.6 cm), surrounded by traces of a suppuration process, resulted from an infection on that spot and in other parts of the skull, but evidenced just on the ectocranial side of the skull. The taphonomic aspects have shown that on the first skeleton there were traces of its long stay in humid conditions, while on the humeri of the second individual there were paired traces of gnawing, most probably coming from a mouse, as they measured 5.22 mm from one end to the other. Besides, two non-metrical traits could be identified on the second skeleton. The first is the outline of a Wormian bone, that was preserved in the *lambda* point, and the second is a supratrochlear foramen, of oval shape, with smoothly sloped edges and dimensions of 7.87x5.09 mm, identified on the right humerus of the same individual. This trait was caused by either a hyperflexion of the elbow, or by a hyperextension of the arm, of course as a result of different activities, being in fact a functional adaptation of the arm skeleton. In this case we have a more rare variant, when the supratrochlear foramen is situated on the right humerus, as it usually manifests more frequently on the left humerus. We should also stress here that it appears more often with females.

We are facing an unusual burial, not only because of the missing parts in those analyzed skeletons, but also due to the presence of a special offering, represented by the bones of a hare, which is not a normal depositon for the female individuals. Most commonly, in such burials from the Trinca-Drumul Feteștilor necropolis the offering is represented by ovicaprine meat (together with bones).

Alexandra Comșa

Date antropologice referitoare la scheletele hallstattiene descoperite în tumulul III de la Trinca-Drumul Feteștilor, Republica Moldova

Studiul antropologic efectuat pe scheletele descoperite în mormântul nr. 1 din tumulul nr. 3 din necropola birituală hallstattiană de la Trinca-Drumul Feteștilor, Republica Moldova, a oferit o serie de date interesante. Această lucrare se referă la indivizii descoperiti în acel mormânt, toți fiind de sex feminin. De fapt, o analiză mai detaliată a putut fi efectuată doar pe două dintre schelete, dat fiind ca cel de al treilea a fost reprezentat doar printr-un humerus stâng fragmentar. Primul dintre indivizi a fost un copil de 12 ani±30 luni. Al doilea a avut vârsta de 18-21 ani. Ambii erau de tip mediteranoid. Pe ambele schelete (parietalul drept și occipitalul de la primul schelet, humerusul și femurul de pe partea dreaptă de la scheletul 2) au putut fi identificate urme de tăieturi efectuate cu un instrument ascuțit, care foarte probabil a fost o daltă, după cum o indică măsurătorile efectuate pe unele dintre tăieturi (9.82x1.39 mm pe craniul primului individ și 8.94x 2.55 mm pe femurul celui de-al doilea). Primul individ avea pe craniul său urmele unei trepanații (cu diametrul maxim de 6.6 cm). Conturul acesteia era însoțit de o

„bordură”, indicând prezența unui proces supurativ, datorat unei infecții apărute în acel loc și în altele, de pe craniu, dar evidențiate numai pe partea ectocranială a acestuia. Aspectele tafonomice identificate au evidențiat faptul că pe primul schelet apăreau urme ale unei șederi îndelungate într-un mediu umed, în timp ce pe al doilea – urme de rosături dispuse în perechi, foarte probabil provenind de la un șoarece, având în vedere că măsurau 5.22 mm de la un capăt la altul. În plus, două caractere non-metriche au fost identificate pe al doilea schelet. Primul era conturul unui os Wormian, care s-a păstrat în punctul *lambda*, iar al doilea era o perforație olecraniană, de formă ovală, cu pante line și dimensiuni de 7.87x5.09 mm, identificate pe humerusul drept al aceluiași individ. Această trăsătură este determinată fie de o hiperflexie a cotului, fie de o hiperextensie a brațului, desigur ca rezultat al diferitelor activități, fiind de fapt o adaptare funcțională a scheletului brațului. În acest caz, avem de a face cu o variantă mai rară, când perforația olecraniană este situată pe humerusul drept, dat fiind că ea apare mai frecvent pe cel stâng. Trebuie să subliniem și faptul că această formațiune apare mai des la sexul feminin.

Ne aflăm în fața unei înmormântări neobișnuite, nu numai datorită unor porțiuni lipsă din scheletele analizate, ci și din cauza prezenței unei ofrande deosebite, reprezentată de oase de iepure, care nu constituie o depunere normală în mormintele de femei. În mod obișnuit, în astfel de înmormântări din necropola de la Trinca-Drumul Feteștilor ofranda este reprezentată de carnea de ovicaprine (împreună cu oasele).

Александра Комша

Антропологические данные о галльштатских скелетах из кургана 3 у с. Тринка-Друмул Фетеșтилор, Республика Молдова

Антропологический анализ скелетов, обнаруженных в погребении 1, кургана 3 биритуального галльштатского некрополя у с. Тринка-Друмул Фетеșтилор, Республика Молдова, предоставил серию интересных фактов. В предлагаемой статье идет речь о трех индивидуумах из этого захоронения, все женщины. Точнее, был возможен детальный анализ только двух скелетов, так как от третьего сохранилась, фрагментарно, лишь левая плечевая кость. Первый индивидуум – это ребенок 12 лет±30 месяцев, второму было 18-21 год. Оба костяка медитерраноидного типа. На костях обоих скелетов (правая теменная и затылочная кости первого скелета и плечевая и бедренная кости правой части второго скелета) были обнаружены следы надрезов, нанесенных острым предметом, вероятнее всего долотом, как показывают обмеры некоторых надрезов (9.82x1.39 мм на черепе первого индивидуума и 8.94x 2.55 мм на бедренной кости второго). У первого индивидуума на черепе видны следы трепанации (с максимальным диаметром 6.6 мм). Ее контур сопровождался «бордюром», показывающим процесс нагноения из-за инфекции на том месте и в других местах на черепной коробке, но замеченных только на ее внешней поверхности. Обнаруженные тафonomические аспекты показали, что на костях первого скелета появлялись следы долгого нахождения в мокрой среде, в то время как на костях второго – следы попарно расположенных погрызов, вероятно мышинных, имея в виду, что их размер был 5.22 мм от одного конца до другого. Кроме этого, две неметрические характеристики были обнаружены на втором скелете. Первая – это контур вормиевых костей, который сохранился в точке *лямбда*, а вторая – надблоковое отверстие овальной формы, с нерезкими углублениями и размерами 7.87x5.09 мм, замеченные на правой плечевой кости того же индивидуума. Эта черта обусловлена либо гиперфлексией локтевого, либо гиперэкстензией плечевого суставов, что является конечно же результатом выполнения различных работ и функциональной адаптацией плечевого пояса. В этом случае, имеем дело с более редким случаем, когда надблоковое отверстие расположено на правой плечевой кости, тогда как чаще всего оно появляется на левой. Нужно подчеркнуть, что чаще это образование появляется у женщин.

Перед нами необычное захоронение, и не только из-за отсутствия частей анализируемых скелетов, но и исходя из необычной жертвенной пищи – кости кролика/зайца, которые не являются типичными для женских погребений. Как правило, в таких захоронениях некрополя Тринка-Друмул Фетеșтилор в качестве жертвенной пищи оставляли мясо овец или коз (вместе с костями).

Characteristics of the burial from the field

Tumulus no. 3 was the North-East extremity of the second line of tumuli situated in the proximity of the Trinca village from Republic of Moldova. This mound was not too prominent from the surrounding earth, having an elevation of 0.42 cm from the surface of the soil and a mantle partly destroyed, with a diameter of about 10 m, on its North-South axis. During the excavations it could be observed that a stone mantle has been raised right from the ancient level, subsequently being covered with earth. It comprised two big agglomerations of stones and a cenotaph burial. The first agglomeration had an outline made of big rocks (60x25x20 cm, 60x35x25 cm), while its central area was composed of much smaller stones, arranged in several layers.

Burial no. 1 was the main one, situated at the base of the mantle, on the ancient soil, in the North-Easteran part of the mound. Inside the pit could be found the disturbed remains of three individuals, about which, the author of the excavation considers that the „burial was mostly deteriorated, probably from a reinterment, or by looters” (Leviţchi 2006: 28).

Materials and methods

In the following lines, we will present the anthropological analysis carried out upon both skeletons discovered in Tumulus 3, Burial no. 1 from Trinca, as the third one was represented just by a humerus fragment. The differentiation between the first two individuals has been done by the morphoscopic observation of the bones, which had distinct dimensions for each skeleton. Regarding the third one, it could be noticed that the left humerus, even if fragmented, was already present for the first two mentioned individuals.

For the measurements and indices we have used the classical method introduced by R. Martin and improved later by K. Saller (Martin, Saller 1957: 429–597).

The age and sex of the individuals have been established according to the *Recommendations for Age and Sex Diagnoses* (Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1980: 517–549). It has been also used the scheme of Ubelaker regarding the development of dentition (Ubelaker 1978: 46–47).

Regarding the supratrochlear foramen we have used some of the specialized articles on this

topic (Nayak et alii 2008: 90–94; Hirsch 1928: 199–208; Mahajan 2004: 128–132).

Skeleton no. 1

It was represented just by the upper half of the body and a part of the left femur.

Skull

Most of this skeletal part could be reconstructed, but the basis, parts of the temporal and left parietal bones are still missing (Figs. 1-4). The forehead is an intermediate one and the parietal is curved. The glabella is of 2nd degree, while de external occipital protuberance is damaged. Most probably, the orbits had a rectangular outline, with rounded corners. The facial massif is missing. The temporal bones have been found separately and with destroyed mastoids. The mandible is in a rather good condition, excepting the ascending rami on both sides, that are partly destroyed (Figs. 5-7). In the alveoli there are still preserved the first molars of the permanent dentition and the second ones are erupted, but missing. The mental foramen is situated between P.1 and P.2. The mental eminence has the shape of a button and is not prominent.

Post-cranial skeleton

We should firstly notice the missing spine of this individual. From the rib cage just 11 fragmentary bones could be recovered. We could also find 2 fragments of the scapula and a phalanx. From the upper limbs we could identify the right humerus represented just by its diaphysis and the left one with the diaphysis and its distal end, without united epiphyses (Fig. 8). There were also found the proximal ends of the ulnae which are rather deteriorated, a small fragment from the left bone bearing green stains, most probably from a copper-made object. There were also found small bone pieces of radiuses, one of them with the partly deteriorated distal end.

The right coxal bone is also present (Fig. 9).

From the long bones of the lower limbs it was preserved just a part of the left femur, with the femoral neck and without the proximal epiphysis (Fig. 10).

Diagnosis of sex and age

Due to the gracility of the skeleton and weak muscle relief, we could assign the individual to the female sex.

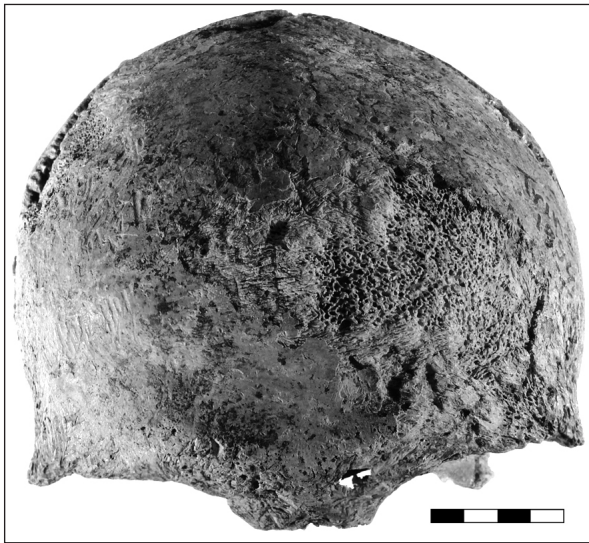

Fig. 1. Skeleton no. 1. Norma frontalis of the skull.

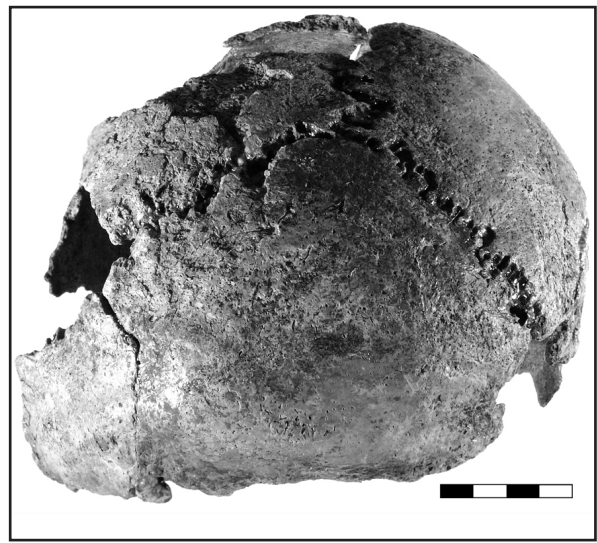

Fig. 2. Skeleton no. 1. Norma occipitalis of the skull.

Fig. 3. Skeleton no. 1. Norma lateralis of the skull.

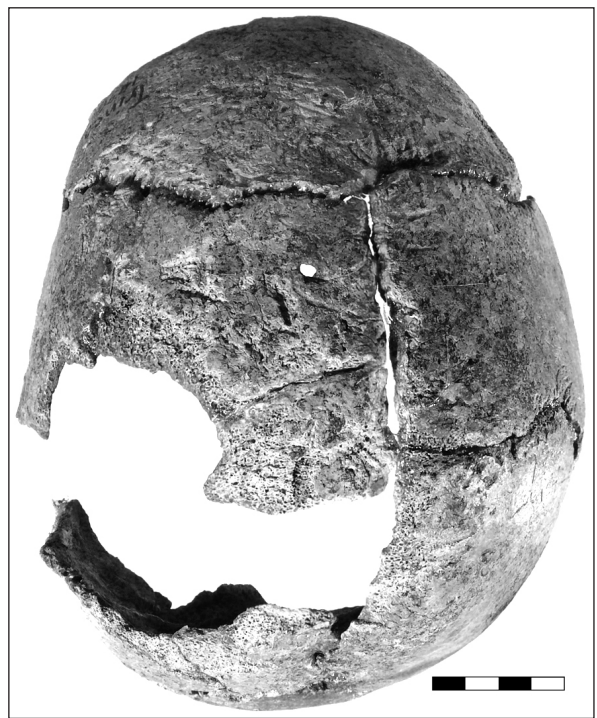

Fig. 4. Skeleton no. 1. Norma verticalis of the skull.

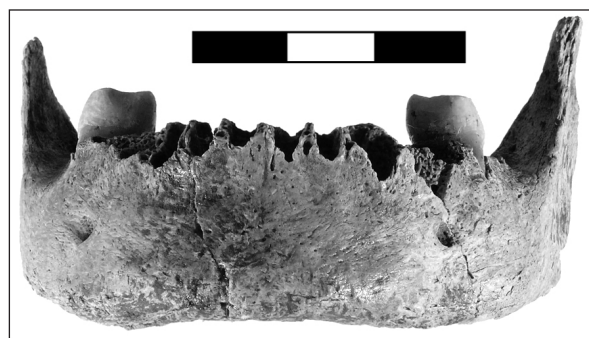

Fig. 5. Skeleton no. 1. Frontal view of the mandible in skeleton no. 1.

Fig. 6. Skeleton no. 1. Lateral view of the mandible.

Fig. 7. Skeleton no. 1. Upper view of the mandible.

Based upon the stage of fusion between the epiphyses and the diaphyses of the long bones, to which we also added the development of the permanent dentition by the scheme of Ubelaker, the age was assessed at 12 years \pm 30 months.

Typology

Given the stressed gracility of the skeleton and the slightly emphasized cranial relief, we can assume that the individual had mediterranean traits.

Pathology

In the middle of the left parietal bone there is the outline of a trephination, made with a sharp instrument (a knife?) (Fig. 11-12). The cutting edge is slightly oval and surrounded by a „border” that emphasized a suppuration pro-

Fig. 8. Bones of the upper limbs of skeleton no. 1.

cess which affected the bone on that spot, as well as another small area of the frontal bone and the left parietal, along the sagittal suture. This is mostly obvious on the ectocranial part of the mentioned parietal. Endocranially there were no traces of infection. The largest diameter of the opening area was of 6.6 cm. We should point out here that the trephination has

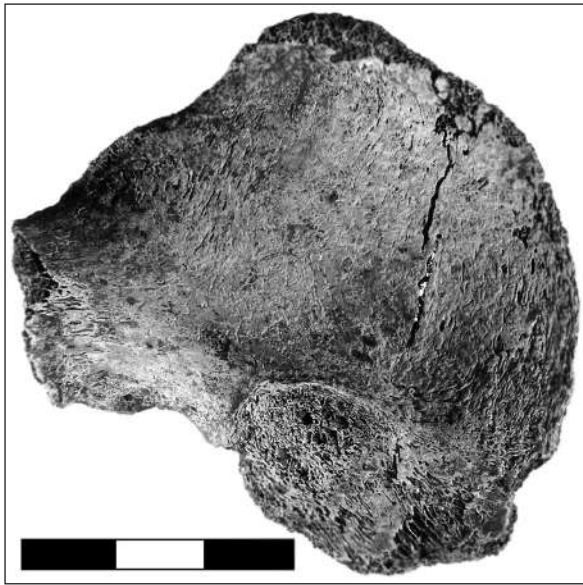

Fig. 9. Right coxal of the skeleton no. 1.

been done on a living person, fact which is accounted by the presence of the infection traces that created a „border”, following the outline of the trephination..

Anthropic interventions

On the skull of this individual, from place to place, on the right parietal and on the occipital, there are cut marks done with a sharp object (Fig. 13-14). On the occipital, where we could find a more clear such mark, we could determine its dimensions, which were of 9.82 mmx1.39 mm. We consider that the implement used for cutting was a kind of chisel, those edge could fit to the mentioned dimensions.

Taphonomic factors

On the skull of the individual could be observed mould stains of dark color, resulted from the long stay of this skeleton part in a humid environment.

Skeleton no. 2

Skull

It is more complete than the previous one. Part of the cranial vault could be reconstructed (Fig. 15-17) and fragments of both maxillaries are also present (Fig. 18-22). The mastoid processes have been partly damaged, but the re-

Fig. 10. Fragment of the left femur of skeleton no. 1.

maining sequence shows that their dimensions were not big. The area of the *glabella* is represented by a small fragment of the frontal bone, which points to its small development degree, but we cannot establish its size for sure. The canine fossa is of 2nd-3rd degree and the external occipital protuberance is of 1st degree (by Broca). Regarding the cranial indices, just the

Fig. 11. Trephination on the left parietal of the skeleton no. 1.

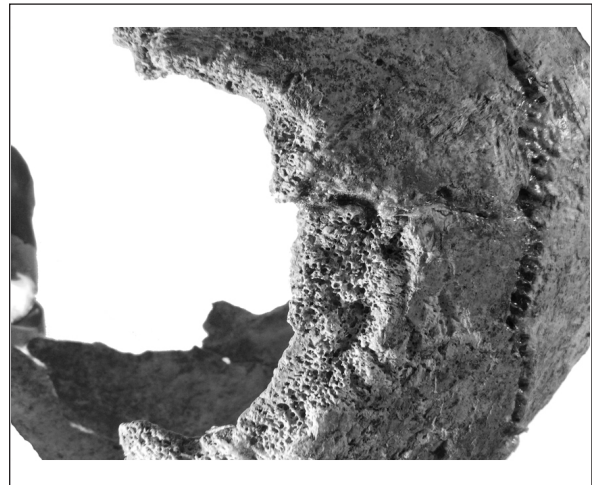

Fig. 12. Detail of the suppuration are around the trephination on the parietal of the skeleton no. 1.

Fig. 13. The skull of the skeleton no. 1 with traces of cutting marks.

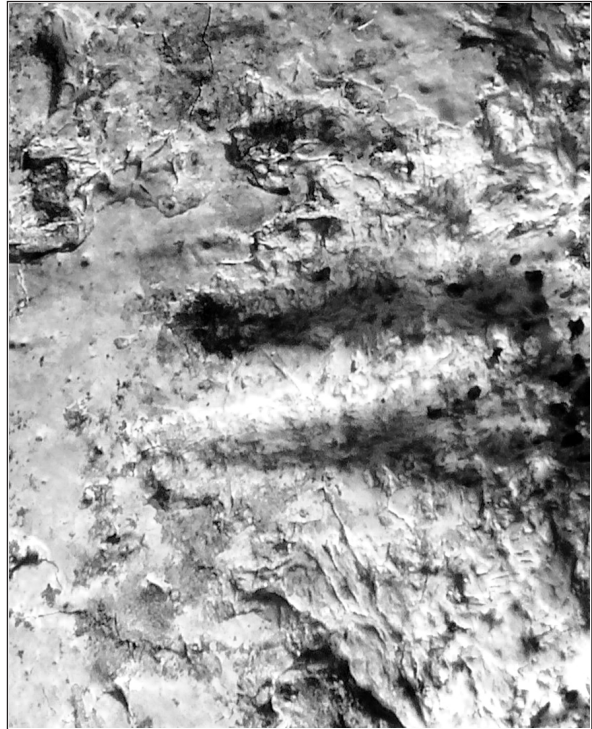

Fig. 14. Detail of the cutting marks on the right parietal of the skeleton no. 1.

porio-longitudinal one could be established. It belongs to the acrocranian category (93.2). The parietal has a medium curvature and the occipital is large.

The dental formula¹ of this individual is:

M3	M2	M1	P2	P1	C	I2	I1		I1	I2	C	P1	P2	M1	M2	M3
x	x	x	x				x		x		x		x	x	x	x
?	x	x	x	x	x	?	?		?	?		x		x	x	?
M3	M2	M1	P2	P1	C	I2	I1		I1	I2	C	P1	P2	M1	M2	M3

¹ The “x” it is used here to indicate the existing teeth.

Fig. 15. Skeleton no. 2. Norma verticalis of the skull.

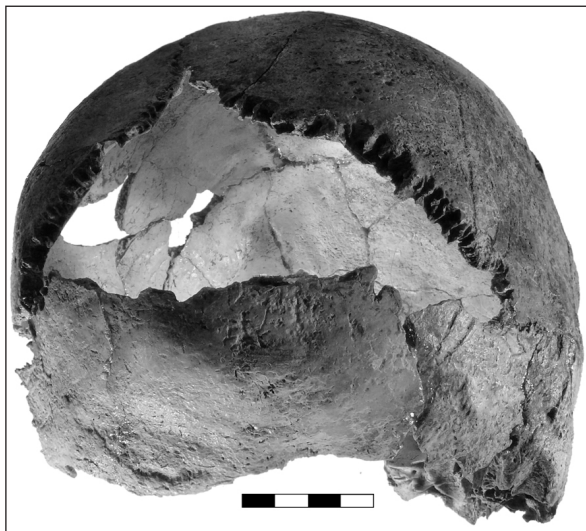

Fig. 17. Skeleton no. 2. Norma occipitalis of the skull.

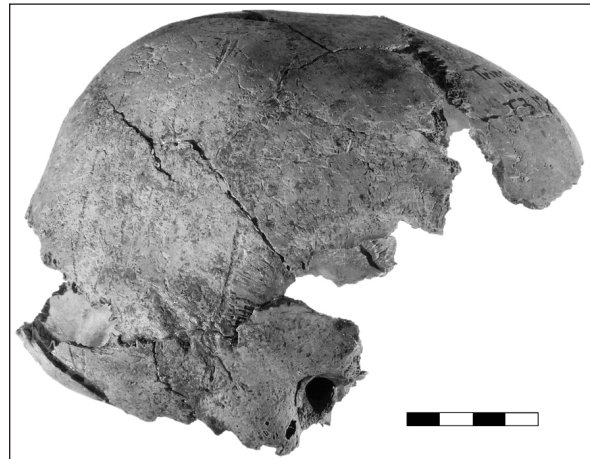

Fig. 16. Skeleton no. 2. Norma lateralis of the skull.

Fig. 18. Skeleton no. 2. Fragments of the facial massif.

Fig. 19. Left half of the palate in skeleton no. 2.

On the first premolar on the left demiarch of the mandible that could be found as a single tooth it could be observed that its root was parted into two, fact which is an archaic element (Fig. 23). Other isolated teeth were the upper canines and the upper 3rd molar on the right side of the maxilla.

Post-cranial skeleton

The spine is represented by the *atlas* and another cervical vertebra, two dorsal ones (Fig.

24) and three lumbar vertebrae, two of them with damaged bodies (Fig. 25).

There were also bones of the upper limbs (Fig. 26). The distal end of the right humerus is damaged and the proximal epiphysis is partly fused with the diaphysis of the bone. On the left humerus the distal epiphysis is united with the diaphysis. From the radius it was found part of the shaft and the proximal end with the suture line between the epiphyses and diaphysis still evident at places. From the ulnae could be found the pro-

Fig. 20. Skeleton no. 2. Frontal view of the mandible.

Fig. 22. Skeleton no. 2. Upper view of the mandible.

Fig. 21. Skeleton no. 2. Lateral view of the mandible.

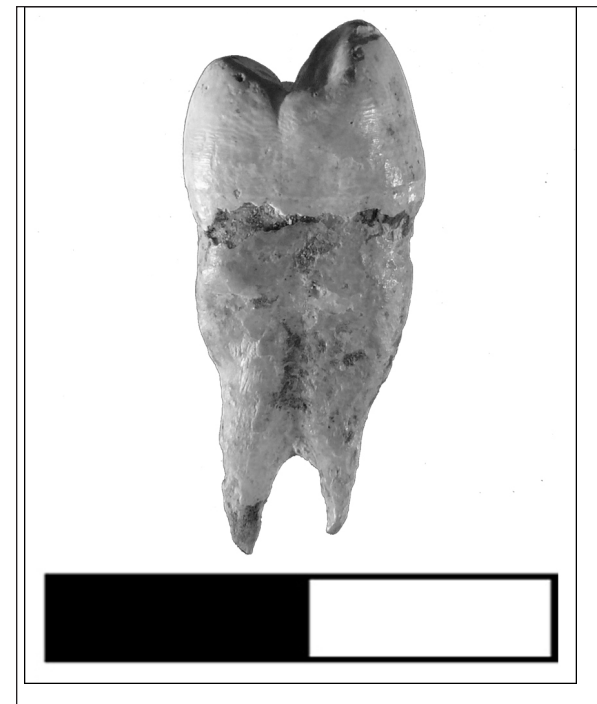

Fig. 23. First premolar with its root splitted in two distinct parts.

ximal ends and fragments of diaphyses, the left one with the epiphysis partly fused with the diaphysis of the bone, still existing an evident line between them. The coxal bones have their components merged with each other (Fig. 27). The facies of the pubic symphysis is missing.

About the lower limbs (Fig. 28), we could say the following:

On the right femur the proximal epiphysis is partly fused with the diaphysis of the bone, but the line between them is slightly visible, while on the left femur represented by part of the diaphysis and the distal end, the corresponding epiphysis was found separately. On the right femur the platimery index could be determined, which belongs to the hyperplatimery (65.52) category. On both

tibiae the proximal ends were partly fused and on the left bone it is also visible the line between them and the diaphysis. Their distal part is missing. Both tibiae belonged to the platimery category, with an index of 63.33 for the right one, respectively of 60.00 for the left one.

Such indices, both for the femur and tibia are determined by an intense use of the lower limbs.

Diagnosis of sex and age

Considering the assignment to a certain sex, we could mention here the weak cranial relief of this individual, the same like the large sciatic notch of the coxal bone, both specific to the female skeletons, therefore the individual has belonged to this sex.

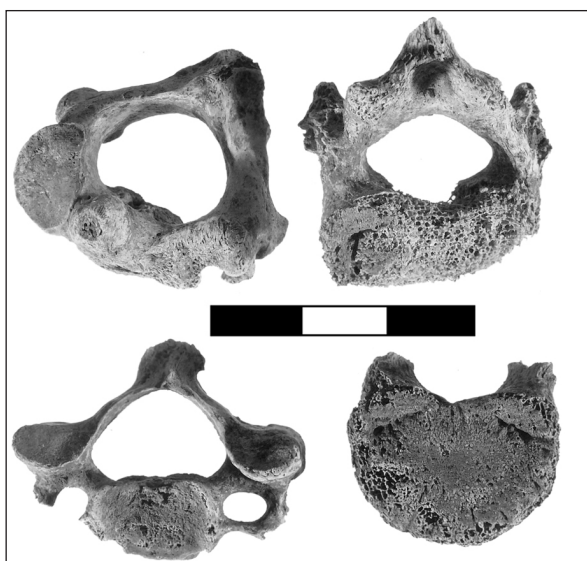

Fig. 24. Skeleton no. 2. Cervical and dorsal vertebrae of skeleton no. 2.

What is worth being mentioned here is the fact that, despite the fact that the 3rd molar was still growing, after its eruption from the alveolus, the individual could not be considered of an age around 15 years, as the eruption of this tooth is variable and conditioned by multiple factors. For this sequence of age (*juvenis*) the most important criterium is the union of the epiphyses with the diaphyses of the long bones (Ferembach, Schwidetzki, Stloukal 1980: 517–549). On the other hand, the fusion of the coxal bone components ends around the age of 18 years for both sexes and also the fusion of the diaphysis and epiphyses of some of the long bones. If we consider especially the distal ends of the tibiae that were also united with their diaphysis around the age of 18 years, we could have a rough idea about the age of this individual. Therefore, we consider that this skeleton had 18-21 years and the eruption of the 3rd molar might have been a little bit delayed.

Typology

As the individual is very gracile, with slightly outlined cranial relief and a slender mandible, we can consider that the respective skeleton had some Mediterranean traits.

Non-metric traits

On the right humerus of this individual it could be found a supratrochlear foramen, of oval shape, with smoothly sloped edges and dimensions of 7.87 x 5.09 mm (Fig. 29). This trait is mostly spe-

Fig. 25. The most complete lumbar vertebra of the skeleton no. 2.

Fig. 26. The bones of the upper limbs belonging to the skeleton no. 2.

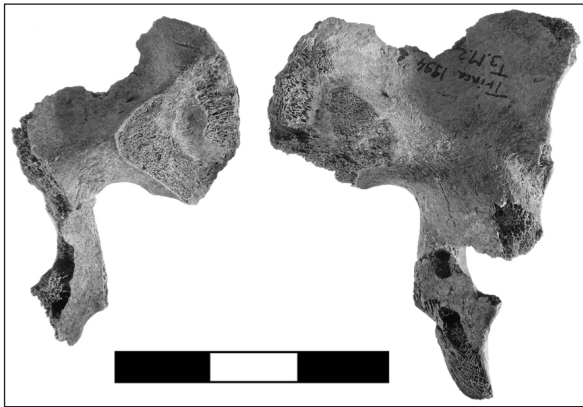

Fig. 27. Coxal bones of skeleton no. 2.

Fig. 28. Long bones of the lower limbs of skeleton no. 2.

cific to the female sex, and has been interpreted as the result of either a hyperflexion of the elbow, or of a hyperextension of the arm (Singhal, Rao 2007, 105–107; Koyun, Aydinluoglu, Gumrukaoglu 2011: 392–395; Mahajan 2004: 128–132), of course as a result of different activities, being in fact a functional adaptation of the arm skeleton. In this case, we have the usually more rare variant of supratrohlear foramen which is placed on the right

Fig. 29. Detail of the supratrohlear foramen on the right humerus of the skeleton no. 2.

humerus of the individual, as it usually appears more frequently on the left bone.

Another non-metric trait is the Wormian bone situated right in the *lambda* point on the skull of skeleton no. 2. Unfortunately, that formation is missing, but its outline remained delimited by the surrounding bones (Fig. 30).

Anthropic interventions

On the right humerus and femur on the same side (Fig. 31) clear traces of cutting could be observed, done with a sharp object. The implement used for doing those marks seems to be the same like the one that made the cuts on the skull of the first individual. One of the marks, that could be measured on the femur had 8.94 mmx 2.55 mm. The difference of dimensions between this mark and those on the skull of the first individual might have been determined by the use of the instrument by two different persons, as well as by a single one, in the latter

Fig. 30. Delimitation of the wormian bone in the lambda point of the skeleton no. 2.

case the movement of the instrument being determined by the shape of the bone and the quantity of flesh existing upon it. On the humerus there are also traces of gnawing.

Tafonomic factors

On both humeri of this individual it could be observed the presence of some paired traces of gnawing. These were marks of a rodent incisors, most probably a mouse, whose imprints measured 5.22 mm from one end to another, in one of the clearly visible cases.

Conclusions

The necropolis from *Trinca-Drumul Feteștilor* is a biritual one, containing both cremation and inhumation burials, in a proportion of 7:3. Usually, the inventory of the burials contains pottery for both sexes, therefore a characteristic which is not indicative for gender, weapons and harness pieces which are specific to the male individuals, while the adornments and toilet items are usually found in the women interments. Regarding the differences concerning the grave goods, this is not very clearly cut between individuals, as there are also male burials that contain adornments and women ones inside which weapons could be found. It is interesting to mention here the initial observation of the archaeologist Oleg Levițchi that the skeletons in Tumulus III has been disturbed, possibly by looters, or as a result of a reinhumation. In our opinion, given the presence of the adornments beside those individuals, the looters hypothesis could not be a valid one. To this we could also add the cutting marks existing on both skeleton. If we take into account the other archaeological finds of that

Fig. 31. Detail of the femur with cutting marks.

period, for instance those from the Babadag culture, or from Celic Dere (Simion 2003a: 237–246; 2003b: 247–258) in Romania, that are also dated in the Hallstatt period, we could see that they also include skeletons with missing parts and without anatomical connection. This seems to have been

a rather frequent funerary practice in that specific time span, when we are focused on Dobroudja, Moldova, or Republic of Moldova. We should not forget that those two skeletons are also missing some parts. Also, together with the bones of those two individuals it was also found a distal fragment of a left humerus, whose end is partly deteriorated laterally on both sides – skeleton 3 (Fig. 32). It is very gracile and has a supratrochlear foramen which is just outlined, the perforation being slightly visible. This bone could surely belong to a woman, whose age we could not establish, due to the lack of specific elements.

Another interesting argument for the unusual type of burial would be the animal offer-

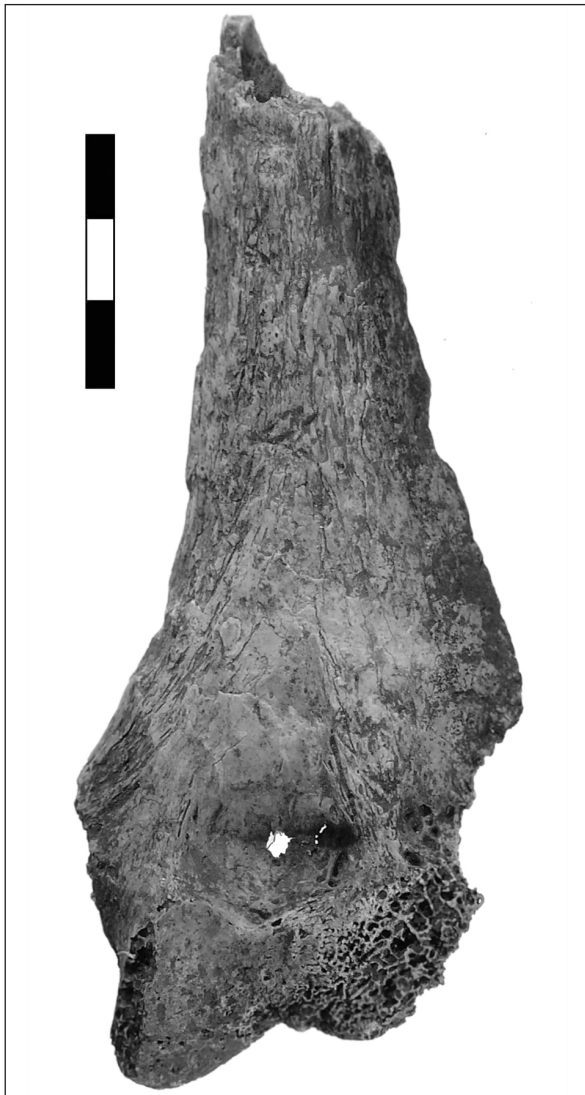

Fig. 32. The humerus fragment of the third individual in the burial from Trinca.

ring placed in the pit together with the human bones. According to the preliminary archeozoological study carried out by the archaeozoologist Georgeta El Susi, the animal bones found together with the skeletons belonged to a hare (Fig. 33). This was not a customary offering for the populations under study, as archaeologically it was established that in the women burials those communities normally used to put ovicaprine meat (together with bones). Therefore, this might have been a special burial, containing two young female individuals and a bone fragment from another one. To all these inferences we could add the important aspect regarding the cutting marks existing on some bones, which might point to a practice of excarnation. As such traces appeared on the skull of the first individual, as well as on the humerus and femur of the second individual, we could assume that the excarnation was obtained by a longer exposure of the body in a special place, with such a destination. When the specific „deadline” has passed for exposing the dead, probably part of the bones could be easily defleshed, while the respective femur and humerus, due to certain factors, could be not. This is why, the people intervened and cleaned the bones with an implement, in order to make possible the second burial of the individuals. To the special character of the burial we could also add the presence of the trephination on the left parietal of the girl aged at 12 years. This is not a regular practice and maybe, due to the infection, the respective individual has been „chosen” for being buried with the other young woman, in a ritual context.

By the analysis of the grave goods (bitruncated vessel, truncated dish, corrodated iron objects, 2 bronze pins, 16 glass beads, bronze earring, animal bones) (Leviţchi 2006: 28) discovered in the tumular necropolis from *Trinca-Drumul Feteştilor*, it could be reached the conclusion that the burial had the main features specific to the Late Hallstatt period – Early Scythian, from the region situated between the Danube and Dniepr. Most cemeteries of this type have clear analogies with the neighboring regions, namely the basin of the Middle Dniepr and the Rădăuţi depression, where used to live populations that formed the Western Podolian and Moldavian-Podolian groups. On the other hand, the cemetery from *Trinca-Drumul Feteştilor*, distinguished itself from the others by its small tumuli used for

interments, with the mantle constructed of rocks, stones and earth, the large oval pits that served for the cenotaphs, the two types of inventory, one category being covered by the stone mantle and the other placed outside of it. These characteristics make it closer to the group of Ferigile-Bârsești from the region of the southern Carpathians and their curvature region. On the other hand, the necropolis from Trinca-Drumul Feteștilor, also includes scarce elements specific to the Scythians, like: wooden and stone constructions on the ancient soil, the grouping of such elements inside the

necropolis, the incomplete cremations, the small number of burials that contained weapons and adornments, on the other hand missing the animal ornamental motifs. Considering these elements, the archaeologist Oleg Levițchi who excavated at Trinca-Drumul Feteștilor, has concluded that the mentioned necropolis has more features that are most specific to the Hallstatt period than those characteristic to the Scythians (Levițchi 2006: 112–113). Based on the skeletons analyzed here, we cannot add too much further information, given their poor condition.

Table no. 1. Cranial measurements and indices for the skeletons discovered in the tumulus III from Trinca

		T.3.Sk.1	T.3.Sk.2
Nr. Martin	Measurements / Indices		
1	g-op	165	
2	g-l	155	
3	g-i	152	
8	eu-eu		117
9	ft-ft	85	
10	co-co	100	96
11	au-au		100
12	ast-ast		94
20	po-b	119	109
23	Horizontal circumference	492	482
24	po-po		310
26	n-b	120	
27	b-l	130	130
28.1	l-i	60	17
29	n-b	104	
30	b-l	111	116
31.1	l-i	61	57
	l-op	39	46
66	go-go	81	86
68	Depth of the mandible	55	75
69	id-gn	23	
69.1	Height at the level of the mental foramen	22	27
69.3	Breadth at the level of the mental foramen	10	9

70.	Height of the ascending ramus		44
70 (3)	Height of the mandibular notch		7
71.	Breadth of the ascending ramus		30
71 (1)	Breadth of the mandibular notch		27
79.4	Basal angle	76	62
79.3	Angle of the ascending ramus	139	122
79.4	Mental angle	70	69
Indices			
	20/1 porio-longitudinal index	72.1	
	20/8 porio-transversal index		93.2
	9/10 fronto-transversal index	85.0	
	9/8 fronto-parietal index		80.3
	27/26	108.3	
	29/26 fronto-sagittal index	86.7	
	30/27 parietal curvature index	85.4	89.2
	31.1/28.1	101.7	
	l-op/l-o	65.0	
	69.3/69.1	45.5	
	68/66	67.9	
	71/70		68.2
	69.3/69.1		33.3
	68/66		87.2
	70.3/71.1		25.9

Table no. 2. Dimensions of the right femur of skeleton no. 2 from Trinca

No. Martin	Measurements/indices	T3.Sk.2
8a	Upper antero-posterior diameter	19
9a	Upper transversal diameter	29
	Platicnemy index	65.52

Table no. 3. Dimensions of the left tibia belonging to the Skeleton no.2 from Trinca

No. Martin	Measurements/indices	T3.Sk.2 dreaptă	T3.Sk.2 stângă
9	Upper antero-posterior diameter	31	30
10	Upper transversal diameter	19	18
	Platimery index	63,33	60.00

Bibliography

- Ferembach D., Schwidetzki I., Stloukal M. 1980. Recommendations for Age and Sex Diagnoses in Skeletons. *Journal of Human Evolution* 9, 517–549.
- Hirsch I.S. 1928. On a Foramen in the Lower Extremity of the Humerus. *Radiology* 10 (3), 199–208.
- Koyun N., Aydinluoglu A., Gumrukaoglu Fatma Nur 2011. Aperture in coronoid-olecranon septum: A radiological evaluation. *Indian Journal of Orthopaedics* 45 (5), 392–395.
- Levițchi O. 2006. *Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca-“Drumul Feteștilor”*. Iași.
- Mahajan A. 2004. Supratrohlear foramen. Study of Humerus in North Indians. *Professional Medicine Journal* 18 (1), 128–132.
- Martin R., Saller K. 1957. *Lehrbuch der Anthropologie*. Stuttgart, 429–597.
- Nayak S.B., Das S., Krishnamurthy A., Prabhu L.V., Potu B. K., 2008. *Supratrohlear formamen of the humerus. An anatomico-radiological study with clinical implications*. *Upsala Journal of Medical Sciences* 14 (2), 90–94.
- Simion G. 2003a. *Tombes tumulaire dans la nécropole de Celic Dere*, in G. Simion, *Culturi antice în zona gurilor Dunării*, Vol. 1. Preistorie și protoistorie. Cluj-Napoca, 237–246.
- Simion G. 2003b. *Gètes et Scythes aux Bouches du Danube*, in G. Simion, *Culturi antice în zona gurilor Dunării*, Vol. 1. Preistorie și protoistorie. Cluj-Napoca, 247–258.
- Singhal S., Rao V. 2007. Supratrohlear foramen of the humerus. *Anatomical Sciences International* 62, 105–107.
- Ubelaker D.H. 1978. *Human Skeletal Remains, Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago.

Alexandra Comșa, dr. în antropologie preistorică, Centrul de Tracologie al Institutului de Arheologie „Vasile Parvan”, Calea 13 Septembrie nr. 13, sector 5, București, România; e-mail: alexcomsa63@yahoo.com

**LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ –
LIST OF ABBREVIATION**

AAC	Acta Archaeologica Carpathica, Kraków / L'viv
Acta Seculica	Székely Nemzeti Múzeum (Muzeul Național Secuiesc), Sfântul Gheorghe
AM	Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iași
AMNAIM	Arhiva Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
AMP	Acta Musei Porolissensis, Zalău
Analele Banatului	Muzeul Banatului, Timișoara
Angustia	Revista Angustia, Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Unirii, Alba Iulia
Archaeologia Polski	Instytut Archeologii i Etnologii, Warszaw
Archaeometry	Archaeometry, Oxford
Argessis	Argessis. Studii și comunicări, Istorie. Muzeul Județean Argeș
BA	Biblioteca de Arheologie
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassensis, Institutul de Arheologie, Iași
BPS	Baltic-Pontic Studies, Poznań
BAM	Bibliotheca Archaeologica Moldaviae, Iași
Banatica	Muzeul Banatului Montan, Reșița
BAR	British Archaeological Reports, Oxford
BB	Bibliotheca Brukenthal, Sibiu
BHAB	Bibliotheca Historica et Archaeologica Banatica, Timișoara
Buridava	Muzeul Județean „Aurelian Sacerdoțeanu”, Vâlcea
Carpica	Carpica, Muzeul Județean de istorie „Iulian Antonescu”, Bacău
CercArh	Cercetări Arheologice, Muzeul Național de Istorie a României, București
CercArh Buc	Cercetări Arheologice în București, București
CAANT	Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă, București
CCAR	Cronica cercetărilor arheologice din România, București
CCBD	Culture et Civilisation au Bas Danube
CCDJ	Cultură și Civilizație la Dunărea de Jos, Tulcea/Călărași
CI	Cercetări Istoric, Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași
Codrul Cosminului	Analele Științifice ale Universității «Ștefan cel Mare», Suceava
Crisia	Crisia, Muzeul Țării Crișurilor, Oradea
Dacia	Dacia, Recherches et Découvertes Archeologiques en Roumanie, București, I (1924)–XII (1948). Nouvelle Série: Revue d'Archéologie et d'Histoire Ancienne, București
Drobeta	Muzeul Regiunii Porților de Fier, Drobeta-Turnu Severin
EA	Eurasia Antiqua, Berlin
Ecoterra	Institutul de Cercetare-Dezvoltare Tehnologii și Echipamente pentru Protecția Mediului, Bistrița
EN	Ephemeris Napocensis, Cluj-Napoca
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
Evropeiskaia Sarmatiia	Culegere de articole consacrată lui M.B. Shchukin
FA	Fasti Archaeologici, Firenze
FolArch	Folia Archaeologica. Annales Musei Nationalis Hungarici, Budapest
Germania	Germania, Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts, Mainz am Rhein
Hierasus	Hierasus, Muzeul Județean Botoșani, Botoșani
IA	Inventaria archaeologica. Corpus des ensembles archéologiques
MA	Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie, Piatra-Neamț
MCA	Materiale și Cercetări Arheologie, București
PAS	Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, München/Kiel
PBF	Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart
Peuce	Peuce. Studii și cercetări de istorie și arheologie, Tulcea
Pontica	Pontica, Muzeul de Istorie Națională și Arheologie, Constanța

Przegląd Archeologiczny	Instytut Archeologii i Etnologii, Wrocław
RA	Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chişinău
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica, Universitatea „Al.I. Cuza”, Iaşi
Sargetia	Muzeul Civilizației Dacice și Romane, Deva
SCGG	Studii și Cercetări, Geologie-Geografie, Bistrița
SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
SlovArch	Slovenská Archeologia, Bratislava
Sprawozdania Archeologiczne	Instytut Archeologii i Etnologii, Kraków
Stratum plus	Stratum plus, Școala Antropologică Superioară, Chişinău
Studia	Studia-Bibliotheca Cvmidavae, Muzeul Județean de Istorie, Braşov
Suceava	Suceava. Studii și Materiale, Anuarul Muzeului Județean Suceava, Suceava
SympThrac 7	Symposia Thracologica 7, Tulcea
SZ	Studijné Zvesti, Nitra
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica, Institutul Român de Tracologie, București
Tyragetia	Tyragetia, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Chişinău
AA	Археологический альманах, Донецк
AB	Археологические Вести, Санкт-Петербург
ABEC	Археология Восточно-Европейской степи, Саратов
ADU	Археологічні дослідження в Україні, Київ
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
AKM	Археологическая карта Молдавии, Кишинев
АО	Археологические открытия в СССР, Москва
АП	Археологічні пам'ятки, Київ
ВГУ	Воронежский Государственный университет, Воронеж
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры, Киев
IA NANU	Институт археології Національної академії наук України, Київ
ИИМК	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Москва-С.Петербург
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР	Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Государственного Археологического Музея, Одесса
МАСП	Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Одесса
МДАПВ	Материалы і дослідження по археології Прикарпаття і Волині, Київ
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАР	Материалы и исследования по археологии России. Москва
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України, Київ
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины, Киев
ПАВ	Петербургский археологический вестник, Санкт-Петербург
РА	Российская археология, Москва
РАЕ	Российский археологический ежегодник, Санкт-Петербург
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
Slovenska Archeologia	Archeologický ústav SAV, Nitra
ССПК	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму, Запорожжє
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград
ТМАЭ	Труды Марийской археологической экспедиции

REVISTA ARHEOLOGICĂ, serie nouă, vol. IX, nr. 1

Redactare: Oleg Levițki, Larisa Ciobanu, Nicolai Telnov, Svetlana Reabțeva, Vlad Vornic. Machetare computerizată: Renata Rață. Bun de tipar: 28.12.2012. Formatul 60x84 1/8. Coli de tipar: 23,25. Tiraj 200 ex. SRL "Garomont Studio", MD-2065, Chișinău, str. Ion Creangă, 1. Tel. 022 50-86-16.